UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00309275 6

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

84
4113/447
135

Грав В. Матэ
1811

ПУШКИНСКІЙ СБОРНИКЪ

(въ память столѣтія дня рожденія поэта)

съ офортомъ профессора В. В. МАТЭ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д 13
1899

LIBRARY
SEP 6 1968
UNIVERSITY OF TORONTO
PG
3352
P87

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Отъ редакціи I
Письмо Пушкина V
Примѣчаніе къ письму Пушкина **Л. Н. Майкова**. VI

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ПОЭЗІЯ.

Абаза, Н. Н. Отголоски 23
Аверкіевъ, Д. В. Изъ «Федры» Расина 57
Allegro. Два стихотворенія 139
Амфитеатровъ, А. В. Изъ драмы «Понція» 146
Афанасьевъ, Л. Н. Два стихотворенія 92
Бальмонтъ, К. Д. Три стихотворенія 72
Барятинскій, кн. В. В. Семь переводовъ изъ Пушкина на франц. языкѣ. 94
Быковъ, П. В. Въ сумеркахъ 135
Величко, В. Л. Пять стихотвореній 215
Вуичъ, Н. Е. На смерть Пушкина 607
Гиппіусъ, З. Н. Два стихотвренія 70
Голенищевъ-Кутузовъ, гр. А. А. Три стихотворенія 11
Дворжецкій, К. Надъ могилой 186
Ковалевскій, П. М. Два стихотворенія 18
Коринфскій, А. А. О сѣверномъ лѣсѣ 205
К. Р. Изъ трагедіи Шекспира «Гамлетъ» 1
Кругловъ, А. В. Стихотвореніе 85
Лебедевъ, В. П. Въ Боржомѣ 76
Лихачевъ, В. С. Изъ ком. Ренара «Единственный наслѣдникъ» . . . 104
Лохвицкая, М. А. Два стихотворенія 48
Луговой, А. А. Отрывокъ 26
Льдовъ, К. Н. Три стихотворенія 190
Мазуркевичъ, В. А. Три стихотворенія 182
Мережковскій, Д. С. Stabat Mater 44
Минскій, Н. М. Искушеніе 34
Михаловскій, Д. Л. Старый возъ 16
Михневичъ, А. П. Изъ драмы «Смерть Пушкина» 194
Никифоровъ, Н. К. Стихотвореніе 188
Порфировъ, П. Ѳ. Сказка 87
Ремезовъ, М. Н. Изъ пьесы «Ксенія Годунова» 29
Случевскій, К. К. Поверженный Пушкинъ 241
Соколовъ, Н. М. Недобрыя очи 126

СТРАН.
Сологубъ, Ѳ. К. Зоря-Зоряница 51
Трефолевъ, Л. Н. Нива 21
Фидлеръ, Ѳ. Ѳ. Vom Fisher und dem Fishlein 225
Фофановъ, К. М. Стихотвореніе 232
Цертелевъ, кн. Д. Н. Два стихотворенія 46
Черемисиновъ, П. Н. «Правда» (изъ Прюдома) 140
Чюмина, О. Н. Умершая любовь 54
Шуфъ, В. Юморески 235
Щепкина-Куперникъ, Т. Л. Поэзія 133

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПРОЗА.

Авенаріусъ, В. П. Вечеръ въ редакціи 291
Баранцевичъ, К. С. Спасенный 327
Билибинъ, В. В. Шутливая замѣтка 484
Боборыкинъ, П. Д. Въ тѣни оливъ 282
Будищевъ, А. Н. Собачья жизнь 353
Василевскій, И. Ѳ. 633
Веселовскій, Ю. Поэзія Пушкина въ преддверіи Азіи 651
Волконскій, кн. М. Н. О-Сшька-Санъ 392
Герасимовъ, П. На поле брани! 590
Гнѣдичъ, П. П. «Минувшихъ дней очарованье» 622
Голицынъ-Муравлинъ, кн. Д. П. Задача 301
Грибовскій, В. М. На лѣстницѣ 609
Добротворскій, В. А. У памятника Пушкина 574
Елецъ, Ю. Л. На броненосцѣ у береговъ Крита 360
Загуляевъ, М. А. Изъ др. «Королева Анна Ярославна» 335
Кайгородовъ, Д. Н. На деревенской рѣчкѣ 491
Кульманъ, Н. К. Указатель Пушкинской юбилейной литературы . . 673
Лейкинъ, Н. А. Комиссія 417
Марковъ, А. Германская литература о Пушкинѣ 636
Михайловскій (Гаринъ), Н. К. Антипкина смерть 579
Мордовцевъ, Д. Л. Бой на Невѣ 615
Муравьевъ, М. В. Родословіе Пушкина 651
Накко, Ольга. Дни молодости 517
Подвысоцкій, Н. В. Изъ моихъ воспоминаній 586
Позняковъ, Н. И. Прекрасная заря 571
Полевой, П. Н. Вѣсточка издалека 511
Потапенко, И. Н. Вечеръ 552
Потѣхинъ, А. А. 60 лѣтъ назадъ 267
Пушкинъ въ переводѣ на халдейскій языкъ 669
Соловьевъ, М. П. Изъ Неаполя въ Баръ-Градъ 307
Сыромятниковъ (Сигма), С. Н. Кисэна 428
Сысоевъ, В. Пушкинъ у мужика 582
Сѣверцовъ, Г. Г. Кровавый цвѣтокъ 503
Тихоновъ, Влад. А. Крестьянка-барышня 400
Худекова, Над. А. Три царя 498
Чеховъ, Ант. П. Происшествіе 410
Шабельская, А. С. По узенькой дорожкѣ 474
Шараповъ, С. Ѳ. Аксаковъ и Тургеневъ о Пушкинѣ 631
Щегловъ, (Леонтьевъ), В. Л. Жена Пентефрія 452
Ясинскій, І. І. Деревья-вампиры 324
Юрьинъ, Н. Н. Жена и дѣти 380

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Осенью, на обьдь беллетристовъ, возникла мысль — издать ко дню столътія рожденія Пушкина Сборникъ, посвященный его имени, и весь доходъ съ него передать на устройство въ селъ Михайловскомъ, или близъ Святогорскаго монастыря, благотворительнаго учрежденія въ память поэта. Мысль эта, поданная А. В. Амфитеатровымъ, на слѣдующемъ обьдь явилась уже близкой къ осуществленію: было сообщено, что А. С. Суворинъ предлагаетъ произвести безплатно всю типографскую работу, — и изъ числа присутствующихъ закрытой баллотировкой было избрано три редактора: П. П. Гнѣдичъ, Д. Л. Мордовцевъ и К. К. Случевскій, кандидатами къ нимъ — А. В. Амфитеатровъ и Н. Н. Каразинъ, а секретаремъ редакціи В. М. Грибовскій, которымъ и была поручена организація Сборника.

Исполняя возложенную на нее обязанность, редакція оповѣстила черезъ газеты авторовъ, желающихъ принять участіе въ Сборникѣ, — о томъ, куда и какъ присылать рукописи. Собираясь, по мѣрѣ надобности, редакція имѣла

двадцать засѣданій, для разбора массы поступившаго на ея усмотрѣніе матеріала. Изъ числа присланнаго, помѣщены произведенія слѣдующихъ лицъ: Въ отдѣлъ поэзіи: К. Р., Аверкіева, Абаза, Allegro, Амфитеатрова, Афанасьева, Бальмонта, князя Барятинскаго, Быкова, Величка, Вунча, г-жи Гиппіусъ, графа Голенищева-Кутузова, Дворжецкаго, Ковалевскаго, Коринфскаго, Круглова, Лебедева, Лихачова, Лохвицкой, Льдова, Мазуркевича, Мережковскаго, Минскаго, Михаловскаго, Михневича, Никифорова, Порфирова, Ремезова, Случевскаго, Соколова, Солоуба, Тихонова (Лугового), Трефолева, Фидлера, Фофанова, князя Цертелева, Черемисинова, Чюминой, Шуфа и Щепкиной-Куперникъ. Въ отдѣлъ прозы: Авенаріуса, Баранцевича, Билибина, Боборыкина, Будищева, Василевскаго, Весловскаго, Вентцеля (Юрьина), князя Волконскаго, Герасимова, Гнѣдича, князя Голицына, Грибовскаго, Доброторскаго, Ельца, Загуляева, Кайгородова, Кульмана, Лейкина, Майкова, Маркова, Михайловскаго, (Гарина), Мордовцева, Муравьева, Накко, Подвысоцкаго, Познякова, Полевого,

Потапенка, Потѣхина, М. Соловьева, Сѣверцова, Сысоева, Сыромятникова (Сиимы), Влад. Тихонова, Худековой, Ант. Чехова, Шабельской, Шарапова, Щеглова и Ясинскаго.

Желая дать въ Сборникѣ безусловно хорошій портретъ Пушкина, редакція обратилась къ извѣстному офортисту — профессору гравированія В. В. Матэ съ предложеніемъ исполнить на мѣди крѣпкой водкой (l'eau forte) копію съ портрета Кипренскаго. В. В. Матэ любезно согласился безвозмездно исполнить этотъ трудъ, и блистательно выполнилъ задачу: приложенный портретъ, по мнѣнію знатоковъ, едва ли не лучшее изображеніе великаго поэта.

Откликнулись на дѣло изданія и другія лица: писчебумажная фабрика Варгуниныхъ нашла возможнымъ скинуть значительный процентъ съ платы за бумагу,—а переплетчикъ г. Гаевскій сдѣлалъ крупную скидку съ цѣнности за переплеты какъ велневыхъ, такъ и простыхъ экземпляровъ, и безплатно брошюровалъ всё изданіе. Выше уже замѣчено, что типографія А. С. Суворина безвоз-

мездно исполнила весь трудъ печатанія большого тома, въ количествѣ 4400 экземпляровъ. — Редакція считаетъ пріятной обязанностью поблагодарить жертвователей за столь крупные вклады.

Когда часть Сборника была уже напечатана, собраніе беллетристовъ на февральскомъ обѣдѣ, въ виду нѣкоторыхъ измѣнившихся обстоятельствъ, постановило — сборъ со Сборника пожертвовать на памятникъ Пушкину въ Петербургѣ.

П. П. Гнѣдичъ.
Д. Л. Мордовцевъ.
К. К. Случевскій.

ПИСЬМО А. С. ПУШКИНА

НАДЕЖДѢ АНДРЕЕВНѢ ДУРОВОЙ *).

(1836 г.).

Очень васъ благодарю за ваше откровенное и рѣшительное письмо. Оно очень мило, потому что носитъ вѣрный отпечатокъ вашего пылкаго и нетерпѣливаго характера. Буду отвѣчать вамъ по пунктамъ, какъ говорятъ подъячіи.

1) Записки ваши еще переписываются. Я долженъ былъ ихъ отдать только такому человѣку, въ которомъ могъ быть увѣренъ. Отъ-того дѣло и замѣшкалось.

2) Государю угодно было быть моимъ цензоромъ; это правда; но я не имѣю права подвергать его разсмотрѣнію произведенія чужія. Вы, конечно, будете исключеніемъ, но для сего нуженъ предлогъ, и о томъ-то и хотѣлось мнѣ съ вами переговорить, дабы скоростью не перепортить дѣла.

3) Вы со славою перешли одно поприще; вы вступаете на новое, вамъ еще чуждое. Хлопоты сочинителя вамъ не понятны. Издать книгу нельзя въ одну недѣлю; на то требуется по крайней мѣрѣ мѣсяца два. Должно рукопись переписать, представить въ цензуру, обратиться въ типографію, и проч., и проч.

4) Вы пишите мнѣ: дѣйствуйте, или дайте мнѣ дѣйствовать. Какъ скоро получу рукопись переписанную, тотчасъ и начну. Это не можетъ и не должно мѣ-

*) Письмо это доставлено чрезъ посредство П. А. Сергѣенка, которому редакція Сборника приноситъ искреннюю благодарность.

шать вамъ дѣйствовать съ вашей стороны. Моя цѣль—доставить вамъ какъ можно болѣе выгоды и не оставить васъ въ жертву корыстолюбивымъ и не исправнымъ книгопродавцамъ.

5) Ѣхать къ Государю на маневры мнѣ невозможно по многимъ причинамъ. Я даже думалъ обратиться къ нему въ крайнемъ случаѣ, если цензура не пропуститъ вашихъ записокъ. Это объясню я вамъ, когда буду имѣть счастіе васъ увидѣть лично.

Остальные 500 рублей буду имѣть вамъ честь доставить къ 1-му іюлю. У меня обыкновенно (какъ и у всѣхъ журналистовъ) платежъ производится только по появленіи въ свѣтъ купленной статьи.

Я знаю человѣка, который охотно купилъ бы ваши записки; но, вѣроятно, его условія будутъ выгоднѣе для него, чѣмъ для васъ. Во всякомъ случаѣ, продадите ли вы ихъ, или будете печатать отъ себя, всѣ хлопоты изданія, корректуры, и проч.—извольте возложить на меня. Будьте увѣрены въ моей преданности и ради Бога не спѣшите осуждать мое усердіе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь,

вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ.

PS. На дняхъ выйдетъ 2-й № Современника. Тогда я буду свободнѣе и при деньгахъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПИСЬМУ ПУШКИНА

Л. Н. Майкова.

Письмо это получено редакціей «Пушкинскаго сборника» не въ подлинникѣ, а въ старой, четко переписанной копіи; тѣмъ не менѣе, сомнѣваться въ его достовѣрности и подлинности нѣтъ никакихъ основаній. Кто нѣсколько знакомъ съ перепиской Пушкина, легко узнаетъ здѣсь характерныя черты его *дѣловой* корреспонденціи.

Письма Пушкина, безъ сомнѣнія, одно изъ удивительнѣйшихъ проявленій его генія. Чуждыя всякой искусственности, всякаго сочиненія,

они поражаютъ разнообразіемъ своихъ особенностей: тѣ изъ нихъ, которыя писаны къ женѣ или друзьямъ, отличаются горячностью чувства, задушевностью, порывистою откровенностью и нерѣдко блескомъ остроумія; другія же письма, обращенныя къ лицамъ офиціальнымъ или по крайней мѣрѣ мало знакомымъ поэту, по преимуществу носятъ на себѣ печать ясности и благородной простоты выраженія; Пушкинъ умѣетъ въ нихъ быть привѣтливъ и пріятенъ, отмѣнно учтивъ и даже, когда нужно, почтителенъ, но рѣшительно никогда не впадаетъ въ приторную любезность и всегда умѣетъ избѣжать сухости, если только не ставитъ себѣ цѣлью быть сухимъ. Эти-то письма второго типа мы и называемъ дѣловыми и къ числу ихъ причисляемъ то, которое здѣсь напечатано.

Оно поражаетъ прежде всего тѣмъ, что лишено обычной въ началѣ привѣтственной формулы. Дѣло объяснится, если мы скажемъ, что оно обращено къ лицу, къ которому Пушкинъ примѣнялъ латинское выраженіе: «modo vir, modo foemina», и которое извѣстно въ литературѣ подъ именемъ «кавалериста-дѣвицы»; такая особа дѣйствительно находилась въ военной службѣ, и съ 1808 по 1815 годъ,— сперва гусарскимъ юнкеромъ, а потомъ корнетомъ,— совершила всѣ славныя кампаніи того времени.

Еще въ августѣ 1835 года Пушкинъ получилъ письмо, въ которомъ нѣкто Александровъ предлагалъ ему купить его, Александрова, записки. «Прекрасное перо ваше» — было сказано въ этомъ письмѣ — «можетъ сдѣлать изъ нихъ что-нибудь весьма занимательное для вашихъ соотечественниковъ, тѣмъ болѣе, что происшествіе, давшее поводъ писать ихъ, было нѣкогда предметомъ любопытства и удивленія». Нѣтъ сомнѣнія, Пушкинъ легко понялъ смыслъ этого намека и немедленно догадался, что подъ именемъ Александрова слѣдуетъ разумѣть Надежду Андреевну Дурову, съ чудакомъ-братомъ которой ему случилось познакомиться въ 1829 году на пути съ Кавказа. Какъ бы то ни было, съ 1835 года между кавалеристомъ-дѣвицей и поэтомъ завязалась переписка, предметомъ которой были записки первой. Рукопись ихъ была доставлена Пушкину; онъ ихъ читалъ и давалъ на просмотръ П. А. Плетневу; оба они признали ихъ достойными печати, о чемъ и было сообщено Н. А. Дуровой. Но приготовленія къ изданію, переписка рукописи, сношенія съ цензурой и проч. казались ей слишкомъ медленными, такъ что въ письмѣ отъ 24-го іюня 1836 года она выразила Пушкину свое нетерпѣніе:

«Своеручныя записки мои прошу васъ возвратить мнѣ теперь же, если можно; у меня перепишутъ ихъ въ четыре дня, и переписанныя отдамъ въ полную вашу волю въ разсужденіи перемѣнъ, которыя прошу васъ дѣлать, не спрашивая моего согласія, потому что я только это и имѣлъ въ виду, чтобъ отдать ихъ на судъ и подъ покровительство таланту, которому не знаю равнаго; а безъ этого неодолимаго желанія привлечь на свои Записки сіяніе вашего имени, я давно бы нашелъ людей, которые купили бы ихъ или напечатали въ мою пользу.

«Вы очень обязательно пишете, что ожидаете моихъ приказаній. Вотъ моя покорнѣйшая просьба, первая, послѣдняя и единственная: дѣйствуйте безъ отлагательства. Что удерживаетъ васъ показать мои Записки Государю, какъ онѣ есть? Онъ вашъ цензоръ. Вы скажете, что его дома нѣтъ, онъ на маневрахъ. Поѣзжайте туда: тамъ онъ вѣрно въ хорошемъ расположеніи духа, и Записки мои его не разсердятъ.

«Дѣйствуйте или дайте мнѣ волю дѣйствовать; я не имѣю времени ждать. *Полумѣры никуда не годятся.* Нерѣшительность хуже полумѣръ;

медленность хуже того и другого вмѣстѣ. Это — червь, подтачивающій корни прекраснѣйшихъ растеній и отнимающій у нихъ возможность принесть плодъ. У васъ есть враги; для чего же вы даете имъ время помѣшать вашему дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ лишить меня ожидаемыхъ выгодъ?

«Думалъ ли я когда-нибудь, что буду говорить такую проповѣдь величайшему генію нашего времени, привыкшему принимать одну только дань похвалы и удивленія? Видно, время чудесъ опять настало, Александръ Сергѣевичъ! Но какъ я уже началъ писать въ этомъ тонѣ, такъ хочу и кончить. Вы и другъ вашъ Плетневъ сказали мнѣ, что книгопродавцы задерживаютъ вырученныя деньги. Этого я болѣе всего на свѣтѣ не люблю; это будетъ меня сердить и портить мою кровь. Чтобъ избѣжать такого несчастія, я рѣшительно отказываюсь отъ нихъ. Нельзя ли печатать и продавать въ императорской типографіи? Тамъ, я думаю, не задержатъ моихъ денегъ.

«Мнѣ такъ наскучила бездѣйственная жизнь и безполезное ожиданіе, что я только до 1-го іюля обѣщаю вамъ терпѣніе; но съ 1-го, пришлете или не пришлете мнѣ мои Записки, дѣйствую самъ.

«Александръ Сергѣевичъ! Если въ этомъ письмѣ найдутся выраженія, которыя вамъ не понравятся, вспомните, что я родился, выросъ и возмужалъ въ лагерѣ. Другого извиненія не имѣю. Простите. Жду отвѣта и рукописи!»*)

На эти-то горячія строки Пушкину и пришлось отвѣчать тѣмъ письмомъ, которое напечатано выше. Ему не трудно было охладить пылъ своей корреспондентки, обнаружившей своимъ посланіемъ большую, впрочемъ вполнѣ извинительную неопытность въ издательскомъ дѣлѣ; но въ то же время ему, повидимому, не хотѣлось тратить много силъ и времени на борьбу съ упрямствомъ и нетерпѣливостью дѣвицы-кавалериста. Между тѣмъ Н. А. Дурова пріѣхала въ Петербургъ, и ея пререканія съ Пушкинымъ разрѣшились нѣкоторымъ компромиссомъ: во второй книжкѣ *Современника*, вышедшей въ іюлѣ 1836 года, поэтъ помѣстилъ отрывокъ изъ Записокъ Дуровой со своимъ предисловіемъ, а вслѣдъ затѣмъ, осенью того же года, эти Записки въ полномъ видѣ появились отдѣльнымъ изданіемъ, въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: «Кавалеристъ-дѣвица. Происшествіе въ Россіи». Изданіемъ этимъ завѣдывалъ двоюродный братъ Надежды Андреевны Иванъ Григорьевичъ Бутовскій, напечатавшій въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нѣсколько переводовъ съ французскаго. Есть впрочемъ основаніе думать, что и это изданіе было сдѣлано не безъ участія Пушкина: по крайней мѣрѣ, кромѣ впервые печатаемаго здѣсь письма его къ Н. А. Дуровой, существуетъ еще одно письмо его **), въ которомъ онъ совѣтуетъ ей дать своему сочиненію самое простое заглавіе: «Записки Н. А. Дуровой» (что однако исполнено не было) и заключаетъ свою рѣчь напоминаніемъ ея же присловья: «Будьте смѣлы — вступайте на поприще литературное столь же отважно, какъ и на то, которое васъ прославило. *„Полумѣры никуда не годятся“*.»

*) Русскій Архивъ 1880 г., кн. II, стр. 516 и 517.

**) Сочиненія Пушкина. Изданіе литературнаго фонда, т. VII, стр. 408.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

ПОЭЗІЯ

К. Р.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ

О ГАМЛЕТѢ ПРИНЦѢ ДАТСКОМЪ.

ВИЛЛІАМА ШЕКСПИРА.

АКТЪ III-й, СЦЕНА 4-я.

ПОКОЙ КОРОЛЕВЫ.

Входятъ **Королева** и **Полоній.**

ПОЛОНІЙ.

Сейчасъ придетъ онъ. Будьте строже съ нимъ; скажите,
Что дерзкихъ выходокъ его терпѣть нельзя;
Что заслонивъ его собою, вы стоите
Межъ нимъ и грознымъ гнѣвомъ. Я здѣсь спрячусь.
Пожалуйста, покруче.

ГАМЛЕТЪ [за сценой].

Мать, мать, мать!

КОРОЛЕВА.

Я за себя ручаюсь;
Не бойся. Удались; я слышу, онъ идетъ.

[Полоній прячется за занавѣской].

Входитъ **Гамлетъ.**

ГАМЛЕТЪ.

Ну, что̀ же, мать? въ чемъ дѣло?

КОРОЛЕВА.

Глубоко твой отецъ тобой обиженъ, Гамлетъ.

ГАМЛЕТЪ.

Глубоко мой отецъ тобой обиженъ, мать.

КОРОЛЕВА.

Опомнись, твой отвѣтъ — языкъ безумья, Гамлетъ.

ГАМЛЕТЪ.

Пустое, твой вопросъ — языкъ порока, мать.

КОРОЛЕВА.

Что̀ это значитъ, Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ.

Въ чемъ же дѣло?

КОРОЛЕВА.

Забылъ ты, кто я?

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, клянусь распятьемъ, нѣтъ;
Ты королева, деверя жена,
Ты — о, зачѣмъ должно быть такъ! — ты мать моя!

КОРОЛЕВА.

Такъ пусть же кто другой поговоритъ съ тобою.

ГАМЛЕТЪ.

Ну, полно же, садись; не тронешься ты съ мѣста;
Ты не уйдешь, пока тебѣ не покажу я,
Какъ въ зеркалѣ, все то, что у тебя въ душѣ.

КОРОЛЕВА.

Что̀ хочешь сдѣлать ты? убить меня ты хочешь?
На помощь, ахъ!

ПОЛОНІЙ [за занавѣской].

Сюда! на помощь!

ГАМЛЕТЪ [обнажая мечъ].

Что̀! крыса тамъ? Мертва, червонецъ объ закладъ,
Мертва! [Пронзаетъ занавѣску мечомъ].

ПОЛОНІЙ [за занавѣской].

Ахъ, я убитъ! [Падаетъ и умираетъ].

КОРОЛЕВА.

О, горе, что̀ ты сдѣлалъ!

ГАМЛЕТЪ.

Не знаю; не король ли это?

КОРОЛЕВА.

О, что̀ за дерзкое, кровавое дѣянье!

ГАМЛЕТЪ.

Кровавое! О, мать, почти такое-жъ злое,
Какъ короля убить и обвѣнчаться съ братомъ!

КОРОЛЕВА.

Какъ короля убить?!

ГАМЛЕТЪ.

Да, мать, та̀къ я сказалъ...
[Приподнимаетъ занавѣску и видитъ Полонія].
Прощай, пронырливый и жалкій шутъ! Я думалъ
Здѣсь поважнѣй кого застать. Прими свой жребій.
Вотъ, какъ къ бѣдѣ ведетъ излишнее усердье.—
Да не терзайся такъ; потише! сядь; дай сердце
Тебѣ терзать; его я истерзаю, если

Непроницаемымъ оно не стало; если
Проклятою привычкой не настолько
Закалено, что недоступно чувству.

КОРОЛЕВА.

Но что̀ я сдѣлала, когда языкъ твой смѣетъ
Мнѣ такъ ужасно угрожать?

ГАМЛЕТЪ.

Такое дѣло,
Что скромности поблекъ плѣнительный румянецъ,
Что добродѣтель стала лицемѣрьемъ,
А роза на челѣ любви невинной — язвой;
Что брачные обѣты стали лживѣй,
Чѣмъ клятвы игрока; такое дѣло,
Что самая душа имъ вырвана у брака
И что обрядъ священный обратился
Въ наборъ безсвязныхъ словъ. Зардѣлись небеса,
Земли недвижная твердыня омрачилась,
Какъ предъ судомъ послѣднимъ, помышляя
О дѣлѣ томъ!

КОРОЛЕВА.

Увы, какое-жъ это дѣло,
Что ужъ одно о немъ упоминанье
Такъ грозно вопіетъ?

ГАМЛЕТЪ.

Взгляни сюда, на эту
Картину и на ту: представлены два брата
На нихъ. Смотри, какъ этотъ ликъ прекрасенъ;
Гиперіона кудри; Зевсово чело,
Взглядъ Марса, созданный повелѣвать; осанка
Гермеса, вѣстника боговъ, когда съ небесъ
Слетаетъ онъ къ заоблачнымъ вершинамъ.
Все въ этомъ обликѣ совмѣщено; на немъ
Оставилъ каждый богъ печать свою, чтобъ міру
Дать человѣка лучшій образецъ.
И это былъ твой мужъ. Теперь, взгляни сюда:

Вотъ мужъ твой; словно тощій колосъ, брата
Пожравшій своего. Гдѣ у тебя глаза?
Какъ, послѣ пажитей въ горахъ прекрасныхъ
Жирѣть въ болотѣ? Ха! гдѣ у тебя глаза?
Не говори, что то любовь: въ твои года
Кровь не кипитъ; она спокойна и покорна
Разсудку. А разсудокъ снизошелъ ли-бъ
Отъ этого къ тому? Въ тебѣ есть умъ навѣрно,
А то бы не было сознанья; но разслабленъ
Навѣрно умъ; само безумье-бъ здѣсь не сбилось.
Безумьемъ никогда умъ не былъ такъ подавленъ;
Его для выбора осталось бы хоть малость,
Чтобъ видѣть разницу такую. Что за дьяволъ
Тебя такъ съ толку сбилъ, съ тобой играя въ жмурки?
Глаза безъ осязанья, осязанье
Безъ зрѣнья, слухъ безъ глаза, обонянье
Безъ рукъ и даже часть больная одного
Изъ здравыхъ чувствъ не оплошала-бъ такъ.
О, стыдъ! ты не краснѣешь!? Адъ мятежный,
Когда разжечь ты можешь кровь старухи,
То пылкой юности стыдливость, словно воскъ,
Пусть таетъ въ собственномъ огнѣ. Какой же стыдъ
Кипучимъ пламенѣть страстямъ, когда такъ жарко
И самый ледъ горитъ, и въ сдѣлки входитъ
Разсудокъ съ охотью!

КОРОЛЕВА.

О, Гамлетъ, замолчи!
Мнѣ въ глубь души глаза ты обратилъ, и въ ней
Я вижу пятна черныя такія,
Что ихъ ничѣмъ не смыть.

ГАМЛЕТЪ.

Какъ, жить въ поту смердящемъ,
Въ чаду гнилой, засаленной постели,
Ласкаться, тѣшиться любовью въ грязномъ
Хлѣву!..

КОРОЛЕВА.

О, замолчи! твои слова
Кинжалами вонзаются мнѣ въ уши
Довольно, Гамлетъ мой!

ГАМЛЕТЪ.

Убійца, извергъ,
Злодѣй, не стоящій и сотой доли
Того, кто мужемъ былъ твоимъ; король шутовъ,
Воришка, власть похитившій и царство,
Стянувшій съ полки цѣнную корону
И спрятавшій ее въ карманъ.

КОРОЛЕВА.

Довольно!

ГАМЛЕТЪ.

Король въ лоскутьяхъ и заплатахъ.

Входитъ **Призракъ**.

Спасите, крыльями меня прикройте, силы
Небесныя!—Чего ты хочешь, дивный образъ?

КОРОЛЕВА.

Увы, онъ помѣшался!

ГАМЛЕТЪ.

Не укорять ли медлящаго сына
Явился ты, что гнѣвъ и время тратя даромъ,
Завѣта грознаго все не исполнилъ онъ?
О, говори!

ПРИЗРАКЪ.

Не забывай. Явленье это
Да заостритъ твою притупленную волю.
Ты видишь, мать объята ужасомъ твоя;
О, стань между борьбой души ея и ею.
Чѣмъ кто слабѣе, тѣмъ сильнѣй воображенье,
О, говори съ ней, Гамлетъ!

ГАМЛЕТЪ.

Что, ну, какъ тебѣ?

КОРОЛЕВА.

Увы, тебѣ-то какъ?
Въ пустое ты пространство взоръ вперяешь
И съ воздухомъ безплотнымъ рѣчь ведешь;
Въ твоихъ глазахъ сказалась дикость мысли,
Какъ спящіе встаютъ солдаты по тревогѣ,—
Такъ дыбомъ встали волосы твои
И жизнь проснулась въ нихъ. О, милый сынъ,
Спокойствія прохладой окропи
Тревоги жаръ и пламень! Что ты видишь?

ГАМЛЕТЪ.

Его, его! Смотри, какъ взглядъ недвижный блѣденъ!
Видъ и удѣлъ его могли-бъ и камень
Растрогать... Не гляди такъ на меня,
Иль ты ослабишь этимъ скорбнымъ взглядомъ
Мой страшный умыселъ; и то, что предстоитъ
Мнѣ сдѣлать, кончится слезами вмѣсто крови.

КОРОЛЕВА.

Съ кѣмъ говоришь ты?

ГАМЛЕТЪ.

Ничего ты тамъ не видишь?

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ, ничего; но все, что есть тамъ, вижу.

ГАМЛЕТЪ.

И ничего ты не слыхала?

КОРОЛЕВА.

Ничего,
Лишь насъ двоихъ.

ГАМЛЕТЪ.

Смотри, вонъ тамъ! смотри,
Уходитъ онъ! Отецъ мой, какъ живой!
Смотри, вотъ онъ идетъ! вотъ вышелъ въ дверь! [Призракъ уходитъ].

КОРОЛЕВА.

То измышленье мозга твоего;
Такія безтѣлесныя видѣнья
Всегда безумье создаетъ.

ГАМЛЕТЪ.

«Безумье?»
Мой пульсъ спокоенъ такъ же, какъ и твой,
И мѣрно бьется въ тактъ. Я говорилъ
Не въ сумасшествіи; допрашивай меня,
И слово въ слово я все повторю; безумный
Навѣрно сбился-бъ. Мать, молю твоимъ спасеньемъ,
Не утоляй души елеемъ мысли лживой,
Что говоритъ мое безумье, а не грѣхъ твой:
Слегка лишь сверху язва заростетъ,
Внутри-жъ незримый гной все будетъ растравлять
И заражать кругомъ. Откройся небу; кайся
Въ былыхъ грѣхахъ, грядущихъ избѣгай
И почвы плевеламъ не удобряй, чтобъ гуще
Не разрослись они. Прости мнѣ эти рѣчи!
Да, въ наше гнусное, удушливое время
Добро должно у зла просить прощенья
И низко кланяться, и звать его на помощь.

КОРОЛЕВА.

О, Гамлетъ, на̀ двое ты сердце мнѣ разбилъ!

ГАМЛЕТЪ.

О, брось же отъ себя часть худшую его
И, чистая, живи другою половиной.
Прощай; но съ дядей ложа не дѣли; прикинься
Стыдливою, ужъ если нѣтъ стыда.

Привычка, хоть чудовище, хоть дьяволъ,
И убиваетъ въ насъ сознанье зла, бываетъ
И ангеломъ, когда насъ пріучаетъ къ добрымъ
Дѣяньямъ, какъ къ одеждѣ хорошо
И ловко пригнанной. Сегодня воздержись,
И въ слѣдующій разъ ужъ легче воздержанье
Покажется тебѣ; чѣмъ дальше, тѣмъ все легче.
Привычка измѣнить печать природы можетъ,
Чудесной силой дьявола сломить
И, даже, вонъ изгнать. Еще разъ, доброй ночи;
И если хочешь ты себѣ благословенья,
Благослови меня. Объ этомъ человѣкѣ [указывая на Полонія]
Жалѣю я; но, мною наказавъ
Его, а имъ меня, мнѣ небеса судили
Явиться ихъ орудьемъ и бичомъ.
Я уберу его, и дать отчетъ сумѣю,
Что самъ его убилъ.—Еще разъ, доброй ночи.
Лишь изъ любви жестокъ я долженъ быть съ тобою;
Ужъ худо и теперь, а будетъ хуже вдвое.
Еще одно лишь слово!

КОРОЛЕВА.

Что-жъ мнѣ дѣлать?

ГАМЛЕТЪ.

Отнюдь не то, что я скажу: пускай тебя
Разъѣвшійся король опять въ постель заманитъ,
Пусть щиплетъ за̀ щеки, зоветъ своимъ мышонкомъ,
За пару мерзкихъ поцѣлуевъ, шею
Тебѣ проклятыми перстами щекоча,
Заставитъ разболтать, что̀ между нами было,
Что я помѣшанъ не на самомъ дѣлѣ,
А лишь изъ хитрости... Не худо-бъ разсказать!
Не королевѣ же пригожей, скромной, умной
Скрывать столь важныя дѣла отъ этой жабы,
Блудливаго кота, летучей мыши! Кто бы
Такъ поступилъ? Нѣтъ, вопреки разсудку
И сдержанности, влѣзь съ корзиною на крышу,

Птицъ выпусти, сама-жъ, какъ обезьяна въ баснѣ,
Сядь, въ видѣ опыта, въ корзину, сбросься съ нею
И голову себѣ сломи.

КОРОЛЕВА.

Вѣрь, если слово есть дыханье, а дыханье
Есть жизнь,—не хватитъ жизни у меня,
Чтобъ выдохнуть твои слова!

ГАМЛЕТЪ.

Я въ Англію поѣду; знаешь ты?

КОРОЛЕВА.

Увы,
Я позабыла; это рѣшено?

ГАМЛЕТЪ.

Ужъ письма запечатаны; два школьныхъ
Моихъ товарища, которымъ довѣряю
Я столько-жъ, какъ змѣямъ ехиднымъ, повезутъ ихъ
И въ западню, расчистивъ путь, меня заманятъ.
А пусть! Что за потѣха, если взорванъ
Своей же миною минёръ! Во что-бъ ни стало
Подъ ихъ подкопъ я свой направлю футомъ глубже
И до луны они взлетятъ. О, наслажденье —
Свесть хитрость съ хитростью въ упоръ въ одно мгновенье!
Пора за этого приняться:
Въ ту комнату стащу я эту падаль.
Мать, доброй ночи! Какъ теперь, однако,
Тихъ, молчаливъ и важенъ этотъ шутъ;
А что былъ за болтунъ и глупый плутъ.
Ну, братъ, покончить надо бы съ тобою.
Покойной ночи, мать!

[Уходятъ въ разныя стороны; Гамлетъ вытаскиваетъ Полонія].

Павловскъ.
12-го ноября 1896 г.

Графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

I.

ВЪ ГУРЗУФѢ.

ПОДЪ ПЛАТАНОМЪ ПУШКИНА.

Онъ былъ когда-то здѣсь; на склонѣ этихъ горъ
Стоялъ онъ въ царственномъ раздумьѣ; это море
Влекло его мечты въ невѣдомый просторъ
И отражалося въ подъятомъ къ солнцу взорѣ.
На этомъ берегу, въ сосѣдствѣ дикихъ скалъ —
Бѣглецъ толпы людской, лишь волнъ внимая шуму,
Свою великую въ тиши онъ думалъ думу
И пѣсни вольныя въ мечтаньяхъ создавалъ.
Тѣ пѣсни разнеслись по свѣту, и донынѣ
Въ сердцахъ избранниковъ онѣ звучатъ... а онъ,
Пѣвецъ земли родной, — погибъ — людской гордынѣй,
Отравой клеветы и завистью сраженъ.
Въ холодномъ сумракѣ безвременной могилы,
На дальнемъ сѣверѣ, подъ снѣжной пеленой
Лежитъ онъ — и доднесь несмолкшіе зоилы
Святыню имени его скверняТъ хулой.
Но сердцу вѣрится, что въ царствѣ вѣчной ночи

Пѣвцу невнятенъ шумъ житейской суеты,
Что, сквозь могильный сонъ, души безсмертной очи
Доступны лишь лучамъ безсмертной красоты;
Что можетъ быть, сюда, на этотъ склонъ оврага,
Гдѣ, вѣрные ему, платанъ и кипарисъ
Подъ небомъ голубымъ и солнцемъ разрослись,
Гдѣ дремлютъ старые утесы Аю-Дага,
Пѣвца святая тѣнь проносится порой
Вдали земныхъ суетъ, страстей, обидъ и горя,
Какъ нѣкогда, смотрѣть въ просторъ безбрежный моря,
Съ волнами говорить и слушать ихъ прибой.

8 ноября 1897 г.

II.

*
* *

Дитя мое, взгляни: довѣрчиво прижалось
Къ утесу облачко — и свѣтится на немъ;
Но вѣтеръ набѣжалъ и, вотъ, оно помчалось
Въ пространствѣ голубомъ.
И зной его палитъ, и вѣтеръ имъ играетъ.
Утесъ не защититъ уже отъ бурь и бѣдъ.
И слабымъ призракомъ оно блѣднѣетъ, таетъ...
Смотри — его ужъ нѣтъ!

III.

ИСАРЪ*).

Межъ двухъ горъ, подъ ихъ навѣсомъ.
Какъ скала, угрюмъ и старъ,
Грозно высится надъ лѣсомъ
Богатырь сѣдой — Исаръ.
Весь въ развалинахъ, увитый,
Словно лаврами, плющомъ,
Старецъ, смертью позабытый,
Съ гордо поднятымъ челомъ —
Онъ стоитъ, въ нѣмую думу
Погруженъ, одинъ, въ лѣсу —
И съ отрадой внемлетъ шуму
Струй и брызговъ Учанъ-Су.

Въ старину бойцы любили
Послѣ битвъ, въ часы пировъ,
Слушать повѣсти и были,
Пѣсни вѣщія пѣвцовъ.
Лишь раздастся струнъ бряцанье —
Ужъ сдвигаются тѣснѣй

*) Татарское названіе развалинъ древней крѣпости близъ водопада Учанъ-Су, на южномъ берегу Крыма.

Вкругъ пѣвца, въ нѣмомъ вниманьѣ,
Славный сонмъ богатырей.
И при звукахъ пѣснопѣнья
Брони тяжкія дрожатъ,
И слезами умиленья
Очи грозныя блестятъ.

Но пиры тѣ миновали;
Спятъ въ землѣ сырой бойцы;
Отошли и замолчали
Позабытые пѣвцы.
Жизнь пная міръ объемлетъ...
Лишь Исаръ, одинъ въ лѣду,
Въ полуснѣ съ отрадой внемлетъ
Старымъ бреднямъ Учанъ-Су.
И съ высотъ алмазной пылью
Низвергаясь, водопадъ
Непонятной людямъ былью
Старика баюкать радъ.

5 ноября 1897 г.

Д. Л. Михаловскій.

СТАРЫЙ ВОЗЪ.

Я тащусь теперь, что кляча,
По житейскому пути;
Всё труднѣе мнѣ задача
Съ хламомъ жизненнымъ пути!

Кляча старая устала,
Расшатался старый возъ...
Да и то сказать — не мало
Всякихъ бѣдъ онъ перенёсъ!

А дорога такъ не гладка,
И такъ скученъ, длиненъ путь.
Понатужься-жъ ты, лошадка,
Поплетемся какъ-нибудь!

Только надо осторожно,
Глядя подъ ноги, ступать, —
Чтобы возъ нашъ, если можно,
Намъ до срока не сломать.

А случись бѣда такая, —
Съ нимъ и кляча упадетъ,
Живо сила молодая
Насъ съ дороги уберетъ.

Время — хлама истребитель —
Ихъ велитъ въ архивъ свой снесть;
Пусть тамъ роется любитель,
Коль на то охота есть!

Я-бъ желалъ, чтобъ онъ не даромъ
Мусоръ прошлаго разрылъ,
Чтобъ онъ въ этомъ хламѣ старомъ
Кой-что доброе открылъ.

П. М. Ковалевскій.

I.

„КАКЪ БОЖІЙ МІРЪ ХОРОШЪ!“

...Гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Уснула ты послѣднимъ сномъ..

Пушкинъ.

Кругомъ какая тишина:
Недвижна въ синевѣ олива,
На днѣ уснувшаго залива
Песчинка каждая видна.

Но страшенъ міръ невозмутимый,
Готовый молча сокрушить
Все, что готовилося жить,
И только самъ несокрушимый!

Была такая-жъ тишина,
Май въ окна лилъ свое сіянье...
«Какъ Божій міръ хорошъ!» она
Шептала жизни на прощанье.

И этотъ міръ ее убилъ —
Безъ облака, безъ дуновенья;
Онъ темной смерти приближенье
Полудня блескомъ озарилъ...

А самъ, по прежнему прекрасный,
Все также безконечно живъ —
Равно глухой и безучастный
И къ тишинѣ сѣдыхъ оливъ,
И къ стонамъ посланнаго горя,
И къ сонному дыханью моря...

II.

*
* *

Посмотри на розы:
Всѣ онѣ въ слезахъ.
Помнишь эти грозы
Въ темныхъ небесахъ?

Что отъ нихъ осталось,
Кромѣ этихъ слезъ?
А отъ жизни грозъ
Сердце разорвалось.

Л. Н. Трефолевъ.

НИВА.

Съ молитвою пахарь стоялъ у порога
Покинутой хаты: — «Война къ намъ близка.
Одной благодати прошу я у Бога,
Чтобъ ниву мою не топтали войска.
Тогда пропадетъ мой ленокъ волокнистый;
На саванъ не хватитъ тогда полотна...»
И съ вѣрой молился онъ Дѣвѣ Пречистой,
Чтобъ ниву его сохранила Она.

Но врагъ наступилъ... И послышался грохотъ
Изъ сотни орудій. Какъ демонскій хохотъ,
Носился по воздуху ревъ батарей;
И люди — ужасное стадо звѣрей —
Безбожно, жестоко терзали другъ друга,
И брызгала теплая кровь, какъ вода, —
И ядра взорали все поле безъ плуга,
И хаты крестьянской не стало слѣда...

...Но милости много у Вѣчнаго Бога:
Построилась новая хата-жилье,
И пахарь-хозяинъ опять у порога
Съ молитвою смотритъ на поле свое.

Себя онъ не мучитъ напрасно тоскою,
Что нива упитана кровью людскою —
Чужой ли, родной ли: не все ли равно?
Вѣдь кровью и пòтомъ не пахнетъ зерно,
Вѣдь свѣжая рожь не пошлетъ намъ проклятья,
Не вымолвитъ явныхъ и тайныхъ угрозъ?..
И будемъ мы сыты. (О, люди! О, братья!),
Питаяся хлѣбомъ — изъ крови и слезъ!

Н. Н. Абаза.

ОТГОЛОСКИ

(50-хъ годовъ).

. . . . . .
Подъ небомъ Африки моей
Вздыхать о сумрачной Россіи.
Пушкинъ.

1.

Лишь только подъ лучомъ весенней первой ласки —
Подснѣжникъ голубой свои раскроетъ глазки,
Сквозь прошлогодній листъ пробившись, у корней
Орѣшины разубранной въ сережки,—
Бывало, по давно-протоптанной дорожкѣ,
Подъ горку мы бѣжимъ, не замѣчая ней
И спотыкаясь, толпою шаловливой,
Въ лѣсокъ безлиственный,—покуда молчаливый,
Но ужъ трепещущій подъ вѣяньемъ весны ..
Какая тишина! Зимы студеной сны,
Какъ бы замедлились, беззвучно отлетая...
Подъ дѣтскою ногой лишь хрустнетъ вѣтвь сухая,

Да мягко зашуршитъ свернувшійся листокъ.
Бѣлѣетъ и сквозитъ, кой-гдѣ еще, снѣжокъ,
Слезою тихою неслышно истекая...
Деревья трепетно, какъ бы чего-то ждутъ
Въ истомѣ сладостной, подъ почкою смолистой,—
Но часъ ужъ не далекъ, когда листвой душистой
Они прозрачныя вершины уберутъ,
И голоса весны сольются въ говоръ дружный,
И ландышъ дѣвственный покажетъ цвѣтъ жемчужный.

2.

Трепещущій покровъ акаціи сквозной —
Весь въ бѣлыхъ мотылькахъ — склонясь благоухаетъ...
И утро ясное и нѣжитъ, и ласкаетъ,
И дня пахучаго нисходитъ влажный зной.
Невольной думою я уношусь далеко,
Въ родную глушь полей, гдѣ деревенскій домъ —
Забытый и пустой — ветшаетъ одиноко
Средп акаціи, столпившейся кругомъ.
Тамъ шаткаго крыльца дрожащія ступени
Усыпаны дождемъ опавшихъ мотыльковъ,
И ласково скользятъ, по бѣлизнѣ цвѣтковъ,
Акацій ропчущихъ блуждающія тѣни.

А. А. Луговой.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НЕОКОНЧЕННАГО РОМАНА „ДОРОГАЯ РОДИНА“.

«Почесому же и учитель еси души моей и тѣлу моему? Или ты даси отвѣтъ за душу мою въ день Страшнаго Суда?»

Изъ письма Іоанна IV къ кн. Курбскому.

Молчи, холопъ!
Я каяться и унижаться властенъ
Предъ кѣмъ хочу.

«Смерть Іоанна Грознаго». Гр. А. К. Толстой.

...Во время оно Царь Иванъ,
Душевной мукой удрученный,
Забывъ на время царскій санъ,
Не разъ — колѣнопреклоненный —
Передъ боярами стоялъ
И, со смиреніемъ неложнымъ,
Въ дѣяньи каяся безбожномъ,
Ихъ о прощеньи умолялъ:
Уничижаясь добровольно,
Искалъ душѣ покоя онъ...

Но если въ этотъ мигъ, невольно
Тѣмъ покаяньемъ увлеченъ,
Кто изъ бояръ—льстецовъ проворныхъ—
Свое участье предъ царемъ,
Въ словахъ и льстивыхъ, и притворныхъ,
Рѣшался высказать,—огнемъ,
Бывало, взоръ царя зажжется,
Гроза въ душѣ его проснется,
Изборождятъ морщины лобъ,—
Участья рѣчью недоволенъ,
Царь молвитъ дерзкому: «Холопъ,
«Молчи! Я унижаться воленъ.
«Я царь! Судья души моей
«Лишь Богъ; а ты—возьми терпѣнье—
«Ни изрекать мнѣ осужденья,
«Ни соболѣзновать не смѣй.»

И этотъ образъ величавый,
Покрытый памятью кровавой,
Жестокій, страшный, но—родной,
Изъ тьмы временъ передо мной
Всегда встаетъ живымъ укоромъ,
Когда я слышу, какъ, порой,
Съ пришельцами сливаясь хоромъ,
Мы, русскіе, клеймимъ позоромъ
Родную Русь. Мы клеветой
Съ плеча все русское пятнаемъ
И, какъ подачки, ожидаемъ,
Какъ псы, обглоданную кость,
Отъ чужеземцевъ одобренья
Намъ за холопье униженье!..

Мнѣ въ эти скорбныя мгновенья
Терзаетъ сердце коршунъ-злость,
Кипитъ въ душѣ негодованье,
Я не могу тогда молчать,
И, внемля слову порицанья,
Мнѣ братьямъ хочется сказать:

«Пускай еще мы грубы, дики,
«Пускай отсталый мы народъ,—
«Но все же мы народъ великій,
«И бодро мы идемъ впередъ!
«Пусть покаянными рѣчами
«Мы межъ собой—не предъ врагами—
«Больную совѣсть облегчимъ
«И зло въ себѣ самихъ казнимъ;
«И пусть бы въ насъ навѣкъ остался
«Тотъ духъ смиренья буйныхъ силъ:
«Самъ Царь Иванъ уничижался,
«Зане—хоть царь—онъ русскій былъ;
«Но, если чужеземецъ дерзкій—
«Судья, непрошенный на судъ,
«Быть можетъ корень зла и смутъ—
«Насъ оскорбитъ хулою мерзкой,
«Иль въ тайныхъ выгодахъ своихъ—
«Пришлецъ на пажитяхъ чужихъ—
«Надѣвъ участія личину,
«Откроетъ нашихъ золъ пучину
«И съ нами вмѣстѣ, на-показъ,
«О нашемъ горѣ плакать будетъ,—
«Пусть гордость нашъ языкъ разбудитъ,
«Пускай у каждаго изъ насъ
«Сорвется вмигъ безъ колебанья
«Достойный русскаго отвѣтъ:
«—Пришлецъ, умолкни! Мѣста нѣтъ
«Тебѣ средь русскаго страданья,
«Средь нашихъ горестей и бѣдъ;
«И если слезы покаянья
«Мы льемъ надъ родиной своей,—
«Не нужно жалости твоей:
«Ты въ эти скорбныя мгновенья
«Ни изрекать ей осужденья,
«Ни соболѣзновать не смѣй!—»

М. Н. Ремезовъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПЬЕСЫ

КСЕНІЯ БОРИСОВНА ГОДУНОВА.

(Картины изъ исторіи смутнаго времени).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Садъ при домѣ князя В. М. Рубца-Мосальскаго, у котораго живетъ Ксенія съ того дня, когда были убиты ея мать и братъ Ѳедоръ.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Лже-Димитрій и Ксенія.

ЛЖЕ-ДИМИТРІЙ.

Какъ съ той поры она похорошѣла
И чудно какъ спокойное лицо!
Нѣтъ женщины ея на свѣтѣ краше,—
Вотъ истинно царицы красота...
Но что-жъ со мной? Ужели я робѣю?
Гдѣ-жъ смѣлость вся, гдѣ-жъ удаль вся моя?

КСЕНІЯ [кланяется].

Изволилъ звать...

ЛЖЕ-ДИМИТРІЙ.

Растерянъ я, царевна...
Въ себя притти дозволь, собраться дай
Мнѣ съ мыслями... Я шелъ съ тобой обдумать,
Шелъ на совѣтъ, хотѣлъ тебя спросить...
И звалъ тебя... чтобъ кончить счетъ тяжелый,
Спасти себя и Русь спасти отъ бѣдъ,
Въ которыхъ мы, какъ дѣти, неповинны...
Считать грѣхи чужіе не хочу:
Пришлось бы мнѣ начать съ отца родного...
Какъ разобрать, кто виноватъ, кто правъ?
И твой отецъ несчастливъ былъ на царствѣ,—
О немъ молчу,—покой его душѣ.
Не намъ судить царей боговѣнчанныхъ!
Наслѣдье ихъ священное принять,
Хранить, блюсти—должны мы оба въ страхѣ,—
Съ насъ взыщется, и равенъ нашъ отвѣтъ...
Вотъ я за чѣмъ пришелъ къ тебѣ, царевна,
Вотъ въ чемъ должна, какъ брату, ты помочь.

КСЕНІЯ.

Мнѣ не понять твоихъ рѣчей мудреныхъ,
На томъ прости, великій государь.
Покончень счетъ съ моей семьей несчастной,
Осталась я—безродной, безъ друзей,
Въ чужомъ углу, на посмѣянье людямъ...
Мнѣ-ль, сиротѣ, дерзать царю помочь,
Когда сама я гибну, безпризорно,
И негдѣ мнѣ защитника искать?

ЛЖЕ-ДИМИТРІЙ.

Есть у тебя защитникъ, другъ, царевна,—
Лишь ты-бъ его сама хотѣла знать,—

Къ тебѣ съ душой открытой онъ приходитъ,
Съ мольбой къ тебѣ: забудь былое зло,
Когда добра должны мы много сдѣлать,
Чтобъ старыхъ язвъ слѣдъ вѣковой стереть!..
И свой есть домъ... не тотъ, не домъ боярскій,
Неистовой разграбленный толпой,—
Наслѣдственный есть домъ—царей московскихъ.
Въ немъ жилъ отецъ, и дочь въ немъ можетъ жить,
Тамъ ей пріютъ, доколь она изволитъ,—
Царевнинъ тамъ готовъ тебѣ покой.

КСЕНІЯ.

Нѣтъ, государь, не въ царскія палаты,
А въ монастырь вели меня свезти,—
Вотъ гдѣ пріютъ развѣнчаннымъ царицамъ
И дочерямъ низвергнутыхъ царей.
Молю, дозволь отсюда мнѣ уѣхать
Сегодня же, сейчасъ... и при тебѣ.
Боюсь я здѣсь... Мосальскій—страшный извергъ!
Ты знаешь, онъ...

ЛЖЕ-ДИМИТРІЙ.

Не страшенъ онъ, повѣрь.
Вотъ у меня есть врагъ его опаснѣй
И всѣхъ враговъ сильнѣе и страшнѣй...
И отъ него—въ твоихъ рукахъ спасенье!

КСЕНІЯ.

Скорѣй скажи, кто-жъ онъ?

ЛЖЕ-ДИМИТРІЙ.

Твой монастырь!
Сироты мы, и оба одиноки,
У насъ съ тобой друзей и близкихъ нѣтъ...
И на себѣ ты горько испытала,
Что̀ лесть рабовъ готовитъ и тантъ...
Пойми-жъ, пойми, красавица-царевна,

Что вѣрить я могу одной тебѣ,
Передъ тобой могу раскрыть я душу,
Принять совѣтъ могу лишь отъ тебя
И знать, что въ немъ не ставятъ мнѣ ловушки.
Придп-жъ ко мнѣ, какъ другъ и какъ сестра,—
Не смѣю я сказать,—и какъ супруга!
Дозволь пока звать Ксеніей тебя,—
Не такъ, какъ всѣ.—Пусть буду просто Дмитрій
Я для тебя... Мнѣ смѣло руку дай... [Беретъ ея руку].
Дрожишь ты вся... Ужель меня боишься?

КСЕНІЯ [тихо].

Себя боюсь... Дозволь мнѣ въ монастырь!

ЛЖЕ-ДИМИТРІЙ.

О, Ксенія! Затѣмъ ли образъ чудный
Передо мной мелькнулъ, какъ въ сладкомъ снѣ,
Чтобъ страшно такъ мнѣ было пробужденье?..
Я шляхтичемъ простымъ былъ на Москвѣ,
Почти слугой, въ посольствѣ Льва Сапѣги,
И въ первый разъ я увидалъ тебя
Во всей красѣ, во всемъ величьѣ царскомъ...
Съ тѣхъ поръ я былъ и въ цесарскихъ войскахъ,
И казакомъ въ куреняхъ запорожскихъ,
Изъ удальства я бился рядовымъ,
Громилъ въ Крыму татарскіе улусы,
За цезаря, какъ рыцарь, воевалъ,
Шелъ на Москву—вернуть свое наслѣдье,
Но образъ тотъ не покидалъ меня,
Сюда онъ влекъ не меньше, чѣмъ корона,
Манилъ и звалъ сильнѣе, чѣмъ престолъ!..
И, если-бъ былъ теперь возможенъ выборъ,
Я отдалъ бы корону, царство, жизнь—
За этихъ устъ счастливую улыбку,
За лучъ любви въ чарующихъ очахъ!

КСЕНІЯ.

Нѣтъ, Дмитрій, нѣтъ! Нельзя вернуть былого
И свѣтлыхъ дней мнѣ въ жизни не видать:

Не мнѣ,— другой судьба готовитъ счастье
Любить тебя, подругой быть твоей,
Тебя ласкать, съ тобой дѣлить заботы,
Печаль и трудъ, и торжество побѣдъ,
И замысловъ великихъ обаянье...
Мой конченъ путь, мнѣ некуда итти.
Передъ тобой широкая дорога...
И вотъ, какъ другъ, какъ нѣжная сестра,
За Дмитріемъ слѣдить изъ кельи буду,
Молить Творца я стану день и ночь
За милаго... за моего героя... [Лже-Димитрій беретъ ея руку].
Нѣтъ, Дмитрій, нѣтъ!.. Оставь, не мучь меня!..
О, пощади и сжалься надо мною,—
Я не могу, я не хочу любить.

ЛЖЕ-ДИМИТРІЙ.

Не можешь ты!.. А все-жъ меня ты любишь!
Не хочешь... да? А все же ты моя! [Хочетъ привлечь ее въ объятія].

КСЕНІЯ [отстраняется].

Оставь... пусти... Я Богомъ заклинаю!

ЛЖЕ-ДИМИТРІЙ.

А я молю!.. Погибну безъ тебя:
Въ твоей любви — одно мое спасенье,
Я чувствую — во мнѣ таится звѣрь,—
Покинешь ты, въ его я буду власти,
Въ его когтяхъ очутится народъ...
Твоя любовь — залогъ Россіи счастья!
Скажи, скажи, что любишь ты меня,
И надъ Москвой взойдетъ заря блаженства...

КСЕНІЯ.

Люблю!.. Постой... какъ брата — я люблю...

ЗАНАВѢСЪ.

Н. М. Минскій.

ИСКУШЕНІЕ.

Возставъ отъ вечери послѣдней,
Онъ шелъ враговъ своихъ встрѣчать,
Слова любви вѣнцомъ страданій увѣнчать.
Съ Нимъ шли ученики. Прохлада ночи лѣтней,
Смѣнивши знойный день, струилася вкругъ нихъ.
И спящій міръ въ тотъ часъ прекраснъ былъ и тихъ.
Блѣднѣя, мѣсяцъ плылъ по голубой пустынѣ.
Безсонный ключъ, звеня, тишь ночи нарушалъ,
И гдѣ-то миртъ разцвѣлъ, и бальзаминъ дышалъ.
Онъ шелъ, дивясь душой. Нѣтъ, никогда донынѣ,
Привыкши созерцать безплотныя черты,
Не видѣлъ на землѣ Онъ столько красоты.
И путь Ему лежалъ вблизи двора Пилата.
Въ дворцѣ шла оргія. За мракомъ колоннадъ
Гремѣла пиршества палата,
И шопота любви былъ полонъ темный садъ.
То звукъ лобзанія, то смѣхъ гетеры хитрый
Раздастся и замретъ за мраморной стѣной.
Но вотъ стихаетъ пиръ. Рыданье нѣжной цитры
Влилось въ нѣмую ночь дрожащею волной.

И голосъ женщины, печальный и зовущій,
Запѣлъ подъ лепетъ струнъ и разбудилъ онъ вдругъ
И воздухъ дремлющій, и сонныхъ маслинъ кущи,
И звѣзды, и луну, всю ночь, весь міръ вокругъ.
И міръ, отдавшись весь тѣмъ звукамъ, полнымъ яда,
Казалось, трепеталъ и страстно вторилъ имъ:
«Да, средь земныхъ скорбей одна лишь есть отрада.
«Да, только тотъ блаженъ, кто женщиной любимъ,
«Кто ночью темной, ночью лунной
«Къ устамъ возлюбленной прильнетъ
«Иль внемлетъ, какъ она поетъ
«Подъ ропотъ цитры тихострунной...»

И Онъ ускорилъ шагъ, печали не тая,—
Но пѣсня вслѣдъ за Нимъ вилася, какъ змѣя.
Чрезъ городъ сумрачный теперь вела дорога,
Но городъ не дремалъ. Былъ Пасхи первый день,
И всякій средь семьи вкушалъ покой и лѣнь,
На кровлю вышедши иль сидя у порога.
И въ чуткій слухъ лились то звонкій дѣтскій смѣхъ,
То окликъ матери, то пѣсенка простая,—
Тѣ звуки и слова, которыя для всѣхъ,
Кто въ мірѣ одинокъ, звучатъ, какъ пѣсни рая.
Въ нихъ слышенъ былъ призывъ, была мольба слышна.
«Сюда, страдалецъ, къ намъ. Одно есть въ жизни счастье,—
«Семьи привѣтливой любовь и тишина,
«И ласки чистыя, и кроткое участье...»
А Онъ спѣшилъ впередъ, исполненный тоски.
И, отставая, шли за Нимъ ученики.
На Масличной горѣ, вблизи вершины черной,
Двѣ старыхъ маслины, обнявшися, росли.
Уставъ за долгій день учить народъ упорный,
Здѣсь, предъ лицомъ небесъ и предъ лицомъ земли,
Молиться Онъ любилъ всю ночь, пока съ востока
Не брызнутъ стрѣлы дня и облака зажгутъ,
И тѣни отъ холмовъ по доламъ побѣгутъ:
Тогда въ тѣни оливъ Онъ засыпалъ глубоко.
Туда Онъ шелъ теперь. Онъ жаждалъ предъ Отцомъ

Молиться и рыдать, наединѣ въ пустынѣ
И воскресить въ душѣ, предъ тягостнымъ концомъ,
Святой восторгъ, съ какимъ Онъ ждалъ конца донынѣ.
И вотъ, Онъ миновалъ Іосафатъ пустой,
Онъ полъ-горы прошелъ, скорбя невыразимо,
Какъ вдругъ, изъ тьмы кустовъ, ученикамъ незримо,
Явился злобный духъ и дерзкою пятой
Касаться онъ дерзалъ слѣдовъ пяты нетлѣнной.
Онъ видѣлъ, онъ постигъ, какъ страждетъ другъ вселенной
И мрачнымъ торжествомъ глаза его зажглись
И, слѣдуя за Нимъ, шепталъ онъ:

«Оглянись!

Прекрасна ночь — и жаръ любовный
Въ людскихъ сердцахъ сильнѣй горитъ,
И сонъ блаженный, сонъ грѣховный
Надъ спящимъ городомъ паритъ.
Грудь пщетъ страстно груди знойной,
Горятъ уста и взоръ погасъ...
Куда, мечтатель безпокойный,
Куда бѣжишь ты въ этотъ часъ?
Исполненъ къ грѣшникамъ участья,
Ужель ты смерть готовъ принять,
Чтобы избавить ихъ отъ счастья,
Чтобъ цѣль у жизни ихъ отнять?
О, ты не знаешь власти чудной
Земной любви, земныхъ утѣхъ,
Какъ грѣхъ силенъ, какъ сладокъ грѣхъ...
Вѣрь, быть подвижникомъ нетрудно
Тому, кто прожилъ жизнь, какъ ты,
Скитальцемъ нищимъ и бездомнымъ,
Кто потуплялся взоромъ скромнымъ
Предъ дерзкимъ взоромъ красоты
И убѣгалъ передъ соблазномъ.
Нѣтъ, ты вернись въ толпу со мной,
Ты самъ сперва въ потокѣ грязномъ
Исчезни мутною волной.
Извѣдай все: мученья страсти,
Объятій вѣчно новый рай,

И месть, и зависть испытай,
И упоенье гордой власти,
Тогда рѣши: пустой ли звукъ
Тщета грѣховъ и заблужденій,
И можно-ль отказаться вдругъ
Отъ разъ вкушенныхъ наслажденій.
Тогда узнай, легко-ль спасти
Чистѣйшей жертвой міръ нечистый
И съ протореннаго пути
Увлечь толпу на путь тернистый.
Иль ты мечтаешь, что она
Забудетъ все — очагъ семейный,
Науки тайной письмена
И славы гулъ благоговѣйный,
И шумъ пировъ, и страсти бредъ,
И вдругъ, возставъ изъ грѣшной бездны,
Пойдетъ за призраками вслѣдъ —
Куда? Въ какой-то міръ надзвѣздный?
И ты мечталъ о томъ, скромнѣйшій изо всѣхъ?
Гордыня дикая! Гордыни ослѣпленье!
Покуда міръ стоитъ — всесилепъ грѣхъ,
И Богъ земной — земное наслажденье.
Вернись! Вернись! Вернись! Тебѣ я счастье дамъ...»
Такъ злобный духъ шепталъ. И горестный Учитель
Промолвилъ, обратясь къ своимъ ученикамъ:
«Молитесь! Близко искуситель».

И сталъ молиться самъ. Но только слезный взоръ
Онъ поднялъ вверхъ, согнувъ дрожащія колѣни,
Какъ снова выступилъ изъ мрака злобный геній,
И крылья черныя надъ плачущимъ простеръ,
И слезы высушилъ своимъ дыханьемъ льдистымъ,
И чистый слухъ язвилъ злорѣчіемъ нечистымъ:
«Смотри,— коварный духъ сказалъ,—
Встаютъ видѣнья дней грядущихъ.
Ты видишь пиршественный залъ,
Гостей хохочущихъ и пьющихъ?
Ихъ тѣсенъ кругъ. Сѣдой старикъ —
Хозяинъ пира. Съ лаской пьяной

Вотъ онъ щекой своей румяной
Къ груди красавицы приникъ.
То — дочь его: лишь преступленье
Ослпить можетъ пресыщенье.
Вотъ засыпаетъ онъ. Не вѣрь!
Прикрывъ зрачки, какъ хищный звѣрь,
Онъ смотритъ съ злобой безпокойной,
Какъ сынъ его, отца достойный,
Радушно потчуетъ гостей,
Торопитъ шуткой пиръ усталый
И цѣдитъ самъ вино въ бокалы
Рукой предательской своей.
Всѣ пьютъ. Вдругъ вопль... Вскочилъ кто въ сплахъ...
Бѣгутъ къ дверямъ, ползутъ назадъ...
Кричатъ, упавъ: «Измѣна! Ядъ!»
Но поздно. Смерть течетъ въ ихъ жилахъ.
Тогда очнувшійся старикъ
Въ объятья сына призываетъ,
И стоны смерти прерываетъ
Его злорадства дикій крикъ...
Кто-жъ извергъ сей? Ночной грабитель?
Злодѣй, таящійся во мглѣ?
Нѣтъ, твой намѣстникъ на землѣ,
Твоихъ завѣтовъ онъ — хранитель,
Онъ — высшій совѣсти судья,
Его народы чтутъ, какъ дѣти.
Гляди-жъ, безумецъ! Вотъ, спустя
Пятнадцать медленныхъ столѣтій,
Къ чему распятье приведетъ!
Чтобъ пресыщенному злодѣю
Доставить силу и почетъ.
Чтобы, святынею твоею
Покрывъ преступное чело,
Творить свободнѣй могъ онъ зло...
Вернись! Оставь людей судьбѣ неумолимой!
Вернись! Ты не спасешь ихъ жертвою своей!»
И, руки вверхъ воздѣвъ, молился другъ людей:
«Да идетъ чаша эта мимо».

И вновь злой геній говоритъ:
«Вотъ площадь шумная. Трибуна,
Какъ бы скала среди буруна,
Надъ ней высокая царитъ.
Въ трибунѣ той — старикъ безстрастный,
Какъ нищій въ рубище одѣтъ.
Въ его лицѣ кровинки нѣтъ,
Недвиженъ взоръ сухой и властный.
Толпа, ревущая окрестъ,
Вблизи него хранитъ молчанье.
Онъ оперся на черный крестъ,
Застылъ, какъ рока изваянье.
И вдругъ — о чудо! — по лицу
Улыбка легкая мелькнула.
Какая сила мертвецу
Способность чувствовать вернула?
Толпа стихаетъ. Слышенъ хоръ.
На площадь шествіе выходитъ.
Монахъ съ крестомъ его подводитъ
Туда, гдѣ высится костеръ!
Средь черныхъ рясъ въ рубахахъ бѣлыхъ
Мужей и женъ идутъ ряды.
Злыхъ пытокъ свѣжіе слѣды
Горятъ на лицахъ помертвѣлыхъ.
И вотъ хоругвей черный лѣсъ
Недвижно сталъ. На возвышеньѣ
Мелькнули мучениковъ тѣни.
И вдругъ костеръ въ дыму исчезъ —
Подъ стопы жертвъ, подъ пѣнье хора,
Подъ тяжкій вздохъ твоей груди...
Но ты на старца погляди!
Не сводитъ огненнаго взора
Съ огня, дыханье затаивъ.
Онъ молодъ сталъ, онъ сталъ красивъ,
Молитву шепчетъ... Неужели
Твое онъ имя произнесъ?
Тебѣ — ты слышишь? — онъ принесъ
Несчастныхъ въ жертву, что сгорѣли.

Тебя прославилъ онъ огнемъ,
За души грѣшниковъ предстатель.
Ты весь дрожишь? Такъ знай, мечтатель:
О кроткомъ имени твоемъ
Моря изъ крови заструятся,
Свершится безконечный рядъ
Злодѣйствъ ужасныхъ, освятятся
Кинжалъ и мечъ, костеръ и ядъ.
И будутъ дикія проклятья
Твою святыню осквернять,
И люди, именемъ распятья,
Другъ-друга будутъ распинать.
И станетъ знаменемъ въ борьбѣ непримиримой
Твой крестъ, твой кроткій крестъ, символъ любви твоей...»
И, руки вверхъ воздѣвъ, молился другъ людей:
«Да идетъ чаша эта мимо!»

А демонъ хохоталъ:
«Взываетъ къ небесамъ
И чашу горькую ко рту подноситъ самъ.
Какъ! Не смутилъ тебя костеръ, ни пиръ кровавый?
Ты медлишь здѣсь, на зло и людямъ и себѣ?
Ужъ не ошибся-ль я въ тебѣ?
И вмѣсто истины не жаждешь ли ты славы?
О, если такъ, то жди. Удачно выбранъ мигъ:
Тьма въ городѣ людей... Иди на муки смѣло!
Пусть кровь твою прольютъ, пусть распинаютъ тѣло.
Я вижу: нравъ толпы глубоко ты постигъ.
Да, жаждетъ и она не правды, не святыни,
Но правды идоловъ, святыни алтарей.
Толпѣ дай образы, лишь рѣзче да пестрѣй,
Миражи ей твори средь жизненной пустыни,
Чтобъ было вкругъ чего, бѣснуясь, ей плясать
И воздухъ воплями безумно потрясать.
Поменьше мудрости, лишь было-бъ красокъ много.
Глаза людей прельщай, не трогая сердецъ.
Понятнѣй имъ нѣмой, но блещущій телецъ
Изъ тучъ вѣщавшаго невидимаго бога,

Вотъ отчего твой крестъ и блѣдный трупъ на немъ,
Прекрасное лицо и скорби выраженье,
И терніи, и кровь, и воины кругомъ
Глубоко поразятъ толпы воображенье,
Легенды создадутъ — стозвучный бредъ молвы
И будутъ жить въ вѣкахъ, но вѣчно ли? Увы!
Гляди: вотъ храмъ, твой храмъ недавно,
Теперь невѣдомо онъ чей.
Передъ толпой ораторъ славный
Тамъ держитъ рѣчь. Все горячѣй,
Неудержимѣй льется слово.
Онъ говоритъ, что для земли
Столѣтья сумрака прошли,
Что міръ стряхнулъ съ себя оковы
Неправды, рабства и — твои!
Твою борьбу, твои мученья
Онъ осмѣянью предаетъ,
Твою любовь, твои ученья
Аскета бреднями зоветъ.
Тебя клеймитъ онъ изувѣромъ,
Голгоѳу — трусости примѣромъ
И школой нравственныхъ калѣкъ.
Онъ говоритъ: въ безумья вѣкъ
Вселенной правилъ богъ безумный,
Пусть Разумъ правитъ въ вѣкъ разумный!
И вотъ, въ отвѣтъ его рѣчамъ,
Раздался громъ привѣтствій пылкихъ,
Раскрылась дверь — и вносятъ въ храмъ
На раззолоченныхъ носилкахъ
Полураздѣтую жену,
Законодательницу оргій.
Нѣтъ, не гремѣли встарину
Тебѣ подобные восторги!
Тебя смѣнивъ, какъ божество,
Вступилъ порокъ въ твою обитель,
Забытъ божественный Учитель
И вотъ — преемница его!
И вотъ она — толпа, развратная блудница,
Хоть пресыщенная давно,

То оргій бѣшеныхъ, то истязаній жрица,
Всегда безумная равно.
Рабы мучителей, мучители пророковъ,
Сыны отцовъ, которыхъ Богъ
Хоть смылъ съ лица земли, но все-жъ клейма пороковъ
Съ души дѣтей ихъ смыть не могъ.
И за толпу умрешь? Толпой же распятъ будешь?
Но слышишь: спятъ ученики...
Ужь если спятъ они, ужель толпу разбудишь?
Вернись! Въ пустыню убѣги!..»

Такъ искушалъ злой духъ, ликуя безпредѣльно,
И другъ людей молчалъ, поникнувъ головой.
Душа скорбѣла въ немъ смертельно,
Съ чела катился потъ кровавою струей
И умъ изнемогалъ отъ тяжкаго боренья.
И вся вселенная въ тѣ горькія мгновенья
Недвижно замерла, молчала и ждала...
Великій, страшный часъ, когда въ душѣ скорбѣвшей,
Въ душѣ, за цѣлый міръ болѣвшей,
Свершалось таинство борьбы добра и зла.
И тамъ, на небесахъ, въ селеньяхъ жизни горней,
Настало царство тишины,
И самъ Господь скорбѣлъ, сокрывшись въ тучѣ черной.
Толпились ангелы, тоской омрачены.
И вдругъ одинъ изъ нихъ съ поспѣшною тревогой
На землю ринулся...
Когда, по скорби многой,
Другъ міра поднялъ взоръ, уже стоялъ предъ Нимъ
Съ очами, полными надежды и испуга,
Безгрѣшной красотой сіявшій серафимъ.
И долго, грустные, глядѣли другъ на друга,
И ангелъ пѣлъ:

«Кто крестъ однажды хочетъ несть,
Тотъ распинаемъ будетъ вѣчно,
И, если счастье въ жертвѣ есть,
Онъ будетъ счастливъ безконечно.

«Награды нѣтъ для добрыхъ дѣлъ.
Любовь и скорбь — одно и то же.
Но этой скорбью кто скорбѣлъ,
Тому всѣхъ благъ она дороже.

«Какое дѣло до себя
И до другихъ, и до вселенной
Тому, кто шествовалъ, скорбя,
Куда звалъ голосъ сокровенный?

«Но кто, боясь за нимъ итти,
Себя сомнѣніемъ тревожитъ,
Пусть броситъ крестъ среди пути,
Пусть ищетъ счастья, если можетъ...»

И прояснился скорбѣвшаго черты
И, руки вверхъ воздѣвъ, молился Онъ смиренно:
«Не такъ, какъ я хочу, а такъ, какъ хочешь Ты»
И шопотъ радости промчался по вселенной...
Онъ разбудилъ учениковъ
И молвилъ: «Часъ мой наступаетъ».
И чу! Имъ слышенъ звукъ шаговъ,
Къ нимъ звонъ оружья долетаетъ.
Мелькнули факелы въ кустахъ,
Снопъ свѣта вырвался оттуда.
И вотъ — съ улыбкой на устахъ
Изъ мрака крадется Іуда...

Д. С. Мережковскій.

STABAT MATER.

На Голгоѳѣ, Матерь Божья,
Ты стояла у подножья
Древа Крестнаго, гдѣ былъ
Распятъ Сынъ Твой,— и разящій,
Душу Матери скорбящей
Смертной муки мечъ пронзилъ.
Какъ Онъ умеръ, Сынъ Твой нѣжный,
Одинокій, безнадежный,
Очи видѣли Твои...

Не отринь меня, о, Дѣва!
Дай и мнѣ стоять у Древа,
Обагреннаго въ крови,
Ибо видишь — сердце жаждетъ
Пострадать, какъ Сынъ Твой страждетъ.
Дѣва дѣвъ, родникъ любви,
Дай мнѣ болью ранъ упиться,
Крестной мукой насладиться,
Мукой Сына Твоего;

Чтобъ, огнемъ любви сгорая,
И томясь, и умирая,
Мнѣ увидѣть славу рая
Въ смерти Бога моего.

Князь Д. Н. Цертелевъ.

I.

Не сѣтуй, что тебѣ онъ измѣнилъ,
Не проклинай безумнаго напрасно,
Въ усталомъ сердцѣ прежнихъ нѣтъ ужъ силъ
И биться для тебя оно не властно.

Онъ долго, горячо тебя любилъ;
Но безотчетною, слѣпою страстью
И холодъ жизни пламя погасилъ;
Но ты сама «прости», сказала счастью.

II.

Когда въ душѣ нѣтъ ни тепла, ни свѣта—
И я на міръ сквозь сумерки гляжу,—
Не жди тогда ни ласки, ни привѣта,
Я словъ любви въ себѣ не нахожу.

Явись сама сквозь этотъ мракъ осенній,
Слова любви сама мнѣ говори—
И убѣгутъ густѣющія тѣни
И вспыхнетъ міръ въ лучахъ твоей зари.

М. А. Лохвицкая.

ЭНИСЪ-ЭЛЬ-ДЖЕЛЛИСЪ.

I.

Въ узорчатой башнѣ ютился гаремъ
Владыки восточной страны,
Гдѣ плѣнницы жили, не зная — зачѣмъ,
Томились и ждали весны.

Ужъ солнце склонялось къ жемчужной волнѣ,
Повѣяло вѣтромъ и сномъ.
Невѣдомый рыцарь на бѣломъ конѣ
Подъѣхалъ — и сталъ подъ окномъ.

Онъ видѣлъ, какъ птицы, коснувшись окна,
Кружились и прядали внизъ.
Онъ видѣлъ — въ гаремѣ всѣхъ краше одна,
Рабыня Энисъ-эль-Джеллисъ.

Уста молодыя алѣли у ней,
Какъ розы полуденныхъ странъ;
Воздушнѣй казался вечернихъ тѣней
Ея обольстительный станъ.

На солнцѣ пушистыя косы вились,
Какъ два золотые ручья.
И рыцарь воскликнулъ: — Энисъ-эль-Джеллисъ,
Ты будешь моя — иль ничья!

И солнце въ ночные чертоги свои
По краснымъ сошло облакамъ...
Да славится имя безсмертныхъ въ любви,
Оно передастся вѣкамъ.

Разрушена башня. На темной скалѣ
Безмолвный стоитъ кипарисъ.
Убитая, дремлетъ въ холодной землѣ
Рабыня Энисъ-эль-Джеллисъ.

II.

*
* *

Въ моемъ незнаньѣ — такъ много вѣры
Въ расцвѣтъ весенній грядущихъ дней!
Мои надежды — мои химеры —
Тѣмъ ярче свѣтятъ, чѣмъ мракъ темнѣй.

Въ моемъ молчаньѣ — такъ много муки,
Страданій гордыхъ, незримыхъ слезъ,
Ночей безсонныхъ, вѣковъ разлуки,
Нераздѣленныхъ, сожженныхъ грезъ!

Въ моемъ безумьѣ — такъ много счастья,
Восторговъ жадныхъ, могучихъ силъ,
Что сердцу страшенъ покой безстрастья,
Какъ мертвый холодъ нѣмыхъ могилъ.

Но щитъ мой крѣпкій — въ моемъ незнаньѣ
Отъ страха смерти и бытія.
Въ моемъ молчаньѣ — мое призванье,
Мое безумье — любовь моя.

Ѳ. К. Сологубъ.

*
* *

Заря-заряница,
Небесная царица
Мать Пресвятая Богородица

По всей землѣ ходила,
Всѣ грады посѣщала,
Въ одно село пришла,—
Всѣ рученьки обила,
Подъ окнами стучала,—
Пріюта не нашла.

Ее отъ оконъ гнали,
Толкали и бранили,
Корили и кляли,
И бабы ей кричали:
— «Когда-бъ мы всѣхъ кормили,
Такъ что-бъ мы сберегли!» —

Огонь небесный жарокъ.
Высокъ, далекъ, да зорокъ
Илья, святой пророкъ.
Онъ всталъ, могучъ и ярокъ,
И грозныхъ молній сорокъ
Связалъ въ одинъ клубокъ.

По облачной дорогѣ,
На огненной телѣгѣ,
Съ зарницей на дугѣ
Помчался онъ въ тревогѣ,—
У кòней въ буйномъ бѣгѣ
По грому на ногѣ.

И вихри закружились,
И дубы зашатались,
И молніи зажглись,
И громы разразились,
И люди испугались,
Молиться принялись.

Напрасныя рыданья,
Напрасныя моленья,—
Гнѣвливъ пророкъ Илья.
Не будетъ состраданья
Для грѣшнаго селенья,—
Конецъ его житья.

Дѣтей людскихъ жалѣя,
Сказала Пресвятая:
«Уймись, пророкъ Илья!
Грѣшатъ, не разумѣя,
Добра не понимая,—
Но всѣмъ простила я.»

Передъ Ильею стала,
Словами не смирила,
Да съ плечъ своихъ сняла

Святое покрывало
И все село покрыла,
И всѣхъ людей спасла

Заря-заряница,
Небесная царица,
Мать Пресвятая Богородица.

О. Н. Чюмина.

УМЕРШАЯ ЛЮБОВЬ.

Прошедшее съ его очарованьемъ
Я пережить безумно жаждалъ вновь,
И я прибѣгъ къ чудеснымъ заклинаньямъ,
Чтобъ воскресить погибшую любовь.

Тоской по ней душа моя томилась;
Когда во тьмѣ зажглись огни свѣтилъ —
Я смѣло кругъ волшебный начертилъ,
Я звалъ ее, и мнѣ она явилась.

Въ сіяньѣ звѣздъ, таинственно свѣтла,
Она опять стояла предо мною,
Осыпался вѣнокъ ея чела,
И ликъ дышалъ печалью неземною.

Восторга лучъ померкъ въ ея очахъ,
Усталый взоръ былъ скорбью отуманенъ,
И обликъ весь, въ мерцающихъ лучахъ,
Казался чуждъ, загадоченъ и страненъ.

И молвилъ я: — «Я тотъ же, что̀ и былъ,
Былое все попрежнему — со мною;
Но гдѣ же твой восторга юный пылъ,
Зачѣмъ сюда явилась ты иною?

«Гдѣ страстныя и горькія слова?
Улыбокъ, слезъ и ласкъ очарованье?
Въ груди твоей не пламень божества,
Но смерти злой я чувствую дыханье».

И молвила она: — «Сюда пришла,
Покорная лишь заклинаній чарамъ.
Я умерла, поэтъ, я умерла,
Убита я, но не однимъ ударомъ:

«Отъ мелочныхъ обидъ изнемогла,
Отъ тягостныхъ вседневныхъ униженій,
И мой вѣнокъ осыпался съ чела,
И замерли слова моихъ моленій.

«Не пощаженъ былъ пламенный порывъ
Иронiи стрѣлою ледяною;
Дары мои безплодно расточивъ,
Отраву я купила ихъ цѣною.

«И нѣжности, и ласкъ моихъ взамѣнъ,
Встрѣчала я, отъ ужаса блѣднѣя,
Презрѣнiе, постыдный рядъ измѣнъ,—
И съ прихотью цѣпилась наравнѣ я.

«Я умерла, возврата къ жизни — нѣтъ,
И въ плоть, и кровь облечь меня безсильный,
Зачѣмъ, покой смущая замогильный,
Опять ко мнѣ взываешь ты, поэтъ?

«Покорная лишь чарамъ заклинаній,
Я призракомъ предстала здѣсь въ тиши:
Не воскресить былыхъ очарованій,
Какъ не вдохнуть въ умершую души!»

Д. В. Аверкіевъ.

ДВѢ СЦЕНЫ ИЗЪ ТРАГЕДІИ Ж. РАСИНА „ФЕДРА“.

I.

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ III.

Федра, Энона.

ФЕДРА.

Мы дальше не пойдемъ... О, боги! какъ слабая...
Я упаду сейчасъ, Энона дорогая.
Слѣпитъ мои глаза сіяньемъ свѣтъ дневной
И гнутся, и дрожатъ колѣни подо мной.
Ахъ!

ЭНОНА.

Боги! что̀ для васъ и слезы, и моленья!

ФЕДРА.

Какъ тяготятъ меня всѣ эти украшенья!
И чья докучная рука вокругъ чела

Мнѣ волосы въ узлы заботливо сплела?..
Ахъ! все меня томитъ и все мнѣ докучаетъ,
Какъ будто сговорясь.

ЭНОНА.

Какъ быстро разрушаетъ
Одно желаніе другое у тебя!
То ты заставишь насъ разукрашать себя
И безъ причины вдругъ отмѣнишь приказанье;
То съ прежней бодростью ты выразишь желанье
Увидѣть свѣтъ дневной,— но вотъ, едва вошла,
Какъ свѣтъ тебѣ постылъ, и снова тьма мила...

ФЕДРА.

Великій праотецъ семьи моей несчастной!
Скажи: стыдишься ты вины моей ужасной?
Тебя отцомъ моя родная мать звала,
О, свѣтлый Фебъ! Съ тобой проститься я пришла.

ЭНОНА.

Какъ? все тебя гнететъ отъ жизни отвращенье?
И я выслушивать должна твое моленье,
Чтобъ смерть окончила томительные дни?

ФЕДРА.

О, какъ желала-бъ я сидѣть въ лѣсной тѣни!
О, если-бъ я могла сейчасъ слѣдить очами
Сквозь пыль мнѣ милую за быстрыми конями!..

ЭНОНА.

Что, государыня?

ФЕДРА.

Безумная! гдѣ я?
Что смѣю говорить!.. Блуждаетъ мысль моя!..
Ахъ! разума меня вполнѣ лишили боги:
Не въ силахъ я скрывать мучительной тревоги;
Энона, я стыжусь преступныхъ этихъ грезъ;
Взгляни: мои глаза полны невольныхъ слезъ.

ЭНОНА.

Стыдися своего упорнаго молчанья:
Оно лишь бередитъ жестокія страданья.
Что́ губитъ жизнь твою, въ расцвѣтѣ полномъ силъ?
Кто чарами ея источникъ изсушилъ?
Глуха къ моимъ словамъ, заботы презирая,
Ты жаждешь, чтобъ пришла развязка роковая.
Ужъ трижды угасалъ свѣтъ въ сумракѣ ночномъ,
Какъ не смежала ты очей отраднымъ сномъ;
Ужъ трижды ночи тѣнь передъ зарей рѣдѣла,
Какъ тягостнымъ постомъ ты изнуряешь тѣло.
Какъ мысли злой себя дала ты соблазнить?
Какъ руки на себя ты смѣешь наложить?
Ты жизнедателей боговъ тѣмъ оскорбляешь
И брачной вѣрности обѣты нарушаешь;
О, вспомни наконецъ, что смертію своей
На иго тяжкое ты обречешь дѣтей.
Въ тотъ день, какъ на всегда твои сомкнутся вѣжды,
Сынъ чужеземки вновь исполнится надежды,—
И онъ, твой гордый врагъ, сиротъ не пощадитъ,
Онъ амазонки сынъ, суровый Ипполитъ...

ФЕДРА.

О, боги!

ЭНОНА.

Вспыхнувъ, ты отъ гнѣва поблѣднѣла...

ФЕДРА.

Чье имя предо мной ты произнесть посмѣла?

ЭНОНА.

И справедливъ твой гнѣвъ. О, какъ довольна я,
Что мой упрекъ сумѣлъ такъ взволновать тебя!
Живи, вступи въ борьбу: иль злое совершится,
И скифъ по матери въ Аоннахъ воцарится;
Онъ, дерзко обративъ твоихъ дѣтей въ рабовъ,

Начнетъ повелѣвать потомками боговъ.
Не медли: ты стоишь ужъ на краю могилы,
Скорѣе пробуди угаснувшія силы;
Да укрѣпятъ тебя и долгъ твой, и любовь!
И свѣточъ дней твоихъ да возгорится вновь!

ФЕДРА.

Ахъ! жизнь преступная меня такъ истомила!..

ЭНОНА.

Иль злодѣяніе ты тайно совершила,
Что̀ гложетъ такъ тебя смертельная тоска?
Отъ крови пролитой чиста твоя рука?

ФЕДРА.

Невинной кровью рукъ своихъ я не пятнала...
О, если-бъ въ сердцѣ я вины не сознавала!

ЭНОНА.

Что́ зародилося въ душѣ твоей больной,
Что ты сама дрожишь передъ своей мечтой?

ФЕДРА.

Довольно; я умру, но тайны не открою.

ЭНОНА.

Безчеловѣчное молчаніе съ собою
Въ могилу унеси... Но не проси меня,
Чтобъ очи въ смертный часъ тебѣ закрыла я!
Пусть слабо жизнь твоя горитъ, едва мерцая,
Я къ мертвымъ низойду, тебя предупреждая.
О, тысячи путей къ Коциту насъ ведетъ,
Изъ нихъ моя печаль кратчайшій изберетъ.
Жестокая! тебя съ рожденья я вскормила,
Иль я не для тебя,— но ты о томъ забыла —
Покинула свой домъ и милую семью?..
И вотъ награда мнѣ за преданность мою!

ФЕДРА.

Иль хочешь вымучить ты изъ меня признанье?
Отъ страха ты замрешь, лишь я прерву молчанье.

ЭНОНА.

Я знаю лишь одинъ неотразимый страхъ:
Увидѣть, какъ умрешь ты на моихъ рукахъ.

ФЕДРА.

Открывъ тебѣ мой стыдъ, мой помыселъ грѣховный,
Я все равно умру, не болѣе виновной.

ЭНОНА.

Колѣни слабыя твои обнявъ рукой,
Во имя слезъ моихъ, пролитыхъ надъ тобой,
Молю: избавь мой умъ отъ гибельной тревоги!..

ФЕДРА.

Ты умоляешь? — встань!

ЭНОНА.

Я слушаю.

ФЕДРА.

О, боги!
Что я хочу открыть? И какъ рѣшилась я!..

ЭНОНА.

О, перестань пугать: не оскорбляй меня.

ФЕДРА.

О, гнѣвъ, о, ненависть Киприды роковая!
Погибла отъ любви ты, мать моя родная!

ЭНОНА.

О, государыня! не вспоминай о томъ;
Пусть спитъ ея вина въ молчаньѣ гробовомъ.

ФЕДРА.

О, милая сестра! покинута, бродила
У моря ты въ тоскѣ... Любовь тебя сгубила.

ЭНОНА.

Царица, что́ съ тобой? Иль нынче желчь свою
Готова ты излить на всю свою семью?

ФЕДРА.

И я, какъ и онѣ, погибну несомнѣнно...
Послѣдней я умру, но больше всѣхъ презрѣнной.

ЭНОНА.

Иль полюбила ты?

ФЕДРА.

Терзанія любви
Узнала я вполнѣ.

ЭНОНА.

Къ кому же? назови.

ФЕДРА.

Люблю... При имени его я цѣпенѣю,
И вся дрожу.

ЭНОНА.

Кто онъ?

ФЕДРА.

Его назвать не смѣю...
Онъ амазонки сынъ... Тотъ юноша, кого...

ЭНОНА.

О, боги! Ипполитъ?

ФЕДРА.

Ты назвала его.

ЭНОНА.

О, небеса! Вся кровь во мнѣ оледенѣла!..
Несчастная семья! О, стыдъ! О, злое дѣло!..
Зачѣмъ приблизились мы къ этимъ берегамъ?
О, если-бъ знали мы что̀ рокъ готовитъ намъ?

ФЕДРА.

Давно страдаю я. Когда со мной Тезея
Связали навсегда законы Гименея,
Я думала найти и счастье, и покой.
Въ Аѳинахъ гордый врагъ предсталъ передо мной.
При взглядѣ на него, я, вспыхнувъ, поблѣднѣла,
Смущенною душой тревога овладѣла;
Языкъ мой онѣмѣлъ, лишилась зрѣнья я,
И леденилъ озноб̀ъ, и жаръ томилъ меня...
Коснулся и меня Киприды гнѣвъ опасный:
Зло неизбѣжное моей семьи несчастной...
Тогда прибѣгла я къ обѣтамъ и дарамъ,
Я ей построила великолѣпный храмъ;
Въ утробахъ жертвенныхъ искала указаній,
Какъ разумъ исцѣлить отъ гибельныхъ блужданій.
Напрасно! Недугъ мой ничѣмъ непзлѣчимъ:
Онъ, гордый Ипполитъ, сталъ божествомъ моимъ.
Когда предъ алтаремъ богиню я молила,
Ему лишь одному я жертвы приносила.
Онъ всюду былъ со мной. О, горе безъ конца!
Его я видѣла въ чертахъ его отца.
Но пробудила я въ себѣ негодованье,
Заставила себя достичь его изгнанья.
И для того, кому молилася душой,
Явилась, притворясь, я мачихою злой.
Я крикомъ яростнымъ и стонами проклятій
Его оторвала отъ отческихъ объятій.
Свободно я тогда вздохнула. Дни мои
Съ тѣхъ поръ въ невинности спокойно потекли.
Покорная жена, я скорбь свою таила
И брачные плоды Тезею возрастила.

Усилья тщетныя! О, случай роковой!
Супругъ мой самъ въ Трезенъ беретъ меня съ собой,
И волею судьбы я увидала снова
Врага, котораго гнала я такъ сурово!
Едва зажившая, раскрылась рана вновь,
И въ сердцѣ у меня забушевала кровь:
Теперь во мнѣ горитъ не пламя страсти скрытой,—
Въ меня, какъ лютый звѣрь, вцпилася Афродита.
Я страшнаго грѣха весь ужасъ сознаю,
Кляну страсть низкую и съ нею жизнь мою.
О, какъ желала я, честь рода охраняя,
Чтобъ умерла со мной и тайна роковая.
Ты слезною мольбой принудила во всемъ
Открыться предъ тобой; я не крушусь о томъ.
Не огорчай и ты послѣдняго мгновенья
Упреками; почти кончины приближенье.
Тебѣ заботами меня не оживить:
О, дай же тихо мнѣ дыханье испустить.

II.

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ IV.

Федра, Ипполитъ, Энона.

ФЕДРА [Энонѣ, въ глубинѣ сцены].

Вотъ онъ... и къ сердцу кровь стремительно прилила...
Что́ я скажу ему?.. Энона, я забыла...

ЭНОНА.

О, помни, что твой сынъ погибнетъ безъ тебя.

ФЕДРА.

Ты ѣдешь, государь... Передъ тобою я,
Чтобъ скорбь твою почтить слезами сожалѣнья,
Чтобъ высказать свои за сына опасенья.

Лишился онъ отца. И ужъ не долго ждать,
Какъ, бѣдное дитя, схоронитъ онъ и мать.
Онъ съ дѣтства окруженъ враждой и злобой скрытой, —
О, будь же для него опорой и защитой!
Но робость тайная мой угнетаетъ духъ:
Боюсь, къ его мольбамъ закрыла я твой слухъ;
Боюся, что ко мнѣ питая отвращенье,
Ты станешь вымещать на немъ тѣ оскорбленья...

ИППОЛИТЪ.

О, этихъ низкихъ чувствъ, повѣрь, не знаю я.

ФЕДРА.

За ненависть ко мнѣ я не виню тебя:
Ты видѣлъ, какъ тебѣ усердно я вредила,
Но ты не могъ читать, что̀ въ сердцѣ я таила.
Тебя преслѣдовать отрадой было мнѣ,
Я не хотѣла жить съ тобой въ одной странѣ,
И вскорѣ море насъ надолго раздѣлило...
И тайно, и при всѣхъ тебя я не щадила;
Тебя по имени никто не смѣлъ назвать
Въ моемъ присутствіи... Но если-бъ ты искать
Сталъ наказанія, котораго я стою;
Когда-бъ лишь на вражду ты отвѣчалъ враждою,—
То знай: не стою я ненависти твоей;
Нѣтъ, сожалѣнія достойна я скорѣй.

ИППОЛИТЪ.

Я знаю, что всегда, вслѣдъ за второй женою,
Раздоры входятъ въ домъ докучною толпою;
Что мать, ревнивая къ правамъ своихъ дѣтей,
Не любитъ первенца предмѣстницы своей:
Отъ всякой испытать пришлось бы подозрѣнья,
И были бы сильнѣй, быть можетъ, оскорбленья...

ФЕДРА.

Свидѣтель небо мнѣ: подобная вражда
Меня не мучила, царевичъ, никогда...
Иная скорбь меня снѣдаетъ и тревожитъ...

ИППОЛИТЪ.

О, государыня! но твой супругъ, быть можетъ,
И живъ, и видитъ свѣтъ. И небо, внявъ мольбамъ,
Быть можетъ, возвратитъ его на радость намъ.
Могучій Посидонъ Тезея охраняетъ
И ревностно свой слухъ къ его мольбѣ склоняетъ.

ФЕДРА.

Нѣтъ, и могучій богъ того не возвратитъ,
Кто смертью унесенъ и снизошелъ въ Аидъ.
Царевичъ, дважды жизнь для насъ не расцвѣтаетъ,
И жадный Ахеронъ добычъ не возвращаетъ.
Но нѣтъ! онъ живъ въ тебѣ; всегда передъ собой
Супруга вижу я... вотъ онъ стоитъ, живой;
Я вижу, говорю и сердце... Мысль блуждаетъ,
И страсть безумную невольно выражаетъ...

ИППОЛИТЪ.

Твоя любовь къ нему, царица, такъ сильна,
Что и умершаго животворитъ она;
Его лелѣешь ты въ душѣ мечтой своею...

ФЕДРА.

Да, я люблю, горю; томлюся по Тезею...
Но онъ не умиралъ... И онъ... совсѣмъ иной,—
Не вѣроломный льстецъ предъ встрѣчной красотой,
Готовый осквернить въ Аидѣ ложе бога,—

Онъ духомъ твердъ, суровъ, и даже дикъ немного;
Какъ олимпійскій богъ, въ расцвѣтѣ красоты,
Невольно онъ сердца влечетъ къ себѣ, какъ ты.
Онъ былъ вполнѣ тобой,— и также рѣчь звучала,
И юное лицо стыдливостью пылало —
Когда онъ переплылъ широкія моря,
Достойный дочерей могучаго царя.
Что дѣлалъ ты тогда? Зачѣмъ безъ Ипполита
Цвѣтъ Греціи спѣшилъ на избавленье Крита?
Ты слишкомъ молодъ былъ... О, лучше бы ты самъ
Пошелъ на кораблѣ къ далекимъ берегамъ!
Тебѣ дивились бы какъ новому герою,
И былъ бы Минотавръ убитъ твоей рукою!..
Чтобъ подвигъ доблестный герою облегчить,
Тогда-бъ моя сестра тебѣ вручила нить;
Нѣтъ, тутъ бы я ее, клянусь, предупредила,—
О, раньше бы любовь мнѣ ту же мысль внушила!
Ты былъ бы охраненъ заботою моей,
И я бы сдѣлалась сподвижницей твоей;
Я въ лабиринтъ сама спустилась бы съ тобою,
И ты-бъ со мной погибъ, иль побѣдилъ со мною...

ИППОЛИТЪ.

О, боги!.. этотъ пылъ... я понялъ наконецъ...
О, вспомни, что я сынъ; что мнѣ Тезей отецъ.

ФЕДРА.

Какъ смѣешь думать ты, что я о томъ забыла?..
Или позорно честь свою я погубила?

ИППОЛИТЪ.

О, государыня, прости... Я сознаюсь,
Что дерзко поступилъ... Краснѣю и стыжусь,
Что рѣчь невинную посмѣлъ судить такъ строго...
Бѣгу...

ФЕДРА.

Жестокій! Нѣтъ, ты слышалъ слишкомъ много
Чтобъ не понять меня. Нѣтъ, ты въ ошибку впасть
Не могъ. Ну, что-жъ! узнай безумной Федры страсть!
Люблю,— но даже въ мигъ невольнаго признанья
Не вижу для себя и тѣни оправданья;
Не думай, что тотъ ядъ что̀ у меня въ крови
Взростила я сама въ безуміи любви.
Нѣтъ! самоё себя сильнѣе я гнушаюсь,
Чѣмъ презираешь ты... И въ этомъ заклинаюсь
Богами, что̀ меня, со всей моей семьей,
Карають, не щадя, любовью роковой;
Богами, что̀ меня, кичася лютой славой,
Задумали сгубить сердечною отравой!..
О, вспомни прошлое,— чтобъ не видать тебя,
Тебя бѣжала я, тебя изгнала я!..
Я отъ любви къ тебѣ спасалася враждою,
Изъ-за нея была безчеловѣчной, злою...
И что̀ же! все росла и ненависть твоя,
И все безумнѣе тебя любила я!..
Твое страданіе тебя лишь возвышало,
А я въ огнѣ, въ слезахъ, томилась и сгорала...
Взгляни лишь на меня, и убѣдишься въ томъ,—
Но ты гнушаешься страдальческимъ лицомъ!..
Иль думаешь, что я готовилась къ свиданью?
Что я открылася не вопреки желанью?
Я долгу матери не смѣла измѣнить,
За сына своего пришла тебя молить,—
Но сердце полное все думою одною,
Могло лишь о тебѣ заговорить съ тобою...
Казни, убей меня... Въ тебѣ героя кровь:
О, отомсти же мнѣ за гнусную любовь,
Чтобъ дольше я земли собою не сквернила...
Какъ? я, вдова отца,— я... сына полюбила...
Нѣтъ, гадины такой не долженъ ты щадить.
Вотъ сердце, и должна твоя рука разить
Сюда. Оно спѣшитъ, оно ужъ въ нетерпѣньи

Готово встрѣтить мечъ, чтобъ искупить паденье.
Иль подлой кровью ты пятнать не хочешь рукъ?
Иль недостойна я отрадныхъ этихъ мукъ
И будетъ для меня завидна казнь такая?
Такъ дай мнѣ мечъ. Скорѣй! Себя сама я
Хочу казнить... Давай...

ЭНОНА.

О, боги! что съ тобой?
Ахъ, государыня! сюда идутъ... О, скрой
Отъ глазъ свидѣтелей позоръ свой неизбѣжный...

З. Н. Гиппіусъ.

I.

ЛѢСТНИЦА.

Сны странные порой нисходятъ на меня.
И снилось мнѣ: наверхъ, туда, къ вечернимъ тѣнямъ,
На склонѣ сѣраго и вѣтренаго дня,
Мы шли съ тобой вдвоемъ, по каменнымъ ступенямъ.
Съ неласковой для насъ небесной высоты
Такой неласковою вѣяло прохладой,
И апельсинныхъ рощъ невинные цвѣты
Благоухали тамъ, за низкою оградой.

Я что-то важное и злое говорилъ,
Улыбку помню я испуганно-нѣмую...
И было ясно мнѣ: тебя я не любилъ,
Тебя,— недавнюю, случайную, чужую...
Но стало больно, странно сердцу моему,
И мысль внезапная мнѣ душу освѣтила:
О, нелюбимая! Не знаю, почему—
Но жду твоей любви! Хочу, чтобъ ты любила!

II.

ПРЕДѢЛЪ.

Сердце исполнено счастьемъ желанья,
Счастьемъ возможности и ожиданья,—
Но и трепещетъ оно, и боится,
Что невозможное можетъ свершиться.
Полностью жизни принять мы не смѣемъ,
Тяжести счастья поднять не умѣемъ,
Звуковъ хотимъ — но созвучій боимся,
Праздным желаньемъ предѣловъ томимся,
Вѣчно ихъ любимъ, вѣчно страдая,—
И умираемъ, не достигая...

К. Д. Бальмонтъ.

I.

ВОПРОСЫ.

Неужели весь міръ бездыханенъ и пустъ,
И уста не найдутъ отвѣчающихъ устъ?
Для кого эти звѣзды блистаютъ въ ночи,
Для кого зажигаютъ во мракѣ лучи?

И зачѣмъ такъ хорошъ ихъ живой хороводъ,
И зачѣмъ такъ глубокъ голубой небосводъ?
Какъ извѣдать, волна говоритъ ли съ волной,
Или бьется безъ мысли въ прохладѣ ночной?

И восторгъ ли горитъ въ облакахъ, на зарѣ,
Въ этихъ краскахъ нѣмыхъ, въ янтарѣ, въ серебрѣ?
Есть ли души безсмертныя въ нашихъ тѣлахъ?
Есть ли Богъ гдѣ-нибудь — далеко — въ небесахъ?

Такъ я горько мечталъ у подножья скалы,
Подъ покровомъ ночнымъ голубой полумглы.
И пока вопрошалъ, угасали лучи,
И шумѣла волна: «Замолчи! Замолчи!..»

II.

НѢТЪ ЛЮБВИ.

О, еслибъ знала ты, какъ мнѣ глубоко жаль,
Что, будучи любимъ, я пресыщенъ любовью.
Съ тобой — въ полночный часъ — прильнувши къ изголовью,
Я былъ душой одинъ,— со мной была печаль.

Поймешь ли ты меня, я ждалъ, искалъ обмана,
Я жаждалъ всей душой забыться сладкимъ сномъ.
Но нѣтъ любви въ любви, я убѣдился въ томъ,
Глаза безсонные прозрѣли слишкомъ рано.

Пойми мои слова, пойми, что это такъ:
Любовь — миражъ судьбы, дающій намъ мученье,
Она отъ лучшихъ чувствъ нѣмое отреченье,
Любовь — минутный другъ и долголѣтній врагъ.

Молю, не мучь меня своимъ страданьемъ скрытымъ,
Забудь, и научись — не плакать, не любить.
О, вѣрь, отраднѣй быть обманутымъ, забытымъ,
Чѣмъ, не любя, любимымъ быть!

III.

ЗАТОНЪ.

Когда ты заглянешь въ прозрачныя воды затона,
Подъ блѣдною ивой, при свѣтѣ вечерней звѣзды,
Невнятный намекъ на призывъ колокольнаго звона
Къ тебѣ донесется изъ замка хрустальной воды.

И ты, наклонившись, увидишь прекрасныя лица,
Испуганнымъ взоромъ замѣтишь межъ ними себя.
И въ сердцѣ твоемъ за страницею вспыхнетъ страница,
Ты будешь читать ихъ, какъ духъ, не скорбя, не любя.

И будутъ расти ото дна до поверхности влаги
Узоры упрямо и тѣсно сплетенныхъ вѣтвей,
И будутъ расти и мѣняться,— какъ призраки саги
Растутъ, измѣняясь въ значеньѣ и въ силѣ своей.

И все, что въ молчаніи почи волнуетъ и ранитъ,
Что тайною чарой исходитъ съ далекихъ планетъ,
Тебя въ сочетанья свои завлечетъ, и обманетъ,
И сердце забудетъ, что съ ними сліянія нѣтъ.

Ты руку невольно протянешь надъ сонным затономъ,
И вмигъ все безслѣдно исчезнетъ,— и только вдали,
Съ чуть слышной мольбою, съ какимъ-то заоблачнымъ звономъ,
Незримо порвется струна отъ небесъ до земли.

В. П. Лебедевъ.

ВЪ БОРЖОМѢ.

1.

НА ПОѢЗДѢ.

Навстрѣчу мутныхъ волнъ, съ ихъ пѣной желтоватой,
Несется поѣздъ нашъ по берегу Куры...
Порою зеленью обильной и богатой
Покрыта крутизна нависнувшей горы.

Порой на высотѣ,— въ знакъ мирнаго союза
Труда съ терпѣніемъ,— среди нагихъ громадъ
Стеблями пышными желтѣетъ кукуруза,
И сакли — всѣ въ садахъ, всѣ въ зелени — стоятъ...

Но поѣздъ нашъ гремитъ, взбираясь тяжко въ гору;
Извилина пути, сгибаясь какъ змѣя,
Въ ущелья встрѣчныя то дастъ проникнуть взору,
То замыкаетъ вновь скалистые края.

Вотъ новый поворотъ... Гляжу въ окно вагона:
Уступъ лѣсистыхъ горъ прорѣзанъ какъ ножомъ...
Бѣлѣютъ стѣны дачъ въ кустахъ крутого склона...
Свистокъ... и поѣздъ сталъ... и слышу я: «Боржомъ!»

2.

МИНЕРАЛЬНЫЙ ПАРКЪ.

Сіяло солнце, и аллея
Была свѣжа, была свѣтла;
Шумя и пѣною бѣлѣя,
Боржомка бурная текла.

Косыми, грозными стѣнами,
Въ отливахъ зелени густой,
Отвѣсы горные надъ нами
Плѣняли дерзкой красотой...

И между ними паркъ зеленый
Тянулся узкой полосой —
Весь освѣженный, окропленный
Еще невысохшей росой...

И съ неба — солнца лучъ продольный
Ложился мягче и нѣжнѣй
На листья чащи многоствольной,
На мохъ темнѣющихъ камней,

На струйки пѣнистой Боржомки
И тамъ — подъ зеленью густой —
На платье дачной незнакомки,
Объятой утренней мечтой...

3.

ВОРОНЦОВСКІЙ ПАРКЪ.

Подъ густымъ навѣсомъ, подъ навѣсомъ хвойнымъ,
Намъ не видно солнца въ мягкой полумглѣ;
Сосны здѣсь и ели стали рядомъ стройнымъ—
Всѣ въ зеленыхъ иглахъ, въ золотой смолѣ.

Сверху долетаетъ клекотъ хищной птицы...
Тамъ она — ты видишь? — прямо надъ тобой,
Гдѣ вершинъ сосѣднихъ рѣютъ вереницы,
Тонетъ черной точкой въ тверди голубой...

А внизу тропинка сквозь кустарникъ ломкій
Змѣйкой вьется въ пропасть и на дно бѣжитъ,
Гдѣ шумящей вѣчно, бѣшеной Боржомкой
Черный путь сквозь камни глубоко̀ прорытъ.

Славно здѣсь! Не тянетъ къ шуму городскому,
Къ звонкому журчанью пѣнистой волны,
Къ полному тревоги, людному Боржому —
Со смолистой, теплой, мирной вышины!..

4.

У «РОТОНДЫ».

Льется, льется блескъ холодный
Электрическихъ огней;
У ротонды — все людно̀й:
Ни скамейки нѣтъ свободной!

Звонкій смѣхъ, шутливый споръ,
Блескъ обдуманныхъ парядовъ,
Перестрѣлка словъ и взглядовъ,
Тихій звонъ блестящихъ шпоръ...

Вотъ, красуясь въ яркомъ блескѣ
И картинно подбочась,
Черноусый ходитъ князь,
Словно вылитый въ черкескѣ...

Вотъ и юнкеръ, и студентъ,
Коммерсантъ надменно-тучный —
Всѣ мелькаютъ въ смѣнѣ скучной,
Въ морѣ шляпокъ, въ морѣ лентъ...

Въ залѣ, ярко освѣщенной,
Шумныхъ танцевъ длится рядъ;
Жадно зрители слѣдятъ
За мазуркой оживленной...

И зачѣмъ-то свѣтъ луны —
Суетѣ людской ненужный —
Красоту природы южной
Озаряетъ съ вышины...

5.

ЕВГЕНІЕВСКІЙ ИСТОЧНИКЪ.

За круглой крышкою стеклянной
Кипитъ въ водѣ подземный газъ;
Игрой живой и постоянной
Онъ, какъ забава, тѣшитъ насъ...

И любо, любо въ полдень жгучій
Лѣниво, въ сладкомъ забытьѣ,
На мигъ припасть къ его кипучей,
Къ его желѣзистой струѣ!

Тамъ, подъ землей, во мглѣ унылой
Нѣмой ли камень иль металлъ
Своей живительною силой
Источникъ свѣжій напиталъ...

Пробился онъ въ пути далекомъ
Сквозь горный сумракъ и гранитъ —
И вотъ, кипя, волшебнымъ токомъ
Насъ подкрѣпляетъ и живитъ!..

6.

НОЧЬЮ.

Въ золотомъ сіяньѣ диска
Мѣсяцъ выглянулъ блестящій;
И безу́молчно, близко
Все шумитъ Боржомъ неспящій...

И любуюсь я съ балкона,
И ловлю я быстрымъ взоромъ,
Какъ съ земли до небосклона
Огоньки бѣгутъ узоромъ...

Какъ, порою, мѣсяцъ полный,
Проходя урочнымъ кругомъ,
За хребтомъ горы безмолвной
Словно прячется съ испугомъ...

Хорошо! Привольно взору!
А на-завтра я покину
Этотъ мѣсяцъ, эту гору,
Эту чудную картину!..

Тифлисъ.
1898 г.

А. В. Кругловъ.

*
* *

Поэзія, какъ жизнь, какъ свѣтъ —
Разлита всюду въ Божьемъ мірѣ,
И вѣщій жрецъ ея — поэтъ
Слагаетъ гимны ей на лирѣ.

Поэтъ покоренъ небесамъ;
Онъ — силы творческой избранникъ —
Проходитъ путь, какъ чуткій странникъ,
Внимая горнимъ голосамъ.

Храня въ душѣ своей безпечность,
Съ недосягаемыхъ высотъ
Онъ проникаетъ взоромъ въ вѣчность
И къ вѣчной правдѣ всѣхъ зоветъ.

Онъ имъ — пекущимся о хлѣбѣ,
Погрязшимъ думой въ суетѣ,
Забывшимъ на землѣ о небѣ —
Поетъ о вѣчной красотѣ.

И сладкозвучныхъ струнъ на лирѣ
Ея врагамъ не оборвать:
Поэзія разлита въ мірѣ —
Какъ свѣтъ, какъ Божья благодать.

П. Ѳ. Порфировъ.

СКАЗКА.

Несчастный юноша (а, можетъ, и счастливый)
Жилъ нѣкогда на свѣтѣ. Какъ подкидышъ,
Онъ средь людей былъ одинокъ, что̀ перстъ.
Морозной ночью старенькій прохожій
Къ себѣ домой неспѣшно пробирался
И, заглядѣвшись черезчуръ на звѣзды,
Споткнулся вдругъ о нашего героя,
Который, лежа въ тряпкахъ, горько плакалъ,
О чемъ — Богъ вѣсть! Быть можетъ, и о томъ,
Зачѣмъ на свѣтъ холодный онъ родился,
Покинувши небесныя селенья.
Вѣдь, говорятъ, что дѣти, до рожденья,
Средь ангеловъ на небѣ обитаютъ.
Услышавъ плачъ, старикъ остановился:
Онъ взялъ дитя, въ шинель свою ужуталъ;
Отдавъ извозчику послѣдніе гроши,
Домой привезъ чудесную находку.

Охъ, старина, неладное затѣялъ!
Съ ума ты спятилъ, видно, старина?—

Берешь на шею экую обузу —
Вѣдь, посмотри, на что ты самъ похожъ-то?
Что у тебя? И что твоя каморка
Съ кривымъ окномъ въ проулочекъ заглохшій?
Твое имѣнье — старый сюртучишко
Да пара брюкъ, заштопанныхъ искусно
На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ носится скорѣе.
Есть добряки: они возьмутъ мальчёнка
И выростятъ, пригрѣютъ сиротинку...
Охъ, старина, неладное затѣялъ!

Не слушаетъ сосѣдей старина.
Не спитъ ночей, все нѣстуетъ малютку.
На солнышко выноситъ къ воротамъ
И пѣсенки поетъ ему, какъ нянька,
Про гуленьку, про кашку да сороку.
А солнышко горячее ласкаетъ
И сѣдины — и личико ребенка.

Но дни бѣгутъ, цѣпляются въ недѣли,
Недѣли — въ мѣсяцъ, въ годы — мѣсяца.
Подкидышъ выросъ, — время за ученье.
И что за мальчикъ, добрый, да смышленый:
Вѣдь, каждое-то слово старниково
Ему на-вѣки впечатлѣлось въ сердце.
Да вотъ бѣда: старикъ рехнулся, что-ли,—
Онъ научилъ — мечтатель безразсудный —
Онъ научилъ дитя нелѣпымъ сказкамъ,
Заставилъ вѣрить страннымъ предразсудкамъ,
Что, будто бы, всѣ люди — наши братья,
Что будетъ день — и въ бѣлыя одежды
Всѣ, точно ангелы на небѣ, облекутся,
И вотъ пойдутъ по городамъ и весямъ,
И запоютъ, лобзаясь: «Осанна!»
И будетъ царствіе Господне на землѣ.

Несчастный мальчикъ розсказнямъ повѣрилъ.
Старикъ скончался. Годы протекли.

И юношу настигъ жестокій опытъ.
Бѣднякъ узналъ, что въ жизни братства нѣтъ,
Что жизнь — борьба и дикая борьба,
Гдѣ сильный бьетъ и давитъ ослабѣвшихъ;
Что жизнь родитъ рабовъ или владыкъ.
Владыка — тотъ, кто золотомъ владѣетъ,
По стогнамъ града мчится въ колесницѣ.
А рабъ бредетъ въ лохмотьяхъ, запыленный...
Да, золото — стѣна въ долинѣ жизни,
Что дѣлитъ міръ на сильныхъ и рабовъ.
О, золото — великій богъ житейскій,
Великій богъ, и нѣтъ другого бога!
Оно сгибаетъ брата передъ братомъ
Сильнѣй, чѣмъ вихрь, измявъ морское лоно,
Гнететъ къ водѣ прибрежный камышъ.
Оно — источникъ войнъ кровопролитныхъ,
Горючихъ слезъ, и зависти, и злобы,
Отцеубійствъ и всякаго грѣха.

И вотъ не вынесъ жесткой правды жизни
Подкидышъ нашъ, воспитанный на сказкахъ.
Безсонныя, тяжелыя сомнѣнья
Сомкнулися надъ нимъ зловѣщей тучей,
Заволокли лазурь его души.
И свѣтъ померкъ, и — помутился разумъ.
Сіялъ сентябрь. Румянился закатъ.
И золотая осень, какъ богиня,
Роняла листья на песокъ аллей.
Среди аллей, пронизанныхъ закатомъ,
Лежали горы листьевъ золотыхъ —
Точь въ точь какъ груды блещущихъ червонцевъ.
И падали, все падали червонцы,
И падали червонцы,— и все выше
Росла гора всемощнаго металла...
И — съ дикимъ крикомъ бросился безумный
На груды листьевъ... Смѣхъ, блаженный смѣхъ
Загрохоталъ въ аллеяхъ золотистыхъ —
И эхо смѣхъ безумный подхватило.

А листья желтые свѣвались и мелькали,
И тихо падали, какъ слезы, надъ безумцемъ.
А онъ глядитъ: вездѣ предъ нимъ червонцы.
Не сосчитать... О, какъ же онъ отнынѣ
Безумно счастливъ... Боже! Всѣхъ рабовъ,
Всѣхъ бѣдняковъ онъ златомъ уравняетъ,
И будетъ правъ его отецъ умершій:
На свѣтѣ будутъ только люди — братья...
И, ницъ припавъ на звонкіе червонцы,
Лепечетъ онъ въ восторгѣ: «Братья... братья...»

Его нашли и привезли въ больницу.
Онъ улыбался, радостный и кроткій.
Въ его рукахъ зажаты были листья.
Онъ сумасшедшимъ, мрачнымъ, какъ видѣнья,
Въ халатахъ сѣрыхъ, съ тусклыми глазами,
Дарилъ листву — червонцы золотые.
Его остригли, въ клѣтку посадили,
Ему надѣли бѣлую рубашку.
И долго здѣсь онъ жилъ и все, безумный,
Все ожидалъ великаго событья.

И вотъ однажды, на зарѣ, изъ кельи,
Гдѣ онъ томился,— пѣнье раздалось—
Могучее и радостное пѣнье!
Тогда къ нему вошли и увидали:
Передъ окномъ съ желѣзною рѣшеткой,
Остриженный, съ горящими глазами,
Онъ громко пѣлъ, склонившись на колѣни,
И рукава горячечной рубашки
Передъ собой къ окошку простиралъ,
Какъ будто видѣлъ дивное видѣнье.
А что онъ видѣлъ — было такъ чудесно.

Сіяло солнце,— радостное солнце
Преображенный городъ озаряло.
По улицамъ, въ одеждахъ бѣлоснѣжныхъ,
Въ вѣнкахъ изъ мирта, двигался люди.

Въ рукахъ у нихъ, какъ кроткій символъ братства,
Вздымались къ небу пальмовыя вѣтви.
И, словно вздохъ изъ просвѣтленной груди,
Кругомъ неслось побѣдное «Осанна».
И средь толпы, всѣхъ выше головою,
Съ небеснымъ взоромъ, въ ризѣ звѣздотканной,
Какъ пастырь добрый посреди овецъ,
Воздѣвъ надъ ними благостныя руки,
Шелъ Нѣкто.— «Радуйтесь!» — Онъ говорилъ народу.
Сѣдые старцы, женщины и дѣти,
Тѣснясь къ Нему,— «Осанна!» — восклицали.
И—городъ весь, всѣ зданья, колокольни,
И дальній лѣсъ, и каждая былинка,
И голуби, и ласточки съ карнизовъ,
И кладбища ожившіе кресты,
Бездушный камень, солнце золотое,—
Все клиромъ мощнымъ вторило: «Осанна!»

И онъ поетъ, колѣнопреклоненный,
Ликующій, въ горячечной рубашкѣ.
Съ блаженныхъ глазъ текутъ ручьями слезы.
Онъ тянется и тянется все дальше
Туда, гдѣ Пастырь руки воздѣваетъ...
И — радостью такой непзреченной,
И радостью такою невмѣстимой
Наполнилось, и задрожало сердце,
Что, не вмѣстивши счастья, разорвалось.
И онъ упалъ, и — умеръ.

Л. Н. Афанасьевъ.

I.

БАГРЯНЫЙ КЛЕНЪ.

«Тушите, я въ пламени весь, я горю!» —
Кленъ стонетъ, одѣтый багряной листвою,
Встрѣчая сентябрьскаго утра зарю,
Блеснувшую въ небѣ лучистой игрою.

«Тушите!... Всѣ листья пылаютъ на мнѣ! —
Залейте скорѣй огнеиосное пламя!..»
А солнце встаетъ въ голубой вышинѣ
И бѣлый туманъ подымаетъ, какъ знамя.

По лѣсу проносится шорохъ и хрустъ:
То вѣтки надломанной слышно паденье,
То листъ осыпаетъ поблекнувшій кустъ.
То бѣлки пугливой по сучьямъ движенье.

Холодное солнце смѣняетъ зарю,
Чуждаясь тепла, какъ скупецъ — безкорыстья,
А кленъ все лепечетъ: «Спасите, горю!»
И сыплетъ, какъ пламя, багряные листья...

II.

*
* *

Запуганнымъ звѣрькомъ казалась ты всегда
Въ кругу родной семьи, веселой постоянно,
И радости живой лучистаго слѣда
На личикѣ твоемъ не видѣть было странно.

Но дѣтскіе года поспѣшно протекли
И птичкой изъ гнѣзда ты выпорхнула скоро...
Въ груди пылала страсть, волненья сердце жгли,
А счастье не пришло, не прояснило взора.

И, чуждая для всѣхъ, ты скоро умерла,
Ища не на землѣ забвенья и пріюта...
Спокоенъ мраморъ былъ холоднаго чела,
Но блѣдный, кроткій ликъ улыбку слалъ кому-то...

Кн. В. В. Барятинскій.

СЕМЬ СТИХОТВОРЕНІЙ А. С. ПУШКИНА

(въ переводѣ на французскій языкъ).

1.

LE PRISONNIER

(«Узникъ»).

Derrière la grille en mon humide prison
Je regarde un jeune aigle, et ce seul compagnon
De triste solitude, en battant de son aile,
Déchire sa proie et du bec l'écartèle,
La dévore et la jette, et regarde vers moi.
Il paraît me comprendre et sentir mon émoi:
Il m'appelle des yeux, de son cri lamentable,
Comme s'il voulait dire: «allons! frère implacable!
«Libres oiseaux tous deux, il nous faudrait partir
«Là-bas, où l'on voit les cimes des monts blanchir,
«Là-bas, où l'océan agite sa surface,
«Là-bas, où seuls le vent et moi fendons l'espace!»

2.

L'ANGE.

(«Ангелъ»).

Aux portes de l'Eden un Ange
Le front incliné se tenait;
Le Démon, ce rebel étrange,
Audessus de l'enfer planait.
L'esprit du mal, l'esprit du doute
Fixait sur l'ange son regard:
Il regrettait la chaste route
Du paradis, hélas! trop tard...
Il dit: «pardonne! ton image
«N'éblouit pas mes yeux en vain!
«Je n'ai pas tout sur mon passage
«Couvert de haine et de dédain...»

3.

LES TROIS SOURCES

(«Три ключа»).

Dans le désert humain, où rien ne nous console,
Trois sources ont jailli mystérieusement:
L'une est le frais ruisseau de la jeunesse folle,
Qui court rapide et vif en son égarement;
La seconde source est la source salutaire,
Qui nous donne le rêve et qui nous l'embellit;
Mais la source où le mieux le coeur se desaltère —
C'est la source glacée où nous puisons l'oubli!

4.

A UN POÈTE, sonnet

(«Поэту», сонетъ).

Ne cherche pas l'amour des foules, ô Poète!
De leurs ovations se calmera le bruit!
Un sot te jugera et tu seras réduit
A rester seul muet gardant ta foi secrète.

Tu es un roi! vis seul! que rien ne t'inquiète!
Vas où ton libre esprit t'entraîne et te conduit,
Laisse mûrir encor de tes rêves le fruit
N'attends aucun hommage à ton oeuvre discrète.

Ta récompense est grande: elle git dans ton coeur,
Tu es ton propre juge; estime ta labeur...
En es tu content? la crois tu digne de blâme?

Si tu es satisfait — laisse le genre humain
Cracher sur ton autel où brûle cette flamme
Et secouer, enfant! ton trépied de sa main...

5.

ELEGIE

(Элегія).

Des jours passés la joie, hélas! défaite
M'est lourde comme un lendemain de fête.
Mais comme un vin — le chagrin d'autrefois —
Plus il est vieux, plus il pèse sur moi.
Triste chemin, où l'avenir réserve
Rien que du fiel et du travail sans verve!
Mais néanmoins je ne veux pas mourir!
Vivre — je veux pour rêver et souffrir:
Je sais parmi mes heures de tristesse
J'aurai peut être un instant d'allégresse,
Et me grisant aux sons de l'harmonie
Je pleurerai devant la fantaisie,
Peut être même à mon triste déclin
L'amour viendra briller sur mon chemin!

6.

UN FRAGMENT D'«ANDRE CHENIER»

(Отрывокъ изъ «Андре Шенье»).

Salut à toi, astre divin, superbe!
Salut à toi que j'adorai!
Flambeau sublime, étincellante gerbe,
Tu éclairas le beau, le vrai!
J'ai salué ta foudre et ton tonnerre,
Lorsque grondant sur un ciel noir
Il éclata pour renverser sur terre
Le joug honteux, l'ancien pouvoir.
De tes enfants j'ai vu le grand courage,
J'ai entendu leur beau serment;
De ton histoire, heureux, j'ai lu la page...
Je t'adorai comme un amant.
J'ai vu comme un torrent irrésistible
A tout brisé sur son chemin,
Comme un tribun d'un mot ardent, terrible
Nous a prédit le lendemain.
Le trône ancien se récouvrait de gloire
Bravant tout préjugé ancien,
Le peuple heureux se remettait à croire
A la justice, aux lois, au bien.
Affreuse erreur! Erreur irréparable!
Fraternité, égalité —

Châteaux de rêve élevés sur du sable!
On t'a vendue, ô liberté!
Ayant banni le roi, la souveraine,
C'est le bourreau, c'est l'assassin
Qui vers la mort en nous narguant nous mène
Voilant un ténebreux dessein.
Honte et malheur!.. Mais toi, déesse pure!
Toi, liberté! je te bénis!
Car tu n'es pas coupable de l'injure
Du meurtre infâme et du mépris!
Tu nous cachas ta noble et douce face,
Couverte d'un voile de sang...
Mais tu viendras reprendre encor ta place,
Nous reverrons ton regard franc.
Le peuple, ayant goutté de ton breuvage,
Veut s'en désaltérer encor
Tu montreras ton calme et beau visage
Dans un riant et pur décor.
L'égalité que nous croyons un rêve
Cessera de l'être un beau jour;
La guerre éteinte, une éternelle trêve
Rapportera la paix, l'amour...

7.

UN FRAGMENT D'«EUGÉNE ONEGUINE».

(Отрывокъ изъ «Евгенія Онѣгина»).

... Elle dit d'une douce voix:
«Assez. Relevez-vous. Je dois
«Vous dire tout avec franchise.
«Souvenez vous du temps lointain,
«De notre rencontre au jardin,
«De la leçon fort bien comprise,
«Que vous donniez à mon amour...
«Mais maintenant — à moi le tour.

«Onéguine, autrefois plus belle
«Et, certes, plus jeune j'étais!
«Etais-je à votre amour rebelle?
«Quelle réponse m'attendait,
«Et qu'ai-je trouvé dans votre âme?
«De la froideur! Ma douce flamme
«Ne disait rien à votre coeur.
«Même aujourd'hui je sens la peur
«Glacer mon sang!.. Je me rappelle
«De ce regard dur et hautain,
«De ce sermon si grave... Enfin!
«Votre action me parut belle...
«Peut être étiez vous dans le vrai:

«Vous accuser je ne saurais.
«Alors, si loin de toute chose,
«Je vous avais déplu là-bas;
«Mais maintenant pour quelle cause
«Me poursuivez vous pas à pas,
«Partout, toujours, chaque seconde?
«Est ce parceque dans le monde
«On me reçoit et que je suis
«Honorée et riche aujourd'hui?
«Que mon mari pour sa blessure,
«Gagnée à un combat un jour
«Est estimé même à la Cour?
«Ou parceque ma flétrissure
«Vous donnerait le grand honneur
«D'être nommé mon séducteur?

«Je pleure et si votre mémoire
«Chérit encor Votre Tagna,
«Sachez — et vous devez me croire—
«A votre amour qui m'indigna,
«A vos serments et à vos larmes,
«Je préfère les cruels charmes
«De vos discours moqueurs et froids;
«Car pour mes rêves d'autrefois
«Vous aviez trouvé dans votre âme
«Alors au moins de la pitié...
«Mais quoi maintenant à mes pieds
«Vous fait tomber! Ah, c'est infâme!
«Comment un sentiment si vil
«Peut naître dans un coeur subtil!»

«Pour moi, Eugéne, ma richesse,
«Ma vie avec son faux éclat,
«Le monde avec sa petitesse —
«Ah! que m'importe tout cela!
«J'aurais donné même avec joie
«Tous ces haillons, brodés de soie
«Cette fumée et ce bruit vain—

«Pour mes livres, mon vieux jardin,
«Pour notre modeste demeure,
«Où pour la première fois
«Je me grisai de votre voix,
«Et pour la tombe, où à cette heure
«Dort à l'ombre d'un arbrisseau
«Celle qui me vit au berceau.

«Et le bonheur était si proche
«Et si possible! mais mon sort
«S'est décidé! Je me reproche
«De l'avoir fait... peut être à tort!
«Ma mère en pleurs priait sa fille...
«J'ai consenti pour ma famille,
«Car tout m'était indifférent.
«Je suis mariée et je prends
«Votre parole... je supplie
«De me laisser, car votre coeur
«Est celui d'un homme d'honneur.
«Ah! laissez moi! je me défie...
«Je vous aime... mais mon amour
«Est à un autre pour toujours».

В. С. Лихачевъ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ НАСЛѢДНИКЪ.

Первое дѣйствіе комедіи РЕНАРА.

(1708).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Жеронтъ.
Эрастъ — его племянникъ.
Г-жа **Аргантъ.**
Изабелла — ея дочь.
Лизетта — служанка Жеронта.
Криспенъ — слуга Эраста.
Слуга Жеронта.

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, у Жеронта.

СЦЕНА I.

Лизетта, Криспенъ.

ЛИЗЕТТА.

А, это ты, Криспенъ!

КРИСПЕНЪ.

Я самъ. Здорово, крошка!
Мой господинъ прислалъ меня узнать,

Какъ дядюшка его изволилъ почивать:
Обезпокоенъ онъ немножко.

ЛИЗЕТТА.

Спалъ плохо.

КРИСПЕНЪ.

Бѣдный старичокъ!
Хоть и привязанъ къ жизни страстно,
Но за нее цѣпляется напрасно:
Послѣдній часъ ужъ недалекъ;
И, если одолѣть болѣзнь его не сможетъ,
Такъ врачъ навѣрно въ гробъ уложитъ.
Я объ одномъ лишь хлопочу:
Чтобъ господинъ Эрастъ былъ первымъ въ завѣщаньѣ;
Тогда за твоего хрыча на отпѣваньѣ,
Ужъ такъ и быть, поставлю я свѣчу.

ЛИЗЕТТА.

Сегодня я ему, какъ приказалъ аптекарь,
Поставила клистиръ: вдругъ въ летаргію впалъ!
Я — снова: хоть бы что! совсѣмъ, какъ мертвый, сталъ.
Ну, думаю, на что тебѣ и лѣкарь!

КРИСПЕНЪ.

Такъ ты сама съ нимъ возишься?

ЛИЗЕТТА.

Сама.
Ужъ онъ привыкъ ко мнѣ. Что-жъ, это не бездѣлка;
И, хоть большого здѣсь не надобно ума,
Но совѣсти скажу: примѣрная сидѣлка!

КРИСПЕНЪ.

Ахъ, чортъ возьми! какой талантъ, поди-жъ!
Онъ, вѣрно, хорошо тебѣ за это платитъ?
И на мою, пожалуй, долю хватитъ?

ЛИЗЕТТА.

Да, да! отлично платитъ! Шишъ!
Но я себя другимъ вознаграждаю:
Что на языкъ взбредетъ, то и болтаю.
Пять лѣтъ служу — не видѣла гроша!
Ужъ подлинно, сквалыжная душа.
Что день, то новая затѣя—
Хоть плачь!
Аптекарь пользуетъ... а почему не врачъ?
Да потому — рѣшила такъ въ умѣ я,—
Что больно малъ ужъ ростомъ тотъ:
Ну, меньше стало-быть и денежекъ возьметъ.

КРИСПЕНЪ.

Коротокъ самъ — длинно лѣченье.

ЛИЗЕТТА.

Мое, однако, не уйдетъ!
Еще осталось утѣшенье,
Что въ завѣщаніи онъ вспомнитъ про меня:
За то и угождать ему стараюсь я.

КРИСПЕНЪ.

А завѣщаніе готовится?

ЛИЗЕТТА.

Да, вскорѣ
Судьба упрочится моя.

КРИСПЕНЪ.

Эхъ, если бы... Какъ знать!

ЛИЗЕТТА.

Тебѣ-то что за горе?
Постой, постой! и ты, никакъ,
Въ наслѣдники задумалъ примоститься?
Ты, вижу, не дуракъ;

Но только ужъ тебѣ не поживиться!
Тутъ цѣлая орава впереди:
Невѣстокъ да зятьевъ, сестрицъ да братцевъ всякихъ,
Племянниковъ, племянницъ — какъ собакъ ихъ,
Хоть прудъ пруди!
Недавно я сочла: сто семь мужчинъ съ одной
Отцовской стороны! а женщинъ-то, сочти-ка!

КРИСПЕНЪ.

Положимъ, такъ; но баринъ мой
Не въ счетъ: онъ сынъ сестры родной.
По правдѣ говоря, и я вѣдь, горемыка,
Сродни немножко...

ЛИЗЕТТА.

Ты? Вона!

КРИСПЕНЪ.

Моя-то первая жена
Была бретонка,
Пригожая и шустрая бабенка—
За ней смотри! — а господинъ Эрастъ
На шалости любовныя гораздъ
И ихъ обдѣлываетъ тонко...
Такъ, если этакъ разсудить,
Я, словно бы, и не чужого рода.

ЛИЗЕТТА.

Что говорить!
Племянничекъ бретонскаго прихода.

КРИСПЕНЪ.

Но — шутки въ сторону! — пока
Нѣтъ завѣщанья старика,
Нѣтъ и наслѣдства —
И, значитъ, баринъ мой остатокъ дней своихъ
Дотягивай на собственныя средства:
А гдѣ они? — во-первыхъ. Во-вторыхъ,

Въ свою красотку Изабеллу
Хоть онъ и пламенно влюбленъ,
Но у старухи вѣдь одна любовь не къ дѣлу:
Не обойдетъ ее безъ денегъ онъ!
И, въ-третьихъ, наконецъ,— всего важнѣе это,—
Мнѣ господинъ Эрастъ ужъ обѣщалъ,
Что только-бъ дядюшка ему все завѣщалъ:
Тогда, Лизетта,
Онъ триста ливровъ намъ даетъ —
Не сразу, нѣтъ,— а каждый годъ!
Надѣюсь, этого довольно,
Чтобы, вступивъ въ законный бракъ,
Зажить намъ сытно и привольно?
Итакъ:
Вышереченное принявши во вниманье
И на грядущее питая упованье,
Должны мы приложить совмѣстное старанье,
Дабы явилось въ свѣтъ такое завѣщанье,
По коему бы все Жеронта состоянье
Племяннику его досталось въ обладанье
И обезпечило, какъ должное даянье,
Сего послѣдняго навѣкъ существованье!

ЛИЗЕТТА.

Однако, ты изрядный краснобай!
Послушаешь — точь въ точь казенная бумага,
Иль стряпчій на судѣ, проныра и сутяга.

КРИСПЕНЪ.

А ты не знала? Ну, такъ знай,
Что я и въ школѣ отличался
И, послѣ, кой-какихъ познаній нахватался —
У прокурора клеркомъ былъ:
Плѣнился я его женою
И, при дверяхъ закрытыхъ, съ ней — не скрою —
Не мало дѣлъ запутанныхъ рѣшилъ.

ЛИЗЕТТА.

Мѣстечко теплое! И ты его оставилъ?

КРИСПЕНЪ.

Супругъ меня ревнивый доконалъ:
Всѣ прокуроры вѣдь ужасно строгихъ правилъ!
Изъ-за жены онъ мнѣ проходу не давалъ;
Два года я сносилъ его гоненье,
Но подъ конецъ не выдержалъ — сказалъ:
Мое почтенье!

СЦЕНА II.

Лизетта, Криспенъ, Эрастъ.

КРИСПЕНЪ.

А, вотъ пожаловалъ сюда и баринъ мой.

ЭРАСТЪ.

Ну, что, Лизетта? Успокой
Мое печальное волненье:
Что дядя? говори!

ЛИЗЕТТА.

Ахъ, сударь! эту ночь,
Я думала, ему не перемочь:
Конца ждала я каждое мгновенье.
Вы не узнаете его — живой мертвецъ!
Но мнѣ, ему не нужно и лѣченье —
На этомъ свѣтѣ онъ, повѣрьте, не жилецъ.

ЭРАСТЪ.

Да правда ли?!

ЛИЗЕТТА.

Я это вижу ясно.

ЭРАСТЪ.

Какія-бъ я надежды ни питалъ,
Хоть можетъ-статься и напрасно,—
Но смерти бы его не пожелалъ:
Такъ жалко старика!

КРИСПЕНЪ.

Со мною было то же,
Когда моя жена для жизни неземной
Покинуть собралась супружеское ложе:
Отъ радости едва я могъ владѣть собой —
Ахъ, многіе мужья поймутъ меня, навѣрно! —
Но, рядомъ съ этимъ, и грустилъ
И слезы лилъ
Отъ всей души, нелицемѣрно.
Любовь... надежда... скорбь... извольте совмѣстить!
Самъ чувствуешь, а трудно объяснить.
Въ одномъ лишь поручусь — что я и носъ повѣсилъ
И, въ то же время, былъ неудержимо веселъ.

ЭРАСТЪ.

Я искренно къ нему расположонъ,
Къ нему во всѣхъ поступкахъ примѣняюсь
И, что-бъ ни говорилъ, ни дѣлалъ онъ,
Правъ или нѣтъ,— во всемъ съ нимъ соглашаюсь.

ЛИЗЕТТА.

Онъ мнѣ велѣлъ — недобрый знакъ! —
Позвать сейчасъ же двухъ нотаріусовъ...

ЭРАСТЪ.

Какъ?
И двухъ еще? О, бѣдный, бѣдный дядя!

ЛИЗЕТТА.

Да, двухъ. Должно быть крѣпче такъ.

ЭРАСТЪ.

Лизетта! на тебя, какъ на родную, глядя,
Хотѣлъ бы я узнать: возможно-ль мнѣ
Надѣяться на что-нибудь?

ЛИЗЕТТА.

Вполнѣ!
Всѣ эти дни — келейно, подъ запоромъ,
Чтобъ услыхать я не могла,—
Онъ съ госпожой Аргантъ былъ занятъ разговоромъ.
Какія тамъ у нихъ дѣла —
Не знаю въ точности: про завѣщанье что-то,
Про свадебный контрактъ, про вашъ предметъ;
Но для меня сомнѣнья нѣтъ,
Что у него одна теперь забота:
Все состояніе за вами закрѣпить
И на возлюбленной при жизни васъ женить.

ЭРАСТЪ.

Ахъ, милая! твоими бы устами...
Повѣрь, что не корысть мою волнуетъ кровь,
А нѣчто высшее, всевластное надъ нами:
Любовь! безумная любовь!
Я твердо знаю, безъ наслѣдства
Мнѣ Изабеллы не видать:
Какой же путь избрать? какое средство?
Какихъ кому обѣтовъ надавать?

ЛИЗЕТТА.

Вамъ предстоитъ двойная благодать:
И для корысти тутъ и для любви довольно.
Возможно-ль допустить, чтобъ кладъ такой
Другимъ достался на разбой!
Да мнѣ бы вчужѣ было больно
Смотрѣть, какъ сотня дураковъ,
Невѣждъ, бахваловъ, мужиковъ
Добро завѣтное растаскивать бы стала.

Когда все счастье ваше въ немъ,
Когда... извѣстно вамъ... и мы съ Криспеномъ ждемъ:
Ужъ хоть бы малая толика перепала...

ЭРАСТЪ.

Не безпокойся! я сказалъ,
А слову своему я въ жизнь не измѣнялъ.

ЛИЗЕТТА.

Ужъ если дядюшка напишетъ завѣщанье,
Какое нужно вамъ,— по совѣсти скажу:
Тутъ и мое приложено старанье.
Съ утра до ночи я твержу,
Что не найти ему племянника другого
Нѣжнѣе, ласковѣй, почтительнѣе васъ;
И я готова
Хоть клятву, сударь, дать сейчасъ,
Что говорю я такъ безъ всякаго расчета:
Гдѣ правда налицо — кому же лгать охота!

КРИСПЕНЪ.

Вотъ, кто сумѣлъ васъ оцѣнить!
Сумѣете ли вы за это отплатить?
Мы скоро заживемъ въ супружествѣ съ Лизеттой:
Неправда ли, кусочекъ недурной?
Но только, ой,
Вы поступить не вздумайте и съ этой,
Какъ съ той!

ЛИЗЕТТА.

Идетъ! Теперь держитесь строго.
Мнѣ некогда, Криспенъ, а ты болталъ ужъ много:
Бѣги къ крючкамъ ты этимъ — передай,
Что здѣсь ихъ ждутъ для совѣщанья.
Одинъ изъ нихъ — Простакъ, другой — Добрякъ... Ступай!

КРИСПЕНЪ.

Вотъ для нотаріусовъ странныя прозванья!

СЦЕНА III.

Лизетта, Эрастъ, Жеронтъ, слуга.

ЖЕРОНТЪ.

А, здравствуй, милый другъ.

ЭРАСТЪ.

О, дядя! вы бодрѣе
Сегодня, чѣмъ вчера: я просто восхищенъ...
[Слуга подаетъ стулъ].
Нѣтъ, это — вонъ!
Дай кресло: дядѣ въ немъ и мягче и теплѣе.
[Слуга убираетъ стулъ, подаетъ кресло и уходитъ].

СЦЕНА IV.

Лизетта, Эрастъ, Жеронтъ.

ЖЕРОНТЪ.

Ну, эта ночь дала себя мнѣ знать!
Сейчасъ такой я выдержалъ припадокъ,
Что думалъ — ужъ конецъ.

ЭРАСТЪ.

Но лучше вамъ опять!
Повѣрьте, все придетъ въ порядокъ.
Лѣчиться надо вамъ да силы укрѣплять —
Все ѣсть и пить, чего желудокъ проситъ
И что̀ легко онъ переноситъ:
Бульонъ, вино...

ЖЕРОНТЪ.

Прекрасно это все, да денегъ стоитъ много;
А такъ какъ мнѣ одна — на кладбище — доро́га,
Такъ для чего-жъ бросать ихъ за окно!
Ужъ отъ клистириковъ не жди, братъ, снисхожденья:

Зазнались такъ,
Что грабятъ насъ безъ всякаго стѣсненья;
И, право, умереть внезапно, безъ лѣченья —
Одно изъ высшихъ въ мірѣ благъ.

ЭРАСТЪ.

Кто говоритъ — корыстное сословье.
А все-таки лѣчитесь! Васъ любя,
Расходы всѣ беру я на себя.
Что въ жизни главное? здоровье!
Такъ ужъ его ли не беречь!
Вотъ мы и примемся, что̀ слѣдуетъ поправимъ
И, хоть помучимъ васъ (кто боленъ — не перечь!),
Но живо на̀ ноги поставимъ.

ЖЕРОНТЪ.

Мой другъ! игра не сто̀итъ свѣчъ:
Въ конецъ испорчена машина;
И, вотъ,
Въ чемъ заключается причина
Моихъ теперешнихъ заботъ. [Лизеттѣ].
Придутъ нотаріусы?

ЛИЗЕТТА.

Да.

ЖЕРОНТЪ [Эрасту].

Я не желаю
Таиться отъ тебя въ намѣреньяхъ своихъ:
Мы не чужіе вѣдь...

ЭРАСТЪ.

О нихъ
Я кое-что подозрѣваю.

ЖЕРОНТЪ.

Есть у меня,
Какъ и у всѣхъ, побочная родня...

ЭРАСТЪ.

И преогромная! я знаю.

ЖЕРОНТЪ.

На состояніе мое,
Заранѣе облизывая губы,
Весь этотъ сбродъ — мужчины и бабьё —
Давнымъ-давно ужъ точатъ зубы...

ЭРАСТЪ.

Меня, пожалуйста, не причисляйте къ нимъ!

ЖЕРОНТЪ.

Кому ты говоришь!

ЭРАСТЪ.

Я заявляю смѣло:
Пусть все достанется другимъ —
Лишь ваше бы здоровье уцѣлѣло.

ЖЕРОНТЪ.

Не сомнѣваюсь я.—Такъ, видишь ли, въ чемъ дѣло:
Хотѣлъ бы я, на зло завистливой роднѣ,
Чтобъ эту шайку одурачить,—
Кого-нибудь, кто былъ бы преданъ мнѣ,
Единственнымъ своимъ наслѣдникомъ назначить...

ЭРАСТЪ.

На это властны вы вполнѣ.

ЛИЗЕТТА.

Нѣтъ, слушайте, что можетъ быть забавнѣй,
Какъ послѣ смерти богача

Со всѣхъ сторонъ слетится саранча,
Духовную прочтутъ — и ни гроша въ ней!
Носы навытяжку... не вѣрятъ сгоряча...
Чтобъ только поглядѣть на это,
Нарочно-бъ, кажется, пришла съ того я свѣта.

ЖЕРОНТЪ.

Хоть я со многими болѣзнями борюсь
(Что дѣлать! старъ ужъ становлюсь) —
Здѣсь колетъ, тамъ зудитъ, здѣсь жжетъ, тамъ тянетъ жилы,
Не въ моготу сидѣть, не въ моготу ходить,—
Но, все-жъ, во мнѣ гораздо больше силы,
Чѣмъ можно по моей наружности судить.

ЛИЗЕТТА.

А что-жъ! вы правы:
Въ тотъ день особенно, когда вы
Побрѣетесь, на видъ вы не больнѣй меня.

ЖЕРОНТЪ.

Не шутишь ты?

ЛИЗЕТТА.

Вы очень моложавы.
Глаза хоть ваши взять: какъ много въ нихъ огня!

ЖЕРОНТЪ.

Я эту дѣвушку всегда цѣнилъ высоко...
Но, все-жъ, пора подумать мнѣ о томъ,
Что и до смерти недалеко...
Ты съ госпожой Аргантъ вѣдь, кажется, знакомъ?

ЭРАСТЪ.

О, да! Средь нашихъ дамъ почтеннѣе особы
Я не встрѣчалъ.

ЖЕРОНТЪ.

А дочку знаешь, а?

ЭРАСТЪ.

Еще бы!
Вотъ существо! Такъ дивно хороша
И такъ скромна притомъ!

ЖЕРОНТЪ.

А сердце! а душа!
Все, что̀ искать въ подруги жизни надо,
Соединилось въ ней одной:
Согласенъ ты?

ЭРАСТЪ.

Назвать ее женой...
Да это высшая отрада!

ЖЕРОНТЪ.

Такъ я женюсь на ней.

ЭРАСТЪ.

Вы, дядя?!

ЖЕРОНТЪ.

Да, я самъ.

ЭРАСТЪ.

Я восхищенъ... Нельзя не восхищаться...

ЛИЗЕТТА.

О, Господи спаси! Какъ? повторите намъ:
Съ какой несчастной вы хотите обвѣнчаться?

ЖЕРОНТЪ.

Съ дѣвицею Аргантъ, сегодня же,— и ей
Все состояніе по смерти завѣщаю.

ЭРАСТЪ.

Придумайте-ка что-нибудь умнѣй!
Я отъ души васъ, дядя, поздравляю...

Ахъ, какъ хотѣлось бы и мнѣ богатымъ быть,
Чтобъ точно также поступить!

ЛИЗЕТТА.

Я просто голову теряю...
Какой же вы женихъ? Вы дряхлый, хворый дѣдъ!
Таскаете вы ноги черезъ силу!
На васъ живого мѣста нѣтъ!
Иль прямо отъ вѣнца хотите вы въ могилу?

ЖЕРОНТЪ.

Я знаю, что я дѣлаю: мое
Здоровье требуетъ женитьбы;
Нужна подруга мнѣ, которая ходить бы
За мной всю жизнь могла,— и я беру ее.
Коли родня на шею сѣла —
Бѣда! Все выслѣдятъ — не спрячешься никакъ;
Еще твоя душа не отлетѣла,
Изъ-подъ тебя ужъ волокутъ тюфякъ —
И за ключи скорѣй... Жена — иное дѣло:
По долгу брачному, она
И бережетъ меня, и нѣжитъ, и покоитъ,
А если смерть мнѣ раньше суждена —
Она же и глаза мои закроетъ.

ЭРАСТЪ.

Святая истина! Разумная жена
Все въ домѣ дѣлаетъ и очень мало стоитъ.

ЖЕРОНТЪ [обнимая его].

Ахъ, милый мальчикъ мой! И ждать
Не могъ я, право,
Чтобъ къ этому отнесся ты такъ здраво.

ЭРАСТЪ.

Вамъ будетъ хорошо — чего же мнѣ желать!

ЖЕРОНТЪ.

Такъ ладно же! Въ потерѣ ты не будешь
И дядю своего за скупость не осудишь.

СЦЕНА V.

Лизетта, Эрастъ, Жеронтъ, слуга.

ЖЕРОНТЪ.

Кто тамъ?

СЛУГА.

Въ пріемной, сударь, васъ
Ждутъ госпожа Аргантъ и дочь ея.

ЭРАСТЪ.

Сейчасъ
Я приведу ихъ къ вамъ.

СЦЕНА VI.

Лизетта, Жеронтъ, слуга.

ЖЕРОНТЪ [Лизеттѣ].

Ты вѣчно позабудешь!
Скорѣе шляпу мнѣ, парикъ!

ЛИЗЕТТА.

Вотъ вамъ парикъ, вотъ шляпа.

ЖЕРОНТЪ.

Ну, сорока,
Попридержи теперь языкъ:
О томъ, какъ боленъ я,— ни слова, ни намека!

ЛИЗЕТТА.

Не безпокойтесь! все равно,
Смекнуть и такъ немудрено.

СЦЕНА VII.

Лизетта, Жеронтъ, слуга, г-жа Аргантъ, Изабелла, Эрастъ.

Г-ЖА АРГАНТЪ.

Въ какой тревогѣ мы! Намъ только что сказали.
Что провели вы очень дурно ночь...

ЖЕРОНТЪ.

Наслѣдники мои, должно быть, наболтали —
Они меня похоронить не прочь.
Но этимъ слухамъ вы, пожалуйста, не вѣрьте:
Давно ужъ не былъ я такъ свѣжъ и бодръ.

ЭРАСТЪ.

Иной,
Изъ нынѣшнихъ, повѣса молодой
Имѣетъ хуже видъ.

ЛИЗЕТТА [въ сторону].

Да, наканунѣ смерти!

ЖЕРОНТЪ.

Не жить бы мнѣ, когда-бъ меня не спасъ
Невинный взглядъ однихъ прекрасныхъ глазъ!

Г-ЖА АРГАНТЪ.

Вотъ будущій супругъ твой, Изабелла.

ЖЕРОНТЪ.

О, да! избралъ я сердцемъ васъ;
Свои недуги вамъ довѣрилъ бы я смѣло:

Не лимонадомъ бы я жажду утолялъ,
Не отвратительной микстурой
Больной бы я желудокъ исправлялъ,—
А вашихъ нѣжныхъ ласкъ живительной тинктурой!
Вы мнѣ служили бы...

ИЗАБЕЛЛА.

Не знаю, чѣмъ бы я
Служила вамъ,— но ваше предложенье
Меня приводитъ въ изумленье —
И смущена я такъ...

Г-ЖА АРГАНТЪ.

Ахъ, милая моя!
Тому, кто столько благъ сулитъ своей супругѣ.
Все можно извинить — и старость и недуги.

ИЗАБЕЛЛА.

Я ваша дочь, приказывайте мнѣ;
Но господинъ Жеронтъ такъ строгъ въ своихъ желаньяхъ,
Такъ много ищетъ онъ въ женѣ,
Что я боюсь — обманется вполнѣ
Онъ въ ожиданьяхъ.
Себя я знаю и скажу,
Что никакой цѣлебной силы,
Которая-бъ спасала отъ могилы,
Я ни въ глазахъ своихъ, ни въ чемъ не нахожу.

ЭРАСТЪ.

Ну, о глазахъ не говорите!

ЖЕРОНТЪ.

Хоть я и старъ,
Но до того силенъ во мнѣ любовный жаръ,
Что въ срокъ законный, посмотрите,
Какой я поднесу родинѣ моей ударъ!

ЛИЗЕТТА [въ сторону].

Охъ, посмотрѣть бы я хотѣла! [Жеронту].
Ужъ если васъ лукавый обуялъ,
Такъ пусть бы онъ докончилъ дѣло —
Другую-бъ вамъ, подъ стать, невѣсту подыскалъ.
Взгляните на нее: красивая, живая,—
И нуженъ, значитъ, ей живой, красивый мужъ;
А вы затѣяли вдругъ этакую чушь,
Совсѣмъ ужъ вѣкъ свой доживая!
И стыдъ и срамъ!
Такъ вотъ на что нотаріусы вамъ?
Пишите лучше завѣщанье —
Вы слышите? — скорѣй пишите, ну!
А про любовь да про жену,
Про свадебный контрактъ да про вѣнчанье —
Отбросьте всякое мечтанье!
Я высказала все — теперь молчу.

ЖЕРОНТЪ.

Такъ, такъ!
Гдѣ набралась ты этой прыти?
Признайся!

ЛИЗЕТТА.

Въ разумѣ.

ЖЕРОНТЪ [г-жѣ Аргантъ и Изабеллѣ].

Ужъ вы не осудите:
Ее отъ болтовни не отучить никакъ.
Но я махнулъ рукой на это:
Она въ другомъ во многомъ угодить
Сумѣла мнѣ.

ЛИЗЕТТА.

Я неспособна льстить.

ЭРАСТЪ.

Ты ошибаешься, Лизетта;
Дай Богъ, чтобъ я, какъ дядя, былъ здоровъ.
Теперь онъ въ бракъ вступить готовъ:
Неужто-жъ онъ не въ правѣ постараться
Имѣть наслѣдника отъ самого себя?
Неужто, дѣвушку любя,
Онъ отъ нея обязанъ отказаться?
О, еслибъ мнѣ такой удѣлъ,
Я въ жизни-бъ ничего иного не хотѣлъ!

ИЗАБЕЛЛА.

Такъ согласиться мнѣ, по-вашему?

ЭРАСТЪ.

Безспорно!

ИЗАБЕЛЛА.

Вы мастеръ убѣждать: я въ этомъ сознаюсь
И прекословить ужъ боюсь.

Г-ЖА АРГАНТЪ.

Желаніямъ моимъ она всегда покорна.

ЭРАСТЪ.

Конечно, любящая дочь
Во всемъ должна являть повиновенье
И, если нужно, превозмочь
Къ замужеству даже отвращенье.
Притомъ, не такъ и старъ ужъ дядя мой:
Семидесятый годъ...

ЖЕРОНТЪ.

Пойдетъ еще весной!

ЛИЗЕТТА.

Съ нимъ только два удара было,
Два раза параличъ хватилъ — что̀ за бѣда!
И всѣ врачи ручаются: когда
Онъ съѣздитъ на̀ воды — забудетъ, гдѣ ломило,
Гдѣ жгло, гдѣ рѣзало, гдѣ ныло...

ЖЕРОНТЪ.

Они ручаются еще,
Что я могу имѣть потомство!

ЛИЗЕТТА.

Я не лѣкарь
И даже, къ счастью, не аптекарь,
Но противъ этого поспорю горячо.

ЖЕРОНТЪ [тихо].

Лизетта! дѣйствуетъ!

ЛИЗЕТТА.

Хоть лопните — сидите!

ЭРАСТЪ.

Что съ вами, дядя? дурно вамъ?

ЖЕРОНТЪ.

Не знаю самъ...
Ай... ай... Сударыня, простите:
Мнѣ кое-что необходимо тамъ...

Г-ЖА АРГАНТЪ.

Прошу васъ, не стѣсняйтесь нами.

ЖЕРОНТЪ.

Племянникъ мой проводитъ васъ...
Мнѣ, право, такъ неловко передъ вами...
Въ другой ужъ разъ!
[Уходитъ въ сопровожденіи слуги].

СЦЕНА VIII.

Лизетта, г-жа Аргантъ, Изабелла, Эрастъ.

ЛИЗЕТТА [Изабеллѣ].

Вотъ, что надѣлали вы вашими глазами!
Любовь-то какъ сильна!

Г-ЖА АРГАНТЪ.

Я ухожу.

Прощайте.

ЭРАСТЪ.

Я васъ провожу.

СЦЕНА IX.

ЛИЗЕТТА [одна].

Пойти и мнѣ. Несчастное созданье
Безъ помощи моей вѣдь ни на шагъ...
Не ожидала я никакъ:
Ай-да любовное свиданье!

Н. М. Соколовъ.

НЕДОБРЫЯ ОЧИ.

Солнце, зной — и эти очи
Съ ихъ лучами, съ ихъ огнемъ!
Цѣлый день, съ утра до ночи,
Съ нею были мы вдвоемъ...

Сколько молній, сколько власти
Каждый взоръ ея таитъ!
До спхъ поръ въ истомѣ страсти
Сердце ноетъ и горитъ...

Ночь, прохлада, надъ рѣкою
Соловей поетъ въ саду...
Вновь съ тревогой и тоскою
Я ее въ аллеѣ жду, —

Я ловлю въ огнѣ желанья
Каждый шорохъ въ тишинѣ...
И встаетъ одно преданье
Предо мною въ смутномъ снѣ...

———.

I.

Какъ-то въ Польшѣ, въ дни былые,
Появился страшный панъ,—
Длинный чубъ, усы сѣдые,
Шитый золотомъ жупанъ,

Рукоятка ятагана,
Поясъ, шпоры — серебро,
У алмазнаго султана
Соколиное перо...

Страшный панъ!.. Нездѣшней силы
Слѣдъ хранитъ его чело,—
Словно тлѣніе могилы
На щекахъ его легло,

Словно онъ боится встрѣчи
По дорогѣ и въ селѣ,
Словно тяжесть давитъ плечи
И гнететъ его къ землѣ...

Скажутъ: «здравствуй» — онъ ни слова,
Только вздрогнетъ и вздохнетъ,
Да, нахмуривъ бровь сурово,
Стиснетъ зубы и уйдетъ...

Раздается надъ полями
Страшный хохотъ въ тишинѣ...
Панъ съ недобрыми очами
Появился въ той странѣ!

II.

Слухи шли, что только взглянетъ
Панъ на лугъ зеленый,—вдругъ
На лугу трава завянетъ,
Листья сыплются вокругъ,—

Только, страшный и могучій,
Панъ на небо поглядитъ,
Стонетъ вѣтеръ, таютъ тучи,
Дождь на землю не летитъ,—

Подъ недобрыми очами
Гнется ива у рѣки
И надъ желтыми песками
Засыхаютъ тростники...

Въ полѣ парень за сохою
Прежней пѣсни не поетъ,
Въ темной рощѣ надъ рѣкою
Красной дѣвицы не ждетъ,—

Смотритъ дѣвица уныло
И не вьетъ себѣ вѣнка,
Словно сердце въ ней сдавила
Чья-то мертвая рука,—

Если въ полѣ непарокомъ,
Сквозь покровъ бровей сѣдыхъ,
Страшный панъ недобрымъ окомъ
Вскинетъ медленно на нихъ...

III.

Жилъ у мельника въ то лѣто
Юный хлопецъ въ батракахъ.
Слышалъ онъ, что бродитъ гдѣ-то
Страшный панъ у нихъ въ поляхъ,—

Слухъ прошелъ, его видали
Пастухи во ржи густой...
Разъ онъ спитъ на сѣновалѣ,
Слышитъ, кто-то надъ рѣкой

У запруды тихо ходитъ,
Слышитъ чей-то тихій стонъ...
То не ихъ-ли панъ обходитъ?
Не его-ли ищетъ онъ?

Смотритъ хлопецъ боязливо,—
Надъ рѣкой ползетъ туманъ...
Вотъ онъ — вотъ — подъ старой ивой
У запруды страшный панъ!

Съ неба ясными лучами
Сыплетъ мѣсяцъ молодой, —
Панъ чернѣетъ за кустами,
Словно камень гробовой...

Вдругъ... далеко... прозвучали
Чьи-то стоны по рѣкѣ...
Кто-то плачетъ въ злой печали...
Кто-то вопитъ въ злой тоскѣ...

Это панъ... То онъ рыдаетъ...
Крики, стоны, хохотъ злой
Гулко роща повторяетъ
Въ лунномъ блескѣ за рѣкой.—

Словно бѣсы въ гнѣвѣ дикомъ
Тамъ ведутъ свою игру,
Словно лѣшій пьянымъ крикомъ
Гонитъ путника въ бору...

Смотритъ хлопецъ боязливо,—
Палъ на землю панъ сѣдой,
Стонетъ, корчится подъ ивой,
Бьется въ камень головой,—

Словно звѣрь голодный, воетъ,
Къ ивѣ съ хохотомъ ползетъ,
Ятаганомъ яму роетъ,
Гложетъ землю, корни рветъ...

Этой ямы, этой ночи
Бѣдный хлопецъ не забылъ:
Панъ руками вырвалъ очи
И подъ ивой ихъ зарылъ,—

И уползъ, пропалъ въ туманѣ,
Въ ночь понесъ тоску свою...
Съ той поры о страшномъ панѣ
Не слыхали въ томъ краю.

IV.

Панъ пропалъ... Но съ этой ночи
Бѣдный хлопецъ самъ не свой:
Помнитъ онъ, гдѣ злыя очи
Въ землю пряталъ панъ сѣдой...

Лунной ночью спать не можетъ,
За работой ночи ждетъ:
Той тоски, что сердце гложетъ,
Самъ, бѣдняга, не пойметъ...

Ночь. Луна. Вода, сверкая
Въ лунномъ блескѣ, тихо спитъ...
Къ старой ивѣ изъ сарая
Съ ломомъ хлопъ, какъ воръ, спѣшитъ...

Ближе... вотъ... какъ сердце бьется!..
Въ головѣ стоитъ туманъ...
Не надъ нимъ ли то смѣется
Изъ-за ветель страшный панъ!

Здѣсь... за дѣло!.. Здѣсь могила
Панскихъ глазъ: земля рыхла̀,—
Здѣсь навѣкъ ихъ вражья сила
Въ мертвой немочи легла!..

Вдругъ... какъ молніей изъ тучи,
Въ блескѣ, въ пламени лучей,
Брызнулъ къ небу, снова жгучій,
Знойный взоръ лихихъ очей!..

Докопался хлопецъ бѣдный!
Опаленный злымъ огнемъ,
У запруды, страшный, блѣдный,
Онъ заснулъ послѣднимъ сномъ...

Глупый хлопъ!.. А я — умнѣе?
Мало солнца, мало дня,—
При лунѣ я жду въ аллеѣ,
Прежнихъ молній и огня!..

Или въ легкой дымкѣ ночи
Прежней силы нѣтъ въ огнѣ?
Или гаснутъ эти очи
На свиданьѣ при лунѣ?

Вотъ она... Какъ сердце бьется!..
Жду, дыханье затаивъ...
А она... она смѣется!..
Охъ,— и мнѣ смѣшно: я живъ!..

Спб.
30-го янв. 1899 г.

Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

ПОЭЗІЯ.

Весной, среди полей, запрятавшись въ овраги,
На волю вырвавшись изъ ледяныхъ оковъ,
Шумя на тысячи хрустальныхъ голосковъ,
Бѣгутъ, спѣшатъ ручьи; избытокъ свѣтлой влаги
Съ любовью отдаютъ далекимъ небесамъ —
И вновь шумятъ, звенятъ по рощамъ и лѣсамъ.
Куда-жъ они бѣгутъ? Зачѣмъ хотятъ свободы?
Въ великій океанъ стекаются всѣ воды,
Стремится гордая красавица-рѣка,
Крылатыхъ кораблей лелѣющая стаю,
Что золото и хлѣбъ несутъ родному краю;
Туда-жъ стремится бѣгъ любого ручейка.
Но всѣ — и тотъ потокъ богатый, величавый,
Что̀ родину свою вѣнчаетъ громкой славой,
И рѣки скромныя, чей отнятъ былъ покой
Неугомонною работою людской,
И рѣчки сельскія — спокойны, неглубоки,—
И неприступныхъ горъ бурливые потоки,
И крошки-ручейки, журчащіе въ травѣ,
Смѣяся ласково небесной синевѣ;

Всѣ воды, всѣ ключи отъ края и до края,—
Ихъ бѣгъ направила одна и та же власть;
Въ одной безбрежности имъ суждено пропасть,
Въ великій океанъ безсмертія впадая!..

П. В. Быковъ.

ВЪ СУМЕРКАХЪ.

(на мотивъ изъ игнатія ходзько).

Кому невѣдомъ часъ, очарованья полный,
Когда вечерней мглы вдали струятся волны
И солнце, безъ лучей, надъ лономъ сонныхъ водъ
Туманясь нѣгою, съ усталостью во взорѣ,
Прощальный шлетъ привѣтъ и, замедляя ходъ,
Стыдливый прячетъ ликъ въ пылающее море.
Въ отрадный этотъ часъ, въ чудесныя мгновенья,
Вольнѣе льется пѣснь, свѣтлѣе вдохновенье.
Какъ будто шире грудь, такъ дышется легко,
Жизнь краше кажется, сердца людей — добрѣе,
И память на крылахъ волшебныхъ высоко
Уноситъ къ днямъ иным, въ краю былого рѣя.
И чья душа чиста, въ краю прекрасномъ этомъ —
Тотъ наслаждается неугасимымъ свѣтомъ;
При вѣчно ясномъ днѣ тамъ жизнь течетъ въ тиши,
Не знаетъ горе мукъ и радость тамъ спокойна,
А самую любовь — святой восторгъ души —
Не холодитъ огонь тлетворной страсти знойной.
Блаженный край! Предъ нимъ душа благоговѣетъ...
Оттуда неземнымъ, безмѣрно милымъ вѣетъ:

Поэзіей небесъ, ласкающихъ весной,
То радостью живой, бодрящей, безмятежной,
То грустью тихою, пріятной и родной
Для молодой души, отзывчивой и нѣжной.
И сердце къ днямъ былымъ неудержимо рвется.
Былое въ немъ, какъ звукъ прекрасный, отзовется,
Подобный эху горъ, что таетъ вдалекѣ
Прелестный, какъ напѣвъ простой свирѣли томной,
Что, быстро подхвативъ въ родимомъ уголкѣ,
Приноситъ въ мирный часъ къ намъ вѣтерокъ бездомный.
О, дивный край поры минувшей незабвенной!
Духъ воскресаетъ въ немъ витая, и мгновенно
Мысль проясняется, оковы рветъ свои,
Свободна, какъ полетъ орлиный, благородный,
Какъ бѣгъ, не мало бурь извѣдавшей ладьи,
Плывущей безъ руля, пустыней дикой, водной;
Къ отчизнѣ дорогой, заброшенной далёко,
Она пустилась въ путь, покорна волѣ рока,
Ведомая въ ночи туманною звѣздой,
Со спутникомъ однимъ — своимъ же отраженьемъ,
Сопровождаема лишь водной бороздой,
Чуть-чуть колеблемой случайныхъ волнъ движеньемъ.

Allegro.

I.

ИСТИНА.

На утренней зарѣ восторженной душою
Всѣ, всѣ стремятся къ ней средь зла и темноты,
Готовы жертвовать и жизнью молодою,
Чтобъ только увидать сокрытыя черты.
Но дни смѣняются томительными днями,
Въ туманахъ вѣчности за годомъ тонетъ годъ...
Они еще идутъ усталыми шагами,
Съ глубокою тоской еще идутъ впередъ.
Но въ сердцѣ ихъ больномъ такъ много злыхъ страданій,
Въ душѣ тоскующей такъ пусто и темно...
Во имя свѣтлыхъ чувствъ и ясныхъ упованій
Такъ много мрачныхъ дѣлъ и зла совершено!..
Осеннимъ вечеромъ, свой посохъ обветшалый
Изъ рукъ слабѣющихъ невольно уронивъ,
Къ землѣ смирившейся, померкшей и усталой
Они склоняются, о цѣли позабывъ.
Лишь въ этотъ поздній часъ, какъ яркая зарница
На тьму минувшаго бросая свѣтлый взглядъ,
Она является, забытая царица,
Въ глубокой тишинѣ слова ея звучатъ:

«Весь долгій жизни путь я совершала съ вами,
«Зачѣмъ же отъ меня вы отвращали взоръ,
«За неподвижными и вѣчными звѣздами
«Зачѣмъ ловили вы мгновенный метеоръ!
«Я вѣчныя слова вамъ тихо говорила,
«Но жизни дикій гулъ мой голосъ заглушалъ,
«Надъ позабытою, но дорогой могилой
«Вашъ взоръ мои черты порою различалъ
«Лишь на мгновеніе... вы отъ меня бѣжали,
«Стремясь ко мнѣ душой въ томительномъ бреду...
«Чего-жъ вы жаждали, кого же вы искали?
«Взгляните на меня, отвѣтьте мнѣ, я жду!»
Но нѣтъ, они молчатъ, закрывъ лицо руками,
Внезапный свѣтъ страшнѣй привычной темноты —
И силы нѣтъ взглянуть смущенными очами
Въ ея спокойныя и строгія черты.

II.

ВЪ СУМЕРКАХЪ.

Догорая, костеръ чуть дымится въ травѣ,
Тихо блѣдныя тучи сползаютъ,
Много мыслей неясныхъ въ больной головѣ,
Сердце бьется и смутно страдаетъ.

Чуть видны очертанья синѣющихъ горъ,
Огонекъ замигалъ въ отдаленьѣ
И погасъ... Тщетно ищетъ усталый мой взоръ
Первыхъ трепетныхъ звѣздъ появленье.

Впереди непроглядная, долгая ночь,
Чуть замѣтно туманъ серебрится,
Нѣтъ желанья, нѣтъ силы тоску превозмочь...
Догорѣвшій костеръ не дымится...

П. Н. Черемисиновъ.

ПРАВДА.

(LA JUSTICE).

ПОЭМА СЮЛЛИ ПРЮДОМА.

ПРОЛОГЪ.

Далеко блещутъ звѣзды, молчаливы.
Луна зашла, зарницы слѣдъ исчезъ
И камней драгоцѣнныхъ переливы
Горятъ на черномъ бархатѣ небесъ.

Душа, бывало, въ кроткомъ созерцаньѣ,
Молитвы возноситъ любила къ нимъ,
Любуясь, какъ невѣста, въ ожиданьѣ,
Вѣнцомъ алмазнымъ будущимъ своимъ.

Но нынѣ въ душу, чудные огни
Вселяютъ безотрадныя идеи,—
Ужъ нѣтъ для созерцанья—въ наши дни—
Ночей спокойныхъ пастырей Халдеи.

И какъ молиться? — рядомъ астрономъ
Считаетъ, мѣритъ, вѣшаетъ свѣтила, —
Носителей великихъ тѣхъ именъ,
Которыя душа боготворила.

Разрушенъ имъ лазурный неба сводъ:
Звѣздамъ Плеядъ, Медвѣдицы, Персея,
Недвижимымъ съ эпохи Одиссея,
Начертанъ быстрый, въ вѣчности, полетъ.

И какъ мечтать, предъ физикомъ надменнымъ,
Надъ страшною работою согбеннымъ?
Скребетъ напилокъ, скачетъ молотокъ,
Вотъ скованъ прутъ, онъ словитъ молній токъ.

И самъ великій Зевсъ, приговоренный,
Навѣки обезславленнымъ, упасть
На колъ желѣзный, сталью заостренный,
Въ сырой землѣ свою низложитъ власть!

Какъ пѣть — предъ трубкой химика паяльной,
Гдѣ атомы допрашиваетъ онъ;
Предъ спектромъ, гдѣ звѣздъ, незримо-дальней,
Составъ частичный имъ опредѣленъ; —

Когда въ игрѣ зефира съ лепестками
Онъ только углекислый видитъ газъ;
Когда цвѣты, безбожными руками,
Онъ для ретортъ сбираетъ, вмѣсто вазъ?

И какъ любить, когда въ живое тѣло
Вонзаетъ испытатель свой ланцетъ
И стонетъ жертва, въ ужасѣ, — но пѣть
Холоднымъ небесамъ до жертвы дѣла;

Когда, увидѣвъ въ фокусѣ стекла
Волоконъ самыхъ нѣжныхъ утолщенья,

Мы ищемъ въ формахъ тайны ихъ строенья,
Вскрывая, грубо, взорами тѣла?

Насталъ мечты отважному полету
Сквозь тайны міросданія, — конецъ.
Ученій новыхъ медленному гнету
Подпалъ, склонивши голову, пѣвецъ.

Жрецы науки строги! Онъ не знаетъ,
Гдѣ вѣра ихъ оплотъ себѣ нашла,
Ему природа все еще мила, —
Но онъ ужъ ихъ глазами въ ней читаетъ.

«Ты думалъ, въ небѣ есть, кому кадить?»
Твердятъ они ему: «предъ кѣмъ склоняться?
Отца тамъ нѣтъ: такъ нѣкого любить!
И нѣтъ владыки: нѣкого бояться!

«Утрачена и отрицанья власть:
Всѣ пали боги, добрые и злые;
Свобода! Богъ — законы міровые,
Пророки — увлеченья, догматъ — страсть.

«Твои надежды, за порогъ могилы,
Быть можетъ смѣлы, можетъ быть скромны:
Какъ знать, не зная сущности ни силы,
Ни вещества, — къ чему мы созданы?

«Громадное впотьмахъ творится дѣло;
Пока итоговъ жизнь не подвела,
Хулить, иль восхвалять, — равно не зрѣло,
Не зная сути ни добра, ни зла».

И сталъ поэта голосъ неувѣренъ.
Онъ чарами видѣній увлеченъ,
Но хочетъ быть дѣйствительности вѣренъ
И страху лжи невольной обреченъ.

Сорвали передъ нимъ съ природы маску.
Она ужъ не кормилица, не мать,
Любившая здоровью, силѣ — ласку
И красотѣ — улыбку расточать.

Въ ней чуялась душа; его печали
И радости въ отвѣтъ — вездѣ звучали
Простые голоса, въ которыхъ ложь
Казалась такъ немыслима, — и что́-жъ!

Вдругъ, нѣжный сынъ, узналъ онъ, что природы
Дни ясные, дни бурной непогоды —
Не милость и не гнѣвъ и, что она,
Давая грудь сынамъ, къ нимъ холодна.

Себя она лелѣетъ, — для него же
Въ очахъ ея лазурныхъ взгляда нѣтъ.
Отцомъ безвѣстнымъ, на случайномъ ложѣ,
Рожденъ онъ, сынъ непрошенный, на свѣтъ.

Онъ точно тотъ непризнанный ребенокъ,
Чей бѣдный умъ, въ одинъ ужасный мигъ,
Едва раскрывшись, въ горечи постигъ,
Какъ жалокъ онъ — отверженецъ съ пеленокъ.

Какъ сирота, безъ крова и одеждъ,
Чуть двери благодѣтелей закрыты,
Идетъ къ суду искать себѣ защиты, —
Послѣднему прибѣжищу надеждъ.

Такъ и поэтъ, — обманутъ провидѣньемъ,
Испуганъ всѣхъ боговъ своихъ паденьемъ
И вѣры въ милосердіе лишенъ, —
Найти хоть правый думаетъ законъ.

Въ невѣданной тревогѣ, онъ взываетъ:
«О, муза! вдохновенною мечтой

Поэзія, быть можетъ, называетъ
Безумство, опьяненья бредъ пустой?

«Я наугадъ хвалю и порицаю...
Нѣтъ! Быть судьей такимъ я не хочу.
Въ самой природѣ къ правдѣ я взываю
И правдою природѣ отплачу.

«Въ завѣсѣ, незамѣтно растворенной,
Завидѣвъ свѣтъ, я долженъ все узрѣть,
Все угадать, — иль долженъ, изнуренный
Горячкой жажды знанья, умереть.

«Не можетъ, какъ ученый, жить счастливо
Поэтъ, идя съ наукой, терпѣливо.
Влечетъ его не гордость знанья къ ней:
Духовнымъ ранамъ ищетъ онъ елей.

«Онъ страждущихъ существъ узналъ строенье,
Но это-ль знанье, если правитъ зло
И мрачное надъ всѣмъ паритъ сомнѣнье?
Чѣмъ, лучшимъ, божество замѣнено?

«О, муза, встань! Научныхъ данныхъ груду
Изслѣдуемъ, со мною, шагъ за шагъ.
Ужели правда изгнана повсюду,
Иль теплится, — и гдѣ, — ея очагъ?»

И муза, вздрогнувъ, говоритъ поэту:
«— О, нѣтъ! Ты на меня наводишь страхъ.
Мнѣ-ль въ невѣсомыхъ странствовать мірахъ,
Безъ колебаній звучныхъ и безъ свѣту?

«— Опоръ въ тѣхъ элементахъ не найти
Для крыльевъ мнѣ, широкихъ и тяжелыхъ.
Средь формулъ отвлеченныхъ, истинъ голыхъ,
Погибну я съ отчаянья, съ тоски...

«— И самъ меня ты слушать перестанешь,
Безжалостно покинешь въ полпути,
Иль заставлять прислушиваться станешь
Къ землѣ, по жесткимъ терніямъ ползти».

«Мужайся! Будь мнѣ вѣрною подругой!
Сопутствуй мнѣ сестрой, коль не супругой!
Постичь поможетъ мѣрный рѣчи строй,
Тотъ высшій ритмъ, — порядокъ міровой.

«Прощай та пѣснь, которую мы пѣли!
Но не страшись: надеженъ мыслей токъ.
Пусть мнѣ хоть только такты бьетъ смычокъ,
Когда не станутъ вторить мнѣ свирѣли».

А. В. Амфитеатровъ. (Old Gentleman).

VIA SACRA.

КАРТИНА УЛИЧНОЙ ЖИЗНИ РИМА ПРИ НЕРОНѢ.

(Этюдъ въ драмѣ «ПОНЦІЯ»).

Посвящается Еленѣ Константиновнѣ Лешковской.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Вибуллій, преторъ.
Октавій Сагитта, народный трибунъ.
Понція Постумія.
Антистій Созіанъ.
Лициній Муціанъ.
Лелій.
Авреліанъ.
Гельвидій.
} золотая молодежь.
Пальфурій Сура, обѣднѣвшій патрицій, атлетъ.
Сифаксъ, гладіаторъ.
Валерій, вольноотпущенникъ Сагитты.
Іона, золотыхъ дѣлъ мастеръ, ростовщикъ.

Хозяинъ таверны.
Лавочный мальчикъ.
Водоносъ.
Нищій.
Цвѣточница.
Продавщица коралловъ.
Вѣстовщикъ.
Астрологъ.
Продавецъ устрицъ и др.
} голоса изъ толпы.

Мѣсто дѣйствія—Via Sacra въ разгаръ уличнаго движенія. Густая и пестрая толпа; римляне, греки, евреи, арабы. сирійцы, негры, скиоы и т. д. Толкотня и несмолкающій гуль голосовъ, надъ которымъ господствуютъ крики торговцевъ, разносчиковъ, афишеровъ. Сцена представляетъ длинный рядъ открытыхъ лавокъ. Въ глубинѣ—ростральная колонна. Надъ лавками громоздятся ступенями портики Базилики Юлія и храмовъ. Вдали—Палатинъ, съ дворцомъ Нерона. Справа—таверна съ террасою, заплетенною плющемъ и розами. Слѣва, между двумя лѣстницами, ведущими къ портику Базилики, лавка Іоны. Октавій Сагитта сидитъ у лавки, бесѣдуя съ Іоною, который показываетъ ему великолѣпное ожерелье изъ жемчуговъ. Вдали—носилки Сагитты; у носилокъ—черные рабы. Валерій, скрестивъ руки, стоитъ подлѣ своего патрона. Голоса изъ толпы—всѣ вмѣстѣ.

ХОЗЯИНЪ ТАВЕРНЫ.

Вино! Вино! Только что получена свѣжая партія—прямо изъ Фалерна!

НИЩІЙ.

О, мать Изида! пожертвуйте что нибудь нищему служителю братьевъ матери Изиды.

ПРОДАВЕЦЪ УСТРИЦЪ.

Устрицы! лучшія въ мірѣ устрицы, сейчасъ изъ Остіи!

АСТРОЛОГЪ.

Лѣкарство отъ всѣхъ болѣзней и гороскопъ за три асса! Прошлое разсказываю въ придачу даромъ.

ПРОДАВЩИЦА КОРАЛЛОВЪ.

Кораллы! африканскіе кораллы, съ опасностью жизни добытые изъ пучинъ смѣлыми дѣтьми Неаполя!

ВѢСТОВЩИКЪ.

Граждане и иностранцы! Благородный Маркъ Винпцій, эдилъ, приглашаетъ народъ римскій на игры въ амфитеатрѣ Клавдія. Будетъ показанъ бой гладіаторовъ и травля дикими звѣрьми.

ЦВѢТОЧНИЦА.

Фіалки! розы! Душистыя розы Пестума! Граждане! украшайте своихъ возлюбленныхъ розами Пестума! Розы Пестума— языкъ любви, задатокъ блаженства!

[Изъ толпы, снующей по улицѣ, выдѣляются, одинъ за другимъ, Антистій Созіанъ, Лицинній Муціанъ, Гельвидій, Лелій и Авреліанъ. Они привѣтствуютъ друга друга и Октавія Сагитту. Останавливаясь у лавки Іоны, они образуютъ живописную группу. Кліенты ихъ и рабы, въ ожиданіи патроновъ, располагаются кучками въ глубинѣ улицы].

СОЗІАНЪ.

Привѣтъ Сагиттѣ.

САГИТТА.

Здравствуй, Созіанъ.

МУЦІАНЪ.

Хранятъ ли боги нашего трибуна?

САГИТТА.

Іона, кресла!

ІОНА [мальчику].

Кресла, ротозей!
Да выбирай, которыя получше!
Не каждый день такіе господа
Заходятъ въ лавку.

ГЕЛЬВИДІЙ.

Какъ живешь, Сагитта?

ЛЕЛІЙ.

Давно тебя не видно при дворѣ.

САГИТТА.

Отсутствіе мое едва-ль замѣтно.

МУЦІАНЪ.

О, нѣтъ! Вчера самъ цезарь—на пиру—
Искалъ тебя среди фамиліаровъ,
И, не найдя, былъ очень огорченъ.

АВРЕЛІАНЪ.

Онъ новый гимнъ сложилъ...

ЛЕЛІЙ.

На смерть Ніобы.

СОЗІАНЪ.

Ты помнишь: изъ Овидія сюжетъ!

МУЦІАНЪ.

Да,—только тоньше, благороднѣй, выше!

СОЗІАНЪ.

И вотъ — вчера пропѣвъ намъ этотъ гимнъ...

АВРЕЛІАНЪ.

Подъ гулъ похвалъ, подъ громъ рукоплесканій...

СОЗІАНЪ.

Да полно вамъ меня перебивать!
Какъ будто и сейчасъ, на Палатинѣ,
Мы смотримъ въ очи цезаря и льстимъ
На перегонку: ну-ка, кто подлѣе?
Мы здѣсь свои. Дай духъ перевести,—
Еще успѣемъ вечеромъ налгаться!

АВРЕЛІАНЪ [смѣется].

Мы практику боимся потерять,—
Такъ въ лести упражняемся заочной,
Чтобы солгать правдивѣе въ глаза.

САГИТТА.

Что новаго, друзья, на Палатинѣ?

МУЦІАНЪ.

Помимо гимна? Ничего.

ЛЕЛІЙ.

Двѣ-три
Немилости ничтожныхъ.

ГЕЛЬВИДІЙ.

Совершенно
Незначущихъ! — Опальникамъ и жилъ
Не велѣно открыть.

МУЦІАНЪ.

Всемилосердо
Въ изгнаніе ихъ цезарь посылаетъ
На острова Эгейскіе.

СОЗІАНЪ.

Одинъ
Отъ милости такой ужъ удавился.

[Смѣхъ].

САГИТТА [указываетъ глазами на Іону].

Антистій...

СОЗІАНЪ.

Ба! Іона, старый плутъ!
Мы про тебя забыли въ разговорѣ.
Ну, какъ идетъ дорожный твой грабежъ,
Что ты торговлей скромно называешь?

ІОНА.

Шутить изволитъ, добрый господинъ!
Куда мнѣ грабить,—быть бы только сыту!
Куда быть сыту,—только-бъ живу быть!

Повѣрите-ль? — когда бы не трибунъ —
Самъ Богъ, жалѣя бѣднаго еврея,
Его зайти къ Іонѣ научилъ
И сторговать вотъ это ожерелье! —
Весь день бы безъ почина я сидѣлъ.

СОЗІАНЪ.

А отчего, Іона? Оттого,
Что не тому ты кланяешься богу.
Я знаю, плутъ, какъ — въ полосатый плащъ
Укутанный — ты свой справляешь шабашъ,
Еврейскому кадя Іеговѣ! —
А истинный твой богъ, межъ тѣмъ, безъ жертвы,
Безъ ѳніміама, вовсе отощалъ.

ІОНА.

Богъ праотцовъ моихъ...

СОЗІАНЪ.

Вонъ онъ сверкаетъ
Надъ портикомъ лукавой красотой! —
Меркурій — быстроногій покровитель
Всѣхъ жабъ ночныхъ, всей накипи въ котлѣ,
Который люди величаютъ Римомъ:
Купцовъ, воровъ, сутягъ, ростовщиковъ,
Убійцъ наемныхъ, уличныхъ дѣвчонокъ
И сводниковъ, изъ нихъ же первый — ты!

ІОНА.

Ахъ, господинъ! смѣяться надъ евреемъ
Легко: евреи созданы на то.
Но разсудите — будьте справедливы:
Жилось бы развѣ лучше вамъ безъ насъ?
Не говорю — мой Богъ! — о васъ, богатыхъ:
О доблестномъ трибунѣ, о тебѣ,
Антистій благороднѣйшій: Іона,
Быть можетъ, и не нуженъ вамъ... пока!..

Но — молодежь?! Хе-хе! Отцы богаты,
Да не щедры... и любятъ долго жить...

АВРЕЛІАНЪ.

У моего такая есть привычка.

ЛЕЛІЙ.

Охъ, мой — боюсь — меня переживетъ!

ІОНА.

Ни грекъ, ни армянинъ, ни египтянинъ
Не дастъ ни асса нищему сынку
Богатаго родителя. Не такъ ли?

МУЦІАНЪ.

Духъ истины вселился въ твой языкъ!

ІОНА.

Вотъ видите! И кто же выручаетъ
Васъ, господа, когда за голубыхъ
Вы на бѣгахъ поставили заклады,
А верхъ беретъ зеленая игра?
Кто въ помощь вамъ, когда отбить красотку
У друга надо, а она жадна
И — безъ подарка тысячъ въ сто сестерцій —
Не пуститъ васъ къ себѣ и на глаза?
Кто?.. Мы, народъ, вселенной угнетенный,
Служить готовый каждому и всѣмъ.
Вамъ нужны деньги? Книги Моисея!
Да вотъ онѣ. Хе-хе! Ужель затѣмъ
Я собиралъ ихъ, чтобы въ темной скрынѣ
Тускнѣлъ ихъ блескъ веселый? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! —
Пусть въ міръ идутъ, послужатъ добрымъ людямъ
И принесутъ мнѣ маленькій процентъ.

СОЗІАНЪ.

Да, маленькій: всего лишь двѣсти на сто!

ІОНА.

Хоть бы и такъ?

ГЕЛЬВИДІЙ.

А совѣсть?

ІОНА.

Пхе! А рискъ?
Отдать не долго деньги, но забота
Тяжелая — назадъ ихъ получить.
Евгеній Крассъ, когда писалъ мнѣ вексель,
Былъ юношей кудрявымъ и румянымъ,
А заплатилъ — плѣшивымъ старикомъ...
Охъ, подолгу иные ждутъ наслѣдства!

МУЦІАНЪ.

И не всегда съ терпѣньемъ.

ЛЕЛІЙ.

Напримѣръ,
Какъ говорятъ, Квинтъ Силій.

АВРЕЛІАНЪ.

Кстати: правда-ль,
Что ты, Іона, Силію помогъ
Укоротить наслѣдства ожиданье?

ІОНА.

Чего народъ не выдумаетъ зря!

ГЕЛ. ПРИСКЪ.

Болтали про грибы, про артишоки...

СОЗІАНЪ.

Остерегись, премудрый іудей!
Царица отравительницъ Локуста,
Пожалуй, станетъ ревновать тебя
Къ своимъ тріумфамъ въ ремеслѣ Гекаты [Смѣхъ].

САГИТТА.

Да будетъ вамъ! пристали къ старику!

АВРЕЛІАНЪ.

Ха-ха-ха-ха! Сагитта—за Іону!

ЛЕЛІЙ.

Что̀ значитъ быть трибуномъ!

МУЦІАНЪ.

Запретитъ
Хоть что нибудь, кому нибудь охота!

СОЗІАНЪ.

Удѣлъ иныхъ—по родинѣ тоска,
Трибуновъ же удѣлъ—тоска по veto.

САГИТТА.

Вы, какъ всегда, несносны, господа! [Встаетъ].
Сорочьею своею трескотнею
Вы помѣшали сторговаться намъ.

МУЦІАНЪ.

Ага!.. Друзья!.. Іону подкупаетъ
Трибунъ своей защитой, чтобъ еврей
Ему сходнѣе продалъ ожерелье.

АВРЕЛІАНЪ.

А какъ цѣна?

ІОНА.

Мильонъ сестерцій!

ЛЕЛІЙ.

Ухъ!

АВРЕЛІАНЪ.

Для чьей же это шейки лебединой?

МУЦІАНЪ.

Вотъ такъ вопросъ! Стыдись, Авреліанъ!

ГЕЛЬВИДІЙ.

Считаешься любезникомъ придворнымъ,
А сбился въ счетѣ, кто и съ кѣмъ въ связи!

СОЗІАНЪ.

Припомни цезаря стихотворенье, —
Удачны и его порою вдохновенья! [Декламируетъ]:

Котиллъ у насъ прослылъ
Изящества примѣромъ.
Котиллъ! ты очень милъ!
Хвала твоимъ манерамъ!
Но отвѣчай, Котиллъ:
Коль въ уровень быть съ вѣкомъ,
Что это значитъ — «быть изящнымъ человѣкомъ?»

Безбожно надушонъ
Эссенціей корицы,
Даетъ прически тонъ
Для цѣлой онъ столицы;
Красивость рукъ своихъ
Онъ выказать хлопочетъ:
Въ движеніяхъ смѣшныхъ
Онъ округляетъ ихъ,
Какъ будто, бодръ и лихъ,
Пуститься въ танецъ хочетъ.
Насвистываетъ онъ
Испанскіе напѣвы.
Кто и въ кого влюбленъ —
И юноши, и дѣвы, —
Кто съ кѣмъ и какъ живетъ, —
По пальцамъ перечтетъ! [Смѣхъ].

МУЦІАНЪ.

Отлично, Созіанъ! Но дальше, дальше!

СОЗІАНЪ [продолжаетъ].

При женщинахъ весь день,
Онъ шепчетъ, нагло-веселъ,
Имъ въ уши дребедень,
Склоняясь къ ручкамъ креселъ.
Въ рукахъ его всегда
Любовная записка.
Брезгливый онъ — бѣда!
И сѣсть-то, господа,
Къ себѣ не пуститъ близко.
Закатъ или разсвѣтъ, —
Онъ рыщетъ, всюду нуженъ:
Тамъ — дружескій обѣдъ,
Здѣсь — приглашенъ на ужинъ.
У цирка мудрецовъ
Пройдя весь курсъ науки,
Запомнилъ онъ отцовъ
Всѣхъ кровныхъ жеребцовъ —
Ему и книги въ руки!

Такъ вотъ каковъ, Котиллъ,
Изящный человѣкъ:
Такимъ вообразилъ
Его нашъ умный вѣкъ!
И видишь-ли, Котиллъ:
Коль въ уровень быть съ вѣкомъ,
Совсѣмъ быть не легко изящнымъ человѣкомъ! [Смѣхъ].

МУЦІАНЪ.

Прочитано прекрасно!

ЛЕЛІЙ.

Но стихи
Намъ не дали забыть объ ожерельѣ,
И отъ остротъ Сагитта не спасенъ!

АВРЕЛІАНЪ [къ Окт. Сагиттѣ].

Какъ Понціи Постуміи здоровье?

МУЦІАНЪ.

Что дѣлаетъ ея достойный мужъ?

СОЗІАНЪ.

Хромой Вулканъ — тѣмъ отъ божка отличный,
Что тотъ ковалъ невыгодную сталь,
А Маркъ Постумій — золото, Сагиттой
Добытое изъ отчихъ рудниковъ!

САГИТТА [зажимаетъ уши].

Конца не будетъ глупостямъ!.. Валерій!
Окончи торгъ съ Іоной безъ меня,—
Да не скупись. Куда снести подарокъ, —
Ты знаешь самъ.
А вы, мои друзья, —
Коль не на вѣкъ прилипли къ этой лавкѣ, —
Угодно-ль вамъ послѣдовать за мной?
Въ волнахъ толпы, по Форуму снующей,
У всѣхъ васъ есть красавица своя,
Иль ждетъ ея рабыня, чтобъ табличку
Вамъ передать отъ робкой госпожи.
Идемъ же: окунемся съ головою
Въ людское море, чтобъ на днѣ его
Ловить любви румяные кораллы.

ЛЕЛІЙ.

Идемъ!

[Проходятъ. Кліенты и рабы ихъ разсыпаются въ толпѣ, вслѣдъ за господами].

МУЦІАНЪ [отставъ отъ другихъ].

«Ловить румяные кораллы
Любви»... Недурно, право!.. Запишу
Въ свои таблички — и на Палатинѣ,
При разговорѣ съ цезаремъ, вверну.

Цитата никого у насъ не губитъ:
Неронъ красивыя словечки любитъ! [Уходитъ].

АСТРОЛОГЪ [кричитъ].

Любовный приворотъ! Нѣтъ больше безнадежной любви! За одинъ денарій — порошокъ, мазь, напитокъ и заклинаніе!

ХОЗЯИНЪ ТАВЕРНЫ.

Граждане! Не далекъ часъ обѣда! Вспомните о моемъ винѣ — чистѣйшемъ винѣ, только что изъ Фалерна!

СЦЕНА II.

Валерій и Іона.

ВАЛЕРІЙ.

«Окончи торгъ и не скупись...» Ха-ха!..
Легко сказать, но мудрено исполнить.
Мильонъ сестерцій! Шутка! Вся она
Не стоитъ этихъ денегъ.

ІОНА.

Кто не стоитъ?

ВАЛЕРІЙ.

Двуногая тигрица та, которой
На шею мы алмазы, жемчуга
И яхонты любовно надѣваемъ,
Тогда какъ ей ошейникъ рабскій нуженъ!
Та печь, куда, зажмуривши глаза,
Мы бросили честь, имя, службу, деньги —
И болѣе ужъ нечего бросать.
Какъ Геркулесъ въ отравленномъ хитонѣ,
Сгораемъ мы — и счастливы, сгорая!
И сами рукоплещемъ: эвоэ!
Какъ весело костеръ нашъ разгорѣлся!..

Мильонъ сестерцій! Да откуда взять
Его, мильонъ сестерцій?! Право — точно
Помѣстій нашихъ нивы не хлѣба
Рождаютъ, и луга не злаки носятъ,
Но лишь однѣ сестерціи родятъ,
Чеканеныя звонкою монетой.

ІОНА.

Э, не хитри, Валерій: знаютъ всѣ, —
Трибунъ богатъ неизмѣримо. Пропасть
Онъ золотомъ засыпать можетъ.

ВАЛЕРІЙ [значительно].

Могъ.

ІОНА.

Сказать ты хочешь...

ВАЛЕРІЙ.

Только то̀, что лучше
Ему бы свой расплавить капиталъ
И влить его кипящею струею
На дно дырявой бочки Данаидъ,
Чѣмъ тратиться на Понцію...

ІОНА.

Тсъ!.. Тише!..
Ея носилки... И трибунъ при нихъ.

ПРОДАВЩИЦА ЦВѢТОВЪ.

Вотъ фіалки — скромныя, какъ глаза влюбленной дѣвушки! Кто хочетъ, безъ словъ, сказать — «люблю» своей красавицѣ? Купите эту пламенную розу! Еще вчера, утромъ, она цвѣла въ садахъ Пестума.

СЦЕНА III.

Понція Постумія [выходитъ изъ носилокъ]. **Октавій Сагитта ее поддерживаетъ.**

ПОНЦІЯ.

Благодарю, Сагитта. Очень кстати
Послалъ намъ встрѣчу добрый случай...

САГИТТА [съ удивленіемъ].

Случай?
Но Магра мнѣ...

ПОНЦІЯ.

Что Магра?

САГИТТА.

Принесла
Отъ Понціи прекрасной приказанье...

ПОНЦІЯ.

Я ничего ей не велѣла.

САГИТТА.

Но
Она табличку принесла!

ПОНЦІЯ.

Какую?

САГИТТА.

Твоя рука...

ПОНЦІЯ.

Я писемъ не пишу —
Особенно къ мужчинамъ. Эта Магра —
Предерзкая шалунья. Дай взглянуть.
[Сагитта подаетъ ей таблетку].

«Въ шестомъ часу у стараго Іоны»...
Похоже, да. Совсѣмъ моя рука.
Плутовку надо наказать примѣрно:
Нашла она дурное ремесло.
«Въ шестомъ часу»... но солнце ужъ къ зениту
Подвинулось... И ты все ждешь? Бѣдняжка!
И голоденъ, конечно? Ха-ха-ха!

[Какъ бы нечаянно ломаетъ таблетку].

Ахъ, стыдъ какой! Прости меня, Сагитта!
Погибли Магры хитрыя слова,
Обрекшія трибуна—карауломъ
Стоять въ еврейской лавкѣ.

САГИТТА.

Еслибъ ты
Писала ихъ, о дòмина! — не только
Еврейскимъ стражемъ — самъ евреемъ стать
Согласенъ я!

ПОНЦІЯ.

Отвѣчено любезно,
Но жертва не по адресу. Снеси
Ее къ ногамъ божественной Поппеи:
Она евреевъ любитъ.

[Возвращаетъ Сагиттѣ обломки таблетки].

Будь такъ добръ —
Когда домой ты будешь возвращаться,
Забрось обломки эти въ желтый Тибръ
Иль въ первую попутную цистерну.

САГИТТА [тихо].

Письмо твое?

ПОНЦІЯ [также].

Конечно.

САГИТТА [также].

Жизнь моя!

ПОНЦІЯ [также].

Прошу: безъ словъ и взглядовъ откровенныхъ.

САГИТТА [также].

Зачѣмъ ты уничтожила письмо?

ПОНЦІЯ [также].

А развѣ ты коллекцію собираешь
Любовныхъ писемъ?

САГИТТА [также].

Злая, какъ всегда!

ПОНЦІЯ [также].

Нельзя шептаться: люди наблюдаютъ.

САГИТТА [громко].

Исполню повелѣнье: утоплю
Обломки счастья...

ПОНЦІЯ [также].

Или самомнѣнья.

САГИТТА [весело].

Оно забыто, домина. Прощенья
Твой просить рабъ.

ПОНЦІЯ.

И онъ уже прощенъ.
Хоть встрѣтить я тебя не ожидала,
Но,—если говорю тебѣ теперь,
Что встрѣча очень кстати,—вѣрь, что кстати
Она и въ самомъ дѣлѣ.

САГИТТА.

Твой слуга.

ПОНЦІЯ.

Посмотримъ камни.

[Садятся у лавки Іоны; онъ, съ низкими поклонами, раскладываетъ предъ ними драгоцѣнности].

ПОНЦІЯ.

Эти изумруды
Блѣдны... Ты мнѣ показывалъ другіе.

ІОНА.

Оплечье нумидійскаго вождя?

ПОНЦІЯ.

Не помню... покажи! [Іона уходитъ вглубь лавки].

ПОНЦІЯ [быстро, Сагиттѣ].

Прошедшей ночью
Я съ мужемъ говорила. Онъ согласенъ
Дать мнѣ разводъ, но...

САГИТТА.

Хочетъ много денегъ?

ПОНЦІЯ.

Безстыдный онъ и алчный человѣкъ!
Боюсь: тебѣ тяжелыя условья
Поставитъ онъ.

САГИТТА.

Что до условій мнѣ!
Пускай возьметъ хоть все, что я имѣю,
Но дастъ тебѣ свободу и зарю
Любви откроетъ намъ.

ПОНЦІЯ.

«Все что имѣю!»
Ребенокъ ты, Сагитта. А потомъ
Чѣмъ будемъ жить? Какъ бабочки — цвѣтами?

[Іона возвращается].

ІОНА.

Вотъ, госпожа. Съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ,
Не видано подобныхъ изумрудовъ.
Изъ рода въ родъ—наслѣдіе Югурты—
Хранила ихъ Пальфуріевъ семья.
Имъ—двѣсти лѣтъ. Но, хоть немного поздно,
Они Іоны не минули рукъ:
Пришли въ закладъ, да и легли подъ спудомъ.
Купите! Я недорого отдамъ.

САГИТТА.

Несчастные Пальфуріи!

ВАЛЕРІЙ [про себя].

Сосѣда
Жалѣетъ онъ, а у самихъ огонь
Давно на крышѣ!

САГИТТА.

Что ты тамъ бормочешь?

ВАЛЕРІЙ.

Замѣтилъ я, что много разореній
Въ средѣ фамилій старыхъ видитъ Римъ.
Потопъ банкротствъ! Пальфуріи одни-ли?
Гортензіевъ давно въ поминѣ нѣтъ,
Нѣтъ Куріевъ, Атиліевъ, Метелловъ.
Сокровища ихъ — въ лавкахъ іудейскихъ;
А — сами гдѣ ѣдятъ они ячмень,
Стыдъ нищеты въ лачугахъ укрывая, —
Не знаютъ и не скажутъ тѣ, кого
Они когда-то птичьими мозгами
Кормили въ бѣломраморныхъ дворцахъ.

ПОНЦІЯ.

Отонъ сострилъ за ужиномъ удачно:
Не римляне ѣдятъ свои обѣды,
Ѣдятъ обѣды римлянъ.

ВАЛЕРІЙ.

Разоренъ
Одинъ гостепріимствомъ; кліентурой
Другой на мель посаженъ. Этотъ лѣзетъ
Изъ кожи вонъ — не жаль послѣднихъ крохъ! —
Чтобъ одарить бездѣтнаго вельможу:
Авось, дескать, онъ вспомнитъ и меня,
Когда писать затѣетъ завѣщанье,
И, за мои грошовые дары, —
Какъ Зевсъ Данаю, — золотомъ осыпетъ.
Тому въ насмѣшку посылаетъ рокъ
Сенаторскія кресла и, въ придачу,
Сенаторскія траты. Не одинъ
Изъ всадниковъ, который поумнѣе, —
Почуявъ издалека, что его
Въ «отечества отцы» намѣтилъ цезарь, —
Бѣжалъ, какъ воръ, куда глаза глядятъ,
Отъ почестей, банкротству равносильныхъ.
Впиціи до рубашки обнищалъ,
Но гордъ, что тѣшилъ, въ званіи эдила,
Въ амфитеатрѣ играми народъ
И тысячу скотовъ четвероногихъ
Убилъ въ утѣху тысячи скотовъ
Двуногихъ, доморощенныхъ. Кальпурній,
Перикла гордой славой соблазненъ,
На мраморы истратилъ милліоны
И — вотъ, въ одинъ прекрасный день, узрѣлъ
Себя царемъ народа статуй. Славный
Народъ, клянусь Юпитеромъ! Ему —
Не то, что нашимъ римлянамъ — не нужны
Ни зрѣлища, ни хлѣбъ. Но самъ царекъ
Обголодалъ средь мраморнаго царства,
И застучалъ въ тиши его садовъ
Аукціона молотъ безпощадный! —
За грошъ пошли Лизиппъ и Праксителъ!..
Эмилія загрызли астрологи,
Сирійская богиня, Озирисъ:

Весь пестрый сбродъ божковъ и суевѣрій,
Что̀ — старый плутъ и шарлатанъ — востокъ
Нахально въ храмы Рима водворяетъ,
На смѣну прародительскимъ богамъ.
Евгеній проигрался на зеленыхъ,
Маркъ лопнулъ на игрѣ за голубыхъ,
Проклъ прогорѣлъ, красавцу — пантомиму
Клакёрами успѣхи создавая.
Въ упадкѣ всѣ. Одни ростовщики,
Чужою кровью сытые, жирѣютъ.

ПОНЦІЯ.

Онъ у тебя ораторъ — хоть куда!
Былъ въ школѣ?

САГИТТА.

Нѣтъ, — природы вдохновенье!

ВАЛЕРІЙ.

Но ни сенатъ, ни одурѣлый скопъ
Обжоръ, муренъ вскормляющихъ рабами,
Ни попрошаекъ жадная толпа.
Ни празднества безпутныя, ни цирка
Азартные заклады, ни тяжба
И кляузы искателей наслѣдства,
Ни ханжество, ни музъ голодный хоръ,
Не съѣли вмѣстѣ столько состояній,
Какъ... [Умолкаетъ, косо взглянувъ на Понцію].

ПОНЦІЯ [весело].

Что̀ же, новый Демосѳенъ,
Запнулся ты? Я подскажу, пожалуй:
Какъ женщины, — не такъ-ли?

ВАЛЕРІЙ.

Ты права.

САГИТТА [съ неудовольствіемъ].

А ты несносно дерзокъ!

ВАЛЕРІЙ [холодно].

Только вѣренъ.

ПОНЦІЯ [смотритъ на него долгимъ взглядомъ. Потомъ, съ насмѣшливымъ вызовомъ, Іонѣ].

Іона, эти камни я беру. [Встаетъ].

САГИТТА [тихо Іонѣ].

Ты ихъ отправишь вмѣстѣ съ ожерельемъ.

ІОНА.

А счетъ?

САГИТТА.

Валерію.

[Понція и Октавій Сагитта отходятъ отъ лавки и, поднимаясь по лѣстницѣ къ портику, бесѣдуютъ между собою].

ІОНА [смѣясь, Валерію].

Развязывай кошель!

ВАЛЕРІЙ [про себя].

И я, глупецъ, что трачу съ сумасшедшимъ
Слова!.. Что мнѣ за дѣло, наконецъ?
Родной онъ что-ли мнѣ? Да будь, что будетъ!
Пусть разоряется! Не одолѣть судьбу:
Съ любовницею другъ не выдержитъ борьбу!

[Отходитъ съ Іопою].

НИЦІЙ [кричитъ].

Добрые люди, во имя матери Изиды и всѣхъ божествъ
Нила, помогите бѣдняку, который зналъ лучшіе дни!

ПОНЦІЯ [стоя на поворотѣ лѣстницы, Окт. Сагиттѣ].

Ты долженъ съ мужемъ видѣться. Свободнѣй
Держи себя. Не покажи ему,
Что сильно любишь ты меня. Иначе.
Запроситъ онъ — торгашъ — такую цѣну,
Что золота испанскихъ рудниковъ
Не хватитъ выкупить мою свободу.
Небреженъ будь: молъ — прихоть лишь одна
Меня толкаетъ въ эту сдѣлку; если
Сойдемся мы, — прекрасно; если нѣтъ, —
Что дѣлать? я отъ горя не запла̀чу.

САГИТТА [угрюмо].

Притворство... Ложь...

ПОНЦІЯ.

Октавій, ты чудакъ.
Ну, что̀ такое ложь? Слова. А правда?
Опять слова. Одни, взамѣнъ другихъ,
Слова сказать — не стыдно, если этимъ
Удешевится счастье.

САГИТТА.

Хорошо.
Я притворюсь.

ПОНЦІЯ.

Мой мужъ играть охотникъ
Красивыя трагедіи. Начнетъ
Кричать о добродѣтели, о предкахъ,
Объ очагѣ поруганномъ... Не вѣрь!
Все это — фарсъ изъ пошлой ателланы.
Торгашъ до дна души онъ, но гораздъ
Прикрыть корысть личиной благородства.

САГИТТА.

Какъ ненавидишь ты его!

ПОНЦІЯ.

О, да.
Въ душѣ моей нѣтъ искреннѣе чувства,
Чѣмъ ненависть къ Постумію.

САГИТТА.

А наша
Любовь?

ПОНЦІЯ.

Когда освободишь меня
Отъ брака ненавистнаго, узнаешь,
Какъ я любить умѣю... и ласкать!
До той поры — прости: стòитъ межъ нами
Насмѣшливой и злобною преградой
Постумія властительная тѣнь.
Сознаніе, что я — его, отраву
Въ чистѣйшія вливаетъ наслажденья.
Когда я вспомню, что свиданье это —
Моя рука въ твоей рукѣ — лишь мигъ,
А тамъ...

САГИТТА.

Молчи! молчи!

ПОНЦІЯ.

Октавій! милый!
Спаси меня!

САГИТТА.

Спасу — хотя-бъ на Оссу
Мнѣ взгромоздить пришлося Пеліонъ!
Тебя спасая, я себя спасаю.
О, Понція! ужасна жизнь моя,—
Жизнь, полная ревнивыхъ опасеній,
Коварныхъ грезъ, насмѣшливыхъ видѣній!
Тебѣ невѣдомъ ревности недугъ.

Въ недугѣ этомъ много раздѣленій,
Но есть одно—тяжеле всѣхъ другихъ:
То—ревность правъ, взаимною любовью
Дарованныхъ, къ правамъ, что̀, безъ любви,
На женщину законъ даетъ мужчинѣ.
То—мой недугъ! Когда, въ ночной тиши,
Безсонницей на ложѣ одинокомъ
Я мучаюсь, мечтая о тебѣ,—
Проклятаго недуга лихорадка
Мнѣ посылаетъ сумасшедшій бредъ.
Въ отравленномъ моемъ воображеньи
Картины безобразныя скользятъ.
Ты... онъ... Постумій—эта злая жаба,
Которую, въ насмѣшку мнѣ, Юпитеръ
На двѣ ноги поставилъ и велѣлъ—
Не зная самъ, зачѣмъ—звать человѣкомъ!
Я вижу васъ... я вижу ваши ласки...
И дальше ужъ не вижу ничего!
Въ глазахъ—огни, кровавые потоки;
Звенитъ въ ушахъ, и, будто молотки,
Стучатъ въ вискахъ раздувшіяся жилы...
И убивать мнѣ хочется!

ПОНЦІЯ.

Ты страшенъ!

САГИТТА.

Прости: я позабылся.

ПОНЦІЯ.

Бѣдный мой!
Меня ты слишкомъ любишь.

САГИТТА [горько].

Да... быть можетъ!

ПРОДАВЩИЦА КОРАЛЛОВЪ [кричитъ].

Вотъ каменные цвѣты моря, красные, какъ кровь, холодные и твердые, какъ сердце матроны! покупайте кораллы! они помогаютъ отъ дурного глаза и привлекаютъ женскую любовь.

[Въ теченіе послѣдней сцены изъ толпы выдѣляются преторъ Вибуллій и молодёжь I-й сцены: Лелій, Авреліанъ, Гельвидій, Муціанъ, Созіанъ и др. Въ глубинѣ проходитъ Пальфурій Сура, обнявшись съ гладіаторомъ Сифаксомъ].

ВѢСТОВЩИКЪ [кричитъ].

Доблестные граждане! спѣшите на представленіе, которое даетъ вамъ храбрый Маркъ Виниціи, эдилъ, въ амфитеатрѣ Клавдія. Будетъ бой слона съ буйволомъ и борьба атлетовъ.

ХОЗЯИНЪ ТАВЕРНЫ [кричитъ].

Прохожіе! воины! граждане и иностранцы! всѣ, кого измаялъ солнечный зной! милости просимъ! подъ тѣнь плюща, къ кружкѣ вина—прекраснаго вина изъ Фалерна! Вино! Вино! Вино-о-о-о!

ВОДОНОСЪ [кричитъ].

Вода, ключевая вода изъ Аппіева фонтана, очищенная золотистымъ лимономъ. Кто хочетъ дожить до старости, пей воду изъ Аппіева фонтана!

[Пальфурій Сура и Сифаксъ проходятъ къ тавернѣ].

СЦЕНА IV.

ЛЕЛІЙ.

Смотри: Пальфурій Сура!

АВРЕЛІАНЪ.

Стадіона
Герой, въ борцы бѣжавшій изъ Сената!

СОЗІАНЪ.

И съ кѣмъ же? Съ гладіаторомъ! Позоръ!

ВИБУЛЛІЙ.

Средь бѣла дня!

МУЦІАНЪ.

Сынъ консуляра!

ЛЕЛІЙ.

Ужасъ!

ВИБУЛЛІЙ.

Куда идемъ мы?!

ГЕЛЬВИДІЙ.

Видишь: на арену.

[Пальфурій Сура и Сифаксъ пьютъ].

ПАЛЬФУРІЙ.

Такъ вотъ, Сифаксъ, схватились мы. Кротонъ
Ногами — знаешь — крѣпокъ особливо.
Впился, какъ дубъ, въ арену, — не свернешь!
Скользитъ рука по масляному тѣлу...
А онъ-то грудью претъ — гора-горой!
На плечи давитъ каменною лапой,
Самъ красный, очи кровью налились —
Страшилище изъ басенъ стародавнихъ!
Ужъ какъ его свалить мнѣ удалось,
Не помню. Слышу громъ рукоплесканій,
А свѣтъ ушелъ изъ глазъ, и воздухъ полонъ
Зелеными кругами... Ну, — вздохнулъ,
Гляжу: лежитъ Кротонъ... и кровь изъ глотки...

ЛЕЛІЙ [черезъ улицу].

Эй, Сура!

П. СУРА.

Кто зоветъ?!

ЛЕЛІЙ.

Пріятель.

П. СУРА.

Ба!
Такъ есть еще между отродьемъ вашимъ
Пріятели у Суры?

ЛЕЛІЙ.

Ты письма
Не получалъ изъ тартара, Пальфурій?
Родитель твой, покойный консуляръ,
Тебя съ побѣдой славной поздравляетъ
Надъ сплачемъ Кротономъ.

ВПБУЛЛІЙ.

Надъ моимъ
Рабомъ, три раза сѣченнымъ за кражи.

АВРЕЛІАНЪ.

Онъ только сожалѣетъ, что Кротонъ
Помялъ тебѣ сенаторскія ребра.

ГЕЛЬВИДІЙ.

Эй, консуляръ! Когда вонъ съ тѣмъ скотомъ,
Котораго на привязи ты водишь,
Ты выйдешь на арену,—дай мнѣ знать:
Я за тебя держу.

СОЗІАНЪ.

Я за Сифакса.

МУЦІАНЪ.

Достойные товарищи!

ЛЕЛІЙ.

Краса
Арены!

АВРЕЛІАНЪ.

Радость стадіона!

СОЗІАНЪ.

Гордость
Тысячелѣтнихъ предковъ!

ВСѢ.

Ха-ха-ха!

П. СУРА [встаетъ, въ вызывающей позѣ].

Что вы ко мнѣ пристали, злыя шавки?!
Ну, я Пальфурій Сура, консуляръ,
И сталъ атлетомъ. Ну, красой арены
Зовутъ меня. Что дальше?.. Ты, Антистій,
О предкахъ сокрушаешься? Да громъ
Ихъ разрази! Какъ будто я виновенъ,
Что родился потомкомъ ихъ? Повѣрь:
Когда бы отъ меня зависѣлъ выборъ,
Я выгоднѣй родиться бы сумѣлъ.
Происходя отъ Ромула, отъ Нумы,
Жить въ наше время значитъ — голодать.
Ты, Лелій, попрекнулъ меня заслугой
Отца? Увы! она не кормитъ сына.
Кто Риму служитъ правдою, тотъ крышу
Надъ собственной ломаетъ головой.
Mé miserum! Зачѣмъ отецъ покойный
Леталъ на Рейнъ съ Германика орлами?
Побѣдами обогащая Римъ,
Что нажилъ онъ себѣ? Рубцы, да раны,
Да дюжину растрепанныхъ вѣнковъ,
Да похвалу въ стихахъ высокопарныхъ.
Зачѣмъ — какъ этотъ вотъ плѣшивый плутъ —
Онъ не сидѣлъ хозяиномъ въ тавернѣ,
Мѣшая воду въ скверное вино?
Зачѣмъ, какъ дѣдъ Вителлія, не шилъ
Онъ башмаковъ красавицамъ придворнымъ?
Когда бы вмѣсто музыки меча
Онъ изучилъ языкъ унылой лютни
Иль флейтою пискливой услаждалъ

Влюбленный слухъ матроны престарѣлой;
Иль, сына позабывъ во мнѣ, въ товаръ
Честь обратилъ мою;—тогда, конечно,
Мнѣ не пришлось бы выбирать умомъ,
Пришпореннымъ запросами желудка:
Что̀ лучше?— воду пить, глодать сухарь,
Ходить въ одномъ плащѣ зимой и лѣтомъ,
Иль деньги взять и сдѣлаться атлетомъ?..

ПОНЦІЯ [съ портика, смѣясь].

Клянусь Юноной, Сура молодецъ
И хорошо насмѣшникамъ отвѣтилъ.

ВИБУЛЛІЙ.

Ты осквернилъ домашній свой очагъ,
Великое святилище пенатовъ.

П. СУРА.

Такъ имъ и надо. Хороши пенаты,
Коль не спасли меня отъ нищеты!

МУЦІАНЪ.

Ты сталъ позоромъ нашего сословья:
Досель межъ нами не было шутовъ.

П. СУРА.

Когда бы съ вами вздорить я желалъ,
Источникъ вашего негодованья
Назвалъ бы вамъ, да не хочу.

ЛЕЛІЙ.

Скажи!

ВСѢ.

Скажи! скажи!

П. СУРА.

Источникъ этотъ—зависть. [Хохотъ].

СОЗІАНЪ.

Ты, Сура, шутъ—и даже презабавный!

П. СУРА.

Конечно, зависть. Ну, кому нужны
Вы всѣ—потомки консуловъ, эдиловъ
И прочая? Однимъ ростовщикамъ,
Да Палатина жаднымъ куртизанкамъ.
Кто знаетъ васъ? Наслѣдники—піявки,
И то—пока не вынюхаютъ, кто
Наслѣдникъ по духовной настоящей.
А я, атлетъ, всему я Риму нуженъ!
Меня, атлета, знаетъ цѣлый Римъ!
И милліонъ сердецъ любовью связанъ
Съ моею каждой мышцею тугой.

МУЦІАНЪ.

Римъ Риму рознь. Снискать любовь Субурры
Честь небольшая, Сура.

П. СУРА.

Нѣтъ, мой Римъ—
Вездѣ, гдѣ свѣтитъ цезарево солнце.
Кого изъ васъ онъ другомъ звалъ? А я
Державными устами былъ цѣлованъ,
На зло вамъ всѣмъ, завистникамъ!.. Когда
Слыхали вы толпы рукоплесканья?
Бросали-ль вамъ душистые цвѣты
Красавицы? Ступали-ль вы по розамъ,
Какъ по ковру?.. Ты, Муціанъ, женатъ?
Благослови рога твои, Юпитеръ!
А мнѣ жены не надобно. Зачѣмъ?
Съ тѣхъ поръ, какъ я борецъ, всѣ жены Рима
Пальфурію принадлежатъ...

МУЦІАНЪ.

Наглецъ!

[Бросается на Пальфурія. Остальная молодежь слѣдуетъ за нимъ. Рабы кліенты, замѣтивъ ссору, бѣгутъ со всѣхъ сторонъ на помощь господамъ]. и

П. СУРА [роняетъ Муціана].

Ого, Сифаксъ! на насъ, братъ, нападаютъ!

ПОНЦІЯ.

Вдесятеромъ идутъ на одного!
Не честный бой!

ГОЛОСА ИЗЪ ТОЛПЫ.

Держись, Пальфурій Сура!—
Мы за тебя!—Долой молокососовъ!

ІОНА.

О, Богъ отцовъ! Мальчишка! гдѣ засовъ?
Я знаю эти уличныя свалки:
Чуть опоздаешь лавку запереть,—
И нищій ты, ограбленный до нитки!

[Многія лавки затворяются].

СИФАКСЪ [вскочилъ на столъ и кричитъ громовымъ голосомъ].

На помощь, Римъ, на помощь! Убиваютъ
Пальфурія, любимца твоего!
Эй вы, друзья желѣза! дѣти Марса!
Солдаты! гладіаторы! къ намъ! къ намъ! [Общая свалка].

ПОНЦІЯ [любуясь П. Сурою].

Красавецъ онъ, клянуся Геркулесомъ!—
И смѣлъ, какъ левъ Нумидіи пустынь.

П. СУРА [замѣтивъ Понцію].

Смотри Сифаксъ: никакъ, сама Венера
Явилась намъ съ тобой рукоплескать?

[Взводъ преторіанцевъ пробивается сквозь толпу и возстановляетъ порядокъ].

ЦЕНТУРІОНЪ.

Кто былъ зачинщикъ драки?

ЛЕЛІЙ [указывая на Суру].

Онъ.

П. СУРА [указывая на патриціевъ].

Они.

ВИБУЛЛІЙ [выступая впередъ].

Атлетъ зачинщикъ. Взять его.

ЦЕНТУРІОНЪ [тихо].

Но, преторъ,
Вѣдь это самъ Пальфурій Сура...

ВИБУЛЛІЙ.

Что же?

ЦЕНТУРІОНЪ.

На консуляра руку наложить
Не властенъ я. Притомъ же всѣмъ извѣстно:
Пальфурій близокъ къ цезарю.

ВИБУЛЛІЙ [вспыхнувъ].

Солдатъ!
Возьми его: я преторскою властью
Повелѣваю. Или въ Римѣ нѣтъ
Уже закона?

ЦЕНТУРІОНЪ.

Доблестный Вибуллій,
Я повинуюсь. [Нерѣшительно приближается къ Сурѣ].

П. СУРА [угрожаетъ].

Эй, не подходи!

ПОНЦІЯ.

Октавій, защити ихъ: справедливость
И мужество — за этими двумя.

[Октавій Сагитта сходитъ съ портика въ толпу].

САГИТТА.

Остановись, центуріонъ.

ЦЕНТУРІОНЪ.

Но преторъ...

САГИТТА.

Пальфурія беру я подъ защиту,
На полную отвѣтственность свою.

ГОЛОСА ВЪ НАРОДѢ.

Трибунъ Октавій!.. Нашъ трибунъ!.. Сагитта!..
Да здравствуетъ, да здравствуетъ трибунъ.

ВИБУЛЛІЙ.

Вмѣшался ты и дерзко, и не кстати.
Я далъ приказъ — исполненъ будетъ онъ.

САГИТТА.

Приказа нѣтъ, когда раздалось veto
Изъ устъ трибуна. Отпустить его!

ВИБУЛЛІЙ.

Трибунъ! отвѣтишь ты передъ сенатомъ.

САГИТТА.

Нѣтъ, насъ разсудитъ цезарь — не сенатъ.

П. СУРА [выступаетъ впередъ].

Благодарю, трибунъ. Спасибо тоже
Вонъ той богинѣ, что, лукавымъ окомъ
Сверкая, насъ и видитъ, и не видитъ...

[Беретъ у цвѣточницы розу и низко кланяется Понціи].

Домина Понція! Напрасно хочешь ты
Подъ шелкомъ скрыть румянецъ щечки смуглой.
Я видѣлъ: ты рукоплескала мнѣ...
Такъ вотъ тебѣ — на память нашей встрѣчи! [Бросаетъ ей розу].
Идемъ, Сифаксъ. Да голову склони —
Ты, толстый звѣрь! — пониже предъ трибуномъ!
[Насмѣшливо кланяется претору].
Прощай, Вибуллій!.. [нѣжно].
Понція, прощай!
[Дѣлаетъ повелительный жестъ преторіанцамъ].
Дорогу другу цезаря Нерона!
[Уходитъ, сопровождаемый радостными криками толпы. Понція тихо спускается по лѣстницѣ].

САГИТТА.

Отдай мнѣ розу эту.

ПОНЦІЯ [съ тайнымъ неудовольствіемъ].

Для чего?

САГИТТА.

Я заслужилъ ее, надѣюсь?

ПОНЦІЯ [лукаво].

Правда.
Но жалкою наградою такой
Мнѣ стыдно обижать тебя. Возьми
Другую розу: эта ужъ увяла,
Осыпаться готовы лепестки,
И блѣденъ цвѣтъ, и ароматъ въ ней слабый.
[Вынимаетъ изъ-за уха розу, а на мѣсто ея, прикалываетъ розу П. Суры].
Возьми вотъ эту. Видишь, какъ красны
Ея листки? Своимъ благоуханьемъ
Они тебѣ мои разскажутъ тайны:
Что ни листокъ, то стихъ моей поэмы,
Душистою любовью вдохновенной...
[Садится въ носилки. Октавій цѣлуетъ ея руку и сопровождаетъ ее].

ВИБУЛЛІЙ [вслѣдъ ему].

Октавій, до свиданья. Дружба — врозь!
Не позабуду сердцемъ оскорбленнымъ
Я ссоры этой...

САГИТТА [обернулся и презрительно пожалъ плечами].

Горе побѣжденнымъ!

В. А. Мазуркевичъ.

I.

ОСЕНЬ.

Скромныя, блѣдныя лиліи,
Гордыя, красныя розы!..
Вянутъ въ тоскѣ и безсиліи
Лѣтнія грёзы.

Дышутъ холодною осенью
Сѣрыя, блеклыя краски.
Вмѣстѣ съ небесною просинью
Стынутъ и ласки.

Листья съ деревъ осыпаются,
Точно мечты молодыя,
Въ блѣдный туманъ одѣваются
Сны золотые!

Грустно... Въ тоскливомъ безсиліи
Точатъ предсмертныя слезы
Скромныя, блѣдныя лиліи,
Гордыя розы!..

II.

ЗАТИШЬЕ.

Ночь зажгла погребальныя свѣчи...
Надъ землею клубятся туманы...
Все безсвязнѣй усталыя рѣчи, —
Все понятнѣй былые обманы.

Въ тихомъ сумракѣ рѣютъ видѣнья,
Тростники что-то шепчутъ въ испугѣ,
Всѣ цвѣты наклонились въ смятеньѣ
И блѣднѣютъ въ предсмертномъ недугѣ.

Огоньки на болотѣ блуждаютъ,
Трепеща надъ забытой могилой,
То померкнутъ, то снова мерцаютъ,
Точно факелы тризны унылой.

И гудитъ погребальное пѣнье,
И несутся туманные хоры, —
Выше... выше въ беззвучномъ смятеньѣ
Черезъ лѣсъ, черезъ долъ, черезъ горы.

Непонятная Тайна угрюмо
Распростерла зловѣщія крылья, —

Міръ окованъ гнетущею думой
И затихнулъ въ сознаньѣ безсилья...

Гаситъ ночь погребальныя свѣчи...
Тьмой объяты былые обманы...
Замолчали усталыя рѣчи...
Надъ землей опустилпсь туманы...

III.

СТРАСТЬ.

Не гонись за призракомъ мятежнымъ:
Міръ страстей лишь издали хорошъ,
Но звучитъ въ его призывѣ нѣжномъ
Обольщеній вкрадчивая ложь.

Не гонись за нѣжащимъ обманомъ,—
Усыпитъ онъ музыкой рѣчей,
Обовьетъ чарующимъ туманомъ
Миръ души неопытной твоей.

Дышетъ страсть горячимъ опьяненьемъ;
Свѣтлый рой невысказанныхъ грёзъ
Оналитъ она нѣмымъ сомнѣньемъ
Обожжетъ огнемъ ревнивыхъ слёзъ.

И поблекнутъ чистыя мечтанья,
Опадутъ минутные цвѣты,
И уйдетъ отъ муки обладанья
Грустный геній падшей красоты.

Гимнъ страстей заманчивъ, но опасенъ;
Въ немъ звучитъ чарующая ложь...
Міръ любви возвышенъ и прекрасенъ,—
Міръ страстей лишь издали хорошъ.

К. Дворжецкій.

НАДЪ МОГИЛОЙ.

Плита отвалена, и свѣжею струей
Во мглу могильную ворвался воздухъ вешній,
Неся съ собой и ароматъ черешни,
И солнца лучъ чудесно-золотой.
Покрытымъ плѣсенью — исчезла съ нихъ парча —
Гробамъ не отразить волшебнаго луча;
Отъ времени они позеленѣли,
Но, какъ морщины, и на нихъ явились щели...
И лучъ скользнулъ во внутрь... Но милыхъ мертвецовъ
Смутилъ-ли очи онъ сіяньемъ необычнымъ,
И запахомъ черешни непривычнымъ?
Нарушился ли миръ ихъ безконечныхъ сновъ?
Кто знаетъ? — мертвая царила тишина,
И слышно не было ни вздоха, ни рыданья,
Ни возгласа нежданнаго свиданья,
Ни лепета встревоженнаго сна.
И вотъ,— къ тѣмъ двумъ гробамъ спустился гробикъ третій,
И на его парчѣ лучъ солнца заигралъ.
Къ своимъ покойникамъ спустили внучку дѣти,
И кто-то наверху надъ нею зарыдалъ.
«— Спи, вѣчно, милая! Ты съ ними — не одна!
Могила для тебя не можетъ быть страшна.

Они тебя поймутъ, и протекутъ въ бесѣдѣ
Столѣтія у васъ, вы — вѣчные сосѣди...
Ты про отца и мать разскажешь старикамъ,
Они повѣдаютъ свои тебѣ видѣнья...
Да, мы еще придемъ,— а тамъ —
Тамъ не далёко воскресенье!..»

Н. К. Никифоровъ.

* * *

Если въ мгновенье чудесное
Жизни убавится гнетъ;
Въявь ли видѣнье небесное
Вдругъ предъ тобою мелькнетъ;

Иль въ очертаньяхъ неясное,
Въ смутной таинственной мглѣ,
Что-то приснится прекрасное,
Нѣтъ чего здѣсь, на землѣ;

Слуха коснется ли нѣжная
Чудная пѣсня безъ словъ,—
Пусть твоя память прилежная
Образъ хранитъ этихъ сновъ!

Возстанови благодатное
Зрѣніемъ чистой души,
Уразумѣй непонятное
Любящимъ сердцемъ въ тиши.

Радуйся! Міра нездѣшняго
То впечатлѣнье въ быломъ,—
Это тебя, безутѣшнаго,
Ангелъ коснулся крыломъ.

Это предчувствіе скрытаго,
Зоркость грядущаго «я»,
Отзвуки рая, забытаго
Въ темныхъ путяхъ бытія.

К. Н. Льдовъ.

I.

Мы ѣхали улицей тѣсной,
Межъ сѣрыхъ и хмурыхъ домовъ,
И теменъ былъ глубп небесной
Надъ нами нависшій покровъ.

Но ты въ это небо смотрѣла,
Забывъ о туманѣ сѣдомъ,
И звѣздная розсыпь горѣла
Во взорѣ твоемъ молодомъ.

И, бездной плѣненъ голубою,
Постигъ я въ ея глубинѣ,
Что небо не тамъ, а съ тобою,
Что небо — въ тебѣ и во мнѣ.

II.

Лепестки азалій алыхъ
Грезятъ въ томной тишинѣ,
О восторгахъ небывалыхъ
Въ очарованной странѣ.

Тамъ цвѣтетъ, не отцвѣтая,
Все прекраснѣй, все бѣлѣй,
Непорочная, святая,
Самодержица полей.

Мотыльки къ царицѣ лѣта
Прилетаютъ на поклонъ,
Соловьи поютъ расцвѣта
Нескончаемый канонъ.

Ночь пахнётъ крыломъ прохлады, —
Въ убаюканной тѣни,
Свѣтляки зажгутъ лампады
И дозорные огни.

И, блаженны безъ усилій
Ароматной красотой,
Преклонятся сонмы лилій
Передъ лиліей святой.

Надъ ложницею ночлега
Вознесется звѣздный храмъ,
И сольются блескъ и нѣга
Въ несказанный фиміамъ.

Только дремлющихъ азалій
Сохранитъ опальный цвѣтъ
Слѣдъ восторговъ, слѣдъ печалей
И лобзаній алый слѣдъ.

III.

Блаженства тайнаго полна,
Блаженства не прося,
Изъ свѣтлыхъ сновъ ты создана
И свѣтлый сонъ ты вся.

Какъ я люблю твои мечты!
И какъ понятно мнѣ,
Что міръ твой истинный — не ты,
Что правда — лишь онѣ.

А. П. Михневичъ.

СМЕРТЬ ПУШКИНА.*)

(29 января 1837 г.)

Рабочій кабинетъ Пушкина въ домѣ княгини Волконской на Мойкѣ. Большая, просто убранная комната съ боковыми дверями: въ гостиную и въ спальную. Въ глубинѣ кабинета — турецкій диванъ, заставленный ширмами; по бокамъ — столы, заваленные бумагами и книгами. Вдоль стѣнъ — два большихъ библіотечныхъ шкапа, на которыхъ бюсты Шекспира и Байрона. — Зимній день.

ЯВЛЕНІЕ I.

Пушкинъ лежитъ, за ширмами, на турецкомъ диванѣ; докторъ **Даль** сидитъ у его изголовья; входитъ **Жуковскій.**

ЖУКОВСКІЙ [тихо].

Ну, что̀, скажите: есть еще надежда?

ДАЛЬ.

Былъ отъ царя сейчасъ лейбъ-медикъ Арндтъ
И подтвердилъ, что Пушкинъ безнадеженъ!

*) Заключительная сцена трагедіи того же имени.

Онъ удивлялся даже, что поэтъ
Не изнемогъ и борется со смертью;
Другой отъ раны умеръ бы давно,
А онъ страдаетъ, вотъ ужъ третьи сутки...
Арндтъ говорилъ, что въ жизни не встрѣчалъ
Онъ крѣпкаго такого организма...
Все Пушкину сулило долгій вѣкъ,—
Но, какъ свѣча, онъ передъ нами таетъ... [утираетъ слезы].

ЖУКОВСКІЙ.

Ахъ, если бы могла любовь народа
Спасать людей, нашъ Пушкинъ былъ бы живъ!..
Спѣшатъ отвсюду... Денегъ вдвое платятъ,
Чтобъ «къ Пушкину!» скорѣй сюда везли,—
А гдѣ живетъ онъ, кто̀ теперь не знаетъ!
Вся площадь ближняя полна народу:
Студенты, дамы, слуги, мужики,
Чиновники, торговцы, офицеры,—
Всѣ знать хотятъ, что̀ дѣлается тутъ?

ДАЛЬ.

«О, люди! жалкій родъ!» Давно-ль старались
Одно дурное видѣть только въ немъ,
Теперь же вдругъ онъ сталъ какимъ-то богомъ,—
И всѣ его возносятъ до небесъ?
Я слышалъ самъ, въ толпѣ поднялся голосъ,
Что за поэта надо отомстить:
Хоть окна перебить у Геккерена
И разнести его проклятый домъ!

ЖУКОВСКІЙ.

Не въ Персіи живемъ мы, слава Богу!
Здѣсь, близъ дворца, совсѣмъ не Тегеранъ,
Гдѣ дико Грибоѣдова убили:
Не сто̀итъ мести этотъ Геккеренъ,—
И ничего подобнаго не будетъ!..
Все выдумки безсовѣстныхъ враговъ...

ДАЛЬ.

Но тише, тише!.. Онъ сейчасъ проснется...

[Пушкинъ издаетъ мучительный стонъ].

ЖУКОВСКІЙ.

Молчу, молчу...

ДАЛЬ [подходя къ Пушкину].

Не надо ли чего?

ПУШКИНЪ [очнувшись].

Который часъ?

Друзья Пушкина подходятъ къ дивану, на которомъ онъ лежитъ, и раздвигаютъ ширмы].

Ахъ, долго-ли мнѣ мучиться придется?!
Пожалуйста... пожалуйста, скорѣй!.. [Сдерживая стенанія, только дѣлаетъ порывистыя движенія руками, прикладывая ко лбу ледъ].

ДАЛЬ.

Что дѣлать, дорогой мой, потерпите!

ПУШКИНЪ.

Ахъ, говори со мною, Даль, на «ты»! [Протягивая ему руку].
Вѣдь, ты мнѣ другъ?

ДАЛЬ.

Ужель вы сомнѣвались?

ПУШКИНЪ.

Такъ отчего-жъ не говорить мнѣ — «ты»?

ДАЛЬ.

Изволь, приму твое я предложенье...
Ну, не стыдись своей жестокой боли,
Стонай сильнѣй, тебѣ же будетъ легче!

ПУШКИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Зачѣмъ? Не надобно стонать!
Жена услышитъ... право, вѣдь, смѣшно же,
Чтобъ этотъ вздоръ... меня осилилъ... нѣтъ!
Я не хочу... [съ усиліемъ сдерживая стоны].
Да скоро-ли конецъ?

ДАЛЬ.

Мы всѣ надѣемся... Ты не теряй надежды!

ПУШКИНЪ.

Нѣтъ, чувствую... ужъ мнѣ не долго жить!
Умру я скоро... видно, такъ и надо?!
Ну, что же, Даль! сознайся: я умру?

ДАЛЬ [живо].

Мы за тебя надѣемся, мой милый!
Да, право же, надѣемся теперь...

ПУШКИНЪ.

Спасибо, другъ!.. Да, нѣтъ! плоха надежда:
Тоска, тоска!.. изныло сердце все...
[Съ безпокойствомъ мечется по дивану].
Поправь подушку! [Даль поправляетъ].
Вотъ и хорошо!
Вотъ такъ прекрасно! Ну, теперь довольно!
Такъ хорошо,—но потяни мнѣ руку,
Еще, еще... ну, будетъ... хорошо!.. [Нѣсколько успокоившись].
Гречъ приглашалъ на погребенье сына,
Такъ передай, что искренно мнѣ жаль..
Кто у жены?

ДАЛЬ.

Тамъ множество народу,
Весь Петербургъ толпится у дверей.
Чтобъ справиться: въ чемъ дѣло? какъ здоровье?..

Недавно былъ въ сѣняхъ великій князь,
А поутру самъ государь справлялся...

ПУШКИНЪ.

Не можетъ быть?! [съ усиліемъ приподымается на диванѣ, но тотчасъ же падаетъ].
Какъ жаль, что не могу
Принять, кого хочу: мнѣ не подъ силу!..
Спасибо всѣмъ!.. Однако, ты поди,
Скажи женѣ, что мнѣ гораздо лучше,
А то ей тамъ еще наговорятъ... [Снова дѣлаетъ движеніе и стонетъ].
Кто здѣсь со мной останется?

ДАЛЬ.

Жуковскій.

ПУШКИНЪ.

Такъ ты иди, пожалуйста, къ женѣ,
А я останусь съ несравненнымъ другомъ!
[Даль уходитъ; Пушкинъ протягиваетъ руку Жуковскому].

ЯВЛЕНІЕ II.

А. С. Пушкинъ и В. А. Жуковскій.

ПУШКИНЪ.

Охъ, тяжело!.. Учитель дорогой,
Заплакалъ ты, мои страданья видя?
[Жуковскій, со слезами на глазахъ, цѣлуетъ руку Пушкина].
Что̀ дѣлать? Божья воля!.. Ты не плачь!
Прошу тебя, отправься къ государю,
Моли его, чтобъ онъ меня простилъ!..

ЖУКОВСКІЙ.

Я изъ дворца... Самъ царь тебя прощаетъ...
Не разъ онъ другомъ называлъ тебя,
И на глазахъ его дрожали слезы...

ПУШКИНЪ.

Ну, слава Богу! Я теперь умру
Спокойнѣе!.. Спасибо государю!
Меня своимъ прощеньемъ ободрилъ...
А смерть идетъ... Одно мнѣ только больно,
Что я въ нуждѣ оставлю здѣсь дѣтей...

ЖУКОВСКІЙ.

Царь слово далъ вполнѣ ихъ обезпечить.

ПУШКИНЪ.

Онъ такъ сказалъ? [Жуковскій только киваетъ головою, не будучи въ состояніи, отъ слезъ, произнести ни одного слова; Пушкинъ приподнимается на руки].

Повѣдай государю,
Что пожалѣлъ я умереть теперь:
Я былъ бы весь его!.. Скажи, что я желаю
Со славой долго царствовать ему,
Что я ему желаю счастья въ сынѣ
И счастія въ Россіи дорогой.

[Снова падаетъ на диванъ, утомленный длинною рѣчью].

ЖУКОВСКІЙ.

Ты самъ живи! Всѣ, всѣ того желаютъ...

ПУШКИНЪ.

Нѣтъ, я усталъ... пора и на покой!
Опять тоска... опять заныло сердце...
Но кто идетъ? [Входятъ: Даль, Александра Николаевна Гончарова*) и Данзасъ; за ними крадется Наталья Николаевна и незамѣтно останавливается у изголовья мужа].

---

*) Старшая сестра жены Пушкина, Натальи Николаевны, жившая у нея въ домѣ; К. К. Данзасъ — подполковникъ, лицейскій товарищъ Пушкина и его секундантъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же; Даль, Гончарова, Данзасъ и Н. Н. Пушкинъ.

ПУШКИНЪ [Александрѣ Гончаровой].

Ахъ, это вы, сестрица!
И вы пришли?.. За все благодарю:
За искренность, любовь ко мнѣ и ласку,—
Спасибо вамъ!.. [жметъ ея руку].
Но дайте слово мнѣ,
Что за дѣтьми присмотрите моими!

ГОНЧАРОВА.

Я обѣщаю остальную жизнь
Имъ посвятить... не выйду замужъ я!

ПУШКИНЪ.

Нѣтъ, выходите!.. но себѣ избравъ
Достойнаго...

ГОНЧАРОВА.

А вы мнѣ обѣщайте
Простить сестру...*) Она васъ слезно молитъ
Не проклинать, а отъ души простить...

ПУШКИНЪ.

За что простить? Да въ чемъ ея вина?
По прежнему, люблю ее всѣмъ сердцемъ...
Скажите ей, предъ смертью такъ сказалъ!..
[Надъ головою Пушкина внезапно раздаются рыданія жены].
Но здѣсь жена?.. Скорѣе уведите!
[Александра Николаевна уводитъ плачущую сестру].
Я не хочу, чтобъ мучилась она...
Данзасъ, мой братъ! Сними кольцо на память,

*) Другая сестра г-жи Пушкиной — Екатерина Николаевна, вышедшая замужъ за д'Антеса.

Носи его и помни обо мнѣ!

[Данзасъ со слезами беретъ кольцо у Пушкина].

Да что-жъ ты плачешь? Что тебя такъ мучитъ?

ДАНЗАСЪ.

О, братъ мой милый! Сдѣлай только знакъ,—
И я клянусь д'Антеса уничтожить!..

ПУШКИНЪ.

Я требую, чтобъ мстить не смѣлъ никто
За смерть мою; д'Антеса я прощаю
И умереть хочу, какъ православный...
Прочти, Жуковскій! знаешь ты молитву,
Которую всѣхъ больше я любилъ!..

ЖУКОВСКІЙ [еле собравшись съ силами, въ слезахъ, читаетъ].

«О, дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
«Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
«И духъ смиренія, терпѣнія, любви,
«И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи!»

ПУШКИНЪ [набожно].

Аминь, аминь! Божественный глаголъ!
Я всѣхъ простилъ и сердцу легче стало...
[Жуковскому]. Дай руку мнѣ, наставникъ мой и другъ!
Мы къ гробу близки; пѣсня наша спѣта,
Но молодежь за насъ еще споетъ
И засіяетъ надъ могилой нашей
На цѣлый міръ поэзіи звѣзда!..
[Съ одушевленіемъ]. Я оживаю... Даль, зови скорѣе
Сюда жену, чтобы опять пришла! [Даль уходитъ].
Она, бѣдняжечка! безвинно терпитъ;
И отъ людей — не будетъ ей житья...
Друзья мои, я всѣхъ васъ умоляю
Ее отъ злобы свѣтской защитить!

[Всѣ наклоняютъ головы, въ знакъ согласія; входитъ Даль и жена Пушкина. Наталья Николаевна становится на колѣна передъ мужемъ, который смотритъ на нее съ любовью].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же; **Н. Н. Пушкина** и **В. И. Даль.**

ПУШКИНЪ.

Ну, подойди!.. О, Боже! какъ я счастливъ:
Я живъ еще и ты вблизи меня! [цѣлуетъ жену].
Красавица, Мадонна дорогая! [она рыдаетъ].
Да ты не плачь, голубушка моя!

[Наталья Николаевна прижимается головою къ лицу Пушкина].

Умру я скоро... Но не плачь, родная!..
Вѣдь, смерти никому не избѣжать!.
Мы жили дружно... иногда бранились...
Да вѣдь нельзя безъ этого прожить!

[Хочетъ засмѣяться, но чувствуетъ мучительную боль].

Да, милая, немного счастья въ жизни
Извѣдалъ я: все счастье, это — ты!..
Ахъ, тяжело съ тобою разставаться!
А ты, смотри, меня не забывай!..
Прощай, жена! Воспитывай малютокъ,
И за отца ихъ всѣхъ благослови:
Скажи, чтобъ Богу за меня молились —
Да на колѣнахъ, какъ учила ты...
Но ты опять расплакаться готова?
Иди къ себѣ! Да, ну же, ничего!
Все, слава Богу, хорошо!.. Ну, съ Богомъ!

НАТ. НИКОЛ. [ободренная, уходя, Далю].

Увидите, что Пушкинъ не умретъ! [Уходитъ].

ПУШКИНЪ [послѣ долгаго молчанья, слабымъ голосомъ].

Теперь родныхъ проститься позовите!

[По знаку Даля, въ комнату входятъ: Е. А. Карамзина*), графъ Г. А. Строгановъ, братъ жены, лейбъ-гусаръ, И. Н. Гончаровъ и прочіе родственники Пушкина].

---

*) Е. А. Карамзина, вдова славнаго исторіографа, была особенно любима Пушкинымъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

А. С. Пушкинъ и близкія ему лица.

КАРАМЗИНА [быстро подойдя къ Пушкину].

Ну, какъ здоровье ваше? Неужели
Не узнаёте, старый другъ, меня?

ПУШКИНЪ [открывая глаза].

Нѣтъ, узнаю!.. Вы были такъ добры,
И ласками меня избаловали...
Я передъ смертью одного прошу:
Какъ мать, меня на путь благословите!

[Карамзина, молча, благословляетъ Пушкина; онъ цѣлуетъ ей руку].

КАРАМЗИНА [въ отчаяніи].

О, Господи!.. Я видѣть не могу!

[Разражается рыданіями; графъ тотчасъ же ее уводитъ].

ПУШКИНЪ.

Смерть — вѣчный мракъ!.. гроза для свѣтлой жизни!.. [роднымъ].
Прощайте всѣ! Ну, дайте руку мнѣ!

[Нѣкоторые подходятъ къ рукѣ умирающаго поэта, но прочіе не въ силахъ этого сдѣлать, отъ слёзъ. Пушкинъ въ полузабытьѣ; начинается агонія].

Всѣмъ вамъ сказать еще хотѣлъ я что-то,
Но не могу.. А смерть совсѣмъ близка!..
Дай руку, Даль! Ну, подними же выше!
Пойдемъ, пойдемъ, все выше!.. Ну, идемъ!..

[Падаетъ безъ чувствъ на руки Даля. Тягостное молчаніе; Пушкинъ открываетъ снова глаза].

Мнѣ грезилось, что я съ тобой взбираюсь
По этимъ книгамъ вверхъ, туда, высоко...
Туда, гдѣ, видишь?—Байронъ и Шекспиръ...

[Съ закрытыми глазами, снова ищетъ руку Даля].

Да ну, пойдемъ же! Ради Бога, выше!

[Даль поднимаетъ Пушкина, какъ можно выше; онъ выпрямляется].

Жизнь кончена!.. Дышать мнѣ тяжело!..
Какъ давитъ!.. смерть... Друзья мои, прощайте!

[Бросивъ послѣдній взглядъ на свои книги, падаетъ мертвымъ на руки доктора Даля, который бережно опускаетъ трупъ Пушкина на диванъ.— Томительное ожиданіе].

ЖУКОВСКІЙ [Далю].

Ну, что?

ДАЛЬ [со слезами].

Все кончено...

ГОНЧАРОВЪ [закрывая лицо руками].

Пойдемте объявить!

[Всѣ уходятъ изъ кабинета, оставивъ у тѣла Пушкина одного только убитаго горемъ Жуковскаго; въ комнату вбѣгаетъ рыдающая Наталья Николаевна].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Н. Н. Пушкина и **В. А. Жуковскій**; потомъ народъ.

НАТ. НИКОЛ.

Ты, Пушкинъ, живъ?.. Скажите: умеръ?.. живъ?

[Въ истерикѣ падаетъ на трупъ мужа].

ДАЛЬ [за сценою, обращаясь къ толпѣ].

Сегодня въ 2 часа 45 минутъ пополудни закатилось солнце русской поэзіи: Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ скончался.

ГОЛОСА [за сценой].

Неправда!.. живъ онъ!.. Онъ не умеръ! Нѣтъ!

[Слышенъ возрастающій шумъ; двери растворяются; видна толпа, которая мгновенно стихаетъ, при видѣ умершаго].

ЖУКОВСКІЙ [вдохновенно, народу].

Онъ мертвъ теперь, но вѣчно будетъ живъ!

[Занавѣсъ медленно опускается].

А. А. Коринфскій.

О СѢВЕРНОМЪ ЛѢСѢ.

I.

Поэзія задумчивыхъ, таинственныхъ лѣсовъ
Зоветъ меня призывами безвѣстныхъ голосовъ, —

Зоветъ меня, влечетъ меня и нѣжитъ, и томитъ,
И пѣснями, и сказками, и думами даритъ.

Иду я съ ней, спѣшу за ней подъ сѣнь родныхъ дубравъ, —
Она мнѣ шепчетъ пòшептомъ волнующихся травъ;

Надъ нами съ неба дò-земи — зеленые шатры,
Подъ нами — мхи, что̀ пестрые, цвѣтистые ковры.

И шу́мы отдаленные, и тишь, и темь, и свѣтъ;
И зрѣютъ думы свѣтлыя — молвѣ лѣсной въ отвѣтъ.

А вѣщая поэзія изъ чуткой тишины
Аукается съ памятью далекой старины,

Влечетъ меня призывами родныхъ мнѣ голосовъ
Подъ своды тиховѣйные задумчивыхъ лѣсовъ...

II.

Подъ снѣжнымъ наметомъ журча цѣлый день,
Про вешнія зори, про лѣтнюю сѣнь,
Про знойнаго солнца живые лучи
Поютъ мнѣ живые лѣсные ключи...

О томъ, что внизу — глубокò подъ землёй,
Во славу природы безсмертно-живой,
Грядущія, новыя, силы растутъ, —
Лѣсные ключи, не смолкая, поютъ...

И сердце — ихъ радостной пѣснѣ въ отвѣтъ —
Невольно имъ шлетъ свой безмолвный привѣтъ;
И блещутъ въ немъ яркаго солнца лучи,
Подъ снѣгомъ тоски — бьютъ живые ключи...

III.

Лѣсъ говоритъ со мной безмолвіемъ своимъ;
Я пробуждаюсь въ немъ отъ смутнаго томленья,
Которымъ жизнь меня окутала, какъ дымъ,
И память прошлаго одѣла сномъ забвенья...

Иду и жду чудесъ... Мнѣ кажется, что вотъ —
Раздвинется навѣсъ вѣтвей темнозеленыхъ,
Сама Природа-мать навстрѣчу мнѣ пойдетъ
Изъ терема своихъ палатъ многоколонныхъ.

И мнится: съ ней и въ ней всѣ пращуры мои
Пройдутъ передо мной, богатыри лѣсные,
И я почувствую себя въ кругу семьи —
Живущимъ не теперь, а тамъ — въ вѣка иные, —

Въ тѣ дни, когда грозилъ забытымъ предкамъ врагъ,
Внося огонь и мечъ въ ихъ мирныя селенья,
И, покидая свой прадѣдовскій очагъ,
Искали пахари въ лѣсахъ себѣ спасенья...

И лѣсъ ихъ укрывалъ въ привѣтливой тѣни
Отъ взора жадныхъ глазъ насилія лихого;
И новыхъ очаговъ священные огни
Въ честь пра̀отцевъ-боговъ не угасали снова;

И вести новыя, и новыя поля
Среди лѣсной глуши взростали годъ отъ года —
Тамъ, гдѣ еще во-вѣкъ не слышала земля
Молитвъ землей вскормленнаго народа...

IV.

Тишина... Но сколько звуковъ,
Сколько шумовъ слышно мнѣ
Въ этой томной, въ этой влажной,
Необъятной тишинѣ!
Чу, плыветъ напѣвъ неясный,
Чей-то сладостный напѣвъ.
Громче, ближе... То не пѣсня-ль
Дивъ лѣсныхъ, русалокъ-дѣвъ?
Гукнулъ филинъ въ темной чащѣ,
Дятелъ стукнулъ на суку;
Гдѣ-то въ хвоѣ затерялось
Спротливое «ку-ку!»...
Смолкло всё... Нежданный хохотъ
Прокатился по пути...
То не Лѣшій-ли грозится
Мнѣ дорогу перейти?
Такъ и есть... Тропа лѣсная —
Вся прямая, какъ стрѣла —
Влѣво, вправо изогнулась,
Въ логъ заросшій повела...
Стой! Назадъ!.. Правѣй... Лѣвѣе!..
Перекрёстокъ трехъ дорогъ...
Наугадъ пойдешь, и снова —
Предъ тобою тотъ же логъ.

Какъ тутъ быть! Какъ не повѣрить
Всякимъ чу́дищамъ лѣснымъ!
«Чуръ меня, лѣсная нѣчисть!
Проходи путёмъ своимъ!»
И — знакомая тропинка,
Какъ живая, предо мной, —
Отъ ходо́въ непроторённыхъ
Убѣгаетъ вдаль стрѣлой.
Нѣтъ слѣда отъ навожденья!
Да и не было его, —
Только «Чуръ меня!» все шепчешь —
Самъ не зная, отчего.
Тишина... Но сколько шумовъ,
Сколько звуковъ слышно мнѣ
Въ этой вѣщей, въ этой грозной,
Суевѣрной тишинѣ!..

V.

Весь, весь серебряный, — съ шатра своихъ вершинъ
До глубины корней, укрытыхъ подъ снѣгами...
Стоитъ онъ, сѣверный могучій исполинъ,
Закованный пигмеями-врагами.

Они подстерегли его отрадный сонъ,
Собрали по̀лчища несмѣтныя безъ счета,
И кинулись къ нему стремглавъ, со всѣхъ сторонъ,
И вмигъ богатыря опутали въ тенёта...

Проснулся старый лѣсъ и видитъ: не избыть
Ему лихой бѣды негаданнаго плѣна, —
Что взяли верхъ враги (лѣсная волчья сыть!),
Что выдалъ сонъ его, какъ черная измѣна...

Ликуетъ вражья рать, бахвалится въ глаза
Своею силою, невѣдомой дотолѣ: —
«Что̀, старый! Что̀, сѣдой! Гдѣ вся твоя гроза?
Не вырваться тебѣ! Сгноймъ тебя въ неволѣ!..»

Охъ, показалъ бы имъ, какъ прежде, богатырь,
Что въ немъ еще кипитъ кровь волею живу́чей,
Что можетъ разбудить собой всю даль, всю ширь,
Какъ буря роковой — кличъ стараго могучій!..

Разсыпалась бы вся, какъ листья, вражья рать
Отъ пѡсвиста его, костьми-бъ легла отъ взгляда, —
Да путы тяжелы: рѣсницъ не приподнять,
Ни устъ не разомкнуть, — какъ ни томѝтъ досада!..

«Что̀, старый! Что̀, сѣдой!..» И вотъ — взмолился лѣсъ
Своей сестрѣ Веснѣ... А та ужъ — на помо̀гу
Сама къ нему спѣшитъ изъ терема небесъ;
Ручьи подснѣжные торятъ красѣ дорогу.

Вотъ-вотъ и мать-Земля вздохнетъ въ отвѣтъ ключамъ,
И — заструится паръ съ корней къ сѣдымъ вершинамъ;
Тенёта отряхнувъ слезами по вѣтвямъ,
Лѣсъ встрѣтится съ Весной свободнымъ исполиномъ...

«Иди, сестра, иди!» — онъ тихо шепчетъ ей —
Не въ сѝлахъ ни вздохнуть, ни шевельнуть вѣтвями,
Серебряными весь опутанный цѣпями,
Весь, весь серебряный — съ вершинъ и до корней...

VI.

Какъ знать, — быть можетъ, прежде здѣсь,
Гдѣ — сосны, рытвины да пни,
Стояла пращурова весь;
Быть можетъ, къ ней, въ былые дни
На вѣче людъ стекался весь...

Быть можетъ, здѣсь, въ сѣдую старь,
Завѣты праотцевъ храня,
Какой-нибудь полудикарь —
Въ своемъ роду́ и жрецъ, и царь —
Вершилъ свой судъ при свѣтѣ дня...

Быть можетъ, здѣсь своимъ богамъ
Молился кто-нибудь изъ нихъ —
Безвѣстныхъ пращуровъ моихъ,
И слылъ весь міръ у нихъ за храмъ
При яркомъ блескѣ звѣздъ ночныхъ...

Быть можетъ, тамъ — гдѣ очерётъ
Тѣснится берегомъ къ рѣкѣ,
Водили дѣвы хороводъ,
И пѣлъ исчезнувшій народъ
На позабытомъ языкѣ...

Быть можетъ, вторгся ворогъ-лютъ
И мигомъ стеръ съ лица земли
Все, что̀ годами строилъ трудъ,
И — годы долгіе прошли,
И выросъ лѣсъ изъ праха тутъ...

Быть можетъ, здѣсь — въ глуши лѣсной,
Подъ этой тысячью ковровъ
Смолистой хвои — предокъ мой,
Угрюмый сынъ сѣдыхъ вѣковъ,
Лежитъ костьмѝ въ землѣ сырой...

Быть можетъ, сосны мнѣ сейчасъ
Его устами говорятъ,
О томъ, что мать-Природа насъ
Взростила вмѣстѣ, заурядъ —
Его, меня и «Божій садъ»...

О томъ, что вновь пройдутъ года,
И — всѣ умрутъ, кто жаждетъ жить;
Природа-жъ будетъ, какъ всегда,
И смерть нести, и жизнь дарить,
И не исчезнетъ никогда...

Январь—февраль 1899 г.

В. Л. Величко.

I.

ИЗЪ КАВКАЗСКИХЪ ПѢСЕНЪ.

1.

ВЪ ГОРАХЪ.

Мы у костра, на выступѣ скалы.
Надъ нами сводъ лазури многозвѣздной...
А тамъ, внизу, средь непроглядной мглы,
Плыветъ туманъ, бѣлѣющій надъ бездной.
И тайнъ полна суровая краса
Окрестныхъ горъ, въ дремоту погруженныхъ;
На лепесткахъ азалій благовонныхъ
Кой-гдѣ блеститъ жемчужная роса.
Невдалекѣ, сверкая пѣной бѣлой
И въ бездну тьмы струей слетая смѣлой,
Шумитъ потокъ, по кручѣ путь избравъ.
А на крутомъ, почти отвѣсномъ склонѣ,
Опьянены усладой сочныхъ травъ,
По ихъ ковру блуждаютъ наши кони.

Старикъ Муса, — мой другъ и проводникъ,
Угрюмо смолкъ и головой поникъ —
И чубукомъ пыхтитъ онъ изъ-подъ бурки;
А сынъ его, красавецъ смуглый, юркій,
Намъ шашлыки готовитъ на огнѣ,
Папаху вплоть до самыхъ глазъ надвинувъ.
И тѣнь, дрожа, рисуетъ на стѣнѣ
Сѣдой скалы, какъ будто въ страшномъ снѣ,
Косматыя фигуры исполиновъ...
Вздохнулъ старикъ, взглянулъ на небеса —
И, головой задумчиво качая,
Богъ вѣсть кому какъ будто отвѣчая,
Заговорилъ прерывисто Муса:
«Да, нелегко бороться было съ вами!
«Нашъ край всегда гордился удальцами, —
«Да мало насъ! А вашихъ-то... полки!
«Ну... И солдаты, правда, смѣльчаки —
«И было намъ помѣряться не стыдно!
«Есть у меня межъ ними кунаки!..
«Судилъ ужъ самъ Аллахъ премудрый, видно,
«Что покоритъ всесильный Бѣлый Царь
«Тѣ горы, гдѣ мы вольно жили встарь!..
«Не плохо намъ... Потише только стало...
«Веселья нѣтъ... Да вывелись лѣса...
«За все плати... И дровъ зимою мало...
«Да вотъ еще...»
Но тутъ замолкъ Муса,
Махнулъ рукой и злобно сдвинулъ брови...
— Вѣдь я кунакъ! — напомнилъ я ему, —
Такъ доскажи!..
Сердитый взоръ во тьму
Метнувъ, Муса продолжилъ: — «Мы по крови
«Хоть не сродни, — но... приласкать сумѣй,
«Не обижай, — и жить мы можемъ дружно,
«И ничего намъ лучшаго не нужно!
«Но...»
— Что-жъ еще?
«Но этихъ черныхъ змѣй...»

— Что? Змѣй? Какихъ?!.
Какъ будто кончикъ стали
Сверкнулъ въ очахъ Мусы: — «Теперь не смѣй
«Коснуться ихъ! А прежде трепетали!..»
— Ты про кого?!.
Онъ показалъ рукой
На огонекъ далекаго духана,
Внизу-внизу, въ долинѣ, за рѣкой,
Едва мерцавшій намъ изъ-за тумана, —
И продолжалъ, со злобною тоской:
«Все въ ихъ рукахъ! Тутъ пьянства и разврата,
«Слыхалъ ли ты? Вѣдь не было когда-то!
«На молодежь рукой теперь махни!
«Адаты кѣмъ блюдутся въ наши дни?!
«А кто виной?! Все *эти*, все они!
«Все въ ихъ рукахъ: и предковъ нашихъ кости,
«Богатство, власть! Хозяева земли!..
«Вы ихъ сюда пустили, привели —
«И мы — рады, а вы здѣсь — только гости!!!...
— Мы привели?! Не мы, а мирный вѣкъ,
Торговля...
«Да, но миръ бываетъ *всякій!*
«Ужъ ты не спорь!.. Я, старый человѣкъ!..»
. . . . . .
И оборвалъ!.. Донесся лай собаки
Издалека средь мирной тишины —
И смолкло все... Мерцаютъ съ вышины
Огни, огни въ лазури многозвѣздной...
Туманъ плыветъ бѣлѣющій надъ бездной...

2.

ПОДРАЖАНІЕ ПЕРСИДСКОМУ.

Глубокая полночь. Какъ тяжкія мысли,
Надъ моремъ зловѣщія тучи нависли —
И, словно подъ гнетомъ таинственной мглы,
Метались и глухо роптали валы.
Вдругъ... Бѣглое пламя, чуть видное пламя
Сверкнуло въ водѣ, заиграло съ волнами —
И взоръ устремился съ надеждою въ высь,
Гдѣ кроткія звѣзды нежданно зажглись.

Пустыня глухая. Замученный зноемъ,
Объятъ караванъ былъ предсмертнымъ покоемъ;
Все на-земь безмолвно, покорно легло...
А солнце въ лазури сверкало и жгло...
Но вотъ, изъ незримаго дальняго сада
Повѣяли вдругъ ароматъ и прохлада —
И вольно вздохнула усталая грудь,
Надежды воскресли! Отважнѣе въ путь!

Безмолвіе. Міръ онѣмѣлъ истомленный.
Порой будто слышался вздохъ затаенный,
Но гуще, все гуще росла тишина,
Зловѣщей, мучительной тайны полна...

И вдругъ заструились волшебные звуки!
Блаженствомъ свиданья, слезами разлуки,
Томящей любовью дышалъ ихъ призывъ!
И сердце заслушалось, міръ позабывъ!..

Средь сумрака ночи, безмолвья пустыни,
Увидѣлъ я ликъ свѣтозарной богини:
Онъ былъ недоступенъ, волшебно-далекъ,
И вдаль за собою онъ царственно влекъ!
Что̀ сталось со мной, — не пойму я, не знаю!
Садовъ ли волшебныхъ отраду вдыхаю?
Доносится-ль райское пѣнье ко мнѣ?
Звѣзда ли зажглась надо мной въ вышинѣ?

II.

МОЛИТВА.

Что̀ счастья утрата,
Стяжанья, и славы, и власти,—
Когда неизбѣжна расплата
Для сердца за жалкія страсти?!

Что̀ близкихъ измѣна,
Что́ греза, манившая тщетно,—
Когда средь позорнаго плѣна
Душа на любовь безотвѣтна?

Что̀ муки неволи,
Когда и на волѣ повсюду,—
И въ рощѣ, и въ радостномъ полѣ,—
Не вѣрится горнему чуду?

Что̀ сердца невзгоды
И суетной мысли тревоги,
Предъ вами, кромѣшные годы
Безъ думы отрадной о Богѣ?

Все строже и строже
Карай, истомляя борьбою!
Лишь духу дай скорбь, о, мой Боже!
Дай жажду сліянья съ Тобою!..

III.

ИЗЪ СТАРАГО ДНЕВНИКА.

Забвенья просилъ я, забвенья!
И жгучаго счастья мгновенья,
Мгновенья щемящей печали
Во мракѣ забвенья,
Одно за другимъ, угасали!..

И въ сумракѣ все потонуло...
И сердце заснуло... Заснуло,—
Какъ будто не знало во-вѣки
Того, что заснуло
Сномъ смерти въ живомъ человѣкѣ!..

Средь моря, безмолвнаго моря
Плыву я, съ судьбою не споря...
Но странно: ищу тамъ, на грани
Безмолвнаго моря —
Хоть марева прежнихъ страданій!..

IV.

ЭСКИЗЪ.

Очами, полными мольбы,
Они глядѣли другъ на друга,—
Неодолимаго недуга,
Любви мучительной рабы!

Стѣной завѣтовъ и преданій
Ихъ міръ нещадно разлучалъ:
Грозилъ безчестьемъ, обѣщалъ
За искру счастья, тьму страданій!

Какъ дальней бури смутный гнѣвъ,
Томила совѣсть ихъ заранѣ;
Мутился разумъ ихъ, въ туманѣ,
Въ разладѣ чувствъ оцѣпенѣвъ!

Но, втихомолку цѣпь желаній,
Ковала грѣшная мечта;
Нѣмѣли блѣдныя уста,
Дрожа въ предчувствіи лобзаній...

И — чаръ таинственныхъ рабы —
Глядѣли молча другъ на друга
Очами, полными испуга,
И состраданья, и мольбы!..

Ѳ. Ѳ. ФИДЛЕРЪ.

СКАЗКА О РЫБАКѢ И РЫБКѢ.

VOM FISCHER UND DEM FISCHLEIN.

EIN MÄRCHEN VON A. S. PUSCHKIN *).

Lebte einst mit der Alten ein Alter
Wohl am Ufer des Meeres, des blauen;
Eine Erdhütte war ihre Wohnung,
Drin sie dreiunddreissig Jahr hausten.
Mit dem Sacknetz fing Fische der Alte
Und die Alte sass spinnend am Spinnrad.
Einstmals warf er sein Sacknetz ins Meer aus —
Doch nur Schlamm zog das Sacknetz ans Ufer;
Wieder warf er das Sacknetz ins Meer aus —
Doch Seegras nur brachte das Sacknetz;
Und zum dritten Mal warf er das Netz aus —
Sieh, da brachte das Netz ihm ein Fischlein,

*) Это стихотвореніе не вошло въ мой сборникъ: «Gedichte von A. S. Puschkin» (Leipzig, Reclam) и появляется здѣсь впервые въ печати.
Ѳ. Фидлеръ.

Ein gar seltenes Fischlein, ein goldnes.
Da flehte das goldene Fischlein
Und sprach in der Sprache der Menschen:
«Lass mich, Alter, zurück in die Meerflut,
Will dafür dir ein Lösegeld zahlen:
Wie du's selber bestimmst, will ich's zahlen».
Staunen fasste den Alten und Schrecken:
Dreiunddreissig Jahr lang fing er Fische,
Und hörte doch nie einen sprechen.
Er liess frei das goldene Fischlein
Und sprach also die freundlichen Worte:
«Gott sei mit dir, du goldenes Fischlein!
Deines Lösegelds nimmer bedarf ich;
Tauch'zurück in die blauende Meerflut
Und ergehe dich lustig im Freien!»
Heim zur Alten ging wieder der Alte
Und erzählte vom Wunder, dem grossen:
«Heute hatt'ich ein Fischlein gefangen,
Ein gar seltenes Fischlein, ein goldnes;
Und es sprach in der Sprache der Menschen,
Bat, nach Hause, ins Meer es zu lassen,
Wollte zahlen dafür mir ein Lösgeld,
Wie ich selber es sollte bestimmen.
Doch nicht wagt'ich's, das Lösgeld zu nehmen,
Liess umsonst in die Meerflut das Fischlein».
Doch da schalt die Alte den Alten:
«Ach, du Erznarr, du alberner Tölpel!
Warum hast du kein Lösgeld genommen?
Einen Trog hättst du sollen verlangen,
Da der unsere längst schon geborsten!»

An das blauende Meer ging der Alte —
Sieh, da kräuselte leicht sich die Fläche.
Er rief laut nach dem goldenen Fischlein,
Und es kam das Fischlein und fragte:
«Alter, sprich, wonach steht dein Begehren?»
Und es spricht tiefen Grusses der Alte:
«Hab'Erbarmen, allmächtiges Fischlein!

Meine Alte, die schilt mich und zankt mich,
Lässt mich Alten daheim nicht in Ruhe:
Sie begehrt einen Trog, einen neuen,
Da der unsere längst schon geborsten».
Antwort bietet das goldene Fischlein:
«Sei getrost, geh mit Gott deines Weges!
Einen neuen Trog sollt ihr haben».
Heim zur Alten kehrte der Alte —
Sieh, der neue Trog war zur Stelle!
Doch noch ärger schalt ihn die Alte:
«Ach, du Erznarr, du alberner Tölpel!
Warst so dumm, einen Trog zu begehren!
Welchen Nutzen kann bringen ein Trog mir?
Geh zurück zu dem Fischlein und bitt'es,
Dass ein hölzernes Haus es dir schenke!»

An das blauende Meer ging der Alte —
Sieh, da furchte sich graulich die Fläche.
Er rief laut nach dem goldenen Fischlein,
Und es kam das Fischlein und fragte:
«Alter, sprich, wonach steht dein Begehren?»
Und es spricht tiefen Grusses der Alte:
«Hab'Erbarmen, allmächtiges Fischlein!
Aerger schilt nur und zankt mich die Alte,
Lässt mich Alten daheim nicht in Ruhe:
Gar ein Haus will die Keiferin haben!»
Antwort bietet das goldene Fischlein:
«Sei getrost, geh'mit Gott deines Weges!
Auch ein hölzernes Haus sollt ihr haben!»
Heim zur Erdhütte kehrte der Alte —
Aber diese ist spurlos verschwunden.
Sieh, ein hölzernes Haus reckt den Giebel,
Weiss getüncht, ragt ein Schornstein von Ziegeln,
Vorn-ein Thor von behobelten Eichen.
Zu dem Fenster heraus schaut die Alte,
Zankt den Mann, dass die Ohren ihm gellen:
«Ach, du Erznarr, du alberner Tölpel!
Warst so dumm, nur ein Haus zu begehren!

Geh'zurück zu dem Fischlein und sag'ihm:
Eine Bäuerin will ich nicht bleiben,
Eine Edelfrau will ich nun werden!»

An das blauende Meer ging der Alte —
Sieh, da wellte missmutig die Fläche.
Er rief laut nach dem goldenen Fischlein,
Und es kam das Fischlein und fragte:
«Alter, sprich, wonach steht dein Begehren?»
Und es spricht tiefen Grusses der Alte:
«Hab'Erbarmen, allmächtiges Fischlein!
Immer ärger treibt's meine Alte,
Lässt mich Alten daheim nicht in Ruhe:
Eine Bäuerin will sie nicht bleiben —
Eine Edelfrau will sie nun werden!»
Antwort bietet das goldene Fischlein:
«Sei getrost, geh'mit Gott deines Weges!»
Heim zur Alten kehrte der Alte.
Sieh-ein Herrenhaus reckt seine Hallen.
Auf der Freitreppe steht seine Alte
In kostbarem Zobelfellpelzchen,
Auf dem Scheitel brokatenen Kopfputz,
Um den Hals ein Geschnüre von Perlen,
An den Fingern goldene Ringe,
An den Füssen rotjuchtene Schuhe.
Vor ihr stehen dienstwillige Diener,
Die sie schlägt und am Schopfe umherzaust.
Und es spricht der Alte zur Alten:
«Gott zum Grusse, vielgnädige Herrin!
Sprich, ist nun deine Seele zufrieden?»
Doch voll Zornes fuhr an ihn die Alte
Und befahl ihm, als Stallknecht zu dienen.

Eine Woche verstreicht und die zweite —
Doch nur ärger noch treibt es die Alte.
Wieder schickt sie den Alten zum Fischlein:
«Geh'zurück zu dem Fischlein und sag'ihm:
Eine Edelfrau will ich nicht bleiben —

Will als Zarin uneingeschränkt herrschen!»
Da erschrak der Alte und flehte:
«Aber Weib, hast du Tollkraut gefressen?
Kannst mit Anstand nicht gehen, noch sprechen,
Wirst dich lächerlich machen im Reiche!»
Da ergrimmte die Alte noch grimmer,
Einen Backenstreich gab sie dem Alten.
«Was, du Bauer, du wagst es, zu trotzen,
Einer Edelfrau zu widersprechen?
Geh'zum Meere, ich rat'es dir gütlich,
Oder aber ich treib'dich gewaltsam!»

An das blauende Meer ging des Alte.
Sieh, da wogte schwärzlich die Fläche.
Er rief laut nach dem goldenen Fischlein,
Und es kam das Fischlein und fragte:
«Alter, sprich, wonach steht dein Begehren?»
Und es spricht tiefen Grusses der Alte:
«Hab'Erbarmen, allmächtiges Fischlein!
Ganz rebellisch ist worden die Alte:
Eine Edelfrau will sie nicht bleiben—
Will als Zarin uneingeschränkt herrschen!»
Antwort bietet das goldene Fischlein:
«Sei getrost, geh'mit Gott deines Weges!
Deine Alte soll herrschen als Zarin».
Heim zur Alten kehrte der Alte.
Sieh-ein Zarenschloss reckt seine Hallen.
In dem Schlosse, da sitzt seine Alte,
Thront als Zarin an zarischer Tafel;
Edelleut und Bojaren sind Diener;
Ueberseeischen Wein trinkt die Zarin,
Honigkuchen dazu isst die Zarin;
Die Leibwächterschar steht da im Kreise,
Auf den Schultern die Streitäxte tragend.
Als der Alte das sah, da erschrak er,
Warf zu Füssen der Alten sich nieder:
«Gott zum Grusse, du vielstrenge Zarin!
Sprich, ist nun deine Seele zufrieden?»

Keines Blicks ward gewürdigt der Alte,
Von sich treiben befahl ihn die Alte.
Alle Edelleut'und Bojaren,
Ins Genick stiessen fort sie den Alten;
An der Thür mit der Axt die Bojaren,
Hätten bald ihn niedergehauen.
Und das Volk, es höhnte den Alten:
«Alter Tölpel, Recht ist dir geschehen,
Wird in Zukunft als Lehre dir dienen:
Lass den Vorwitz, was nicht deines Amts ist!»
Eine Woche verstreicht und die zweite —
Doch nur ärger noch treibt es die Alte.
Nach dem Alten sendet sie wieder,
Und die Höflinge finden den Alten.
Und es spricht zu ihm also die Alte:
«Geh'zurück zu dem Fischlein und sag'ihm:
Zarin will ich länger nicht bleiben —
Will nun werden die Herrin des Meeres,
Will nun leben im Ocean-Meere,
Dass das goldene Fischlein mir diene,
Dass es Botendienste mir leiste!»
Keinen Widerspruch wagte der Alte,
Sprach kein einziges Wörtchen dagegen.

An das blauende Meer ging der Alte;
Sieh,— da brandet tiefschwarz die Fläche,
Hochauf bäumen sich zornig die Wogen
Und heulen in hohlem Geheule.
Nach dem goldenen Fisch rief der Alte,
Und es kam das Fischlein und fragte:
«Alter, sprich, wonach steht dein Begehren?»
Und es spricht tiefen Grusses der Alte:
«Hab'Erbarmen, allmächtiges Fischlein!
Meine Alte ist vollends des Teufels!
Zarin will sie länger nicht bleiben,
Will nun werden die Herrin des Meeres,
Will nun leben im Ocean-Meere,
Dass du selber, Fischlein, ihr dienest,

Dass du Botendienste ihr leistest!»
Nicht ein Wort sprach das goldene Fischlein,
Mit dem Schwanze nur schlug es das Wasser
Und tauchte hinab in die Tiefe.
Lange harrte auf Antwort der Alte
Und ging heim unverrichteter Dinge.
Sieh,— vor ihm hockt die Erdhütte wieder,
Auf der Schwelle sitzt seine Alte
Und vor ihr liegt der Trog, der geborstne.

К. М. Фофановъ.

Смотри, какъ міръ сталъ золъ и грубъ;
Какъ путы, рветъ онъ крылья!
Еще онъ живъ, еще не трупъ,
А полнъ уже безсилья!

Его роскошество полно
Ненасытимой злобы,
И алчетъ жертвъ слѣпое дно
Глухой его утробы!

Его веселье, блескъ и шумъ,
Лобзанья и объятья —
Влекутъ смятенье черныхъ думъ,
Угрозы и проклятья.

Дѣла людей живутъ — въ тѣни,
На торжищѣ святыни;
Какъ были слѣпы въ оны дни,—
Такъ слѣпы и донынѣ!..

Когда же міръ позоръ стряхнетъ,
И къ правдѣ слухъ приклонитъ,

Или въ грѣхѣ, какъ въ безднѣ водъ,
Безу́мствуя, потонетъ?

И Богъ отдастъ его звѣрямъ
И злу на растерзанья,
И что сіяло счастьемъ намъ,
Одѣнетъ тьмой страданья!

Такъ царь библейскій, что̀ звался
Навуходоносоромъ,
За то, что гнѣву отдался,—
Насытился позоромъ.

Отъятъ отъ власти и людей
Былъ свергнутый владыка,
И жилъ въ пустынѣ, межъ звѣрей,
Безсмысленно и дико.

Онъ убѣгалъ ото всего
Чѣмъ смертные богаты,—
И стали волосы его—
Какъ грива льва, косматы.

И рыскалъ онъ, подобенъ льву;
Роса его поила;
Спалъ на землѣ и ѣлъ траву,
И все забылъ, что было.

Искалъ онъ смерти,—смерть не шла,
Не находилъ гробницы;
Брада до чреселъ отросла,
И когти—какъ у птицы.

Не будьже ты, о, міръ слѣпой,
Отверженцу подобенъ,—
Воспрянь воскресшею душой
И къ правдѣ будь незлобенъ!

Свой падшій духъ, свой гнѣвъ смири!..
И снова предъ тобою
Да возсіяетъ свѣтъ зари,
Чуть видимой за тьмою...

В. Шуфъ.

ЮМОРЕСКИ.

I.

АРЛЕКИНАДА.

Другъ мой нѣжный, Коломбина,
Вышла замужъ за Пьеро,
И печальнѣйшая мина
Съ этихъ поръ у Арлекина,
Разодѣтаго пестро.

Подожди, Пьеро, развязки!
Ахъ, Пьеро груститъ одинъ!—
Карнавалъ смѣшалъ всѣ маски,—
Коломбина строитъ глазки,
И смѣется Арлекинъ.

II.

ЖЕРТВА.

Отъ меня, моя богиня,
Жертвы просишь ты всечастно.
Ты — кумиръ мой и святыня.
Что люблю я — это ясно.

Жертвы я несу съ мольбою.
Все же ты ликуешь рано:
Радъ я жертвовать собою,
Но не въ качествѣ барана.

III.

ЦВѢТЫ ЖИЗНИ.

Въ сердцѣ, помню я, когда-то
Расцвѣтали незабудки,
Ландышъ, полный аромата,
И подснѣжники-малютки.

Но они завяли вскорѣ.
Опытъ я узналъ резонный,
И въ душѣ взростило горе
Темный ельникъ похоронный.

А потомъ — мое былое
Поросло травой забвенья.
Я забылъ въ глухомъ покоѣ
Злого жребія гоненья.

Было-бъ мнѣ, пожалуй, плохо,
И, пожалуй, очень скверно,—
Даже соръ чертополоха
Въ сердцѣ выросъ бы навѣрно!

Но проснулась грусть живая,
Пѣсни старыя поются,—
И, насмѣшливо кивая,
Колокольчики смѣются.

IV.

СЕНТЕНЦІЯ.

Пусть мимо насъ стремится Лета
И въ челнокѣ плыветъ Харонъ,—
Еще предъ нами жизни лѣта,
И далеко до похоронъ.

V.

ИММОРТЕЛЬ.

Ты была нѣжнѣй, чѣмъ роза,
И тебя лелѣялъ Лель,
А теперь — какая проза! —
Ты... сухая иммортель.

К. К. Случевскій.

ПОВЕРЖЕННЫЙ ПУШКИНЪ.

(ДРАМАТИЧЕСКАЯ СЦЕНА ДАЛЕКАГО БУДУЩАГО).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Кошневъ-отецъ — комендантъ Москвы.
Кошневъ-сынъ — ополченецъ.
Старый морякъ — боцманъ.
Тереха — плотникъ.
Ванька — каменьщикъ.
Няня.
Молодая женщина.
Человѣкъ неизвѣстной народности.
Саешникъ.
Патрульный.
Венгерцы.
Баба Василиса.
Старый гонецъ.
Ратные люди, рабочіе, толпа, бабы, монахи, дѣти.

Дѣйствіе происходитъ въ неопредѣленномъ будущемъ; Москва полна слѣдовъ только что завершенной въ ней великой битвы. Страстной бульваръ; деревья его стары и густы. Видные за площадью и по Тверской дома — высокіе, русской архитектуры, подобно Страстному монастырю—обгорѣли; вдали замѣтны зарева. Посреди сцены, подлѣ разрушеннаго пьедестала, повергнутый на землю памятникъ Пушкина — совершенно цѣлый. Не смотря на ночное время, замѣтно большое движеніе; кой-гдѣ на работахъ поблескиваютъ фонарики; ночь лѣтняя, облачная. По-временамъ снуютъ ратные люди—русскіе и другіе славяне, а также прохожіе. Тереха и Ванька, съ товарищами, за работою по водруженію памятника. Подлѣ — воротъ и кранъ; нѣсколько рабочихъ. Старый морякъ-боцманъ, георгіевскій кавалеръ, сидитъ на разбитомъ лафетѣ.

ТЕРЕХА.

Подай стамеску, Ванька! Эко диво!
Работать ночью! Коли-бъ не привычка —
Рука сама идетъ, хоть глазъ не видитъ...
Царь, можетъ, будетъ въѣздъ держать?
Поторопиться надо!

ВАНЬКА.

Что-то Питеръ?
Счастливо-ль отсидѣлся. Злая битва,
Должно, была тамъ, на морѣ и сушѣ?
А взяли-ль наши?!

ТЕРЕХА.

Матушка-Москва
Вся погорѣла! Ишь, работы будетъ!
А монументы велѣно поднять.
Царя-Освободителя подъ сѣнью
Шатрóвою — того не обрѣсти...
Оттуда натискъ шелъ, и бомбы
Взрывали гору! Что курганъ могильный,
Стоящій надъ глубоко скрытымъ прахомъ,
Является священный намъ шатеръ!
На Красной площади — того не сбили,
А только бокомъ какъ-то повернули.
Царь-колоколъ совсѣмъ разбитъ въ куски,
А этотъ вотъ и весь на землю сваленъ.

ВАНЬКА.

Ну, и была тутъ свалка! Жутко стало
Всей нашинской дружинѣ! Я тутъ былъ!
У знамени съ Алешкою стояли...
Алешку помните? Гранатъ ручныхъ
Отъ нихъ на насъ посыпалось безъ счету.
И батареи ихъ съ шаровъ воздушныхъ
Палили тоже. Наши же шары
За это время надъ Ходынскимъ полемъ,

Что̀ туча съ тучей, съ ихними сошлись...
Отсель видали...

ТЕРЕХА.

Да, и день былъ ясный,—
Ни облачка на небѣ...

ГОЛОСА.

Какже, помнимъ!

ТЕРЕХА.

Одно — глазѣть тогда не приходилось:
Знай, раненыхъ носили. И, должно быть,
Нѣмцы̀ подъ этотъ самый монументъ
Подъ землю, значитъ, проводы пустили...
Вдругъ закачался, словно какъ привсталъ,
И грохнулся на землю, застонавши!

ВАНЬКА.

Я помню: мнѣ за Пушкина стихи
Досталось въ школѣ! У него есть строчка:
«И долго буду тѣмъ народу я любезенъ»...
Напуталъ я, да и не то, чтобъ важно—
«Я» — вмѣсто «тѣмъ», «тѣмъ» — вмѣсто «я» сказалъ.

ТЕРЕХА.

И что̀-жъ?

ВАНЬКА.

Ругнули!

ТЕРЕХА.

Только-то? Немного!
Стиховъ хорошихъ—не перевирай!

ВАНЬКА.

И вспомнился мнѣ тотъ самый стихъ
Здѣсь, именно, въ пылу горячей схватки!
Вотъ съ этихъ двухъ сторонъ, а съ правой больше,

На нашихъ напирали. Только, видимъ,
Изъ-за монастыря дружина чеховъ
Имъ въ бокъ ударила... Они смѣшались...
Тутъ подоспѣли и донскія сотни...
Поляки, сербы, пхняя пѣхота...

ГОЛОСА.

Да, ловко, братцы!

ТЕРЕХА.

Что ни говори,
Тутъ тоже будто чудо совершилось:
Какъ, въ оны дни, съ поѣздомъ царскимъ было,
При Мироторцѣ, при Царѣ великомъ!
Какъ это вышло такъ, что сразу
По всей Москвѣ, ну, въ сорока мѣстахъ,
Да вдругъ повсюду наши одолѣли?..

СТАРЫЙ МОРЯКЪ.

Такъ это было въ Портъ-Артурѣ тоже!
Лѣтъ сто прошло, какъ мы сидѣли въ немъ,
Пришли тогда къ намъ флоты англичанъ
И нѣмцевъ, и японцевъ... Окружили,
И, еслибъ не подводныя сигарки...

ГОЛОСА.

Сигарки?

СТАРЫЙ МОРЯКЪ.

Да, подводныя игрушки!
Одинъ лишь можетъ сѣсть, а на цѣпи
Съ собою тащитъ мину съ динамитомъ
Да подъ чужой корабль и подплываетъ!
Поѣдутъ сто, а девяносто сгибнутъ
Навѣрняка, зато остатнихъ десять
На воздухъ пустятъ тысячи людей!
У нихъ такія тоже были мины,
Да только наши не боялись смерти.

И въ воду лѣзли; ну, а тѣ не такъ!
И только этимъ мы и взяли — чудо!

ТЕРЕХА.

А ты ѣзжалъ?

СТАРЫЙ МОРЯКЪ.

Четыре броненосца
На совѣсти моей! Бывали въ дѣлѣ!
Китай тогда въ союзѣ съ нами былъ!
Они всѣ берега его забрали —
Съ тѣхъ поръ онъ съ нами нàкрѣпко стоялъ!

[Въ глубинѣ сцены проносятъ невидные зрителю гробы. Работа останавливается. Снимаютъ шапки и крестятся].

Опять покойники?

ТЕРЕХА.

Нашъ комендантъ
Распорядился, слышь, чтобъ изъ больницъ,
Умретъ кто если — по ночамъ носили.

ВАНЬКА.

А для чего?

ГОЛОСА.

Зачѣмъ?

ТЕРЕХА.

Такъ незамѣтнѣй!
Все плачъ, да плачъ, да стоны! Ихъ довольно!

СТАРЫЙ МОРЯКЪ.

И впрямь — зачѣмъ?

ТЕРЕХА.

Покой имъ будетъ вѣчный!

[Отъ людей, сопровождавшихъ гробы, отдѣлится молодая, красивая женщина и садится въ сторонкѣ. Навстрѣчу ей — саешникъ, съ сайками на лоткѣ].

САЕШНИКЪ [къ женщинѣ].

Сестрица! Свѣжее печеніе! Возьми-ка!

[Женщина отмахивается; саешникъ обходитъ рабочихъ].

Эй, молодцы! Съ послѣдняго подвоза —
Не залежалая, какъ было-то, мука!

[Многіе покупаютъ сайки].

ВАНЬКА [саешнику].

Давай сюда! А этой ты не знаешь —
Той женщины, что́ съ краюшка сидитъ?

САЕШНИКЪ.

Какъ намъ не знать? Кого если хоронятъ,
Она туда; знать, мужъ ея убитъ!
Признать желаетъ... Ищетъ...

ТЕРЕХА.

Полоумна?

САЕШНИКЪ.

Пожалуй, такъ. Все ходитъ да молчитъ.

[Проходитъ къ другимъ. Старый морякъ приближается къ женщинѣ и садится подлѣ. Является кучка громко разговаривающихъ людей и между нихъ человѣкъ непзвѣстной народности].

ГОЛОСА.

Охъ, плохо, братцы! Вѣсти къ намъ дурныя
Идутъ!

ДРУГІЕ ГОЛОСА.

Откуда? Что?

ГОЛОСА.

Да вотъ что̀, слушай...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Да, да! Готовьтесь къ злому худу, братья!
Миръ предлагали вамъ, — взять не хотѣли

И умныхъ голосовъ не слушались въ свой часъ,
Ну, вотъ и радуйтесь! На сѣверѣ погромъ,
Погибло все...

[Толпа окружаетъ человѣка неизвѣстной народности].

ГОЛОСЪ.

Откуда ты-то знаешь?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Чуть погодя узнаете и вы!
Вамъ говорили: милые, смиритесь!
Уступочекъ не сдѣлали! Ну, кайтесь!

ГОЛОСА.

Да что̀ онъ вретъ!

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ.

Откуда онъ, вѣщунъ?

ТРЕТІЙ ГОЛОСЪ.

Такимъ, какъ онъ, въ Москву-рѣку дорога...

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА [быстро подойдя къ человѣку неизвѣстной народности].

Постой, постой! Не ты ли, въ часъ ночной —
Тому назадъ теперь уже два года —
Къ намъ приходилъ и полкъ повелъ въ засаду,
Сказавъ, что насъ свои зовутъ прійти?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Что̀ ты, что̀ ты?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА.

Что̀ я, и что̀ со мною?!
А помнишь-ли, какъ мой убитый мужъ,—
Тебя ему подъ стражу поручили,—
Тебя своею шапкой полоснулъ?
Глядите, ро́дные, на шеѣ есть рубецъ!

[Толпа бросается на неизвѣстнаго и готовится осматривать его шею. Входятъ Кошневы, отецъ и сынъ, и съ ними стража].

ОТЕЦЪ.

Что тутъ за шумъ? [къ непзвѣстному]. Ты кто такой?!

НЕПЗВѢСТНЫЙ [бросаясь къ коменданту].

Спасите!

ГОЛОСЪ.

Предатель онъ, измѣнникъ, бей его! —

ОТЕЦЪ.

Не смѣть! [стражникамъ]. Подъ караулъ его возьмите
И отвести на Комендантскій дворъ!

ГОЛОСА.

Да какъ? Да что̀? Мы сами съ нимъ раздѣлку
Здѣсь учинимъ...

ОТЕЦЪ.

Не учините вы,
А сдѣлаете то, что́ прикажу я сдѣлать!
[Толпа мало-по-малу расходится. Рабочіе принимаются за работу].

ТЕРЕХА [въ сторону къ рабочимъ].

Да, нѣхристей порядкомъ наплодилось. .
И сколько ихъ, невѣдомо откуда,
Кургузой челяди въ мундирахъ всякихъ?!
И по сегодня по подваламъ ловятъ
Измѣнниковъ...

ВАНЬКА [указывая на Кошнёвыхъ.]

А молодцы Кошнёвы.
Старикъ теперь съ полъ-года комендантъ,
А сынъ его — вояка знаменитый:
Вѣдь это онъ у Иверскихъ держалъ...

ТЕРЕХА.

Рука подвязана.

ВАНЬКА.

И можетъ, значитъ,
Кошнёвъ, коли захочетъ пошутить,
Тебѣ башку отрѣзать, иль повѣсить,
Такая, значитъ, власть ему дана.

ТЕРЕХА.

Гдѣ долото? Подай опять стамеску.

[Къ нимъ подходятъ Кошнёвы].

ОТЕЦЪ.

Богъ помочь, братцы. Спо́рится-ль работа?

ТЕРЕХА.

Работаемъ.

ОТЕЦЪ.

Не слышно-ли чего
Изъ Питера? Народъ порою знаетъ
Скорѣй, чѣмъ мы.

ТЕРЕХА.

Да вотъ вечо́ръ слыхали,
Что битва тамъ была и... наши взяли...

СЫНЪ.

Да если-бъ такъ...

ТЕРЕХА.

Господни чудеса
Воочію гуляютъ! Грузы эти [показываетъ на памятникъ]
Какъ этотъ, вотъ, летятъ на землю пухомъ;
Поставленъ былъ, кажись, что очень прочно...

СЫНЪ [подходитъ къ памятнику].

И цѣлъ остался! Не разбился! Диво!

[Слышенъ шумъ. Патруль ведетъ двухъ пойманныхъ венгерцевъ].

ВАНЬКА.

Лупи его, проклятаго, сильнѣй...

ОТЕЦЪ.

Чего вы? Стойте! Говори, откуда?

ПАТРУЛЬНЫЙ.

Въ подвалѣ, подъ Гостиными рядами
Нашли, и вотъ бумаги есть при немъ. [Подаетъ].

ОТЕЦЪ [читаетъ].

Приказъ шесть дней тому назадъ! Венгерцы?..

ВАНЬКА.

Венгерецъ — это значитъ, тотъ же турокъ.
Позвольте, господа, заштукатурить:
Въ ступеньку обратить его...

ОТЕЦЪ [патрульному].

Ведите
На Комендантскій дворъ. Бумаги сдать,
А по пути не бить! Смотри, отвѣтишь!

ВАНЬКА.

Ну, а коверкать можно, господинъ?

ОТЕЦЪ [строго взглядываетъ на Ваньку; тотъ принимается за работу].

Ступайте-же. Я скоро буду самъ.

[Патруль уходитъ. Сынъ садится на землю и облокачивается на статую].

Да, много, много лѣтъ тому назадъ,
На этомъ мѣстѣ предки ликовали!
И обнажились головы толпы,
И Достоевскій слово говорилъ,
Когда изъ ленты, собранной повсюду,
Былъ памятникъ оконченъ въ данный срокъ!
Съ него проворно бѣлый холстъ спустили,
И онъ явился имъ въ чертахъ знакомыхъ,
Задумчивый, безмолвный и блестящій...

Теперь, отъ времени, позеленѣлъ онъ,
Зацвѣлъ весной всегдашней, вѣчно юной... [Къ сыну].
Но не задумывайся такъ упорно...
Совѣтъ врача ты помнишь ли?

СЫНЪ.

Да! Помню...

ОТЕЦЪ.

Мы къ царскому пріѣзду порѣшили,
А онъ въ Москвѣ, пожалуй, скоро будетъ,
Что можно — сдѣлать! По соборамъ
Кремлевскимъ вновь поставлены гробницы
Царей и ихъ опять парчой покрыли,
Какъ будто врагъ ихъ вовсе не сдвигалъ!
И памятники мы поднимемъ снова,
Пусть, молъ, увидитъ Царь...

СЫНЪ.

Оно, конечно,
Какъ будто что-то всюду оживаетъ!

ОТЕЦЪ.

Ты погляди, какъ быстро жизнь проснулась?
Смотри, какъ много подлѣ насъ движенья?
Москва не спитъ! Безсонница въ Москвѣ!
Всѣ ждутъ вѣстей, а сообщеній мало!
Въ десяткахъ мѣстъ горитъ теперь война,
А мы почти-что ничего не знаемъ,
Всѣ проводы обрѣзаны, молчатъ,
И страшно за далекій сѣверъ. Слухи
Тревожные являются отвсюду!
Пожары, слезы, трупы, кровь, страданья...

СЫНЪ.

Вотъ и моя рука еще горитъ...
И любо мнѣ къ металлу прикоснуться:
Опъ холоденъ... пріятно... [Прикасается и быстро встаетъ].

ОТЕЦЪ.

Что̀ съ тобою!

СЫНЪ.

Куда ни прикоснешься, всюду кровь!
Подумаешь, въ недѣлю не просохла!
Ее опять размылъ вечерній дождь!
И чья она—своя, или чужая!
И Пушкинъ думалъ ли, что будетъ день...
[Изъ-за тучъ выходитъ луна].
И кто бы ждалъ, что это все случится?..
Обычнымъ ходомъ шла повсюду жизнь.
Сзывались къ срокамъ разные конгрессы.
Послы сидѣли на своихъ мѣстахъ;
Шли рауты и пѣли итальянцы;
Во Франціи мѣнялись кабинеты;
А лѣтомъ, на водахъ, кишмя-кишѣли
Богатые наряды модныхъ дамъ...
Скрипѣли перья въ нашихъ министерствахъ,
Выкладывали смѣты счетоводы,
Съ трудомъ обычнымъ поле засѣвалось,
Являлись урожаи, недороды...
И вдругъ, вотъ въ этотъ заурядный строй
Ужаснымъ выходцемъ изъ дней минувшихъ
Проникла къ намъ трехлѣтняя война!
Не разобраться, въ чемъ ея начало?
Послѣдней ей причины не найти!
Случилось то, чего и не хотѣли:
Осилили теченья высшихъ силъ,
Совсѣмъ не тѣхъ, что̀ знали дипломаты!
И гдѣ плоды той свѣтозарной мысли
Святого оклика Державнаго Вождя,
Что̀ съ высоты отцовскаго престола
На общій миръ народы призывалъ?
Погромъ пошелъ по всѣмъ землямъ славянскимъ:
Отъ Праги, къ Кракову и отъ Варшавы
Вплоть до Невы, до Волги, до Днѣпра!

ОТЕЦЪ.

Нѣтъ дальше, дальше... Флоты всѣхъ морей
Горятъ огнемъ...

СЫНЪ.

Рѣшенія на сушѣ,
Не на моряхъ — и именно у насъ!
Мы шли къ тому отъ самаго начала!
Какъ въ племени Давида быть Христу
Рѣшилъ Господь — намъ было назначенье
Стать очагомъ послѣдняго огня...

[Нѣкоторые рабочіе уходятъ; другіе, Тереха и Ванька, ложатся спать. Кошнёвы садятся на обломки пьедестала].

ОТЕЦЪ.

Порѣшены великіе вопросы,
И жребій палъ, такъ Богъ велѣлъ, на насъ...
Судьба славянъ совсѣмъ своеобразна.
Все ихъ былое — медленный отпоръ.
Они всегда являлись мягкотѣлы,
Какъ бы безпомощны. Одна Москва,
Собравши землю, обросла бронею,
Пыталась много разъ помочь собратьямъ...
Бывала помощь отъ другихъ, но рѣдко:
То битва Бѣлогорская, то гнѣзда
Угрюмой Черногоріи, порою,
Знать о себѣ давали... а теперь —
Мы нашимъ предкамъ руку протянули...
Мы страстотерпцы нынѣ, какъ всегда!
И Церковь наша, кроткая отъ вѣка,
Рукою отческой всегда на миръ вела...
Ты мнѣ скажи: кто въ матушкѣ Россіи,
Кто изъ людей великихъ не страдалъ?

СЫНЪ.

Преемственность страданій, это — мило!

ОТЕЦЪ.

Да, да! Преемственность!.. Она отъ вѣка,
Какъ Божій духъ, носилась надъ Россіей
Невоплотившимся библейскимъ словомъ!
Она имѣлась на сердцѣ народа,
Въ писаніяхъ почтенныхъ лѣтописца,
Въ словахъ проповѣдей и въ бранныхъ кликахъ,
Въ мученіяхъ святого Михаила,
Въ разбойничьей отвагѣ Ермака,
И въ битвѣ Бородинской, и на Шипкѣ,
И въ Ломоносова ученомъ кабинетѣ!!...
Яснѣй чѣмъ гдѣ имѣлась здѣсь, конечно,
Когда была Москва еще деревней—
Въ бесѣдѣ Калиты съ митрополитомъ
Петромъ... А Радонежскій чудотворецъ?..
Преемственность въ Суворовѣ виднѣлась,
Въ Кутузовѣ, и множествѣ другихъ!
Одинъ всегда былъ лозунгъ у людей:
Россія безъ Царя — грудь безъ дыханья,
И долженъ Царь служить странѣ своей!
Всѣ въ это вѣрили, всѣ ощущали —
Но этотъ, вотъ, что тутъ теперь лежитъ
И, вновь воздвигнутъ, будетъ возвышаться —
Онъ былъ начальнымъ лепетомъ, былъ первымъ
Разумнымъ словомъ малаго ребенка,
Когда впервые, но съ сознаньемъ яснымъ,
Вдругъ назоветъ онъ: мать, или отца!

СЫНЪ.

Но посмотри, взгляни: въ его чертахъ
Какъ много грусти! Тягота большая
Лежитъ на немъ? Возможно-ль, чтобы тѣ,
Кого судьба поставитъ такъ высоко,
Грустили такъ безпомощно?!

ОТЕЦЪ.

Мой милый!
Въ предвидѣньѣ глубокомъ, несказанномъ,

Онъ видѣлъ то, что нынѣ видимъ мы.
При немъ оно завязывалось въ почки
По осени, готовилось къ зимѣ!
И надвигалась исподволь гроза!..
И погасали явленныя силы...
И правъ былъ Пушкинъ, ежели грустилъ!
Ты видишь самъ, какой большой цѣною
Мы искупили прежнія ошибки:
Несвоевременную, иногда, отвагу
И робость, проступавшую всегда!
Теперь мы отстояли право жизни,
Быть дома у себя!..

СЫНЪ.

Святое право!

ОТЕЦЪ.

Но мы могли бы кровью изойти...
Когда бы намъ да не знамёна наши!
Да, тутъ, у этихъ погорѣлыхъ храмовъ,
У этихъ памятниковъ мощнымъ людямъ,
Поляки съ чехами и мы, какъ братья,
Повсюду дружно бились за-одно...
А въ чемъ причина? Благовѣстный случай!
Когда бы Австрія еще существовала,
Германія не выросла бы втрое,
Поляки съ чехами, какъ это было,
Особнякомъ стояли-бъ въ службѣ папъ!
Возможность вѣрной смерти имъ внушила
То, что когда-то, лучшіе изъ нихъ,
Давнымъ давно, въ свой срокъ провозглашали:
Въ одиннадцатомъ вѣкѣ и въ минувшемъ...
И, къ слову молвить: Станиславъ святой,—
По имени его у насъ извѣстна лента,—
Въ борьбѣ съ папизмомъ смерть свою обрѣлъ!
«Католикъ безъ папы» — вотъ тотъ лозунгъ,
То основанье братства между нами,
Которое призвало въ дружный бой!

Не выносить двухъ молній той же тучѣ —
Царю и папѣ вмѣстѣ — мѣста нѣтъ!
Отнынѣ насъ сливаетъ во-едино,
Кровь, нами прòлитая братски за-одно!
Единый духъ — одна большая сила
Чужда ксендзамъ подвластнымъ булламъ Рима,
Дала отпоръ послѣдній, навсегда...
Сверкаетъ уголь нашихъ деревень,
Полъ-неба надъ Европой освѣщая,
Святой огонь спалилъ намъ все до тла!
Не даромъ же отъ древности сѣдой,
И отъ временъ богатырей, въ лампадахъ,
Онъ у святыхъ иконъ не погасалъ!

[Издали слышится пѣсня проходящаго мимо пѣвца].

Соловьи-то наши замолчали,
Не воркуютъ горленки съ печали,
Льется, льется, что̀ великая рѣка,
По родимой, по сторонушкѣ тоска...

*

Ужъ вы, волны, волны не крушите,
Колыбельки дѣтокъ пощадите,—
Утекай, змѣя-рѣка, до дальнихъ странъ,
Да не къ людямъ, а въ глубокій океанъ.

*

Заворкуйте, горленки, скорѣе,
Защелкай, соловушко, громчѣе...
Иль глаза у насъ на мокрыхъ на мѣстахъ?
Выходи, заря, сушить росу въ очахъ...

[Заря занимается. Старикъ Кошневъ глядитъ въ лицо Пушкину].

Какія въ пѣснѣ грустныя слова!
Но, мнится мнѣ, что хмурыя черты
Въ сіяньи тихомъ розоваго свѣта,
Какъ будто, пѣсню слушая, свѣтлѣютъ...
Утѣшена тоскующая тѣнь.
И не пройдетъ и мѣсяца, услышимъ
Мы не одно лишь пѣнье панихидъ,

Къ которому такъ долго привыкали, —
Услышимъ пѣсенъ свадебныхъ разгулъ
И прославленье памяти былого!

СЫНЪ [быстро вставая съ мѣста].

О, свадебныя пѣсни! Развѣ такъ!
Да развѣ свадьбы празднуютъ на свѣтѣ?
И развѣ міръ не лагерь, не сраженье,
И не больница, и не царство мертвыхъ?!
И спасена страна? И мы не трупы?
Три года битвъ! Томленье! Неизвѣстность!
Всѣ нервы напряглись, всѣ мысли сбиты,
Способность есть повѣрить въ привидѣнья —
Увидѣть ихъ... Смотри, отецъ, смотри!

[Отъ проходящихъ, во все время дѣйствія, на заднемъ планѣ людей отдѣляется старушка-няня, съ платкомъ на головѣ и, плача, подходитъ къ статуѣ Пушкина, ярко освѣщаемая луною].

ОТЕЦЪ.

Ну, вижу, вижу!

СЫНЪ.

Пушкинская няня!
И плачетъ, горько плачетъ... Почему?

[Хочетъ подойти къ ней, но остановленъ поднявшимся съ мѣста отцомъ].

ОТЕЦЪ.

Я самъ поговорю! Ты не сумѣешь?

[Къ старушкѣ].

О чемъ, скажи, старушка-няня, плачешь?
Что на̀ сердцѣ?

НЯНЯ.

Да какже, ро̀дный мой!
Убиты два моихъ птенца родные,
Одинъ другого краше и милѣй...
Какъ были дѣтками, я ихъ водила
Сюда! Играли, тѣшились парнишки
И такъ и звали: — «къ дѣдушкѣ пойдемъ!»

ОТЕЦЪ.

Какъ звали ихъ?

НЯНЯ.

Ихъ Пушкиными звали,
Вотъ, какъ и этого...

СЫНЪ.

А какъ же, молви,
По батюшкѣ?..

НЯНЯ.

Петровичами были...

СЫНЪ.

Петровичи! Товарищи мои!
Убиты оба? Гдѣ? Когда? Давно ли?

НЯНЯ.

Пять дней назадъ письмо о томъ пришло.

ОТЕЦЪ.

Гдѣ, гдѣ?

НЯНЯ.

Не вѣдаю! Чудное мѣсто?

ОТЕЦЪ.

Почтенный родъ, отъ Грознаго, и раньше —
Родной землѣ на службѣ именитъ!

НЯНЯ.

И вотъ, не сплю — гуляю темной ночью...
И слезъ не хватитъ плакать мнѣ...

СЫНЪ.

Судьба!
Давно-ль друзьями въ школѣ мы сидѣли ..

ОТЕЦЪ.

Ну, няня! Видишь ли, Господня воля!
Имъ лучше тамъ... А ты за нихъ молись.

НЯНЯ.

Иду къ заутренѣ, родимый, къ монастырской.

ОТЕЦЪ.

Ступай, ступай, хорошая моя...

[Няня уходитъ къ монастырю].

СЫНЪ [послѣ раздумья].

Все смерть да смерть! Вернувшемуся счастью
Не вѣрю я? Не рано-ль ликованье?
И не обидно ли убитымъ будетъ
Подъ неосѣвшею еще землей?
Не стыдно-ль будетъ свадебною пѣсней,
Тревожить ихъ едва начатый сонъ?
И развѣ не зовутъ они живущихъ
На страшное отмщенье?

ОТЕЦЪ.

О, мой сынъ!
Въ судьбахъ великихъ родины твоей
Нигдѣ я не читаю слова: мщенье!
Давали мы врагамъ отпоръ, не больше!
Измѣна прошлому — измѣна правдѣ!
Теперь за дѣло! За возстановленье!
Откроемъ церкви наши для молитвы,
Пусть возникнетъ снова наша внѣшность
Такою, какъ была! А вмѣстѣ съ тѣмъ
И этотъ памятникъ; вѣдь Пушкинъ былъ
Однимъ изъ тѣхъ далеко видныхъ стяговъ,
Которымъ вслѣдъ полки на бой идутъ,
Сбѣгаются на случай неудачи!
Мы разбрелись бы, если-бъ не знамена!

Вотъ отъ того-то надо ихъ поднять...
Плечомъ мірскимъ! Но, что̀ это за шумъ?

[Слышенъ быстро приближающійся шумъ. Тереха, Ванька и другіе просыпаются. Блестящая заря].

СЫНЪ.

Великій шумъ!.. Въ такую рань проснулись?
Толпы валятъ со всѣхъ сторонъ, кругомъ!

[Приходятъ дѣти, женщины, монахи, славянскіе ратники. Толкотня].

ОТЕЦЪ.

Сюда бѣгутъ. Должно́, насъ увидали...
Гонецъ какой-то... Радостные клики!..

[Въ толпѣ засматриваютъ въ глубину сцены].

МНОГІЕ.

Съ гонцомъ бѣда!

ДРУГІЕ.

Гонецъ-то, братцы, баба!..

ГОЛОСА.

Упала лошадь! Выбилась изъ силъ...

ТЕРЕХА.

А баба на ногахъ!

ВАНЬКА.

Идутъ сюда толпою!

[Входитъ баба-Василиса, съ нею толпа народа; она отдаетъ Кошнёву депешу].

БАБА-ВАСИЛИСА.

Побѣда наша... Флоты ихъ погибли...
И Петербургъ спасенъ, какъ и Москва.

ТЕРЕХА.

Ишь! Бабу посылаютъ,— вотъ такъ диво!

ВАНЬКА.

Иль нѣтъ мужчинъ? Иль перебиты всѣ?

БАБА-ВАСИЛИСА.

Завидно что ли юбкѣ? Нарядитесь!

МНОГІЕ.

Ишь, храбрая какая!..

БАБА-ВАСИЛИСА.

Не замай!

МНОГІЕ [пока Кошневы читаютъ депешу].

Ну, говори скорѣе.

БАБА-ВАСИЛИСА.

Дайте время!
Да не толкай, ребята... Придушили...
Несу съ собою вѣсти я изъ Клина...
Отъ Петербурга вплоть до самой Твери
Нѣтъ проводовъ; нѣтъ и къ Москвѣ отъ Клина...
И вотъ, депеша къ намъ счастливая пришла
Гдѣ по ракетной почтѣ, гдѣ гонцами...
Пять дней назадъ, у самой Красной Горки
И далѣе за Нарвою, шелъ бой...
Пошли они отъ Ревеля по взморью;
И моремъ на Кронштадтъ, войска и флоты!
Три дня сраженье шло! Мы одолѣли:
Полъ-гвардіи легло и съ ними младшій
Сынъ Государевъ и ему родные
Четыре князя царской крови пали.
Флотъ англичанъ и нѣмцевъ опоздалъ,
Забрать бѣжавшихъ не успѣлъ — погибли!

СТАРЫЙ МОРЯКЪ.

А самый флотъ! Неужто уцѣлѣлъ?

БАБА-ВАСИЛИСА.

Нѣтъ! Только малость отъ него осталось.

СТАРЫЙ МОРЯКЪ.

Сигарошники, значитъ!

БАБА ВАСИЛИСА.

Да, они!
Изъ всѣхъ рѣчонокъ въ море выползали —
Что водные жучки — и одолѣли!

СТАРЫЙ МОРЯКЪ.

Вотъ это я всегда и говорилъ!

ВАНЬКА.

Вотъ это дѣло, братцы!

ТЕРЕХА.

Эй, ребята!
Что уши-то развѣсили — къ побѣдѣ?
Что, если-бъ намъ собща фигуру эту
Зарѣ навстрѣчу, вотъ сейчасъ, поставить!
Что ей лежать-то, бѣдной, на землѣ?
Онъ пѣсни пѣлъ любезныя народу, —
Пусть встрѣтитъ онъ зарю въ побѣдный день!

ВАНЬКА.

Что-жъ! Можно! Вправду!

ГОЛОСА.

Да, конечно, можно!

ТЕРЕХА.

Эй, православные!

ВАНЬКА.

Да цоколь не готовъ!

ТЕРЕХА.

Зачѣмъ на цоколь, тутъ и спль не хватитъ.
А на̀ земь можно. Отчего — не такъ?

ВАНЬКА.

Вотъ, если-бъ вольтовы столбы имѣлись,
Да прòводы, такъ мы бы это живо!
Да только всѣ поломаны въ дѣлахъ,
Купить нельзя!

ТЕРЕХА.

Чѣмъ воротъ не машина?
Дружнѣй, ребята, али ожидать!

[Подвязываютъ веревки и начинаютъ медленно воздвигать фигуру подлѣ цоколя. Раздается звонъ къ заутренѣ].

ОТЕЦЪ.

Заутреня, какъ бы на Свѣтлый праздникъ!
Трезвонъ колоколовъ, въ народѣ радость...
И мертвый, поднимаемый къ живымъ.
Мой сынъ! Мой сынъ! Господь благовѣствуетъ!

[Яркое солнечное освѣщеніе. Заревая пушка. Прибываютъ новыя толпы. Усиленные крики. Виднѣются въ большомъ числѣ представители славянскихъ войскъ и народностей].

МНОГІЕ.

Гонецъ, еще гонецъ! Откуда?

ГОНЕЦЪ [на конѣ — останавливается, за невозможностью ѣхать.]

Осторожнѣй!
Коня спихнете! Что вы? Дайте слѣзу...
Гдѣ комендантъ?

МНОГІЕ.

Сюда, сюда! Вотъ онъ!
Скорѣй, скорѣй, о чемъ?

ГОНЕЦЪ [подходя къ Кошневу].

Вотъ приказанье!

[При общемъ молчаніи, старикъ Кошневъ, по прочтеніи депеши, поднимается на цоколь памятника Пушкину и говоритъ народу].

ОТЕЦЪ.

Счастливый день! Двѣ радостныя вѣсти!
Царь-Государь, едва стяжавъ побѣду,
Благоволитъ въ Москву свою прибыть,
Объ избіенныхъ съ нами помолиться
И погорѣлую столицу воскресить!

[Общее ликованіе народа. Сильный колокольный звонъ. Памятникъ водруженъ].

Еще одно къ вамъ праздничное слово:
Къ подножью Пушкина тропа не заростетъ,
И вѣчно юно будетъ, вѣчно ново,
Что поднялъ ты своимъ плечомъ народъ!
И вѣчно будетъ Пушкинъ намъ любезенъ
Тѣмъ, что къ добру онъ чувства пробуждалъ,
Что прелестью стиха онъ былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ,
Что онъ прозрѣлъ конецъ въ старинномъ спорѣ,
Что, смертный, онъ, безсмертіе предрекъ
Ручьямъ славянскимъ, слитымъ въ русскомъ морѣ,
Покрывшемъ весь сплотившійся востокъ!..

[Новые клики радости. Колокольный звонъ. Клики: «Ура! Живіо! Слава!» Далекая пушечная пальба. Общая хоровая пѣсня].

Раздавайтесь, звоны звучные!
Раззвонись, колокола!
Годы злые, годы скучные
Преисподняя взяла!
Возликуйте, православные!
Сгинулъ — свѣялся пзъянъ,
Всѣ мы братья, братья равные
Многихъ отраслей славянъ!

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

ПРОЗА

А. А. Потѣхинъ.

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

(ИЗЪ НЕОКОНЧЕННАГО РОМАНА).

Теплая іюльская ночь. Маленькій уѣздный городокъ, на берегу Волги, крѣпко спалъ. Тишина стояла мертвая: ни голоса, ни звука, ни малѣйшаго движенія, такая тишина, что съ высокаго берега широкой и какъ бы неподвижно-заснувшей Волги слышался каждый всплескъ воды отъ движенія мелкой рыбешки. Все здѣсь спало и все безмолвствовало. Изрѣдка только эта тишина нарушалась хриплымъ и полусоннымъ возгласомъ сторожа съ церковной колокольни: «слу-у-шай!», который большею частью никого не будилъ и замиралъ въ воздухѣ безъ отвѣта, а иногда вызывалъ смутный и неясный, какъ эхо, такой же отвѣтный окрикъ: «слу-у-шай!» съ колокольни на другомъ концѣ городка.

На базарной площади, сплошь почти покрытой сухимъ старымъ навозомъ, сквозь который, мѣстами, пробивалась и зеленѣла травка, стоялъ каменный домъ; въ нижнемъ этажѣ его чрезъ окна виднѣлся слабый свѣтъ,—то мерцала лампадка передъ образами, зажженная еще съ вечера и теперь почти погасающая. Она едва освѣщала низенькую комнату по тремъ стѣ-

намъ, обставленную дѣтскими кроватками подъ пологами. Здѣсь стояла такая же сонная тишина, какъ и на улицахъ, нарушаемая лишь всхрапываніемъ старушки-няни, спавшей на войлокѣ, положенномъ на полу, возлѣ самой маленькой дѣтской кроватки. Но вотъ, въ одной изъ кроватокъ раскрывается пологъ и изъза него осторожно высовывается бѣлая головка 10-лѣтняго мальчика. Онъ взглядываетъ на окна, прислушивается, внимательно смотритъ на няньку, затѣмъ осторожно протягиваетъ руку къ дневной одеждѣ своей, лежавшей возлѣ, на стулѣ, достаетъ съ полу лежавшіе около постельки башмаки и закрываетъ за собою пологъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ спустилъ ноги съ кроватки уже совсѣмъ одѣтый и, прикрываясь пологомъ, вновь прислушивался и особенно наблюдалъ за нянькой. Убѣдившись, что она крѣпко спитъ, мальчикъ тихонько поднялся, досталъ изъподъ подушки заблаговременно спрятанный тамъ свой картузъ, неслышными шагами прокрался къ окну, отперъ его, открылъ и съ видимымъ замираніемъ сердца, въ полъ-оборота оглядываясь и прислушиваясь, стоялъ нѣсколько времени, потомъ рѣшительно поднялся на подоконникъ и спрыгнулъ за окно, которое было отъ земли ниже его роста.

Осторожно закрывши за собою окно, мальчикъ пошелъ быстрыми шагами черезъ площадь. По мѣрѣ того, какъ онъ шелъ, тревога и возбужденіе мальчика затихали и онъ глубоко вдыхалъ начинавшій свѣжѣть утренній воздухъ; при поворотѣ съ площади въ переулокъ, ему пришлось проходить мимо паперти старинной церкви, на стѣнахъ которой была картина, изображающая страшный судъ со всѣми его ужасами. Внизу картины, съ одной стороны былъ нарисованъ самъ страшный сатана съ Іудой-предателемъ, сидящимъ на его колѣняхъ, въ его объятіяхъ, окруженный адскимъ огнемъ, въ которомъ мучились грѣшники, подвѣшанные на крючьяхъ то за языкъ, то за глазъ, то за ребро, то внизъ головой; кругомъ ихъ скакали безобразные черные дьяволы съ орудіями пытокъ въ когтяхъ: съ желѣзными вилами, щипцами, скребками, связками желѣзныхъ прутьевъ, которыми они терзали тѣло подвѣшенныхъ; а съ другой стороны, въ открытую огненную пасть вереницей шли грѣшники, среди которыхъ были и цари, и князья, и архіереи, и всякихъ чиновъ люди. Сюда съ ранняго дѣтства водила его, вмѣстѣ съ братьями, няня и,

указывая на страдающихъ въ геенскомъ огнѣ грѣшниковъ, толковала имъ, что ихъ будутъ на томъ свѣтѣ также мучить, за непослушаніе, за непочтеніе къ родителямъ и старшимъ, за лѣнь, за обманъ и даже за тѣ грѣхи, которыхъ дѣти еще не понимали и совершить не могли. Ужасомъ наполнялись дѣтскія души, и этотъ самый мальчикъ Боря (такъ звали его), какъ самый нервный и впечатлительный изъ числа дѣтей, еще 6 — 7 лѣтъ, нерѣдко цѣлыя ночи метался въ горячечномъ бреду, ожидая наступленія страшнаго суда. Теперь, проходя мимо паперти, мальчикъ невольно вздрогнулъ, снялъ шапку, перекрестился и, стараясь не смотрѣть по сторонамъ, спѣшилъ миновать церковь. И въ то же время, точно нарочно, среди окружавшей его тишины, неожиданно раздалось глухое и отдаленное: «слу-у-шай!» Мальчикъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, мурашки побѣжали отъ затылка къ спинѣ, и онъ, закрывши глаза, почти бѣгомъ бросился впередъ по безмолвному переулку, но скоро пришелъ въ себя и успокоился, когда услышалъ отвѣтный и ясный крикъ сторожа съ ближайшей церковной колокольни: близость живого и бодрствующаго человѣка успокоила его.

Борѣ предстояло пройти переулокъ, перейти по мосткамъ черезъ рѣчку, впадающую по близости въ Волгу и отдѣляющую зарѣчную часть города, затѣмъ подняться на высокую гору, составлявшую противоположный берегъ рѣчки.

Здѣсь, наверху, на него пахнулъ свѣжій утренній вѣтерокъ, а на восточной сторонѣ неба — онъ замѣтилъ розовую полосу, предвѣстницу солнечнаго восхода, который онъ и хотѣлъ видѣть со знакомаго ему мѣста на высокомъ берегу Волги.

Для того, чтобы насладиться этой картиной, одному, безъ свидѣтелей, безъ докучнаго надзора и вразумленія старшихъ, онъ и рѣшился на свое таинственное путешествіе ночью, черезъ окно, на зло тому строгому порядку и дисциплинѣ, въ которыхъ держалась вся семья. Боря родился и выросъ въ этомъ городкѣ. Самыя раннія дѣтскія впечатлѣнія его были отъ Волги и красивыхъ окрестностей города, куда ихъ водили гулять. Онъ безсознательно, но страшно полюбилъ окружающую его природу, а особенно эту свою Волгу.

Это родственное чувство его къ природѣ было почти такое же, какъ къ родной семьѣ. Его сердце умилялось, восторгалось и

ласкало ее такъ же, какъ родныхъ братьевъ и сестеръ, малѣйшее непризнаніе ея красотъ и достоинствъ оскорбляло его, возбуждало въ немъ досаду, гнѣвъ, негодованіе, онъ ревновалъ ее и не хотѣлъ признать, что есть что нибудь лучше и красивѣе того, что онъ видѣлъ съ колыбели, и что наполняло его душу такимъ трепетомъ, такимъ восторгомъ и радостью, какіе давала ему окружающая природа и эта несравненная красавица Волга, широкою лентой опоясывающая его родной городокъ.

Онъ зналъ и видѣлъ ее во всѣхъ фазахъ ея жизни: и ранней весною, когда она снимала съ себя зимніе ледяные покровы и, разрывая ихъ, съ сердитымъ шумомъ и трескомъ крушила, громоздила другъ на друга и разбрасывала ледяные куски своей зимней одежды, и когда очистившись отъ нихъ, она разливалась на необъятномъ просторѣ и поднимала свои воды почти до подножія строеній, поставленныхъ на высокомъ правомъ берегу. И мальчику тогда казалось, что она и всегда должна быть такою многоводною, непобѣдимо сильною и могучею и что ее, какъ сказочную царевну, на время только, усыпляла какая-то враждебная сила или, какъ богатыря, обезсиливали временно волшебныя чары, но съ помощью благодѣтельной феи, въ лицѣ краснаго горячаго солнца, царевна просыпалась, а богатырь разрывалъ свои волшебствомъ накинутыя цѣпи. Боря видѣлъ и любовался ею,— и въ лѣтнее время, когда она мирно и ласково несла на себѣ цѣлые караваны вооруженныхъ парусами судовъ, которые казались издали стадомъ большихъ бѣлыхъ птицъ, спокойно плывущихъ на ея водахъ; или, когда слышалась съ этихъ судовъ тягучая пѣсня бурлаковъ, которая почему-то трогала и щемила его сердце. Восторгался онъ и трепеталъ отъ ужаса при видѣ мощи и силы во время бури, когда Волга сердилась и гнѣвалась, вздымала и бросала бѣлыя разлетавшіяся брызгами волны, крутила и кидала какъ щепки, большія лодки. Въ воображеніи мальчика, Волга представлялась ему живымъ существомъ, которое и дышало, и чувствовало, и любило, и ласкало, и радовалось, и страдало, и гнѣвалось. Онъ умилялся, смотря на нее въ лѣтніе тихіе вечера, когда въ воздухѣ стрѣлами проносились стрижи и ласточки, возвращающіеся въ свои гнѣзда; солнце, закатываясь, постепенно погружалось въ нее, какъ бы гася и расплавляя въ ея водахъ свои огнен-

ные лучи, а Волга мирно отходила ко сну, убаюкиваемая пѣсней, несущейся съ судовъ, остановившихся на отдыхъ, и этой пѣсней какъ бы ласкающихъ свою кормилицу, свою добрую ласковую няню.

Не удавалось только видѣть Борѣ восхода солнца на Волгѣ, но онъ слыхалъ отъ старшихъ, что съ одного пункта на высокомъ берегу Волги, гдѣ онъ не разъ бывалъ на прогулкахъ съ родными днемъ, прекрасно виденъ восходъ солнца, и что эта картина необыкновенно красива. Онъ давно стремился ее видѣть, но не удавалось: никто изъ семьи не поднялся бы такъ рано, да и не захотѣлъ бы вести его въ такую рань, въ такую даль отъ дома.

Нѣсколько недѣль назадъ Боря только что возвратился отъ бабушки и дяди, гдѣ онъ прожилъ больше года, а вскорѣ ему предстояло ѣхать въ губернскій городъ для поступленія въ гимназію, и онъ надумалъ, ни кому не говоря ни слова, потихоньку уйти изъ дома ночью, чтобы осуществить свое давнишнее желаніе: онъ чувствовалъ, что страшно бы тосковалъ въ гимназіи, если бы не исполнилъ этого желанія и не полюбовался еще разъ, передъ разлукою, на свою любимицу. И онъ шелъ теперь съ такими же чувствами въ душѣ, какія испытываетъ юноша, идущій на первое свиданіе къ своей возлюбленной.

Видъ зарумянившагося на востокѣ неба заставилъ его ускорить шаги. Ему предстояло еще пройти съ полъ-версты, по почтовой, обсаженной березами, дорогѣ, потомъ, черезъ переселокъ молодежника и кустарника пробраться къ берегу Волги. Онъ зналъ, что была тропинка или прогалинка, по которой можно свободно пройти къ нему, но боясь опоздать, Боря пошелъ черезъ лѣсокъ прямикомъ по мокрой травѣ, обливаемый росою съ листьевъ березокъ и кустарника, черезъ который пробивался, и сопровождаемый чириканьемъ разбуженныхъ и испуганныхъ его появленіемъ птичекъ. Онъ забылъ и не думалъ о томъ, что мокрая обувь и платье будутъ уликою въ его самовольной отлучкѣ изъ дома, которую онъ желалъ бы скрыть.

Наконецъ, онъ дошелъ до желаемаго мѣста. Это былъ высокій и обрывистый бугоръ, выступавшій почти мысомъ къ водѣ и составлявшій однимъ бокомъ берегъ Волги, а другимъ — окран-

ну долины той рѣчки, черезъ которую только что проходилъ Боря и которая здѣсь неподалеку вливалась въ Волгу.

Прямо передъ глазами Бори разстилалась длинной широкой лентой спокойная Волга, какъ бы дымившаяся поднимавшимся съ нея туманомъ. Вправо она точно вливалась въ разгоравшійся все болѣе и болѣе небосклонъ, а налѣво, подъ его ногами, виднѣлся его родной городокъ, какъ вуалью прикрытый, туманомъ, сквозь который неясными силуэтами рисовались церкви, колокольни и стоящія на противоположной горѣ высокія зданія.

Сердце Бори радостно билось и замирало, и окинувши любовнымъ взглядомъ всю эту картину, онъ все свое вниманіе сосредоточилъ на особенно яркой огненной полосѣ неба, прилегавшей къ самой Волгѣ. Ждать ему пришлось недолго. Вдругъ, точно изъ нѣдръ Волги брызнули въ небо огненные лучи, зажгли всю восточную сторону неба, прорѣзали и разрѣдили туманъ, окрашивая его въ розовый цвѣтъ, и яркой полосой освѣтили верхушки деревьевъ на противоположномъ берегу Волги, поверхъ которыхъ, точно звѣздочка въ небѣ, засверкалъ крестъ на колокольнѣ дальняго заволжскаго села. Туманъ сталъ быстро подниматься, и разрываясь въ мелкія клочки, курился какъ дымокъ и таялъ въ небѣ. Но вотъ и все оно, горячее, блестящее яркое солнце, точно выплыло изъ воды на загорѣвшееся отъ него небо и словно вдругъ все проснулось, ожило и радостно затрепетало обновленной жизнью: туманъ исчезъ, противоположный берегъ выступилъ весь въ яркомъ веселомъ освѣщеніи со своими лугами, лѣсами и деревушками, сама Волга во всю свою ширину точно загорѣлась яркимъ румянцемъ или потекла огненной лавой, загорѣлись и кресты на колокольнѣ, огнемъ засверкали и стекла домовъ въ городкѣ и деревняхъ, и весь городокъ точно умылся и весело выставлялъ на показъ свою миловидную красоту. И воздухъ вдругъ наполнился неуловимыми разнородными звуками, среди которыхъ слышалось и щебетанье птицъ, и откликъ пастушьяго рожка, и неясные человѣчьи голоса, и отдаленный церковный благовѣстъ: точно вся природа пѣла свою привѣтственную рѣчь появленію животворящаго свѣтила. Сама Волга точно проснулась и заговорила тихимъ журчаніемъ своихъ волнъ.

При видѣ всей этой картины, Боря трепеталъ, замиралъ отъ восторга, его сердце наполнялось неописуемымъ чувствомъ блаженства, радости, благодарности, горло сжимали спазмы, изъ глазъ текли слезы, онъ невольно вскрикнулъ: ахъ!.. упалъ на колѣни и протянулъ руки, какъ бы желая обнять и прижать къ сердцу весь этотъ лучезарный, сіяющій міръ Божій. Онъ ничего не думалъ, ни къ чему сознательно не относился, но жилъ и чувствовалъ, что жилъ въ это время одною жизнью со всею природой. Онъ обо всемъ забылъ и долго находился точно въ безсознательномъ состояніи, весь поглощенный восторгомъ созерцанія.

Изъ этого забытья его вывелъ долетѣвшій до его слуха благовѣстъ къ заутрени, раздавшійся съ городскихъ церковныхъ колоколенъ и далеко разносившійся по раздолью Волги въ утреннемъ чистомъ воздухѣ. Боря вспомнилъ, что въ это время, обыкновенно встаетъ старая нянька, а въ праздники — отецъ, ходившій къ ранней обѣднѣ. Онъ вспомналъ, что ему надо торопиться домой и что теперь ему трудно будетъ никѣмъ незамѣченнымъ пробраться въ свою спальню и лечь какъ ни въ чемъ не бывало, въ постель. Онъ почувствовалъ, что все платье на немъ мокрое отъ росы, но что солнышко уже согрѣвало и сушило его своими теплыми ласковыми лучами.

«А дорогой и совсѣмъ просохну!» подумалъ онъ и прищуренными глазами, съ любовной, благодарной улыбкой хотѣлъ онъ взглянуть прямо на него, на это милое солнце, и не могъ: такъ ярки уже и блестящи были его лучи. Зато, онъ много, много разъ обвелъ глазами всю сіяющую, освѣщенную имъ, лежащую передъ нимъ картину, и съ глубокимъ вздохомъ разставаясь съ ней, нѣсколько разъ еще и еще оглядывался, точно прощаясь съ дорогимъ существомъ. Но онъ шелъ назадъ, бодрый, веселый, съ внутренней удовлетворенностью, спокойствіемъ и рѣшимостью храбро встрѣтить, что бы ни предстояло впереди.

Впослѣдствіи, когда Боря былъ уже взрослымъ юношей, въ первый разъ влюбился и ходилъ на тайное свиданіе къ своей возлюбленной, онъ мысленно сравнивалъ свои ощущенія съ тѣми, которыя получалъ во время этого своего перваго любовнаго похожденія, и находилъ, что онѣ были вполнѣ похожи,

почти однородны, съ тѣмъ только различіемъ, что дѣтскія впечатлѣнія, даваемыя природой, были какъ-то чище, ярче, цѣльнѣе и возвышеннѣе, безъ малѣйшаго, хотя бы смутнаго, не вполнѣ сознаннаго чувства сомнѣнія и недовольства, которое являлось при свиданіи съ любимой женщиной.

Онъ вспомнилъ почему-то о своемъ первомъ любовномъ чувствѣ къ постороннеи женщинѣ. Еще до поѣздки къ бабушкѣ, когда ему было лѣтъ 7, какъ-то разъ, его крестная мать, мѣстная помѣщица и большой другъ его матери, привезла къ нимъ въ домъ, пріѣхавшую къ ней на время въ гости родственницу, княжну, совсѣмъ писаную красавицу, о красотѣ которой всѣ въ домѣ еще раньше ея появленія разговаривали, ахали и восторгались. Вообще, дикій и конфузливый, Боря, забившись въ уголокъ гостиной, съ жадностью разсматривалъ входившую вслѣдъ за крестной молодую, стройную, изящную княжну, съ привѣтливымъ взглядомъ большихъ черныхъ глазъ и ласковой улыбкой на прелестныхъ пунцовыхъ губахъ. Онъ засмотрѣлся на нее.

Когда всѣ усѣлись на диванѣ и креслахъ гостиной, мать замѣтила Борю.

— Что же ты не здороваешься съ крестной, Боря? почти строго сказала ему мать.—Подходи же скорѣе.

— А, крестникъ, милый, здравствуй, здравствуй, говорила крестная, цѣлуя и обнимая его.—Господи, какъ онъ ростетъ: кажется, давно-ли его видѣла, а ужъ выросъ чуть не на вершокъ. Скоро совсѣмъ женихъ будешь... Ну, здравствуй, здравствуй, милый, я тебѣ образокъ привезла изъ Москвы, нарочно заказывала... Твои святые, ангелъ и день рожденія... Вотъ ужо благословлю тебя, чтобы ты былъ умникъ, чтобы былъ здоровъ и хорошо учился... Ты, вѣдь, я думаю, ужъ и теперь учишься... Ты вѣдь умникъ у насъ...

— Охъ, большой шалунъ и лѣнтяй, непослушный... проговорила мать.—Побрани его, крестная...

— Нѣтъ, нѣтъ, мама... Мы будемъ умники... Читать вѣдь ужъ выучился...

— Умѣю, отвѣчалъ Боря.

— И пишетъ даже! прибавила мать съ улыбкой.—Каракулями, разумѣется.

— Ну, видишь, какой умникъ... Нѣтъ, мы умниками будемъ... Вотъ, княжна, рекомендую, мой крестникъ... любимый... Посмотри, какой молодецъ...

— Прелестный... Подойдите ко мнѣ, душенька, проговорила княжна, съ своей обольстительной улыбкой, протягивая къ Борѣ руки.

Вспыхнувъ до корня волосъ, смотря въ землю и лишь изрѣдка взглядывая на княжну исподлобья и вновь опуская глаза при встрѣчѣ съ ея взглядомъ, подошелъ къ ней Боря. Но онъ совсѣмъ смутился, совсѣмъ сгорѣлъ и отъ стыда, и отъ какого-то новаго для него, необыкновенно пріятнаго, радостнаго и въ то же время какъ бы болѣзненнаго, ноющаго и щемящаго чувства, когда княжна одною рукою обняла и привлекла его къ себѣ, а другою гладила по головѣ, по щекѣ, а потомъ приподняла его голову за подбородокъ и два раза нѣжно поцѣловала въ губы.

Боря помнилъ, какъ ему было больно, что она, послѣ оказанныхъ ему ласкъ, какъ будто вдругъ забыла о немъ, увлекшись общимъ разговоромъ, отняла обнимавшую его руку и даже ни разу не взглянула на него, хотя онъ, точно прильнулъ, прижавшись къ ней, неподвижно стоялъ и не сводилъ съ нея глазъ. Но онъ почувствовалъ уже нестерпимую боль и тоску, вызвавшія даже слезы на его глазахъ, когда привели въ гостиную остальныхъ младшихъ его братьевъ и сестеръ, и княжна была со всѣми съ ними такъ же ласкова и привѣтлива, какъ съ нимъ, а самаго маленькаго, даже посадила къ себѣ на колѣни и цѣловала, а его, какъ ему показалось, даже слегка отстранила отъ себя. Но онъ не отходилъ и продолжалъ любовно смотрѣть на нее, а когда княжна поднялась съ мѣста и стала прощаться съ матерью, онъ безсознательно ухватился за ея платье, и съ такой мольбой, со слезами на глазахъ, проговорилъ: «не уѣзжайте, останьтесь!...» что всѣ расхохотались; засмѣялась и княжна, наклонилась и поцѣловала его уже не въ губы, а въ голову. А крестная мать, между тѣмъ, со смѣхомъ говорила: «Что, ужъ и влюбился въ княжну... Ну, вотъ, учись, расти, выростешь совсѣмъ большой, будешь женихомъ, дѣлай княжнѣ предложеніе... Она подождетъ тебя...»

Этотъ общій смѣхъ, эти слова, совсѣмъ сконфузили и сму-

тили Борю, онъ сгорѣлъ отъ стыда и къ маленькому сердцу его прихлынула какая-то тоска, которая долго не покидала его и появлялась каждый разъ, когда онъ вспоминалъ о княжнѣ и представлялъ себѣ ея красивое лицо, хотя съ тѣхъ поръ онъ никогда не видалъ ея.

Но это уже давно прошло и теперь, при воспоминаніи о княжнѣ, онъ не испытывалъ никакого тоскливаго о ней чувства. Душа его была слишкомъ полна только-что пережитыми впечатлѣніями.

Входя въ первую, на его возвратномъ пути, улицу городка, онъ услышалъ звукъ пастушьей трубы и увидѣлъ идущее на встрѣчу ему городское стадо. Городокъ уже началъ просыпаться: изъ нѣкоторыхъ трубъ вился уже дымокъ, отворялись ворота, изъ которыхъ; мыча, выходили коровы, ставни на окнахъ маленькихъ мѣщанскихъ домиковъ были открыты; за воротами нѣкоторыхъ домовъ, позевывая, почесываясь и оглядываясь по сторонамъ стояли мѣщанки и перекликались съ другими, которыя бѣжали съ ведрами черезъ плечо за водой; въ открытыя окна высовывались неумытыя и не приведенныя въ порядокъ, измятыя ото сна лица и, вдыхая утренній воздухъ, лѣниво и безцѣльно поглядывали на улицу; изрѣдка попадались уже и пѣшеходы. Всѣ, мимо кого проходилъ Боря, пристально смотрѣли на него и долго провожали глазами, что̀ не мало смущало Борю и заставляло ускорять шаги: онъ думалъ о томъ, что теперь, вѣроятно, проснулись уже и у него въ домѣ, и ночное самовольное путешествіе его скрыть отъ родителей врядъ ли удастся.

На площади онъ увидѣлъ нѣсколько возовъ съ продуктами крестьянскаго хозяйства и вспомнилъ, что сегодня базарный день въ городкѣ, и слѣдовательно, отецъ встанетъ еще раньше обыкновеннаго, такъ какъ онъ любилъ самъ покупать хозяйственные запасы и самолично ходилъ за покупками на базаръ; но возы, какъ видно, только что въѣхали на базаръ и были еще не открыты и не развязаны, а хозяева стояли около нихъ или сидѣли и лежали на нихъ въ разныхъ лѣнивыхъ позахъ, какъ бы собираясь еще подремать до появленія покупателей. Нѣкоторыя лавки въ сосѣднихъ рядахъ были уже отперты и открыты, около другихъ стояли еще ихъ хозяева съ ключами

въ рукахъ и переговаривались съ сосѣдями. На открытыхъ столикахъ торговки начали уже раскладывать свой несложный съѣстной товаръ: калачи, сайки, бублики, печеныя яйца, свѣжіе зеленые огурцы, маковую изюмну, красные медовые пряники; но нѣкоторые столики были еще пусты и ожидали своихъ владѣльцевъ.

Пробираясь мимо этихъ возовъ и столовъ, Боря опять видѣлъ и чувствовалъ, какъ всѣ на него смотрятъ и провожаютъ глазами, даже эти лежащіе и стоящіе около возовъ полусонные мужики. Но вотъ и его домъ передъ глазами. Ворота уже отворены, значитъ кучеръ Алексѣй уже проснулся и уѣхалъ, или сейчасъ поѣдетъ съ бочкою за водой на Волгу.

На срединѣ площади, за нѣсколько десятковъ шаговъ отъ дома, Борю окликнула мѣщанка-калачница, несшая на плечѣ большую корзину съ горячими калачами, столь любимыми Борей и всѣми его братьями и сестрами и которые своей формой напоминали имъ турка, сидящаго съ поджатыми подъ себя ногами въ широкихъ шароварахъ, какъ они видѣли ихъ на картинкахъ. Эти калачи съ ранняго дѣтства были особенно любимымъ кушаньемъ Бори и его братьевъ: они подавались всегда къ утреннему и вечернему чаю и по установленному строгому порядку, заведенному матерью въ ихъ домѣ, рѣзались на равныя доли, которыя и раздавались дѣтямъ не больше какъ по одной, при чемъ, впрочемъ, дозволялся выборъ: кто любилъ просилъ поджаренный и засушенный краешекъ, кто мягкую середину. Пышный, тягучій, душистый, онъ сильно угождалъ дѣтскому вкусу, не избалованному излишествами и всегда умѣренно удовлетворяемому строгой во всѣхъ своихъ правилахъ матерью. Боря вспоминалъ объ этихъ калачахъ не только живя въ другомъ городѣ у бабушки, но потомъ даже и въ гимназіи въ губернскомъ городѣ, гдѣ бывали всякія сладкія и сдобныя булки, но не дѣлали такихъ вкусныхъ калачей. Эти калачи всегда брали у калачницы Таланихи, и эта Таланиха теперь остановила его, перерѣзавъ ему дорогу къ дому и вставъ передъ нимъ со своимъ душистымъ товаромъ, который она торопливо несла на базаръ.

Боря видѣлъ не разъ эту Таланиху, зналъ, что она печетъ лучшіе калачи и что отъ нея всегда покупаютъ ихъ къ чаю, но никогда не говорилъ съ нею. Обыватели городка всѣ знали

другъ друга, а городскія досужія мѣщанки спеціально занимались собираніемъ свѣдѣній о всѣхъ болѣе или менѣе видныхъ жителяхъ городка и знали мельчайшія подробности жизни и нравовъ каждой семьи, поэтому Таланиха не могла не обратить вниманія на необычное появленіе Бори на площади утромъ одного, и безъ провожатаго: она знала, что мать Бори слыла въ городѣ большой умницей, отличной хозяйкой, строгой и заботливой матерью, держала дѣтей въ строгости и порядкѣ и никогда не оставляла ихъ безъ надзора. За каждой праздничной службой въ церкви у Благовѣщенія, въ приходѣ которой она и сама состояла, Таланиха видѣла собственными глазами, какъ мать Бори приводила съ собою всѣхъ своихъ многочисленныхъ дѣтокъ причесанныхъ, припомаженныхъ, разодѣтыхъ; выстраивала ихъ передъ собою по возрасту и строго наблюдала, чтобы они стояли смирно, по сторонамъ не оглядывались, а слушали бы службу Божію и во-время, когда слѣдуетъ, истово крестились и кланялись.

И не разъ Таланиха обращала на нихъ вниманіе своей сосѣдки въ церкви, поталкивая и приговаривая: «смотри-ка, Лукачиха-то, выстропила своихъ: ровно грибки, ровно бѣлы коровки стоятъ... всѣ въ ранжиръ... Мать! ужъ сказать что̀ мать!.. Мотрика, самаго-то махонькаго учитъ, какъ персты-то въ крестъ складать, да креститься... на лобикъ, на животикъ, на плечики... Вотъ ужъ можно чести приписать!..»

А такъ какъ Таланиха сверхъ того была и одного прихода съ семьей Бори и у нея брали въ домъ калачи, а добродушный и привѣтливый отецъ Бори даже подчасъ вступалъ съ нею на базарѣ въ разговоры, а съ матерью его она при встрѣчѣ кланялась, то она считала себя очень близкой и даже какъ бы родной къ семьѣ Бори. Очевидно, что она не могла безучастно пройти мимо Бори, не остановить и не разспросить его.

— Откуда, барчукъ, идешь? спросила она его.

Боря недружелюбно взглянулъ на нее и хотѣлъ пройти мимо, сквозь зубы проговоривъ:

— Ни откуда...

Но Таланиха загородила ему собою дорогу.

— Какъ ни откуда?.. Да куда же ходилъ-то экую рань?... Поди-ка-сь не то что тятенька съ маменькой, а и прислуга-то вся еще спитъ... у васъ... А ты, ну-ка... Ни откуда, говоритъ!..

И Таланиха, желая задержать Борю, чтобы получить отъ него желаемый отвѣтъ, даже положила ему на плечо свою свободную руку.

— Да что тебѣ за дѣло... Что ты пристала?.. огрызнулся на нее Боря, и съ сердцемъ оттолкнувши съ плеча ея руку круто миновалъ ее и быстро пошелъ къ своему дому, въ воротахъ котораго, въ это время, показалась лошадь съ бочкою и сидящимъ на ней кучеромъ.

— Ишь ты какой!.. говорила вслѣдъ ему недовольная Таланиха.—Не въ батюшку, видно: тотъ важеватый, а въ матушку: къ той не подходи, не разговорится. Чего няньки-то смотрятъ: мальчонка одинъ по почамъ бѣгаетъ по улицамъ... невѣдомо куда... ровно у нашей сестры, мѣщанки... Вотъ и господское дитя, и мать досмотрщица, и няньки-мамки, а не досмотрѣли!.. Подпка, какой шустрый... и не говоритъ... О, Господи помилуй, батюшка, насъ грѣшныхъ, продолжала она на ходу, крестясь на церковь, мимо которой шла.

Боря спѣшилъ на встрѣчу кучеру, который самъ, увидя его, съ удивленіемъ, пріостановилъ лошадь. Этотъ кучеръ Алексѣй, добродушный пьяница и флегматикъ—резонеръ по натурѣ, былъ общимъ дѣтскимъ любимцемъ. Во время гулянья по двору или по саду, пробраться въ каретный сарай въ то время когда Алексѣй мылъ экипажъ, запрягалъ лошадь или справлялъ какую-нибудь сбрую, присѣсть около него, послушать его разсказовъ и поговорить о другомъ любимцѣ, ворономъ конѣ Босовикѣ, было для дѣтей однимъ изъ самыхъ интересныхъ, хотя и запретныхъ удовольствій. Многочисленная семья Алексѣя, кромѣ нянекъ, составляла всю дворовую челядь дома Бори: жена его, Лизавета, была кухаркой, дочери горничными, а сыновья, пока были мальчишками, служили для побѣгушекъ, а потомъ отдавались въ ученье какому-нибудь ремеслу, или возводились въ лакеи.

— Не знаешь, папенька проснулся? вполголоса спросилъ Боря кучера.

— Должно нѣтъ еще: не видать...

И Алексѣй, а за нимъ и Боря взглянули на окна дома: ни одно еще не было открыто, а они оба знали, что отецъ какъ только вставалъ и выходилъ изъ спальни, тотчасъ открывалъ

окно въ гостиной и на нѣкоторое время садился въ халатѣ около него, вдыхая утренній свѣжій воздухъ.

— Да вы что это, спозаранку... началъ было Алексѣй, но Боря его перебилъ:

— А нянька Авдотья встала? спросилъ онъ также вполголоса, какъ бы боясь, чтобы его не услышали въ домѣ.

— Выходила ужъ... ругалась... Выскочила съ кувшиномъ къ бочкѣ... воды... а воды нѣтъ... «Отчего, чу, нѣтъ воды?»—Вся вышла, оттого и нѣтъ... Съ вечера бы брала... «И съ вечеру, чу, не было?»—Ну, не было, такъ, значитъ и нельзя ей быть... вся, значитъ, вышла. «Отчего, чу, не съѣздилъ, не привезъ?»—А вотъ поѣду, такъ и привезу... Шипитъ, ругается!.. До господъ, говоритъ... доведу... Доводи... тебѣ не впервой, язва!.. Ру-ругается... А мнѣ что... я свое время знаю... Вотъ пришло мое время и поѣхалъ.. А вы что же это, я говорю, спозаранку?.. Куда?..

— Да я на Волгу ходилъ... ты не говори... вполголоса, торопливо отвѣтилъ Боря.

— На Волгу?.. Да какъ же, вѣдь, ворота-то заперты были...

— Да я черезъ окно... прямо... ты не сказывай...

— Черезъ окно... Дѣло... А какъ же нянька-то?

— Она спала... не видала...

— О-о... Что, язва, проспала дитю-то... насмѣшливо и какъ бы поддразнивая проговорилъ Алексѣй, оборачивая лицо къ дому... Вѣдь, скажетъ маменькѣ-то... доведетъ...

— А пускай... проговорилъ Боря, чувствуя въ себѣ какую-то храбрость и рѣшимость, и сталъ гладить по мордѣ Босовика, запряженнаго въ роспуски съ бочкой.

— Хе... дѣло!.. усмѣхнулся Алексѣй.—А вы что, баринъ, вдругъ прибавилъ онъ,—она, чай, ушла въ садъ, въ колодецъ за водой, еще не воротилась, чай, а дверь-то не заперты, ты проберись потихоньку, раздѣнься, да и лягъ въ постельку-то ровно ни въ чемъ не бывало... Что, язва, проспала... Ну, а мнѣ время...

И онъ мызгнулъ на лошадь, бочка тронулась и загрохотала. Борѣ понравился совѣтъ кучера и онъ юркнулъ въ ворота. Дѣйствительно, дверь на черный ходъ оказалась не запертою. Боря тихонечко, на цыпочкахъ, пробрался въ дѣтскую: тамъ стояла

такая же тишина, какъ и тогда, когда онъ уходилъ. Няньки въ комнатѣ не было. Но было слышно движеніе и неуловимый шопотъ въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ спали сестры Бори. Онъ догадался, что это другая нянька, Арина, приставленная собственно къ дѣвочкамъ, проснулась и, вѣроятно, молится. Она была большая богомолка и ханжа, какъ называла ее мать.

Боря потихоньку раздѣлся и юркнулъ въ постель, въ ту самую минуту, какъ хлопнула дверь и нянька Авдотья возвратилась съ водою. . . . . .

П. Д. Боборыкинъ.

„ВЪ ТѢНИ ОЛИВЪ".

«Для береговъ отчизны дальней
Ты покидала край чужой!!.»

А. Пушкинъ.

I.

Прибой ласково лижетъ голыши прибрежья. Онъ изсѣра-желтоватой полосой изгибается по выступамъ и впадинамъ Ривьеры. Жарко. Вдоль узкаго бѣлаго шоссе клубы пыли взбиваютъ двухколесные возы и дилижансы съ тюками на крышѣ и цвѣтными занавѣсками по бокамъ.

Ѣдутъ всего больше на востокъ, къ большому торговому порту. Пригородное мѣстечко—въ эту пору дня—все нечется на солнцѣ. Рядъ домовъ тѣснится на набережной, повыше двухъ дорогъ: одной для обыкновенной ѣзды, другой—для конки.

Мальчишки, босикомъ, въ курткахъ бураго сукна, простоволосые, и кое-кто въ красныхъ колпакахъ—бродятъ безъ дѣла у самой воды, подбираютъ раковины и маленькихъ краббовъ, поджидая поѣзда, когда они кинутся подъ вагоны и станутъ кувыркаться, ходить на рукахъ и кричать взапуски, клянча «un soldo».

По единственной улицѣ мѣстечка, гдѣ одна стѣна высокихъ домовъ генуэзскаго стиля стояла въ густой тѣни—изрѣдка двигались вдоль тротуара прохожіе: англичанинъ съ вуалью на высокой шляпѣ, въ формѣ шлема, старые рыбаки, торговки, солдаты въ парусинныхъ блузахъ; молоденькія прачки проносили корзины, покрытыя розовой кисеей.

Ни малѣйшаго вѣтерка. Въ тѣни привольно дышится. Воздухъ—морской, полный соляныхъ испареній. Такъ тепло, какъ у насъ въ іюнѣ; а весна только что началась. Пасху отпраздновали въ прошлое воскресенье.

Въ концѣ этой улицы, ведущей къ станціи желѣзной дороги, куда надо подниматься по крутой лѣстницѣ съ тротуара—зеленѣютъ эвкалиптусы и лавровыя деревья сада, принадлежащаго обширному отелю. По низкому каменному забору идетъ длинная вывѣска аршинными буквами: «Hôtel de la Mediterranée».

Красивые ворота приглашаютъ войти во дворъ съ монументальнымъ фасадомъ. На площадкѣ, передъ крытымъ подъѣздомъ—совсѣмъ тихо. На крыльцѣ показался только мальчикъ, въ курточкѣ егеря, съ мелкими пуговицами и малиновымъ воротникомъ, курчавый и женоподобный, и окликнулъ кого-то звонкимъ итальянскимъ возгласомъ, въ одинъ изъ павильоновъ, гдѣ живетъ прислуга:

Оттуда вышелъ факкино, въ сюртукѣ съ металлическими пуговицами и въ форменномъ картузѣ съ клеенчатымъ верхомъ.—La signora aspetta! крикнулъ ему мальчикъ и скрылся.

Факкино, не торопясь, вошелъ въ огромныя сѣни, гдѣ разставлена была лѣтняя тростниковая мебель. Прямо, сквозь широкую стеклянную дверь, виднѣлась изумрудная полоса залива.

Въ правомъ углу стояло кресло на колесахъ.

Слѣва, по ковру бѣлой мраморной лѣстницы, спустились двѣ женщины. Одна была горничная, въ бѣломъ чепчикѣ и франтоватомъ фартукѣ съ оборками—рослая, плотная швейцарка. Другая—молодая дама, брюнетка, худая, съ прозрачной кожей и съ двумя розовыми кругами на щекахъ. Носъ съ горбинкой и большіе темные глаза—да и весь обликъ—говорилъ, что она южанка. На ней, поверхъ шерстянаго пеньюара, накинута была драповая мантилья въ клѣтку. Большая бѣлая кисейная шляпа,

въ формѣ капора, бросала тѣнь на черты красиваго, болѣзненнаго лица.

Горничная слегка поддерживала ее подъ локоть.

Факкино подвезъ колясочку къ входной двери. Даму усадили и повезли со двора—въ садъ, шедшій вираво и влѣво отъ отеля, на нѣсколько десятинъ.

— Синьора, спросилъ по-итальянски факкино:—прикажете, потомъ повезти васъ въ тотъ садъ?

И онъ показалъ рукой черезъ дорогу.

— Нѣтъ, отвѣтила она.—Мы поѣдемъ туда передъ обѣдомъ.

Она произносила чисто по-итальянски; но опытный слухъ различилъ бы сейчасъ какую-то мягкость звуковъ и принялъ бы ее скорѣе за иностранку.

Съ полчаса возилъ ее факкино по аллеямъ сада, ища тѣни. Но она не боялась солнца и сидѣла, немного согнувшись, безъ зонтика.

На площадкѣ, гдѣ тѣсно скучилось нѣсколько оливковыхъ деревьевъ, она приказала остановиться, вышла изъ коляски и сказала служителю, что онъ свободенъ. Она чувствуетъ себя бодро, посидитъ здѣсь на воздухѣ и придетъ пѣшкомъ къ завтраку.

Сѣла она на желѣзное садовое кресло подъ одно изъ старыхъ деревьевъ. Мелкая, сизо-серебристая листва бросала нѣжную тѣнь. По лужайкѣ играла сѣть отраженій листвы остальныхъ оливъ и въ пятна свѣта попадали головки бѣлыхъ маргаритокъ и какихъ-то желтыхъ цвѣтковъ.

«Эго, кажется, куриная слѣпота?» подумала по-русски молодая женщина, поглядѣвъ на одинъ изъ этихъ цвѣтковъ.

Она всегда думала по-русски. Родомъ она итальянка, родилась въ Москвѣ, тамъ училась въ гимназіи, стала болѣзненна; услали ее за границу къ родственникамъ отца, имѣющаго въ Москвѣ скульптурное заведеніе—и вотъ уже третій годъ она замужемъ за итальянцемъ-инженеромъ. Мужъ работаетъ на желѣзной дорогѣ; а ее прислали на Ривьеру, въ окрестности Генуи.

И не можетъ она отрѣшиться отъ нестерпимой тоски. Не одна болѣзнь ее страшитъ, не одна мысль о смерти надвигается мрачнымъ видѣніемъ; а гнететъ сухость ея душевной жизни.

Скучно ей въ этой Италіи, на «родинѣ», не тѣшитъ ее ни природа, ни тепло, ни море, ни благоуханный воздухъ. Рвется она туда, домой, въ родную ей Москву, гдѣ теперь еще ухабы и холодъ, и ужасные тротуары, и грязные ваньки.

Такъ бы и перелетѣла она къ Тверскимъ воротамъ и сѣла бы за столъ, гдѣ шумитъ самоваръ и кругомъ сидятъ ея подруги и студенты; начнутся споры, потомъ пѣніе, потомъ танцы, потомъ опять безконечные разговоры, и катанье на «голубяхъ»—парныхъ саняхъ—за заставу, въ Петровское.

Тамъ она жила, тамъ и полюбила.

Слеза скатилась по худой щекѣ. Слишкомъ жутко стало ей одной.

Она пошла изъ саду. Скоро зазвонятъ къ завтраку. Опять тошный табльдотъ, и тѣ же англичане, и та же заграничная тоска.

II.

Передъ завтракомъ, молодая женщина сошла изъ своего номера въ столовую.

Вдоль столовой тянулась широкая террасса подъ навѣсомъ. Нѣсколько креселъ были уже заняты иностранками. Она знала ихъ всѣхъ въ лицо,—могла сказать, кто англичане, кто нѣмцы и нѣмки; но ни съ кѣмъ не разговаривала.

Съ тѣхъ поръ, какъ она живетъ въ отелѣ этого приморскаго мѣстечка, около самой Генуи, на нее нашло совершенное отчужденіе отъ всего, что вокругъ нея видно и слышно. Форестьеры ей такъ же тошны, какъ и туземцы. Она даже довольна тѣмъ, что въ отелѣ нѣтъ почти итальянцевъ въ числѣ квартирантовъ.

Когда она жила домомъ въ Миланѣ, во Флоренціи, въ Римѣ, и должна была знакомиться съ обществомъ своего мужа—она страдала отъ всего, что составляетъ ихъ интересы, разговоры, вкусы, обычаи, предразсудки.

Она имъ «не ко двору». То же находитъ и ея мужъ. Но онъ, разумѣется, за нихъ. Для него все итальянское превосходно. А все, что ей мило и дорого, онъ называетъ «московскимъ варварствомъ» и считаетъ ее «ренегаткой».

До завтрака оставалось еще десять минутъ. На террасѣ

было слишкомъ тепло. Она начала тяготиться этимъ вѣчнымъ солнцемъ, отъ котораго никуда не уйдешь.

Мальчикъ-егерь, тотъ, что звалъ утромъ факкино — подалъ ей на маленькомъ подносѣ визитную карточку.

Это ее удивило. Она никого не знаетъ и никого не ждала. И только что она бросила взглядъ на фамилію — вся вспыхнула и даже привстала.

— Этотъ господинъ здѣсь? спросила она.

— Онъ живетъ въ отелѣ. Сегодня пріѣхалъ.

— Попросите!

Въ большомъ волненіи поднялась она. Она не вѣрила своимъ глазамъ. На карточкѣ русской вязью напечатано: Владиміръ Михайловичъ Теренинъ.

«Володя Теренинъ! Боже!»

Она не докончила мысли и тотчасъ же почувствовала слабость и опустилась въ кресло. Передъ глазами пронеслась дымка.

«Какая я слабая!» по-русски выговорила она про себя.

— Вы, Теренинъ?!

— Марья Францовна!

Ей пожималъ обѣ руки молодой блондинъ, красивый, средняго роста, съ русой бородой и голубыми глазами, въ свѣтлой парѣ, безъ шляпы.

— Вы здѣсь... Садитесь... Разскажите... Господи!

Она не могла докончить. И онъ глядѣлъ на нее радостнымъ и немного испытующимъ взглядомъ своихъ русскихъ добрыхъ глазъ.

— Вотъ, какъ видите... Нашелъ васъ.

— Откуда?

— Прямо изъ Москвы. Захотѣлъ прокатиться... на Ривьеру и дальше. Рима никогда не видалъ. Добылъ вашъ адресъ.

— Видѣли нашихъ?

— Какже. Они очень сокрушаются. А вы право — ничего! Только похудѣли.

— И-и,— обронила она московскимъ звукомъ и провела по воздуху рукой съ длинными прозрачными пальцами.

И они начали говорить взапуски, перебивая другъ друга. Она жадно разспрашивала его о своихъ, о Москвѣ, о подругахъ, о лекціяхъ, концертахъ, о маломъ театрѣ, о Ермоловой

и Лешковской, о Южинѣ, о профессорахъ и студентахъ, товарищахъ ея брата, теперь уже магистранта.

Давно уже прозвонили второй разъ и терраса опустѣла. Оберъ-кельнеръ изъ нѣмцевъ пришелъ звать ихъ. И за столомъ они помѣстились рядомъ, ничего почти не ѣли и все говорили, говорили.

Всѣ ушли, а они оставались въ столовой, только перешли за отдѣльный столикъ, куда проѣзжій приказалъ подать себѣ кофе.

— Такъ вамъ... на родинѣ,—не особенно отрадно? выговорилъ онъ тихо, наклонившись къ ней черезъ столикъ.

— Тяжко.

Они вразъ и замедленно поглядѣли другъ на друга.

Неужели то, что было тамъ, въ странѣ снѣговъ, не сонъ, но никогда не вернется уже болѣе?

Опять они вмѣстѣ и такъ влечетъ ихъ взаимно. Давно ли это было! Всего три года. Долго они избѣгали встрѣчи съ глазу на глазъ. Но вотъ... въ темную октябрьскую ночь... въ дождь, они засидѣлись въ квартирѣ ея подруги. Ихъ повезла извозчичья пролетка. Такъ тѣсно было сидѣть и такъ трясло по ужасной московской мостовой.

Поцѣлуй загорѣлся на ея щекѣ. Ее подхватила неземная радость. Они клялись въ «вѣчной» любви. Но на другой день она испугалась. Чего? Неужели своей южной крови? Онъ писалъ ей, она не отвѣчала. И продолжала любить; но молча, хотѣла испытать его, вѣрила въ то, что истинная любовь выйдетъ побѣдительницей изъ всякаго тяжелаго искуса.

Ничего этого она не вспомнила теперь; и онъ ни однимъ словомъ не разбередилъ прошлаго.

Словъ не нужно. Все они теперь чувствуютъ и понимаютъ. Видитъ и онъ—какъ она томится.

Не надо ему исповѣди. Да и зачѣмъ станетъ она унижать себя безплодными жалобами? Судьба рѣшила иначе. Онъ имѣлъ право считать ее пустой дѣвчонкой; гордость не позволила ему добиваться новаго сближенія. А тутъ подоспѣла болѣзнь. Заграницей она страшно заскучала и очутилась женой другого, безъ любви, вышла замужъ «по-итальянски», какъ здѣсь всѣ выходятъ: женихъ хорошій человѣкъ, дѣльный, сдѣлаетъ карьеру, собой какъ всѣ они; за ней онъ взялъ капиталецъ и безъ при-

данаго врядъ ли женился бы. И навѣрно жалѣетъ. Она—ему обуза, хворая, дѣтей нѣтъ; они—по цѣлымъ мѣсяцамъ—въ разныхъ мѣстахъ.

Зачѣмъ станетъ она все это разсказывать... Володѣ Теренину? Онъ и самъ пойметъ.

— Не вернуться мнѣ никогда къ вамъ, въ Москву! вырвалось у ней, подъ конецъ ихъ разговора, и она чуть-чуть не разрыдалась.

III.

Тихо догорала розовая заря. Солнце только что юркнуло за утесистый выступъ морского прибрежья.

Кругомъ зеленѣлъ—и зимой, какъ лѣтомъ—роскошный садъ генуэзскихъ нобилей, занимающій цѣлыхъ полгоры, надъ мѣстечкомъ.

Пальмы и магноліи, пиніи, эвкалиптусы, лавры, кипарисы купами и цѣлыми рощицами разошлись по склонамъ и манили подъ свою тѣнь. Аллеи, густо обставленныя апельсинными и лимонными деревьями, хранили пріятную свѣжесть.

Въ одномъ мѣстѣ,—вдали отъ водоемовъ, каскадовъ, озерка съ храмомъ и золоченой гондолой,—круглая лужайка заросла кругомъ оливами.

Тамъ, въ тѣни вѣковаго дерева, присѣли больная и ея землякъ-москвичъ.

Они не разставались цѣлыхъ три дня сряду, сидѣли въ саду отеля до заката солнца, спускались къ морю; а сегодня поднялись вотъ въ этотъ садъ, принадлежащій патриціямъ съ громкимъ историческимъ именемъ, куда пускаютъ въ извѣстные дни.

Они до многого договорились. Не трудно ему было довести ее до горькаго признанія: жизнь ея въ этомъ «благословенномъ» краѣ тянется въ полномъ душевномъ одиночествѣ. Не можетъ она уйти въ то, чѣмъ довольствуются здѣсь всѣ жены, если онѣ хотятъ жить честно. Всегда между ней и ея мужемъ будетъ стоять стѣна.

Въ эти три дня они заново нашли другъ друга. Точно будто они не разставались, все то же чувство—молодое и лучезарное—согрѣваетъ ихъ обоихъ и влечетъ, и радуетъ.

Никакихъ упрековъ она отъ него не услыхала. И сама не оправдывалась. Но сегодня вырвался у нея возгласъ:

— Владиміръ Михайловичъ! Молодость—ужасная вещь! .

— Какъ?

— Гоняешься за счастьемъ и не умѣешь его схватить... А оно всегда разъ въ жизни дается.

— Да, всего разъ, тихо вымолвилъ онъ, смущенный, сидя около нея, на травѣ.

Онъ боялся взглянуть на нее.

— И оно никогда, никогда не придетъ.

Голосъ ея дрогнулъ.

— А почему нѣтъ? вдругъ воскликнулъ онъ и протянулъ ей руку.

Она дала свою. Онъ приложился къ ней долгимъ поцѣлуемъ.

Румянецъ ея прозрачныхъ щекъ разлился въ видѣ двухъ большихъ круговъ. Отъ волненія ей стало трудно дышать.

— Почему нѣтъ? повторилъ онъ, и теперь его глаза загорѣлись и въ голосѣ она почуяла страстный порывъ и безъ словъ поняла, какъ она ему дорога въ эту минуту.

— Никогда не поздно взять счастье! говорилъ онъ, прильнувъ къ ея колѣнамъ.—Зачѣмъ итти на ложь, зачѣмъ заживо хоронить себя, если вы знаете, что въ своемъ бракѣ вы ничего не найдете, кромѣ суши и тяжкаго одиночества. Это безбожно! Дорогая моя! Вы—чудная русская женщина. Вы—наша. А для насъ всего ненавистнѣе мертвечина здѣшняго довольства. Мы не побоимся разорвать цѣпь, когда мы знаемъ, что въ насъ говоритъ потребность дышать однимъ воздухомъ, сливаться...

— Знаю... остановила она его, движеніемъ руки.— Все знаю!

— И хотите оставаться рабой?

— Что же дѣлать?

— Разорвать случайную связь. Тогда, нѣсколько лѣтъ назадъ, мы полюбили другъ друга. И останься вы тамъ... вы были бы моей женой.

— Быть можетъ..

— Непремѣнно! Отчего же я не искалъ другой привязанности? Ни къ кому меня не влекло. А я не надѣялся встрѣ-

тить васъ. Потомъ я узналъ о вашемъ замужествѣ. Я не почувствовалъ рокового удара. Я думалъ, что охладѣлъ къ вашей памяти. Сюда я ѣхалъ безъ всякой мечты. Хотѣлось только повидать добрую знакомую... смущали вѣсти о вашемъ здоровьѣ. И стоило мнѣ увидѣть васъ третьяго дня, заслышать голосъ, и все воскресло, все!

Стыдливымъ жестомъ, она отвела его руки, протянутыя къ ней, и прошептала:

— Не жить мнѣ тамъ, съ вами, откуда меня угнала моя хворость.

— Но вы поправитесь!

— Гдѣ? Въ Москвѣ? Нѣтъ, Владиміръ Михайловичъ. Мое дѣло плохое. Я это чувствую съ каждымъ днемъ все сильнѣе. Но я не побоялась бы нашего климата. Я бы сейчасъ полетѣла.

— Уѣдемъ!

Молодая страсть обожгла ее въ этомъ зовѣ.

— Милый мой! Вамъ я вѣрю. Съ вами я бы пошла сейчасъ... и на всю жизнь. И не побоялась бы людского суда, если бы намъ нельзя было повѣнчаться. Но это безчестно!

— Передъ кѣмъ? Передъ мужемъ? Вы его не любите.

— Мужу я бы прямо сказала: обманывать тебя не стану; но такъ, сейчасъ, бѣжать отсюда, тайкомъ... На это я не пойду. Слишкомъ я русская, Владиміръ Михайловичъ!

— Зачѣмъ тайкомъ? Мы бы его не испугались.

— Не то... Не то!

— А что же, дорогая?

— Для меня хоть годъ, хоть мѣсяцъ счастья! Но это гадко, безчестно,—втягивать васъ... Я не жилица на этомъ свѣтѣ.

— Что вы! Голубушка!

Онъ бросился цѣловать ея руки.

И только что онъ хотѣлъ привлечь ее къ себѣ, она внезапно—и въ первый разъ при немъ—такъ сильно закашлялась.

Что-то зловѣщее услыхалъ онъ въ звукѣ этого кашля.

Она поднесла платомъ къ губамъ. На немъ показалось красное пятно.

— Не жилица! чуть слышно обронила она и смертельно поблѣднѣла.

В. П. Авенаріусъ.

ВЕЧЕРЪ ВЪ РЕДАКЦІИ.

(ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ ШЕСТИДЕСЯТНИКА).

Въ сентябрѣ 1866 года скончался Дудышкинъ, «второй» редакторъ «Отечественныхъ Записокъ», фактически заправлявшій всей редакціей; а вслѣдъ затѣмъ, по особому соглашенію «перваго» редактора и издателя этого журнала, Краевскаго съ Некрасовымъ, послѣдній сдѣлался настоящимъ хозяиномъ «Отечественныхъ Записокъ». Докторъ Ханъ, имѣвшій свою собственную типографію и самъ издавшій уже нѣсколько книгъ, счелъ моментъ наиболѣе удобнымъ для основанія новаго литературнаго органа «умѣреннаго» направленія. Назвалъ онъ его,— не совсѣмъ, пожалуй, удачно — «Всемірнымъ Трудомъ». Расчетъ же его оказался въ томъ отношеніи вѣрнымъ, что большинство прежнихъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» не отказалось принять участіе въ новомъ журналѣ. Въ числѣ ихъ былъ и я, начинающій еще писатель. Для бо́льшаго сплоченія своихъ сотрудниковъ докторъ Ханъ «прикармливалъ» ихъ: по средамъ мы собирались у него на «стаканъ чаю», за которымъ слѣдовала всегда и закуска.

Въ одну изъ такихъ средъ Писемскій, напечатавшій ужъ

во «Всемірномъ Трудѣ» своихъ «Самоуправцевъ», долженъ былъ прочесть намъ свою новую драму: «Поручикъ Гладковъ», предназначенную для этого же журнала. Однажды прежде мнѣ удалось уже слышать Писемскаго на одномъ публичномъ чтеніи, гдѣ онъ съ неподражаемымъ искусствомъ читалъ отрывокъ изъ своего романа «Богатый женихъ». А теперь представлялся случай услышать отъ него цѣлую драму! Понятно, съ какимъ нетерпѣньемъ я ожидалъ среды.

Жилъ докторъ Ханъ въ то время на Болотной улицѣ (теперь Коломенская) въ небольшомъ деревянномъ домикѣ. Еще въ переднюю до меня донеслись изъ хозяйскаго кабинета два знакомыхъ голоса: самого редактора и присяжнаго критика «Всемірнаго Труда» — Соловьева:

— Да мы залучили уже и Островскаго, и Писемскаго...

— Мало, Манулъ Алексѣевичъ, мало! Дайте намъ Тургенева и Толстого!

— И ихъ пригласимъ, когда журналъ пойдетъ въ ходъ.

— Да для этого-то и нужно ихъ участіе! Теперь, когда безвкусіе распространяется прогрессистами, намъ для художественныхъ произведеній нельзя жалѣть денегъ.

— Вы, Николай Ивановичъ, считаете деньги въ чужомъ карманѣ. Послѣдній номеръ мнѣ и безъ того обошелся въ двѣ тысячи...

На этомъ мнѣ пришлось прервать ихъ разговоръ и войти въ хозяйскій кабинетъ. Кабинетомъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова, впрочемъ, его нельзя было назвать: вмѣсто книжныхъ шкаповъ, по стѣнамъ было только нѣсколько полокъ съ собственными изданіями хозяина, а письменный столъ замѣнялся небольшой конторкой. О какихъ либо украшеніяхъ, какъ-то: картинахъ, бюстахъ или коврахъ, не было и помину.

Самъ Манулъ Алексѣевичъ стоялъ за своей конторкой, на которой были разложены корректурные листы. Не думаю, чтобы ему было уже сорокъ лѣтъ; но въ курчавыхъ, темно-каштановаго цвѣта волосахъ, въ густой, подстриженной бородкѣ его пробивалась уже сѣдина. Своимъ простымъ, непритязательнымъ видомъ, а также семитическими чертами лица онъ скорѣе напоминалъ заурядnаго конторщика, чѣмъ редактора-издателя «толстаго»

журнала. Увидѣвъ меня, онъ съ своей всегдашней спокойной привѣтливостью протянулъ мнѣ руку:

— Здравствуйте. Пройдите, пожалуйста, въ гостиную, да возьмите съ собой и Николая Ивановича. Хорошо, хорошо! кивнулъ онъ Соловьеву: — послѣ договоримъ; вы видите вѣдь, что мнѣ надо сдать еще въ типографію корректуру.

Николай Ивановичъ нехотя послѣдовалъ за мною въ гостиную.

— Горбатаго одна могила исправитъ! пробормоталъ онъ.— И этотъ коммерсантъ хочетъ руководить литературнымъ вкусомъ нашего общества!

Лично я пользовался почему-то особеннымъ благоволеніемъ Соловьева,—быть можетъ, потому, что былъ благодарнымъ слушателемъ его эстетическихъ разглагольствованій. Странныя противорѣчія, право, встрѣчаются въ природѣ человѣка: проповѣдуетъ онъ одно, а самъ дѣлаетъ другое; совершенно какъ Пушкинскій «отшельникъ»:

«Какъ въ церкви васъ учу, такъ вы и поступайте;
Живите хорошо, а мнѣ не подражайте».

Будучи самымъ ярымъ поборникомъ искусства для искусства, красоты и въ поэзіи, и въ жизни, Соловьевъ ни мало не заботился о томъ, чтобы придать своей собственной непригляднойвнѣшности нѣкоторую,—не говорю уже: красоту или привлекательность,—а хотя бы порядочность, что̀ было бы вполнѣ естественно въ его годы (ему едва ли минуло тогда уже тридцать лѣтъ). Малаго роста, невзрачнаго вида, онъ и одѣвался крайне небрежно, не имѣлъ при себѣ для своихъ длинныхъ волосъ ни щеточки, ни гребенки, и не обращалъ никакого вниманія на свои ногти, которые были неизмѣнно «въ траурной рамкѣ». Объяснялось это, конечно, его необыкновенною разсѣянностью. Зато какъ свѣжъ и чистъ былъ онъ душою! Какъ искренно восторгался всякимъ новымъ произведеніемъ не только корифеевъ литературы, но и менѣе талантливыхъ пріятелей своихъ: Лѣскова и Всеволода Крестовскаго!

Оба они были уже въ гостиной и собрали около себя небольшую аудиторію. Лѣскову было тогда 35 лѣтъ, Крестовскому 27. Первый изъ нихъ, извѣстный въ то время читаю-

щей публикѣ только подъ псевдонимомъ Стебницкаго, своими тенденціозными романами имѣлъ уже у «консервативныхъ» читателей большой успѣхъ; являясь же въ обществѣ, онъ, благодаря своему энергическому обращенію и рѣзко выражаемымъ взглядамъ, быстро овладѣвалъ общимъ вниманіемъ. Соперникомъ его на этомъ полѣ могъ выступить только другъ его — Всеволодъ. Кто зналъ Крестовскаго лишь впослѣдствіи солиднымъ полковникомъ съ хроническимъ кашлемъ и одышкой, охотнѣе всего дебатировавшимъ на политическія темы, тому трудно, конечно, представить его себѣ жизнерадостнымъ молодымъ штатскимъ, которому стеклышко въ глазу, при свѣтской развязности и умѣньи одѣваться, придавало какъ бы нѣкоторую фатоватость. Но впечатлѣніе это тотчасъ терялось, когда онъ начиналъ что нибудь разсказывать: онъ всѣмъ существомъ отдавался своему разсказу, нервно моргая и подергивая плечомъ, и огнемъ своимъ зажигалъ всѣхъ слушателей.

Въ сторонѣ на диванѣ сидѣли только двое: сухощавый старикъ съ гладко выбритымъ лицомъ и живыми, острыми глазами, Милюковъ, котораго я уже видѣлъ прежде, и незнакомый мнѣ еще, среднихъ лѣтъ мужчина съ лысиной во всю голову и добродушно-апатичной миной. На мой вопросъ о немъ, Соловьевъ объяснилъ, что это — Ахшарумовъ, который, дескать, даетъ для нашего журнала «капитальнѣйшую» вещь — «Граждане лѣса», яко бы сказку, но глубоко соціальнаго значенія.

— Такъ значитъ не для дѣтей? спросилъ я.

— О, нѣтъ! «Граждане лѣса»—это разныя лѣсныя животныя, которыя, по указанію одного ссыльнаго, учреждаютъ конституціонное царство. И сколько наблюдательности, сколько юмора въ отдѣльныхъ сценахъ! Одна прелесть!

Докторъ Ханъ, покончившій между тѣмъ съ своей корректурой, то и дѣло заглядывалъ въ переднюю, начиная уже безпокоиться, что самый почетный гость, пожалуй, и не будетъ. Но безпокоился онъ напрасно: около десяти часовъ въ дверяхъ показалась тучная фигура ожидаемаго.

Чиновники того времени по большей части брили бороду, особенно въ провинціи. Писемскій, хотя и состоялъ совѣтникомъ губернскаго правленія (если не ошибаюсь—тверского), но вольнодумно отпустилъ себѣ и усы и бородку,— что придавало его

широкому, типическп-великорусскому лицу видъ раздобрѣвшаго барина «добраго стараго времени».

— Заспался, не взыщите, извинился онъ передъ хозяиномъ:— проклятая привычка—отдыхать послѣ обѣда.

Скоро ли всѣ эти господа съ нимъ поздороваются! скоро ли самъ онъ допьетъ свой стаканъ чаю! Наконецъ-то!..

— Ну, что же, начнемъ, сказалъ онъ, подходя къ выдвинутому на средину комнаты овальному столу съ двумя свѣчами и стаканомъ сахарной воды.—Прошу забыть нашъ вѣкъ и перенестись во времена Бирощины.

Усѣвшись поудобнѣе въ пододвинутомъ ему хозяиномъ креслѣ, онъ раскрылъ передъ собою объемистую рукопись, состоявшую изъ отдѣльныхъ листковъ въ четвертушку. Мы всѣ поспѣшили запастись стульями и размѣститься вокругъ,—и чтеніе началось.

Драма «Поручикъ Гладковъ» принадлежитъ не къ лучшимъ произведеніямъ Писемскаго. Но что значитъ хорошее чтеніе! По мѣрѣ того, какъ одна сцена смѣнялась другою, передъ нами проходилъ рядъ живыхъ людей и жизненныхъ картинъ, возставала все ярче эпоха Бирона. Между отдѣльными актами читающій дѣлалъ небольшую передышку, и тогда все кругомъ оживало, вполголоса обмѣнивалось между собой впечатлѣніями. Какъ только авторъ принимался опять читать—все разомъ умолкало и обращалось въ слухъ. Разъ какъ-то неугомонный Крестовскій шепнулъ что-то на ухо своему сосѣду, и тотъ фыркнулъ. Но Писемскій повелъ въ ихъ сторону глазами—и оба замерли.

Кончилось чтеніе уже далеко за полночь.

— Уфъ! тяжеленько! произнесъ Писемскій, отдуваясь.

Всѣ присутствовавшіе окружили его, чтобы принести свою благодарность за доставленное наслажденіе.

— Не за что, господа, уклонился онъ.—А вотъ вы лучше скажите-ка: не имѣется ли у кого серьезныхъ замѣчаній?.. Ну, что же? продолжалъ онъ, окидывая безмолвствующихъ вопросительнымъ взглядомъ и останавливая его на Ахшарумовѣ: Вы-то хоть, Николай Дмитріевичъ, не скажете ли чего? Вашимъ мнѣніемъ я очень дорожу.

Критическое чутье Ахшарумова проявилось особенно впослѣдствіи въ его замѣчательномъ разборѣ «Преступленія и Наказанія» Достоевскаго. Теперь онъ, по своей скромности и

деликатности, не рѣшился, повидимому, въ присутствіи стольких свидѣтелей, высказаться слишкомъ открыто. Тихимъ голосомъ, почти застѣнчиво, онъ въ немногихъ словахъ очень рельефно выставилъ достоинства трагедіи, а затѣмъ мимоходомъ добавилъ, что только въ четвертомъ дѣйствіи Бирон какъ будто измѣняетъ себѣ; недостаетъ нѣсколькихъ штриховъ...

— Да вотъ, Александръ Петровичъ, какъ преподаватель словесности и записной критикъ, лучше меня, конечно, это объяснитъ, заключилъ онъ, указывая на стоявшаго рядомъ Милюкова.

Милюковъ, точно заранѣе приготовившись къ лекціи, въ сдержанной и «корректной» рѣчи указалъ на недостающіе «штрихи», и замѣчанія его оказались настолько обдуманными и мѣткими, что Писемскій только поморщился, но ничего не нашелъ возразить.

— А что вы скажете насчетъ[1] общаго движенія въ драмѣ? спросилъ онъ.

— Въ томъ же четвертомъ дѣйствіи, гдѣ собираются у Бирона гости, дѣйствительно не мѣшало бы движеніе нѣсколько ускорить, неожиданно подалъ тутъ голосъ Соловьевъ,—а затѣмъ устранить вообще эти гастрономическія разсужденія между Бирономъ и Куракинымъ...

— Это зачѣмъ? спросилъ Писемскій, медленно поворачивая голову и свысока озирая малорослаго критика, какъ оглядѣлъ бы начальникъ школы ученика-мальчишку, дерзнувшаго высказать передъ нимъ свое собственное мнѣніе.

— Затѣмъ, что тема въ той формѣ, какъ у васъ, признаться, довольно неэстетичная.

— Да можетъ такъ и нужно?.. Однако мнѣ и домой пора...

— Помилуйте, Алексѣй Ѳеофилактовичъ! засуетился докторъ Ханъ. Сейчасъ будетъ закуска...

— Я не ужинаю: врачами запрещено.

— Да и мнѣ тоже, сказалъ Ахшарумовъ.— Намъ съ вами, Алексѣй Ѳеофилактовичъ, вѣдь по дорогѣ. До свиданія, Мануилъ Алексѣевичъ.

Напрасны были дальнѣйшія упрашиванія хозяина, и ему ничего не оставалось, какъ проводить обоихъ до передней. Тутъ на Соловьева со всѣхъ сторонъ посыпался градъ упрековъ:

— Ахъ, Николай Ивановичъ, Николай Ивановичъ! а все вы съ вашей эстетикой! Спрашивалъ онъ наше мнѣніе, очевидно, только для того, чтобы услышать общія похвалы.

— Не могу я хвалить, господа, коли мнѣ что претитъ! оправдывался бѣдный Николай Ивановичъ.— Правда и красота для меня выше всего.

— Да если иная правда безобразна?

— Такъ изображай ее такъ, чтобы читателя не коробило. Вѣдь вотъ Крестовскій, по моему совѣту, отказался же отъ первой своей мысли — заставить своего Вересова ѣсть дохлую кошку.

— Ну, ужъ извините! громко расхохотался Лѣсковъ: этотъ перлъ принадлежалъ не Всеволоду, а мнѣ.

— Что̀ такое? Какая тамъ дохлая кошка? заинтересовались окружающіе.

— Да помните въ «Петербургскихъ Трущобахъ» эпизодъ, когда Вересовъ, выпущенный изъ тюрьмы, не зная, гдѣ преклонить голову, находитъ наконецъ пріютъ на Фонтанкѣ въ каютѣ занимовавшей пустой баркн?

— Подъ мерзлой рогожей около бездомной же собаки со щенятами? Но тамъ онъ съ голоду гложетъ только кость...

— А это уже смягченная варіація Николая Ивановича. Захожу я разъ подъ вечеръ къ Всеволоду. Въ передней у него, гляжу, ждетъ уже разсыльный изъ типографіи; а въ кабинетѣ сидитъ самъ Всеволодъ у письменнаго стола мрачнѣе ночи. Въ чемъ дѣло? — «Да вотъ такъ и такъ, говоритъ, надо сейчасъ отправить рукопись въ наборъ, да никакъ не придумаю: чѣмъ бы позабористѣе накормить моего голоднаго героя?» Ну, что-жъ, вмѣстѣ поразмыслимъ; умъ хорошо, два лучше.— И вотъ, только что каждый изъ насъ придумалъ подходящее блюдо: онъ—дохлую ворону, а я—дохлую кошку,—какъ входитъ Николай Ивановичъ. Предоставили мы ему на выборъ: что̀ реальнѣе? А онъ въ ужасъ пришелъ: «Бога въ васъ нѣтъ, господа! Развѣ нельзя быть реальнымъ, не возбуждая въ читателяхъ тошноты? Хоть бы кость взяли, что-ли». Потолковали мы, потолковали и ограничились костью, разумѣется, уже обглоданной собакой.

Во время этого разговора, по распоряженію хозяина, былъ

накрытъ столъ, на которомъ, кромѣ водки и пива, появились на этотъ разъ еще нѣсколько бутылокъ вина и закуска разнообразнѣе обыкновеннаго; экстренное угощеніе, очевидно, было предназначено для отбывшаго уже почетнаго гостя. По мѣрѣ того, какъ пустѣли бутылки, бесѣда становилась все шумнѣе; но въ общемъ гомонѣ всего громче звучалъ голосъ Лѣскова. Главною темою служили, разумѣется, разныя теченія современной литературы. Когда тутъ рѣчь зашла объ одномъ изъ передовыхъ бойцовъ противоположнаго лагеря, Лѣсковъ съ сверкающими глазами вскочилъ съ мѣста и ударилъ кулакомъ по столу такъ, что вся посуда кругомъ запрыгала и зазвенѣла:

— Да я его сейчасъ собственноручно вздернулъ бы на первомъ фонарномъ столбѣ!

— Однако! вполголоса замѣтилъ я сидѣвшему около меня Соловьеву, который послѣ понесеннаго давеча пораженія былъ молчаливѣе другихъ и только усиленно курилъ, при чемъ, не докуривъ ни одной папиросы, тушилъ ее въ разсѣянности о скатерть, чтобы затѣмъ тотчасъ закурить новую.

— А между тѣмъ у него это вовсе не фраза, отозвался Соловьевъ.— Разъ какъ-то при мнѣ онъ точно также заспорилъ за ужиномъ и въ доказательство, что ни передъ чѣмъ не отступитъ, проткнулъ себѣ тутъ же вилкою ладонь.

— Насквозь?!

— Да, такъ-таки и пригвоздилъ ее къ столу. Это—фанатикъ своей идеи. Такъ же какъ и Крестовскій: для изученія трущобныхъ жителей онъ цѣлые дни проводилъ въ трущобахъ.

— Да вѣрно-ли это? Посмотрите на него: неужели такому щеголю они дали бы спокойно изучать себя?

— Само собою разумѣется, не въ этакомъ нарядѣ. Разъ, проходя по Сѣнной, я самъ засталъ его среди нищихъ у церкви Спаса. «Дайте, говоритъ, баринъ, копеечку, Христа ради!» Гляжу: Крестовскій въ отрепьяхъ!— Всеволодъ Владиміровичъ! вы-ли это? — «Т-с-с-с! товарищи еще услышатъ». Но какими судьбами? «А среду изучаю». Такъ вотъ онъ каковъ у насъ! Я вамъ говорю: фанатикъ.

Соловьевъ былъ правъ: такимъ же фанатикомъ въ преслѣдованіи своей идеи Крестовскій выказалъ себя и впослѣдствіи въ своихъ романахъ: «Кровавый пуфъ» и «Тьма египетская».

Но сегодня онъ былъ самымъ простымъ смертнымъ и добрымъ малымъ.

— И охота тебѣ, Николай Семеновичъ, какъ прачка, стирать старое бѣлье, прервалъ онъ вдругъ своего горячащагося друга.— У меня вотъ есть нѣчто совсѣмъ новенькое.

И онъ началъ разсказывать какой-то довольно легковѣсный анекдотъ; но какъ онъ его разсказывалъ! Съ какими интонаціями, съ какими ужимками! Положительно, нельзя было остаться серьезнымъ; даже Лѣсковъ повеселѣлъ. За первымъ разсказомъ послѣдовалъ второй, за вторымъ—третій. Всѣ за столомъ такъ и покатывались со смѣху.

— А что бы вамъ, Всеволодъ Владиміровичъ, прочесть намъ одинъ изъ вашихъ испанскихъ мотивовъ? замѣтилъ кто-то. Хоть бы «Андалузянку».

— «Андалузянку!» «Андалузянку!» подхватилъ хоръ голосовъ.

Крестовскій приподнялся съ мѣста и, опершись на спинку стула, началъ:

— «Андалузская ночь горяча, горяча,—
Въ этомъ зноѣ и страсть и безсилье...»

Не странно-ли, право, что многіе изъ талантливыхъ поэтовъ читаютъ свои собственные стихи плохо. Страннѣе всего это было у Крестовскаго, который обыкновенные случаи изъ жизни передавалъ такъ мастерски, при чтеніи же стиховъ впадалъ въ неестественную декламацію. Только-что дошелъ онъ до стиха:

«Чу!.. тамъ слышны аккорды гитары»,

какъ Лѣсковъ вскочилъ изъ-за стола:

— Постой! Развѣ это такъ читаютъ? Садись!

Отстранивъ пріятеля, онъ сталъ на его мѣсто и продолжалъ самъ съ прерваннаго стиха:

— «Чу!.. тамъ слышны аккорды гитары!..
Въ виноградникѣ чьи-то шаги шелестятъ
И мигаетъ огонь отъ сигары—

«Это онъ, мой гидальго, мой рыцарь, мой другъ!
Это онъ, его поступь я чую!
Онъ придетъ—и подъ плащъ къ нему кинусь я вдругъ,
И не будетъ конца поцѣлую!»

Да, это чтеніе было совсѣмъ иное! Такъ и чудился звонъ гитары, и приближающіеся шаги, и огонекъ сигары, и самъ гидальго въ плащѣ... Но лучше всего, кажется, вышло покаяніе андалузянки сквозь рѣшетку францисканцу-монаху.

Когда Лѣсковъ дочелъ послѣдній куплетъ, кругомъ раздались единодушныя одобренія.

— Ну, а теперь, Всеволодъ, обратился Лѣсковъ къ пріятелю: — покажи-ка себя намъ по такой части, по которой тебѣ нѣтъ равныхъ: пропой намъ одну изъ твоихъ трущобныхъ пѣсенъ.

Крестовскій не далъ просить себя и, присѣвъ за фортепіано, запѣлъ. Голосъ у него былъ небольшой и слегка даже хриповатый, но пѣніе его было до того прилажено къ содержанію пѣсни, что не думалось даже о голосѣ; слышалась только замѣчательно переданная пѣсня.

Пѣніемъ Крестовскаго и закончился вечеръ...

Съ тѣхъ поръ протекло слишкомъ тридцать лѣтъ, и ни одного изъ писателей, о которыхъ выше разсказано, нѣтъ уже въ живыхъ. Но какъ для полноты ландшафта необходимы также кустарникъ, трава, полевые цвѣты, такъ и поле литературы не могло бы совершенно обойтись безъ второстепенныхъ дѣятелей. Вѣчная же память отошедшимъ собратьямъ!

Декабрь 1898 г.

Кн. Д. П. Голицынъ-Муравлинъ.

ЗАДАЧА.

Алеша придвигаетъ къ себѣ задачникъ и читаетъ, вполголоса:

«Деньги, находящіяся въ двухъ кошелькахъ, составляютъ сумму тринадцать рублей шестьдесятъ пять копеекъ. Сколько денегъ въ каждомъ, если въ одномъ кошелькѣ столько же пятіалтынныхъ, сколько въ другомъ двугривенныхъ?»

Ему очень скучно. Вообще, онъ знаетъ, что каждый разъ съ нимъ изъ-за ариѳметики случается бѣда. Его бранятъ, потому что онъ не понимаетъ. Онъ все понимаетъ: Ветхій и Новый Завѣтъ, географію, латинскія склоненія, а вотъ ариѳметику не понимаетъ. И ему кажется, что совсѣмъ разобраться въ ней нельзя. Тотъ, кто пишетъ задачи, нарочно такъ дѣлаетъ, чтобы было очень трудно. Мама опять скажетъ: «стыдно тебѣ, ты такой большой, тебѣ одиннадцатый годъ»... Большой?

Старается Алеша сообразить, почему онъ иногда большой, а иногда маленькій. То ему говорятъ: «стыдно, ты большой, ты долженъ это сдѣлать», то: «ты еще слишкомъ маленькій, чтобы это понять»... Значитъ, думаютъ, что для ариѳметики онъ большой, а въ самомъ дѣлѣ онъ для нея маленькій. А для того, чтобы сказать неправду онъ тоже маленькій? Вчера онъ

спросилъ дядю: «почему ты кузинѣ Вавѣ сказалъ, что ты былъ въ воскресенье у насъ, когда ты не былъ?», и дядя отвѣтилъ: «не твое дѣло, ты еще слишкомъ малъ, чтобы разсуждать...» Почему другіе рѣшаютъ, что онъ тогда-то малъ и тогда-то большой? Онъ вѣроятно всегда маленькій... и всегда ему хочется плакать, когда ариѳметику надо готовить... Вотъ теперь ему на завтра учитель задалъ только одну задачу... другимъ двѣ и три, а ему только одну... Вы, говоритъ, постоянно жалуетесь, что у васъ времени не хватаетъ приготовить, а я думаю, что вы просто лѣнитесь... Сдѣлайте эту задачу хорошо, а то я попрошу, чтобы васъ наказали, и откажусь васъ приготовить во второй классъ гимназіи... Другіе мальчики слушали. Имъ все равно. Они понимаютъ ариѳметику. Если бы еще хоть одинъ въ школѣ не понималъ, все бы легче было. Ему одному вѣрить не хотятъ.

Алеша перечитываетъ снова задачу. Неясно. Онъ можетъ всякую цифру раздѣлить и помножить, но тутъ еще другое. Это, какъ говоритъ Вася, задача съ хитростью. Можетъ быть, Вася успѣетъ объяснить завтра, передъ уроками... Нѣтъ, Вася всегда отвѣчаетъ: «разберись самъ, хныкса скверная...»

У Алеши выступаютъ слезы... и такъ нехорошо дѣлается у него на душѣ... Чувства въ его маленькой и наболѣвшей душѣ развиваются и переливаются одно въ другое гораздо скорѣе, чѣмъ мысли. Всего одиннадцатый годъ онъ на свѣтѣ, а сердце у него уже болитъ... Онъ самъ не видитъ, какой онъ безпомощный и несчастный, по сравненію съ другими дѣтьми... Онъ думаетъ, что вся причина горя именно въ томъ, что онъ маленькій... Будь онъ смышленнѣй, мысли его выразились бы такъ: дѣти всѣ должны быть несчастными, потому что они рабы взрослыхъ... взрослые приказываютъ, запрещаютъ, грозятъ и наказываютъ, а дѣти должны повиноваться и даже не смѣютъ плакать.

Такъ въ чемъ же задача? Два кошелька... тринадцать рублей шестьдесятъ пять копеекъ... пятіалтынные и двугривенные...

Мальчикъ взглядываетъ на часы, прибитые къ стѣнѣ надъ его столомъ... Пятый часъ... Ему бы такъ хотѣлось кончить задачу къ обѣду, чтобы вечеромъ прочитать хоть немного изъ книги «Въ восемьдесятъ дней вокругъ свѣта...» Онъ началъ

читать эту книгу и такъ ему интересно! Какъ хорошо! Если бы можно было уѣхать далеко, туда, гдѣ пальмы и слоны... Хорошо. Весело. Какъ должно быть хорошо, когда весело! Ему никогда не весело, въ Петербургѣ.

Отъ керосиновой лампы, на столъ падаетъ желтый кругъ свѣта. Остальное кругомъ темно. На улицѣ холодно и мокро. Ноябрь. На дачу—только въ маѣ. Тамъ отлично. Господи, почему нельзя, чтобы сейчасъ былъ май!

Тринадцать рублей шестьдесятъ пять копеекъ... пятіалтынные и двугривенные... два кошелька... Тутъ надо что-то сдѣлать... одна тысяча тристa шестьдесятъ пять на два не дѣлится...

Внезапная мысль озаряетъ Алешу. Онъ бросается къ рѣшенію, находитъ цифры: пять рублей восемьдесятъ пять копеекъ и семь рублей восемьдесятъ копеекъ. Слабая надежда заставляетъ его сложить эти суммы. Получается тринадцать рублей шестьдесятъ пять копеекъ. А потомъ?

Хоть бы кто нибудь объяснилъ! Никого дома нѣтъ. Папа на службѣ, вернется къ шести часамъ. Мама поѣхала къ знакомымъ. Прежде—была гувернантка, но теперь, съ тѣхъ поръ, какъ онъ ходитъ въ приготовительную школу, гувернантки больше нѣтъ.

Алеша впивается глазами въ задачникъ, словно хочетъ разгадать тайну. Ему тяжело, и никакъ не увидѣть ему, съ чего начать. Въ сосѣдней комнатѣ портниха Дарья Карповна стучитъ швейной машиной. Это ему мѣшаетъ.

Папа, когда онъ его спроситъ, разсердится. Мама тоже, потому что она забыла ариѳметику. Онъ тоже ее забудетъ.

Вдругъ, Алеша придумываетъ: я спрошу Дарью Карповну...

И онъ идетъ къ ней съ задачникомъ.

— Дарья Карповна, я совсѣмъ не понимаю задачу, которую мнѣ задали...

Портниха, довольно курносая дѣвушка съ бѣльмомъ на лѣвомъ глазу, пріостанавливаетъ работу и спрашиваетъ:

— А что тебѣ задали? Про что?

Алеша читаетъ. Дарья Карповна слушаетъ и задумывается. Мальчикъ ждетъ ея рѣшенья.

— И когда это люди съ двумя кошельками ходятъ? замѣчаетъ она.—Съ чего они взяли.

— Да это, Дарья Карповна, все равно... Надо рѣшить...

— И почему двугривенные отдѣльно!.. Ежели пяти-рублевый золотой, то его надо держать отдѣльно, а то въ темнотѣ за гривенникъ сунешь.

— Дарья Карповна, я знаю... Вы помогите...

— Да я, Алеша, не учена... Жидоморъ у васъ учитель.

Машина снова стучитъ. Мальчикъ вздыхаетъ и идетъ къ себѣ обратно.

Звонокъ. Мама пріѣхала! Вотъ, надо спросить маму.

Онъ бѣжитъ къ ней на встрѣчу.

— Мама! Я не могу рѣшить задачу.

Мама — это очень красивая дама, большая, съ обликомъ королевы. Въ настоящее время у нея видъ очень недовольный. Изо всѣхъ кармановъ мѣховой кофточки она вынимаетъ мелкіе свертки и бросаетъ ихъ на столъ.

— Ахъ! Господи! Какое мнѣ дѣло... Я сама не могу... Я сама не знаю, куда у меня ушли восемнадцать рублей.

Забравъ всѣ свертки, она идетъ въ свою комнату. Алеша за ней. Онъ знаетъ, что гнѣвъ ея никогда не продолжителенъ. Успокоится и поможетъ она, можетъ быть.

— У меня задача не выходитъ, мрачно заявляетъ онъ, соображая, заплакать ли ему или еще подождать.

— У меня тоже, говоритъ мама озабоченно и рѣзко,— возьми карандашъ, пиши.

Карандашъ и бумага у Алеши въ рукѣ. Онъ готовится писать и объясняетъ:

— Видишь ли, деньги въ двухъ кошелькахъ, въ обоихъ всего тринадцать рублей шестьдесятъ пять копеекъ. Сколько денегъ въ каждомъ, если...

— Господи! да развѣ я тебя объ этомъ спрашиваю... Пиши... Кружева двадцать два рубля... въ Гостиномъ дворѣ шесть рублей... у Треймана двѣнадцать рублей, у Флорана восемнадцать рублей, въ англійскомъ магазинѣ семнадцать рублей... вотъ и все... да, все и больше ничего... сколько вышло? Считай... восемьдесятъ два рубля?

Алеша подсчитываетъ.

— Нѣтъ, семьдесятъ пять рублей.

— Какъ семьдесятъ пять рублей?! Значитъ у меня двадцать пять рублей пропало...

И вдругъ обрадовалась:

— Ахъ, вспомнила! восемнадцать рублей я заплатила Вейсу за ботинки и двѣнадцать рублей у Мелье за журналъ... Теперь навѣрно всѣ сто... Сколько?

— Сто пять рублей, отвѣчаетъ Алеша.

— Да откуда же сто пять, когда у меня было всего только сто рублей и осталось сорокъ копеекъ!

Мальчикъ начинаетъ находить, что задача о двухъ кошелькахъ все-таки лучше. Онъ видитъ, что отъ мамы никакого толка не будетъ.

— Два кошелька, въ нихъ тринадцать рублей шестьдесятъ пять копеекъ, напоминаетъ онъ.

— Господи! Развѣ я могу... Впрочемъ, миленькій, пойди спроси папу... Слышишь, онъ пришелъ.

Алеша отправляется къ папѣ въ кабинетъ. Слава Богу, папа въ духѣ. Съ нимъ пришелъ Иванъ Петровичъ, его большой другъ.

— А? Что? переспрашиваетъ папа и, взявъ у него задачникъ, читаетъ: «Деньги, находящіяся въ двухъ кошелькахъ, составляютъ сумму тринадцать рублей шестьдесятъ пять копеекъ. Сколько денегъ въ каждомъ, если въ одномъ кошелькѣ столько же пятіалтынныхъ, сколько въ другомъ двугривенныхъ?»

Мгновенно, его хорошее настроеніе пропадаетъ, и онъ, ероша курчавые черные волосы, кричитъ:

— Иванъ Петровичъ, ты слышалъ? Развѣ это не безобразіе! Такія задачи задаютъ малымъ дѣтямъ! Что они изъ нихъ хотятъ сдѣлать? Развѣ въ наше время мы рѣшали такія задачи? Вѣдь тутъ нужна сообразительность взрослаго человѣка!

— А по нынѣшнему времени необходимо развивать сообразительность. Условія борьбы за существованіе этого требуютъ...

— Что ты выдумалъ! Такъ ребенка можно запугать на первыхъ же порахъ!

— Строгая программа, это сито, сквозь которое проходятъ только наиболѣе даровитые. А бездарные должны пропадать. Это справедливо. Я, конечно, говорю вообще, въ теоріи.

— Твоя теорія гроша не стоитъ! Она выдумана такъ же, какъ эта задача.

— А объясни мнѣ, пожалуйста, зачѣмъ мы зубрили логариѳмы...

Споръ затягивается. Алеша опредѣленно чувствуетъ, что и здѣсь онъ толка не добьется.

Звонокъ. Хоть бы такой пришелъ, который просто рѣшаетъ задачи!

Вотъ счастье-то! Это Ваня, двоюродный братъ, гимназистъ. Ему шестнадцать лѣтъ и онъ знаетъ хорошо всю ариѳметику.

Едва Ваня поздоровался со старшими, Алеша тянетъ его за фалду.

— Ваня, голубчикъ, помоги.

И уводитъ его къ себѣ въ комнату. Ваня идетъ неохотно. Онъ чувствуетъ нѣжность къ теткѣ и хочетъ показаться ей взрослымъ человѣкомъ. Дружба же съ Алешей его дискредитируетъ.

— Ну, что? сумрачно спрашиваетъ онъ. — Опять ничего не понимаешь...

Алеша читаетъ ему задачу. Гимназистъ беретъ карандашъ, пишетъ нѣсколько цифръ и небрежно объявляетъ:

— Въ одномъ пять рублей восемьдесятъ пять копеекъ, въ другомъ семь рублей восемьдесятъ копеекъ.

Сказавъ это, онъ идетъ къ двери.

Со слезами, Алеша спрашиваетъ:

— А если я долженъ буду объяснить почему?

Но Ваня спѣшитъ въ кабинетъ. Туда пришла тетя и жалуется на то, что не можетъ досчитаться денегъ. Дядя и Иванъ Петровичъ добродушно смѣются. Имъ очень весело, что она не знаетъ ариѳметики и постоянно сбивается въ счетѣ. Ванѣ это тоже очень нравится.

А Алеша сидитъ у себя въ комнатѣ, облокотился на столъ, схватилъ голову рученками и читаетъ:

«Деньги, находящіяся въ двухъ кошелькахъ, составляютъ сумму тринадцать рублей шестьдесятъ пять копеекъ...»

Ему хочется плакать.

М. П. Соловьевъ.

ИЗЪ НЕАПОЛЯ ВЪ БАРЪ-ГРАДЪ.

(1894 г.).

Для сѣверныхъ гостей Неаполь то же самое, чѣмъ для суровыхъ воиновъ античнаго міра была Капуя. Съ одной стороны—восхитительное синее море, огражденное дымчатыми прелестными островами, сіяющее, знойное, свѣтлоголубое небо, грозная пирамида Везувія съ его всегдашнимъ розоватымъ шарфомъ дыма, рѣющимъ надъ вершиною; съ другой—великолѣпный амфитеатръ бѣлаго, изнѣженнаго города, густыми рядами домовъ поднимающійся до роскошныхъ королевскихъ садовъ, пальмы городского сада на набережной, суровая средневѣковая бастилія анжуйскихъ королей, сѣрые или разноцвѣтные, изразцовые купола церквей. Внутри города кипитъ жизнь, оживленнѣе которой вы не найдете нигдѣ въ Италіи. Въ портѣ—толпы матросовъ и рабочихъ. На улицахъ всѣ куда-то спѣшатъ; женщины въ однѣхъ платьяхъ и простоволосыя, идутъ, наклонясь впередъ, особою походкой, какъ бы не касаясь земли; кафе полны; на щегольской набережной—вереница щегольскихъ экипажей, запряженныхъ превосходными лошадьми.

Такая же суетливая толкотня въ ужасныхъ центральныхъ

кварталахъ города, полутемныхъ, грязныхъ, сырыхъ и зловонныхъ. Не подвергаясь никогда такимъ погромамъ и опустошеніямъ, какъ Римъ,— Неаполь, вѣроятно, хранитъ въ своихъ старыхъ улицахъ жилища древнѣйшихъ временъ, слегка подновляя обветшавшія строенія настолько, чтобы можно было ютиться въ нихъ. Даже испанскія постройки, массивно-важныя и суровыя, помѣченныя древними гербами, укрѣпленныя ржавыми затѣйливыми желѣзными рѣшетками, кажутся новыми, не смотря на свою архапческую напыщенность. Бѣдныхъ и нищихъ множество, но неунывающій, склонный къ шуткѣ и веселью, характеръ населенія смягчаетъ въ бѣдности впечатлѣніе, удручающее насъ на сѣверѣ. Вечеромъ вездѣ та же гульливая толпа, музыка и веселый смѣхъ, на улицахъ, въ кафе, въ пассажѣ; раздаются пѣсни у дверей трактировъ, мигаетъ огненными вспышками раскаленная вершина Везувія, загораются южныя красавицы-звѣзды на потемнѣвшемъ небѣ,— и людскому шуму и гаму акомпанируетъ мягкій прибой волнъ. Неудержимо втягиваешься въ эту напряженную жизнь сегодняшнимъ днемъ, безъ заботы о завтрашнемъ, наслаждаешься природой, искусствомъ, памятниками прошлаго, безпечальнымъ настоящимъ; но въ этомъ таится также и ядъ разслабленія дѣятельной мужественной стороны человѣческаго характера: нельзя долго жить одними впечатлѣніями.

Неаполь не гнался за историческою славой, за міровымъ значеніемъ. Историческими дѣятелями южной Италіи были всегда чужестранные пришельцы. Греки, Римляне, Готы, Лангобарды, Византійцы, Норманны, Пьемонтцы приходили, уходили, разыгрывали семейныя и политическія трагедіи, высасывали изъ народа, что могли, осѣдали и тонули въ массѣ, а населеніе жило, покорно склоняя голову подъ налетающею грозой, не требуя многаго отъ данной жизни и при всѣхъ невзгодахъ сохраняя свою безпечность и ясность духа. Для него подвиги и слава не имѣли смысла, лишь бы жить на своей благословенной родинѣ, dove sorridere vuol il creato, гдѣ улыбается всякая тварь, какъ поется въ извѣстной народной пѣснѣ. Жизнь для южанина—итальянца—есть благо сама по себѣ. Неаполитанецъ жилъ, мѣняя не только господъ, но и свою первобытную пеласгическую рѣчь на греческій и ла-

тинскій языкъ, воспринимая въ нее германскіе, французскіе, испанскіе элементы, обильно дополняя ее вспомогательною мимикой, нигдѣ столь широко неразвитою, какъ у Неаполитанцевъ.

Этотъ симпатичный, отзывчивый народъ молится въ церквахъ, отмѣченныхъ или сумрачнымъ величіемъ или пышно и пестро разукрашенныхъ, составляющихъ въ этомъ отношеніи контрастъ съ бѣдностью и скромностью богомольцевъ. Тамъ вѣчными жильцами лежатъ иныя поколѣнія, иная раса. Въ полномъ вооруженіи, или въ длинныхъ одеждахъ лежатъ каменные нѣмые вельможи прежняго времени, ихъ супруги съ печальными лицами, въ полумонашеской одеждѣ, съ набожно сложенными руками, ихъ дѣти. Гробница Карла Анжуйскаго, истребителя Гогенштауфеновъ, вознесена высоко надъ главнымъ входомъ внутри собора. Надгробные памятники XIII и XIV вѣковъ въ Неаполѣ столь же многочисленны и своеобразны, какъ позднѣйшіе венеціанскіе: тамъ—патриціи, здѣсь—могучіе, мятежные бароны и короли, ихъ истреблявшіе, были единственными историческими дѣятелями; но мудрые сенаторы твердо помнили, что народу нужно набить ротъ, дабы содержать его въ послушаніи (per tenerlo in pace bisogna otturagli la bocca): здѣсь довольствовались тѣмъ, что обирали его елико возможно. Нынѣшніе владыки этой благословенной страны не безъ успѣха подражаютъ своимъ предшественникамъ.

Ни одинъ городъ въ Европѣ, за исключеніемъ Москвы, не можетъ сравниться въ красотѣ съ Неаполемъ: какъ жемчужное ожерелье амфитеатръ бѣлыхъ домовъ охватываетъ, обнимаетъ сапфирно-голубую гладь залива, замыкаемаго чудными островами волшебной красы, раскидываясь по холмамъ, уходя въ овраги, съ темными башнями церквей и замковъ, съ красивыми пиніями и пальмами надъ плоскими кровлями, съ грознымъ курящимся Везувіемъ на стражѣ! Навсегда любовно врастетъ въ память воспоминаніе о столицѣ южной Италіи, когда покинешь этотъ жизнерадостный, исторически многослойный городъ. Но надвигалась осень, на далекомъ родномъ сѣверѣ небо уже куталось въ густые, бурые туманы, также вызывающіе усиленную рабочую жизнь, какъ на югѣ ласковое солнце и лазурное небо. Приблизилась пора проститься съ прекрасною Италіей.

Мы всѣ должники предъ нею. Когда при свѣтѣ знанія мы доростаемъ до потребности поклониться прекрасному, доступъ къ нему намъ открываютъ итальянскіе художники. Мы отдаемся ихъ руководству и сродняемся съ ними, а черезъ нихъ съ ихъ родиной, какъ ученики съ добрымъ наставникомъ. Наслѣдіе ихъ такъ богато, искусство ихъ такъ разносторонне, что мнѣ кажется софизмомъ утвержденіе о сравнительномъ прогрессѣ новаго искусства вообще. Мы опередили ихъ на тѣхъ пунктахъ, которыми они пренебрегали считали дѣломъ второстепеннымъ, дополнительнымъ или подготовительнымъ, какъ напримѣръ пейзажъ и жанръ. Да и въ одномъ ли искусствѣ сказывалось первенство, il primato, Италіи?

Есть въ Италіи на плоскомъ берегу синяго Адріатическаго моря небольшой бѣлый городокъ, похожій на левантинскіе города Архипелага и сирійскаго поморья, знакомый по имени нашему простому люду, невѣдающему, быть можетъ, имени Италіи и святочтимый имъ. Это Баръ-градъ, хранящій въ себѣ чудотворныя мощи святителя мурликійскаго Николая. Если у возвращающагося домой паломника еще не всѣ деньги растрачены въ Палестинѣ, онъ постарается зайти въ Баръ-градъ, поклониться Николѣ-Угоднику Божію и привезти на родину хрустальный пузырекъ съ муромъ, источаемымъ мощами до днесь. Изъ всѣхъ греческихъ святыхъ Николай Чудотворецъ пользуется наибольшимъ почитаніемъ по широкому лицу земли Русской. Даже въ снѣжныхъ пустыняхъ у Студенаго моря, среди полудикихъ Самоѣдовъ и Остяковъ онъ до сихъ поръ творитъ чудеса, какъ свидѣтельствуетъ г. Носиловъ.

Я давно слышалъ о баргрядскихъ богомольцахъ нашихъ и рѣшился побывать въ этомъ городѣ.

Ѣдучи въ Бари, приходится сначала спуститься на югъ до Метапонта при Отрантскомъ заливѣ, потомъ снова повернуть далеко на сѣверъ. Изъ Неаполя поѣздъ идетъ зигзагами по живописной гористой странѣ, покрытой густыми дубовыми лѣсами, изрѣзанной глубокими долинами, черезъ которыя перекидываются длинные мосты. Между синимъ моремъ и зелеными горами бѣлѣетъ древній ученый Салерно. Чѣмъ дальше, тѣмъ безлюднѣе. Кругомъ только лѣса и высокія скалы съ зазубренными вершинами. Изрѣдка показываются на высотахъ неболь-

шія сѣрыя селенія и развалины средневѣковыхъ замковъ. Бароны исчезли, плебеи цѣпко прилегли къ землѣ и уцѣлѣли въ своихъ лачугахъ. Кое-гдѣ въ долинахъ и на крутыхъ откосахъ видны небольшія воздѣланныя поля. Шли осеннія работы: поля перепахивались подъ озимь небольшими сохами, запряженными парою воловъ. Дубовый лѣсъ постепенно рѣдѣлъ, уступая мѣсто кустарнику. Диче и круче поднимались бурыя скалы съ глубокими темными ущельями. Контрастъ этой пустынной, молчаливой страны латифундій и бандитовъ съ Тосканой, страной мелкаго землевладѣнія и бойкой промышленности, былъ въ глаза. Восемнадцать вѣковъ тому назадъ Плиній Старшій призналъ, что латифундіи погубили Италію. Крупное землевладѣніе губитъ ее и теперь, одинаково невыгодное для землевладѣльцевъ и безземельныхъ крестьянъ арендаторовъ. Нынѣшнее слабое правительство безсильно излѣчить эту язву кореннымъ преобразованіемъ аграрныхъ отношеній. Благодарная почва пустуетъ, народъ бѣжитъ въ эмиграцію, попадаетъ въ сѣти соціализма, голодаетъ или разбойничаетъ.

У станціи Ферандины поѣздъ спустился съ горъ на берегъ моря, поросшій пиніями. Преобладающій южный вѣтеръ наклонилъ ихъ въ сторону материка. Въ воздухѣ повѣяло морскою сыростью. Мѣстами полотно дороги проложено по болотамъ и по лагунамъ и волны плещутъ подъ самыя рельсы. По временамъ на берегу виднѣются потемнѣвшіе остовы сарацинскихъ сторожевыхъ башенъ. Морскіе разбои Норманновъ и Сарацинъ и почти непрерывныя гражданскія войны были главною причиной запустѣнія нѣкогда высоко культурной Великой Греціи. Совсѣмъ стемнѣло, когда изъ Таранта мы повернули на сѣверо-востокъ и началось мое восхожденіе на родину. Звѣзды сіяли ярко. На горизонтѣ блисталъ красноватый Марсъ и еле мерцала Большая Медвѣдица. Отъ Таранта до Бари холмистая мѣстность не представляла ничего замѣчательнаго.

Мелькаютъ бѣдныя малолюдныя станціи съ чахлыми деревьями. Скучно и сонливо становится въ вагонѣ и съ нетерпѣніемъ ожидается конецъ пути и ночлегъ. Наконецъ, одиннадцатичасовой переѣздъ оконченъ и вы съ облегченіемъ выходите въ просторный, но пустоватый дебаркадеръ, садитесь въ опрятную коляску и ѣдете въ гостиницу.

Первыя впечатлѣнія до-нельзя прозаичны. Длинная бѣлая дорога, обсаженная жиденькими деревьями, низенькія и длинныя строенія, дома или склады; плоскія окрестности, пропадающія въ темнотѣ. Ни одинъ изъ посѣщенныхъ мною итальянскихъ городовъ не встрѣчаетъ пріѣзжаго такъ мѣщански банально.

Итальянскія гостинницы, вообще, чисты и опрятны. Поужинавъ неизмѣннымъ ризотто (рисовою кашей) и бифштексомъ, я съ удовольствіемъ залѣзъ подъ тяжелое одѣяло и крѣпко заснулъ на жесткой длинной и узкой подушкѣ. Головѣ на такихъ подушкахъ совсѣмъ не жарко, не то, что на нашихъ пуховыхъ, а одѣяло, вполнѣ предохраняя отъ холода, вмѣстѣ съ тѣмъ нимало не стѣсняетъ тѣла, избавленнаго отъ необходимости кутаться и завертываться въ наши легкія и гибкія шерстяныя или стеганыя ткани. При такихъ одѣялахъ нѣтъ нужды и сверху въ легкихъ перинкахъ, предлагаемыхъ во Франціи и Германіи.

Настало ясное и свѣжее ноябрьское утро. На блѣдноголубомъ небѣ не было ни одного облачка. Бари имѣетъ видъ заурядnаго новаго города, хотя основаніе его теряется въ до-исторической пелазгійской и иллирской эпохѣ, а во времена эллинской колонизаціи Баріонъ, Барионъ или Варіумъ занималъ видное и самостоятельное положеніе въ Великой Греціи и пользовался важнымъ значеніемъ подъ римскимъ владычествомъ. При Тотилѣ, онъ былъ завоеванъ Остготами, ихъ смѣнили Лангобарды, прогнанные Византійцами. При Львѣ Исаврѣ (спрійцѣ), баряне отложились и образовали самостоятельную общину подъ управленіемъ выборнаго дуки (герцога), но не надолго. Въ непрерывной борьбѣ Византіи съ Норманнами, Бари переходилъ отъ однихъ къ другимъ, терпѣлъ разоренія отъ нихъ, отъ Сарацыновъ, отъ западныхъ императоровъ, пока не вошелъ окончательно въ составъ неаполитанскаго королевства при воцареніи королей Анжуйскаго дома. Бурная исторія зажиточнаго приморскаго города, владѣющаго одною изъ лучшихъ итальянскихъ гаваней, не могла не отразиться и на его видѣ. Неоднократно разоряемый, Бари быстро перестраивался и, чуткій, какъ всѣ приморскіе торговые города къ удобствамъ жизни и нововведеніямъ, безъ сожалѣнія разставался съ памятниками прошлыхъ временъ. Широкія улицы обставлены трехъ и двухъ-этажными домами съ гладкими стѣ-

нами изъ свѣтло-сѣраго камня съ большими окнами, балконами, съ магазинами внизу. Черезъ весь городъ тянется неизбѣжный Корсо, широкій бульваръ съ молоденькими жидкими деревцами. Корсо упирается въ тощій городской садъ, разбитый на берегу моря. Бухта напоминаетъ Ѳеодосійскій заливъ. Берега ея плоски. Холодное свѣтло-синее море лежало въ полной неподвижности, слабо оживляемое небольшими парусными судами и рыбачьими лодками, стоявшими на якорѣ.

Отъ стараго Бари уцѣлѣлъ небольшой клочекъ, пріютившійся около своихъ древнѣйшихъ храмовъ: каѳедральнаго собора (duomo, la Chiesa Madre), во имя св. Сабина, и св. Николая. Въ этомъ уголкѣ извиваются узкія, дурно вымощенныя улицы и сохранились узкіе фасады старинныхъ, темносѣрыхъ высокихъ домовъ, густо населенныхъ бѣднымъ людомъ, живущимъ, по-итальянски, болѣе на улицахъ, нежели въ комнатахъ. Близость къ морю освѣжаетъ ихъ и избавляетъ отъ удушливой и нечистой атмосферы народныхъ кварталовъ Неаполя и Палермо. Замѣчательно пристрастіе Барянъ къ штукатуркѣ. Не только весь новый городъ выбѣленъ, но и въ старомъ темныя старинныя стѣны охотно покрываются бѣлою известкой. Съ моря Бари напоминаетъ бѣлые левантскіе города. Одинъ только древній замокъ съ башнями, зубчатые верхи которыхъ отчасти разрушены, чернѣетъ въ глубинѣ старой гавани и напоминаетъ о временахъ давнопрошедшихъ, когда Бари былъ окруженъ почти неприступными стѣнами и былъ послѣднимъ оплотомъ византійской власти въ Южной Италіи. Нынѣ уцѣлѣлъ только этотъ замокъ, обращенный въ тюрьму. Замокъ не такъ хорошо сохранилъ свою средневѣковую физіономію, какъ величавый и грозный замокъ Анжуйскихъ королей (Castel Nuovo) въ Неаполѣ, бывшій королевскою резиденціей и цитаделью противъ безпокойнаго населенія столицы.

Въ узлѣ старинныхъ извилистыхъ улицъ, въ трехъ минутахъ разстоянія между собою, стоятъ упомянутые храмы, единственные достопримѣчательности Бари. Обѣ церкви возникли въ XII в., потому похожи одна на другую.

Построенный въ 1134 г., соборъ, или La Chiesa Madre, какъ называютъ его Баряне, построенъ во имя св. Сабина, по плану трехнефной базилики изъ тесанаго камня, на которомъ кое-гдѣ

сохранилась штукатурка. Западный фасадъ раздѣляется соотвѣтственно нефамъ на три части пилястрами и прорѣзанъ тремя дверями. Средняя часть выше остальныхъ и покрыта довольно отлогою двускатною кровлей, боковыя — односкатными. По карнизу идутъ небольшія глухія арки, подъ ними въ среднемъ отдѣленіи круглое окно, заложенное для того, чтобы придать ему изысканное очертаніе въ стилѣ рококо. Въ такомъ манерномъ вкусѣ придѣланы наличники и скульптурныя мраморныя украшенія всѣхъ трехъ дверей. Въ половинѣ прошлаго столѣтія почтенное норманское зданіе подверглось безжалостному обновленію. На суроваго громаднаго норманна въ кольчугѣ и коническомъ шишакѣ надѣли кружевной галстукъ и обули въ придворные башмаки съ красными каблуками. Снаружи стѣны были облѣплены вычурными нишами и статуями, внутри штукатурка покрыла не только стѣны, но даже и колонны, при чемъ старинныя капители были замѣнены новыми. Въ боковыхъ нефахъ устроены капеллы и въ числѣ запрестольныхъ иконъ находится картина, приписываемая Тинторету, не производящая, впрочемъ, особеннаго впечатлѣнія. Отъ бѣлыхъ стѣнъ и обильной позолоты, отъ пестрыхъ алтарныхъ украшеній въ устарѣломъ и жеманномъ стилѣ прошлаго столѣтія, соборъ кажется пестрымъ и старомоднымъ, но, видимо, поддерживается усердно и старательно. Болѣе интереса представляетъ обычная въ древнихъ базиликахъ нижняя церковь—крипта. Двадцать четыре приземистыя колонны, въ три ряда, поддерживаютъ высокіе тяжелые своды крипты. Главную святыню собора и его главную достопримѣчательность составляетъ находящаяся тамъ икона Божіей Матери. По преданію, она привезена изъ Константинополя въ эпоху иконоборства и потому имѣетъ тысячелѣтнюю древность. Эта икона покрыта золоченою ризой и хранится въ особомъ кіотѣ за зеленою шелковой завѣсой. По моей просьбѣ завѣсу отодвинули и даже ничего отъ меня не приняли за эту любезность противъ общеитальянскаго обычая. По письму икона похожа на новые аѳонскіе образа. Младенецъ Христосъ въ короткомъ хитонѣ, въ той же позѣ, какъ въ изображеніи Владимірской Божіей Матери. Лики свѣтлые, желтоватые. Богоматерь увѣнчана короною, что означаетъ, что папа призналъ икону чудотворною. Тысячелѣтняя древность этой иконы возбуждаетъ силь-

ныя сомнѣнія, но происхожденіе иконы съ греческаго востока весьма вѣроятно.

Не смотря на то, что богослуженія не было, въ соборѣ было много народу, хотя молящихся я не замѣтилъ.

Въ основныхъ чертахъ базилика св. Николая похожа на соборъ: тотъ же троечастный фасадъ, раздѣленный пилястрами, тотъ же арочный карнизъ; только средняя часть съ болѣе заостреннымъ фронтономъ. Массивная, гладкая стѣна средняго нефа прорѣзана тремя небольшими парными окнами съ круглымъ верхомъ, а на каждомъ изъ боковыхъ отдѣленій находится по одному такому же окну. По сторонамъ фасада стоятъ недостроенныя невысокія башни. Снаружи базилика спаслась отъ усердія реставраторовъ и сохранилась въ первоначальномъ видѣ, если не считать трехъ нишей со статуями позднѣйшаго издѣлія. Въ общемъ, фасадъ базилики производитъ прекрасное и серьезное впечатлѣніе. Всѣ три двери выходятъ на площадку, поднятую надъ улицей на четыре ступени. Главный порталъ представляетъ арку, прикрытую трехъугольнымъ наличникомъ, наверху котораго стоитъ обломанная статуя ангела, а, можетъ быть, крылатый сфинксъ, по угламъ — львы. На аркѣ плоско вырѣзанные конные воины въ норманскихъ невысокихъ шишакахъ и кольчатыхъ рубахахъ, одинаковыхъ съ тѣми, которые вышиты на коврѣ королевы Матильды, изображающемъ нашествіе Вильгельма Завоевателя на Англію. Фигуры очень малы, повывѣтрились; смыслъ этой воинственной кавалькады теменъ. Внутри арки старинное рельефное изображеніе св. Николая среди десяти сценъ изъ его житія. Столь же богато украшено обрамленіе закругленной двери внутри портала. Арка двери покрыта барельефами, которые съ боковъ внизу поддерживаются атлантами. Сюжетъ барельефа — древо, исходящее съ одной стороны изо рта оленя, съ другой — изъ вазы. Въ завиткахъ этого древа сидятъ птицы, слонъ, на которомъ два человѣка съ воздѣтыми къ вѣткѣ руками, кентавръ и два всадника на единорогѣ и на львѣ.

По словамъ прекраснаго путеводителя Гзель-Фельса, колонны портала утверждаются на странныхъ животныхъ, похожихъ на бегемота. Присмотрѣвшись къ нимъ, я нашелъ у нихъ по два углубленія во лбахъ, очевидно, для роговъ, которые

исчезли. У входа церкви стояли не бегемотообразныя чудища, а быки, неискусно изваянные, присутствіе которыхъ объясняется сказаніемъ о построеніи базилики.

Внутренность базилики производитъ безпокойное впечатлѣніе пестротою украшеній различныхъ стилей и эпохъ. Яркая, раззолоченная живопись и орнаментація потолка и алтарной апсиды не мирится съ древними колоннами и полукруглыми арками, идущими вдоль и поперекъ храма. Шесть боковыхъ капеллъ, щедро изукрашенныхъ картинами и бѣломраморною скульптурой нарушаютъ серьезность и простоту основного характера первоначальной базилики. Приспособленія къ современнымъ вкусамъ и потребностямъ прихожанъ, неизбѣжныя повсюду, гдѣ храмъ удовлетворяетъ насущнымъ потребностямъ живой церкви, а не сдѣлался археологическою достопримѣчательностью свѣтскаго вѣдомства, въ базиликѣ св. Николая выражаются слишкомъ рѣзко, какъ бы скачками, безсвязно. То же самое тревожное чувство испытывалъ я почти повсюду въ Италіи; въ Россіи и въ православныхъ храмахъ Востока оно пробуждается рѣже. Въ Италіи жизнь врывается въ древній храмъ, не считаясь съ прошлыми временами, съ прешедшими набожными поколѣніями и, когда нужно, безъ колебанія уродуетъ почтенныя приношенія, памятники благочестиваго, ихъ усердія и подчасъ болѣе изящнаго вкуса. Съ эстетической точки зрѣнія ученыя реставраціи собора Парижской Богоматери или Святой Капеллы (La Sainte Chapelle) покажутся болѣе привлекательными, но молитва ушла изъ нихъ: осталась одна омертвѣлая архитектурная красота или археологическое тщеславіе.

Широкій и высокій средній нефъ барійской базилики отдѣляется отъ боковыхъ двѣнадцатью арками, по шести съ каждой стороны, утвержденными на гранитныхъ и мраморныхъ колоннахъ. На такихъ же колоннахъ перекидываются черезъ этотъ нефъ три огромныя арки, устроенныя для укрѣпленія верхнихъ стѣнъ. Верхними частями эти арки достигаютъ уровня тройчатыхъ оконъ, которыми освѣщаются хоры надъ сводами боковыхъ нефовъ, а еще выше хоровъ прорѣзанъ въ наружныхъ стѣнахъ главнаго нефа рядъ небольшихъ оконъ съ цвѣтными стеклами, непосредственно освѣщающихъ главный нефъ. Длинная средняя галлерея завершается высокою и свѣтлою полукруглою апси-

дой, алтаремъ, который отдѣляется отъ нефа тремя богато украшенными арками меньшей высоты на четырехъ изящныхъ колоннахъ, соединенныхъ внизу низенькою алтарною преградой.

Потолокъ средняго нефа плоскій и пестро расписанъ. На хорахъ потолка пѣтъ и стропила остались не закрытыми, какъ вообще въ первоначальныхъ базиликахъ, напримѣръ, въ Виолеемѣ. Стѣны и арки выбѣлены.

Вся орнаментальная роскошь сосредоточена, по древнему разумному обычаю, въ алтарѣ, дабы не развлекать по сторонамъ вниманія молящихся, но сосредоточивать его на святомъ мѣстѣ. Отступя отъ преграды поднимается на четырехъ ступеняхъ престолъ (св. трапеза) и за нимъ — горнее мѣсто. Вертикальныя стороны ступеней богато украшены барельефнымъ орнаментомъ.

Престолъ, устроенный изъ мрамора въ 1120 г., сохранилъ древнюю кубическую форму и выложенъ мозаическою инкрустаціей въ видѣ крестовъ. Вокругъ него, на углахъ помоста, стоятъ колонны, съ ангелами, въ капителяхъ коринѳскаго стиля двухъ переднихъ колоннъ. На сихъ послѣднихъ утвержденъ архитравъ съ надписью, а въ срединѣ надписи исполнено чернетью (niello) коронованіе Рожера I Николаемъ Чудотворцемъ. По архитраву устроены невысокіе столбики, поддерживающіе восьмигранную открытую сверху пологую крышу, а на ней новый рядъ такихъ же столбиковъ, на которыхъ покоится низкій восьмигранный шатеръ. Общій характеръ алтарной сѣни мелокъ и не согласованъ съ величавыми круглыми линіями, господствующими внутри зданія. Позади сѣни сохранился древній, низенькій епископскій тронъ, современный основанію базилики. Стѣны апсиды сплошь покрыты внизу мозаическими орнаментами и обшиты разноцвѣтнымъ мраморомъ, а сверху двумя рядами картинъ. Въ сводѣ апсиды — Христосъ съ св. Николаемъ и Францискомъ.

Позади престола добрая половина апсиды загромождена надгробнымъ памятникомъ польской королевы Боны († 1558). Это цѣлое декоративное зданіе изъ разноцвѣтныхъ темныхъ мраморовъ съ фронтономъ, колоннами, нишами, барельефами и статуями. Наверху бѣломраморный рельефъ — Христово Воскресеніе; подъ нимъ бѣлая статуя королевы, стоящей на колѣняхъ на черномъ саркофагѣ. Внизу статуи, изображающія

полулежащихъ Польшу и Бари, и на постаментѣ—гербъ Польши, въ нишахъ—статуи св. Николая и Станислава—патрона Польши въ епископскихъ облаченіяхъ позднѣйшей формы. Весь памятникъ, тяжелый и банальный, свидѣтельствуетъ о наступающемъ паденіи искусства и сдѣланъ въ Венеціи по заказу короля Сигизмунда III въ 1598 году.

Отъ алтарной преграды двѣ лѣстницы ведутъ въ нижнюю церковь, находящуюся подъ алтаремъ. Массивныя романскія арки крестовыхъ сводовъ тяжко опускаются на непропорціонально широкіе абаки коринѳскихъ капителей и какъ бы вгоняютъ приземистыя мраморныя и гранитныя колонны въ каменный полъ, на которомъ онѣ стоятъ непосредственно стволами базы, какъ въ дорической колоннѣ, но одинаковой толщины вверху и внизу. Стволы колоннъ не гладкіе, а покрыты спиральными и гранеными насѣчками и тяжелыми капителями коринѳско-византійскаго стиля. По угламъ онѣ осложнены виноградными гроздьями, между завитками видны птицы, львы, волки, собаки, терзающія другихъ звѣрей. Всѣхъ колоннъ 28, расположенныхъ по ширинѣ церкви въ три ряда. Алтарная часть, на одномъ уровнѣ съ поломъ крипты, отдѣлена отъ церкви бронзовой рѣшеткой; на срединѣ ея находится главный престолъ, а справа отъ него ризница. Подъ престоломъ, глубоко подъ землею хранится главная святыня Бари—мироточивыя мощи Николая Чудотворца.

Сначала въ ризницу. Привѣтливые священники освѣдомились о моей національности, охотно согласились отслужить молебенъ и допустить меня къ обозрѣнію мощей и святой маннѣ, какъ называется мро, облачились въ свои короткія разрѣзныя сбоку фелони, отперли и тотчасъ же заперли за нами предалтарную рѣшетку, около которой тотчасъ же собралась кучка женщинъ. Молебенъ былъ спѣтъ, конечно, по-латыни съ колѣнопреклоненіемъ. Послѣ сего принесли двѣ серебряныя чашечки на цѣпочкахъ и въ одну чашку прилѣпили восковую свѣчку. Приподнявъ покровъ престола, дьячекъ уползъ съ этою чашечкой подъ престолъ и пригласилъ меня слѣдовать за нимъ. Я увидалъ глубокое отверстіе въ четверть шириною въ родѣ трубы и, при свѣтѣ свѣчки, на днѣ—двѣ желтыя и влажныя голенныя

кости, лежащія рядомъ и закапанныя воскомъ. Дьячекъ еще разъ слазилъ подъ престолъ и вынесъ оттуда въ другой чашкѣ около стакана прозрачной жидкости. Это и была святая манна, мyро, въ которое погружены мощи и источаемое ими. Оно названно манною потому, что постоянное истеченіе ея также необъяснимо, какъ появленіе ветхозавѣтной манны. Множество чудесныхъ исцѣленій отъ этой манны занесено въ житія св. Николая по перенесеніи св. мощей въ Баръ-градъ. Манна имѣетъ вкусъ чистой воды и никакого запаха, но она слегка прилипала къ золоченымъ стѣнкамъ чашечки. Отпивъ немного, я передалъ остатокъ женщинамъ, усердно молившимся за рѣшеткою и получилъ множество благословеній и благодарностей: пили манну по капелькѣ, съ видимымъ благоговѣніемъ, но дьячекъ довольно грубо торопилъ этихъ кроткія существа. Пріобрѣтя герметически закупоренную кристальную склянницу съ манною, я пересмотрѣлъ книгу, въ которую богомольцы вносятъ свои имена. Она начинается Августѣйшимъ именемъ Государя Императора, посѣтившаго Бари во время своего путешествія на Востокъ въ 1892 году. Затѣмъ слѣдовало нѣсколько страницъ съ записями русскихъ поклонниковъ со всѣхъ краевъ Россіи; между ними три или четыре иностранныя, какой-то баварскій монахъ—баронъ.

Перенесеніе мощей Николая Чудотворца изъ Ликійскихъ Myръ въ Бари совпадало съ эпохою того чрезвычайнаго религіознаго напряженія, которое вызвало въ Западной Европѣ крупныя реформы Григорія VII и крестовые походы. Почитаніе св. мощей достигло высшей степени. Всѣ освобождающіяся отъ феодальныхъ господъ общины страстно желали обладать священными останками какого либо святого и поставить себя подъ его непосредственную, ближайшую защиту. Удовлетворяя этому стремленію, папа Викторъ II, епископъ Эйхштадтскій, канонизовалъ нѣсколько новыхъ святыхъ, но потребность все-таки не была удовлетворена въ достаточной степени и это религіозное стремленіе разразилось въ началѣ XIII вѣка походомъ крестоносцевъ на Царь-градъ, преисполненный множествомъ священныхъ реликвій, составлявшихъ главную часть награбленной добычи. Какіе удивительные предметы находились

тамъ, можно узнать изъ путешествія Антонія Новгородскаго наканунѣ константинопольскаго погрома латинянами *).

Слава св. Чудотворца была издавна распространена по всей западной Европѣ, даже въ предѣлахъ далекой Испаніи, въ особенности же въ странахъ приморскихъ. Престольный городъ его — Мѵры Ликійскія, лежали на пути восточной торговли и часто посѣщались мореходами всѣхъ національностей. Въ концѣ XI вѣка Мѵры находились во владѣніи турокъ-сельджуковъ, а въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города, ближе къ морскому берегу, стояла ветхая базилика, въ которой подъ церковнымъ помостомъ, подъ спудомъ, находились мощи св. архіепископа, оберегаемыя четырьмя иноками. Одновременно у Венеціанцевъ и у Барянъ, торговавшихъ дѣятельно съ Левантомъ, зародилась мысль похитить драгоцѣнную святыню.

Страстное желаніе Барянъ овладѣть мощами святителя, уже прославленнаго многими чудесами, совершенными на морѣ, перешла у мореходнаго населенія въ увѣренность, что самъ святитель требуетъ водворенія своего нетлѣннаго тѣла въ ихъ городѣ. Въ ночномъ видѣніи онъ явился нѣкоему пресвитеру праведной жизни и повелѣлъ возвѣстить народу волю свою, чтобъ мощи были взяты изъ безлюднаго мѣста въ Ликіи и перенесены въ Баръ-градъ. Это сверхъестественное откровеніе было послѣднимъ толчкомъ къ осуществленію назрѣвшаго намѣренія. Семнадцать именитыхъ родовъ, потомки конхъ и до нынѣ живутъ въ Бари, какъ утверждаетъ мѣстный авторъ житія св. Николая, снарядили три корабля, нагрузили пшеницею, пригласили нѣсколькихъ священниковъ и отправились въ Антіохію. Тамъ европейское сырье обмѣнивалось на произведеніе высокой промышленности Востока и прежняя столица Сиріи еще сохраняла свое древнее значеніе главнаго пункта соприкосновенія между народами западными и восточными.

Продавая пшеницу, покупая восточныя ткани, Баряне столкнулись съ Венеціанами, и прознали, что и эти послѣдніе прибыли съ такимъ же намѣреніемъ, какъ и они. Не теряя времени Баряне поспѣшили въ обратный путь. Въ первыхъ числахъ апрѣля корабли пристали къ мурликійскому берегу.

---

*) См. также Exuviae constantinopolitanae, par le comte Riant.

Обстоятельства сложились какъ нельзя болѣе благопріятно. Магометане весело справляли праздникъ большого байрама въ городѣ, и не обращали вниманія на морской берегъ и уединенную базилику. Баряне, вооружившись на всякій случай, безпрепятственно высадились и, прибывъ въ храмъ, попросили монаховъ показать имъ мѣсто упокоенія святителя. Считая моряковъ за обыкновенныхъ богомольцевъ, хранители святыни исполнили ихъ желаніе. Тотчасъ взломали помостъ и нашли подъ нимъ гробницу, наполненную благовоннымъ мурромъ, истекавшимъ изъ мощей. Чудотворныя кости были извлечены, завернуты въ плащи, муро вычерпано въ сосудъ и драгоцѣнную ношу подняли на свои плечи барійскіе священники, моряки же съ обнаженными мечами составили охрану. Греческіе черноризцы были безсильны помѣшать хищенію. Двое изъ нихъ, однако, рѣшились не разставаться съ драгоцѣннымъ залогомъ, ввѣреннымъ ихъ храненію, и послѣдовали за нимъ на корабль. Между тѣмъ муро продолжало истекать, пришлось обмотать мощи многими тканями, но и тѣ безостановочно пропитывались мурромъ въ продолженіе трехдневнаго благополучнаго плаванія до Бари. На закатѣ солнца, въ воскресенье 9 мая 1087 года, горожане по обыкновенію наслаждались вечернею прохладой на пристани и вдругъ вдали показались знакомые корабли. Косвенные лучи солнца ярко освѣщали разноцвѣтные гербовые щиты, которыми увѣшаны были борты и носы судовъ, въ знакъ того, что смѣлое предпріятіе удалось съ полнымъ успѣхомъ. Ликованіе было всеобщее. На встрѣчу святынѣ вышло все городское духовенство съ епископами и монахами, воспѣвая гимны и воскуряя ониміамъ, и съ ними все народное множество, отъ мала до велика,— жены и дѣти съ горящими свѣчами. Мощи временно положены были въ ближайшей церкви св. Іоанна Предтечи, стоявшей у морского берега. Въ теченіе четырехъ дней произошло 110 чудесныхъ исцѣленій отъ различныхъ недуговъ. Къ чудотворнымъ мощамъ стекались толпы поклонниковъ отовсюду, куда только проникала вѣсть о пришествіи св. Николая въ Барійскую землю; нѣкоторымъ являлся и самъ святитель. Начался щедрый притокъ пожертвованій, а съ ними пробуждались и недобрыя любостяжательныя вожделѣнія. Соборное духовенство требовало мощи въ соборъ. Моряки ихъ не давали, возна-

мѣрившись выстроить особый храмъ. Городъ раздѣлился на двѣ враждующія партіи и распря доходила не разъ до кровавыхъ стычекъ. Наконецъ согласились передать дѣло на волю Божію. Мощи были возложены на телѣгу, запряженную парою быковъ: гдѣ быки остановятся, тамъ и воздвигнуть церковь: если на церковной землѣ, то мощи поступятъ въ вѣдомство духовной власти, если на городской территоріи, то архіепископъ Барійскій не долженъ притязать на обладаніе ими. Быки остановились на мѣстѣ нынѣшней базилики и вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу города, хотя, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ*), участокъ земли принадлежалъ герцогу Апулійскому Рожеру и прилегалъ къ его дворцу. Герцогъ отдалъ и дворецъ и землю на сооруженіе базилики. Память объ этомъ дарѣ увѣковѣчена на архитравѣ алтарной сѣни въ изображеніи св. Николая дарующимъ Рожеру вѣнецъ небесный. Донынѣ базилика не зависитъ отъ архіепископа и подчинена непосредственно папѣ, но папская курія, впрочемъ, не особенно благосклонно смотритъ на нѣкоторыя дѣйствія капитула базилики.

Немедля приступили къ постройкѣ базилики. Мощи, по прежнему, оставались въ Предтечинской церкви. 30 сентября 1089 года папа Урбанъ II освятилъ нижнюю церковь и мироточивыя мощи положилъ, какъ въ Мурахъ Ликійскихъ, глубоко подъ землею, подъ престоломъ. Какъ закладка, такъ и освященіе церкви были ознаменованы явленіями и чудесами. Верхняя базилика была отстроена уже при папѣ Целестинѣ III въ 1197 году. Въ порталѣ изображена пара быковъ, указавшихъ мѣсто сооруженія церкви.

Богато одаряемая королями анжуйской династіи, нынѣ знаменитая базилика уже не въ прежней славѣ. Прежній наплывъ богомольцевъ и щедрыя приношенія сильно уменьшились, неизмѣнно вѣрными остались только заморскіе Албанцы греческой вѣры, да ежегодно заходятъ 10—15 русскихъ паломниковъ. До недавняго времени они пользовались даровымъ пріютомъ въ двухъ комнаткахъ, принадлежащихъ архіепископу, рядомъ съ базиликой, но теперь тамъ устроена городская школа и мѣста

*) La vie admirable de Saint Nicolas svrnommé le Grand, Archevesque de Myre. Par Nicolas de Bralion. Paris. MDCLIII, p. 144.

для нашихъ больше нѣтъ. Около собора пріютилось нѣсколько лавочекъ, гдѣ можно пріобрѣсти житія св. Николая на итальянскомъ языкѣ, склянки съ мурономъ, четки, медали, фотографическія и хромолитографическія изображенія святителя. На медаляхъ онъ изображенъ съ длинною бородой, съ архипастырскимъ жезломъ въ шуйцѣ, съ благословляющею десницею, въ восточномъ облаченіи, съ тремя отроками въ корзинѣ, спасенными отъ потопленія. Продавецъ сообщилъ, что эти медали изготовляются въ Петербургѣ. Живописныя изображенія представляютъ Николая Чудотворца общепринятаго у насъ типа, въ желтой фелони, съ архіерейскою палицею и греческимъ жезломъ, но омофоръ и остальное облаченіе латинское; болѣе древнее изображеніе находимъ на иконѣ, очень неискуснаго письма: святитель благословляетъ троеперстнымъ знаменіемъ креста, облаченъ въ крестчатый греческій саккосъ и широкій омофоръ, въ лѣвой рукѣ Евангеліе, на рукахъ поручи. Очевидно, что эта икона не восходитъ далѣе XVIII вѣка. Такимъ образомъ, древнихъ изображеній святителя въ Бари—нѣтъ.

Поздно вечеромъ я оставилъ Бари и утромъ былъ въ одномъ изъ важнѣйшихъ съ точки зрѣнія древняго христіанскаго искусства городѣ Италіи—въ Равеннѣ.

І. І. Ясинскій.

ДЕРЕВЬЯ-ВАМПИРЫ.

(ОТРЫВОКЪ).

...Кладбищенскія деревья—вы замѣтили?—особенно зелены. Каждый листочекъ ихъ дрожитъ и трепещетъ, полный таинственнаго оживленія. Въ общемъ же тѣни, бросаемыя деревьями, такъ мрачны и такъ спокойны, и такъ прохладны, что кажется, будто тамъ, вокругъ ихъ могучихъ, жизнерадостныхъ стволовъ, толпятся блѣдные призраки покойниковъ и какъ бы жалуются и шепчутъ своими безплотными губами: «Вотъ на какую работу уходитъ наша энергія. Эти деревья высасываютъ соки изъ насъ, и, чѣмъ старѣе они становятся, тѣмъ призрачнѣе мы, тѣмъ тоньше воспоминанія о насъ, тѣмъ отдаленнѣе звукъ нашего имени».

Деревья стоятъ и шумятъ, и угрюмо смотрятъ, какъ прожорливые великаны. И потому мнѣ стало такъ жутко. Я шелъ подъ сводомъ, образуемымъ ихъ толстыми вѣтвями, которыми они переплелись между собою въ дружескомъ вѣковѣчномъ порывѣ, и почти зналъ, что они также относятся ко мнѣ, какъ гастрономъ, который проглотилъ еще не всѣхъ устрицъ и оставляетъ десятокъ-другой на будущее время, не вскрывая ихъ

ножомъ. Или, можетъ быть, такъ поваръ, ощипавшій сегодня множество цыплятъ и зажарившій ихъ на вертелѣ, посматриваетъ на живыхъ ихъ товарищей, робко бѣгающихъ вокругъ кухни, и думаетъ: «Пусть еще подростутъ. Все равно, отъ участи своей не уйдутъ».

И не только деревья плотоядно простирали надо мной свои вѣтви, не только каждый листочекъ ихъ устремлялъ на меня свой зеленый глазъ съ тайнымъ сластолюбіемъ, но и одичалые цвѣты внизу, у ихъ корней розы, тянувшіяся изъ сумрака на высокихъ иглистыхъ стебляхъ,—мелкія, красныя, какъ дѣтскіе ротики, и ландыши, кожистые, напоминающіе собою ряды бѣлыхъ зубовъ, и разные желтые, лиловые, и алые, какъ капли крови, цвѣточки, и пышно разрастающіеся кустарники, и тотъ страшный лопухъ, который пугалъ даже Евгенія Базарова.

Обмѣнъ веществъ, круговоротъ жизни. Кости акробата идутъ на образованіе твердыхъ волоконъ акаціи, которая такъ цѣнится каретниками и употребляется на спицы.

Изъ мозга земскихъ дѣятелей и отцовъ города произрастаетъ камка и смолка. Врачи, вѣроятно, превращаются въ звѣробой; барышни, разумѣется, въ розы; дѣти—въ фіалки и незабудки. Кромѣ того, всѣ эти деревья—продукты превращенія. Птицы, которыя вьютъ въ нихъ гнѣзда, кажутся порхающими душами. Бабочки—въ особенности и ночные мотыльки—по преимуществу. Сложивъ пестрыя пушистыя крылья и выдвинувъ впередъ неподвижные нитеобразные усики, эти ночныя созданія притаились подъ листочками и отъ неосторожнаго прикосновенія къ вѣткамъ, протянувшимся черезъ дорогу, просыпаются и съ тревогой пролетаютъ мимо меня. Да, круговоротъ жизни! Давно сказано, что мы прахъ и потому должны обратиться въ прахъ. Но, однако, отчего же такъ жутко въ этомъ чужеядномъ лѣсу, въ этомъ царствѣ тѣнистыхъ, раскидистыхъ, могучихъ растительныхъ вампировъ?

Самыя роскошныя надгробія, памятники, сдѣланные изъ гранита и чугуна, даже этотъ единственный мраморный мавзолей, въ которомъ покоятся останки мѣстныхъ богатыхъ купцовъ Пипочкиныхъ, не говоря ужъ о безчисленномъ множествѣ деревянныхъ крестовъ, изъ которыхъ немногіе сохранили отвѣсное положеніе и чернѣются направо и налѣво въ зеленомъ полу-

свѣтѣ кладбищенскаго дня подъ своими кровельками и навѣсками, какъ грибы какой-то особой, странной породы — имѣютъ такой приниженный, смиренный, безпомощно-жалкій видъ. Холодомъ вѣетъ, ужасомъ. Я не могъ бы улыбнуться въ этомъ мѣстѣ и, ужъ, конечно, не могъ бы смѣяться. Я поневолѣ становлюсь серьезенъ. Легкій воздушный призракъ смерти вскарабкался мнѣ на спину и шевелитъ на моемъ затылкѣ волосы. Я иду. Мнѣ мерещатся десятки, сотни тысячъ жизней, поглощенныхъ за много лѣтъ этой жирной, влажной, жадной землей, покрытой деревьями, цвѣтами, слоемъ прошлогоднихъ листьевъ. Уныло перекликаются птицы тамъ и здѣсь. За ноги мои цѣпляются и не мѣшаютъ мнѣ птти — онѣ безтѣлесны, онѣ легче тѣхъ пушинокъ, которыя носятся въ воздухѣ послѣ смерти одуванчика — милыя безкровныя тѣни малютокъ, погибшихъ жертвою людской жестокости, людского эгоизма. Мнѣ припоминаются самоубійцы, которыхъ было въ нашемъ городѣ нѣсколько въ теченіе трехлѣтняго моего служенія въ управѣ. Застрѣлился офицеръ, проигравшійся въ карты; зарѣзался молодой человѣкъ, чиновникъ губернскаго правленія, отъ безнадежной любви къ гувернанткѣ вице-губернатора; отравился гимназистъ изъ-за двойки. Мнѣ припоминается сиротскій домъ, въ которомъ выживаетъ только одинъ изъ ста младенцевъ. На той лужайкѣ, которая еще никѣмъ не занята и ждетъ покойниковъ, свѣтлая, какъ изумрудъ, и залитая лучами блѣдно-золотистаго солнца — день все такой же перламутровый — не играютъ ли эти несчастныя безъименныя дѣти незримымъ сонмомъ, не рѣзвятся ли ихъ крошечныя, оскорбленныя еще въ колыбели и сознательно загубленныя души? Нѣтъ, это рой маленькихъ сѣренькихъ ничтожныхъ мотыльковъ, кладбищенской моли, радующейся солнцу.

. . . . . .

К. С. Баранцевичъ.

СПАСЕННЫЙ.

Студентъ-медикъ Вельсановъ съ утра почувствовалъ такую нудьду́, такое щемленье сердца, что рѣшилъ не итти сегодня на лекціи. Отъ его форменнаго сюртука, висѣвшаго тутъ же, подлѣ кровати, и теперь еще слегка отдавало тонкимъ трупнымъ запахомъ, но въ воображеніи первокурсника-студента этотъ запахъ казался очень сильнымъ и непереноснымъ, и онъ радовался мысли—облечься въ пиджачную пару, пріобрѣтенную по случаю окончанія гимназіи и лежавшую въ комодѣ безъ употребленія. Надѣть пиджакъ, и выйти на улицу, и хоть часъ, полтора, подышать чистымъ воздухомъ,—вѣдь это цѣлое блаженство послѣ атмосферы анатомическаго театра и лабораторіи.

Вельсановъ вышелъ изъ дому и пошелъ привычнымъ путемъ—по Литейному, къ Невѣ. Онъ и не думалъ о выборѣ маршрута прогулки,—какъ-то сами ноги понесли. Вельсановъ былъ средняго роста, очень тощій, малокровный юноша, съ сѣрыми, мечтательными глазами и тонкими чертами лица. У него была привычка ходить приподнявъ немного худыя плечи и спрятавъ въ нихъ голову, а теперь на десяти-градусномъ морозѣ, въ осеннемъ и довольно потертомъ пальто, Вельсановъ и совсѣмъ съёжился.

Медленно подвигаясь, студентъ пытался разобраться въ своихъ ощущеніяхъ. Почему онъ такъ поздно всталъ и съ головою, точно налитой свинцомъ? Почему, вмѣсто того, чтобы вскочить, по привычкѣ броситься умываться и торопиться на лекціи, онъ долго потягивался на своемъ клеенчатомъ диванѣ, что-то припоминая, о чемъ-то соображая и рѣшилъ, наконецъ, не итти въ академію? Откуда эта лѣнь, эта душевная слабость и тоска?

«Я что-то видѣлъ во снѣ, припоминалъ онъ, не доходя до моста и сворачивая налѣво по набережной,—что-то тяжелое... но что̀ именно?»

Рыжій, краснощекій, совсѣмъ какой-то огненный дворникъ, вооруженный метлой, сталъ прогонять съ тротуара мальчишку-спичечника и толкнулъ его въ спину. Мальчишка клюнулъ носомъ, поправилъ съѣхавшую на глаза шапку и, ни слова не говоря, перешелъ черезъ улицу.

«Это былъ какой-то ужасно тяжелый сонъ, все припоминалъ Вельсановъ, и опять-таки, кромѣ общаго впечатлѣнія тяжести, тоски и обиды, смѣнившихся подъ конецъ страшно радостнымъ чувствомъ,—ничего припомнить не могъ.

«Было что-то похожее на то, что я видѣлъ сейчасъ! сказалъ самъ себѣ Вельсановъ,— но, все-таки, не то, нѣтъ, не то, далеко не то! ну, да Богъ съ нимъ, и съ сномъ-то! припомню когда нибудь».

Онъ дошелъ до памятника Суворова, и на площадкѣ, гдѣ прежде былъ Троицкій мостъ, встрѣтилъ бывшаго товарища по академіи, Пухлина, перешедшаго на юридическій.

— Здравствуйте! сказалъ Пухлинъ, крѣпко пожимая руку медика и оскаливъ бѣлые, какъ молоко, зубы. Гуляете, или изъ академіи!

— Нѣтъ, гуляю!

— А я зашелъ въ университетъ, отмѣтился, да и думаю: пойду освѣжиться. Вчера у насъ такая была пря!

— Гдѣ? Въ экономическомъ?

— Да! До двухъ часовъ, да безъ передышки.

— Ну, и что же?

— Да ничего. Такъ! то сей, то оный на бокъ гнется. Но мы побѣдимъ, несомнѣнно. Противникъ нашъ выдохся оконча-

тельно, только жалкія слова умѣетъ говорить, а нынче на жалкихъ словахъ не выѣдешь. Принципъ экономическій на первомъ планѣ, а это такой, батенька, двигатель, такой... Отъ чего не ходите?

— Такъ! Много было народу?

— Яблоку негдѣ было упасть! стояли! задніе на стульяхъ даже.

— А! Вы говорите большая толпа была?

— Человѣкъ двѣсти, пожалуй. Что? Вы хотѣли что-то сказать?

На лицѣ Вельсанова промелькнуло выраженіе, какое бываетъ у человѣка, внезапно, неожиданно схватившаго что-то памятью.

— Я? Нѣтъ, ничего! пробормоталъ онъ,—я только припоминалъ по поводу того, что была толпа и споры были... Я какъ будто припомнилъ сонъ!

— Сонъ? Что это вы!

Пухлинъ, съ насмѣшкой, пристально взглянулъ ему въ глаза.

— Пустяки, конечно! то же видѣлъ толпу... Вы не находите, что въ толпѣ есть что-то устрашающее?

— Нисколько! Впрочемъ, какая толпа! Если толпа дикарей, то, конечно, оно должно быть страшно, но если это толпа здравомыслящихъ и въ особенности единомыслящихъ людей, то это можетъ быть только пріятнымъ.

— Н... не знаю! до свиданья!

Онъ быстро простился съ товарищемъ и пошелъ домой. И когда онъ пришелъ въ свою маленькую, въ одно выходившее на темный дворъ окно комнатку, сѣлъ къ столу и взялся за перо, ему вдругъ отчетливо припомнился его странный сонъ и вотъ какъ онъ записалъ его...

«...Я все время помнилъ, что это былъ сонъ, но я считалъ его правдой. Въ немъ не было ни одной реальной сцены изъ современной дѣйствительности и между тѣмъ онъ былъ полонъ намеками на нее. Я до сей минуты не могу оправиться отъ впечатлѣнія, которое оставилъ во мнѣ этотъ сонъ, отъ того ощущенія радостной экзальтаціи, которое до сей минуты заставляетъ ускоренно биться мое сердце...

«Среди хаотическихъ грезъ, въ которыхъ пестрѣли калейдоскопомъ знакомыя и незнакомыя лица, перемѣшивались съ событіями, сценами даже, съ мыслями моими, иллюстрированными въ яркихъ, живыхъ картинкахъ,—я увидѣлъ себя, стоящимъ въ мрачной пещерѣ, холодные, каменные своды и стѣны которой давили мнѣ душу. Я былъ одинъ и чувствовалъ, что мнѣ долго, очень долго, если только не всегда, придется оставаться одному. Здѣсь не было выхода, не было даже входа и какъ я сюда попалъ—составляло тайну. Холодное отчаяніе было въ моей душѣ; я зналъ, что я не выйду отсюда и приготовился молча, безропотно, ожидать своей участи. Но въ ту минуту, когда чувство безнадежнаго отчаянія всѣми оставленнаго, на-вѣки забытаго человѣка какъ бы окаменило мои члены и приковало ноги къ тому мѣсту, на которомъ я стоялъ,—въ самомъ далекомъ концѣ пещеры, въ перспективѣ холодныхъ, скалистыхъ и мрачныхъ стѣнъ, вдругъ заблестѣло пятнышко свѣта. Все мое вниманіе, вся душа моя приковались къ этому пятнышку, я ждалъ отъ него чего-то... а оно между тѣмъ все росло, росло, все ширилось, и наконецъ въ немъ, какъ въ рамкѣ... появился Христосъ. Онъ стоялъ, какъ рисуютъ Его всегда,—въ хитонѣ, съ длинными, падавшими на плечи, каштановыми волосами. Онъ только показался мнѣ, но я сразу понялъ не умомъ, а сердцемъ, всѣмъ существомъ своимъ понялъ, что это Избавленіе, Спасеніе мое, моя Надежда, и что теперь ничто не страшно, не должно быть страшнымъ для меня... Въ порывѣ какого-то священнаго экстаза, съ сердцемъ, полнымъ любви и восторга, я простеръ къ Нему руки и голосъ, мой внутренній голосъ,—сказалъ мнѣ:

«— Помни Его!

«И картина сна перемѣнилась. По зеленымъ, съ бѣлыми гребешками, волнамъ далекого, южнаго моря несся нашъ пароходъ. Знакомыя и просто когда-то встрѣчавшіяся лица были тутъ, на палубѣ, смотрѣли въ безбрежную, туманную даль и ждали. И я ждалъ того же, чего и они, эти люди,—конца нашего далекаго путешествія. И вотъ, наконецъ, мы пристали къ большому городу, который еще издали расползался и свѣтился, какъ какое-то темное чудовище милліонами своихъ

огней—фонарей, между которыми электрическіе казались маленькими, перенесенными на землю, лунами.

«И вотъ я вступилъ на мостовую этого огромнаго, чужого города и снова почувствовалъ себя одинокимъ. Здѣсь все было чуждо мнѣ: зданія, улицы, люди, въ огромномъ количествѣ сновавшіе мимо, ихъ рѣчи. Я понялъ одно, что это былъ богатый, необыкновенно богатый, торговый и веселый городъ,—такъ тутъ все блестѣло, такъ было оживленно. Огромныя, зеркальныя окна магазиновъ горѣли тысячами огней, желтыя полосы газоваго освѣщенія отражались на асфальтѣ тротуаровъ, по которымъ двигались цѣлыя толпы народу. Я пошелъ по одной изъ самыхъ большихъ, самыхъ оживленныхъ улицъ, на которой блѣдный, ровный свѣтъ электрическихъ фонарей еще ярче оттѣнялъ пятна ярко-желтаго газа. Вдругъ на улицѣ произошло необыкновенное смятеніе: между гулявшими толпами народа стали шмыгать мальчишки съ печатными листами бумаги и выкрикивать названія газетъ. Мнѣ казалось, что я понималъ языкъ, на которомъ говорили люди этого огромнаго города, я прислушивался къ говору людской толпы, похожей на ропотъ морскихъ волнъ и назойливому крику мальчишекъ, и чувствовалъ, что въ городѣ готовится что-то необыкновенно важное, какое-то событіе, имѣющее міровое значеніе, можетъ быть переворотъ. Толпы народа съ глухимъ, угрожающимъ шумомъ стекались изъ сосѣднихъ улицъ на эту главную и двигались все впередъ и впередъ. Надъ массой головъ возвышались знамена, флаги, значки и транспаранты съ изображеніемъ чьихъ-то лицъ и какихъ-то непонятныхъ воззваній.

«Толпа подхватила меня и вынесла на какую-то площадь, слабо освѣщенную, почти темную, но сплошь залитую народомъ.

«По срединѣ площади, по всей вѣроятности на какомъ нибудь помостѣ, то и дѣло появлялись фигуры ораторовъ. Люди о чемъ-то говорили, горячо и убѣдительно, какъ можно было заключить по ихъ жестамъ, но я ничего не слышалъ. И какъ ни убѣдительно говорили они, толпа тоже не хотѣла, а можетъ быть, за общимъ шумомъ и ревомъ, не могла ихъ слышать и ораторовъ точно кто сметалъ съ помоста,—такъ неожиданно, быстро они исчезали, а на ихъ мѣсто появлялись новые.

«Мнѣ надоѣло, мнѣ тяжело было это видѣть, я хотѣлъ уйти

и не могъ, будучи сдавленъ живымъ, горячимъ кольцомъ человѣческихъ тѣлъ. Я долженъ былъ находиться здѣсь, и я стоялъ и смотрѣлъ. И вотъ я увидѣлъ, какъ на помостъ вошелъ человѣкъ, по виду пролетарій, въ потертомъ пальто и фуражкѣ, изъ-подъ которой падали на плечи длинные каштановые волосы. Онъ говорилъ, и хотя я былъ такъ далеко отъ этого человѣка, что онъ мнѣ былъ чуть виденъ, я слышалъ все, до одного слова... Онъ заговорилъ о равенствѣ и дружбѣ людей между собою, о любви къ ближнему, о всепрощеніи, о смиреніи. Его перебивали, ему не давали говорить, шикали, свистали, со всѣхъ сторонъ ему кричали, что то, о чемъ онъ говоритъ, давнымъ давно всѣмъ извѣстно, что современная этика опровергла всѣ его тезисы, что проповѣдь смиренія есть пропаганда тупого спокойствія и реакціи, что люди слишкомъ долго ждали обѣщанныхъ благъ, чтобы ждать еще, и что все то, о чемъ онъ говоритъ, брошено и даже забыто... Не смущаясь этими криками, онъ все говорилъ. Съ грозными кликами толпа сомкнулась вокругъ него, въ ярости поднялись отовсюду руки, и произошла страшная сцена побоища. Люди били другъ друга кулаками, ногами, палками, зонтиками, бросали другъ въ друга каменья, поднятые съ мостовой; схватившись за волосы и исцарапанные, избитые, окровавленные, падали подъ ноги бушевавшей толпы. Человѣкъ съ каштановыми волосами былъ давно въ ея власти. Истерзаннаго, избитаго, его водили по площади, со смѣхомъ показывали другъ другу и плевали на него.

«— Откажись, кричали ему,—откажись отъ безумной мысли, что люди братья, только откажись и признай идею возмездія и мы оставимъ тебя.

«Онъ молчалъ и его принимались позорить и бить снова. Чувство необычайной жалости къ этому человѣку стѣснило мнѣ грудь. Я приблизился къ нему, я сталъ подлѣ и, воспользовавшись моментомъ, когда вниманіе его мучителей было отвлечено появленіемъ на трибунѣ новаго оратора,—я схватилъ этого человѣка за руку и потащилъ въ ближайшій переулокъ.

«Тамъ было темно. Никто не преслѣдовалъ насъ. Я слышалъ, какъ въ нѣскольскихъ шагахъ отъ насъ, подобно океанскому приливу, гудѣла толпа, какъ снова возобновилось побоище, слышалъ удары палокъ, крики, стоны... Ужасъ объялъ меня. Я

думалъ, что наступили послѣднія минуты міра. Прячась во мракѣ и сырости, подъ навѣсомъ подвальнаго подъѣзда какого-то дома и все время держа за руку (точно я боялся, что онъ уйдетъ отъ меня!) спасеннаго мною человѣка, я слышалъ, какъ со страшнымъ топотомъ лошадиныхъ копытъ и бряцаніемъ сабель пронесся ураганъ и крики и гудѣнье на площади слились въ ужасный ревъ...

«Теперь имъ было не до насъ, несчастныхъ бѣглецовъ!

«Я повернулъ голову къ человѣку съ каштановыми волосами, онъ взглянулъ на меня кроткими, лучистыми глазами... да, да, это были тѣ же кроткіе, лучистые глаза, то же лицо, и внутренній голосъ сказалъ мнѣ:

«— Ты вспомнилъ Меня?

«Сердце мое упало, и вдругъ забилось шибко и радостно. Какое-то неземное блаженство охватило меня. Большаго счастья, большаго восторга быть не могло на землѣ, и послѣ того, что случилось, нужно было только умереть у Его ногъ.

«И я проснулся...»

Вельсановъ дописалъ послѣднюю строчку, откинулся на спинку стула и задумался... Маленькое окно его комнаты темнѣло. По коридору, изъ помѣщенія хозяевъ, тянуло запахомъ пригорѣлаго сала. Этотъ запахъ напомнилъ студенту, что скоро будетъ обѣдъ. Потомъ — чай и сонъ, уже настоящій, реальный сонъ, вѣрнѣе всего — безъ сновидѣній. Утромъ академія, лекціи, практическія занятія по анатоміи, скальпели, пинцеты, ножницы, гнилые трупы и трупный запахъ повсюду, даже въ складкахъ платья. А тамъ, дальше, сѣренькая жизнь врача, полковое общество, водка, карты...

Что-то стукнуло. Въ дверяхъ стоялъ Пухлинъ.

— Я къ вамъ! сказалъ онъ, крѣпко сжимая руку Вельсанова и оскаливая бѣлые зубы,—забылъ тогда... Ну, да все равно. Вы какъ-то говорили, что у васъ остались по наслѣдству отъ прежняго обитателя вашей комнаты записки по политической экономіи. Можете ссудить?

— Сдѣлайте одолженіе.

Вельсановъ взялъ съ этажерки толстую кипу гектографированныхъ листовъ и подалъ товарищу.

— Послѣ экзаменовъ—верну! сказалъ Пухлинъ, взвѣши-

вая на рукѣ кипу,—вотъ тоже «наука!» жизнь безпрестанно, то и дѣло создаетъ новые законы, а мы все еще валяемъ по старымъ... А, вы это что? сочинительству предались?

— Ну, ужъ вы! Сонъ, знаете, видѣлъ очень того... интересный, взялъ и записалъ...

— Ахъ, опять сонъ? удивился Пухлинъ и протянулъ руку къ листу бумаги.—Можно?

— Сдѣлайте одолженіе.

Пухлинъ сталъ читать.

— Да! «Идея возмездія!» Не... д...дурно! многозначительно сказалъ онъ, кладя листъ на столъ,— а знаете, удивительные иногда, бываютъ, сны! вотъ со мною то же... Вижу я на-дняхъ, что потерялся у меня какъ-то въ комнатѣ сапогъ. Нѣтъ одного сапога да и все, а нужно итти на репетицію, репетировать съ одной хорошенькой дамочкой водевиль! Начинаю рыться, искать—нѣтъ нигдѣ! Доходитъ до того, что къ швейцару обращаюсь: «помоги, братецъ». А онъ мнѣ, знаете, старую калошу далъ, рваную, ужасъ, и притомъ преогромную. Я надѣлъ и думаю: какъ же я это пойду... Къ хорошенькой аристократической дамѣ пойду и стану репетировать въ этакой калошѣ! Премучительный сонъ, знаете! Проснулся весь въ испаринѣ, сердце такъ и колотится. Чортъ знаетъ, какіе бываютъ сны! Ну, до свиданья!

Пухлинъ ушелъ. Оконце комнаты совсѣмъ потемнѣло, и вокругъ стало такъ темно, что съ трудомъ различались предметы. А Вельсановъ все сидѣлъ въ той же задумчивой позѣ, и думалъ:

«Умереть во снѣ,—какое блаженство!»

М. А. Загуляевъ.

КОРОЛЕВА АННА ЯРОСЛАВНА.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМА ВЪ 4-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, СЪ ПРОЛОГОМЪ.

ОТЪ АВТОРА.

За исключеніемъ пролога, вся драма «Королева Анна Ярославна» написана на средне-вѣковомъ французскомъ языкѣ, только съ небольшою примѣсью русскихъ разговоровъ между Анною, Димитріемъ Ингоревичемъ, грекомъ Геракліемъ и Еленой Гостомысловной. Это—трудъ чисто диллетантскій, такъ какъ пьесу мою нельзя поставить ни на одной сценѣ и даже напечатать съ шансами на успѣхъ ни въ Россіи, ни во Франціи.

5 января 1899 года.
С.-Петербургъ.

ПРОЛОГЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ярославъ, великій князь кіевскій.
Анна Ярославна, его дочь.
Елена Гостомысловна, приближенная княжны Анны.
Димитрій Ингоревичъ, стольникъ Ярославовъ.

Гюгъ д'Аттиньи, посолъ французскаго короля Генриха I-го.
Жильберта д'Аттиньи, его сестра.
Арнольдъ, аббатъ Клерваллонскій, второй посолъ Генриха I-го.
Гераклій, ученый грекъ.
Свѣтозаръ, архимагиръ Ярослава.
Бояре, дружинники.

Кіевъ. 1035 г.

Опочивальня Ярослава въ его кіевскомъ дворцѣ. Обширный покой въ византійскомъ стилѣ. Стѣны изукрашены мозаиковыми изображеніями на золотомъ полѣ. Въ глубинѣ — парчевый пологъ, скрывающій спальное ложе великаго князя. На первомъ планѣ справа—большой столъ, покрытый узорчатою камкою и невысокое золоченое кресло греческаго дѣла; слѣва—малый тронъ подъ наметомъ изъ электрона, украшенный цвѣтными каменьями.

СЦЕНА I.

Ярославъ сидитъ на креслѣ у стола. **Гераклій.**

ЯРОСЛАВЪ.

А все сомнѣнье береть, друже Гераклій, не соромно ли будетъ выдать Анну за этого Генрика! Вѣдь не Богъ вѣсть какой онъ волостель. И государство его не велико, да и рода онъ не древле-царскаго, всего внукомъ дворецкому послѣдняго Карловинга приходится. Дщерь же наша любимая Володиміру Великому правнукой будетъ, да и по матери — самъ же твердинь — царей Македонскихъ отрасль.

ГЕРАКЛІЙ.

Положимъ, что и такъ, государь, но все же онъ король доподлинный, державецъ непререкаемый и мнится мнѣ, смиренному, что въ свойство съ нимъ вступить стыда тебѣ не будетъ.

ЯРОСЛАВЪ.

Не великъ и почетъ! Норгскіе конунги тоже поди королями величаются и слывутъ, а что въ томъ толку! Разбойныхъ дружинъ водители, все едино, что коганы половецкіе, либо печенѣжскіе...

ГЕРАКЛІЙ.

То-жъ да не то, государь великій княже! У Генрика-короля своя отчина и дѣдина найдется, да и стольный градъ его только Риму да Византіи, какъ старшімъ, челомъ бьетъ.

ЯРОСЛАВЪ.

А по чьей милости онъ въ этомъ стольномъ градѣ сидитъ? Кабы не дукъ норманскій, не видать бы ему Парижа, какъ ушей своихъ .. Къ тому же и папёжникъ онъ, правой каѳолической вѣры почитай что отщепенецъ.

ГЕРАКЛІЙ.

Хоть и папёжникъ, а благочестенъ! Оттого и деспонну Анну въ супруги поять хощетъ, что между ближними княжнами съ единокровной побрачиться опасается, памятуя, сколь много изъ-за такого супружества родитель его, король Робертъ, горя принялъ. Нѣтъ, княже, Генрикъ женихъ совсѣмъ подходящій, коли только деспоннѣ Аннѣ итти за него не противно.

ЯРОСЛАВЪ.

Анна что! Молода она и лестно ей, поди, что изъ такихъ далекихъ странъ сватòвъ по ней засылаютъ. Тоже и послы Генриковы, сладкорѣчивы вѣдь они! Чудесъ нашей отроковицѣ про Парижъ-градъ насказали, а она и вѣритъ.

ГЕРАКЛІЙ.

И все же, государь, съ Генрикомъ породнясь, ты своей державной чести не умалишь, а польза оттого будетъ не малая. Не гоже великому князю Кіевскому совсѣмъ въ сторонѣ отъ другихъ владыкъ вѣнценосныхъ стоять. У насъ же въ Византіи, самъ вѣдаешь, женіховъ для деспонны Анны не отыщется.

ЯРОСЛАВЪ.

Можетъ и правъ ты, а все еще подумать надо. Вотъ ужо потолкую еще съ Димитріемъ-стольникомъ, благо онъ въ тѣхъ странахъ побывалъ и мною за пристава къ посламъ Генриковымъ наряженъ... Вели-ко архимагиру его и пословъ тѣхъ ко мнѣ позвать.

ГЕРАКЛІЙ.

Слушаю государь, великій княже! [уходитъ, навстрѣчу ему идетъ княжна Анна].

ГЕРАКЛІЙ [въ дверяхъ, съ поклономъ].

Исполла ите деспоина!

АННА [отдавая поклонъ].

Исполла ите деспота!

СЦЕНА II.

Анна. Ярославъ.

АННА.

Здравъ буди, государь отче!

ЯРОСЛАВЪ.

И ты здравствуй, чадо любимое. За дѣломъ какимъ пришла или такъ просто родителя повидать захотѣлося?

АННА.

Свѣтлыя очи государя-отца всегда мнѣ видѣть отрада, но въ сей день точно что совѣта твоего просить прихожу.

ЯРОСЛАВЪ.

А о чемъ совѣть, дочка дорогая?

АННА.

Да вотъ смутили меня владыко Фотій да сестра Евфросинія. Корятъ, зачѣмъ я въ мою школу для отроковицъ, что на Крещатикѣ устроена, Евтихія-эллина въ учителя посадила.

ЯРОСЛАВЪ.

Чѣмъ же Евтихій имъ не угоденъ? Мудростію въ Византіи кажись не со вчерашняго дня онъ славенъ.

АННА.

А владыко Фотій говоритъ, что онъ въ Александріи, у тамошнихъ философовъ и риторовъ обучаясь, вѣру Христову на мерзостныя таинства языческія промѣнялъ.

ЯРОСЛАВЪ.

Не въ свое дѣло владыка суется! Гераклій, поди, не менѣе его къ церкви приверженъ и въ наукѣ богословской умудренъ, а сколько разъ онъ мнѣ говорилъ, что таинства, въ Елевзисѣ и въ Дельфахъ въ былые годы справляемыя, ничего противнаго нашей вѣрѣ святой не имѣютъ, понеже, какъ и она, о Богѣ единомъ и міра Искупителѣ провозвѣщаютъ. Скажи владыкѣ, по моей волѣ и моему государеву приказу, ты Евтихія въ учителя поставила, а Евфросиньѣ повѣдай — родитель-де гнѣвается, что отъ княжескаго сана волею отрекшись и образъ ангельскій пріявши, въ дѣла наши мірскія мѣшаться она продолжаетъ. Черницѣ, молъ, такъ поступать не пригоже и духовному ея сану игуменіи невмѣстно.

АННА.

Много благодарствую, государь-родитель! Съ Евтихіемъ было бы мнѣ разстаться куда какъ горестно. Очень ужъ онъ учитель хорошій. Здравъ буди. [Хочетъ уйти].

ЯРОСЛАВЪ.

Куда же ты, чадо любимое? Повремени. Приходъ твой къ мѣсту вышелъ. Сейчасъ сюда послы Генриковы съ Димитріемъ-стольникомъ будутъ. Позвать я ихъ велѣлъ.

АННА [краснѣя и потупясь].

Не ладнѣе-ли мнѣ въ такомъ концѣ уйдти, государь?

ЯРОСЛАВЪ.

Это же зачѣмъ? Въ Парижѣ-градѣ дѣвицы, слыхалъ я отъ добрыхъ молодцевъ, не хоронятся. Коли королевою фряжскою сдѣлаться желаешь, такъ отнынѣ къ тамошнему обычаю привыкать надо.

АННА [все еще потупившись].

Ну такъ я... останусь...

ЯРОСЛАВЪ [лукаво улыбаясь].

Такъ-то лучше! А вотъ и послы идутъ.

СЦЕНА III.

Тѣ же и Гюгъ д'Аттиньи, аббатъ Клерваллонскій, Димитрій Ингоревичъ и Гераклій.

Ярославъ пріосанился, знакомъ приглашаетъ Анну стать за его кресломъ. При входѣ пословъ Гераклій идетъ впереди. За нимъ, Гюгъ д'Аттиньи и аббатъ Клерваллонскій—рядомъ (аббатъ по лѣвую руку Гюга). Димитрій Ингоревичъ слѣдуетъ за ними.

ГЕРАКЛІЙ [не кланяясь, но положивъ руку на сердце].

Великій государь! По волѣ твоей державной, послы короля Генрика Фряжскаго, челомъ тебѣ бьютъ!

ЯРОСЛАВЪ [съ напыщенною важностью].

Миръ и привѣтъ посланцамъ моего родича моло́дшаго Генрика! Позвалъ я васъ, господа честны́е, на тотъ конецъ, чтобы еще разъ выслушать, чего король Генрикъ у великаго князя Кіевскаго проситъ. Вѣщайте!

ГЮГЪ Д'АТТИНЬИ.

Государъ, велики кніазъ...

ГЕРАКЛІЙ.

Постой Киръ д'Аттиньи! Ты хотя по русскому говорить и обученъ, а прямо съ государемъ, великимъ княземъ вести разговоръ тебѣ все-таки не подобаетъ. Приставъ на то къ вамъ паряженъ—къ нему рѣчь обращай. Такъ искони, отъ Володимира Великаго на Руси ведется!

ГЮГЪ Д'АТТИНЬИ [усмѣхнулся и пожалъ плечами].

Колѝ надобнѐ—изволь! [обращаясь къ Димитрію Ингоревичу]. Adonc faites à sçavoir au seigneur votre maître que les envoyés du très haut et très puissant roy Henri de France auront grande liesse et vif empressement d'obéir aux ordres de sa Seigneurie*).

ДИМИТРІЙ ИНГОРЕВИЧЪ [выступивъ впередъ и низко кланяясь Ярославу].

Государь, великій князь! Послы превысокаго и великомощнаго короля Генрика фряжскаго, съ радостію несказанною и поспѣшностію великою твоихъ приказовъ слушать готовы.

ЯРОСЛАВЪ.

Скажи имъ, Димитрій, что допрежъ моего согласія на бракъ дочери нашей княжны Анны съ королемъ ихъ Генрикомъ, знать намъ потребно, правду-ли въ Византіи сказывали: первымъ мѣстомъ, что Генрикъ-король на престолъ фряжскій помимо законнаго престолонаслѣдца Роберта, пособничествомъ дука Норманскаго посаженъ, а вторымъ мѣстомъ—что допрежъ, чѣмъ къ нашей дщери любезной сватóвъ засылать, онъ съ дукессою турепьскою... какъ звать — позабылъ...

ГЮГЪ Д'АТТИНЬИ.

Le duchesse Yvonne...

ЯРОСЛАВЪ.

Да! съ дукессой Ивонной что-ли, помолвленъ былъ.

ГЕРАКЛІЙ.

Государь, великій князь. Хорошо тебѣ, я чаю, вѣдомо, что у насъ въ Византіи силетень — огородъ не полотый, гоже-ли твоей милости...

*) Въ такомъ случаѣ, повѣдайте вашему государю, что, послы великаго и могущественаго короля Генриха французскаго, съ радостію и поспѣшностію великими исполнять волю его высокомощія.

ГЮГЪ Д'АТТИНЬИ [обращаясь къ Димитрію].

Faites à sçavoir messire Dmitri au seigneur votre maître que le roy Henri tint le trône du gent royaume de France de son droit d'hoirie qu'oncque contester ne saurait sous peine d'être déclaré félon et traître par tout le peuple françois et que la duchesse Yvonne à tort prétend avoir reçu de ce grand souverain promesse de mariage que ne lui a oncques fait le seigneur susdit *).

ДИМИТРІЙ.

Посолъ говоритъ...

ЯРОСЛАВЪ.

Ладно! и безъ тебя понялъ. Клятвой крестной завѣрить-ли въ томъ?

ГЮГЪ Д'АТТИНЬИ [не давая Димитрію перевести слова Ярослава].

Le très révèrend père Arnold, abbé de Clervallon est là pour l'affirmer par serment en due forme **).

АББАТЪ КЛЕРВАЛЛОНСКІЙ [выступивъ впередъ].

In nomine Patres, Filiis et Spiritu Sancto ***).

ЯРОСЛАВЪ [перебивая].

Ладно ужъ, ладно! За княжной Анной теперь рѣчь! Что скажешь, дщерь дорогая.

АННА.

Государь-отче! Приказа твоего родительскаго ослушаться не смѣю, да, правду молвить, и не желаю. Коли супружницей короля Генрика ты мнѣ быть повелишь, волю твою державную съ радостію исполнить готова!

*) Сообщите, господинъ Дмитрій, вашему государю и повелителю, что король Генрихъ на престолѣ прекраснаго королевства французскаго сидитъ по своему праву наслѣдія, котораго никто оспаривать не осмѣлится подъ страхомъ обвиненія въ измѣнѣ и что герцогиня Ивонна ложно утверждаетъ, будто сей великій государь обѣщаніе побрачиться съ нею ей далъ.

**) Преподобный отецъ Арнольдъ, аббатъ клервалонскій, здѣсь находится для обряда клятвы.

***) Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

ЯРОСЛАВЪ.

Ну, инъ быть по твоему хотѣнію, чадо любимое! [Всталъ съ кресла]. Приставъ Димитрій! Повѣдай честнымъ посламъ короля Генрика, что, на бракосочетаніе его съ дочерью нашею, княжною Анною, согласіе рекомой княжны и наше государево сонзволеніе есть. О томъ же, что отъ нашей милости пресвѣтлой невѣстѣ дадено будетъ, и чѣмъ самъ король Генрикъ нареченную свою супругу наградитъ,—Киръ Гераклій съ аввой Клерваллонскимъ пусть-де уговоръ держатъ, понеже нашему сану великокняжескому и автократорскому о томъ рѣчи вести не вмѣстно.

ДИМИТРІЙ [обращаясь къ Гюгу д'Аттиньи и къ аббату Клерваллонскому].

Mon très hault et très puissant seigneur et maître, le grand duc Iaroslaw de Kiew, à la requête empressée du roy Henri de France daigne acquiescer de l'aveu et volonté de très haulte et puissante dame Anne, duchesse de Kiew. Pour questions de dotance, tant de la part de mondit seigneur grand duc, que du sire roy Henri, sa Seigneurie Sérénissime se rapporte au mutuel accord de son Eminence Héracluis et de messire Arnold, abbé de Clervallon*).

ГЮГЪ Д'АТТИНЬИ.

Veuillez messire exprimer au seigneur votre maître de la part de notre suzerain et roy**)...

ЯРОСЛАВЪ [перебивая].

Ладно ужь, ладно витязь честной! Говорить на вашемъ языкѣ романскомъ я не гораздъ, а понимать—все понимаю. По чину довлѣющу дѣло справлено, можно теперь и по сердцу говорить... Комтуръ Гюгъ Аттиньскій! Даю тебѣ мое государево разрѣшеніе съ княжной Анной поне рѣчь изъ устъ въ уста вести.

*) Димитрій повторяетъ слово въ слово, сказанное Ярославомъ.

**) Благоволите, сударь, выразить вашему государю и повелителю отъ имени нашего державца и короля...

ГЮГЪ Д'АТТИНЬИ.

За честъ великую, государъ, шеломъ біу! Государиніа кніажна...

АННА.

Parlons votre langue, preux et gentil chevalier. Le très révérend abbé de Clervallon point ignorer ne doit ce qui entre nous sera dit *).

ГЮГЪ Д'АТТИНЬИ.

Aux ordres gracieux de ma future dame et souveraine je dois pleine et entière obédience... Adonc, de par le roy mon maître je vous somme et recquiers, dame et duchesse Anne de Kiew, de déclarer ici que votre consentement est librement acquis à la volonté de votre très hault et très puissant père **).

АННА.

Point ne me dôle de faire ainsi que vous dites messire. Moult déduit et grande liesse aurai à devenir épouse et conjointe du seigneur Henri, roy de France et cette mienne réponse vous charge de lui faire asçavoir en toute fiance et sécurité de ma ducale parole ***).

ЯРОСЛАВЪ.

И слово наше, Аннино и мое, навсегду крѣпко пребудетъ [вставая]. Ну, господа послы, и ты Киръ Гераклій, и ты приставъ Димитрій, памятуйте, что союзъ брачный безъ веселія не йдетъ, и что, по завѣту дѣда моего достославнаго,

*) Будемъ говорить на вашемъ языкѣ рыцарь храбрый и честнòй. Преподобный аббатъ Клерваллонскій знать долженъ о томъ, что промежъ насъ сказано будетъ.

**) Милостивымъ повелѣніямъ моей будущей государыни-королевы полнымъ повиновеніемъ я обязанъ, а по сему, именемъ короля-государя моего, прошу и требую государыня-княжна Анна, чтобы вы объявили здѣсь, что свободно даете согласіе ваше, на волю вашимъ державнымъ и могущественнымъ родителемъ выраженную.

***) Не огорчительно мнѣ ваше требованіе, сударь, исполнить. Съ великимъ удовольствіемъ и радостью великою стану супругою вѣнчаною государя Генрика, короля французскаго, а сей мой отвѣтъ поручаю ему передать крѣпко въ мое слово княжеское вѣруя.

Володимира Великаго: «Руси веселіе есть пити» [хлопая въ ладоши]. Архимагиръ Свѣтозаръ! [Свѣтозаръ появляется въ дверяхъ]. Въ стольной палатѣ всякія питія и брашна скорой рукой изгóтовь. Великій князь Кіевскій помолвку дщери своей любимой княжны Анны съ королемъ Генрикомъ фряжскимъ праздновать поволилъ!

[Ярославъ уходитъ, за нимъ Гераклій и французскіе послы, низко поклонившіеся княжнѣ Аннѣ. Димитрій Ингоревичъ дѣлаетъ видъ, что идетъ за ними, но у дверей отстаетъ и, возвратившись, подходитъ къ Аннѣ, стоящей у стола въ глубокой задумчивости].

СЦЕНА IV.

Анна и Димитрій Ингоревичъ.

ДИМИТРІЙ [насмѣшливо].

Скорой рукой дѣло сдѣлалось! Довольна, государыня-княжна?

АННА [гнѣвно вскинувъ на него глазами].

А тебѣ зачѣмъ то знать, приставъ пословъ фряжскихъ?

ДИМИТРІЙ.

Да хоть бы затѣмъ, что при тѣхъ самыхъ послахъ велѣніемъ государя-родителя твоего, состою. Вотъ ужó комтуръ Гюгъ да авва Робертъ спрашивать учнутъ, что имъ королю Генри́ку отписать надлежитъ!.. Такъ чтобъ имъ отвѣтъ держать по правдѣ истинной—должность вѣдь моя такая.

АННА [досадливо отвернувшись].

Коли за этимъ, такъ скажу, пожалуй. Всѣмъ сердцемъ довольна!

ДИМИТРІЙ.

А что на чужбину далекую изъ отчаго дома, да изъ святой земли русской ѣхать придется, это тебя, княжна, не сомущаетъ?

АННА.

Съизмáлу къ той разлукѣ меня готовили. Дщери великаго князя Кіевскаго—либо замужъ за дальняго державца выходить, либо въ монастырѣ, подобно сестрѣ Евфросиніи, свою молодость и красу погребсти... Ну, а я въ монастырь не хочу!

ДИМИТРІЙ.

Ужъ будто другой доли и взаправду, княжна, не отъищется?

АННА.

Это ты о чемъ? Старое вспомянуть что-ли хочешь? Было оно, да быльемъ поросло, Димитрій Ингоревичъ! Подросткомъ будучи, дѣвчонкой несмышленною, могла княжна кіевская твои рѣчи медовыя выслушивать, а теперь иное время настало. Ты же самъ, изъ дальнихъ земель вернувшись, да о тамошнихъ порядкахъ сказываючи, повѣдалъ мнѣ о свычаяхъ и обычаяхъ иноземныхъ. Отъ тебя вѣдь узнала впервые, что въ сѣмьяхъ волостельскихъ за стыдъ и сорóмъ великій тамъ считается, коли дщери государевы съ мужами ихъ отцамъ подвластными подъ вѣнецъ святой становятся. Коли ты отъ мечтаній былыхъ не отсталъ, что же, государь Димитрій, замѣстъ того, чтобы въ приставá посольскія становиться, не пошелъ ты славы и власти искать на Раа-рѣку, въ хозары нечестивые или въ Тмуторакань благодатную, откудова наши вольницы кіевскія сколько богачества за каждый набѣгъ волочатъ?.. Коли бы выбирать пришлось межъ коганомъ хазарскимъ или ханомъ Тмутороканскимъ и королемъ Генрикомъ... я, можетъ быть, еще и подумала бы.

ДИМИТРІЙ.

Не бери грѣха на-душу, Анна Ярославна. Кто, какъ не ты сама, меня отъ помысловъ такихъ отвратила? Памятую и о сю пору, какъ ты надъ потѣхами браннымн, да надъ удалью молодецкою насмѣхалася, приговариваючи: «силой и туръ рогатый, да медвѣдь косматый похвалиться можетъ, а наука письменная одного человѣка достояніе»... Не для чего другого, какъ тебѣ въ угоду, я въ ту науку пошелъ и годы

мои молодые на нее потратилъ. И не правду молвишь, что когана хазарскаго королю Генрику ты бы пожалуй предпочла! Съ издѣтства самаго повадка у тебя водилась на Парижъ-градъ очи и думы стремить. Мало-ли у насъ въ стольномъ Кіевѣ волостелей со повзморья здѣшняго, да съ Раа-рѣки перебывало, а ни на одного изъ нихъ очей вскинуть и на мысль тебѣ не пришло. Знаючи, что изъ Византіи ждать тебѣ нѣкого, дальше на Закатъ помыслы ты устремляла. Былóе то дѣло, пролитаго въ сосудъ не вернешь, а ужъ, коли правду молвить, такъ я и въ латúны зачѣмъ пошелъ, какъ не въ чаяніи, что въ тамошнихъ свычаяхъ и обычаяхъ средство милымъ тебѣ стать обрѣту?

АННА [усмѣхаясь].

А коли такъ, почто не вернулся оттуда дукомъ какимъ или же въ иномъ санѣ верховномъ мечомъ да копьемъ съ боя дóбытымъ? Не безпримѣрное дѣло это было бы! Коли съ латины бы не поладилъ, въ чехи и моравы почто не пошелъ? Одного вѣдь съ нами корня словеньскаго тѣ народы... Эхъ, да что слова на вѣтеръ пускать, Димитрій Ингоревичъ! Ты свое время и счастье по доброй волѣ упустилъ и выпала мнѣ часть иная, а части той чураться нóнѣ, почитай княжнѣ Аннѣ уже и поздно!

ДИМИТРІЙ.

Я вѣдь и не неволю тебя на то, Анна Ярославна. О томъ, какъ легко мнѣ тебя снаряжать подъ вѣнецъ съ державцемъ фряжскимъ — знаютъ только грудь, да подонлека, да ночи мои безсонныя; но кровь славяно-русская не попапрасну въ жилахъ моихъ течетъ. Также какъ и ты, ядy я отъ рода древляго варяжскаго и твоимъ подобно, праотцы мои народомъ новогородскимъ призваны были порядокъ водворять въ великой и обильной землѣ русской. Въ краяхъ чужеземныхъ побывавъ, смекнулъ я, давно уже смекнулъ, какая польза великая произойдти можетъ отъ союза по крови и по духу промежъ двухъ странъ предѣльныхъ нашего міра христіанскаго. Пусть король Генрикъ и папёжникъ будетъ, все же въ одного съ нами Христа онъ вѣруетъ и кресту живоносному покло-

няется. Промежъ его землею и нашею тьмы-тьмами засѣли его и наши враги, что славянъ зарубежныхъ съѣсть хотятъ и на богатыя пàжити ихъ, да на вертограды фряжскія съиздавна зàрятся. Стражу неусыпную и промежъ собой во всемъ согласную, съ двухъ боковъ той алчной челяди устроить—дѣло святое и великое! Коли союзъ твой брачный съ Генрикомъ-королемъ помочь тому дѣлу можетъ, я тебѣ земно́ челомъ поклонюсь, единой только милости пытаючи. Позволь за тобою въ Парижъ-градъ слѣдовать. Авось еще пригожусь тебѣ, на чужбинѣ далекой.

АННА [пристально смотря ему въ глаза].

Коли не лжешь, такъ правду молвишь! Почему и не взять тебя въ приспѣшники и слуги вѣрные будущей королевѣ фряжской—и мнѣ польза и тебѣ выходитъ не во вредъ, да и боярышнѣ Жильбертѣ Аттиньской подарокъ хорошій выдетъ. Не даромъ она на тебя, какъ встрѣтитесь, взоры умильные мещетъ.

ДИМИТРІЙ [смѣло выдерживая насмѣшливый звукъ рѣчи Анны].

А хоть бы и такъ, государыня-княжна! Боярышня Жильберта не царскаго рода и мнѣ, смиренному, очи на неё воздымать не заказано. На всякъ конецъ продерзости въ томъ куда меньше, чѣмъ въ помыслахъ тайныхъ брата ея родимаго, комтура Гюга.

АННА [надменно].

Это ты еще о чемъ? Не знаеше что-ль, что мессиръ д'Аттиньи здѣсь отъ имени моего державнаго суженаго, короля Генрика и слово молвитъ и весь обычàй свой посольскій держитъ!

ДИМИТРІЙ.

Такъ-то оно такъ, да ужъ дюже усердно должность свою посольскую онъ исправляетъ. Инò-мѣсто, какъ этого соловья фряжскаго послушать,—нѣтъ-нѣтъ, да и почудится, что не отъ имени короля Генрика, а за свой страхъ и счетъ онъ рѣчи любовныя съ тобой держитъ, княжна, втихомолку отъ родителя твоего державнаго...

АННА [вспыхнула и грозно на него метнула взоромъ].

Думать ты воленъ что хочешь, сударь Димитрій Ингоревичъ, да мнѣ только про тѣ думы знать не пристало и не охота. А взять тебя съ собою въ Парижъ-градъ—такъ и быть, изволь, возьму!

ДИМИТРІЙ [низко, но насмѣшливо кланяясь].

И за то благодарствую, государыня-княжна! [смотря въ боковую дверь]. А пока что—на пиръ обручальный итти будь готова. Отъ князя великаго по́сланцы сюда за тобою идутъ.

СЦЕНА V.

Тѣ же и Гераклій, Гюгъ д'Аттиньи, аббатъ Арнольдъ Клерваллонскій, Жильберта д'Аттиньи и Елена Гостомысловна.

ГЕРАКЛІЙ.

Деспоина Анна! Родитель и государь твой, повелѣть тебѣ изволилъ на пиръ обручальный съ замѣстникомъ будущаго твоего державнаго супруга, короля Генрика, обычнымъ уставомъ итти!

ЖИЛЬБЕРТА Д'АТТТИНЬИ [обращаясь къ Димитрію].

Messire Dimitri! Veuillez faire asçavoir à gente dame et duchesse Anna, qu'en conformité des us et coutumes de notre pays de France, l'honneur insigne de mettre sa main auguste dans icelle du représentant du roi Henri revient en ce jour à sa très humble servante, dame et comtesse Gilberte d'Attigny, ici présente*).

*) Господинъ Димитрій! Благоволите сообщить государынѣ-княжнѣ Аннѣ, что, согласно съ свычаями и обычаями нашей страны французской, честь великая—руку ея царственную въ руку замѣстника короля Генрика сегодня положить, принадлежитъ ея рабѣ смиренной, боярынѣ и графинѣ Жильбертѣ д'Аттиньи, здѣсь стоящей.

АННА [не давая говорить Димитрію].

Et à la vieille coutume françoise me conformer est grand déduit. Voci ma dextre [протягивая правую руку] gente damoiselle *).

ЖИЛЬБЕРТА Д'АТТИНЬИ.

Moultes excuses à ma dame et maîtresse il me faut faire. D'après la coutume françoise la fiancée est menée à l'autel, comme aux fiançailles, donnant la sénestre à son futur époux et seigneur ains qu'à celui qui momentanément le remplace **).

АННА.

Adonc qu'il soit fait comme le dites [подавая лѣвую руку Гюгу д'Аттиньи]. Marchons, messire comte, et que le Seigneur Dieu nous ait en sa sainte garde ***) [обращаясь къ Еленѣ Гостомысловнѣ]. А ты, дѣвка, слѣдомъ за мной иди, мѣста французѣнкѣ не уступаючи. [Жильберта хочетъ итти немедленно за Анной, но Елена Гостомысловна грубо ее отталкиваетъ и слѣдуетъ за княжною, которая съ Гюгомъ и Еленой удаляются, предшествуемые Геракліемъ].

СЦЕНА VI.

Жильберта д'Аттиньи и Димитрій.

ЖИЛЬБЕРТА Д'АТТИНЬИ [сверкнувъ глазами].

Que veut dire ceci messire Dimitri? ****)

ДИМИТРІЙ [усмѣхаясь].

Prenez patience gente comtesse. De la courtoisie et urbanité du beau pays de France point ne sont instruites nos dames de

---

*) И старому обычаю французскому мнѣ послѣдовать—великое ликованіе. Вотъ моя десная, прекрасная дѣвица.

**) Много извиненій государынѣ и повелительницѣ моей приношу. По французскому обычаю невѣсту къ алтарю и на обрученье ея будущій супругъ и господинъ, равно какъ и его замѣстникъ, за шую ведетъ.

***) Такъ будь по вашему. Идемъ, господинъ графъ, и да Господь Богъ насъ святою охраною своею осѣнитъ.

****) Что это значитъ, господинъ Димитрій?

Kiew. Des façons de la damoiselle Hélène vous prendrez revanche à Paris *).

ЖИЛЬБЕРТА Д'АТТИНЬИ [кокетливо].

Et me promettez-vous de m'y aider, gentil chevalier? **).

ДИМИТРІЙ.

Ayez fiance en votre devoué serviteur, dame Gilberte. Point ne faillirai à la promesse donnée ***).

ЖИЛЬБЕРТА Д'АТТИНЬИ.

Sous peine de félonie insigne je garde cette présente promesse messire et, en foi d'elle, vais prendre ma place au festin d'accordailles ****). [Уходитъ].

СЦЕНА VII.

ДИМИТРІЙ [одинъ].

«Прошлаго не вернешь» молвила княжна. Съ перваго облика можетъ оно и такъ, да только вѣдь и я парень не промашный! Въ Парижѣ-градѣ виднѣе будетъ—простымъ-ли приспѣшникомъ и покорнымъ рабомъ будущей королевы фряжской сужено мнѣ остаться или посреди народа иноземнаго другая доля мнѣ выпадетъ... Не Анна, такъ Жильберта эта чернокудрая, да черноглазая на долю доброму молодцу достанется. Даромъ отъ помысловъ давнихъ и потайныхъ, я, видитъ Спасъ Нерукотворный, ни за что не откажусь! [Уходитъ. За сценой трубы, бряцанье оружіемъ и крики народной толпы].

*) Поторопите, прекрасная графиня. Французскому вѣжеству и учтивству наши кіевскія боярыни не обучены. За обращеніе боярышни Елены вы ей въ Парижѣ отплатите.

**) А обѣщаете-ли мнѣ въ томъ помочь, рыцарь доблестный?

***) Положитесь на вашего преданнаго слугу, госпожа Жильберта, слову данному не измѣню.

****) Подъ страхомъ обмана недостойнаго, ваше обѣщаніе, сударь, отъ васъ принимаю, и вѣря ему, иду занять мое мѣсто на пиру сговорномъ.

НАРОДЪ.

Здравы и живы бывайте, государь, великій князь и государыня-княжна Анна Ярославна!

ГОЛОСЪ ЯРОСЛАВА.

Здравъ и живъ буди, нашъ зять нареченный король Генрикъ фряжскій!

НАРОДЪ.

Здравъ и живъ буди, король Генрикъ фряжскій!

ЗАНАВѢСЪ.

А. Н. Будищевъ.

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ.

Лакей Никифоръ, по-стариковски шмыгая ногами, и чувствуя сердцемъ бѣду, явился на зовъ въ кабинетъ; Барышниковъ поглядѣлъ на него искоса, недружелюбно, и сказалъ ему:

— Видишь-ли, Никифоръ, я бы съ тобой не разстался, хотя ты и старъ и очень не расторопенъ, но твоя собака, Никифоръ,—она меня просто съ ума сводитъ!

Барышниковъ растопырилъ руки съ красными ладонями, посмотрѣлъ на носъ Никифора и истерично вскрикнулъ:

— Это какой-то чортъ, а не собака! Сегодня она вылакала сливки, а вчера съѣла на кухнѣ яйца!

Никифоръ угрюмо отвѣтилъ:

— Яйца скотница съѣла, а не Венерка.

— Это полсотни-то яицъ скотница съѣла? язвительно переспросилъ Барышниковъ.

— Съѣла, угрюмо повторилъ Никифоръ и добавилъ:

— А сливки усохли.

Все лицо Барышникова перекосилось язвительной гримасой.

— Усохли? переспросилъ онъ.

— Усохли, повторилъ Никифоръ, угрюмо.

Барышниковъ сокрушенно вздохнулъ.

— Однимъ словомъ, вотъ что, Никифоръ, сказалъ онъ,— пристраивай свою собаку, куда хочешь. Хочешь, отдай кому-нибудь, хочешь—пристрѣли, но только держать тебя съ собакой я не стану.

— На то есть воля ваша, замѣтилъ Никифоръ.

— Да на что тебѣ собака? продолжалъ Барышниковъ, поглядывая куда-то въ потолокъ,—она стара, глуха, глупа, неряшлива и не пригодна ни для какой охоты.

— Собака хорошая, это вы напрасно, возразилъ Никифоръ.

Барышниковъ хотѣлъ-было его перебить, но Никифоръ упрямо продолжалъ:

— Собака—деликатная, пріятная, послушная, чистыхъ кровей; такую собаку любой, кому не надо, возьметъ, и пристрѣливать её не къ чему!

Никифоръ сердито повернулся, вышелъ изъ кабинета, прошелъ въ свой уголъ подъ лѣстницу и злобно плюнулъ.

— Тьфу, проговорилъ онъ,—скотницы яйца жрутъ, а собака отвѣчай. Господа, нечего сказать!

На его лицѣ отразилось брезгливое чувство ко всѣмъ вообще господамъ. Онъ покачалъ головой и, присѣвъ тутъ же, подъ лѣстницей къ своему сундучку, сталъ перебирать разный хламъ: старое платье, сапожную щетку, жестянку изъ-подъ монпасье, двѣ перчатки съ лѣвой руки. Венерка лежала здѣсь же, у сундука, свернувшись въ клубокъ, и при взглядѣ на ея посѣдѣвшія щеки Никифоръ внезапно вспомнилъ, что ей уже двадцать лѣтъ.

«Стара дѣлается, подумалъ онъ съ тоской,—глупѣетъ; блудить стала». Онъ вздохнулъ. Ему стало до боли жалко кого-то. Съ разсѣяннымъ видомъ долго онъ сидѣлъ у своего сундучка, поглядывая на спящую Венерку и соображая, сколько же ему лѣтъ, если и его Венеркѣ уже двадцать. По его соображеніямъ, ему выходило подъ шестьдесятъ. Это его точно придавило. Внезапно ему пришло въ голову, что баринъ не хочетъ его держать, вотъ именно за то, что онъ, Никифоръ, дѣлается негоднымъ и старымъ, а Венерка—это только пустая отговорка. Онъ снова вздохнулъ и снова съ разсѣяннымъ видомъ сталъ рыться въ своемъ сундучкѣ. Онъ нашелъ тамъ фотографію какого-то архіерея и силача изъ цирка, колесико отъ шпоры и двѣ книги: романъ «Липкая» и

«Ха-ха-ха или тысяча анекдотовъ». Но все это его нисколько не утѣшило. Съ сердитымъ видомъ онъ захлопнулъ сундучекъ, прошелъ въ кабинетъ и спросилъ у Барышникова отпускъ на весь день.

— За Венерку, сказалъ онъ,—въ прошломъ году псаломщиковъ сынъ 25 рублей давалъ, такъ нужно сходить къ нему.

— Двадцать пять рублей? спросилъ Барышниковъ,— и онъ въ своемъ умѣ, этотъ псаломщиковъ сынъ?

И Барышниковъ расхохотался. Никифоръ сердито вышелъ изъ кабинета и снова прошелъ въ своей уголъ. Онъ рѣшился итти въ село Трындино, за двѣ версты отъ усадьбы, гдѣ онъ служилъ, къ псаломщикову сыну, чтобы пристроить Венерку. Но однако онъ медлилъ и не собирался въ путь, слоняясь по своему углу съ разсѣяннымъ и смущеннымъ взоромъ. Въ глубинѣ души онъ подозрѣвалъ, что его Венерку никто не возьметъ даже за приплату съ его стороны, и это его угнетало. Кромѣ того, его угнетало сознаніе, что и самъ онъ дѣлается старымъ и негоднымъ, и что только поэтому къ нему начинаютъ придираться. Когда онъ былъ молодъ, его держали и съ собакой, да и платили дороже, а теперь онъ сталъ много дешевле. Съ тѣмъ же разсѣяннымъ и смущеннымъ взоромъ онъ вышелъ неизвѣстно для чего на крыльцо, и долго стоялъ на вѣтру, всматриваясь въ осеннюю муть ненастнаго дня, не обѣщавшаго ничего радостнаго. Тутъ онъ увидѣлъ скотницу Авдотью; она стояла у бочки, и, очевидно, только что вымывъ свои крупныя и сильныя руки, вытирала ихъ фартукомъ. Ея здоровый и цвѣтущій видъ обозлилъ Никифора и онъ сердито крикнулъ:

— Сколько сегодня яицъ съѣла?

Авдотья даже не удостоила его отвѣтомъ, и брезгливо повернувшись къ нему задомъ, продолжала вытирать свои руки.

Это еще болѣе обозлило Никифора.

— А ты мнѣ свою астролябію-то не выказывай, крикнулъ онъ ей,—я вѣдь тебѣ не кто нибудь!

И, поднявъ осколокъ кирпича отъ размытаго дождями фундамента, онъ швырнулъ имъ въ нее, умышленно сдѣлавъ такъ, чтобъ осколокъ ударилъ въ бочку.

— Моли Бога, не попалъ! крикнулъ онъ, и сердито хлопнувъ дверью, вошелъ въ домъ.

Здѣсь онъ одѣлся въ бѣличій, весь потертый, полушубчикъ съ барскаго плеча, взялъ ружье и позвалъ за собой разоспавшуюся Венерку. Черезъ минуту они оба выходили изъ воротъ усадьбы. Итти имъ обоимъ очевидно не хотѣлось, и, увидѣвъ кучера, поившаго у колодца лошадей, Никифоръ подошелъ къ нему. Съ сожалѣніемъ на всемъ лицѣ, онъ сталъ разсказывать ему, что вотъ онъ получилъ письмо отъ псаломщикова сына изъ села Трындина. Тотъ желаетъ купить у него Венерку и предлагаетъ ему за нее 25 рублей. А такъ какъ Никифоръ желаетъ справить себѣ новый полушубокъ, то онъ и рѣшился итти въ Трындино и продать собаку. Венерка сидѣла тутъ же и слушала ихъ разговоръ, равнодушно повѣсивъ уши, а Никифоръ спрашивалъ кучера:

— Какъ ты думаешь, продавать мнѣ ее, или нѣтъ?

Кучеръ посовѣтывалъ продать, но только запросить 40 рублей, потому что, если псаломщиковъ сынъ настолько глупъ, что даетъ за собаку 25 рублей, то онъ смѣло можетъ заплатить и 40.

Эта бесѣда нѣсколько развлекла Никифора, и онъ двинулся въ путь уже повеселѣвшій. Однако, когда онъ остался съ глазу на глазъ съ мутнымъ небомъ и мокрыми полями, ему снова стало жутко и страшно.

Солнце близилось уже къ закату, когда Никифоръ и Венерка возвращались обратно изъ села Трындина въ усадьбу, оба продрогшіе, усталые и унылые. Венерка плелась позади своего хозяина, потупивъ голову и сконфуженно повѣсивъ уши. Въ Трындинѣ ее никто не взялъ: ни псаломщиковъ сынъ, ни учитель, ни волостной писарь. Всѣ даже смѣялись надъ предложеніями Никифора, и по этимъ насмѣшкамъ онъ понялъ, что Венерка стала никуда негодной рухлядью. Выйдя изъ сельской околицы, Никифоръ твердо рѣшился пристрѣлить ее. Не уходить же ему въ самомъ дѣлѣ съ мѣста изъ-за собаки? Кто его возьметъ, стараго? Однако онъ не приводилъ въ исполненіе своего намѣренія и уныло плелся вязкой дорогой, припоминая свою жизнь. Припоминалась она ему какими-то отрывистыми клочками, не имѣвшими ни связи, ни смысла, вся изжитая какъ-то не по-людски, безъ своего угла, безъ семьи, безъ привязанности. Нынче здѣсь, завтра тамъ. И съ женщинами онъ

сходился не по-людски: сегодня одна, завтра другая. Да лакею гдѣ же обзаводиться семьею? У него былъ даже сынъ — одинъ, онъ знаетъ это навѣрно, но гдѣ, въ какомъ городѣ — запамятовалъ: не то въ Борисоглѣбскѣ, не то въ Кузнецкѣ. Онъ и имени его не помнитъ хорошенько. И теперь у него никого нѣтъ; никого, кромѣ Венерки. А между тѣмъ, всю жизнь его томила тоска по семьѣ, и когда онъ бывалъ пьянъ, онъ любилъ пѣть жалостные романсы, гдѣ пѣлось о томъ, какъ она, вѣроломная женщина, надругалась надъ нимъ, несчастнымъ и влюбленнымъ юношей. Въ жизни, въ романахъ Никифора, страдательнымъ лицомъ всегда являлась женщина, и вотъ, теперь, это разногласіе дѣйствительности и пѣсни, еще болѣе угнетало его.

Уйдя съ полверсты отъ Трындина, Никифоръ присѣлъ въ опушкѣ лѣса, на пенькѣ. Здѣсь онъ рѣшился пристрѣлить Венерку, а барину онъ скажетъ, что продалъ ее проѣзжему офицеру за 25 рублей. Но онъ снова задумался. Насквозь промокшая березка торчала рядомъ съ нимъ, какъ грязный вѣникъ. Сѣрые клочья тучъ цѣплялись за оголенныя вершины лѣса и медленно ползли, какъ лѣнивыя черепахи, а дальше лежали мокрыя поля, пронизанныя затхлымъ запахомъ осени. Венерка сидѣла противъ Никифора, дрожала кожей спины, клевала носомъ и старчески сопѣла. И обѣ эти фигуры на мутномъ фонѣ осеннихъ сумерекъ, вырисовывались такими жалкими, одинокими и безпріютными. Никифоръ все думалъ и думалъ, сутуло и неподвижно сидя на своемъ пенькѣ, и ему приходило въ голову, что и онъ кончитъ свои дни также, какъ и Венерка. Вѣдь это людямъ только кажется, что они умираютъ своей смертью, а на самомъ дѣлѣ ихъ пристрѣливаетъ неизвѣстный хозяинъ, когда они дѣлаются старыми и негодными для жизни.

Никифоръ поднялся съ пенька. Венерка все также сидѣла и дремала, закатывая глаза куда-то подъ лобъ. Тихохонько и осторожно, чтобъ не разбудить спящей, Никифоръ сдѣлалъ два шага и съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, сталъ цѣлить. Венерка даже не пошевелилась и по-прежнему клевала носомъ и равнодушно сопѣла, раздувая посѣдѣвшія щеки. Вѣроятно она не вѣрила, что онъ будетъ стрѣлять въ нее, и она не ошиблась: выстрѣла не послѣдовало. Ружье ходуномъ ходило въ рукахъ Никифора,

а его глаза заволакивало туманомъ и старческой слезою. Онъ снова поднялъ ружье и снова опустилъ его.

Неизвѣстно, какимъ образомъ была бы рѣшена участь Венерки, если бы къ Никифору въ это время не подошелъ охотникъ, трындинскій парень, Мишутка, въ дырявомъ кафтанѣ, дырявой шапкѣ и съ краснымъ носомъ. За его пазухой торчала краюха хлѣба, а за спиной одностволка, съ такой кривою ложей, что нужно было всякій разъ широко разѣвать ротъ, чтобы прицѣлиться.

Никифоръ точно обрадовался ему, и путаясь, и запинаясь на словахъ, онъ сталъ просить парня пристрѣлить Венерку; на-дняхъ ее укусила бѣшеная собака, и она можетъ взбѣситься; онъ бы и самъ пристрѣлилъ ее, да у него подмокъ пистонъ.

— Собака хорошая, а ничего не подѣлаешь, сконфуженно повторялъ Никифоръ, и обѣщалъ за это Мишуткѣ гривенникъ.

Мишутка принялъ предложеніе съ восторгомъ; онъ любилъ стрѣлять, и если ему обезпечивали вознагражденіе за выстрѣлъ, онъ съ одинаковымъ удовольствіемъ стрѣлялъ и въ шапку и въ волка.

Тотчасъ же онъ привязалъ Венерку на свой кушакъ и поволокъ ее за собой по вязкой лощинѣ.

Венерка билась всѣмъ тѣломъ, хрипѣла, упиралась, крутила шеей и просила у Никифора помощи мутными старческими глазами, полными ужаса. Она не сомнѣвалась, что смерть ея неизбѣжна, такъ какъ за это былъ обѣщанъ гривенникъ. А Никифоръ смотрѣлъ на эту сцену мутными глазами, очень похожими на глаза Венерки. Онъ видѣлъ, какъ Мишутка оттащилъ ее саженей на двадцать и привязалъ къ дереву. Затѣмъ онъ отошелъ шага на два и, въ то время, какъ Венерка прыгала и металась съ дикимъ воплемъ и молодой рѣзвостью, онъ приставилъ къ плечу кривую ложу ружья и широко раскрылъ ротъ. Раздался выстрѣлъ. Венерка взвизгнула, ткнулась окровавленной мордой въ вязкую землю, и лѣсъ закачался въ глазахъ Никифора.

Когда Никифоръ доставалъ изъ потертаго кошелька гривенникъ, чтобы расплатиться съ Мишуткой, руки его такъ дрожали, что онъ выронилъ монету и никакъ не могъ поднять ее съ земли; и Мишутка внезапно замѣтилъ, что Никифоръ ужасно

старъ и слабъ, и даже плохо стоитъ на ногахъ. Затѣмъ, къ удивленію парня, Никифоръ пошелъ не въ усадьбу, а вмѣстѣ съ нимъ, въ Трындино, и по дорогѣ онъ тыкался на пеньки, какъ слѣпой. По дорогѣ же, въ неясныхъ и туманныхъ выраженіяхъ, Никифоръ говорилъ ему, что всѣхъ ихъ, въ свою очередь, пристрѣлитъ неизвѣстный хозяинъ, и развѣ онъ виноватъ, что Венеркинъ чередъ наступилъ раньше? Мишутка не понималъ изъ его рѣчей ни слова, и отвѣчалъ ему, что всякая тварь себѣ на умѣ: на что ужъ кажется глупъ тетеревъ, а вотъ, поди-ка, возьми его!

Такъ они проговорили всю дорогу, и мутное осеннее небо капало на нихъ старческой, жиденькой слезою.

Черезъ часъ Никифоръ сидѣлъ въ трактирѣ «Зеленая Горка» и цѣловался съ мужикомъ, изъ бороды котораго торчала рыбья кость. Онъ былъ совершенно пьянъ, горько плакалъ и пѣлъ старческой фальшивой фистулькой:

— Зачѣмъ ты, безумная, губишь
Того, кто увлекся тобой?..

Ю. Л. Елецъ.

НА БРОНЕНОСЦѢ У БЕРЕГОВЪ КРИТА.

Когда по синевѣ морей
Зефиръ скользитъ и тихо вѣетъ
Въ вѣтрила гордыхъ кораблей
И челны на волнахъ лелѣетъ,
Заботъ и думъ слагая грузъ,
Тогда лѣнюсь я веселѣе
И забываю пѣсни музъ:
Мнѣ моря сладкій шумъ милѣе.

А. Пушкинъ.

I.

Была полночь, когда на зеленоватомъ фонѣ неба, освѣщеннаго полною луной, выросли какія-то темныя очертанія. Пароходъ «Королева Ольга», на которомъ я направился къ Криту, держалъ курсъ прямо на его вершины, за которыми скрывалась Судская бухта. На палубѣ, несмотря на поздній часъ, толпились пассажиры, интересовавшіеся Критомъ и недовольные такимъ неудобнымъ временемъ прибытія и часовой стоянкой, лишавшими возможности хотя глазомъ окинуть таинственный, надѣлавшій столько хлопотъ Европѣ островъ, съ его постояннымъ и пришлымъ населеніемъ, чуть не двенадесяти языковъ. Но и этотъ крюкъ къ владѣніямъ Минотавра былъ лю-

безностью «Русскаго общества пароходства и торговли» по отношенію къ нашей эскадрѣ и сухопутному отряду на Критѣ, какъ единственная возможность обмѣна почтовой корреспонденціи.

Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ рельефнѣе выдѣлялись на фонѣ южнаго неба вершины, полныя миѳологическихъ преданій. Скоро дорогу намъ перегородило нѣчто въ родѣ мола, такъ что съ полчаса я былъ убѣжденъ, что передо мною — сооруженіе рукъ человѣческихъ, но когда пароходъ поровнялся съ нимъ, оказалось, что это берегъ, верхняя линія котораго на большомъ разстояніи шла параллельно морю. Скоро зыбь, заставлявшая слегка поклевывать носомъ наше судно, исчезла, какъ по мановенію волшебнаго жезла, и струя за кормой стала бѣднѣе, не такой богатой пѣной и фосфорическими блестками: мы входили въ Судскую бухту, куда путь намъ указывалъ красноватый, привѣтливо мигающій огонекъ маяка. Вотъ вправо выросъ островокъ съ крѣпостными верками форта «Изеддинъ», защищавшаго входъ въ бухту, въ глубинѣ которой запестрѣли бѣлые и алые огни: они обозначали присутствіе военныхъ судовъ разныхъ націй. Съ одного изъ нихъ вдругъ зарыскалъ по зеркальной поверхности моря длинный снопъ электрическаго свѣта и, поймавъ быстро нашъ пароходъ и какъ бы любовно обнявъ его, такъ на немъ и замеръ. Глухо застучала цѣпь вытравливаемаго якоря, и «Королева Ольга» остановилась. Вскорѣ отъ броненосца «Императоръ Александръ II», такъ родственно насъ встрѣтившаго и освѣтившаго, какъ звѣзда первой величины скромную планету, отдѣлился огонекъ и быстро побѣжалъ по направленію нашего парохода: за нимъ показался другой, не такъ уже спѣшившій. Черезъ нѣсколько минутъ къ правому трапу легко подошелъ бѣлый, какъ снѣгъ, паровой катеръ и молодой, очень красивый флагъ-офицеръ командующаго эскадрой контръ-адмирала Н. И. Скрыдлова поднялся на палубу. Послѣ взаимныхъ представленій, я узналъ отъ прибывшаго, что на броненосцѣ меня ждутъ, что мнѣ отведена каюта № 17 и назначенъ вѣстовой. Пока мичманъ занимался скучнымъ и кропотливымъ дѣломъ пріема корреспонденціи и выдачей разнаго рода росписокъ, я съ любопытствомъ занялся новой окружающей военной обстановкой. Справа, слѣва и впереди обрисовывались мощные контуры броненосцевъ, вдали на го-

ризонтѣ виднѣлись огоньки мѣстечка Суды. Внизу, у борта парохода, покачивались катера паровой и гребной, и виднѣлись симпатичныя фигуры нашихъ матросиковъ въ бѣлыхъ рубашкахъ съ большими синими воротниками и слышался родной говоръ съ вологодскимъ акцентомъ. Типичныя ихъ лица освѣщались съ одной стороны электричествомъ, съ другой — луной. На палубѣ дожидался степенный, бравый унтеръ-офицеръ, впослѣдствіи проявившій много таланта въ матросскомъ спектаклѣ, устроенномъ на броненосцѣ.—Наконецъ, всѣ почтовыя формальности были окончены, мы спустились по узкому трапу и вошли въ катеръ, который хлопотливо стуча машиной и таща на буксирѣ гребной,—направился къ броненосцу. Когда мы къ нему приблизились, нужно было высоко поднять голову, чтобы увидѣть верхнюю палубу. Впослѣдствіи, подробно познакомившись съ внутреннимъ устройствомъ гиганта, я, какъ-то, въ шутку, въ каютъ-компаніи, назвалъ его губернскимъ городомъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ заключалъ въ себѣ много того, что составляетъ городскіе элементы: церковь, театръ, клубъ, судъ, канцелярію, цѣлыя фабрики (въ видѣ машинныхъ отдѣленій), мастерскія, магазины, войско (экипажъ броненосца) и т. п. Но особенно было дорого, что гдѣ-то у береговъ далекаго, совсѣмъ чуждаго острова, пришлось счастливо встрѣтиться съ цѣлымъ русскимъ міркомъ, съ близкими по сердцу и духу людьми, съ дорогими завѣтными русскими обычаями и даже съ частью русской территоріи, принимая въ расчетъ не маленькую судовую палубу въ нѣсколько этажей, изъ которой, въ развитіе дальнѣйшаго сравненія съ городомъ можно было бы выкронть немало площадей, улицъ и переулковъ. Когда мы взошли на броненосецъ, мнѣ бросилось первою въ глаза, какъ изваянная, фигура часового у трапа; царившая кругомъ тишина нарушалась лишь шагами вахтеннаго офицера. Спускаясь внизъ за моимъ любезнымъ чичероне, я долженъ былъ все время нагибаться и лавировать между лежавшими въ подвѣшенныхъ къ потолку койкахъ, какъ въ громадныхъ коконахъ, матросами, а ихъ было до 700 человѣкъ. Послѣ долгихъ переходовъ и поворотовъ я попалъ, наконецъ, въ отведенную мнѣ каюту. На маленькомъ пространствѣ, не болѣе квадратной сажени, были разставлены съ большимъ умѣніемъ: шкапъ, умывальникъ, столъ и кровать,

все изъ краснаго дерева, и еще оставалось свободное мѣсто; электрическая лампочка, кокетливо запрятанная въ голубой колпачекъ, лила мягкій, пріятный свѣтъ на дивно отполированныя, бѣлыя стѣны каюты, и на меня повѣяло чѣмъ-то особеннымъ, неизвѣданнымъ. Въ открытый иллюминаторъ доносился равномѣрный плескъ морской воды о борта броненосца и ощущался ея іодистый запахъ. Изъ-за запертой двери каюты раздавался ритмическій глухой звукъ: сначала я мечталъ, что вотъ-вотъ онъ прекратится, такъ какъ сильно мѣшалъ заснуть: но не тутъ-то было: машина продолжала свое назойливое выстукиваніе. Особенно было несносно, что время отъ времени она, какъ будто, уставала и замедляла ходъ; у меня всякій разъ при этомъ снова нарождалась надежда: а вдругъ перестанетъ,— но ходъ снова увеличивался и съ большей силой билъ по слуховымъ органамъ. Утромъ мнѣ объяснили, что это вѣчный труженикъ—опрѣснитель, добывающій воду для питья и мытья, и окрещенный въ каютъ-компаніи «Камерономъ». Не прекращавшаяся ни на минуту работа сдѣлала опрѣснителя моимъ личнымъ врагомъ, и подъ конецъ моего пребыванія на броненосцѣ я взмолился перевести меня изъ № 17 поближе къ каютъ-компаніи, и слезная просьба моя была уважена.

Когда я утромъ вышелъ на палубу вмѣстѣ съ адмираломъ, чтобы представиться обществу офицеровъ, передо мною развернулась дивная картина. Обширный рейдъ окаймлялся одѣтыми еще зеленью горами, круто спускавшимися къ морю и только по направленію къ Канеѣ образовавшими покрытую оливковыми деревьями долину, гдѣ привѣтливо бѣлѣли домики Суды. Продолженіемъ ея вглубь бухты являлись длинныя, каменныя зданія таможни и двухъ-этажная казарма, на которой развѣвался австрійскій флагъ. Вокругъ «Александра II» виднѣлись суда великихъ державъ. За его кормой обрисовывались мощныя формы итальянскаго флагманскаго броненосца «Сардинія», представляющаго послѣднее слово судостроенія. Влѣво отъ него виднѣлся англичанинъ «Компердоунъ», извѣстный потопленіемъ своего собрата «Викторіи». По сторонамъ стояли два плохо-плохо окрашенные и содержанные турецкіе броненосца, при чемъ одинъ былъ безъ котловъ, и какъ разбитый параличемъ старикъ, уже съ годъ не могъ двинуться съ мѣста. Бѣлый, кокетливый нашъ крейсеръ «Гро-

зящій» помѣстился рядомъ съ англійскимъ «Гусаромъ», а напротивъ разводила пары, канонерская лодка «Посадникъ». За нею, точно двѣ большія сѣрыя сигары поколыхивались на волнахъ два русскихъ миноносца. Противъ нашего броненосца возвышался французскій: — «Адмиралъ Шарнеръ».

Вскорѣ на палубѣ выстроился хоръ музыки, и раздалась команда вахтеннаго офицера: «На флагъ, на гюйсъ!» Все замерло въ ожиданіи сигнала со старшаго флагманскаго судна — итальянскаго. Но вотъ взвился его красивый кормовой флагъ, и въ тиши теплаго мартовскаго утра понеслись со всѣхъ сторонъ по волнамъ торжественные звуки національныхъ гимновъ всѣхъ великихъ державъ — опекуновъ Крита. На каждомъ броненосцѣ ихъ играли поочередно, прибавляя изъ вѣжливости къ хозяевамъ страны и турецкій. «Флагъ и гюйсъ поднять!» раздалась у насъ команда, и громадный бѣлый флагъ съ синимъ андреевскимъ крестомъ медленно поднялся на кормѣ. Всѣ офицеры обнажили головы, и послышались торжественные звуки нашего гимна, а за нимъ и остальныхъ. По окончаніи этой ежедневной церемоніи и рапортовъ начальниковъ отдѣльныхъ частей командиру броненосца, начался обычный его служебный день. Вездѣ вокругъ все стихло, только британцы долго не могли уняться, и на ихъ палубѣ съ часъ еще гремѣла музыка.

Помѣщеніе адмирала, куда мы собрались къ чаю, было очень обширное сравнительно со скромными размѣрами офицерскихъ каютъ. Оно состояло изъ залы, игравшей одновременно и роль столовой; у боковыхъ ея стѣнъ стояли два шести-дюймовыя орудія, отдѣланныя заново, точно игрушки; небольшой комнаты, выходившей балкономъ на корму, откуда открывался дивный видъ на море и горы, кабинета и спальной, къ которой примыкали помѣщенія прислуги. Обычными гостями адмирала были командиръ броненосца и два флагъ-офицера—душевные и симпатичные, какъ всѣ моряки, люди, и мы скоро сошлись. Послѣ чая они занялись своими служебными обязанностями, а я, будучи празднымъ, принялся за наблюденія и изученіе совсѣмъ неизвѣстной для меня своеобразной морской обстановки. То къ правому, то къ лѣвому трапу броненосца все время подходили шлюпки со всѣхъ судовъ эскадры съ командами въ церковь для говѣнья, такъ какъ была шестая недѣля Великаго

поста, при чемъ на правую сторону ихъ приставало совсѣмъ мало. Вахтенный офицеръ любезно объяснилъ мнѣ, что правый трапъ—«господскій», для лицъ не ниже капитана 2-го ранга, а всѣ остальные чины и команда пристаютъ съ чернаго хода—лѣваго трапа.

Въ батарейной палубѣ уже началась обѣдня, которую служилъ симпатичный, молодой еще священникъ при большомъ и спѣвшемся хорѣ пѣвчихъ. Матросы, набожно крестясь, клали земные поклоны и ставили свѣчи у образовъ. На верхнемъ мостикѣ, куда я прошелъ изъ церкви, суетились сигнальщики.

— Куда ты «вѣди» задѣвалъ? ворчалъ приземистый, съ крывыми ногами матросъ на виднаго, красиваго брюнета съ широкой, загорѣлой шеей, отыскивая въ кучѣ свернутыхъ флаговъ нужное ему «вѣди»*).

— Не видишь что ли, у тебя подъ ногами! огрызнулся брюнетъ.

— А и взаправду! обрадовался тотъ, схватывая найденный флагъ и привязывая его къ веревкѣ.

— Ишь, идолы, не понимаютъ, пробормоталъ онъ, глядя въ сторону «Посадника», который держалъ флагъ на половинѣ, не разобравъ вполнѣ поданнаго сигнала.

— Кажись, ясно по буквамъ выходитъ: командѣ послѣ обѣда занятіевъ не производить, а мыть бѣлье. Впрочемъ, не навралъ ли я самъ? Ну ка, Микишевъ, спорхай въ рубку, посмотри въ книгу.

— Такъ и есть, радостно ухмыляясь возвѣстилъ тотъ, возвращаясь;—ты что взялъ?

— Буки, земля, нашъ, вѣди.

— Ну, а надо: буки, земля, нашъ, добро.

— Ахъ, чтобъ ты лопнулъ! засуетился сигнальщикъ, торопясь опустить флаги и поправить ошибку.

Сойдя еще ниже этихъ двухъ палубъ, я попалъ въ домашнюю обстановку жизни броненосца. Около моего врага, «Камерона» визжали токарные станки, работали слесаря и плотники, оживленно между собою разговаривая.

*) Во флотѣ извѣстныя сочетанія цвѣтовъ флага обозначаютъ ту или другую букву; сочетанія же ихъ образуютъ цѣлыя фразы, и такимъ образомъ съ адмиральскаго судна передаютъ приказанія и переговариваются съ другими судами эскадры.

— Вотъ какое дѣло, братцы, возгласилъ курносый токарь, бросая стамеску и вытирая обильно проступившій на лицѣ потъ,—въ ресторантъ просто и зайти нельзя: итальянцы сейчасъ въ морду лѣзутъ!

— Это дѣйствительно, поддержалъ его другой, — одинъ и не суйся, одно осталось: собраться побольше народу на берегу, да излупить ихъ всѣхъ, какъ сидоровыхъ козъ!

— Такъ-то оно вѣрнѣе будетъ, отозвался сидѣвшій на корточкахъ бородатый кочегаръ,—а то Малновъ, дуракъ, забрался въ деревню къ дрисальерамъ ихъ, собралъ всѣхъ въ кружокъ да и объявилъ: «Итальяно но боно»—тѣ такъ его отдули, что вторую недѣлю въ лазаретѣ лежитъ.

— И впрямь дуракъ, нешто такъ можно! послышались кругомъ голоса, и снова загудѣли станки.

Въ сопровожденіи встрѣтившагося мнѣ лейтенанта-художника и поэта, подмѣчавшаго всѣ стороны критской эпопеи, я прошелъ въ «камбузъ»*). Тамъ суетился поваръ и кашевары въ бѣлыхъ фартукахъ и колпакахъ, приготовляя «пробу»**), которую старшій боцманъ скомандовалъ нести командиру. На бакѣ нѣсколько матросовъ, какъ дѣти, возились съ двумя ручными газелями, пойманными на Критѣ. Красивыя козочки чувствовали себя на броненосцѣ какъ дома, перебираясь на тоненькихъ ножкахъ по трапамъ съ одной палубы на другую. Но вотъ пробили «склянки» и какъ изъ-подъ земли выросшій бравый адмиральскій вѣстовой пригласилъ насъ къ завтраку.

— Вы знаете, что у насъ, на военныхъ судахъ, время считается на «склянки», обратился ко мнѣ мой лейтенантъ,— какъ-то боцманъ закричалъ дневальному: «бей восемь склянокъ; какой-то новобранецъ, только что прибывшій на броненосецъ, услышавъ этотъ возгласъ, наивно взмолился къ нему: «Дяденька, не бей всѣхъ, оставь мнѣ хоть парочку!»

*) Такъ называется кухня на военныхъ судахъ.

**) Ежедневно командиръ и вахтенный офицеръ пробуютъ пищу нижнихъ чиновъ и имъ приносится пробная порція или «проба».

II.

Послѣ завтрака мы съ адмираломъ отправились вдвоемъ на берегъ. Ему нужно было осмотрѣть казармы, которыя за уходомъ австрійскаго батальона переходили въ вѣдѣніе русскихъ, итальянскихъ и англійскихъ войскъ. На каменныхъ плитахъ набережной, гдѣ присталъ нашъ катеръ, кипѣла жизнь;—смуглые берсальеры въ круглыхъ, съ пѣтушьими султанами шляпахъ, грузили вещи, перевезенныя съ ихъ судовъ, на двухколесныя телѣги, запряженныя рослыми, красивыми мулами. Невдалекѣ австрійцы въ синихъ блузахъ таскали свои пожитки на причаленные къ берегу баркасы, около которыхъ покачивались на волнахъ катеры и шлюпки съ судовъ разныхъ націй. Вдалекѣ, у сараевъ, возились наши матросы, укладывая кули съ мукой, пожертвованной Государемъ критянамъ. Далѣе нѣсколько англійскихъ офицеровъ играли въ лаунъ-теннисъ, весело перекрикиваясь между собою.

Турецкіе часовые у складовъ, съ невозмутимо апатичными физіономіями, въ старыхъ, вытертыхъ мундирахъ, съ массою патроновъ, въ высокихъ фескахъ, спокойно приглядывались къ пестрой картинѣ иноземнаго нашествія. Но вотъ отъ толпы работавшихъ австрійцевъ отдѣлился офицеръ и, держа руку подъ козырекъ, подошелъ къ адмиралу. «Здравствуйте», привѣтствовалъ тотъ его по-русски, что меня нѣсколько удивило, но это было ничто въ сравненіи съ моимъ изумленіемъ, когда тотъ, съ маленькимъ акцентомъ, отвѣчалъ: «Честь имѣю кланяться вашему превосходительству» и сталъ поддерживать по-русски разговоръ и со Скрыдловымъ, и со мною. Оказалось, что батальонъ весь состоитъ изъ русиновъ, и что бесѣдовавшій съ нами лейтенантъ долго стоялъ съ полкомъ въ Галиціи. Мы вмѣстѣ съ нимъ прошли въ казармы. Тамъ вездѣ царилъ образцовый порядокъ и чистота, какъ и во всей прилежащей мѣстности. Батальонъ устроился такъ, какъ будто навсегда располагалъ остаться на Критѣ. Вездѣ проложены были вымощенныя дороги, устроены изгороди, разбиты цвѣтники, возведены бесѣдки. Въ казармахъ стѣны были выбѣлены на славу, вездѣ висѣли надписи, указывавшія на кубическое содержаніе воз-

духа и число людей въ комнатѣ. Устроено было даже офицерское собраніе и притомъ съ большимъ комфортомъ, а также и прачешная для мытья солдатскаго бѣлья, съ проведенною водою и котлами.

На третій день моего пребыванія на Критѣ, мнѣ пришлось присутствовать при проводахъ этого батальона, покидавшаго островъ. На нихъ собирались всѣ адмиралы и офицеры съ судовъ разныхъ націй, а турки, въ знакъ особаго почета и радости по случаю ухода австрійцевъ, выслали къ берегу всѣ гребныя суда со своихъ броненосцевъ. Къ батальону, построенному противъ казармъ «покоемъ», при чемъ на знамени и у каждаго солдата на шапкѣ виднѣлись оливковыя вѣтви, подошелъ адмиралъ Гинке и на нѣмецкомъ языкѣ сказалъ довольно длинную рѣчь, которой, конечно, никто изъ нижнихъ чиновъ не понялъ; затѣмъ полковой капелланъ въ сутанѣ и военномъ головномъ уборѣ—цвѣтовъ полка—прочелъ молитву; музыканты заиграли гимнъ, подъ звуки котораго флагъ Австріи медленно опустился внизъ. Послѣ этого по рядамъ солдатъ обошель, прощаясь, старшій итальянскій адмиралъ Каневаро, и батальонъ перестроился въ колонну «по отдѣленіямъ» для послѣдняго церемоніальнаго марша на критской территоріи. Въ ту самую минуту, когда командиръ готовился провести австрійцевъ мимо адмираловъ, издалека послышались родные звуки удалой русской пѣсни, въ судскихъ воротахъ забѣлѣли фуражки житомирцевъ, и въ то время, когда руспны, какъ гуси, тяжело шагали подъ австрійскимъ знаменемъ, ихъ старшіе братья по крови легкимъ, свободнымъ шагомъ перерѣзали имъ дорогу, направляясь къ казармамъ. Запѣвало выводилъ рулады, весело стучалъ бубенъ, и «по горамъ твоимъ балканскимъ» будило продолжительное эхо въ критскихъ ущельяхъ. Адмиралы и офицеры забыли австрійцевъ и съ видимымъ любопытствовомъ и удовольствіемъ присматривались къ смуглымъ загорѣлымъ русскимъ лицамъ, а черезъ нѣсколько минутъ по ихъ приходѣ, нашъ флагъ гордо занялъ мѣсто на флагштокѣ. Въ это время барказы везли уже австрійцевъ на ихъ суда. Мы также вернулись на броненосецъ, гдѣ старшій артиллерійскій офицеръ распоряжался о подготовкѣ прощальнаго салюта. Прошло съ полчаса, и всѣ австрійскія суда стали сниматься съ якоря. По-

слѣднимъ тронулся броненосецъ «Wien» и сталъ лавировать между своими собратьями другихъ націй, салютуя пушечными выстрѣлами; вотъ начались отвѣтные салюты и стали повторяться въ горахъ безъ конца перекатами. Борты судовъ окутывались то съ одной, то съ другой стороны клубами молочнаго дыма; со всѣхъ сторонъ доносились звуки австрійскаго гимна. Команды, посланныя по вантамъ, кричали «ура» отплывающимъ товарищамъ. Но вотъ «Wien» почти вплотную подошелъ къ нашему броненосцу, клики съ обоихъ судовъ усилились, австрійцы и наши махали фуражками, офицеры кланялись и кричали другъ другу послѣднія привѣтствія. Колоссъ «обрѣзалъ намъ носъ»*) и, вздымая винтомъ молочную пѣну, направился къ итальянцамъ, затѣмъ обогнулъ англійскій «Кампердоунъ» и, прибавивъ ходъ, сталъ дѣлаться все меньше и меньше, пока не исчезъ за горой, въ открытомъ морѣ. По уходѣ австрійцевъ на рейдѣ стало просторнѣе и нѣкоторыя суда перемѣстились на болѣе удобныя мѣста.

Всю страстную недѣлю у насъ на броненосцѣ отправлялись церковныя службы, и всѣ готовились къ заутренѣ. Красивую картину представлялъ «Императоръ Александръ II» со стороны, во время чтенія двѣнадцати Евангелій, сіяя массой огоньковъ теплящихся свѣчей; но заутреня вышла еще торжественнѣе. Электрическія лампочки освѣтили весь путь на палубѣ, гдѣ долженъ былъ пройти крестный ходъ. Офицеры въ парадной формѣ, матросы во всемъ новомъ, красивые костюмы рослыхъ, видныхъ черногорцевъ, прибывшихъ на заутреню къ своимъ единовѣрцамъ, бѣлыя облаченія священнослужителей, производили совсѣмъ исключительное впечатлѣніе. По окончаніи обѣдни состоялось торжественное розговѣнье въ каютъ-компаніи, которая, залитая электрическимъ свѣтомъ, утопала въ цвѣтахъ, столы ломились подъ тяжестью яствъ, радушіе хозяевъ не поддавалось описанію, и положительно не вѣрилось, чтобы все это происходило у пустынныхъ береговъ Крита, а не въ далекой, родной матушкѣ-Россіи.

*) «Обрѣзать носъ или корму» на морскомъ жаргонѣ значитъ пройти близъ носа или кормы судна и чѣмъ ближе, тѣмъ лучше, конечно, съ непремѣннымъ условіемъ—не задѣть.

Николай Илларіоновичъ Скрыдловъ, за обѣдомъ, на третій день праздника Пасхи, сообщилъ мнѣ, что завтра мы пойдемъ въ самое гнѣздо инсургентовъ «Апокороно» раздавать муку́ и что, по слухамъ, они готовятъ торжественную встрѣчу. Въ назначенный адмираломъ часъ собрались на палубѣ всѣ участники поѣздки — какъ съ броненосца, такъ и съ другихъ судовъ эскадры. Паровые катера, стоявшіе съ утра на «шкентелѣ»*), подошли къ правому трапу. Вотъ раздалась команда вахтеннаго офицера: «фалгребныхъ на правую», и внушительная фигура адмирала появилась наверху лѣстницы. Скоро мы размѣстились въ катерахъ, и они, какъ бѣлыя чайки, полетѣли по изумруднымъ волнамъ, вздымая носами бѣлую пѣну, которая сверкала на солнцѣ жемчугомъ и алмазами, черезъ минуту снова растворяясь въ своей родной стихіи. Вотъ обрисовался желтый фортъ Изединъ, изъ-за стѣнъ котораго кое-гдѣ краснѣли фески; вотъ вправо отъ него выросъ и нашъ пограничный кордонъ-фортъ съ красивой мачтой для сигналовъ, и мы вышли въ открытое море. На горизонтѣ его виднѣлся пароходъ, шедшій въ Египетъ, да нѣсколько альбатросовъ—все же остальное была одна движущаяся, темносиняя пелена, на которой ближе къ намъ рѣзко бѣлѣли гребни волнъ. Черезъ три четверти часа мы были уже у цѣли нашего путешествія. Маленькая деревня сползла къ самому берегу и бѣлѣла на темномъ фонѣ горъ. На отмели тѣснилась толпа критянъ съ длинными ружьями. Катера отдали якорь и остановились саженяхъ въ двадцати отъ берега, такъ какъ пристать къ нему, вслѣдствіе прибоя, было невозможно. Пришлось переправляться до берега на «двойкѣ»**) по три человѣка. Гостепріимные хозяева притащили доску и стулъ, и устроили импровизированную пристань. Первымъ сошелъ на берегъ адмиралъ въ сопровожденіи старшаго офицера барона Индреніуса и священника. Восторженный гулъ привѣтствовалъ его, пока адмиралъ христосовался съ главарями; раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, обычный салютъ на Востокѣ. Скоро мы двинулись къ деревенской маленькой церкви, надтреснутый колоколъ которой звонилъ, празднуя дру-

*) Т.-е. спущенные на воду.

**) Маленькая шлюпка.

жескій пріѣздъ. Узкая улица была запружена главнымъ образомъ женщинами: онѣ тѣснились и въ окнахъ, и на крышахъ домовъ, радостно-любопытныя лица оглядывали нашъ кортежъ, который, сверкая стволами длинныхъ винтовокъ, растянулся далеко по улицѣ. Вотъ на дорогѣ показалась устроенная изъ зелени арка, на которой виднѣлись портреты Государя, Государыни и принца Георга греческаго; пройдя ее мы подошли къ бѣдной, какъ-то вросшей въ землю, каменной церкви Внутренность ея соотвѣтствовала внѣшнему виду. Убогій иконостасъ, старенькія хоругви, на которыя сквозь узкія окна, въ изобиліи лились солнечные лучи, коротенькія ризы священниковъ, составлявшія рѣзкій контрастъ съ богатымъ облаченіемъ сослужившаго имъ нашего батюшки,—все это указывало на трудную жизнь, тяжелыя условія быта, когда изъ бюджета почти ничего нельзя было удѣлять на храмъ. Когда прекрасный хоръ пѣвчихъ съ броненосца грянулъ: «Христосъ Воскресе», точно электрическій токъ пробѣжалъ въ толпѣ, наполнившей церковь. Всѣ лица засіяли радостью, какимъ-то огнемъ загорѣлись глаза; въ первый разъ, можетъ быть, многимъ пришлось услышать такое служеніе. Когда же впервые на эктеніи упомянуто было царское имя,— оглушительное «зито» потрясло своды. Изъ всѣхъ устъ вырвалось оно, какъ какой-то наболѣвшій, долго сдерживаемый возгласъ; — давно уже онъ назрѣвалъ въ сердцахъ забытыхъ и обездоленныхъ критянъ. По окончаніи молебна и освященія мукъ всѣ присутствующіе гости получили по букету цвѣтовъ, и адмиралъ, въ сопровожденіи своей все возраставшей свиты, направился къ слѣдующей деревнѣ, находившейся верстахъ въ пяти отъ берега, между горъ на высокомъ холмѣ.

На серединѣ разстоянія между деревнями насъ привѣтствовала новая толпа. Во главѣ ея стоялъ священникъ въ камилавкѣ; на немъ поверхъ рясы бросался въ глаза поясъ, унизанный патронами, за который заткнутъ былъ большой кривой кинжалъ. Въ рукахъ у этого воинственнаго служителя церкви была громадная винтовка, и ею онъ отсалютовалъ при приближеніи дорогихъ гостей. Послѣ христосованія со всѣми онъ перекинулъ ружье на плечо и присоединился къ намъ. Въ числѣ главарей, привѣтствовавшихъ адмирала, было нѣсколько

въ европейскихъ платьяхъ. Особенно хлопоталъ и безъ толку суетился одинъ изъ нихъ, отрекомендовавшійся намъ «адвокатомъ»; мы въ концѣ концовъ всѣ пришли къ заключенію, что онъ до того надоѣстъ инсургентамъ, что они непремѣнно его побьютъ.

При входѣ въ деревню, адмирала встрѣтило все ея населеніе и старшины провели насъ къ громадному дереву, гдѣ стояли столъ и скамьи и протекалъ по каменьямъ чистый, какъ кристаллъ, ручей съ необыкновенно вкусной водой, которой насъ всѣхъ угощали вмѣстѣ съ плодами. Когда мы шли сюда намъ показали осколокъ снаряда, пущеннаго съ англійскаго броненосца «Компердоуна» и разорвавшагося въ самой деревнѣ во время бомбардировки, предпринятой адмиралами, съ цѣлью заставить инсургентовъ подчиниться ихъ требованіямъ. Кусокъ былъ очень почтенныхъ размѣровъ, и его трудно было сдвинуть съ мѣста. Неутомимый адмиралъ направился послѣ краткаго отдыха въ третью деревню; мы же, нѣсколько человѣкъ, предпочли остаться и, пользуясь свободнымъ временемъ до обѣда, изучить немного критскіе нравы. Вся деревня состояла изъ каменныхъ одноэтажныхъ и двухъэтажныхъ домовъ, построенныхъ на восточный ладъ. Въ ней было нѣсколько лавокъ, въ то же время и своего рода кабаковъ, гдѣ распивалась «мастика»*) и курились кальяны. Мы вошли въ одну изъ нихъ; намъ тотчасъ же подали курево, и сидѣвшіе тутъ нѣсколько инсургентовъ предупредительно бросились раздувать уголья; хозяинъ же поднесъ на блюдѣ «мусмалы»**); такъ какъ объясняться мы съ ними не умѣли, то ограничивались только дружелюбными похлопываніями другъ друга по плечу, улыбками и нѣсколькими несложными фразами благодарности. Посидѣвъ здѣсь съ четверть часа, мы двинулись въ гору къ бѣлѣвшему вдали большому дому, лучшему во всей деревнѣ, гдѣ было приготовлено угощеніе для адмирала и его свиты. Дорога была трудная, такъ какъ безчисленное количество мелкихъ и крупныхъ камней устилали путь и затрудняли движеніе. Солнце грѣло изрядно, и мы всѣ были очень рады, когда

*) Родъ мятной водки.

**) Фруктъ, похожій на сливу, но очень кислый на вкусъ.

вошли въ прохладныя и сравнительно комфортабельныя комнаты. Хозяина не было дома; онъ ушелъ съ адмираломъ, жена же его и дочери хлопотали въ кухнѣ у очага, гдѣ на вертелахъ жарились два громадныхъ барана. Обстановка комнатъ была совсѣмъ европейская: мягкіе диваны, стулья, ковры, занавѣски на окнахъ, фотографіи въ рамкахъ,—все это указывало на относительную цивилизацію и на знакомство съ нѣкоторымъ комфортомъ.

Вскорѣ отдаленный гулъ возвѣстилъ намъ возвращеніе адмирала, и, при входѣ въ домъ, его привѣтствовала вся семья, и начался обѣдъ, состоявшій изъ вышеупомянутыхъ барановъ, овечьяго сыра, рыбы и плодовъ, апельсиновъ и мусмалы. Вино было также мѣстное, вкусомъ и запахомъ напоминавшее не то смолу, не то керосинъ. Къ общему удивленію въ концѣ обѣда захлопали пробки отъ двухъ бутылокъ шампанскаго, и я началъ было мѣнять свое мнѣніе о характерѣ грековъ-критянъ, видя такую щедрость и стремленіе, какъ можно лучше принять дорогихъ гостей. Но въ этомъ первомъ впечатлѣніи пришлось скоро разочароваться, когда адмиралу любезные хозяева за этомъ обѣдъ подали счетъ не болѣе, не менѣе, какъ въ 253 франка. Когда въ удивленіи отъ такой цифры, которая была въ пору только «Кюба», спросили, почему она такъ велика, милые хозяева, нѣсколько сконфуженные, отвѣчали, что 100 франковъ изъ этого счета они предназначили въ пользу бѣдныхъ. Тѣмъ не менѣе и остальная сумма все-таки была чрезмѣрно велика за двухъ барановъ, двѣ бутылки шампанскаго и за остальныя яства, которыя въ сущности хозяевамъ почти ничего не стоили. Разумѣется, адмиралъ приказалъ заплатить все, что они потребовали, но потомъ на броненосцѣ долго вспоминали про гостепріимный обѣдъ критянъ и не могли достаточно надивиться ихъ рѣдкому нахальству. Обратный путь къ берегу совершился тѣмъ же порядкомъ, только передъ выступленіемъ мы всѣ снова собрались къ вышеупомянутому источнику, гдѣ намъ предложено было посмотрѣть народные танцы.

Музыкантъ съ двухструнною скрипкой въ рукахъ, на которой онъ игралъ, уперевъ ее дэкой въ колѣно, началъ заунывный мотивъ, въ которомъ очень трудно уловить какую нибудь ме-

лодію. При первыхъ ея звукахъ изъ толпы, насъ окружавшей, выдѣлилось четыре чудно сложенныхъ молодца, которые, плавно разводя руками и притопывая въ тактъ ногами, начали своеобразный національный танецъ. Исполняли они его съ рѣдкой граціей и ловкостью, приковывавшей къ себѣ вниманіе и заставлявшей забывать скудную музыку. По окончаніи разныхъ сложныхъ фигуръ нѣсколькими танцорами, которыхъ вытаскивалъ изъ толпы все тотъ же неунывавшій «адвокатъ», мы простились съ жителями и направились къ морю. Здѣсь, въ первой посѣщенной нами деревнѣ, насъ снова просили выпить кофе, но денегъ уже за него не взяли. Одинъ изъ присутствовавшихъ старпковъ сказалъ горячую, прочувствованную рѣчь на тему единодушныхъ симпатій и стремленій критянъ къ Россіи. Послѣднія слова его были покрыты долго несмолкавшимъ, единодушнымъ «зито», которое доносилось къ намъ съ берега вплоть до самыхъ катеровъ и къ удивленію моему не сопровождалось ни однимъ выстрѣломъ. Оказалось, что послѣ встрѣчи въ первой деревнѣ адмиралъ просилъ старшинъ не позволять больше стрѣлять во избѣжаніе возможныхъ по этому поводу недоразумѣній съ международными войсками, и просьба эта была свято исполнена.

III.

Я стоялъ на палубѣ броненосца и любовался на стадо дельфиновъ, которые рѣзвились въ изумрудныхъ, прозрачныхъ волнахъ, то ныряя, то выскакивая изъ воды, когда около меня раздалась фраза: «Вы съ адмираломъ поѣдете на скачки?» Я переспросилъ подошедшаго ко мнѣ лейтенанта, думая, что ослышался, но къ удивленію моему дѣйствительно оказалось, что въ Канеѣ французы устроили скачки для офицеровъ и нижнихъ чиновъ всего международнаго отряда. Призы офицерскіе состояли изъ извѣстнаго количества бутылокъ шампанскаго, солдатамъ же и матросамъ предназначались денежныя награды по подпискѣ. Скачки должны были начаться въ три часа, о чемъ гласило любезное приглашеніе, доставленное съ французскаго броненосца «Amiral Charnier» въ нашу каютъ-компанію.

Долго не забуду я того винегрета національностей, какимъ кишѣла, обсаженная кактусами, пыльная дорога въ Канею. Первая попавшаяся намъ группа была наши и французскіе моряки на велосипедахъ. Веселый, молодой смѣхъ, возгласы на двухъ языкахъ слышны были еще издалека. Нѣсколько встрѣчныхъ осликовъ, на которыхъ, свѣсивъ ноги до земли, важно возсѣдали туземцы, пугливо попятились въ канавы отъ самокатовъ. Тяжело проскрипѣли двѣ допотопнаго фасона кареты съ евнухами и черными возницами на козлахъ. Изъ-за полуопущенныхъ «жалюзи» виднѣлись бѣлыя чадры и сверкали черные глаза турчанокъ. Одна изъ нихъ маленькой ручкой, тяжело унизанной перстнями, откинула въ сторону занавѣску, рискнувши выставить изъ окна красивую голову и взглянуть вслѣдъ исчезавшимъ въ клубахъ пыли морякамъ. Далѣе попалась опять цѣлая партія критянъ. Ихъ красивыя, необыкновенно стройныя фигуры, много теряли изъ своеобразнаго костюма, нижнюю часть котораго представлялъ цвѣтной, обыкновенно синій, мѣшокъ съ отверстіями для ногъ. Другимъ словомъ трудно было бы опредѣлить эту часть ихъ туалета, которая придавала критянамъ довольно комичный видъ. Всѣ они шли и ѣхали молча, помахивая длинными палками на ословъ и апатично относясь ко всей окружающей европейской обстановкѣ. За ними мелкою рысью, на породистыхъ, сѣрыхъ коняхъ проѣхалъ турецкій патруль. Всадники въ фескахъ и старыхъ, до бѣлыхъ нитокъ вытертыхъ мундирахъ, съ безчисленнымъ количествомъ патроновъ на перевязи,—наклонивъ ружья, свернули влѣво и, легко взявъ канаву, скрылись въ небольшой оливковой рощицѣ.

— Чудные солдаты! замѣтилъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ.— Сколько времени остаются они безъ жалованья при самой скудной пищѣ и ревностно несутъ службу: ни малѣйшаго ропота на свое трудное положеніе, и все благодаря твердому упованію, что они совершаютъ дѣло, наиболѣе угодное ихъ великому пророку, и что въ случаѣ смерти съ оружіемъ въ рукахъ противъ невѣрныхъ, каждый тотчасъ же очутится въ раю, среди гурій и вкуситъ вѣчное блаженство.

Разговоръ на эту тему былъ прерванъ новыми впечатлѣніями. На встрѣчу намъ неслась запряженная породистыми конями въ шорахъ, модная, съ высокимъ кузовомъ, коляска, ку-

черъ въ лоснящемся на солнцѣ цилиндрѣ въ туго накрахмаленномъ, подправшемъ подбородокъ воротникѣ и щегольской ливреѣ съ аксельбантомъ ловко миновалъ, объѣзжая многочисленные ухабы. Сидѣвшая въ экипажѣ очень красивая съ профилемъ камеи дама, вся въ кружевахъ, придававшихъ ея туалету совсѣмъ воздушный видъ, любезно закивала красивой головкой нашей кавалькадѣ. Это была супруга командира итальянскихъ сухопутныхъ войскъ—предметъ явнаго и тайнаго поклоненія всей международной военной молодежи.

Нѣсколько дальше обогнали мы троихъ шотландцевъ, съ голыми икрами и болтающимися спереди мѣховыми сумками. Они видимо также, не спѣша, направлялись къ мѣсту скачекъ, покуривая короткія трубочки и перебрасываясь несложными, веселыми фразами. У воротъ полуразрушеннаго дома, совсѣмъ придвинувшагося къ дорогѣ, красовались, принявъ воинственныя позы, два итальянскихъ карабинера въ старинныхъ, трехъугольныхъ шляпахъ наполеоновскихъ временъ. Эти «деревенскіе Нероны», какъ ихъ зовутъ въ Италіи, играли ту же роль и на Критѣ, неся трудную полицейскую службу въ окрестностяхъ Канеи. Встрѣтились намъ и нѣсколько штатскихъ, кто въ фескѣ, кто въ европейской шляпѣ — и на мой вопросъ мнѣ сказали, что это были подрядчики разныхъ націй, явившіеся на Критъ въ надеждѣ легкой и быстрой наживы. Вотъ за поворотомъ дороги показалась могила турецкаго святого; въ мраморной нишѣ, украшенной золотыми изреченіями изъ Корана, горѣлъ неугасимый фонарь—и въ маленькую урну била струя небольшого фонтана. Въ полосѣ тѣни, бросаемой стѣнами саркофага, укрылись отъ палящихъ лучей полуденнаго солнца два нашихъ солдатика житомірца и оживленно жестикулировали съ нѣсколькими своими товарищами изъ французской морской пѣхоты. Рыжій, весь въ веснушкахъ «унтеръ», только что скрутивъ «цыгарку», собирался угостить махоркой маленькаго французика, съ недоумѣніемъ посматривавшаго на клочекъ турецкой газеты, который послужилъ для фабрикаціи курева. По мѣрѣ приближенія къ мѣсту скачекъ, мы обгоняли все больше и больше спѣшившей туда публики, преимущественно военной. Группа итальянскихъ офицеровъ, одѣтыхъ точно сейчасъ отъ портного, прорысили, согнувшись и широко разставивъ ноги; нѣсколько

черногорцевъ въ малиновыхъ, расшитыхъ курткахъ и маленькихъ круглыхъ шапочкахъ, самоувѣренно и властно глядя по сторонамъ, стояли на перекресткѣ и высматривали какой нибудь безпорядокъ, дабы, въ силу своего жандармскаго званія на островѣ, моментально его прекратить. По направленію отъ Канеи тащился рядъ рыдвановъ, пестрѣвшихъ дамскими платьями и зонтиками. Турецкій батальонъ, не обращая вниманія на праздникъ «гяуровъ», учился около своихъ казармъ, и красныя фески его, точно цвѣтки мака, раскинулись по полянѣ. Фономъ этой оригинальной картины иноплеменнаго нашествія служила сама Канея, бѣлые домики которой ослѣпительно сверкали подъ солнечными лучами, а высокіе, тонкіе минареты смѣло прорѣзывали бирюзовую лазурь, какъ бы характеризуя собой востокъ лѣнивый, апатичный, въ своемъ созерцательномъ настроеніи, но въ то же время погруженный въ грезы о недосягаемомъ небесномъ, которое такъ реально воплотилось у него во всемъ земномъ.

У павильона съ флагами всѣхъ націй виднѣлись ряды стульевъ, занятыхъ дамами; французскіе солдаты и берсальеры съ характерными пѣтушиными хвостами на шляпахъ оцѣпляли скаковую арену и оттѣсняли назадъ толпу любопытныхъ критянъ, между коими выдѣлялись своими темнобронзовыми лицами и цвѣтными лохмотьями потомки аборигеновъ острова. Два хора музыки: итальянскій и французскій, играли, чередуясь между собою, и въ моментъ нашего пріѣзда мелодичные звуки «Cavaleria Rusticana» оглашали поляну. Скачки слѣдовали одна за другой, и взрывы смѣха собравшейся публики возбуждали тѣ ѣздоки, лошади которыхъ, къ великому ихъ отчаянію, не признавали кромѣ шага никакого аллюра. Въ одномъ состязаніи здоровенный, ражій дѣтина—англійскій матросъ, долго не могъ совсѣмъ сдвинуть съ мѣста остановившуюся передъ канавой клячу и, спѣшившись, обильно осыпалъ ее ударами. Толпа гоготала отъ удовольствія, и цѣль скачекъ—развлеченіе въ монотонной стоянкѣ, была такимъ образомъ вполнѣ достигнута. Какъ контрастъ общему веселью, поднявшійся вѣтерокъ, совсѣмъ морской бризъ, насыщенный іодомъ и солями, доносилъ съ минаретовъ Канеи заунывные голоса муэдзиновъ, призывавшихъ правовѣрныхъ къ вечернему намазу.

Обратный путь отъ скачекъ до Суды адмиралъ, неутомимый ходокъ, предложилъ мнѣ сдѣлать съ нимъ пѣшкомъ по кратчайшей дорогѣ черезъ горы. Черезъ десять минутъ ходьбы мы очутились въ котловинѣ: кругомъ насъ возвышались исполинскія громады горъ, на фонѣ которыхъ бѣлѣла деревня Ниракура, — занятая русскою ротою. Трудно было итти, такъ какъ дороги въ настоящемъ смыслѣ слова не было, а тропинка между камнями, часто ими прерывалась и натруждала ноги, поэтому я съ большимъ удовольствіемъ усѣлся на бархатныя подушки щегольского катера, который запырялъ по волнамъ къ гостепріимному броненосцу — моему плавучему двухнедѣльному пріюту.

Только что видѣнная нами картина веселыхъ скачекъ наводила на размышленія совсѣмъ мирнаго свойства, и вдругъ два дня спустя изъ Канеи донеслась вѣсть о свалкѣ турецкаго патруля съ французами, при чемъ турки ранили, и смертельно, нѣсколькихъ случайныхъ прохожихъ. Въ городѣ началась паника. Лавки закрылись, жители попрятались, кто куда могъ. Европейскія войска заняли мѣста по боевому расписанію на случай тревоги. Засуетились и у насъ на броненосцѣ.

Когда я взошелъ на верхнюю палубу, густая мгла спустилась на Судскую бухту, такъ что присутствіе стоявшихъ кругомъ насъ судовъ можно было угадать лишь по огнямъ разноцвѣтныхъ фонарей и каютъ. Съ французскаго броненосца отчетливо доносились къ намъ по заснувшимъ волнамъ звуки упоительнаго, задорнаго вальса; у насъ на палубѣ суетились сигнальщики, передавая фонарями приказаніе адмирала пѣхотному посту въ Судѣ относительно высылки въ горы патрулей. Но вотъ съ итальянскаго броненосца сверкнулъ электрическій фонарь и длинный широкій лучъ его, перегнувшись на горѣ, захватилъ въ свою сферу казарму и телеграфъ; вотъ онъ, помедливъ на нихъ, перекинулся выше и зарыскалъ по вершинѣ, на которой тамъ и самъ зажигались красные точки костровъ, разводимыхъ инсургентами.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ тревога передалась на всѣ эскадры, и бухта превратилась въ сказочную, волшебную декорацію, охваченную пожаромъ электричества. Точно игрушечные, домики Суды опрокинулись въ зеркальной по-

верхности, переливавшей изумрудными и фіолетовыми тонами. Массивные контуры броненосцевъ казались чудовищными пауками, раскидывавшими во всѣхъ направленіяхъ длинныя нити своей свѣтовой паутины. Онѣ переплетались, пересѣкали одна другую, врѣзываясь то въ зеркальную поверхность моря, то въ обступавшія бухту горы. Вся эта точно рукой Титана зажженная феерія, мощно притягивала къ себѣ глазъ, перенеся зрителя въ какой-то невѣдомый, таинственный міръ сказокъ изъ тысячи одной ночи.

Два дня спустя мнѣ пришлось проститься съ броненосцемъ и Критомъ и торопиться въ Египетъ до наступленія тамъ жары и, покидая диковинный островъ, я вспомнилъ стихи нашего незабвеннаго, великаго Пушкина:

... въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ!

Н. Н. Юрьинъ.

ЖЕНА И ДѢТИ.

(РАЗСКАЗЪ).

Жена и дѣти, другъ, повѣрь — большое зло:
Отъ нихъ все скверное у насъ произошло.
А. Пушкинъ.

Не въ характерѣ Андрея Захаровича было откровенничать и плакаться на свою судьбу передъ каждымъ встрѣчнымъ. Даже люди, которыхъ онъ считалъ близкими,—и тѣ едва ли знали, что, несмотря на кажущееся благополучіе, которое окружало Андрея Захаровича, душу его грызъ тайный червь.

По наружности дѣйствительно все обстояло какъ нельзя лучше. Андрей Захаровичъ занималъ вполнѣ приличное мѣсто, пользовался уваженіемъ какъ на службѣ, такъ и среди знакомыхъ. Относительно прочности его семейнаго счастія не могло быть никакихъ сомнѣній, такъ какъ онъ, не замѣчая самъ, какъ мелькали годъ за годомъ, безъ всякихъ непріятныхъ приключеній, дожилъ до дня серебряной свадьбы; и не даромъ рѣчи, которыя произносились на бывшемъ по этому поводу торжествѣ, единодушно восхваляли мирную и согласную жизнь Андрея Захаровича и Варвары Ивановны. На дѣтей также Андрею Захаровичу пожаловаться было бы грѣшно. Съ обоими — и Сере-

жей и Аней—онъ былъ въ самыхъ лучшихъ, можно даже сказать дружескихъ, отношеніяхъ. И безъ ложнаго самообольщенія, не какъ отецъ только, а даже глядя на нихъ глазами посторонняго человѣка, онъ готовъ былъ признать, что оба они талантливы и много обѣщаютъ въ будущемъ. У Сережи — призваніе къ научнымъ занятіямъ: онъ всѣ вечера проводитъ въ лабораторіи за химическими опытами, и при его широкой способности къ обобщеніямъ, Богъ знаетъ, какъ далеко онъ шагнетъ и какое можетъ себѣ составить имя въ той спеціальности, которую онъ избралъ. Ну, а Аня, несмотря на свою молодость, успѣла уже настолько заявить себя въ качествѣ хорошей пѣвицы, что и теперь ее охотно приглашаютъ къ участію въ разныхъ благотворительныхъ концертахъ и уже нѣсколько разъ о ея исполненіи съ похвалой отзывались въ газетахъ. Нѣтъ, на дѣтей Андрей Захаровичъ не можетъ пожаловаться.

При такихъ условіяхъ, онъ могъ бы, пожалуй, чувствовать себя и счастливымъ, и спокойнымъ душою... но на свою бѣду онъ принадлежалъ къ числу людей, вниманіе которыхъ направляется не въ ту сторону, гдѣ все мирно, свѣтло и безоблачно, а туда, гдѣ есть хотя бы одна черная точка. Это темное пятнышко въ ихъ глазахъ растетъ, растетъ, заслоняетъ, наконецъ все остальное и не даетъ имъ наслаждаться тѣми благами жизни, которыя ниспосланы на ихъ долю. Такимъ пятномъ въ своей жизни Андрей Захаровичъ считалъ нѣкоторыя стороны своей служебной дѣятельности. Поступая на службу въ вѣдомство, пользовавшееся несовсѣмъ хорошей славой, Андрей Захаровичъ былъ увѣренъ, что сумѣетъ поставить себя среди своихъ сослуживцевъ совершенно самостоятельно и не только не отдастъ себя на произволъ тѣхъ теченій, которыя господствуютъ въ ихъ средѣ, но найдетъ возможность оказать и на нихъ благотворное вліяніе. Андрей Захаровичъ и въ молодости былъ человѣкъ осторожный и потому круто поступать не хотѣлъ, а рѣшилъ сначала приглядываться, или, какъ онъ выражался, «изучить среду, въ которой ему придется дѣйствовать». Ошибкою было съ его стороны, пожалуй, одно,—что онъ не назначилъ себѣ срока для такого изученія. А такъ какъ на жизненной сценѣ барьеръ, отдѣляющій зрителей отъ дѣйствующихъ лицъ, до такой степени подвиженъ и неуловимъ, что очутиться по другую его сторону

не составляетъ никакого труда, то и Андрей Захаровичъ, который первое время. говоря о своихъ сотоварищахъ, выражался всегда: «они», «у нихъ» и т. п.,—съ теченіемъ времени совершенно незамѣтно для себя сталъ говорить, вмѣсто этого, «мы» и «у насъ».

Видя, какъ всѣ вокругъ него рвутъ куски, какъ каждый суетится и хлопочетъ о томъ, чтобы, оттолкнувъ другого, самому пробраться хотя на ступеньку выше, Андрей Захаровичъ сначала улыбался презрительно, потомъ сталъ улыбаться снисходительно, а потомъ... потомъ вовсе пересталъ замѣчать во всемъ этомъ что нибудь смѣшное. Правда, никто не могъ бы его упрекнуть въ чемъ либо дурномъ,—напротивъ, если бы собрать голоса, то вѣроятно всѣ, знающіе его, довольно единодушно отозвались бы, что онъ держится въ сторонѣ отъ свалки, никому не подставляетъ ножку и старается выдвинуться только своими знаніями и работою. Поставили бы, вѣроятно, ему въ заслугу и то, что когда ему приходилось возиться съ дѣлами, отъ которыхъ пахнетъ сотнями тысячъ, а иногда и милліонами,—съ тѣми дѣлами, вертясь около которыхъ, люди «не зѣвающіе» сами начинаютъ понемногу обзаводиться сначала выигрышными билетами, а потомъ домами и имѣньицами,—онъ постоянно находился въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Но самъ Андрей Захаровичъ держался о себѣ другого мнѣнія и считалъ, что онъ развѣ только немногимъ лучше, чѣмъ остальные. Правда, передъ тѣми, отъ кого такъ или иначе зависѣла его участь, онъ, особенно не пресмыкался, но все же одинъ разъ немножко ниже поклонился, другой разъ слишкомъ поторопился схватить и пожать руку, когда можетъ быть и вовсе руки подавать не слѣдовало; тутъ промолчалъ, тамъ сказалъ съ глазу на глазъ нѣсколько фразъ—до такой степени, впрочемъ, невинныхъ, что онъ и самъ не сумѣлъ бы объяснить, почему ему было бы непріятно, если бы сказанное имъ повторили въ обществѣ. Все это, можетъ быть, были мелочи,—но когда память услужливо нанизывала безконечный рядъ такихъ мелочей, накопившихся, годъ за годомъ, то Андрею Захаровичу начинало казаться, что ничего, кромѣ этой цѣпи мелкихъ унижений, въ его жизни и не было.

Также и въ дѣлахъ. Онъ не можетъ обвинить себя въ томъ, чтобы при разсмотрѣніи ихъ онъ когда либо покривилъ душою.

Все дѣлается «по закону», или, вѣрнѣе, «по бывшимъ примѣрамъ», такъ какъ каждый разъ справляться съ закономъ слишкомъ хлопотливо, да и времени не хватаетъ. Вѣроятно когда-то предшественники всю эту процедуру продѣлали и оставили въ наслѣдство безукоризненные образцы. Отклонить движеніе дѣлъ отъ естественнаго русла, по которому они текутъ, онъ не можетъ. Немножко ускорить, немножко попридержать,—вотъ предѣлы, въ которыхъ вращается его власть. Но и это по большей части очень важно. У него дѣло такое, что каждый охотно дастъ, и дастъ много, только бы ускорить его разрѣшеніе на полгода, даже на два-три мѣсяца. Разумѣется, онъ не «беретъ», онъ даже держитъ себя до такой степени безукоризненно, что ни разу не было случая, чтобы кто нибудь предложилъ ему денежную мзду за болѣе быстрое движеніе дѣла. Но зато онъ уже знаетъ, что чуть въ дѣлѣ замѣшаны не простые просители, а лица съ громкимъ именемъ, со связями и положеніемъ, то такое дѣло нужно выдѣлить изъ очереди и разрѣшить, не откладывая въ долгій ящикъ. У этихъ господъ выработана цѣлая система «ускоренія». Дождемъ сыплются разныя памятныя записки, письма на французскомъ языкѣ отъ тетки одного высокопоставленнаго лица къ кузинѣ другого, генералъ одного вѣдомства самолично является въ пріемный день къ генералу другого вѣдомства и съ удрученнымъ видомъ выражаетъ прискорбіе по поводу того, что такой почтенный человѣкъ, какъ NN, столько времени не можетъ добиться удовлетворенія своего законнаго ходатайства. Иногда можно подумать, что весь городъ тѣмъ только и интересуется, скоро ли разрѣшится дѣло господина NN. Тотъ, другой, третій знакомый, въ разговорѣ о совершенно посторонникъ предметахъ, вдругъ вставитъ: «А дѣло NN у васъ еще не рѣшено?» И въ концѣ концовъ дѣло NN становится какимъ-то кошмаромъ, и чтобы избавиться отъ него, Андрею Захаровичу ничего не оставалось, какъ откладывать въ сторону дѣло кого нибудь другого, какого нибудь ZZ, который, вѣроятно, съ меньшимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ его разрѣшенія, но у кого нѣтъ въ запасѣ ни тетушки, ни кузины, ни вліятельныхъ генераловъ, ни поль-Петербурга знакомыхъ.

Андрей Захаровичъ сокрушался впрочемъ не объ этомъ невѣдомомъ ZZ, который, можетъ быть, и привыкъ ждать, — его

тяготило сознаніе, что онъ, Андрей Захаровичъ, который считалъ себя поборникомъ правды и справедливости, завѣдомо поступаетъ несправедливо. Сначала дѣлалъ онъ это безъ всякихъ личныхъ видовъ, просто потому, что не въ силахъ былъ оказать сопротивленіе передъ натискомъ просьбъ, требованій и напоминаній; но время шло—и Андрей Захаровичъ научился понимать, что и его успѣхи по службѣ могутъ во многомъ зависѣть отъ быстраго исполненія просьбы такого-то или предупрежденія желанія такого-то. Тутъ, какъ говорится, рука руку моетъ. Услуга, оказанная генералу другого вѣдомства, не пройдетъ безслѣдно. Андрей Захаровичъ всю бухгалтерію взаимныхъ услугъ изучилъ, въ концѣ концовъ, до тонкости. Онъ зналъ, что какъ разными извилистыми ходами производится ускореніе дѣлъ, точно также подобными же путями и благосклонность какой нибудь особы можетъ реализироваться въ видѣ тѣхъ или иныхъ вещественныхъ благъ. Тутъ своего рода «превращеніе энергіи». Особа проронитъ вскользь пару теплыхъ словъ своей тетушкѣ, тетушка перенесетъ ихъ своему высокопоставленному крестнику, тотъ скажетъ женѣ, а она бабушкѣ. А бабушка дирала за уши «самого»,—того, отъ котораго можетъ изливаться дождь щедротъ и милостей на голову Андрея Захаровича,—когда тотъ еще въ бѣлыхъ штанишкахъ бѣгалъ, не суконныхъ, какъ теперь, а просто коленкоровыхъ, такъ что ей-то онъ уже ни въ чемъ отказать не можетъ. Конечно, подвести точный учетъ тому, насколько, благодаря всѣмъ этимъ постороннимъ вліяніямъ, Андрей Захаровичъ подвинулся на службѣ, довольно трудно, но приблизительно все-таки можно. Если бы онъ не пускалъ ихъ въ ходъ, то, можетъ быть, вмѣсто «дѣйствительнаго» имѣлъ бы теперь просто «статскаго», не получалъ бы полуторы тысячъ добавочныхъ и ужъ навѣрное не могъ бы такъ часто пользоваться щедрыми пособіями на лѣченіе жены и на воспитаніе дѣтей.

Жена, дѣти!.. Въ мысляхъ Андрея Захаровича они гораздо тѣснѣе сплетались съ его служебной дѣятельностью, чѣмъ кто нибудь могъ себѣ это представить. Сколько разъ повторялъ онъ себѣ, что онъ давно бы ушелъ съ мѣста своего служенія, ушелъ бы, еще тогда, когда замѣтилъ первые признаки того, что онъ началъ «поддаваться» и «ослабѣвать»—если бы не жена и дѣти. Въ его глазахъ они одни были настоящими виновниками всего

того длиннаго ряда поступковъ, которые онъ могъ поставить себѣ въ упрекъ. Какъ завидовалъ Андрей Захаровичъ въ иныхъ случаяхъ свободѣ дѣйствій своего лакея или кухарки. Вѣдь они, если находятъ, что къ нимъ предъявляются требованія, исполнять которыя не обязаны, то они прямо приходятъ и говорятъ: «Пожалуйте расчетъ». А онъ, Андрей Захаровичъ, человѣкъ, у котораго должно бы быть больше развито чувство самоуваженія и собственнаго достоинства, чѣмъ у лакея или кухарки,—онъ долженъ выносить всякое униженіе, долженъ иногда кривить душою, потому только, что у него за спиною стоятъ жена и дѣти.

Сознаніе, что жена и дѣти заставляютъ его отклоняться отъ того пути, по которому онъ долженъ бы былъ итти, что, благодаря имъ, онъ понемногу вовсе почти пересталъ раздѣлять свои поступки на хорошіе и худые, добрые и злые, а интересовался только тѣмъ, можно ли отъ нихъ «чего нибудь» ожидать для себя, или нельзя,—не мѣшало Андрею Захаровичу питать самую нѣжную привязанность къ семьѣ. Впрочемъ, нѣтъ такой вещи, на которую нельзя было бы посмотрѣть съ двухъ различныхъ сторонъ,—а потому и въ этомъ случаѣ, если жена и дѣти были виновниками того превращенія, которое, по наблюденіямъ самого Андрея Захаровича, съ нимъ произошло,—то они же служили ему передъ судомъ своей совѣсти такимъ оправданіемъ, лучше котораго ничего нельзя было придумать. «Это дѣлается для нихъ», «если этого не сдѣлать, то на ихъ головы обрушится цѣлый градъ лишеній, огорченій, непріятностей, мелочныхъ заботъ»,—этимъ было все сказано. Послѣ этого Андрей Захаровичъ, какъ бы ни было для него иногда непріятно то, что ему предстояло сдѣлать, говорилъ себѣ: «Такъ надо»,—и дѣлалъ это уже съ сознаніемъ, что онъ не своей волей поступаетъ такъ, а не иначе,—а что его ведетъ посторонняя сила, бороться съ которою онъ не въ состояніи.

До сихъ поръ Андрею Захаровичу все же оставалось утѣшеніе, что есть границы, которыхъ эта сила ни разу еще не заставила его переступить. То, въ чемъ онъ проявлялъ уступчивость, дѣлали всѣ почти безъ исключенія вокругъ него, нисколько не смущаясь этимъ. И если онъ не можетъ въ душѣ

съ этимъ примириться, то, безъ сомнѣнія, потому только, что, какъ онъ ни плохъ, но все же нѣсколько лучше остальныхъ.

Однако, такъ ли это? Андрей Захаровичъ покраснѣлъ, вспомнивъ, какъ еще недавно онъ, занимаясь дѣломъ, въ которомъ заинтересована была одна солидная торговая фирма,—въ мысляхъ заполучилъ весьма крупную сумму, какъ мысленно же онъ съѣздилъ на эти деньги заграницу, накупилъ цѣлый ворохъ обновъ женѣ и дочери, оставилъ сына на два года въ нѣмецкихъ университетахъ для подготовки къ магистерской диссертаціи, а дочь въ Италіи усовершенствоваться въ пѣніи. Правда, все это было въ мечтахъ, въ дѣйствительности же получило то, что было можно, другое лицо, отъ котораго даже и рѣшеніе дѣла въ сущности не зависѣло... Однако, хотя и въ мечтахъ,— а все-таки было.

Да, но и тутъ все то же оправданіе. Вѣдь не для себя, не для своего удовольствія мечталъ онъ о заграничной поѣздкѣ, а потому, что это необходимо для дѣтей, особенно Сережѣ. Разбить его надежды на будущую профессуру — развѣ хватитъ у него на это духу? Но какъ сдѣлать почти невозможное? Содержать его два года заграницей на свой счетъ, когда и безъ этого еле-еле удается сводить концы съ концами, — немыслимо. А разсчитывать на то, что его отправятъ на казенный счетъ, также невозможно. Сережа и самъ не разъ говорилъ, что гораздо больше шансовъ имѣетъ его товарищъ Бѣльскій. Конечно, Андрей Захаровичъ отъ себя сдѣлалъ все, что могъ, чтобы устроить это дѣло. Онъ настолько уже изловчился въ изысканіи разныхъ «комбинацій» и «ходовъ», что очень быстро сообразилъ, къ кому ему нужно обратиться, чтобы повліять на профессора, отъ котораго, главнымъ образомъ, будетъ зависѣть выборъ лица, отправляемаго заграницу. Андрею Захаровичу удалось получить письмо къ этому профессору отъ очень, очень сильной особы. Правда, нужно было дѣйствовать въ высшей степени осторожно, чтобы Сережа ни о чемъ не догадался — иначе ничего не вышло бы, кромѣ непріятностей. Но Андрей Захаровичъ сумѣлъ обставить дѣло вполнѣ прилично. Онъ явился къ профессору, будто бы, для того только, чтобы узнать его мнѣніе, дѣйствительно ли сыну его стоитъ подготовлять

себя къ ученой дѣятельности. При этомъ, однако, онъ очень ловко ввернулъ нѣсколько фразъ о томъ, что «нѣкоторыя лица» будутъ очень довольны, если выборъ факультета остановится на его сынѣ. Но старый профессоръ принялъ Андрея Захаровича очень сухо и рѣзко замѣтилъ, что удовольствіе или неудовольствіе какихъ бы то ни было лицъ не имѣетъ въ этомъ дѣлѣ никакого значенія и что предпочтеніе отдано будетъ тому, кто будетъ признанъ достойнѣйшимъ. Андрей Захаровичъ настолько понималъ толкъ въ дѣлахъ, чтобы сообразить, что такой отвѣтъ значилъ: «Оставьте всякую надежду». И теперь онъ перебиралъ въ умѣ всевозможныя комбинаціи, посредствомъ которыхъ можно было бы устроить свои дѣла такъ, чтобы поѣздка Сережи на свой счетъ изъ области фантазіи могла перейти въ дѣйствительность.

Это было нелегко. Для этого нужно было настолько улучшить свое матеріальное положеніе, чтобы получать, по крайней мѣрѣ, рублей тысячи на двѣ болѣе, чѣмъ до сихъ поръ. Необходимо добиться этого, тѣмъ болѣе, что, вслѣдъ за Сережей, поднимется вопросъ и объ Анѣ, а ее отправлять заграницу одну нельзя, — придется ѣхать съ нею также женѣ и нѣкоторое время жить надо будетъ на два дома.

Да, безъ сомнѣнія, это нелегко, — однако, не вполнѣ невозможно. Комбинація являлась очень соблазнительная, какъ будто нарочно для того, чтобы поддразнить Андрея Захаровича. Въ рукахъ у него находилось въ настоящее время дѣло, въ которомъ принималъ большое участіе нѣкто Фалькъ. Этого Фалька можно было бы просто считать темною личностью, если бы онъ не былъ женатъ на дочери Теренина. А Теренинъ стоялъ во главѣ одного учрежденія, въ которомъ былъ какой-то мудреный «совѣтъ» или «комитетъ», съ представителями разныхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и того, гдѣ служилъ Андрей Захаровичъ. Его, навѣрное, безъ всякаго затрудненія, назначили бы туда, — нужно было только, чтобы Теренинъ выразилъ желаніе видѣть его въ числѣ членовъ совѣта. Если бы для этого требовалось только позаботиться о скорѣйшемъ движеніи дѣла Фалька, то для Андрея Захаровича никакихъ затрудненій не существовало бы. Но дѣло было посложнѣе. Предпріятіе, по поводу котораго хлопоталъ Фалькъ, было затѣяно въ

весьма широкихъ размѣрахъ; но для того, чтобы оно могло осуществиться, нужно было получить разрѣшеніе соорудить плотину на рѣкѣ, и пользоваться, такимъ образомъ, дешевымъ водянымъ двигателемъ. Это должно было однако совершенно разорить множество хозяйствъ крестьянъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, земли которыхъ прилегали къ рѣкѣ, такъ какъ, благодаря запрудѣ, вода стала бы разливаться на большое пространство и засорять пескомъ и иломъ ихъ поля. Они это отлично понимали и отправили въ Петербургъ особыхъ ходатаевъ — хлопотать о запрещеніи устройства плотины. Ходоки побывали въ разныхъ мѣстахъ, добрались, между прочимъ, и до Андрея Захаровича. Прошеніе, которое они подали, было написано довольно темно и запутанно, но на словахъ они объяснили все очень толково, такъ что Андрей Захаровичъ сразу понялъ, какое значеніе имѣлъ для нихъ этотъ вопросъ. Но и Фалькъ не дремалъ. Онъ толкался всюду, куда было можно, и успѣлъ кой-кого расположить въ свою пользу. Однако, онъ понималъ очень хорошо, что тутъ все почти зависитъ отъ того, какъ будетъ изложено въ докладѣ ходатайство противной стороны. Можно было смять, скомкать его, словомъ, выставить дѣломъ вздорнымъ, которое раздувается умышленно для того только, чтобы сорвать что нибудь съ учредителей предпріятія, — но можно было представить все дѣло въ такой ясности, что разрѣшить его въ желательномъ для Фалька смыслѣ, явилось бы прямо немыслимымъ. И Фалькъ не разъ уже принимался по своему «обработывать» Андрея Захаровича, разсчитывая сначала, что тотъ не станетъ очень упираться. Андрей Захаровичъ, какъ бы въ видѣ шутки, однажды ввернулъ въ разговорѣ, что, вотъ, молъ, какъ бы хорошо устроиться въ совѣтѣ, гдѣ предсѣдательствуетъ уважаемый Иванъ Филипповичъ, — и по тому, какъ блеснули черные глаза Фалька, онъ понялъ, что этотъ намекъ не прошелъ незамѣченнымъ. Андрей Захаровичъ испыталъ при этомъ даже какое-то чувство облегченія — отъ сознанія того, что онъ сдѣлалъ все-таки первый, казавшійся ему самымъ труднымъ, шагъ. Но все же ничего рѣшительнаго до сихъ поръ между ними не было сказано. И только сегодня, утромъ, онъ получилъ отъ Фалька записочку, что, послѣ обѣда, онъ зайдетъ къ нему на полчасика «потолковать». Никакихъ сомнѣній не могло быть

по поводу того, что̀ подъ этимъ подразумѣвалось, и Андрей Захаровичъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ вечера. Онъ уже рѣшилъ, что дешевле, чѣмъ онъ назначилъ, онъ не продастъ себя.

Фалькъ пріѣхалъ аккуратно въ указанный въ его письмѣ часъ. И вотъ они сидятъ, запершись вдвоемъ въ кабинетѣ Андрея Захаровича. Никто имъ не помѣшаетъ. Жена мучается мигренью и лежитъ съ обвязанною теплыми платками головой. Аня занялась своими «вокализами» и часа на два прикована къ роялю. Сережи нѣтъ дома — онъ въ лабораторіи.

Разговоръ, сначала туманный и неопредѣленный, начинаетъ все ближе и ближе подходить къ цѣли. Чего добивается Фалькъ? Чтобы показана была вся нелѣпость — онъ такъ и сказалъ «нелѣпость» — претензій этихъ господъ. Андрей Захаровичъ конечно понимаетъ, что они кругомъ неправы, и сумѣетъ выставить дѣло въ настоящемъ свѣтѣ.

Андрей Захаровичъ морщится, какъ отъ пріема непріятнаго лѣкарства, но, преодолѣвая чувство брезгливости, голосомъ, которому онъ старается придать умышленную беззаботность, какъ бы вскользь, спрашиваетъ:

— А что, скажите, вы случайно не слыхали — это мѣсто въ совѣтѣ еще не замѣщено?

Фалькъ смотритъ на него ласковымъ и ободряющимъ взглядомъ и говоритъ:

— Нѣтъ еще. Иванъ Филипповичъ хочетъ хлопотать о назначеніи лица вполнѣ надежнаго, отъ котораго нельзя было бы ожидать разныхъ непріятностей. А то, покойный Хрулевъ, — не тѣмъ будь помянутъ! — своимъ неуживчивымъ характеромъ надѣлалъ ему множество хлопотъ.

Продолжая ласково смотрѣть на Андрея Захаровича, Фалькъ взялъ обѣ его руки въ свои и выразительно проговорилъ:

— Такъ какъ же, дорогой другъ? Можемъ мы разсчитывать на васъ? Вы знаете, что Иванъ Филипповичъ весьма и весьма этимъ дѣломъ интересуется.

Андрей Захаровичъ всталъ, какъ и Фалькъ, съ своего мѣста. Онъ дышалъ тяжело и съ усиліемъ. Необходимо теперь, сейчасъ же принять рѣшеніе — такое рѣшеніе, которое уже навсегда, на всю жизнь наложитъ на него извѣстный отпеча-

токъ. Онъ не скрывалъ отъ себя, что то, что онъ собирается совершить, равносильно подлогу. Благодаря ему, будутъ пущены по міру десятки семей. Вѣроятно, все это пройдетъ для него безнаказанно, но, въ концѣ концовъ, все можетъ и раскрыться, и тогда... Его не выгонятъ, конечно, со службы, если даже будетъ обнаружено, что онъ изъ корыстныхъ видовъ совершилъ свой поступокъ. Въ уваженіе къ его прежней дѣятельности, ему предоставятъ самому подать прошеніе объ отставкѣ. Но онъ будетъ въ глазахъ всѣхъ «замаранный».

И вдругъ передъ нимъ, съ особенною яркостью, нарисовалась картина. Вотъ его зовутъ въ кабинетъ «генерала» и тотъ, съ офиціально прискорбнымъ выраженіемъ лица, объявляетъ, что ему неудобно продолжать службу и надо подать прошеніе. Непріятная минута, — но если бы можно было говорить съ генераломъ на чистоту, онъ нашелъ бы, что сказать. О, онъ много что нашелъ бы... Но вотъ онъ пришелъ домой и ему надо объявить о постигшей его бѣдѣ женѣ и дѣтямъ. Что онъ имъ скажетъ, этимъ судьямъ, готовымъ въ иныхъ случаяхъ, къ всевозможной снисходительности, и которые, однако, иногда могутъ оказаться безжалостно-жестокими? Да, что онъ имъ скажетъ?..

Но что это? Обманъ слуха, порожденный его напряженнымъ состояніемъ? Вотъ слышны голоса жены и Сережи... Вотъ Аня что-то громко говоритъ... Всѣ они какъ будто о чемъ-то спорятъ... Голоса ихъ раздаются все ближе, очевидно, это они идутъ зачѣмъ-то къ нему. Минута — и они войдутъ, увидятъ его вмѣстѣ съ Фалькомъ — и все поймутъ. Андрей Захаровичъ былъ убѣжденъ, что онъ стоитъ теперь, точно насквозь освѣщенный какимъ-то таинственнымъ свѣтомъ, и что достаточно взглянуть на него, чтобы разглядѣть, какой отвратительный, уродливый гадъ копошится на днѣ его души. И неожиданно для самого себя, удивляясь самъ той твердости, которая звучала у него въ голосѣ, онъ произнесъ:

— Простите, но я долженъ вамъ сказать, что я ничего не могу сдѣлать для удовлетворенія вашего желанія. Дѣло слишкомъ говоритъ само за себя.

Онъ сухо поклонился Фальку, показывая этимъ, что разговоръ конченъ. Не ожидавшій такой развязки, Фалькъ не на-

шелся, что ему отвѣтить. Притомъ же, по самому тону Андрея Захаровича, онъ понялъ, что настаивать было бы безполезно. И едва онъ успѣлъ, съ озлобленнымъ и смущеннымъ лицомъ, выйти изъ кабинета Андрея Захаровича, какъ на порогѣ показались и жена, и Аня, и Сережа.

— Радость! Радость! кричала Аня, прыгая какъ сумасшедшая и бросаясь на шею къ отцу.— Папа! можешь поздравить Сережу,— будущаго профессора. Онъ ѣдетъ заграницу, на казенный счетъ — и тру-ля-ля, и тру-ля-ля!..

И Аня взяла такую высокую ноту, какой она до сихъ поръ и не подозрѣвала у себя въ голосѣ.

Князь М. Н. Волконскій.

О-СШЬКА-САНЪ.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ОЧЕРКОВЪ.

— Шутъ ее знаетъ—любилъ я ее или нѣтъ,—только въ душѣ сложная гадость сидитъ. Смотрю, вотъ, какъ пароходъ поворачиваетъ и разобраться не могу въ этой сложности... Глупо въ мои годы, а?

Онъ нагнулся ко мнѣ и заглянулъ прямо въ лицо.

— Я вотъ стригся сегодня,—поглядѣлъ въ зеркало—сѣдые волосы въ бородѣ,—а я стригусь для этой самой Японіи. Опять глупо... А мнѣ жаль... Вотъ, смотрите, видите огоньки, видите?..

Пароходъ въ это время повернулся носомъ къ выходу изъ бухты и сталъ кормою въ сторону Іеносы. Тамъ ясно засвѣтился домикъ на выдавшемся въ море выступѣ.

— Вотъ въ угловой комнатѣ красная лампа зажжена, въ столовой свѣтъ и на балконѣ, на столѣ, свѣча, въ шандалѣ, должно быть... Вѣрно сидитъ кто нибудь... Ахъ, какъ глупо! опять повторилъ онъ, опуская бинокль,—главное, глупо то, что въ жизни у меня всего было... Пора перебѣситься... Такъ нѣтъ же — Японія понадобилась...

Огоньки, какъ звѣзды, унизавшіе берега, быстрѣе стали переходить между мачтами судовъ, оставшихся на якорѣ.

Пароходъ шевелился, какъ шевелится онъ всегда послѣ стоянки, точно живое, пробужденное существо, будто расправился и потянулся впередъ. Звякнулъ съ мостика въ послѣдній разъ звонокъ въ машину.

— Полный ходъ дали... пошли, сказалъ онъ и сѣлъ на скамейку у штурвала.—Прощай Японія!

— Что-жъ, не пріѣдете развѣ больше сюда?

— Не знаю, голубчикъ, ничего не знаю...

— Если захотѣть, такъ можно и опять пріѣхать...

— Въ томъ-то и дѣло, что я самъ не знаю, чего хочу. Вотъ теперь мнѣ разсказать все хочется... поговорить... И онъ неопредѣленно махнулъ рукою въ сторону удалявшейся съ своими огоньками бухты.—Вотъ, видите, поѣхалъ я, такъ себѣ—вольнымъ путешественникомъ, срывать цвѣты удовольствія... пріѣзжаю сюда—Японія, любопытно!.. Прошу пріятеля, бывалаго здѣсь человѣка, показать мнѣ, что тутъ и какъ... Пообѣдали на пароходѣ. Ѣдемъ. Подплыли на фунешкѣ къ лѣсенкѣ каменной, поднялись... Пріятеля моего, какъ знакомаго встрѣтили, обрадовались. На дворѣ уже стемнѣло, въ столовой лампа горитъ. На балконѣ чай пили пріѣзжіе. За дверьми сдержанный смѣшокъ слышится. Прибѣжала, такъ, будто по своему дѣлу, мусмешка и скрылась. Стали чай пить въ садикѣ, у дома подъ обрывомъ въ море. Бухта съ кораблями, какъ на ладонѣ. Луна въ небѣ... Тишина... Горы кругомъ... Огоньки на нихъ жизнь даютъ. Тепло...Вода въ бухтѣ дышитъ точно, и точно отъ нея поднимается серебристый свѣтъ. Тамъ онъ далеко, наверху, въ зеленоватой синевѣ, сходится въ ясный серебряный кругъ. Понравилось мнѣ. И словно почуяли, что полюбилась мнѣ ихъ бухта, воздухъ и особенно ласковый свѣтъ мѣсяца... Принесла мусмешка печенье, кажется, взглянула, улыбнулась и опять ее нѣтъ. Прибѣжитъ, повернется и нѣтъ ея... По-русски понимаетъ. Принесла чай мнѣ. Глазки у нея добрые и улыбка милая. Я ни одной женщины не видалъ, чтобы такъ улыбалась. «Какъ зовутъ?» спрашиваю... Отвѣтила: Осшька-санъ... «Ну, Осшька-санъ, хотите въ театръ съ нами ѣхать?» — За часомъ рѣшено было ѣхать въ театръ. Присѣла она, колѣнями впередъ, опустивъ руки и, изогнувшись, кивнула головой особеннымъ японскимъ поклономъ. Удивительно милъ этотъ поклонъ. Онѣ, японки, во-

обще берутъ женственной кротостью, а эта Оспька-санъ и среди нихъ казалась особенно кроткою. Милая она, вотъ что!

Въ театрѣ отвели намъ ложу въ видѣ клѣти. Мусмешки усѣлись впереди на полу, на подушкахъ, поджавъ ноги. Намъ поставили скамейку сзади. Онѣ быстро-быстро замахали вѣерами и почувствовали себя очень хорошо. Сталъ я разглядывать Оспьку. Сидитъ, поджавъ ноги, котенкомъ такимъ—обмахивается, на сцену смотритъ. Нанесли намъ въ ложу сейчасъ же всякой всячины: воды содовой, пирожковъ японскихъ, грушъ, винограду... Все въ корзиночкахъ, аккуратныхъ, маленькихъ, похожихъ на самихъ мусмешекъ. «Оспька-санъ, хотите пить?» Оглянулась и, не глядя, поклонилась изъ-за вѣера. Я вотъ зажмурю глаза и до спхъ поръ вижу этотъ поклонъ,—полу-кивокъ, полу-поклонъ. Передалъ воду—опять поклонъ, конфеты, вѣеръ—опять то же самое, и все не глядя. Такъ у насъ кланяются только очень молоденькія барышни, которыя увѣрены, что у нихъ затылокъ красивъ. Только два раза поймалъ я ее, что она смотрѣла на меня, думала, что я не слѣжу за нею, и разглядывала. А я все время слѣдилъ. Такъ, будто наблюденія ради, а вышло весь вечеръ глазъ съ нея не спускалъ. Такъ, въ театрѣ, кромѣ Оспькинаго затылка и не видѣлъ я ничего хорошенько. Потомъ, когда послѣ театра стали въ темнотѣ по дженрикшамъ разсаживаться, я поймалъ себя на томъ, что думаю: а гдѣ-жъ Оспька? И сразу такъ прямо отличилъ, хоть темно было—усѣлась въ колясочку, сидитъ... Подошелъ, постоялъ и ничего сказать не нашелся. Никогда въ такихъ обстоятельствахъ дуракомъ не стоялъ,—злость взяла даже. Повернулся я, усѣлся въ свою двухъ-колеску—пусть везутъ, тамъ посмотримъ, что̀ дальше будетъ. Всю дорогу убѣждалъ себя въ глупости. Что, молъ, хорошаго въ ней? Обезьяна курносая и больше ничего. Улыбка хороша, да глаза кроткіе... Убѣждаю я себя, а выходитъ,—про нее думаю и какъ-то помимо себя знаю, что вотъ она на второмъ джинрикшѣ ѣдетъ... И въ фупешкѣ забрались онѣ внутрь, а я тоже залъ, въ который она тамъ уголъ прижалась. Пріѣхали къ лѣсенкѣ, опять самъ не знаю, какъ возлѣ нея очутился, хочу помочь выйти,—а она какъ-то скользнула мимо, руку отняла и только въ темноту деревянными скамеечками на ногахъ застучала по камен-

нымъ ступенькамъ наверхъ... Опять на балконѣ чай пили послѣ театра. Ее тутъ не было. И вдругъ, какъ-то случилось, что разошлись всѣ. Оглянулся я, и показалось мнѣ, что вечеръ и вода серебристая и облачка, таявшія въ лунномъ сіяніи, смотрятъ на меня съ ласковой кроткой улыбкой, точно сказать хотятъ: кто бы ты ни былъ, а обидѣть насъ тебѣ нѣзачѣмъ, потому что, нѣ за что обижать насъ — тихіе мы, простые, вотъ и все тутъ!..

Пріятель пришелъ за мной. Комната для васъ готова, говоритъ, — пойдемте, покажу. Миновали коридоръ, повернули налѣво — вотъ ваша дверь. Вошелъ. Полъ сплошь циновками обитъ. Направо, отъ двери, умывальникъ; налѣво, два стула и на одномъ изъ нихъ, свѣча въ подсвѣчникѣ. По серединѣ комнаты широкій тюфякъ на полу съ одѣяломъ и подушками, подъ четырехъ-угольнымъ пологомъ. Изъ синей кисеи сшита какъ бы вторая комнатка и повѣшена надъ тюфякомъ на четырехъ растянутыхъ къ угламъ развязкахъ. Окна, съ подъемными снаружи ставнями, затворены. Разглядѣлъ я это все, особенно пологъ интересенъ показался... Вдругъ она юркнула изъ двери и остановилась направо, спиною къ стулу, на которомъ сидѣлъ я, остановилась, опустивъ руки и втянувъ голову въ плечи... Долго она стояла такъ — молилась, что-ли по своему...

На утро проснулся. И ново и странно, и вмѣстѣ съ тѣмъ, точно давно я ужъ тутъ, такъ давно, что, все, что до этой Японіи было, быльемъ поросло и забыто... Въ то же утро, мы во Владивостокъ уходили. Оспька-санъ показалась мелькомъ, только проститься приходила. Тутъ ужъ у меня полный сумбуръ въ мысляхъ начался... Совсѣмъ глупость пошла... Весь переходъ я японскіе дома строилъ, разводилъ сады вокругъ нихъ, лаковыя фунешки заказывалъ, да цвѣта кимоновъ подбиралъ, и Оспька-санъ въ этихъ кимонахъ ходила, въ домахъ жила и въ лаковыхъ фунешкахъ каталась...

Сильно интересовало меня, какими мнѣ теперь европейскія дамы покажутся? Во Владивостокѣ я всякихъ увидѣлъ. Только всѣ онѣ послѣ Японіи, были уже не прежними, а словно на нихъ сквозь увеличительное стекло смотрѣть пришлось... Двѣ недѣли стояли тутъ. Живу — ничего, словно никакой Японіи не

было, а гдѣ-то, глубоко внутри — нѣтъ, нѣтъ, да и мелькнетъ, что, дескать, скоро опять въ Нагасаки пойдемъ, — и такъ хорошо и весело станетъ. Вотъ тутъ и разсуждайте, какъ хотите! На возвратномъ переходѣ, вѣрите, я, какъ школьникъ считаетъ часы до отпуска, считалъ, сколько осталось времени итти намъ до Нагасаки...

Онъ вдругъ замолчалъ и отвернувшись сталъ глядѣть черезъ бортъ въ ту сторону, гдѣ еще темной полоской виднѣлись горы убѣгавшей отъ насъ Японіи.

— Вы, вотъ думаете теперь, снова обернулся онъ ко мнѣ, что, все это совсѣмъ не замысловато, что, просто я почти на старости лѣтъ влюбился въ эту японку... Такъ вотъ сразу взялъ, да и влюбился, — ну, а я вамъ скажу — ошибаетесь!.. Я себя знаю и бывалъ влюбленъ на своемъ вѣку—и ночей не спалъ, и на луну смотрѣлъ, и влеченіе къ стихамъ даже чувствовалъ; ну, а тутъ совсѣмъ не то, вѣрьте мнѣ; тамъ: безпокойство, волненіе, дрожь какая-то, голову теряешь, а тутъ, совсѣмъ не то, — тутъ вовсе не ее хотѣлось видѣть скорѣе, совсѣмъ не ее, а какъ-то, все, что ее окружаетъ: и домикъ этотъ и все; не безпокойство тутъ было, а напротивъ, точно душа отдыха просила — и тамъ-то для нея и былъ этотъ отдыхъ... Лица Осшьки я опредѣленно совсѣмъ не помнилъ. Думалъ, что и не узнаю ее. Другихъ японокъ всѣхъ могъ себѣ ясно представить и отличить, а ея — нѣтъ, никакого представленія...

«Ну, вотъ, какъ пришли мы въ Нагасаки, я первымъ дѣломъ, разумѣется, на берегъ, вы думаете, туда, въ Іеносу? Нѣтъ,—въ магазины, съ пріятелемъ. Неловко мнѣ показалось такъ, съ пустыми руками пріѣхать. Я, видите ли, замѣтилъ тотъ разъ, когда мы въ театрѣ были, что, у Осшьки вѣера своего не было, а у ея товарки былъ, дрянной хотя, бумажный, но, не такой, все-таки, какіе въ театрѣ подавали. Ну, такъ вотъ я ей хотѣлъ вѣеръ подарить. Да! Еще забылъ, на берегъ-то я съѣхалъ съ книжкой русско-японскихъ разговоровъ, тутъ же, на пароходѣ захватилъ... Осшька-санъ хуже другихъ по-русски понимаетъ. Книжечку эту купилъ впопыхахъ, — конечно, оказалась она потомъ совсѣмъ негодною: не тѣ разговоры совсѣмъ, что мнѣ нужны были... И фразы нелѣпыя, въ родѣ: «ему минуло семьдесятъ лѣтъ, а онъ бодръ... Да—«судно плыветъ бокомъ»,

еще про войска что-то и про говядину. Никогда въ этихъ разговорахъ не найдешь именно того, что нужно. Вѣера такого, какъ я хотѣлъ, тоже не нашли: или бумажная дрянь, или такіе, что для европейцевъ понадѣланы. А тутъ еще пріятель говоритъ, что покупать ничего не нужно. Въ Іеносѣ мусмешки высыпали на встрѣчу. Сразу замѣтилъ я, что Осшьки нѣтъ. Пріятель встрѣтилъ свою японку, обнялъ... Они уже не впервой встрѣчаются. Вижу, суетъ онъ ей сверточекъ потихоньку. Подвелъ меня. Духи ей привезъ. Она духи ему привезти заказала. Обернулся я, словно толкнулъ меня кто въ это время. У двери будто Осшька-санъ стоитъ, руками рукавъ кимона перебираетъ, голову наклонила, не смотритъ. Ну, что-жъ, и я могъ подойти къ ней... Обнять, что ли... Я даже и направился такъ прямо, прибодрясь подойду, молъ, и сдѣлаю также, вотъ какъ пріятель со своей, вотъ и все тутъ, что въ самомъ дѣлѣ стѣсняться... Ну, а подошелъ, и руки не поднялись. Сказалъ только «здравствуйте». Замѣтьте, «*здравствуйте*», а не «здравствуй!» и руку протянулъ, да такъ неувѣренно, робко, точно сомнѣвался, протянетъ ли она мнѣ свою. Она протянула, подняла глаза, и лицо освѣтилось этой, ея кроткой улыбкой и скользнула въ дверь... Обидно мнѣ стало, зачѣмъ пріятель духи привезъ, а я ничего. Сталъ другой разсказывать, что цѣлое утро вѣеръ для Осшьки-санъ искалъ. Разсмѣялась она: «я вамъ принесу сейчасъ, говоритъ, что подарить вы можете...» Принесла гребенку черепаховую со шпильками въ коробочкѣ. Купилъ. Коробочка эта долго у меня изъ кармана торчала. Долго не было Осшьки-санъ, наконецъ, пришла. Улыбнулся я преглупо, очень глупо и протянулъ подарокъ. Взяла, поклонилась по своему и опять убѣжала. Знаете, что было потомъ? Послѣ этого подарка, она меня еще пуще дичиться стала. У всѣхъ, видите ли, были хорошія гребенки, а у ней нѣтъ, а это необходимая принадлежность прически у нихъ. Вышла она потомъ. Моя гребенка въ голову воткнута, а на меня почти не смотритъ. Какъ этотъ день прошелъ — не помню хорошенько, все растянулось какъ-то и было медленно, покойно, счастливо... Точно баюканье какое-то... Вечеромъ, цѣлой компаніей поѣхали кататься. И Осшька съ нами. Держитъ со мной себя, точно нѣтъ меня тутъ; съ другими — смѣется, болтаетъ по-японски, а

меня точно нѣтъ для нея. Только, когда я съ лѣстницы къ морю сталъ сводить ее—руки не отняла и свести себя позволила.

Рука у ней была холодна, какъ ледъ. «Холодно тебѣ, Осшка-санъ?» Ни звука, ни движенія, но руки, по прежнему, не отдергиваетъ. Заѣзжали мы въ чайный домъ чай пить на горѣ — тамъ, въ саду, одинъ изъ нашихъ, милый молодой человѣкъ, веселый,—дурачился съ ними, затѣялъ на одной ногѣ прыгать. И Осшка-санъ прыгаетъ, пріятеля моего за руку беретъ, показываетъ ему что-то, старается объяснить, только ни одного русскаго слова не говоритъ, а ко мнѣ не прикоснется. Подсяду къ ней — насупится, точно застынетъ; подвину ей винограду, передамъ что нибудь — ни улыбки, ни поклона даже... Очень мнѣ досадно было, вотъ когда она на одной ножкѣ прыгала, да пріятеля за руку брала. Послѣ этого, я все время помимо воли своей, слѣдилъ ужъ не за нею одной, а и за молодымъ человѣкомъ тоже. Странно показалось потомъ. Неужели я ревновать началъ? Къ чему? Черезъ два дня я въ Россію уѣзжаю, навсегда вѣроятно и не увижу ее никогда... Ну, что мнѣ? а словно ревную... Досадно, зачѣмъ она на одной ногѣ со мной не прыгаетъ. Хорошо еще, что удержался — самъ не пошелъ прыгать... И только потомъ, промучивъ меня цѣлый вечеръ, она, когда остались мы одни, прижалась ко мнѣ и «*холидно*», говоритъ... На другой день керимонъ ей шелковый подарилъ. Довольна осталась, какъ ребенокъ игрушкой. Потомъ цѣлый день опять не разговаривали. Въ театрѣ были. Вернулись поздно вечеромъ изъ театра. Вся компанія разошлась по своимъ угламъ. Осшка-санъ на веранду, на лунный свѣтъ кресло тащитъ. Оно по крайней мѣрѣ, вдвое больше ея, а она его тащитъ. Помочь хотѣлъ — не даетъ, поставила: сиди тутъ на лунномъ свѣту, подъ недвижной, тихой бухтой, а сама остановилась. Поманилъ — подошла. Заглянулъ въ лицо — улыбается...

Онъ опять замолчалъ. Искоса взглянулъ я на него. Онъ сидѣлъ, высоко поднявъ брови и сосредоточенно велъ тросточкой по аккуратной черной спайкѣ двухъ палубныхъ досокъ...

— Что же дальше!

— Дальше? Дальше вышло то, что мы поссорились. Пью сегодня чай утромъ на верандѣ. Славное утро было. Нашъ пароходъ на рейдѣ виденъ. Спжу это я и думаю, что уходить

сегодня нужно. И такъ это досадно и тоскливо становится. А ея нѣтъ со мной. Всѣ двери изъ столовой въ садъ отворены. Ея не видать нигдѣ. Стали наши собираться тоже чай пить. Я съ другими постарался веселый разговоръ затѣять при помощи книжки на японскомъ языкѣ. Напали на слово «коному́»— это «любить» значитъ. Это «васъ Осшька-санъ коному́», говорятъ мусмешки. Собрались на пароходъ ѣхать. И уѣхалъ я, бѣжалъ точно, и не простился съ нею...

— Боялись остаться что̀ ли?

— А кто ее знаетъ! Можетъ быть...

Онъ всталъ со скамейки и облокотившись о планширь, сталъ смотрѣть на переливавшуюся въ лунномъ свѣтѣ, бурливую струю пароходнаго слѣда...

— А вы знаете, что̀ значитъ ея имя? спросилъ я у него. У нихъ всѣ имена имѣютъ значеніе...

Онъ пожалъ плечами.

— Хотите посмотрѣть?

— Гдѣ?

Я досталъ карманный японско-англійскій словарь. Онъ отнялъ его и сталъ искать на букву «О».

— Не тамъ пишете. «О» у нихъ приставка, въ родѣ французскаго «de». Нужно смотрѣть просто «Сшька»...

Въ словарѣ значилось противъ этого слова: поэма, пѣсня...

— Поэма, пѣсня, повторилъ онъ. «Санъ», значитъ госпожа. . Госпожа—поэма или пѣсня... А что-жъ, пожалуй...

Все это было похоже на пѣсню...

В. А. Тихоновъ.

КРЕСТЬЯНКА-БАРЫШНЯ.

Тѣ изъ моихъ читателей, которые не живали въ деревняхъ, не могутъ себѣ вообразить, что за прелесть эти уѣздныя барышни!

(«Барышня-крестьянка» А. С. Пушкина»).

Минувшимъ лѣтомъ я снова посѣтилъ мою родную «глушь». Четыре года не заглядывалъ я туда, но, къ счастью, перемѣнъ нашелъ мало: все оказалось на своихъ мѣстахъ, всѣ живы и здоровы. Только моя собака, ирландецъ Роверъ, изъ веселаго, жизнерадостнаго, какъ всѣ сетера, превратился въ серьезнаго, нѣсколько уже отяжелѣвшаго пса. Разумѣется, онъ не узналъ меня на первыхъ порахъ, но, принюхавшись хорошенько, или освѣжилъ въ своей памяти какія-то воспоминанія, или просто рѣшилъ признавать меня за новаго хозяина. Это было ясно изъ того, что онъ ходилъ всюду слѣдомъ за мной, вилялъ хвостомъ и лизалъ мнѣ руки.

Первыхъ три дня пребыванія въ моей милой Тарѣевкѣ я посвятилъ основательному отдыху, т.-е. цѣлыми днями лежалъ въ саду въ старенькомъ гамакѣ, пилъ молоко и болталъ со старухой-ключницей, Еленой Власьевной, а на четвертый день по-

чувствовавъ себя достаточно отдохнувшимъ, собрался посѣтить моихъ окрестныхъ пріятелей.

На первой очереди стоялъ у меня отецъ Алексѣй, священникъ изъ села Каменки, добрѣйшій старичокъ, являвшійся какъ бы исключеніемъ среди нашего духовенства, уже хотя бы по одному тому, что семействомъ онъ отнюдь не былъ обремененъ, къ великому огорченію его «неплодной смоковницы», матушки Евдокіи Степановны

До отца Алексѣя всего было пять верстъ и я рѣшилъ отправиться туда пѣшкомъ. Роверъ выразилъ желаніе мнѣ сопутствовать, но кажется былъ немало удивленъ, что я не беру съ собою мою старенькую и, откровенно говоря, дрянненькую двустволку. Я постарался ему объяснить, что не дѣлаю этого потому, что охота намъ не къ лицу ужъ, что и прежде, когда мы помоложе были, двустволка эта палила обыкновенно мимо дичи, и трудно ожидать отъ нея въ моихъ рукахъ какой нибудь благопріятной перемѣны. Да наконецъ, безцѣльная охота въ моихъ глазахъ теперь уже представляется дѣйствительно «злою забавой». Не знаю, понялъ ли меня Роверъ, но, во всякомъ случаѣ, своего намѣренія сопутствовать мнѣ не измѣнилъ и мы отправились. Роверъ, по старой привычкѣ, сначала облаялъ все, что подлежало облаянію, обнюхалъ все, что представляло къ этому какой нибудь интересъ, дѣловито пошнырялъ въ придорожныхъ кустахъ; три-четыре раза перепрыгнулъ тянувшуюся рядомъ съ дорогой канавку и, доказавъ этимъ мнѣ, что онъ отлично помнитъ всѣ старые порядки, успокоился, и въ подтвержденіе того, что теперь уже онъ не тотъ, тихо побрелъ вслѣдъ за мною.

Пройдя версты три и я, къ немалому моему огорченію, долженъ былъ убѣдиться, что время не щадитъ никого: ни человѣка, ни собаку и что теперь и я уже не тотъ. Бывало эти три версты, т.-е. до Студенаго Ключа, мы бѣгомъ бѣгали; бывало сходить въ Каменку и обратно пѣшкомъ считалось пустымъ дѣломъ; бывало... впрочемъ, мало ли что бывало; а теперь, вотъ, дойдя до Студенаго Ключа, я почувствовалъ уже утомленіе, присѣлъ на какой-то обрубокъ и закурилъ папиросу, а Роверъ принялся жадно лакать струившуюся холодную воду.

До Каменки оставалось всего двѣ версты, изъ нихъ полторы— устымъ сосновымъ боромъ. Это было очень кстати, потому что

солнце поднялось уже высоко и начинало изрядно таки припекать. Отдохнувъ у Студенаго Ключа, я поднялся и пошелъ дальше.

Тихо гудѣли вершины старыхъ сосенъ. Надъ нами синѣло темноголубое небо, пахло согрѣвшейся хвоей, хрустѣли сухія вѣтки подъ ногами. Роверъ, съ высунутымъ языкомъ, лѣниво брелъ сзади, по временамъ только настораживаясь однимъ ухомъ, когда гдѣ нибудь, совсѣмъ уже близко, долбилъ дятелъ или переливала свою трель иволга. Но вотъ, впереди посвѣтлѣло, лѣсъ кончился и мы вышли на берегъ рѣки Каменки. Вотъ и давно знакомый мостикъ, съ воспоминаніемъ о которомъ у меня неизвѣстно почему-то связана пѣсенка:

По песочку течетъ рѣчка.
Черезъ рѣчку — мость.
На мосту стоитъ овечка,
У овечки — хвостъ.

И на этотъ разъ на мосту кто-то стоялъ, но только отнюдь не овечка. Подойдя поближе, я увидѣлъ, что это была молоденькая крестьянская дѣвушка. Мой Роверъ, обогнавъ меня, нашелъ почему-то нужнымъ на нее залаять.

— Tout beau, Роверъ! ici! крикнулъ я и вдругъ мнѣ ясно-ясно вспомнилась сцена изъ Пушкинской «Барышни-крестьянки», когда молодой Берестовъ останавливаетъ свою собаку, залаявшую тоже на крестьянскую дѣвушку. Разница была только въ томъ, что собаку звали Sbogar, да что Берестовъ былъ молодъ, а мы съ Роверомъ, увы! этимъ похвастаться уже не могли. Впрочемъ, была еще одна разница: крестьянка, на которую залаялъ Sbogar, была переодѣтая барышня, чего никакъ нельзя было предположить о стоявшей на мосту дѣвушкѣ, ужъ хотя по одному тому, что барышни, переодѣвающіяся крестьянками, босикомъ все-таки не ходятъ. Можно, пожалуй, было отыскать, и еще нѣсколько различій, но стоитъ ли ихъ отыскивать, когда имѣлось одно и несомнѣнное сходство: стоявшая на мосту крестьяночка была удивительно мила собой. Такое славное, свѣжее личико, такіе бѣлые, ровные зубки. Сквозь загаръ здоровый румянецъ пробивается и фигурка такая стройная, крѣпкая.

Я вошелъ на мостъ. Дѣвушка искоса взглянула на меня.

Въ темныхъ глазкахъ мелькнуло любопытство и удивленіе и, какъ показалось мнѣ, нѣкоторая сконфуженность, какъ будто я ее надъ чѣмъ-то врасплохъ засталъ.

— Здравствуй, милая! не утерпѣлъ я и поздоровался съ нею.

— Здравствуйте, чуть слышно и уже совсѣмъ теряясь, отвѣтила дѣвушка.

— Ты не изъ Каменки ли? продолжалъ я, чувствуя непреодолимое желаніе поболтать съ этой сельской красоткой.

— Изъ Каменки.

— А не знаешь, отецъ Алексѣй дома?

— Дома.

— Гм! Гм!.. Я замялся, потому что положительно не зналъ, что бы еще можно было спросить.

— А что, онъ здоровъ?

— Здоровъ, отвѣтила дѣвушка.

— А матушка тоже здорова?

— И матушка здорова.

Моя собесѣдница начинала видимо ободряться, а у меня, какъ на зло, опять всѣ ресурсы изсякли. Живя въ Петербургѣ, совсѣмъ отучишься говорить съ простымъ народомъ.

— Гм! Гм!.. А дѣтокъ у нихъ все еще нѣтъ! совсѣмъ не кстати нашелся я.

— Что такое? переспросила дѣвушка.

— Да я вотъ говорю... не послалъ ли имъ Господь на старости лѣтъ утѣшенія? Знаешь, какъ Аврааму и Саррѣ въ древности? пояснилъ я, видя, что она меня не понимаетъ.

Моя собесѣдница какъ вдругъ расхохочется и даже спиной ко мнѣ повернулась.

— Ты, милая, вѣроятно, и не знаешь, кто были Авраамъ и Сарра? Авраамъ—это былъ такой патріархъ, вотъ какъ на деревняхъ старики бываютъ, а Сарра—свойная жена была.

«Ахъ, чортъ! это «свойная»!—наслушался я этихъ дурацкихъ словечекъ отъ нашихъ петербургскихъ кухарокъ и усвоилъ за народный говоръ», подумалъ я, но тѣмъ не менѣе продолжалъ объяснять исторію Авраама.

Дойдя до Агари, невольно посмотрѣлъ на мою собесѣдницу и, грѣшный человѣкъ, подумалъ, что и изъ нея могла бы славная Агарь выйти и не только подумалъ, но сказалъ даже:

— Агарь эта самая была очень хорошенькая, вотъ совсѣмъ такая же, какъ ты.

И уже никакъ не ожидалъ того эффекта, который вызвали мои слова. Собесѣдница моя вдругъ нахмурилась, круто повернулась и быстро-быстро переступая своими босыми ножками, пошла съ моста. Я остался одинъ и въ довольно глупомъ положеніи.

— Акулина! Акулинушка! крикнулъ я ей вслѣдъ, желая ее вернуть.

Почему мнѣ показалось, что ея имя должно быть «Акулина», ужъ право не знаю, впрочемъ, вѣроятно потому, что передъ этимъ у меня въ головѣ вертѣлась Пушкинская «Барышня-крестьянка». Но «Акулина» моя и слушать ничего не хотѣла. Быстрыми шагами шла она по берегу рѣки Каменки, направляясь къ группѣ какихъ-то крестьянскихъ ребятишекъ.

Постоявъ на мосту еще минуты двѣ, я махнулъ рукой и, разбудивъ Ровера,—старикъ успѣлъ уснуть на солнечномъ припекѣ,—отправился дальше, къ селу Каменкѣ, а черезъ четверть часа сидѣлъ уже въ маленькомъ, но тѣнистомъ садикѣ отца Алексѣя и велъ сбивчивую—какъ всегда бываетъ послѣ долгой разлуки—бесѣду съ моимъ старымъ пріятелемъ. Матушка Евдокія Степановна хлопотала по хозяйству, то и дѣло перекликаясь съ нами въ окно изъ горницы.

— Такъ, такъ! поддакивалъ моимъ разсказамъ старикъ-священникъ.—Читали мы это здѣсь, читали въ газетахъ и даже дивy давались: все поподробнѣе распросить хотѣлось, да не кого было. Вотъ, слава Богу, что вы пріѣхали...

— Ну, а у васъ какъ? Какъ насчетъ винной монополіи? Замѣчается ли сокращеніе пьянства? спрашивалъ уже я.

Отецъ Алексѣй разсказывалъ насчетъ винной монополіи и о о сокращеніи пьянства.

— Ну, а урожаи каковы?

И про урожаи обстоятельно говорилъ онъ.

Съ урожаевъ мы, конечно, перешли къ мѣстнымъ помѣщикамъ, къ житью-бытью. Отецъ Алексѣй указывалъ мнѣ кого навѣстить слѣдуетъ, говорилъ, кто въ усадьбу вернулся, кто продалъ свое родовое гнѣздо. Про земство, конечно, разговоръ завели...

А, между тѣмъ, самоваръ уже весело шипѣлъ передъ нами на столѣ, стоялъ горшочекъ холодной простокваши, крыночка молока и цѣлое блюдо первосборной, но уже спѣлой земляники.

— А за Дашенькой-то ты послала? спросилъ отецъ Алексѣй, когда матушка, окончивъ свои хлопоты, присѣла къ нашему столику.

— Посылала, отвѣтила та. — Сейчасъ, сказываетъ, придетъ. Переодѣвается, слышь.

— Чего же это она переодѣвается?

— Да, слышь, опять на Каменку съ ребятишками «по свои грибы» ходила.

— А! вотъ оно что! усмѣхнулся отецъ Алексѣй и добавилъ: — Много ужъ она этихъ грибовъ насбирала. Подп, скоро и довольно будетъ.

И видя, что мнѣ какъ бы непонятно выраженіе «свои грибы», онъ началъ пояснять.

— Дашенька — это учительница наша сельская, Дарья Никитишна ее зовутъ. Молодая еще дѣвушка, а куда какая разумная да благонравная, и какъ она о своемъ дѣлѣ печется, такъ просто диву даться можно. Школу свою любитъ превыше всего. Такъ вотъ, прочитала она какъ-то въ газетахъ, что какая-то тоже учительница со своими учениками да учениц ами, что называется, гуляючи, камень за камнемъ, столько этого матеріалу набрала, что изъ него новое зданіе школы построили и не деревянное ужъ, а каменное. Вотъ и ей эта же мысль запала. Школу-то вы нашу сами знаете: зданіе ветхое и ремонту ужъ никакому не поддается. Пришла это она ко мнѣ и говоритъ: «Благословите, батюшка, и меня на это дѣло потрудиться». И газету мнѣ показываетъ, гдѣ про другую учительницу-то пропечатано было. Подумалъ я и отвѣчалъ: «Что-жъ, говорю, Дашенька, доброе дѣло ты задумала! Изъ готоваго матеріала легче школу выстроить, да и каменная-то она прочнѣе будетъ и дольше простоитъ, и пожару не боится». Возликовала наша Дарья Никитишна. «А камня, говоритъ, батюшка, у насъ полна рѣчка Каменка. Я со своими ребятишками въ одно, много въ два лѣта достаточно его натаскаю». И принялась. Представьте себѣ, что и міру нашему это дѣло полюбилось. И большіе-то никто мимо рѣчки Каменки не пройдетъ,

чтобы камушекъ съ собой не захватить. А по праздникамъ, такъ иной разъ полсела туда выберется. Еще старики меня спрашивали: «не грѣшно ли по праздникамъ-то это дѣлать? Все же, дескать, это работа». А я разрѣшилъ. Говорю: «Не работа эта, а святое дѣло. На школу-то, говорю, почти то же, что на храмъ— трудъ богоугодный». Да, вотъ, всего полтора мѣсяца прошло, а посмотрѣли бы вы сколько они этого каменья натаскали. За школой-то пустырекъ весь заваленъ. Скоро, поди, и къ работѣ приступить можно. Да, славная у насъ учительница, дай Богъ ей добраго здоровья. И любятъ ее здѣсь всѣ, да какъ и не любить-то! Свой своему поневолѣ, вѣдь, братъ.

— Почему свой — своему? переспросилъ я.

— Такъ вѣдь, она же здѣшняя, каменская крестьяночка. Спроткой у насъ въ селѣ и росла. У меня спервоначалу и грамотѣ-то училась, а потомъ попала во дворъ, къ помѣщицѣ, къ Аннѣ Васильевнѣ Юшковой. Очень ужъ тамъ она всѣмъ полюбилась. Стали ее учить; шире, да дальше — въ губернію свезли,— она тамъ курсъ кончила, дипломъ получила, а Анна-то Васильевна и умерла къ тому времени. Слышь, и женихъ къ ней, къ Дашенькѣ-то, сватался, да нѣтъ,—отказала. «Сперва, говоритъ, должна я потрудиться на моихъ братьевъ, а потомъ ужъ и о себѣ подумать». И вернулась прежняя Дашурка уже Дарьей Никитишной, а вернулась, словно и не выѣзжала отъ насъ: всѣхъ-то помнитъ, всѣхъ-то знаетъ, ко всѣмъ ласкова и даже свой простой мужицкій нарядъ не разлюбила. Когда можно, т.-е. не въ школѣ когда на занятіи или не въ гостяхъ, такъ то и дѣло въ сарафанѣ, да босикомъ ходитъ. Она даже и въ школѣ бы учить въ сарафанѣ хотѣла, да инспекторъ не позволилъ: «престижъ, говоритъ, подрываете». Да, слава Богу, умудрилъ Господь спротку и на путь истинный направилъ. Вотъ уже третій годъ она у насъ учительствуетъ и школьниковъ нашихъ узнать нельзя.

— Матушка! Подьте-ка сюда! окликнула попадью появившаяся на крылечкѣ баба.

— Что еще тамъ? спросила матушка и тяжелой утиной походкой поплелась въ домъ.

А я сидѣлъ и смутныя догадки не на шутку начинали тревожить меня.

«А что, если... что если моя давишная собесѣдница никто иная, какъ эта самая Дарья Никитишна?»

Я уже хотѣлъ было разсказать отцу Алексѣю о моей встрѣчѣ да не успѣлъ. Матушка снова показалась изъ дому, а за нею слѣдомъ шла стройная, очень миловидная дѣвушка, въ простомъ, но со вкусомъ сшитомъ сѣромъ холстинковомъ платьицѣ. Я взглянулъ на нее и, если бы могъ краснѣть, покраснѣлъ бы, навѣрное, до ушей. Да, несомнѣнно, это была она, та самая крестьяночка, которой я намѣревался такъ обстоятельно разсказать поучительную исторію объ Авраамѣ, Саррѣ, Агари до Измаила включительно.

Слегка потупивъ глазки, она подошла къ отцу Алексѣю и почтительно приняла отъ него благословеніе.

— Вотъ, позвольте васъ познакомить, приподнимаясь съ мѣста, заговорилъ старикъ,—учительница наша, Дарья Никитишна Копылова. А это... и онъ назвалъ меня.

Я стоялъ ни живъ, ни мертвъ и, вѣроятно, мой сконфуженный видъ не ускользнулъ отъ взгляда дѣвушки, потому что я замѣтилъ, какъ закусила она губку, чтобы не улыбнуться и сейчасъ же прочелъ въ глазахъ ея полное прощеніе. Съ чувствомъ искренней благодарности пожалъ я ея небольшую, но крѣпкую ручку и вздохнулъ свободно.

— Вотъ, разсказывалъ, какъ ты каменные грибы собираешь, по отечески, обращаясь къ дѣвушкѣ, заговорилъ отецъ Алексѣй Та сконфуженно улыбнулась.

— Это не моя мысль, но я думаю, что подражать хорошему можно?.. не то спрашивая, не то утверждая произнесла она.

Я сейчасъ же разсыпался въ увѣреніяхъ, что и мысль сама по себѣ прекрасная и что подобнаго рода подражаніе въ высокой степени почтенно. И слово за слово мы разговорились, и чѣмъ больше бесѣдовалъ я съ этой дѣвушкой, тѣмъ болѣе удивлялся ей. Ни тѣни жеманства, ни напускной развязности,— проста, скромна и мила чрезвычайно. И хорошенькая такая, и граціозная, а между тѣмъ, въ сарафанѣ, на мосту, даже болѣе опытный взглядъ, чѣмъ мой, не усумнился бы ни на минуту, что она настоящая крестьянка. Да она, несомнѣнно, и была таковой, только, можетъ быть, въ возможной въ очень отдаленномъ

будущемъ формаціи. А пока, она, конечно, была исключеніемъ, счастливымъ и прекраснымъ.

Матушку опять отозвали по хозяйству. Отозвали и отца Алексѣя и мы остались вдвоемъ.

— Дарья Никитишна, вы простили мнѣ мои слова на мосту? почти умоляюще заговорилъ я.

— Ну, конечно, добродушно улыбаясь, отвѣтила она.—Да въ нихъ, въ сущности, не было ничего и обиднаго. Что вы обращались ко мнѣ на «ты»,—но вѣдь это такъ принято и было бы гораздо страннѣе, если бы вы на «вы» заговорили съ простой крестьянкой. Что вы стали знакомить меня съ ветхозавѣтной исторіей, но это указываетъ только на ваши просвѣтительныя наклонности. Вотъ, кажется, и все.

— Ну, а то, что я назвалъ васъ хорошенькой? уже гораздо смѣлѣе спросилъ я, приходя прямо въ восторгъ отъ ея милаго, даже слегка кокетливаго тона.

— Ну, какая же молодая дѣвушка обидится на это? И барышнѣ, и крестьянкѣ это будетъ одинаково пріятно, совсѣмъ просто и въ то же время весело отвѣтила она.

Я готовъ былъ прямо таки расцѣловать ея ручки.

— Вотъ только одно меня удивило, отчего это вы меня Акулиной назвали? спросила Дарья Никитишна.

— А вы помните Пушкинскую «Барышню-крестьянку?»

— Помню. Ну, такъ что же?.. недоумѣвая переспросила она.—Ахъ, да! вспомнила! Бетти Муромская назвала себя, вѣдь, Акулиной. Да, но неужели вамъ могла прійти мысль, что я переодѣтая барышня? Между Бетти Муромской и мною такая большая, такая неизмѣримая разница. Я думаю, что вотъ теперь, въ этомъ костюмѣ, я скорѣе похожа на крестьянку, переодѣвшуюся барышней. Сарафанъ мнѣ больше по плечу и къ лицу.

— «Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша!» не утерпѣлъ и воскликнулъ я.

Бровки Дарьи Никитишны слегка было сдвинулись, но добрая улыбка сейчасъ же озарила ея личико.

— Это вы вспомнили строчку изъ Богдановича, взятую Пушкинымъ, какъ эпиграфъ къ своей «Барышнѣ-крестьянкѣ», не принимая на свой счетъ моего восклицанія, заключила эта милая «крестьянка-барышня» . . . . . .

Когда вечеромъ я возвращался къ себѣ въ Тарѣевку (въ телѣжкѣ отца Алексѣя, и Роверъ сидѣлъ у меня въ ногахъ) несвязныя мысли мелькали у меня въ головѣ. Мнѣ вспоминалась миленькая Дарья Никитишна, отзывы отца Алексѣя о ней, ея хорошенькіе глазки, ея простой, непринужденный разговоръ, моя встрѣча съ ней на мосту и Пушкинская «Барышня-крестьянка», Бетти Муромская, и молодой, красивый, влюбленный въ нее Алексѣй Берестовъ и мнѣ было грустно, что я уже немолодъ и мнѣ было стыдно, что меня, уже немолодого человѣка, можетъ иногда толкать такой бѣсъ въ ребро, какой толкнулъ сегодня утромъ на мосту, надъ рѣчкой Каменкой, и сейчасъ же вдругъ становилось радостно, что теперь уже возможны такія явленія, какъ эта милая «крестьянка-барышня».

Ан. П. Чеховъ.

ПРОИСШЕСТВІЕ.

(РАЗСКАЗЪ ЯМЩИКА).

Вотъ въ этомъ лѣсочкѣ, что за балкой, случилась, сударь, исторія. Мой покойный батенька, царство имъ небесное, везли къ барину пятьсотъ цѣлковыхъ денегъ; тогда наши и шепелевскіе мужики снимали у барина землю въ аренду, такъ батенька везли деньги за полгода. Человѣкъ они были богобоязненный, писаніе читали, и чтобъ обсчитать кого, или обидѣть, или, скажемъ, не ровенъ часъ, обжулить—это не дай Богъ, и мужики ихъ очень обожали и, когда нужно было кого въ городъ послать — по начальству, или съ деньгами, то ихъ посылали. Были они выдѣляющее изъ обнакновеннаго, но, не въ обиду будь сказано, сидѣла въ нихъ малодушная фантазія. Любили они муху зашибить. Бывало, мимо кабака проѣхать нѣтъ возможности: зайдутъ, выпьютъ стаканчикъ—и унеси ты мое горе! Знали они за собой эту слабость и, когда общественныя деньги возили, то, чтобъ не заснуть или случаемъ не потерять, завсегда брали съ собой меня, или сестрицу Анютку. По совѣсти сказать, все наше семейство до водки очень охотники. Я грамот-

ный, въ городѣ въ табачномъ магазинѣ служилъ шесть лѣтъ и могу поговорить со всякимъ образованнымъ господиномъ, и разныя хорошія слова могу говорить, но какъ я читалъ въ одной книжкѣ, что водка есть кровь сатаны, такъ это доподлинно вѣрно, сударь. Отъ водки я потемнѣлъ съ лица, и нѣтъ во мнѣ никакой сообразности, и вотъ, изволите видѣть, служу въ ямщикахъ, какъ неграмотный мужикъ, какъ невѣжа.

Такъ вотъ, разсказываю я вамъ, везли батенька деньги къ барину; съ ними Анютка ѣхала, а въ тѣ поры Анюткѣ было семь годочковъ, не то восемь—дура дурой, отъ земли не видать. До Каланчика проѣхали благополучно, тверезы были, а какъ доѣхали до Каланчика, да зашли къ Мойсейкѣ въ кабакъ, началась у нихъ фантазія эта самая. Выпили они три стаканчика и давай похваляться при народѣ:

— Человѣкъ, говорятъ, я не большой, простой, а въ карманѣ пятьсотъ цѣлковыхъ; захочу, говорятъ, такъ и кабакъ, и всю посуду, и Мойсейку съ его жидовкой и жиденятами куплю. Все, говорятъ, могу купить и выкупить.

Этакимъ, значитъ, манеромъ пошутили, а потомъ этого стали жаловаться:

— Бѣда, говорятъ, православные, быть богатымъ человѣкомъ, купцомъ или въ родѣ. Нѣтъ денегъ—нѣтъ и заботы, есть деньги—держись все время за карманъ, чтобъ злые люди не украли. Страшно жить на свѣтѣ, у котораго денегъ много.

Пьяный народъ, конечно, слушалъ, смекалъ и на усъ себѣ моталъ. А тогда тутъ на Каланчикѣ чугунку строили и всякой швали и босоногой команды было видимо-невидимо, словно саранча. Батенька потомъ спохватились, да ужъ поздно было. Слово не воробей, вылетитъ—не поймаешь. Ѣдутъ они, сударь, лѣсочкомъ, и вдругъ, это самое, кто-то сзади верхомъ скачетъ. Батенька были не робкаго десятка,—этого нельзя сказать, но усумнились; тамъ, въ лѣсочкѣ, дорога не проѣзжая, только сѣно да дрова возятъ, и скакать тамъ некому и не зачѣмъ, особливо въ рабочую пору. За хорошимъ дѣломъ не поскачешь.

— Какъ будто погоня, говорятъ батенька Анюткѣ,—ужъ больно шибко скачутъ. Въ кабакѣ-то надо было мнѣ молчать, типунъ мнѣ на языкъ. Ой, дочка, чуетъ мое сердце, тутъ что-то не доброе!

Пораздумались они малое время на счетъ своего опаснаго положенія и сказали сестрицѣ моей Анюткѣ:

— Дѣло выходитъ неосновательное, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ погоня. Какъ ни какъ, Аннушка милая, возьми-ка ты, братъ, деньги, схорони ихъ къ себѣ въ подолъ и пойди за кустъ, спрячься. Не ровенъ часъ, ежели нападутъ, проклятые, такъ ты бѣги къ матери и отдай ей деньги, пускай она ихъ старшинѣ снесетъ. Только ты, гляди, никому на глаза не попадайся, бѣги гдѣ лѣсомъ, гдѣ балочкой, чтобы никто тебя не увидѣлъ. Бѣги себѣ да Бога милосерднаго призывай. Христосъ съ тобой.

Батенька сунулъ Анюткѣ узелокъ съ деньгами, а она выглядѣла кустъ, какой погуще, и спряталась. Погодя немного, подскочили къ батенькѣ трое верховыхъ: одинъ здоровый, мордастый, въ кумачевой рубахѣ и въ большихъ сапогахъ, а другіе два оборванные, ошарпанные, знать, съ чугунки. Какъ батенька сумнѣвались, такъ и вышло, сударь, дѣйствительно. Тотъ, что въ кумачевой рубахѣ, мужикъ здоровый, сильный, выдѣляющее изъ обнакновеннаго, лошадь остановилъ и всѣ трое принялись за батеньку.

— Стой, такой-сякой! Гдѣ деньги?

— Какія такія деньги? Пошелъ къ лѣшему!

— А тѣ деньги, что къ барину везешь, за аренду! Давай, такой-сякой, чортъ лысый, а то душу загубимъ, пропадешь безъ покаянія!

И начали они надъ батенькой свою подлость показывать, а батенька замѣсто того, чтобъ просить ихъ, плакать или что, разсердились и начали ихъ отдѣлывать, по всей, значитъ, строгости.

— Что вы, говорятъ, окаянные, пристали? Сволочной вы народъ, Бога въ васъ нѣтъ, нѣтъ на васъ холеры! Не денегъ вамъ надо, подлецамъ, а розогъ, чтобъ потомъ года три спина чесалась. Уходите, болваны, а то обороняться стану! У меня пистолетъ шестиствольная за пазухой есть!

А разбойники отъ такихъ словъ еще пуще и стали бить батеньку, чѣмъ попадя. Обыскали они повозку, обшарили всего батеньку и даже сапоги съ него сняли; когда увидѣли, что отъ битья батенька только пуще ругается, стали они его на разные

манеры мучить. Анютка, тѣмъ временемъ, сидѣла за кустомъ и, сердечная, все видѣла. Когда ужъ увидѣла, что батенька лежатъ на землѣ и только храпятъ, схватилась она съ мѣста и что есть духу побѣжала, гдѣ кустикомъ, гдѣ балочкой, назадъ къ дому. Дѣвчонка она была малая, безъ всякаго понятія, дороги не знала и бѣжала такъ, куда глаза глядятъ. До дому было верстъ девять. Другой бы въ одинъ часъ добѣжалъ, а малое дите, извѣстно, шагъ впередъ, два въ сторону, да и не всякое тебѣ можетъ босыми ногами по лѣснымъ колючкамъ; тоже надо привычку имѣть, а наши дѣвчонки все, бывало, на печкѣ гомозятся, или во дворѣ, а въ лѣсъ боялись бѣгать.

Къ вечеру Анютка добѣжала кое-какъ до жилья. Глядитъ: чья-то изба. А то была изба лѣсничаго, за Сухоруковымъ, въ казенномъ лѣсу—купцы тогда арендовали, уголь жгли. Постучалась. Выходитъ къ ней баба, жена лѣсника. Анютка сейчасъ, первое дѣло,—въ слезы и объяснила ей все, какъ есть, все на чистоту, и даже про деньги объяснила. Лѣсничиха разжалобилась.

— Сердечная ты моя! Ягодка! Это тебя, такую махонькую, Богъ сохранилъ! Дѣточка моя родная! Пойдемъ въ избу, я тебѣ хоть поѣсть дамъ!

Значитъ, стала баба подъѣзжать къ Анюткѣ, покормила ее, напоила, и даже поплакала съ ей вмѣстѣ и такъ ее разуважила, что дѣвчонка даже, подумай, узелокъ съ деньгами ей отдала.

— Я, ясочка, спрячу, а завтра, говоритъ, поутру отдамъ и до дому тебя провожу, касатка.

Взяла баба деньги, а Анютку уложила спать на печкѣ, гдѣ о ту пору сушились вѣники. И на этой самой печкѣ, на вѣникахъ, спала дочка лѣсника, такая же махонькая, какъ и наша Анютка. И потомъ Анютка намъ разсказывала: духъ такой отъ вѣниковъ былъ, медомъ пахло! Легла Анютка, а спать не можетъ, потихоньку плачетъ: батеньку жалко и страшно. Только, сударь, проходитъ часъ-другой, и видитъ она, въ избу входятъ тѣ три разбойника, что батеньку мучили. Вотъ тотъ, что мордастый, въ кумачевой рубахѣ, атаманъ ихній, подходитъ къ бабѣ и говоритъ:

— Ну, жена, только даромъ душу загубили. Нынче, гово-

рнтъ, въ обѣдъ мы человѣка убили. Убить-то убили, а денегъ ни гроша не нашли.

Стало быть, этотъ-то, въ кумачевой рубахѣ, лѣсничихинъ мужъ выходитъ.

— Пропалъ задаромъ человѣкъ, говорятъ его товарищи, оборванные,—понапрасну мы грѣхъ на душу приняли.

Лѣсничиха поглядѣла на всѣхъ трехъ и усмѣхается.

— Чего, дура, смѣешься?

— А то смѣюсь, что вотъ я и души не сгубила, и грѣха на душеньку свою не принимала, а деньги нашла.

— Какія деньги? Что брешешь?

— А вотъ, погляди, какъ я брешу.

Лѣсничиха развязала узелокъ и, окаянная, показала имъ деньги, потомъ разсказала все, какъ пришла къ ей Анютка, какъ Анютка говорила и прочее. Душегубы обрадовались, стали дѣлиться промежъ себѣ, чуть не подрались, потомъ, значитъ, сѣли за столъ трескать. А Анютка лежитъ, бѣдная, слышитъ всѣ ихнія слова и трясется, какъ жидъ на сковородѣ. Что тутъ дѣлать? И изъ ихнихъ словъ она узнала, что батенька померли и лежатъ поперекъ дороги, и мерещится ей, глупенькой, будто бѣднаго батеньку ѣдятъ волки и собаки, будто лошадь наша ушла далеко въ лѣсъ и ее тоже волки съѣли, и будто саму Анютку за то, что денегъ не уберегла, въ острогъ посадятъ, бить будутъ.

А разбойники налопались и послали бабу за водкой. Пять рублей ей дали, чтобъ и водки купила, и сладкаго вина... Пошло у нихъ на чужія деньги пьянство и пѣсни. Пили, пили, собаки, и опять бабу послали, чтобъ, значитъ, пить безъ конца краю.

— Будемъ до утра гулять! кричатъ.—Денегъ у насъ теперь много, жалѣть нечего! Пей, да ума не пропивай!

Этакъ къ полночи, когда всѣ уже были здорово урѣзавши, баба побѣжала за водкой въ третій разъ, а лѣсникъ прошелся раза два по избѣ, а самъ шатается.

— А что, говоритъ, братцы, вѣдь дѣвчонку прибрать надо! Ежели мы ее такъ оставимъ, такъ она будетъ на насъ первая доказчица.

Посудили, порядили и такъ рѣшили: не быть Анюткѣ жи-

вой — зарѣзать. Извѣстно, зарѣзать невиннаго младенца страшно, за такое дѣло нешто пьяный возьмется, или угорѣлый. Можетъ, съ часъ спорили, кому убивать, другъ дружку нанимали, чуть не подрались опять и — никто не согласенъ; тогда бросили жребій. Лѣснику досталось. Выпилъ онъ еще полный стаканъ, крякнулъ и пошелъ въ сѣни за топоромъ.

А Анютка дѣвка не промахъ. Даромъ, что дура, а надумала, скажи на милость, такое, что не всякому и грамотному на умъ вскочетъ. Можетъ, Господь надъ ей сжалился и на это время разсудокъ ей послалъ, а можетъ, поумнѣла отъ страха, а только, на повѣрку, вышла она хитрѣй всѣхъ. Встала потихоньку, Богу помолилась, взяла тулупчикъ тотъ самый, что ее лѣсничиха укрыла; и, понимаешь, съ ней на печкѣ лѣсникова дѣвочка лежала, однихъ годочковъ съ ней, — она эту дѣвочку укрыла тулупчикомъ, а съ нея взяла бабью кофту и накинула на себя. Помѣнялась, значитъ. Накинула себѣ на голову и прямо такъ и прошла черезъ избу мимо пьяницъ, а тѣ думали, что это лѣсникова дочка, и даже не взглянули. На ея счастье бабы въ избѣ не было, за водкой пошла, а то бы, пожалуй, не миновать ей топора, потому бабій глазъ видючій, какъ у кобца. У бабы глазъ острый.

Вышла изъ избы Анютка и давай Богъ ноги, куда глаза глядятъ. Всю ночь по лѣсу путалась, а утромъ выбралась на опушку и побѣжала по дорогѣ. Далъ Богъ, повстрѣчался ей писарь Егоръ Данилычъ, царство небесное. Шелъ онъ съ удочками рыбу ловить. Разсказала ему Анютка все до чиста. Онъ скорѣй назадъ — до рыбы ли тутъ? — въ деревню, собралъ мужичковъ и — ай-да къ лѣснику! Пришли туда, а душегубы всѣ въ повалку, натрескавшись, лежитъ, гдѣ кто упалъ. Съ ними и пьяная баба. Обыскали ихъ первымъ дѣломъ, забрали деньги, а когда поглядѣли на печку, то — съ нами крестная сила! Лежитъ лѣсникова дѣвочка на вѣникахъ, подъ тулупчикомъ, а голова вся въ крови, топоромъ зарублена. Побудили мужиковъ и бабу, связали руки назадъ и повели въ волость. Баба воетъ, а лѣсникъ только мотаетъ головой и проситъ:

— Опохмелиться бы, братцы! Голова болитъ.

Потомъ своимъ порядкомъ судъ былъ въ городѣ, наказывали по всей строгости законовъ.

Такъ вотъ какая исторія случилась, сударь, за тѣмъ лѣсомъ, что за балкой. Уже еле видать его, садится за нимъ солнышко красное. Разговорился я съ вами, а лошади стали, словно и онѣ слушаютъ. Эй вы, ми-илыя, хорошія! Бѣгите веселѣй, баринъ, господинъ хорошій, на чай пожалуетъ! Эй вы, голуби!

Н. А. Лейкинъ.

КОМИССІЯ.

Пожилая краснолицая баба торговка-кружевница въ длинныхъ серьгахъ и въ ковровомъ платкѣ, зашпиленномъ подъ горло, выпила рюмку какой-то темной настойки, закусила мариованнымъ бѣлымъ грибомъ и стала тасовать карты.

— Погадать еще-то? Или ужъ больше не надо? спросила она рыхлую, широколицую женщину въ сѣрой фланелевой блузѣ и съ широкимъ проборомъ въ сѣдыхъ волосахъ.

— Да, пожалуй, погадай... Только ужъ теперь на мою замужнюю дочь.

— На которую? У васъ ихъ двѣ.

— На Елену. Мужъ у ней какъ будто баловаться началъ. Выбрали его въ гласные въ Думу, такъ онъ по вечерамъ пересталъ дома сидѣть. То говоритъ — въ засѣданіе ѣду, то говоритъ — въ комиссію, а ей черезъ это сомнѣніе... Плачетъ...

— Въ комиссію? Я про комиссію, милая моя Варвара Герасимовна, знаю, подмигнула краснолицая баба. — Есть у меня одна знакомая генеральша. Тоже она у меня русскія кружева покупаетъ и тоже я ей гадаю, когда приду къ ней. Не вѣритъ она этому гаданью, а какъ приду къ ней — сейчасъ попроситъ: «а ну-ка, погадай...»

— Да вѣдь и я не вѣрю... Конечно, это пустяки... А все-таки...

— Вѣрь, не вѣрь, а если сбывается, и карты говорятъ правду, такъ чего-жъ вамъ!.. Такъ вотъ и у генеральши этой завелась комиссія... Тоже генералъ ейный, какъ отобѣдаетъ — и не сидится ему дома, словно гвозди какіе въ стульяхъ понатыканы. Прежде отдыхалъ послѣ обѣда, а тутъ и отдыхать перестанъ. «Я, говоритъ, въ комиссію...» Ну, и уѣдетъ. Уѣдетъ, а потомъ ужъ поздно вечеромъ домой... ночью... часу въ первомъ...

— Вотъ, вотъ... И у старшей-то дочери то же самое... подхватила пожилая женщина. Вѣдь повѣстки показываетъ... Мужъ-то то-есть... «Вотъ, говоритъ, приглашаютъ явиться...»

— Про генерала я не знаю, показывалъ ли онъ своей генеральшѣ какія нибудь повѣстки. Про это мнѣ неизвѣстно. Но комиссія-то эта потомъ оказалась ихъ же собственная нянька изъ нѣмецкихъ мамзелей...

— Да что ты, Настасья Мироновна! Ты меня пугаешь! вздрогнула пожилая женщина и схватилась за сердце.

— Вѣрно, вѣрно, хозяюшка, подтвердила баба. — У васъ, можетъ статься, что нибудь и другое съ вашей дочкой, а тутъ прямо ихняя же собственная мамзель изъ нѣмокъ. Генеральша ей отказала за пронзительность глазъ, которые она на генерала запускала, а генералъ взялъ да и нанялъ ей квартирку въ сосѣдней улицѣ. Квартирку, прислугу и все эдакое...

Хозяйка морщила безбровое лицо, крутила головой и говорила:

— Охъ, ужъ не рада я, что и сказала!

— Да позвольте, позвольте, матушка Варвара Герасимовна... Можетъ быть, у вашей-то дочки что нибудь и не то. Да вотъ, сейчасъ карты вѣрно скажутъ. Брюнетъ онъ или блондинъ, зять-то? На какого мнѣ короля гадать-то?

— Ахъ, оставь пожалуста... Лучше ужъ и не гадать.

— Да отчего же? По крайности всякую штуку узнаете. Можетъ статься, говорю, что и ничего нѣтъ.

— А вдругъ карты скажутъ, что есть? Что я тогда? Вѣдь я тогда мученица... Какъ мнѣ дочери-то про это сказать? Она вѣдь внѣ себя будетъ, упадетъ въ обморокъ и ножками задрыгаетъ. Я знаю ее. Нѣтъ, ужъ лучше оставь. Чего тутъ!

— Въ неизвѣстности тогда будете. А если вамъ карты скажутъ, что есть что нибудь, и вы будете въ извѣстности, то можете супругу вашему доложить. Онъ мужчина властный, вразумительный, поѣдетъ, разыщетъ эту комиссію и можетъ какой нибудь подходъ подъ нее сдѣлать.

— Впрочемъ, нѣтъ, нѣтъ... У зятя этого не можетъ быть. Зачѣмъ ему на сторонѣ заводить, если у него дома жена молодая и красивая.

— Ахъ, милая! Ахъ, Варвара Герасимовна! Мужчины на этотъ счетъ народъ совсѣмъ несообразный. Своя хороша, а чужая и хуже, да лучше нравится.

— Не звони языкомъ, не звони. Генерала твоего нельзя ставить вровень. Вѣдь у генерала твоего, поди, жена старуха.

— Да ужъ не изъ молоденькихъ. А главное, у ней ликъ какой-то рыбій.

— Ну, вотъ видишь.. Съ рыбьимъ ликомъ. Да и характерецъ, можетъ статься...

— Дама властная, что говорить... Поточить муженька любитъ. Тутъ какъ-то вышелъ онъ во фракѣ, со звѣздой, на шеѣ тоже крестъ, а она у меня кружева покупаетъ...

— Такъ какая же разница! А моя Лелепька ангелъ... Только ласкается да цѣлуетъ... «Мишенька, Мишенька...» Нѣтъ, на счетъ того, что у него мамзель на сторонѣ, мы и не думаемъ, а есть у насъ такое сомнѣніе, что не закатывается ли онъ вмѣсто думской-то комиссіи куда нибудь съ пріятелями покутить. Дочь разсказываетъ, что два раза было уже такъ, что поѣхалъ въ думское засѣданіе, а вернулся во второмъ часу и были у него глаза красные и виномъ отъ него пахло.

— Такъ чего-жъ вамъ еще, милушка! воскликнула торговка.— Развѣ въ Думѣ виномъ поятъ!

— Позволь, позволь... остановила ее хозяйка.— Онъ говоритъ, что послѣ засѣданія зашли будто бы въ ресторанъ закусить и чаю напиться...

— Мужчины наскажутъ. Ну, такъ раскладывать карты?

— Да, разложи. Только вѣрить не буду. Ну, что такое карты? Ну, какъ онѣ могутъ что-нибудь знать! Глупость и ничего больше.

— Брюнетъ онъ?

— Брюнетъ. Только вѣдь я все равно не повѣрю.

— Такъ надо на трефоваго короля раскладывать.

— На кого хочешь раскладывай, а я все равно буду знать, что это пустяки.

— Вора же, однако, нашли, когда у васъ двѣ серебряныя ложки пропали и карты вамъ на блондина указали, проговорила торговка и стала раскладывать карты.— Вотъ вамъ... Сразу трактиръ вышелъ... указала она на пиковаго туза.

— Врешь... Пиковый тузъ — казенный домъ, стало быть — Дума... отвѣчала хозяйка.

— Да не при пиковой восьмеркѣ онъ, казенный-то домъ, а безъ нея. А тутъ вотъ — пиковая восьмерка. Эта карта хмельная, прямо хмельная. Девятка пиковая тоже угощеніе. Вотъ и она вышла тутъ какъ тутъ.

— Да про трактиръ-то зять самъ сознался. Онъ и не скрываетъ. А что бы у него могла быть на сторонѣ какая нибудь мамзель, то я этому никогда не повѣрю. Восьмой годъ живутъ они душа въ душу, всегда неразлучно вмѣстѣ... И если бы его не дернула нелегкая пойти въ гласные...

— Да вотъ она... указала торговка.

— Гдѣ?

Хозяйка вздрогнула.

— Да вотъ, вотъ бубновая-то дама...

— Да что ты врешь, дура, это Лелечка, отвѣчала хозяйка упавшимъ голосомъ и даже измѣнилась въ лицѣ.

— Можетъ быть она и Лелечка, карты по именамъ не называютъ, а только не ваша дочка, не Елена Егоровна, потому та должна быть крестовой масти.

— Сбей карты, сбей... Не хочу я ни смотрѣть, ни слушать.

Хозяйка встала изъ-за стола и пересѣла на другое мѣсто.

— Да ужъ дайте до конца-то догадать. Можетъ быть, эта бубновая дама ему на сердце и не ляжетъ.

— Ляжетъ или не ляжетъ, а я ничего не хочу знать. Довольно.

Хозяйка сердилась. Торговка отбирала карты.

— Да вѣдь хуже въ сомнѣніи-то оставаться, старалась объяснить торговка. Не упадетъ на сердце королю, такъ значитъ эта бубновая дама зря здѣсь замоталась.

У наружныхъ дверей раздался электрическій звонокъ. Торговка испуганно взглянула на хозяйку и спросила:

— Не самъ ли? Не Егоръ ли Данилычъ? Не уйти ли мнѣ? Не любитъ онъ меня.

— Не самъ. Сиди. Это кто нибудь другой, отвѣчала хозяйка.

— А вы почемъ знаете?

— По звонку знаю. Онъ три раза звонится и въ оба звонка. Въ электрическій три и въ простой тоже три. Онъ любитъ, чтобы всѣ сбѣгались двери отворять. И пожалуста ты мнѣ не называй его больше Егоромъ Данилычемъ. Не Егоръ онъ, а Георгій.

— Вотъ тебѣ здравствуй! Давно ли? Все былъ Егоръ, а теперь Георгій сталъ? воскликнула торговка.

— Не кричи такъ, не кричи! Очень ужъ много на себя берешь, осадила ее хозяйка.

— Да я что же... Я ничего... А только всегда онъ былъ Егоромъ Данилычемъ... Такъ мы его и по деревнѣ знали, когда вы пріѣзжали къ намъ на побывку... Вѣдь я такая же вологодская, какъ и вы...

— Раньше его звали Егоромъ Данилычемъ, а теперь ему разъяснили, что святого Егора нѣтъ, а что есть святой Георгій... Да... Вотъ онъ и сталъ зваться Георгіемъ Данилычемъ. Такія и карточки себѣ заказалъ. Егоръ — это по простонародному... по безграмотному... А теперь ему нельзя такъ зваться, осудятъ. Онъ коммерціи совѣтника получилъ, старалась разъяснить торговкѣ хозяйка.

— Коммерціи совѣтника? протянула торговка.— Это что же такое будетъ?

— А Егоръ Данилычъ говоритъ... Тьфу, и я-то путаюсь... А Георгій Данилычъ говоритъ, что только два шага до генерала — вотъ что это будетъ, подмигнула хозяйка.

— Батюшки! Да неужто это правда? Стало быть, до васъ теперь и рукой не достанешь! всплеснула руками торговка.

— Ну, ужъ тамъ какъ хочешь разбирай, а передъ новымъ годомъ онъ получилъ коммерціи совѣтника и теперь онъ коммерціи совѣтникъ. Изъ-за этого-то мы и двѣ комнаты къ квартирѣ прибавили, потому что, ему пріемная понадобилась. Те-

перь у него контора конторой, а потомъ пріемная... Изъ-за этого и лакея взяли съ такими баками, надъ которыми ты смѣешься, разсказывала хозяйка.—Да... Во-первыхъ, двумъ горничнымъ дѣвушкамъ съ такой большой квартирой не справиться, а во-вторыхъ, коммерціи совѣтнику нельзя быть безъ лакея... Ему докладъ нуженъ. Георгій Даниловичъ требуетъ, чтобы, какъ только кто позвонился въ передней — сейчасъ бы докладъ былъ ему или мнѣ, а безъ доклада никого не впускать.

Торговка посмотрѣла на хозяйку и спросила:

— А что-жъ теперь-то лакей не докладываетъ? Вѣдь вотъ сейчасъ звонокъ былъ.

— А то, что меня этотъ лакей не боится. Георгія Даниловича лакей боится, а меня не боится. Надо будетъ пожаловаться, чтобы онъ ему нагоняй далъ. Приказано ему, чтобы письма и карточки непремѣнно на серебряномъ подносѣ подавалъ, а онъ ему на серебряномъ подносѣ подаетъ, а мнѣ иногда въ рукахъ несетъ. Ливрею ему синію сшили. И вотъ нынче мы съ младшей дочерью въ оперу ѣздили, такъ онъ въ ливреѣ на козлахъ кареты съ нами ѣздилъ.

— Слышала я, слышала отъ Анны Мироновны Баклушиной. Видѣла она васъ въ театрѣ, сказала торговка и спросила.— Такъ можетъ быть вы, матушка Варвара Герасимовна, скоро и ваше превосходительство будете?

Хозяйка замялась.

— Ну, это какъ сказать... По мундиру-то онъ и сейчасъ полугенералъ, отвѣчала она.— Въ дѣтскихъ пріютахъ онъ... Отъ дѣтскихъ пріютовъ у него мундиръ.

Въ сосѣдней со столовой комнатѣ раздались по паркету шаги и въ дверяхъ показалась нарядная молодая женщина въ бобровой шапочкѣ — замужняя дочь хозяйки Варвары Герасимовны.

— Леленька! Милушка! Какъ ты подкралась, голубушка! воскликнула Варвара Герасимовна, бросаясь къ дочери и цѣлуя ее.—Такъ вотъ кто звонился-то, а лакей не доложилъ.

— Да онъ мнѣ сказалъ, что вы спите, я и зашла въ классную комнату къ Нади. Послушала, какъ учительница зубритъ ей англійскій языкъ... разсказывала дочь.

— Я сплю? Боже мой! Да откуда онъ это взялъ? Не онъ ли

намъ подавалъ часъ тому назадъ вотъ эти грибы, этотъ сыръ и всю закуску! возмущалась Варвара Герасимовна.— Ну, лакей!

— Онъ, мамаша, пьянъ, и отъ него водкой пахнетъ.

— Еще того лучше! А нанимаясь, говорилъ, что только у графовъ и служилъ и пьетъ только пиво.

Торговка стояла у стола и кланялась, говоря:

— Здравствуйте, красавица моя, Елена Егоровна. Все ли вы въ добромъ здоровьи, ангелка? Да что! И спрашивать не стоитъ. Цвѣтете, какъ маковъ цвѣтъ. Вотъ щечки-то какія аленькія!

— Здравствуй... сухо сказала Елена Егоровна, и кивнула ей.

— Или не узнаете, голубка моя? Давно вѣдь я васъ не видала.

— Нѣтъ, узнала.

Дочь присѣла къ столу. Торговка продолжала:

— А мы сейчасъ только объ васъ съ вашей маменькой разговаривали... И былъ у насъ про васъ обширный разговоръ.

— Ну, что тутъ... махнула ей рукой, съ видомъ неудовольствія, молодая женщина и прибавила:— не понимаю я только, тебѣ-то что́ до меня?

— Ахъ, Боже мой! Да вѣдь выросли вы всѣ на моихъ глазахъ. Сколько лѣтъ я къ маменькѣ-то вашей хожу! Покажите-ка юбочку-то исподнюю... Кружевца-то вѣдь мои на ней...

— Брось... Съ какой это стати я тебѣ буду юбку показывать! отвернулась отъ торговки Елена Егоровна и спросила мать:— Зачѣмъ это вы Надю англійскимъ-то языкомъ мучаете?

— Папашенька твой говоритъ, что надо. Кто-то изъ генераловъ сказалъ ему, что теперь по-англійски въ модѣ... Ну, онъ и говоритъ: пускай хоть немного поучится. Генералъ ему и учительницу прислалъ. Настоящая англичанка. Зубы-то видѣла какіе у ней! Настоящіе англійскіе. Въ гимназіи-то вѣдь по-англійски не учатъ, ну, онъ и прислалъ, разсказывала мать.

— Отчего же мнѣ съ сестрой Лизой довольно было французскаго и нѣмецкаго языка, а Надѣ еще англійскій понадобился!

— Да не знаю ужъ, право. Такъ папенька хочетъ. Тогда моды не было, а теперь мода явилась.

— Глупости. Что это у васъ? Карты? Опять гадали?

Мать нѣсколько смутилась.

— Да дѣлать-то нечего, такъ вотъ и побаловались немножко... отвѣчала она.

— Какое невѣжество! развѣ можно картамъ вѣрить? А еще считаетесь полированными!

Елена Егоровна сдѣлала гримасу.

— Въ чемъ же тутъ невѣжество, милушка? вмѣшалась въ разговоръ торговка. Никакого тутъ невѣжества нѣтъ.

— Сѣрое невѣжество.

— Напрасно. Какія есть у меня полированныя аристократки изъ генеральшъ, да гадаютъ же. Да еще какъ гадаютъ-то! Недавно еще у меня одна настоящая графиня на сына гадала.

— Оставь... Не люблю я слушать.

Торговка, между тѣмъ, улыбнулась и прибавила:

— Даже и насчетъ васъ, голубка моя, начали гадать, да не окончили еще... Вотъ онѣ, карты-то... разложить ихъ теперь по кучкамъ надо.

Варвара Герасимовна дѣлала торговкѣ знаки, чтобы та молчала насчетъ гаданья, но было уже сказано.

Елена Егоровна поморщилась и спросила торговку:

— Кто же это тебѣ позволилъ обо мнѣ гадать?

— Да маменька ваша просила.

— И не думала, и не воображала! испуганно пробормотала мать.— Она сама навязалась. А я даже и не вѣрю... Я ей сколько разъ говорила, что не вѣрю...

— Вѣрь не вѣрь, а карты-то, можетъ быть, правду сказали... вставила свое слово торговка.

— Объ чемъ же вы это на меня гадали? допытывалась дочь.

— Да не объ васъ, душечка... А объ разныхъ тутъ вашихъ обстоятельствахъ...

— Объ моихъ обстоятельствахъ?

— Прямо будемъ говорить: объ супругѣ вашемъ, ангелка Елена Егоровна... Такъ какъ онъ теперича въ Думѣ и разныя тамъ комиссіи, и все эдакое... брякнула торговка, хотя Варвара Герасимовна и продолжала ей дѣлать знаки, чтобъ она молчала.

— Про комиссіи? воскликнула дочь.— Ну, маменька, съ дыркой же у васъ языкъ!

— Да я что же? Я ничего... Я только чуть-чуть... въ разговорѣ... растерянно говорила мать.— А она сейчасъ, давайте, говоритъ, загадаемъ на трефоваго короля... Я ей говорю, что я не вѣрю, не вѣрю ничему этому... А она ужъ вынула трефоваго короля и давай вокругъ него крестомъ карты раскладывать.

— Странно... Съ вами о семейныхъ дѣлахъ разговариваешь, какъ съ матерью, по секрету, а вы постороннимъ бабамъ разглашаете .. пробормотала дочь, надулась и отвернулась.

— Здравствуйте! Я посторонняя баба! Какая же я посторонняя баба, голубушка Елена Егоровна, если я двадцать лѣтъ въ домъ къ вашей маменькѣ хожу! Ахъ, напрасно, напрасно, такъ говорите... съ обидой въ голосѣ сказала торговка, тасуя карты.

Елена Егоровна молчала. Молчала и мать. Торговка продолжала:

— Я къ вамъ всей душой... И весь вашъ домъ, и всю вашу родню, можетъ быть, также люблю, какъ вы сами любите, а про меня вдругъ такія слова... Ай-ай-ай... Когда тузъ-то пикъ съ винновой семеркой и эта самая дама около короля показались, то мнѣ, можетъ быть больнѣе, чѣмъ вамъ было, Варвара Герасимовна, благодѣтельница моя.

Елена Егоровна, грызя носовой платокъ отъ досады, быстро обернулась къ торговкѣ и спросила:

— Какой такой тузъ пикъ! Какая такая дама? Что ты городишь!

— Тузъ пикъ — ресторанъ.

— Врешь, врешь. Дума. Тузъ пикъ — казенное мѣсто, Дума, перебила ее Елена Герасимовна.

— Да не при пиковой восьмеркѣ, не при винновой масти. А дама — бубновая дама была. А какая это такая бубновая дама при немъ — карты не говорятъ.

Елена Егоровна взглянула на торговку вся блѣдная, и проговорила:

— Ты врешь! Все врешь! Ты язва!

— Это я-то? удивилась торговка и, поклонившись, приба-

вила: — Благодарю покорно. А только, голубушка, позвольте эти куплеты къ картамъ отнести, а не ко мнѣ, потому, не я это сказала, а карты. Да вотъ онѣ, карты-то... Я не мѣшала пхъ. Можетъ быть, теперь, когда пхъ разложить по кучкамъ, то ни дама, ни винновый тузъ на сердце королю и не лягутъ. Стоитъ только разложить.

Елена Егоровна сидѣла и слезливо моргала глазами. Мать замѣтила это, подсѣла къ дочери, и стала ее утѣшать, говоря:

— Не вѣрь, Леленька, не вѣрь... Карты все врутъ. Да если повѣрить имъ, то что же вышло? Гадали мы на комиссію... въ какую такую комиссію твой мужъ ходитъ по вечерамъ — и вышелъ тузъ пикъ, Дума. Не вѣрь голубка... Я сама не вѣрю...

— Да что вы меня уговариваете! Развѣ я вѣрю? Могу ли я вѣрить гаданью, если я женщина образованная! Я не вѣрю... Мнѣ даже современность не позволяетъ... отвѣчала дочь.—А мнѣ просто обидно, что, вотъ вы, не спросясь меня и съ посторонней женщиной...

Дочь не договорила отъ волненія, и приложила носовой платокъ къ мокрымъ глазамъ.

— А ты, Настасья Мироновна, ступай домой... Довольно тебѣ тутъ... Съ тобой я разсчиталась, угостила тебя — ну, и иди домой... обратилась Варвара Герасимовна къ торговкѣ.

Та положила на столъ карты и засуетилась.

— И то пора! Прощайте, мои родныя... сказала она. — Извините, что я такъ... Прощайте... За угощеніе ваше благодарю васъ покорно, матушка Варвара Герасимовна.

Она уже хотѣла уходить, но Елена Егоровна обратилась къ ней и произнесла:

— Останься тутъ... Потомъ пойдешь. . Ужъ если начала гадать, ввела въ сомнѣніе, то должна и докончить. Раскладывай карты... Какъ тамъ нужно, такъ и раскладывай...

— Брось, Леленька... Зачѣмъ? уговаривала ее мать, а сама была рада, что гаданье будетъ приведено къ концу.— Сама не вѣришь, а просишь докончить.

— Не вѣрю, но пусть гадаетъ, если ужъ начала... стояла на своемъ дочь. — Хоть на смѣхъ, пусть гадаетъ.

Торговка присѣла къ столу и начала раскладывать карты на кучки, приговаривая:

— Дому, дамѣ, королю, что́ сбудется, непремѣнно...

Варвара Герасимовна и дочь внимательно слѣдили за движеніемъ ея рукъ. Въ каждую изъ пяти кучекъ положено было по три карты. Торговка клала ихъ крапомъ вверхъ, когда же начала открывать ихъ и дошла до кучки «королю», въ кучкѣ этой оказались и тузъ пикъ и дама бубенъ. Торговка ткнула пальцемъ въ даму бубенъ, и тихо проговорила:

— Вотъ она, думская-то комиссія... А только ужъ это не я, а карты... Вы меня, голубушки, не вините...

Елена Егоровна была блѣдна, какъ ея носовой платокъ. Она тотчасъ же сбила карты, схватилась за сердце, а потомъ зарыдала. Мать и сама плача, суетилась около нея, и испуганно говорила:

— Леленька... Душечка... Ангелъ мой... Да неужто ты вѣришь? Плюнь... Не вѣрь... Вѣдь это карты... Карты врутъ... Брось, милая, плакать...

А съ молодой женщиной сдѣлалась ужъ истерика. То рыдая, то смѣясь, она выкрикивала.

— Охъ! Охъ! Я знала! Я чувствовала! Я понимала, какая это комиссія!

Въ прихожей раздались сразу три пронзительные звонка: протяжно звонилъ звонокъ электрическій, раздавался духовой свистокъ и нѣсколько разъ дребезжалъ обыкновенный колокольчикъ.

— Батюшки! Хозяинъ! Самъ Егоръ Данилычъ пріѣхалъ! Бѣжать мнѣ отъ грѣха! воскликнула торговка и опрометью выбѣжала изъ столовой.

Сигма (С. Н. Сыромятниковъ).

КИСЭНА.

(РАЗСКАЗЪ).

Даже самая ничтожная рыбка
волнуетъ нѣдра океана.
Корейская пословица.

I.

Матовый утренній свѣтъ слегка пріоткрывалъ вершины огромныхъ елей и завернутые въ коричневые лохмотья сухой листвы задумчивые вѣковѣчные дубы. Справа, въ прогалину, виднѣлась вершина горы, сумрачная, еще не проснувшаяся. А слѣва, въ лощинѣ, журчалъ горный ручей, по бѣлосоватымъ камнямъ. Гибкая лоза винограда, невѣдомые тонкіе кусты, и стройные клены съ обжогами красной листвы, и нѣжныя ивы, и хваченное морозомъ чортово дерево, съ коричневыми листьями въ родѣ гусиныхъ лапъ, безпомощно свѣсившимися съ колючихъ палокъ ствола,—наклонялись надъ журчащей водой. Тысячи звѣриныхъ тропъ шли къ ручью, и легкіе слѣды соболя, и крестовидные отпечатки ластки, и тяжелый слѣдъ тигра, точно шапка упала на топь и пять пальцевъ сдѣлали оттискъ вокругъ ея.

Лѣсъ молчалъ. Здѣсь, на тысячѣ футовъ надъ моремъ, было еще тепло въ началѣ ноября, но безжизненно, могильно, какъ эти вѣчно зеленые тисы съ красными шаршавыми стволами. Тамъ, назади, высоко за переваломъ, осталась бѣлая окостенѣвшая зима, здѣсь — тяжелое умиранье еще не остывшаго трупа природы.

По узкой тропинкѣ, вившейся по ручью и огибавшей огромные корни и павшіе стволы лѣсныхъ великановъ, шелъ далеко растянувшійся караванъ, первый караванъ европейцевъ, который видѣли когда нибудь эти огромные ели и кедры, и тисы. Желѣзныя кольца позвякивали на уздахъ лошадей, копыта били о камни, вьюки терлись и издавали скрипъ, погонщики мурлыкали грустную, гортанную пѣсню. За ними ѣхали двое русскихъ, запасные солдаты въ вольномъ. Позади медленно шелъ начальникъ каравана и два корейца вели за нимъ верховыхъ лошадей.

Онъ шелъ, не замѣчая, что дѣлается вокругъ, уйдя глазами въ прошлое, и машинально шагая черезъ камни и рытвины. Его кожаная желтая куртка задѣвала за хвою и вѣтви и онъ нагайкой сбивалъ колючія палки чортова дерева, которыя стояли на пути. До его слуха долеталъ разговоръ солдатъ, вполголоса, точно изъ другого міра, а сзади слышалась носовая рѣчь корейцевъ, переводчиковъ.

— Онъ чудной, говорилъ маленькій бритый солдатъ, хохолъ въ полушубкѣ и смушковой шапкѣ, широкому рыжему бородатому товарищу.—Чудной, потому что кричитъ, а злобы въ немъ настоящей нѣтъ. Были мы безъ тебя въ одномъ городѣ, какъ его тамъ, дождь пошелъ — страсть, а я одѣяло забылъ на ночлегѣ. Хвать одѣяла, нѣтъ. Я ему и говорю, что одѣяла нѣтъ.

— А онъ, что же, побилъ?

— Нѣтъ, сказалъ — «мерзавецъ», и послалъ меня съ переводчикомъ назадъ. Рѣка разлилась, едва не потонули, тридцать верстъ за одѣяломъ ѣхали, однако нашли.

— Кабы у насъ во флотѣ,—побилъ бы.

— Однако не побилъ; а потомъ въ Кансанѣ, когда я простудился, такъ даже смѣшно было: лѣчилъ и къ себѣ въ комнату положилъ спать. Самъ по ночамъ порошки давалъ. Чудной! Во всякое опасное мѣсто поровитъ залѣзть. Съ моста летѣлъ съ лошадью. Я его поднимать, а онъ оретъ: «какъ ты

смѣешь бросать свою лошадь, я тебя не звалъ». Страсть любитъ опасное.

— Тоже — опасное! Фигуряетъ... У насъ, во Владивостокѣ, такъ на Семеновскомъ покосѣ, тамъ опасно. Какъ это французскаго офицера убили, небось слыхалъ... Тамъ бѣглые съ Сахалина... А здѣсь что? Даромъ винчестеръ тащишь. Говорили — тигры. Нѣтъ! Говорили — фунфузы*). А что-то не видать...

А «чудной» начальникъ шелъ задумавшись, и разговоры людей, и крики погонщиковъ проносились мимо, не задѣвая его. Онъ придерживалъ сумку съ инструментами и глядѣлъ внутрь себя, въ полное загадокъ и сомнѣній прошлое.

Картины, то легкія какъ дымка, то яркія, какъ блескъ раскаленнаго желѣза возникали у него въ мозгу и онъ говорилъ съ собой самимъ отрывистыми фразами. «Хорошо, я проведу ихъ къ морю, до Ихёнъяна 500 верстъ, и посажу на пароходъ и возвращусь въ Петербургъ, а потомъ что? Опять болото, тина и работа, и борьба, и горечь, и рубли... И та же тоска, и тотъ же сумракъ. А здѣсь? Здѣсь я одинъ и мнѣ такъ легко и такъ страшно. Смерть глядитъ изъ-подъ каждаго камня, съ каждаго карниза скалы, изъ глубины каждой рѣки, которую переходишь въ бродъ. То же, что Монте-Карло или война. Войны нѣтъ. Рулетка требуетъ огромныхъ денегъ. А тутъ — игра на жизнь, ежеминутный va banque, который захватываетъ дыханье».

«Печоринъ конца вѣка, засмѣялся онъ.—Какъ однако разширилась Россія. Пушкинъ и Лермонтовъ и Грибоѣдовъ шли на Кавказъ, я—въ Корею. Корейскій Печоринъ»...

И картины, блеклыя, какъ старые гобелены, снова задвигались въ его воображеніи. Вотъ парижскій салонъ декадентовъ начала восьмидесятыхъ; вотъ завтраки моднаго петербургскаго журналиста начала девятидесятыхъ годовъ. И кулисы театровъ, и будуары, и безплодное остроуміе «общества». И потомъ эта женщина въ Парижѣ, въ которой конецъ вѣка отразился такъ безжалостно, такъ жестоко для него и для нея самой. Въ ихъ отношеніяхъ было такъ много дѣланнаго и фальшиваго. И нервы безъ конца, борьба обманутаго чувства и обманывавшей чувственности, борьба жгучей потребности въ идеалѣ съ холодной

*) Хунхузы-китайцы разбойники.

потребностью къ славѣ и рекламѣ, для которой талантливая голова дороже живого сердца. Эта женщина за кулисами Gymnase отрезвила его отъ культуры, такъ мучительно она восприняла въ себя всю истеричную манерность fin de siècle'я.

«Вы ужалены женщиной», вспомнились ему слова одного одичавшаго француза, съ которымъ онъ подружился, бродя по отрогамъ Сіера-Мадрэ, далеко, по ту сторону Тихаго Океана, гдѣ гремучія змѣи вскакиваютъ, какъ хлыстъ, изъ травы. И какіе-то отрывки старыхъ стиховъ: «змѣя съ полузакрытыми глазами» скользнули по его памяти... и какія то-полинялыя строки:

Ma pensée ivre, avec ses retours obsédants
S'affole et tombe ainsi qu'une danseuse soûle,
Et je sens plus amer, à regarder la foule
Le dégoût d'exister qui me remonte aux dents...

«А вѣдь меня спасъ вице-губернаторъ, добрый, толстый, степной вице-губернаторъ. Гдѣ-то онъ теперь? улыбнулся онъ.— Это было такъ глупо, чуть-чуть не пошло, какъ въ мелодрамѣ».

Крахъ идеала и мысль о самоубійствѣ и этотъ толстый, старый другъ, который прочувствовалъ кризисъ и пріѣхалъ и увезъ его, и каталъ по островамъ, какъ ребенка, и приставилъ къ нему студента съ сѣрыми, невинными глазами, чтобы тотъ его успокаивалъ.

Потомъ смерть матери, Кіевскій соборъ и полотна Васнецова, и Востокъ, и струя чего-то живого, и сильнаго и здороваго, чего онъ еще не могъ понять сквозь обрывки сбившагося съ рельсъ декадентства. Это была мечта о Россіи, болѣе великой, greater Russia, и обострившееся національное самолюбіе.

«Она натолкнула меня на народъ, на политику, на самопожертвованіе, сказалъ онъ вслухъ,— потому что, она—смерть, самоотрицаніе эгоизма, она —вырожденіе...»

Онъ пріостановился и почувствовалъ, точно передъ нимъ открылся кіотъ съ образами, и ему сдѣлалось хорошо и сладко. Онъ увидѣлъ бѣлокурую головку и глаза чистые, какъ горное озеро, онъ снова почувствовалъ простую загадку хорошей русской дѣвушки. Какъ онъ собиралъ для нея въ деревнѣ цвѣты яблони и незабудки передъ отъѣздомъ сюда. И какъ, нахмурившись, она сказала ему серьезно, дѣловымъ тономъ, какъ го-

ворятъ дѣти со взрослыми, когда не понимаютъ сами того, что говорятъ.

«Хорошо, я васъ подожду».

И не подождала... И онъ припомнилъ разговоръ въ одной каютъ-компаніи во Владивостокѣ, гдѣ его пріятели перебирали новости о петербургскихъ знакомыхъ и сказали, что такой-то женился на такой-то. Какъ больно кольнула его эта случайно услышанная фраза и какой большой стаканъ коньяку онъ выпилъ на радость пріятелей, чтобы заглушить отвратительное чувство тоски, злобы и ревности, которое прилило къ сердцу. Онъ выдумалъ себѣ опасную экспедицію въ неизвѣстныя самимъ туземцамъ горы, одинъ, безъ русскихъ, почти безъ припасовъ.

«Если я возвращусь, значитъ она меня ждетъ, если свалюсь или замерзну, значитъ она вышла замужъ», загадалъ онъ, и возвратился разбитый, голодный, но полный надеждъ, увидѣвъ синій загадочный океанъ и желтыя поля риса съ вершины дикой и безмолвно-обледенѣлой скалы.

«Ну что-жъ, что вышла замужъ? говорилъ онъ себѣ:— онѣ всѣ выходятъ на-черно, и потомъ разводятся. Разъ она мнѣ нужна, я возьму ее и у ея мужа...»

И онъ почувствовалъ, что онъ говоритъ глупость, и что ему дороги эти сѣрые чистые глаза, на которыхъ нѣтъ грязнаго опыта жизни, что ему дорого это блѣдное, едва выходящее изъ тумана лицо, на которомъ нѣтъ жилокъ злобнаго сладострастья, вибрировавшихъ у его прежнихъ привязанностей.

— Ждетъ, какъ бы не такъ, прислушался онъ къ разговору солдатъ. — Такъ и станетъ тебя ждать два года. Дѣвки, братъ, извѣстно, лакомки, говорилъ Алексѣевъ.

— У насъ, въ Новороссійскѣ, дѣвки хорошія, у насъ завсегда подождетъ, я письмо писалъ, защищалъ свою героиню Маргачъ. — У насъ дѣвка красная, твердая, какъ груша. Ѣдятъ хорошо. Не то, что здѣсь.

Онъ замѣчалъ постоянно, что его спутники говорили о томъ же, о чемъ онъ думалъ. Они сжились и мыслями и чувствомъ за три мѣсяца пути по дебрямъ, отрѣзанные отъ всего міра. Это его разсердило: «Лакомки, ѣдятъ хорошо», возмутился онъ и рѣзко сказалъ:

— Маргачъ, чего ты зѣваешь, погоняй ихъ. (Онъ нервно по-

смотрѣлъ на часы и на подометръ). Въ два часа шесть верстъ вмѣсто восьми. Что вы, гулять что ли вышли, чортъ васъ возьми!

— Ты дай загребному въ зубы, посовѣтывалъ Алексѣевъ Маргачу, который началъ бить свою лошадь огромными ичигами, чтобы проскакать впередъ къ проводнику каравана.

— Самъ бей, отвѣчалъ тотъ, обидясь: — что онъ, собака что ли. То же человѣкъ.

— Пакъ, обратился Поморцевъ къ переводчику,—спроси, сколько осталось до Кангэ.

— Семьдесятъ ли *), ваше благородіе, отвѣчалъ тотъ, ведя лошадей, а его товарищъ, корейскій чиновникъ, подтвердилъ:— Кангэ семъ десяти ли, мало ходилъ, два десяти ли ходилъ, дорога мало-мало худа есть.

— А видно Тоньёнбонъ, спросилъ путешественникъ переводчика.

— Видно, вонъ тутъ, направо.

И забывъ всѣ эти далекія мечты, весь горькій отвкусъ задерганнаго сердца, Поморцевъ вынулъ буссоль, отыскалъ между вершинами деревьевъ далекую гору, взялъ азимутъ и записалъ въ книжкѣ: «6 верстъ, обратно, Тоньёнбонъ 158°».

— Чѣмъ бы дитя не тѣшилось, проговорилъ онъ сквозь зубы и бережно положилъ буссоль въ кожаный, висѣвшій черезъ плечо, чехолъ.

Подгоняемый Маргачемъ, караванъ скрылся за деревьями и звонъ желѣзныхъ колецъ, стукъ подковъ, скрипъ вьюковъ и гортанные крики погонщиковъ стали все глуше и глуше.

И Поморцевъ зашагалъ опять по тропинкѣ, спускавшейся внизъ крутыми ступенями.

— Тутъ не въ буссоли дѣло и не въ записываньи паденія барометра, говорилъ онъ вслухъ, не стѣсняемый болѣе присутствіемъ солдатъ, тутъ дѣло въ подвигѣ. Бабушка ходила по святымъ мѣстамъ, какъ я хожу по Сѣверной Кореѣ, потому что у ней была потребность быть одной съ природой, съ Богомъ. Здѣсь живъ великій Панъ, котораго выгнали изъ городовъ. Что нужды, что бабушка вѣрила въ трехъ китовъ, а я бесѣдую съ англійскими политиками такъ же свободно, какъ съ русскими

*) Ли равняется полуверстѣ.

пріятелями. Мнѣ, какъ и ей, подвигъ облегчаетъ душу. Теперь я понялъ, что политика вырабатывается не въ бесѣдахъ съ редакторами и литераторами, а въ бесѣдахъ съ солдатами и мужиками. Меня научилъ русской политикѣ Васнецовъ, старые русскіе столбцы, иконы, юридическіе акты, московская старина. И эти люди знаютъ, что я ихъ веду туда, куда повелъ бы ихъ Ермакъ, и Кольцо, и Дежневъ, и Пахтусовъ, куда имъ назначено итти всѣмъ нашимъ историческимъ укладомъ. Въ Канаду я ихъ не поведу. Оттого они и идутъ за мной...

Его разбудилъ топотъ лошади. Скакалъ Маргачъ съ берданкой въ рукахъ, и сказалъ тихо:

— Тамъ, у ручья, въ кустахъ, скрываются три манзы.

Поморцеву стало непріятно, что его вырвали изъ міра грёзъ, онъ сказалъ:

— Ну, и пусть ихъ, — велико дѣло!

И лѣниво сѣлъ на лошадь, которая подъ нимъ изогнулась и рванулась впередъ. Онъ долго разбиралъ поводья и разстегивалъ кобуру револьвера.

«Если они будутъ стрѣлять, значитъ она не подождала, значитъ она, какъ всѣ», сказалъ онъ себѣ, и хлестнувъ лошадь нагайкой, поскакалъ къ каравану. Корейцы-погонщики тревожно жались къ лошадямъ. Впереди стоялъ за лошадью Алексѣевъ, положивъ на сѣдло винчестеръ со взведеннымъ куркомъ, который онъ направилъ въ кусты. Маргачъ держалъ ружье на готовѣ. Сзади боязливо ѣхалъ переводчикъ, съ большимъ офицерскимъ револьверомъ.

Поморцевъ поворотилъ лошадь въ прогалину, и спросилъ:

— А гдѣ Овсянкинъ?

Овсянкинъ былъ кореецъ-работникъ, покупавшій овесъ для каравана и потому получившій это прозвище. Онъ долго жилъ съ китайцами и хорошо говорилъ по-манзовски.

У скалы, за свалеинымъ огромнымъ деревомъ, прижавшись другъ къ другу, какъ травленые волки, сидѣли на корточкахъ три китайца съ оскаленными зубами и блестящими злыми глазами. Ихъ синія кофты были въ лохмотьяхъ, большія лисьи шапки съ наушниками были надвинуты на лобъ. У нихъ не было, повидимому, оружія.

Поморцевъ подъѣхалъ къ нимъ вплотную, вынулъ револьверъ и спросилъ.

— Ни да нàли лайди? Откуда вы.

— Работники изъ Гирина, перевелъ кореецъ отвѣтъ, который старшій китаецъ далъ сквозь зубы.

— Врутъ, они пантовщики *), а то просто хунхузы, обыщи ихъ.

Кореецъ боязливо подошелъ къ одному изъ нихъ, сталъ его ощупывать подъ кофтой. Онъ вынулъ ножъ, кисетъ съ табакомъ, трутъ, огниво, корешки жень-шеня и нѣсколько серебряныхъ мелкихъ монетъ. У другого нашлись въ сумкѣ сушоное мясо и какія-то снадобья, лѣкарства, какъ объяснилъ переводчикъ; у третьяго, здороваго дѣтины съ разсѣченной губой, кореецъ долго рылся въ кисетѣ и вынулъ три маузеровскихъ патрона съ распиленными на-крестъ пулями.

Китаецъ нервно задвигался, когда кореецъ подавалъ Поморцеву патроны.

— Патроны, сказалъ онъ,— худой есть манза, капитанъ, его убивай надо.

Поморцевъ взялъ пули и сталъ ихъ задумчиво осматривать

— Повѣсить ихъ, Николай Михайловичъ, предложилъ Алексѣевъ.—Они снарядъ и оружіе въ кусты спрятали.

— Какъ ихъ вѣшать, нерѣшительно возразилъ Маргачъ.— Тоже люди, не собаки. Жизни не воротишь.

— Вотъ они тебѣ эту самую пиленую пулю закатятъ въ спину изъ-за куста, такъ и будешь мямлить, проворчалъ Алексѣевъ.

— Да вѣдь они не стрѣляли, значитъ мичманъ все перепуталъ, сказалъ Поморцевъ и спряталъ револьверъ. Алексѣевъ удивленно посмотрѣлъ на него, думая, что онъ рехнулся и сказалъ:

— Какъ прикажете, только у насъ въ тайгѣ если манза русскаго настигъ, безпремѣнно застрѣлитъ, а если русскій манзу перехитрилъ, манзѣ пощады не дастъ.

— Вотъ что, Алексѣевъ, сказалъ Поморцевъ, ты ихъ гони впереди каравана и поѣдешь за ними съ Маргачемъ. Будутъ бѣжать, стрѣляй. Мы ихъ прогонимъ такъ верстъ десять, до

*) Охотники за оленьими рогами.

привала. А тамъ выпустимъ, чтобы они неуспѣли взять оружіе и возвратиться.

— Ихъ бы попытать, ваше благородіе, сказалъ расхрабрившійся переводчикъ,—они бы сказали, куда спрятали ружья.

— Не твое дѣло, оборвалъ его Поморцевъ съ гадливостью и крикнулъ китайцевъ.—Ванъ цянь дзоуба. Идите впередъ.

— Если даже у нихъ есть товарищи, сказалъ онъ солдатамъ,—они на насъ не нападутъ. Какъ выстрѣлъ въ лѣсу, такъ стрѣляй въ этихъ мерзавцевъ, только первый разъ въ воздухъ.

— Какъ же, такъ и выстрѣлилъ въ воздухъ, ворчалъ Алексѣевъ, подгоняя китайцевъ.—Небось они въ воздухъ стрѣлять не будутъ, а норовятъ въ спину или въ затылокъ. То же, начальникъ—чудной... Болтаетъ зря, фигурантъ...

И караванъ двинулся впередъ по извилистой дорожкѣ, среди вѣковѣчныхъ дубовъ, одѣтыхъ въ тигровую рубашку сухого листа.

II.

Въ большой корейской комнатѣ съ раздвижными бумажными окнами-дверями, въ которыя вставлены маленькіе куски стекла, сидѣли на коврѣ Поморцевъ и губернаторъ, *куншю* большой провинціи. Куншю былъ полный человѣкъ, съ живыми черными глазами, черными жесткими усами и небольшой бородой. Его черная шляпа изъ тончайшаго волоса блестѣла лакомъ, его халатъ изъ роскошнаго голубого шелка и аквамариноваго цвѣта исподнее платье свидѣтельствовали не только о богатствѣ, но и объ изяществѣ важнаго чиновника. Изъ уваженія къ русскому, онъ снялъ круглые сѣрые очки изъ горнаго хрусталя и передалъ ихъ и свой вѣеръ красивому молодому слугѣ, который стоялъ у него за спиной. По сторонамъ начальниковъ стояла свита и слуги. Справа — выбранный изъ мѣстныхъ жителей помощникъ губернатора, за нимъ — носитель печати, хранитель трубки и толпа корейцевъ въ бѣлыхъ одеждахъ. Они пожирали глазами русскаго. Слѣва около Поморцева стояли его переводчики и люди, которые лукаво перемигивались и обмѣнивались шопотомъ замѣчаніями на счетъ губернатора. Въ дверяхъ толпились сосѣди, громко сравнивавшіе своего губерна-

тора съ иностранцемъ, который, по ихъ мнѣнію, долженъ бы быть рыжимъ и бритымъ, какъ всѣ черти. Но этотъ иностранецъ, говорили они, самъ похожъ на корейца. И они мысленно спрашивали себя, можно ли бы было приложить къ нему древній законъ: «Если ты встрѣтишь чужеземца — убей его; тотъ, кто отпуститъ его живымъ, измѣнитъ родинѣ».

— Начальникъ говоритъ, началъ переводчикъ, выслушавъ длинную изящную рѣчь куншю,—что онъ очень счастливъ, что пріѣхалъ русскій баринъ, ученый и красивый, въ его худой городъ. Онъ говоритъ, что теплые вѣтры и хорошая погода предвѣщали ему эту радость. Начальникъ спрашиваетъ, какъ совершили вы вашъ путь по ту сторону перевала, гдѣ снѣгъ, холодъ и лѣсъ, звѣри и худые манзы (китайцы). Начальникъ говоритъ, что радуется за васъ, что окончились ваши страданія благополучно.

— Скажи куншю, что путь въ его городъ былъ для меня гладокъ, что идя сюда, я чувствовалъ себя такъ же хорошо, какъ въ Сеулѣ, а усталость прошла, когда я увидѣлъ такого ученаго начальника. Скажи, что я вижу, что философы Конгъ (Конфуцій) и Мэнгъ (Менцзы) рѣдко имѣли лучшихъ учениковъ, чѣмъ онъ. Скажи, что я вижу, что законъ гармоній, «нѣ», управляетъ всѣми дѣйствіями ученаго губернатора.

Два переводчика передали корейцу содержаніе этого привѣтствія, онъ улыбнулся и, нарушивъ законъ гармоніи, взялъ Поморцева за плечо.

— Благородный ямбань навѣрное тоже ученикъ Конга и Мэнга, сказалъ куншю,— и я вижу, что небо послало мнѣ друга. Онъ не похожъ на иностранца, у него нѣтъ отвратительной большой бороды и длинныхъ усовъ. Онъ кореецъ, только въ кожаномъ платьѣ. Сколько іероглифовъ знаетъ русскій ямбань?

— Очень мало, но я читалъ Конфуція и Менція въ переводахъ.

— Развѣ дворяне въ Россіи тоже изучаютъ Конфуція въ школахъ?

— Да, у насъ есть одна школа, въ которой изучаютъ Конфуція, но мы—христіане.

— Это ничего, что вы христіане. И христіане могутъ изучать Конфуція. Хуже всего — американская вѣра. Народъ не

хочетъ американской вѣры, потому что ея учители похожи на тигровъ.

— Каждый вѣруетъ по своему, сказалъ Поморцевъ.—Я радъ, что вы такой умный. Я хочу выпить съ вами. Онъ налилъ изъ фляжки большой стаканъ коньяку и, отпивъ, передалъ его куншю, говоря:

— Мэкшо, Ароса суль — выпей, русское вино.

Начальникъ трижды отказался, потомъ выпилъ два глотка, обтерся шелковымъ рукавомъ и сказалъ: «очень, очень хорошо». Помолчавъ нѣсколько времени, онъ провелъ по животу руками и дважды офиціально икнулъ. Потомъ онъ степенно передалъ стаканъ своему помощнику, тотъ — правителю канцеляріи, и черезъ десять минутъ стаканъ возвратился пустымъ изъ угла комнаты, отъ учителя мѣстной школы, который сказалъ съ поклономъ Поморцеву, что онъ еще не могъ узнать, насколько хорошо русское вино.

— Маргачъ, угости ихъ, сказалъ на это Поморцевъ и разговоръ между нимъ и куншю возобновился.

Они говорили о политикѣ, о здоровьѣ короля, о корейскомъ Парижѣ—Сеулѣ, этомъ законодателѣ корейскихъ модъ и идей, разбирали привезенныя русскимъ карты и книги. Русскій путешественникъ и корейскій сановникъ почувствовали между собою странную связь, связь эта была книга, литература, классики. Что нужды, что куншю былъ увѣренъ, что затменіе солнца происходитъ отъ дракона, а затменіе луны — отъ собаки? Онъ и его предки тысячи лѣтъ жили въ этихъ горахъ, удаленные отъ міра, все время смотря внутрь себя, изучая психологію, китайскихъ классиковъ, и гармонію поведенія, и они, по своему, были образованы и культурны.

— Я не знаю, сказалъ губернаторъ,—сдѣлаетъ ли мнѣ честь высокій гость, но я хотѣлъ бы устроить ему пиръ сейчасъ же въ бесѣдкѣ Иннунну, откуда чудесный видъ. Но мои повара готовятъ худую пищу.

— Я люблю корейскую пищу, отвѣтилъ Поморцевъ,—и очень радъ буду пообѣдать у губернатора.

Черезъ нѣсколько минутъ были принесены вторыя носилки, покрытыя тигровой шкурой и слуги понесли губернатора и его русскаго гостя въ бесѣдку, расталкивая шумную толпу мальчи-

шекъ и зѣвакъ, и громко крича: «дорогу губернатору, дорогу великому». За носилками двигалась толпа горожанъ, еле сдерживаемая солдатами въ черныхъ халатахъ и въ круглыхъ черныхъ войлочныхъ шляпахъ съ красными султанами на боку.

III.

Осеннее солнце не жгло, а ласкало природу и въ большой, открытой бесѣдкѣ, на толстыхъ красныхъ столбахъ, подъ причудливой китайской крышей, было прохладно и мирно. Она стояла надъ глубокимъ обрывомъ, на мысу, при сліяніи двухъ рѣкъ. Справа широкій и быстрый Сеньёнъ-кангъ втягивался въ узкое голубое ущелье, въ него изъ длинной тѣснины вливался свѣтлый ручей. Кругомъ стояли причудливыя горы, воздушныя и загадочныя, стояли странными милыми призраками томныхъ, точно полусмытыхъ, цвѣтовъ, отъ фіалочно-сѣраго до нѣжно-голубого. Тамъ черныя черепичныя крыши города и коричневыя пятны ямуновъ и храмовъ. За ними, на горѣ, зеленые вѣера южныхъ сосенъ. Внизу желтыя поля сжатаго риса и кофейнаго цвѣта фанзы деревни. И все это было залито нѣжнымъ янтарнымъ свѣтомъ и все окутано дымкой мистическаго покоя и сна.

Окруженные тысячной толпой горожанъ, впереди которыхъ двигалась стая ребятъ, любопытныхъ и бойкихъ, съ большими черными глазами, — губернаторъ и Поморцевъ, ожидая обѣда, осматривали бесѣдку, подъ крышей которой были повѣшены черныя доски съ бѣлыми надписями, сонеты мѣстныхъ поэтовъ, воспѣвавшіе красоту природы.

Поморцевъ былъ въ восторгѣ. Онъ снималъ фотографіи съ окрестностей, съ кунцю, съ толпы медлительныхъ бѣлыхъ, лебедеподобныхъ корейцевъ, и съ бойкихъ мальчишекъ, которые громко критиковали его манеры и наружность. Кунцю суетился, насколько можетъ суетиться человѣкъ, воспитанный въ величавой гармоніи движеній, и то и дѣло посылалъ куда-то своихъ многочисленныхъ слугъ.

— Какъ долго не приходятъ мои пѣвицы, сказалъ онъ Поморцеву.— Прихорашиваются, когда узнали, что у меня русскій гость.

— А сколько у васъ кисэнъ, спросилъ Поморцевъ.

— По старому штату ихъ полагалось восемьдесятъ при здѣшнемъ ямунѣ, а теперь ихъ мало, всего восемь. Но онѣ хорошо поютъ, лучше чѣмъ во всѣхъ другихъ городахъ, кромѣ Пхёнъяна и Сеула. Если вы любите хорошую пѣсню, вы будете много пить у меня. Вино легко пьется подъ хорошую пѣсню.

Толпа, стоявшая при входѣ въ бесѣдку, раздвинулась, и одна за другой по широкимъ каменнымъ ступенямъ медленно стали входить въ бесѣдку пѣвицы, молодыя дѣвушки въ красивыхъ шелковыхъ платьяхъ нѣжныхъ цвѣтовъ, съ волосами, заколотыми на затылкѣ въ тяжелый блестящій узелъ. Онѣ улыбались направо и налѣво, и подойдя съ куншю, дѣлали ему земные поклоны. Но въ ихъ манерахъ было много игривой насмѣшки. Онѣ чувствовали себя госпожами этого веселаго сановника и этой толпы, которая радостно привѣтствовала ихъ приходъ. Проданныя въ присутственныя мѣста за долги родителей или рожденныя отъ преступниковъ и преступницъ, онѣ держали себя какъ повелительницы. Глядя на ихъ отношеніе къ толпѣ, Поморцеву вспомнились гетеры древней Греціи.

Пока кисэны переходили отъ группы къ группѣ, улыбаясь молодежи и кокетничая со старыми чиновниками, слуги осторожно внесли большой коверъ, столъ, уставленный закрытыми блюдами, чашками и кувшинами, чугунный горшокъ, полный горящихъ углей, чугунную сковороду и рѣшетку. Все это было разставлено передъ креслами, покрытыми тигровыми шкурами, на которыхъ сидѣли куншю и его гость, обмѣниваясь изысканными любезностями.

— Я прошу высокаго гостя сѣсть за столъ, сказалъ куншю, поднимаясь съ креселъ и садясь на корточки передъ столомъ. Поморцевъ сѣлъ рядомъ съ нимъ, неловко вытянувъ ноги въ тяжелыхъ сапогахъ и рейтузахъ. Сзади размѣстились слуги и переводчики; передъ столомъ сѣли кисэны, поджавъ подъ себя ноги и кокетливо поправляя юбки. Одной изъ нихъ принесли длинный, тонкій барабанъ, другой цитру. Третья поставила сковороду на уголья, и стала по очереди открывать блюда, въ которыхъ было рубленое мясо съ приправами и тонкіе кусочки свинины, вымоченные въ настоѣ краснаго перца. Она брала сырые припасы, раскладывала ихъ на раскаленную

сковороду, зажаривала и клала въ маленькія чашечки, изъ которыхъ куншю и русскій ѣли тонкими деревянными палочками, запивая крѣпкимъ виномъ, — смѣсью просяного спирта съ медомъ и душистыми травами. Прелесть этого корейскаго пира заключалась въ томъ, что кушанья готовились пѣвицами рядомъ съ пирующими.

— Отчего онѣ не поютъ? спросилъ Поморцевъ губернатора, улыбаясь кисэнамъ, которыя смотрѣли на него, точно на заморскаго звѣря, своими выпуклыми глазами съ бѣлками, какъ старая слоновая кость. Онѣ поминутно зажигали японскія папиросы и, сильно затянувшись дымомъ, одна передавала папиросу другой.

— Еще не пришла главная кисэна, отвѣтилъ куншю. — Я прикажу бить палками всѣхъ ея братьевъ и мать. — Она всегда опаздываетъ.

Поморцеву стало весело. «Такъ въ старину живали у насъ помѣщики, подумалъ онъ.—Такая же толпа дворни, и кругомъ «поддавные», только эти корейцы посмѣлѣе тогдашнихъ нашихъ. Все-таки здѣсь чувствуется основное правило конфуціанства, что богъ выражаетъ свою волю черезъ народъ, все-таки чувствуется, что этотъ куншю только для декораціи, и что ему могутъ сказать во всякое время: «кланяемся тебѣ, уходи отъ насъ, а не уйдешь, такъ запасись второй головой...»

Ходъ его мыслей былъ прерванъ громкимъ возгласомъ куншю, шумомъ толпы, которая раздвинулась, чтобы дать дорогу. Къ куншю подошла высокая, стройная дѣвушка и сдѣлала земной поклонъ. Поморцевъ взглянулъ на нее и ему сдѣлалось страшно, точно онъ увидѣлъ привидѣніе. Это была она, та, которую онъ оставилъ въ Петербургѣ, которую онъ любилъ и ненавидѣлъ и передъ образомъ которой умилялся и къ которой были направлены всѣ его помыслы въ этой дикой странѣ. Она — только сожженная южнымъ солнцемъ. То же дѣтское лицо съ мягкими линіями, точно выходящее изъ тумана. Тѣ же загадочные, не проснувшіеся глаза, которые бѣжали куда-то мимо. Тѣ же неловкія манеры монастырской служки, полныя милой, прикрытой граціи. Только волосы были темные, съ рыжеватымъ оттѣнкомъ. Она скромно сѣла и молча выслушала брань куншю, который говорилъ ей, что за постоянное непослушаніе онъ при-

кажетъ бить палками ея родню. А она смотрѣла куда-то вдаль и поправляла свою нѣжно-розовую шелковую кофточку и юбку, точно она пришла сюда въ сомнабулизмѣ изъ другого міра. Потомъ она сказала что-то другой кисэнѣ, у которой былъ барабанъ и запѣла:

Инканъ нипэръ манса тунэ,
Токшу конгпангъ тэокъ шёльта,
Нунмульло подыръ самко,
Хансумро прыръ сама,
Одонгчуя кинкинъ намъ-э,
Тэнтенъ-панцыкъ пуль мэрота,
Чупхунгъ нагёнъ шосырханё,
Нимсенгаги тоокъ нанда....

Она пѣла, что изъ всѣхъ разлукъ среди людей на свѣтѣ, самая тяжкая разлука влюбленныхъ. Тогда друзьями дѣлаются слезы, занятіемъ становятся вздохи. Осенней долгой ночью не спится, ворочаешься на постели. Осенній вѣтеръ шумитъ въ опавшихъ листьяхъ, тоска по миломъ становится еще сильнѣй. Въ груди огонь растопилъ каменное сердце. Вздохъ выросъ въ вихрь, что тайфунъ въ Желтомъ морѣ, слезы текутъ ливнемъ, какъ девятилѣтній потопъ. Ожидая его и недождавшись я превращусь въ каменную статую. Отъ тоски по немъ разорвалося сердце и кровью залило грудь. Этой кровью я напишу его портретъ, повѣшу у себя на стѣнѣ и буду любоваться имъ ночью и днемъ.

Она пѣла горломъ. Звуки дрожали въ ея груди и выходили рыданіями, какъ плачъ горлицы, какъ шумъ далекаго потока. Она смотрѣла вдаль своими странными глазами, еще болѣе грустная, чѣмъ ея пѣсни. А другая кисэна мѣрно ударяла тактъ въ барабанъ, звучавшій далекимъ похороннымъ колоколомъ. Поморцевъ поставилъ стаканъ и смотрѣлъ на нее, не отрываясь. «Откуда она? думалъ онъ.—И что это значитъ? Можетъ быть и та также грустна теперь, какъ и эта». И ему сдѣлалось страшно, точно его окружили призраки.

— Адыръ, сынъ мой, выпей съ отцомъ, закричалъ опьянѣвшій куншю, фамильярно хлопнувъ его по плечу.—Я полюбилъ тебя, какъ сына. Ну, какъ она поетъ? Не хуже чѣмъ въ Сеулѣ?

— Пусть она поетъ еще, скажи ей, повернулся Поморцевъ

къ переводчику,—скажи, чтобъ она пѣла.—Куншю, и этотъ столъ съ соей, моченными грушами и кувшинами вина сдѣлались ему отвратительны. Онъ не обращалъ больше вниманія на куншю. «Что же тамъ, въ Петербургѣ, думалъ онъ.—А что, если мичманъ правъ и она вышла замужъ. А что если она больна?..» И онъ упорно всматривался въ эту странную кисэну, какъ въ птицу несчастья, ожидая отъ нея отвѣта.

А она, не обращая ни на кого вниманія и устремивъ глаза внутрь самое себя, поправила свою волосы и начала другую пѣсню:

Марынъ качаго нэкупуръ чинатэ,
Нимунъ цапкопо накну ханда,
Нананъ канда, нананъ канда,
Норыръ туго, нананъ канда...

«Конь торопится въ путь, перебираетъ ногами, она не выпускаетъ его руки, падаютъ слезы.

«Я ѣду, я ѣду, тебя оставляю, я ѣду».—Нѣтъ не уѣдешь, нѣтъ не уѣдешь, не оставишь меня, не уѣдешь.—«Хоть уѣзжаю, не совсѣмъ я уѣду. Совсѣмъ я уѣду — тебя никогда не забуду. Не плачь, не плачь, обо мнѣ ты не плачь. Придетъ новая весна, все зазеленѣетъ, тогда мы увидимся снова...»

Переводчикъ, наклонившись надъ Поморцевымъ, переводилъ каждое слово пѣсни. Дикая, печальная музыка наболѣвшей души наполнила этотъ огромный сарай чѣмъ-то старымъ, знакомымъ и близкимъ, тѣми звуками, красками, образами, которые онъ принесъ съ собою съ далекой родины, куда можетъ быть никогда не вернется. И подъ эту пѣсню проходили, одна за другой, туманныя картины прошлаго, и картины эти прерывались болѣзненнымъ вопросомъ: «что съ ней и зачѣмъ явился ея двойникъ?..»

Кисэна кончила пѣсню, подошла къ столу и, наливъ чашку вина, подала ее съ поклономъ Поморцеву. Тотъ отпилъ и возвратилъ ей чашку, прося допить остальное. Она смотрѣла на него грустно и, казалось, понимала, что съ нимъ дѣлается. Потомъ сказала: «я пропою веселую пѣсню».

— Не надо, отвѣтилъ Поморцевъ и сказалъ куншю: — Благодарю отца, выпью за его здоровье и поѣду домой. Я уто-

мился дорогой, мнѣ надо отдохнуть. Позволь мнѣ раздать твоимъ кисэнамъ эти деньги.

Кисэны весело раскланивались съ нимъ и улыбались, когда онъ раздавалъ имъ деньги, только та посмотрѣла на него беззвучно и отвернулась.

— Какая изъ кисэнъ нравится тебѣ больше всѣхъ? спросилъ куншю.

Поморцевъ показалъ ему рукой, направляясь къ выходу.

— Сынъ въ отца, и мнѣ она нравится больше другихъ, смѣясь отвѣтилъ ему губернаторъ.—Радъ буду видѣть тебя завтра и пришлю узнать о твоемъ здоровьѣ.

IV.

Когда четыре здоровыхъ корейца поставили на дворѣ гостинницы посылки, въ которыхъ сидѣлъ Поморцевъ, онъ выскочилъ изъ нихъ блѣдный и злой, и бросивъ монету носильщикамъ, набросился на своихъ людей: вьюки были не такъ сложены, сѣдло не повѣшено на перекладину, потникъ не провѣтренъ, лошади не вычищены.

— Ну, пошелъ гремѣть, ворчалъ Маргачъ,—видно плохо накормили.

Алексѣевъ, сильно хлебнувшій въ отсутствіи начальника, слушалъ разносъ съ снисходительнымъ спокойствіемъ. А кореецъ-конюхъ, извѣстный подъ именемъ Поликарпа или Кролика, хотя его звали Тимъ-хи-Сони, стремглавъ бѣжалъ къ лошадямъ со скребницей, шленая веревочными лаптями по жирному навозу двора.

— Приготовить мнѣ постель, закрыть ставни, запереть ворота и никого не пускать! закричалъ Поморцевъ, входя въ комнату. — Надо послать нарочнаго въ Ычжу на телеграфъ, думалъ онъ вслухъ, не замѣчая присутствія Маргача. Но до ближайшаго телеграфа десять дней пути. Мы скорѣе доѣдемъ чѣмъ нарочный, еще гдѣ нибудь застрянетъ. Просто случайность! Но зачѣмъ такая случайность! Господи, неужели она больна? Помоги ей! И онъ безпомощно заходилъ по комнатѣ, задѣвая ногами за низкіе столики, и ища, на комъ бы сорвать мучительное сознаніе своей безпомощности передъ чѣмъ-то страшнымъ, внѣш-

нимъ, непонятнымъ, которое можетъ разбить однимъ ударомъ всѣ его надежды, всѣ его мечты...

Маргачъ не успѣлъ еще развернуть постельный вьюкъ, какъ онъ бросился на полъ и закричалъ ему истерическимъ голосомъ:

— Да уходи же, что ты тутъ вертишься, кто тебя звалъ? Я хочу спать!

Маргачъ, подавивъ улыбку, вышелъ на дворъ и сказалъ Алексѣеву и переводчику:

— Чудной, а все бабы да дѣвки. Побунтуешь — побунтуешь, да и осядешь. Скачи-ка на телеграфъ, попробуй. Небойсь, передъ дѣвкой не покричишь. Она тебя скрутитъ. А добрый, только чудной.

— Однако фигуряетъ, саркастически отвѣтилъ Алексѣевъ и лѣниво зѣвнулъ.

Была ночь, когда Поморцевъ вздрогнулъ и проснулся. Кто-то тихо отодвигалъ дверь. Онъ ощупалъ револьверъ на столикѣ и ждалъ. Въ комнатѣ было темно. Въ раскрытую дверь ворвались чьи-то всхлипыванія и сдержанный ропотъ толпы и свѣтъ бумажныхъ фонарей. Поморцевъ вскочилъ, зажегъ спичку и увидѣлъ переводчика, который тихо входилъ съ веранды въ комнату. Его сопровождали два солдата, молодой кореецъ въ бѣломъ и женщина, закутанная въ зеленое покрывало. Переводчикъ старательно задвинулъ дверь.

— Что это такое? Кто эти люди? спросилъ Поморцевъ.

— Куншю прислалъ вамъ карточку, справиться о здоровьѣ и дѣвку, которая вамъ понравилась, отвѣчалъ переводчикъ съ лукавой улыбкой и сдернулъ съ женщины покрывало.

Это была та грустная кисэна, которая его такъ испугала. Лицо ея было заплакано. Она глухо рыдала, прикладывая руки то къ лицу, то къ груди. Потомъ она кинулась къ молодому корейцу, въ которомъ Поморцевъ узналъ слугу губернатора, обвила ему шею руками и безпомощно прилегла лицомъ къ плечу. А тотъ гладилъ ее по головѣ и тихо говорилъ ей:

— Иръ опсо, иръ опсо, ничего, ничего.

— Это ея братъ, — сказалъ переводчикъ. — Прикажете дать солдатамъ карточку для куншю и на чай?

Поморцевъ стоялъ, не понимая, что отъ него хотятъ. Рыдающая женщина въ объятіяхъ брата, два солдата въ шапкахъ

съ глупыми красными помпонами и наглая улыбка переводчика, все это перепуталось у него въ глазахъ. Потомъ онъ понялъ.

— Мерзавцы! закричалъ онъ, такъ они притащили ее ко мнѣ? Пошли вонъ! крикнулъ онъ солдатамъ и посмотрѣлъ на нихъ такъ страшно, что тѣ быстро отодвинули дверь и выскочили на веранду. — Скажи ей, чтобы она успокоилась, что она можетъ итти. Нѣтъ, скажи, что русскіе никогда не оскорбляютъ женщинъ,— слышишь? никогда! нѣтъ, скажи, чтобы она отдала матери вотъ этотъ мѣшочекъ.

Онъ схватилъ со стола мѣшочекъ съ деньгами и протянулъ его ей. Она повернула къ нему голову пока онъ говорилъ, но когда почувствовала у себя въ рукѣ кошелекъ, отскочила съ гадливостью и кошелекъ упалъ на полъ. Кореецъ поднялъ его и почтительно подалъ Поморцеву.

Ему сдѣлалось такъ грустно и пусто, точно кто нибудь нанесъ ему несмываемую обиду. Онъ смотрѣлъ молча на двухъ этихъ людей, которые слушали объясненія переводчика. Свѣча, стоявшая у самаго пола на низенькомъ столикѣ, мигала и освѣщала снизу ихъ фигуры, страннымъ красноватымъ свѣтомъ блуждающихъ огней. Тяжелая драма висѣла въ воздухѣ. Рабство, насиліе, любовь, разлука, горе,— всѣ эти чувства наполняли полутемную комнату корейской гостинницы, связывая въ одинъ болѣзненный узелъ разныя полюсы человѣчества, объединяя ихъ и обнажая ихъ одинаково болящія души...

А переводчикъ все говорилъ и слуга сочувственно наклонялъ голову. Кисэна слушала блѣдная, съ грустными глазами и отрицательно кивала головой. Потомъ она отошла съ братомъ въ уголъ и что-то ему говорила, а онъ испуганно отмахивался руками.

Потомъ они оба подошли къ Поморцеву и стали ему говорить. Куншю возвратился изъ бесѣдки и велѣлъ солдатамъ привести ее ночью къ русскому. Она бросилась къ брату, но братъ, зная, что куншю давно золъ на нее и называлъ русскаго сыномъ, сказалъ, что она должна итти и что нечего даромъ плакать. Теперь она увидѣла, что русскій ямбань добрый, что онъ не хочетъ ей зла. Но она не можетъ взять денегъ. Куншю все равно отберетъ ихъ, да еще накажетъ, когда узнаетъ, что она не хотѣла исполнить его приказанія и разсердила русскаго ямбаня.

— Я скажу куншю, что я тебя отпустилъ, сказалъ ей Поморцевъ, — что я его не просилъ присылать тебя, а про деньги онъ ничего не узнаетъ, солдаты ушли, а переводчикъ не смѣетъ никому сказать. Возьми ихъ отъ меня на память. Я знаю, что у тебя есть большое горе, но у меня тоже есть свое горе, какъ и у тебя. Можетъ быть, эти деньги принесутъ тебѣ счастье. А теперь возвращайся домой.

Онъ протянулъ ей кошелекъ, который она взяла нерѣшительно и отошелъ въ сторону, чтобы не видѣть ея лица. Онъ стоялъ долго, пока не зашуршала дверь, и увидѣвъ, что въ комнатѣ больше никого не было, безпомощно упалъ на постель.

«Господи, вездѣ горе, одно только горе, стоналъ онъ,— и здѣсь... и здѣсь я не убѣжалъ отъ себя самого...»

На слѣдующее утро, Поморцевъ послалъ къ куншю предупредить, что онъ сейчасъ придетъ къ нему съ визитомъ и что желаетъ размѣнять въ казначействѣ сто серебряныхъ японскихъ іенъ на корейскую мѣдную монету.

Когда онъ подходилъ къ высокимъ воротамъ ямуна, среднія двери были уже открыты настежъ и куншю ждалъ его съ своею свитой на верандѣ дворца. Но онъ встрѣтилъ Поморцева холодно и подозрительно всматривался въ его лицо.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и дѣлового разговора о размѣнѣ денегъ, о днѣ отъѣзда, о жалкомъ угощеніи куншю, о великолѣпіи серебрянаго стакана, который подарилъ ему Поморцевъ, куншю спросилъ съ злобною усмѣшкой:

— Хорошо ли русскій ямбань провелъ ночь?

— Очень скверно, отвѣчалъ Поморцевъ. Только что я заснулъ, какъ твои солдаты привели въ мой домъ какую-то женщину, которой мнѣ не было нужно и разбудили меня. Я разсердился и выгналъ и солдатъ, и женщину, но потомъ долго не могъ заснуть.

— Послѣ одной дурной ночи, мой сынъ проведетъ много хорошихъ ночей, обидчиво сказалъ куншю.— Русскій баринъ отнялъ у меня мою лучшую пѣвицу.

— Какъ отнялъ? Что это значитъ?

— Она не возвращалась болѣе домой, она скрылась вмѣстѣ съ братомъ и матерью. Солдаты искали ихъ по всему городу и не нашли. Они, вѣроятно, убѣжали къ морю, чтобы тамъ

встрѣтиться съ русскимъ ямбанемъ. Впрочемъ, твоя воля — для меня законъ.

— Что ты тамъ лжешь! вскипѣлъ Поморцевъ.—Переведи ему, что онъ лжетъ, скажи, что русскіе не крадутъ женщинъ и не прячутъ ихъ. Кисэна убѣжала, потому что его солдаты тащили ее насильно къ иностранцу, потому что онъ мерзавецъ. Скажи ему, что онъ долженъ сейчасъ же извиниться передо мной за свою дерзость, не то...

Но куншю, уже по тону гостя понялъ, что его предположенія были невѣрны и что онъ сдѣлалъ большой промахъ противъ этикета. Онъ прижалъ сложенныя руки къ груди и сталъ усиленно кланяться, бормоча:

— Прости меня! мой сынъ, прости глупаго отца.—Я не хотѣлъ оскорбить тебя. Негодница давно хотѣла выйти замужъ за какого-то мужика около Чанджу. Я пошлю туда солдатъ и они ее приведутъ. Я ее накажу примѣрно, подлую. Прости меня и выпей со мною вина и останься у меня пировать.

— Слушай! сказалъ ему Поморцевъ, почти вплотную прижимая свое лицо къ испуганному лицу губернатора.—Ты долженъ забыть объ этой женщинѣ. Я не просилъ тебя, чтобы ты мнѣ ее присылалъ, но теперь она подъ моимъ покровительствомъ. Я узнаю, если ты пошлешь ее искать, я узнаю, если ты сдѣлаешь ей какую нибудь обиду. Еще другіе русскіе пройдутъ черезъ этотъ городъ, и послѣдняя партія, которой будетъ сообщено, что ты тронулъ женщину, находящуюся подъ покровительствомъ русскаго, повѣситъ тебя на воротахъ твоего ямуна. Я тебѣ обѣщаю это. И повѣрь мнѣ, у меня одно слово и одно дѣло. Увѣряю тебя вотъ этимъ. И Поморцевъ нервно ударилъ по кабурѣ револьвера.

— Прости меня, прости меня, бормоталъ куншю.—Я клянусь тебѣ, я клянусь могилой предковъ, что не трону той, которая подъ твоимъ высокимъ покровительствомъ. Пропали мои деньги. Я заплатилъ за нее сто лянъ, когда она была дѣвчонкой, проклятая.

— Ты получилъ отъ меня больше, когда я подарилъ тебѣ большой серебряный стаканъ. Я пришлю тебѣ еще другой и бутылку крѣпкаго русскаго вина. Но помни уговоръ. Если нарушишь клятву, будешь висѣть на воротахъ. А теперь скажи

казначею, чтобы онъ взялъ отъ переводчика деньги и прислалъ мнѣ чоховъ. Я уѣзжаю сегодня послѣ обѣда.

И Поморцевъ быстро всталъ и вышелъ, оставивъ испуганнаго куншю и его канцелярію объясняться съ переводчикомъ относительно того, нельзя ли какъ нибудь умплостивить непонятный для нихъ гнѣвъ русскаго.

V.

Прошло двѣ недѣли. Наступили холода, потомъ пошелъ снѣгъ. Очарованіе янтарнаго солнца и голубыхъ горъ разсѣялось. Поморцевъ ѣхалъ въ маляріи по крутому лѣвому берегу Амнока по карнизу, вырубленному въ мягкой скалѣ, пронизанной корнями невѣдомыхъ деревьевъ и дрожащихъ отъ холода оголенныхъ кустовъ. Внизу шумѣла широкая зеленая рѣка, бросившаяся подъ скалу по каменистому перекату отъ тяжелыхъ темныхъ горъ противоположнаго берега. Впереди висѣла безконечная ткань сѣраго тумана, медленно двигавшаяся сверху внизъ мокрыми нитями осенняго снѣга. Лошадь понуро ступала по скользкой тропинкѣ. Ея грива была усажена блестящими капельками, снѣгъ медленно таялъ на мохнатой буркѣ и стекалъ узкими струйками. Мокрая пелена снѣга стирала настоящее съ этой дикой страны, оставляя одинъ міръ грёзъ. А въ проблескахъ рѣки, за перекатомъ, переливались очертанія сумрачныхъ горъ.

Онъ ѣхалъ грустный, больной и усталый, разбитый слишкомъ порывистыми ударами сердца и сознаніемъ полной безпомощности, и будущее глядѣло на него бѣлыми туманными глазами изъ-за сумрачныхъ горъ, изъ-за страшныхъ, безлиственныхъ деревьевъ, изъ-за красныхъ, какъ жилы кустовъ, стальными щупальцами вцѣпившихся въ старчески слабую скалу.

«Зачѣмъ привязываться душой къ этимъ бѣгучимъ формамъ, думалъ онъ, — когда изъ-за завѣсы провидится вѣчное. Эти люди въ бѣлыхъ одеждахъ жрецовъ, эти могилы, отнявшія у живыхъ лучшія мѣста по склонамъ горъ, — все это говоритъ о переходѣ «туда». И мы силимся проникнуть туда, въ этомъ гнусномъ и тяжеломъ, и грѣшномъ видѣ. Дисциплина требуетъ,

чтобы умѣть убивать людей, но человѣчество не хочетъ стерпѣть дисциплины, когда дѣло идетъ о вѣчной жизни. Поди, очистись, вотъ что̀ надо сказать намъ, героямъ современнаго ничтожества. Одинъ невѣрный шагъ лошади, одинъ камень надъ моей головой, подточенный струйкой воды и соскользнувшій съ вѣкового ложа, и я «тамъ», за предѣлами этихъ горъ. Отчего же тѣ, что ускоряютъ процессъ нашего одухотворенія, такъ противны нашему жизненному чувству. Оттого ли, что самоубійцы не умѣютъ ждать? Оттого ли, что они выскочки въ жизненномъ процессѣ...» И онъ продолжалъ говорить вслухъ, не обращая вниманія ни на обрывы, ни на крутые подъемы и спуски дороги. Мысль развертывалась за мыслью помимо его воли, голова горѣла, а сердце ныло какимъ-то предчувствіемъ, которое онъ хотѣлъ заглушить разговоромъ съ самимъ собою. Лошадь знала, что жизнь ихъ обоихъ зависитъ отъ одного ея невѣрнаго шага и осторожно переставляла ноги, точно ощупывая дорогу. Когда онъ говорилъ самъ съ собою, она удваивала осторожность, точно не желая рѣзкимъ движеніемъ прервать его безконечные разговоры, къ которымъ она внимательно прислушивалась.

Налѣво, въ оврагѣ, у рѣки мокла подъ тающимъ снѣгомъ маленькая бѣдная деревушка. Когда Поморцевъ проѣзжалъ ее, собаки не бросились на него съ громкимъ лаемъ и дѣти не выскочили изъ фанзъ, чтобы подивиться на заморскаго чорта. Все было мертво, только группа китайцевъ-дровосѣковъ, направлявшихся съ мѣшками припасовъ на Пейшанское плоскогорье, сидѣла на заваленкѣ подъ навѣсомъ. Поморцевъ проѣхалъ деревню и спустился къ рѣкѣ по низкому намыву, по которому проходила теперь дорога. Отъ рѣки шла съ горшкомъ воды на головѣ корейская баба, еще не старая, въ грязной бѣлой кофтѣ, въ грязной широкой юбкѣ, подъ которой, какъ листья на капустномъ кочнѣ, было надѣто много другихъ юбокъ, въ грязныхъ поножахъ и лаптяхъ. Завидѣвъ мужчину, она, по обычаю, остановилась и повернулась къ нему спиной. Подъѣзжая, Поморцевъ подъ безобразнымъ костюмомъ замѣтилъ изящную спину и тонкую талію и густые волосы, слишкомъ свѣтлые для Кореи. Онъ поровнялся съ нею и не желая пугать ее, хотѣлъ ускорить шагъ лошади, но она быстрымъ, граціознымъ движеніемъ

сняла съ головы горшокъ и повернулась къ Поморцеву. Онъ инстинктивно натянулъ поводья и лошадь сдѣлала шагъ назадъ. Передъ нимъ стояла пропавшая кисэна.

— Что ты тутъ дѣлаешь? спросилъ онъ ее на ломанномъ корейскомъ языкѣ.

— Я здѣсь замужемъ. Ваши деньги принесли мнѣ счастье. Мой господинъ имѣетъ здѣсь землю и ловитъ рыбу въ Амнокѣ.

— Я радъ за тебя, сказалъ Поморцевъ.

А она смотрѣла на него счастливыми, довѣрчивыми глазами, потомъ подошла къ лошади и взяла Поморцева за руку. Онъ не ожидалъ этого, а она наклонилась надъ его рукой и поцѣловала ее. Ему стало стыдно, но хорошо. Онъ ее погладилъ по лицу и сказалъ:

— Если кто попытается тебя обидѣть, скажи, что ты подъ покровительствомъ русскаго.

— Нѣтъ, теперь меня никто не обидитъ, улыбнулась она.— У меня есть мужъ, я больше не кисэна. Пусть боги благословятъ тѣхъ, кого вы любите. Вы дали мнѣ счастье, а чѣмъ, кромѣ желанья, я могу помочь вашему счастью? Прощайте.

И она поставила на голову горшокъ съ водой, въ которой плавалъ черпакъ изъ сухой тыквы, и медленно, спокойно пошла по направленію къ деревнѣ. Поморцевъ долго провожалъ ее глазами, пока китайцы, увидѣвъ, что русскій не уѣзжаетъ, не встали съ заваленки и не вышли изъ деревни. Тогда онъ ударилъ нагайкой лошадь и поскакалъ впередъ по ровной косѣ. У него на душѣ было свѣтло и радостно. Завѣса тумана раздернулась, выглянуло солнце и безконечная долина Амнока засіяла широкими панорамами будущаго...

1899 г.

К. Л. Щегловъ.

ЖЕНА ПЕНТЕФРІЯ.

КАРТИНКА ИСЧЕЗНУВШАГО БЫТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Павелъ Петровичъ Ненюковъ, полковникъ, командиръ батареи.
Аврора Ивановна, его жена.
Фима Пышненко (Серафима), дочь капитана Пышненко, сослуживца Ненюкова.
Прапорщикъ Сидоровъ.
Фельдфебель.
Митрофанъ, вѣстовой Ненюкова.

Мѣсто дѣйствія — уѣздное захолустье.

Гостиная у Ненюковыхъ. Убрана небогато, но съ претензіей. На столѣ самоваръ и чайный приборъ. Митрофанъ хлопочетъ около самовара. Изъ двери налѣво выходитъ Ненюкова — томная, сильно напудренная дама.

I.

Ненюкова и **Митрофанъ**; потомъ **Ненюковъ** и **фельдфебель.**

НЕНЮКОВА [Митрофану].

Митрофанъ, вы говорили барину, что самоваръ поданъ?

МИТРОФАНЪ.

Докладывалъ, ваше вскблагородіе, — только они съ фельдфебелемъ заняты.

НЕНЮКОВА.

Это несносно! [Подходитъ къ двери направо и нѣжно кличетъ]. Пуля!.. Пулечка!.. [Рѣзко]. Павелъ Петровичъ!! [Изъ дверей направо выходитъ Ненюковъ, за нимъ слѣдуетъ рослый фельдфебель. Ненюковъ — небольшой, юркій человѣкъ, съ жидкими общипанными бакенбардами и маленькими суетливыми глазками; говоритъ крикливымъ дискантомъ и немилосердно жестикулируетъ]. Чай давно простылъ. Зовешь, зовешь, никакъ не дозовешься...

НЕНЮКОВЪ.

Ахъ, матушка, некогда мнѣ чаи разводить! У меня въ головѣ разныя втулки да трубки, всякія накладки да подкладки,— когда мнѣ тутъ думать о чаѣ!

НЕНЮКОВА.

Пуля, подумай: двѣнадцатый часъ! Вѣдь скоро обѣдъ...

НЕНЮКОВЪ.

Ну, и не буду пить... ну, и чортъ съ нимъ — велика важность! [Фельдфебелю]. Ты говоришь, Шилохвостый опять сопитъ?

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ [флегматично].

Сопитъ, ваше в-діе.

НЕНЮКОВЪ.

Что-жъ ты мнѣ раньше ничего не сказалъ? Что же вы, бестіи, молчите, а? Лошадь околѣваетъ, и никому нѣтъ дѣла-съ. Что это за безпечный народъ — просто съ ума сойти!

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ.

Коновалъ говоритъ, ваше в-діе, что ничего.

НЕНЮКОВЪ.

А ты и повѣрилъ? Коновалъ—дуракъ, коновалъ ничего не понимаетъ. Чтобы тебѣ услужить командиру — самому присмотрѣть.

Такъ нѣтъ-съ, никто не хочетъ помочь командиру: пропадай командиръ, провались командиръ — никому нѣтъ дѣла-съ!!

НЕНЮКОВА [у чайнаго стола].

Пулечка, успокойся!

НЕНЮКОВЪ.

Успокойся!.. Вотъ какъ женщины разсуждаютъ: у меня въ батареѣ лошади дохнутъ, а она совѣтуетъ успокоиться!.. Нѣтъ, матушка, я буду во все горло орать, когда меня по карману бьютъ!! [Фельдфебелю]. Скажи ты, Кирилюкъ, этому канальѣ коновалу, что, если Шилохвостый завтра не будетъ здоровъ, такъ я ему всю морду разобью!

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ.

Такъ точно ваше в-діе! [Повертывается, чтобъ уходить].

НЕНЮКОВЪ.

Да не забудь напомнить этому подлецу Модыркѣ, чтобъ онъ чаще орудіе смазывалъ. Я ему, мошеннику, нашивки спорю, если замѣчу хоть одну царапину въ каналѣ! Ступай. [Фельдфебель идетъ къ двери; Ненюковъ опять оборачивается]. Стой, Кирилюкъ! Скажи на милость, что дѣлаетъ со мной этотъ скотъ Паномаренко? Чему онъ учитъ новобранцевъ? Болванъ на болванѣ. Что не спросишь: «Не могу знать, ваше высокородіе!»—У меня ври, а чтобы этого «не могу знать» — не было!

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ.

Слушаю-съ... [Уходитъ. Ненюковъ садится за столъ и на-скоро прихлебываетъ чай].

НЕНЮКОВА.

Зачѣмъ, Пуля, ты всегда употребляешь такія тривіальныя выраженія?

НЕНЮКОВЪ.

Съ этимъ народомъ, шерочка, иначе нельзя. Попробуй-ка поговорить съ солдатомъ человѣческимъ языкомъ — такъ онъ тебя

и уважать перестанетъ. Вотъ тебѣ примѣръ — батарея Биркина. Онъ все миндальничалъ со своими солдатами: «любезный, да милый, да голубчикъ». Анъ вотъ «голубчики» и подкатили его на прошлогоднемъ смотру. А моя батарея, что ни смотръ, — первый сортъ!

НЕНЮКОВА.

Если ты убѣжденъ, что твоя батарея примѣрная, зачѣмъ же ты всегда такъ суетишься!

НЕНЮКОВЪ.

Должность моя, шеръ, такая собачья — нельзя мнѣ не суетиться: и въ конюшнѣ присмотри, и въ кухню загляни, и въ канцеляріи торчи, и на ученьѣ скачи, — словомъ, чортъ меня разорви! А тутъ, на какого-то дьявола, мнѣ еще новаго офицера всучили. Безъ того хлопотъ полонъ ротъ.

НЕНЮКОВА.

Какого офицера? Ты мнѣ ничего не говорилъ.

НЕНЮКОВЪ.

А шутъ его знаетъ — какого-то свѣженспеченаго прапорщика. Извольте еще возиться съ этимъ сокровищемъ — покорно благодарю! И фамилія-то такая пустая — Сидоровъ. Навѣрно пентюхъ.

НЕНЮКОВА.

Вотъ это мило. Что же ты мнѣ, Пуля, раньше ничего не сказалъ?

НЕНЮКОВЪ.

Такъ и есть мнѣ время думать о всякой мелочи.

НЕНЮКОВА.

Когда же онъ пріѣдетъ?

НЕНЮКОВЪ.

А я почемъ знаю! Хоть бы вѣкъ не пріѣзжалъ — не заплачу.

НЕНЮКОВА.

Ахъ, какой же ты, Пуля,—развѣ можно такъ! Молодого офицера надо обласкать, приголубить, чтобъ онъ сразу почувствовалъ себя свободно.

НЕНЮКОВЪ.

Ну, ужъ, обласкать — это ваше, бабье дѣло, а мое дѣло,— его распечь, чтобъ онъ зналъ службу, чтобъ онъ у меня былъ «чикъ-офицеръ!» [Входитъ Митрофанъ].

МИТРОФАНЪ.

Его благородіе, прапорщикъ Сидоровъ.

НЕНЮКОВА [взволнованно].

Ну, вотъ... ну, вотъ, это такъ всегда! Никогда не предупредишь — и вдругъ кто нибудь къ намъ съ визитомъ, а я въ неглиже... [Митрофанъ беретъ самоваръ и уходитъ].

НЕНЮКОВЪ.

Вотъ еще нашла съ кѣмъ церемониться!

НЕНЮКОВА.

Ахъ, Пуля, ты не имѣешь никакого понятія о гранжанрѣ. Развѣ это возможно — молодой человѣкъ изъ Петербурга, а я вдругъ являюсь въ такомъ свѣтѣ! [Идетъ налѣво].

НЕНЮКОВЪ.

Только ты, шерочка, пожалуйста поскорѣе, а то мнѣ пора въ канцелярію.

НЕНЮКОВА.

Ахъ, Боже мой, я сейчасъ, сейчасъ! [Уходитъ и выглядываетъ въ дверь. Входитъ прапорщикъ Сидоровъ. Онъ въ полной парадной формѣ, въ лѣвой рукѣ кепи съ султаномъ и перчатка; Сидоровъ—девятнадцатилѣтній юноша, съ наивнымъ взглядомъ и мѣшковатой поступью].

II.

Ненюковъ, Сидоровъ, потомъ **Ненюкова.**

НЕНЮКОВЪ [ходитъ, не замѣчая Сидорова].

Вотъ еще нелегкая принесла сокровище... очень нужно!.. Терпѣть не могу этихъ фендриковъ — навѣрно будетъ клянчить впередъ жалованье! [Оборачивается и видитъ Сидорова; тотъ робко къ нему подходитъ].

СИДОРОВЪ.

Господинъ полковникъ, честь имѣю явиться...

НЕНЮКОВЪ [напуская на себя свирѣпость]

А, явиться?.. Вы являетесь!.. Интересно знать, къ кому вы являетесь?!

СИДОРОВЪ [озадаченный].

Командиру первой ба-батареи...

НЕНЮКОВЪ [перебивая].

Нѣтъ-съ, не командиру батареи, а чортъ знаетъ кому, — командиру такъ не являются! На что вы похожи? Гдѣ у васъ галстукъ? Какъ вы держите кепи?.. Что у васъ за волосы? Развѣ это волосы! Отчего они у васъ такъ нахально торчатъ??

СИДОРОВЪ.

Отъ природы, господинъ полковникъ.

НЕНЮКОВЪ.

Нѣтъ-съ, не отъ природы, а оттого, что вы, господинъ прапорщикъ — невѣжа. Лѣзете въ нелѣпомъ видѣ прямо въ гостиную. Вы забываете, что здѣсь не трактиръ, а квартира вашего командира!

СИДОРОВЪ [вспыхнувъ].

Господинъ полковникъ, позвольте вамъ замѣтить...

НЕНЮКОВЪ.

Нѣтъ-съ, ужъ позвольте мнѣ вамъ замѣтить, разъ вы сунулись въ мою батарею... [Ищетъ, къ чему бы придраться]. Гдѣ у васъ, позвольте спросить... того... она... гдѣ она?.. [Сидоровъ осматривается]. Гдѣ пуговица?.. Гдѣ у васъ вторая пуговица?!

СИДОРОВЪ [поспѣшно застегивается].

Отстегнулась, господинъ полковникъ...

НЕНЮКОВЪ.

Нѣтъ-съ, не отстегнулась, а потому, что вы неряха... потому что, являясь къ своему начальству, вы даже не потрудились почиститься. [Сидоровъ смахиваетъ перчаткой пылинку съ сапога]. Думали, командиръ-фюфяй, командиръ спуститъ — анъ, нѣтъ, командиръ не спуститъ, не на таковскаго напали!!

СИДОРОВЪ.

Виноватъ, господинъ полковникъ!

НЕНЮКОВЪ.

Я васъ еще не такъ проберу! У меня вѣдь строго, у меня всѣ офицеры ходятъ по ниточкѣ... Моя батарея первая въ бригадѣ! Если вы не желаете служить какъ слѣдуетъ — убирайтесь въ другую батарею... Мнѣ лодырей не надо! [Въ дверяхъ налѣво появляется Ненюкова; она въ шелковомъ платьѣ, съ вырѣзомъ на груди].

НЕНЮКОВА [укоризненно мужу].

Пуля! Пуля! [Привѣтливо киваетъ Сидорову].

СИДОРОВЪ [неловко поклонившись Ненюковой, повертывается къ ней спиной и обращается къ Ненюкову].

Виноватъ, господинъ полковникъ!

НЕНЮКОВЪ.

Да что вы повторяете, какъ попугай: «виноватъ, виноватъ» — а сами продолжаете держать себя какъ медвѣдь! Жена ему кланяется, руку протягиваетъ, а онъ и ухомъ не ведетъ, точно ему

наплевать. Да что вы о себѣ воображаете... что вы, Наполеонъ, что ли? Вы недопеченый прапорщикъ — больше ничего!..

СИДОРОВЪ [обидѣвшись].

Господинъ полковникъ, это слишкомъ!

НЕНЮКОВЪ.

Что-съ, что-съ? Слишкомъ?? Извольте сейчасъ подъ арестъ!.. Грубіянъ! Мальчишка!!.

НЕНЮКОВА.

Пулечка!

НЕНЮКОВЪ.

И слушать не хочу — подъ арестъ!!

СИДОРОВЪ.

Но, полковникъ...

НЕНЮКОВЪ [внѣ себя].

Не извольте разсуждать и пожалуйте ваше оружіе! [Сидоровъ отстегиваетъ саблю и протягиваетъ ее Ненюкову]. Не мнѣ—женѣ!!. [Отходитъ къ окну и нервно щиплетъ бороду].

НЕНЮКОВА [сильно].

Павелъ Петровичъ!! [Сидоровъ тревожно оглядывается, не зная куда ему дѣть саблю].

НЕНЮКОВЪ [сдержанно].

Вѣдь это же, чортъ знаетъ что такое... вѣдь это изъ рукъ вонъ, что за невѣжество! Сдѣлай милость, Аврора, образуй ты этого бурмазея, а я зайду пока, въ канцелярію... [Заглядывая въ окно]. Вотъ-съ, гуляетъ козелъ — и никому нѣтъ дѣла-съ! Развѣ мѣсто козлу у орудія? То-есть, куда ни посмотри — всюду безпорядокъ! И здѣсь распеки, и тамъ догляди, и тутъ не упусти... Экая, прости Господи, каторжная жизнь!! [Уходитъ].

III.

Ненюкова и Сидоровъ.

НЕНЮКОВА [ласково Сидорову, который стоитъ растерянно посреди комнаты].

Что же вы стоите, садитесь! [Садится на кушетку и приглашаетъ его помѣститься рядомъ. Сидоровъ не двигается]. Ну, что же?.. Ахъ, васъ стѣсняетъ эта несчастная сабля!.. Давайте ее сюда!.. [Беретъ у Сидорова саблю и ставитъ ее возлѣ, въ уголъ]. А сами садитесь вотъ здѣсь...

СИДОРОВЪ [сѣвъ на кончикъ кушетки].

Покорнѣйше благодарю.

НЕНЮКОВА [про себя].

Бѣдный мальчикъ, онъ чуть не плачетъ! [Ему]. Скажите мнѣ съ полною откровенностью — мой мужъ васъ очень напугалъ?

СИДОРОВЪ.

Да-съ, они ужасно строги...

НЕНЮКОВА.

Кто, Пуля строгъ? [Смѣется]. Совсѣмъ нѣтъ... Это потому, что онъ съ утра расходился. На тощакъ онъ всегда у меня шумитъ, а послѣ обѣда это самый смирный человѣкъ! [Сидоровъ поднимаетъ на нее удивленно глаза]. Вы не вѣрите? Да вотъ приходите сегодня къ намъ запросто обѣдать и увидите, что онъ совсѣмъ не такъ страшенъ.

СИДОРОВЪ.

А какъ же-съ — «подъ арестъ»?

НЕНЮКОВА.

Ахъ, какой же вы, право—и вы повѣрили? Вѣдь это онъ такъ сказалъ, чтобъ показать, что онъ начальникъ. Онъ самъ не знаетъ, что говоритъ, когда разойдется. Онъ у меня ужасный кипятокъ!

СИДОРОВЪ [наивно].

Вы не шутите?

НЕНЮКОВА [про себя].

Онъ прелестенъ. [Ему]. Неужели же я стану обманывать офицера моей батареи! [Сидоровъ краснѣетъ и мнетъ кепи]. Положите вашу кепи, что за церемоніи... А перчатка зачѣмъ? Снимите сейчасъ. И шарфъ тоже можете снять — я вижу онъ васъ безпокоитъ... Будьте какъ дома. Вотъ такъ. Теперь вы чувствуете себя свободно, да?

СИДОРОВЪ [натянуто улыбаясь].

Да-съ.

НЕНЮКОВА.

Вотъ, видите. Ну-съ, придвигайтесь ко мнѣ ближе и давайте болтать... Вы къ намъ прямо изъ Петербурга?

СИДОРОВЪ.

Такъ точно-съ.

НЕНЮКОВА.

У васъ тамъ родные?

СИДОРОВЪ.

Никакъ нѣтъ-съ.

НЕНЮКОВА.

Что же васъ заставило выйти именно въ нашу бригаду?

СИДОРОВЪ.

Климатъ-съ. [Молчаніе. Ненюкова, прищурившись, разсматриваетъ Сидорова, тотъ потупляетъ глаза].

НЕНЮКОВА.

Жаль мнѣ васъ разочаровывать, молодой человѣкъ, но я должна васъ предупредить, что у насъ здѣсь убійственная тоска!

СИДОРОВЪ.

Я люблю природу-съ...

НЕНЮКОВА.

Ахъ, я сама ее обожаю, но для полнаго счастья этого мало... слишкомъ мало!.. Я это знаю по опыту... Впрочемъ, вы еще довольно удачно попали. Наша батарея все-таки стоитъ въ городѣ и вы будете не лишены нѣкотораго bon ton. Зато, другія батареи— это ужасъ! Вы не можете представить себѣ, что это такое: расположены въ глуши, въ казачьихъ станицахъ... командиры не устраиваютъ ни журъ-фиксовъ, ничего, чтобы поддерживало свѣтскія привычки—офицеры пьютъ водку, играютъ въ штосъ... и доходятъ до «мезальянса» съ простыми казачками. Орёръ!.. У насъ во всякомъ случаѣ, вы найдете свой маленькій кружокъ, гдѣ довольно мило проводятъ время: поютъ, танцуютъ, иногда устраиваются спектакли. Разумѣется, не то, что въ Петербургѣ — смѣшно и сравнивать!

СИДОРОВЪ.

Зимою тамъ очень оживлено-съ...

НЕНЮКОВА.

Воображаю. У насъ совсѣмъ мизерный кружокъ, а тамъ, вѣдь, это все en grand... Вотъ наша судьба, женщинъ: воспитываютъ насъ въ пансіонѣ, развиваютъ въ насъ аристократическіе вкусы, потомъ выдадутъ замужъ — и вдругъ, вмѣсто великосвѣтскаго salon, очутишься въ какой нибудь «артиллерійской слободкѣ!..» Поневолѣ начинаешь скучать, опускаешься... и отцвѣтаешь раньше времени... [Слегка опрокидывается на кушетку и полузакрываетъ глаза].

СИДОРОВЪ [покраснѣвъ и уставившись глазами на спинку кушетки].

Какой у васъ... веселенькій ситецъ!..

НЕНЮКОВА.

Вы находите? Это намъ обивалъ добрѣйшій Эдуардъ Карлычъ.

СИДОРОВЪ [не поднимая головы].

Штабсъ-капитанъ Гофманъ?

НЕНЮКОВА.

Да, Гофманъ. Ахъ, онъ ужасный искусникъ! Онъ не только обиваетъ мебель, но еще занимается настройкой фортепіанъ, и настраиваетъ удивительно. И вся гостиная стоила мнѣ, ужъ не помню, какой-то пустякъ. Эдуардъ Карлычъ, по знакомству, дѣлаетъ всегда очень дешево,— ну, а мнѣ онъ сдѣлалъ почти задаромъ... [жеманно]. Онъ былъ прежде въ меня немножко влюбленъ. [Молчаніе. Сидоровъ сосредоточенно любуется ситцемъ]. А вы?.. Вы никогда не были влюблены?

СИДОРОВЪ.

Не удавалось. [Тихонько отодвигается].

НЕНЮКОВА [шутливо-покровительственнымъ тономъ матери-командирши].

Какъ же это можно?.. Вы непремѣнно должны влюбиться! Иначе вы потеряете «по службѣ»...

СИДОРОВЪ [полушопотомъ].

Я не понимаю-съ...

НЕНЮКОВА [въ томъ же тонѣ].

Тутъ и понимать нечего. Разъ вы понравились командиршѣ, разъ она находитъ васъ симпатичнымъ,— всѣ шансы успѣха по службѣ на вашей сторонѣ. Не удалось вамъ ей почему нибудь понравиться, не сумѣли вы ей чѣмъ нибудь угодить — и вамъ не будетъ оказано ни малѣйшаго снисхожденія. Помните: любовь — это лучшій «протэжэ» по службѣ... А вы этого не знали? Ахъ, какой же вы еще неопытный мальчикъ!

СИДОРОВЪ [въ замѣшательствѣ, поднимаясь съ кушетки].

Виноватъ-съ, мнѣ пора...

НЕНЮКОВА [про себя].

Бѣдняжка, что я съ нимъ сдѣлала! [Вставая и отдавая ему саблю]. Ну-съ, возьмите вашу саблю — вашъ арестъ кончился. Вѣдь наказаніе вовсе не такъ страшно, какъ вы предполагали?..

СИДОРОВЪ [принужденно].

Помилуйте-съ, совсѣмъ напротивъ! [Пристегиваетъ саблю и надѣваетъ шарфъ].

НЕНЮКОВА.

Такъ не забудьте же, вы у насъ обѣдаете. Мы обѣдаемъ въ два. Пожалуйста, только не женируйтесь: — приходите въ кителѣ и безъ оружія...

СИДОРОВЪ [офиціальнымъ тономъ].

Весьма благодаренъ за ваше вниманіе.

НЕНЮКОВА [оправляя лифъ].

Что за благодарность, — это моя прямая обязанность... кормить своихъ офицеровъ! Вѣдь вы у меня въ батареѣ, а не у кого другого. И наконецъ, вы такой милый, скромный мальчикъ, что я далеко не прочь съ вами чаще козировать... Конечно, вы немножко бука, но это пройдетъ современемъ... Это отъ незнанія жизни... Вѣдь вы мнѣ позволите васъ немножко потлифовать, да? Ну, и прекрасно. Я вами непремѣнно займусь! [Сидоровъ раскланивается]. Да, не забудьте: когда придете къ обѣду и будете со мной здороваться, поцѣловать мнѣ руку... Пуля очень строго за этимъ смотритъ. [Сидоровъ дѣлаетъ невольное движеніе въ сторону Ненюковой]. Ахъ, вы и теперь хотите? И теперь можно!.. [Протягиваетъ ему руку; Сидоровъ, неловко приложившись, поспѣшно уходитъ].

IV.

Ненюкова одна, потомъ **Фима Пышненко.**

НЕНЮКОВА [глядя вслѣдъ Сидорову].

Вотъ уже десятый прапорщикъ, которому я разбиваю сердце! [Ходитъ]. Нѣтъ, мое положеніе батарейной командирши положительно имѣетъ свой авантажъ: развѣ это не прелесть — обучать жизни свѣжаго, хорошенькаго прапорщика; заставлять его трепетать, волноваться... подслушать первый лепетъ юнаго сердца—

и сорвать самый нѣжный цвѣтъ любви?.. Ахъ, какая прелесть!.. [Пауза]. Но этотъ, мой десятый, онъ совсѣмъ не похожъ на другихъ... Всѣ эти Гофманы, Калмыковы, всѣ они были гораздо смѣлѣе въ свое время. А этотъ Сидоровъ — премилый... Онъ совсѣмъ Іосифъ! [Задумчиво останавливается передъ зеркаломъ. Входитъ Митрофанъ].

МИТРОФАНЪ.

Ея высокоблагородіе Серафима Михайловна!

НЕНЮКОВА.

Проси! [Входитъ Фима Пышненко; Ненюкова идетъ къ ней навстрѣчу] Здравствуйте, моя золотая! Здравствуйте, моя красота! [Цѣлуются]. Ну, садитесь, садитесь, и говорите, какъ вамъ не совѣстно было совсѣмъ забыть меня? [Садятся].

ФИМА.

Простите, дорогая Аврора Ивановна, право все какъ-то некогда было!

НЕНЮКОВА.

Вамъ некогда? Вздоръ, вздоръ... И вѣрить не хочу. Какія у васъ могутъ быть такія важныя дѣла? Кокетничать съ Гофманомъ, вѣдь больше ничего!

ФИМА [задѣтая за живое].

Отчего вы меня такъ всегда преслѣдуете Гофманомъ? Что-жъ тутъ дурного, что я *не мъняю* моихъ симпатій, какъ *другія!*

НЕНЮКОВА [принужденно].

Вѣдь я шучу, моя прелесть, шучу! [Цѣлуются].

ФИМА.

Ахъ, чуть было не забыла вамъ сказать! Подъѣзжая къ вашему дому, я встрѣтила на дорогѣ молоденькаго-премолоденькаго прапорщика... должно быть изъ вновь произведенныхъ. И мнѣ показалось, какъ будто онъ отъ васъ шелъ?..

НЕНЮКОВА [небрежно].

Да, это новый офицеръ, назначенный въ нашу батарею.

ФИМА.

А! То-то я смотрю на васъ — вы такая сегодня ragée!..

НЕНЮКОВА [уязвленная].

Я, моя милая, всегда съ утра одѣваюсь прилично, и вы никогда не застанете меня, какъ *нькоторыхъ* — въ грязной манишкѣ и заношенной блузѣ!..

ФИМА [покраснѣвъ].

Что это вы, голубушка, какъ будто на меня разсердились? Вѣдь это я такъ сказала, въ видѣ шутки!

НЕНЮКОВА.

Чтобъ я разсердилась на васъ, моя радость, вотъ мило! [Опять цѣлуются].

ФИМА.

А вѣдь я къ вамъ, собственно затѣмъ, чтобъ сообщить одну новость!

НЕНЮКОВА.

Что вы! Говорите, говорите, — я сгораю отъ нетерпѣнія!

ФИМА [таинственно].

Сегодня въ канцеляріи, у генеральши, что-то произошло съ адъютантомъ!

НЕНЮКОВА.

Не можетъ быть! Что именно — не знаете?

ФИМА.

Вотъ видите, онъ затерялъ какую-то бумагу. Казначей, какъ вы знаете, уѣхалъ въ отпускъ и канцелярія теперь на рукахъ monsieur Стронскаго—а онъ такой поэтъ, никогда не помнитъ

ничего—а генеральша, вы знаете, ужасная формалистка, ни одной бумаги не пропуститъ. Ну, вотъ, у нихъ, говорятъ, и вышло довольно бурное столкновеніе!

НЕНЮКОВА.

Вы думаете, что столкновеніе можетъ имѣть серьезныя послѣдствія для Стронскаго?

ФИМА.

Нѣтъ, серьезнымъ это ничѣмъ не кончится. [Значительно]. Вы знаете: милые бранятся, только тѣшатся!

НЕНЮКОВА [тревожно].

Вы что этимъ хотите сказать, моя безцѣнная?

ФИМА [колко].

Ничего особеннаго... Я только повторяю то́, что говорятъ всѣ!

НЕНЮКОВА.

А что же говорятъ эти всѣ?

ФИМА.

Говорятъ, будто генеральша неравнодушна къ своему адъютанту!

НЕНЮКОВА.

Что же тутъ удивительнаго: онъ такъ аристократиченъ.

ФИМА.

Да, но злые языки утверждаютъ, что онъ отвѣчаетъ ей.

НЕНЮКОВА.

Не вѣрьте злымъ языкамъ, моя милая. Я могу вамъ ручаться за Стронскаго, что онъ не возьметъ на себя никакихъ иныхъ обязанностей, кромѣ канцелярскихъ!

ФИМА.

Почему же вы такъ увѣрены въ немъ?

НЕНЮКОВА [смѣшавшись].

Ахъ, Боже мой, потому что онъ былъ въ моей батареѣ... а я же должна знать своихъ офицеровъ! Наконецъ, онъ такъ любитъ все изящное, а генеральша, извините за выраженіе, скорѣй похожа на бомбардира, чѣмъ на свѣтскую даму... Нѣтъ, это все немыслимо, что вы мнѣ говорите! [Входитъ Митрофанъ].

МИТРОФАНЪ [зычно].

Пишша готова, ваше всклагородіе! Прикажете накрывать? [Фима вскакиваетъ съ кушетки].

НЕНЮКОВА.

Куда вы, куда вы, моя драгоцѣнная?

ФИМА.

Душенька, мнѣ пора...

НЕНЮКОВА.

Ну, вотъ пустяки,— совсѣмъ не пора! Это все виноватъ этотъ дуракъ... [Митрофану]. Убирайтесь прочь! Никогда не смѣйте входить, когда васъ не спрашиваютъ! [Митрофанъ исчезаетъ].

ФИМА.

Нѣтъ, голубушка, въ самомъ дѣлѣ пора. Я вѣдь къ вамъ всего на минутку заѣхала. Папа сейчасъ съ ученья придетъ...

НЕНЮКОВА.

Ахъ, pardon, совсѣмъ забыла спросить про Михаила Семеновича. Что онъ, здоровъ?

ФИМА.

Mercі, слава Богу. По обыкновенію, цѣлый день въ казармѣ. Вы знаете, служба — его слабость!

НЕНЮКОВА.

О, это рѣдкій офицеръ! Я ему такъ благодарна. Безъ него Пуля просто бы пропалъ... Жаль, жаль, что вы уже уходите, а

все этотъ противный Митрофанъ виноватъ. Онъ такой мужланъ, мнѣ столько съ нимъ хлопотъ...

ФИМА.

Ахъ, это всегда, пока они не привыкнутъ! У насъ теперь та же самая исторія. Однако, прощайте моя дорогая! Совсѣмъ засидѣлась... [Цѣлуются].

НЕНЮКОВА.

До свиданья, моя родная! Не забывайте меня! [Фима уходитъ].

V.

Ненюкова одна, потомъ **Ненюковъ.**

НЕНЮКОВА.

Противная дѣвчонка! Явилась нарочно, чтобъ меня разстроить... [Ходитъ]. Неужели это правда, что Нарциссъ измѣняетъ мнѣ? Право, не знаешь чему вѣрить: злымъ языкамъ или легкомыслію мужчинъ?!. Впрочемъ, я давно замѣчаю, что, съ назначеніемъ его на должность адъютанта, онъ какъ будто перемѣнился... Даже мнѣ показалось, что онъ сталъ чуть-чуть зазнаваться... Конечно, повышеніе по службѣ могло немножко вскружить ему голову, но я не хочу вѣрить, чтобъ онъ рѣшился на liaison съ Брусничной... [Останавливается]. Ну, а если?.. [Рѣшительно]. Ну, тогда я возьму себѣ Сидорова, а онъ пусть бѣсится... Да, сама судьба посылаетъ мнѣ въ утѣшеніе этого милаго мальчика! [Входитъ Ненюковъ].

НЕНЮКОВЪ.

Ну, что, шеръ, взбутетенила, какъ слѣдуетъ, господина свѣжепросольнаго прапорщика?

НЕНЮКОВА.

Пуля, что за выраженіе: «взбутетенила!» Напротивъ, я была съ нимъ очень любезна и даже пригласила его къ обѣду, потому что онъ прекрасный молодой человѣкъ.

НЕНЮКОВЪ.

Прекраснаго я въ немъ ничего не замѣтилъ и, по моему, совсѣмъ лишнее было приглашать его обѣдать!

НЕНЮКОВА.

Напротивъ, непремѣнно надо было пригласить, чтобъ хоть нѣсколько его ободрить. Ты, Пуля, своимъ крикомъ такъ его напугалъ, что я думала, что онъ упадетъ въ обморокъ.

НЕНЮКОВЪ [довольный].

Хе, хе, хе, небось пробралъ? Ничего, ничего, на будущее время будетъ умнѣе. Будетъ знать, что командиръ у него бѣдовый, что съ командиромъ не шути!..

НЕНЮКОВА.

Только пожалуйста, Пуля, будь съ нимъ за обѣдомъ повѣжливѣе! А то онъ все-таки петербургскій человѣкъ... я не знаю, что о насъ можетъ подумать! [Входитъ Митрофанъ].

МИТРОФАНЪ.

Его благородіе, прапорщикъ Сидоровъ!

НЕНЮКОВА.

Проси... проси!.. [Охорашивается передъ зеркаломъ].

НЕНЮКОВЪ.

Митрофанъ, обѣдъ готовъ?

МИТРОФАНЪ.

Такъ точно, ваше высокоблагородіе.

НЕНЮКОВЪ.

Что-жъ ты, чортова перечница, не накрываешь? Экій шаловый народъ — все имъ надо пальцемъ ткнуть, а такъ никому нѣтъ дѣла-съ!

НЕНЮКОВА.

Павелъ Петровичъ, что это такое? Изъ-за всякихъ пустяковъ... [Митрофану]. Да, да, накрывайте скорѣй! Да не забудьте, Митрофанъ, три прибора... и тарелки берите не съ нижней полки — тѣ съ изъяномъ, а сверху, фарфоровыя, что въ Таганрогѣ куплены... И потомъ, новую бутылку вина откупорите... И, смотрите, не забудьте чистыя салфетки вынуть, а то вы иногда Богъ знаетъ что такое подадите... И, пожалуйста, поскорѣй!!. [Митрофанъ уходитъ].

НЕНЮКОВЪ.

Что это у тебя, шерочка, за страсть баловать всякую мелюзгу? Скажите, какіе вдругъ онёры: и вино, и фарфоръ, и декольте, и не знаю еще что!..

НЕНЮКОВА.

Ахъ, пожалуйста, не мѣшайся! Тебѣ сказано разъ навсегда, что ты ничего не понимаешь въ свѣтскихъ тонкостяхъ! [Входитъ Сидоровъ; за нимъ слѣдуетъ Митрофанъ съ столовымъ приборомъ].

VI.

Ненюковъ, Ненюкова и Сидоровъ.

[Сидоровъ переодѣлся въ китель и держится нѣсколько развязнѣе. Войдя, по знаку Ненюковой, онъ прикладывается къ ея рукѣ, и затѣмъ, щелкнувъ шпорами, раскланивается съ Ненюковымъ].

НЕНЮКОВЪ [постепенно увлекаясь].

Вотъ такъ-съ, къ ручкѣ — вотъ это я понимаю... Вотъ это офицеръ! У меня уважать Аврору, она у меня рѣдкій человѣкъ! Погодите, она еще не такъ васъ навострить... Вы думаете: вы одни? А Стронскій? а Калмыковъ? а Гофманъ? Всѣ были такіе же недопеченые... а теперь, первые кавалеры въ бригадѣ! А кто ихъ выправилъ? — Аврора. Она у меня душа батареи! Я такъ и разсуждаю: кто любитъ жену — значитъ любитъ батарею... Кто не любитъ — не любитъ батареи... не любитъ артиллеріи!!.

НЕНЮКОВА.

Пуля, ты всегда утрируешь. [Хлопочетъ около стола].

НЕНЮКОВЪ.

Нисколько не утрирую. Ужъ что правда, то правда. Что касается манеръ, салонной посадки — это мое почтеніе! Эдакихъ грандъ-дамъ во всей дивизіи одна-двѣ, да и обчелся!.. [Вдругъ, серьезно]. Чортъ, изъ памяти вонъ: а вы являлись генеральшѣ?

СИДОРОВЪ.

Такъ точно-съ. Ея превосходительству имѣлъ честь представиться, а его превосходительство не удалось видѣть.

НЕНЮКОВЪ.

Эхъ, вы юноша, юноша! Порядковъ еще вы нашихъ не знаете. Его превосходительство у насъ на второмъ планѣ, а главный нашъ командиръ — генеральша. Бой-баба она у насъ! [Митрофанъ снова исчезаетъ].

НЕНЮКОВА.

Пуля, что же ты не предложишь monsieur Сидорову что нибудь закусить? Сейчасъ супъ подадутъ...

НЕНЮКОВЪ.

Ну-съ... какъ васъ, позвольте, по-батюшкѣ?

СИДОРОВЪ.

Сергѣй Ѳедорычъ.

НЕНЮКОВЪ.

Ну-съ, Сергѣй Ѳедорычъ, милости просимъ откушать хлѣба-соли... Прикладывайтесь безъ церемоніи!.. [Наливаетъ себѣ и пьетъ]. А вѣдь, хе, хе, хе, изрядную взбучку прописалъ тогда, а? [Сидоровъ улыбается]. Ничего, ничего, — привыкать надо... [Хлопаетъ его по плечу и опять пьетъ]. Такъ вы, выходитъ, намѣревались генералу явиться, а не генеральшѣ?.. Ахъ, вы, простота! Нашъ

генералъ вѣдь того, на другомъ положеніи... Какъ это про него Стронскій отмочилъ:

«Нашъ бригадный командиръ
Продалъ бабѣ свой мундиръ».

Остроумно, чортъ возьми! Вотъ, батюшка — Стронскій: поэтъ, талантъ. А откуда вышелъ? Изъ моей батареи. У меня, батюшка, всѣ офицеры чудесники. Напримѣръ, Калмыковъ, Яковъ Васильевичъ,— тотъ у насъ и трагедіи разыгрываетъ, и романсы распѣваетъ, а ужъ какой наѣздникъ — ф-фа, черкеса за поясъ заткнетъ!.. А штабсъ-капитанъ Гофманъ? И настройщикъ, и обойщикъ, и одинъ чортъ знаетъ, чего онъ не мастеритъ! А нашъ почтеннѣйшій Михаилъ Семеновичъ? Наизусть всѣ уставы произошелъ. Эдакаго службиста, государь мой, въ артиллеріи, днемъ съ огнемъ поискать! Да что и говорить: у меня въ батареѣ, что ни офицеръ — укоръ Европѣ!! [Митрофанъ вноситъ миску борща. Всѣ садятся за столъ. Ненюковъ посреди. Ненюкова vis-à-vis съ Сидоровымъ. Разливая борщъ, Ненюкова бросаетъ на прапорщика губительные взоры].

А. С. Шабельская.

ПО УЗЕНЬКОЙ ДОРОЖКѢ.

(НАБРОСКИ КАРАНДАШЕМЪ).

Онъ шелъ по дорогѣ среди засѣянныхъ полей. Былъ вѣтеръ, и высокая рожь волновалась подобно морю, звеня своими тяжелыми, созрѣвающими колосьями.

Ему казалось, что онъ никогда не видалъ такой густой и полной ржи. Почему всегда его тянетъ на это мѣсто? Даже когда поля чернѣютъ подъ паромъ, или засѣваются картофелемъ, онъ неизмѣнно идетъ сюда.

Мѣсто это представляло не особенно живописную, но довольно оригинальную картину. Кругомъ были разбросаны небольшія рощи, а за ними чернѣли лѣса, образуя какъ бы колоссальный паркъ, среди котораго лужайки вмѣсто травы засѣвались рожью, овсомъ и картофелемъ. Ему предстояло пройти первую рощу. Онъ прищурился и смотрѣлъ впередъ на дорогу, убѣгавшую подъ тѣнь высокихъ деревьевъ, и воспоминанія о чемъ-то очень далекомъ и очень дорогомъ подымались изъ глубины прожитой жизни и, подобно неуловимымъ призракамъ, охватывали его, навѣвая грусть и какое-то непонятное удовлетвореніе. Боже, какъ много лѣтъ и какъ много жизни лежало на его широкихъ плечахъ! И хотя ноги его ступали

несовсѣмъ твердо, онъ несъ голову, закинувъ назадъ, и держалъ плечи такъ же прямо, какъ въ то время, когда на нихъ красовался лейбъ-уланскій мундиръ, и голову его покрывали волны густыхъ каштановыхъ волосъ. Теперь черепъ его обнажился и блестѣлъ на солнцѣ. Шапки онъ не любилъ и ходилъ всегда съ непокрытой головой. Только въ непогоду можно было видѣть на немъ сѣрый картузъ съ большимъ безобразнымъ козырькомъ.

Это былъ человѣкъ, который никогда не подводилъ итоговъ своей жизни. Выходилъ ли онъ побѣдителемъ или побѣжденнымъ изъ жизненной борьбы, голова его всегда была полна мечтаній и проектовъ, а душа всегда была открыта для воспріятія новой борьбы и новаго краха.

Когда-то онъ былъ очень богатъ, когда-то онъ славился въ продолженіе двадцати лѣтъ какъ образцовый мировой судья, а теперь—старый, больной, въ скромной роли управляющаго, онъ такъ же ясно и довѣрчиво относился къ жизни, какъ и въ свои двадцать пять лѣтъ.

Когда онъ входилъ въ рощу, лѣвая нога его за что-то зацѣпилась и онъ едва не упалъ. Это были корни старой, старой сосны. Она стоитъ тутъ, у самой дороги, одинокая, вѣтвистая. Некрасива она, правда; но она знаетъ, что ее не тронетъ ни буря, ни рука человѣческая.

На что годится она, дуплистая, корявая, кривая,—а съ бурей она помѣряется своими безчисленными мощными вѣтвями. Александръ Юрьевичъ посмотрѣлъ на эту сосну. Это была его старая знакомая: всматриваясь въ нее, онъ часто сравнивалъ съ ней свое одинокое существованіе.

Толчокъ, который онъ получилъ, споткнувшись на ея корни, больно отозвался въ его спинѣ. Да, это было еще зимой. Выходя изъ окружнаго суда, онъ поскользнулся и упалъ спиной на каменныя ступени.

На мѣстѣ ушиба у него образовалась опухоль. Опухоль эта ростетъ и болѣзненность ея увеличивается пропорціонально ея росту. Въ умѣ его тотчасъ нарисовалась цѣлая картина суда. Онъ подавалъ жалобу на Ивана Суслика. Этотъ послѣдній даже во мнѣніи своихъ односельцевъ былъ настоящая разбойничья душа. Въ эту зиму онъ, съ помощью нѣсколькихъ смѣль-

чаковъ ночью разорилъ маленькую господскую усадьбу, которую крестьяне несправедливо оспаривали у помѣщика. Когда дѣло дошло до суда, всѣ его покинули. Александръ Юрьевичъ вспомнилъ, съ какимъ суровымъ достоинствомъ держалъ себя Иванъ. Онъ никого не выдалъ, отъ того, что совершилъ, не отрекался, и былъ приговоренъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію.

«Должно быть отсидѣлъ уже свой срокъ», подумалъ управляющій. Ему неоднократно совѣтовали остерегаться Ивана Суслика, но онъ такъ часто и такъ много прощалъ ему, что послѣднее обстоятельство, по его мнѣнію, было совершенно справедливымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ цѣлаго ряда проступковъ, совершенныхъ этимъ неугомоннымъ человѣкомъ.

Опять передъ нимъ роща. Здѣсь, на опушкѣ ея, протоптана узенькая тропинка. Она пересѣкаетъ большую дорогу и затѣмъ вьется среди полей. Земля на ней какъ бы звенитъ подъ ногами проходящихъ. Теперь, когда по обѣимъ сторонамъ ея колыхалась высокая рожь, дорожка эта казалась необычайно заманчива и поэтична. Александръ Юрьевичъ остановился. Какъ жаль, что онъ не взялъ съ собой дѣтей помѣщика, чтобы показать имъ эту аллею карликовъ! Въ немъ самомъ зашевелилось почти дѣтское желаніе непремѣнно пройтись вдоль этой узкой полосы. Нигдѣ среди ржи не было видно вытоптанныхъ мѣстъ. Здѣсь, на этой узенькой тропинкѣ, было не до игръ и не до шутокъ. Здѣсь люди проходили спѣшно и твердо попирали землю ногами. Дорожка все бѣжала какъ будто съ горы, увлекая его за собой.

Впереди была небольшая ложбинка и тамъ рожь засѣла такой густой щеткой, что невозможно было пробраться сквозь нее. Солнце клонилось къ западу и косые лучи его окрашивали все это море волнующейся ржи густымъ лиловато-розовымъ цвѣтомъ. Такимъ же точно цвѣтомъ были окрашены облака. Они причудливыми зигзагами поднимались надъ солнцемъ и расходились дальше въ видѣ разорванной нѣжно-розовой пелены.

Полюбовавшись на рожь, онъ повернулъ было назадъ, но ему жаль было разстаться съ этимъ мѣстомъ. Онъ точно стоялъ среди волнующагося розоваго моря. Багровый закатъ клалъ на ближайшіе предметы свои яркія краски, отчего дальніе лѣса.

уходившіе на востокъ, казались еще болѣе темными и еще болѣе таинственными.

Съ высоты своего громаднаго роста онъ видѣлъ за рожью безконечныя поруби. Бортныя сосны *), пощаженныя топоромъ, вырѣзывались подобно гигантскимъ сторожамъ на багровомъ горизонтѣ. Сколько вѣковъ прошло передъ ними,—теперь онѣ стоятъ, опустивши свои могучія вѣтви, не защищенныя отъ солнца и непогоды, на половину высохшія и съѣденныя червями. Молодой лѣсокъ, точно трава, колышится у ихъ ногъ. Онъ стоялъ, весь охваченный прелестью разстилавшейся передъ нимъ картины и все, что было тяжелаго и горькаго въ его жизни, молчало гдѣ-то далеко, далеко. Онъ смутно чувствовалъ, что въ такія минуты онъ сливается съ Богомъ, который нерѣдко сходилъ въ его душу.

Нельзя было однако стоять здѣсь вѣчно, и онъ медленно повернулся и пошелъ обратно все съ тѣмъ же приподнятымъ чувствомъ удовлетворенія.

Вдругъ до слуха его стали доноситься чьи-то торопливые шаги, ближе, ближе... Онъ обернулся:—передъ нимъ стоялъ Иванъ Сусликъ. Въ одной рукѣ была его смушковая шапка, а другой — онъ поддерживалъ что-то. Александъ Юрьевичъ увидѣлъ, что у него былъ топоръ за плечами.

— Здравствуй, Иванъ, сказалъ онъ.

— Здорово, проговорилъ Иванъ совсѣмъ какъ-то беззвучно, не поднимая на него глазъ.

По тону его привѣтствія Александръ Юрьевичъ почувствовалъ, что Иванъ Сусликъ его врагъ.

— Ну, что, отсидѣлъ? спросилъ онъ.

Иванъ вскинулъ на него свои большіе сѣрые глаза, и ничего не отвѣтилъ. Во взглядѣ этихъ суровыхъ глазъ и сжатыхъ губахъ, Александръ Юрьевичъ прочелъ столько ненависти и злобы, что сердце его учащенно забилось и мурашки забѣгали по спинѣ. Нужно было не показать Ивану, что онъ его испугался.

— Ну, иди себѣ, проговорилъ Александръ Юрьевичъ, отступая немного въ рожь, и очищая ему дорогу.

---

*) Бортная сосна,—это сосна, въ дуплѣ которой пчелы кладутъ медъ.

— Пану попереду итти, а мини, мужику, по заду, проговорилъ Иванъ, опять вскидывая на него глаза, полные ненависти.

Александръ Юрьевичъ тотчасъ сообразилъ, что въ настоящую минуту отъ него, какъ онъ поведетъ себя, зависитъ, быть можетъ, его жизнь. Внутри его точно начинало все застывать, образуя какую-то тяжелую давящую пустоту. Онъ глубоко втянулъ въ себя воздухъ и проговорилъ все тѣмъ же покойнымъ, ласковымъ голосомъ:

— Я гуляю, а тебѣ, вѣрно, къ спѣху?

— И мини не къ спиху, я въ Озерахъ дрова рубавъ, отвѣчалъ Иванъ, не двигаясь впередъ.

Нельзя было далѣе стоять на одномъ мѣстѣ. Александръ Юрьевичъ почувствовалъ жгучее желаніе схватить Ивана за шиворотъ, повалить на землю и отнять у него топоръ. Когда-то онъ могъ справиться съ двумя, подобными Ивану, но теперь, куда ужъ! Лѣвая рука его почти не дѣйствовала отъ опухоли на спинѣ. А сама опухоль! Попробуй кто прикоснуться къ ней, онъ свѣта не взвидитъ отъ боли. Ужъ если Иванъ захочетъ его убить, то все равно одолѣетъ и убьетъ, ему не скрыться. Всѣ эти мысли вихремъ пронеслись въ его головѣ, онъ опять втянулъ въ себя воздухъ, повернулся и медленно зашагалъ.

Иванъ шелъ за нимъ, не отставая ни на одинъ шагъ. Сапоги его, подбитые гвоздями, гулко стучали по утрамбованной дорожкѣ и въ каждомъ звукѣ Александръ Юрьевичъ слышалъ себѣ угрозу.

Въ душѣ Ивана происходила цѣлая буря ощущеній. Всегда, съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнитъ, онъ чувствовалъ какую-то непріязнь къ господамъ. Положимъ, настоящихъ господъ онъ никогда не зналъ. Сначала въ барскомъ флигелѣ жилъ управляющій прежняго владѣльца, несправедливый, жестокій и придирчивый человѣкъ. Съ нимъ не разъ приходилось считаться и однажды за одинъ проигранный процессъ онъ, Иванъ, лишился всего своего имущества. Тотъ любилъ больше всего наказать мужика рублемъ. Потомъ въ продолженіе десяти лѣтъ имѣніемъ владѣли арендаторы. При арендаторахъ началось для Ивана нѣчто совсѣмъ уже скверное. Арендаторы постоянно ссорились съ владѣльцемъ и его лѣсниками. Онъ, Иванъ, былъ избранъ ими, какъ орудіе мести. Онъ воровалъ, поджигалъ лѣса. Однажды

лѣсники поймали его съ зажженной паклей въ рукахъ, и избили чуть не до полусмерти. Два мѣсяца провалялся онъ, едва рукъ и ногъ не лишился. Это было самое ужасное время въ его жизни. Онъ былъ человѣкъ умный, и не могъ не чувствовать всей унизительности своего положенія; и въ продолженіе всѣхъ этихъ десяти лѣтъ онъ, не переставая, пилъ, точно желая запить нѣчто, что постоянно копошилось и протестовало въ глубинѣ его души. Бунтовать за какихъ-то неизвѣстно откуда взявшихся людей, которые пользовались его услугами и затѣмъ почти всегда предавали его,— развѣ это не позоръ? Когда имѣніе перешло къ новому владѣльцу и поселился этотъ такъ называемый довгій*) управляющій, дѣла приняли совсѣмъ другой оборотъ. Онъ, этотъ довгій, никогда не ссорился, былъ даже очень добръ, если его о чемъ нибудь просили, на зато горой отстаивалъ интересы своего довѣрителя. Девизъ его былъ: «пусть насъ судъ разсудитъ».

Когда случалось у крестьянъ какое нибудь запутанное дѣло, они шли къ нему и онъ распутывалъ всѣ ихъ недоразумѣнія, и часто являлся даровымъ ходатаемъ за нихъ въ судѣ. Онъ никогда не позволялъ себѣ никакого насилія и никакого самоуправства, но зато въ другихъ не терпѣлъ ни того, ни другого.

На Ивана находили минуты, въ которыя онъ готовъ былъ примкнуть къ тѣмъ, которые любили Александра Юрьевича и не случись послѣдней исторіи съ разореніемъ господской усадьбы, неизвѣстно, что бы онъ чувствовалъ въ настоящее время, идя съ топоромъ въ рукахъ, позади врага своего, на этой узенькой тропинкѣ. Теперь же онъ былъ преисполненъ ненависти и злобы. Три мѣсяца просидѣть по его милости къ острогѣ! Вся эта исторія разоренія усадьбы такая тяжелая, такая горькая. Когда онъ о ней вспоминалъ, въ душѣ его закипала злоба и ему хотѣлось драться поочередно съ каждымъ изъ участвовавшихъ въ ночной экспедиціи. Видъ Александра Юрьевича всполошилъ въ немъ все, что было наболѣвшаго, тяжелаго и постыднаго въ его жизни. И всегда, вѣдь, онъ былъ бѣденъ, всегда за что нибудь отвѣчалъ, всегда кому нибудь причинялъ пакости. Его

*) Долгій, длинный.

ловили, били, шельмовали. Подчасъ ему становилось до того невыносимо въ его нетопленной хатѣ, безъ хлѣба, безъ денегъ, безъ надеждъ; кажется, острогъ и смерть лучше той жизни, какую онъ велъ. Онъ даже не помнилъ, было ли ему когда нибудь вполнѣ хорошо. Главное, никто его не любилъ, всѣ имъ пользовались, но чтобъ помочь ему,— нѣтъ. Онъ какъ-то нелѣпо, дико пришелъ къ полному разоренію. Земля его была давно законтрактована другому хозяину, деньги пропиты, и не было способовъ возвратить ее когда нибудь. А между тѣмъ гдѣ-то тамъ, на днѣ души его жила потребность чего-то лучшаго. Что-то по временамъ бродило въ немъ. Взять, напримѣръ, хоть его женитьбу. Вѣдь за нее онъ готовъ былъ въ огонь и въ воду, но все это потонуло въ сумятицѣ его нелѣпой жизни. Въ настоящую минуту онъ всѣхъ, всѣхъ ненавидѣлъ, и особенно этого довгаго, который шагалъ впереди его. Все судъ да судъ. Вотъ судъ и продержалъ его три мѣсяца въ острогѣ, и всѣ помощники его попрятались. Хватить бы этакъ топоромъ сзади, сволочить въ оврагъ и пусть ищутъ, а и найдутъ не бѣда:— запираться не станетъ. Невтерпежъ ему подобныя обиды. Не укралъ, не обобралъ, и по злобѣ людской въ острогъ попалъ. И этого убить,— не для того, чтобы обокрасть, а для того, что жизнь проклятая.— Они подходили къ оврагу. Въ душѣ Ивана поднималось и росло нѣчто черное и страшное. Онъ посмотрѣлъ на Александра Юрьевича,— тотъ шелъ, перегнувшись всѣмъ корпусомъ на одну сторону, шелъ своей неровной старческой походкой, точно цѣпляясь за что-то невидимое лѣвой ногой. Длинная тонкая шея загорѣла и завалилась, образуя впадины около позвонковъ и ушей, отчего эти послѣднія неестественно торчали. Какъ ни былъ Иванъ зло настроенъ, но видъ этой старческой спины — и особенно красной тонкой шеи — смутилъ его и въ немъ, какъ молнія, сверкнула мысль: «Повернется — убью, не повернется—стыдно точно». Что «точно»? Никакое сопоставленіе не успѣло еще родиться въ его сознаніи, какъ Александръ Юрьевичъ быстро обернулся.

— Хороша рожь въ этомъ году, Иванъ,— проговорилъ онъ опять, ласково.

— Якъ у мене ій нема, такъ мини що, отвѣтилъ Иванъ, и вдругъ быстро снялъ топоръ съ плеча. Александръ Юрьевичъ

такъ же быстро отвернулся и зашагалъ впередъ. Сердце его стучало, подобно молоту въ груди. Онъ инстинктивно нагнулся впередъ, точно желая уберечь голову отъ удара. Правая рука его судорожно крестила грудь маленькими, учащенными крестиками. Если Иванъ захочетъ убить его, все равно отъ него не убѣжишь и не спрячешься на этой узенькой тропинкѣ. Какъ ни была тяжела и горька его жизнь, какъ часто ни звалъ, ни молилъ онъ смерть на помощь, но погибнуть здѣсь такъ безславно, отъ руки такого же человѣка, какъ и онъ! Нѣтъ, въ этомъ было нѣчто до того страшное, что вся картина, которой онъ беззавѣтно любовался, и густая рожь, и виднѣвшаяся поверхъ колосьевъ темная курчавая зелень,— все это было полно теперь ужаса и холода могилы. Красноватый отблескъ, бросаемый закатомъ, точно кровавая пелена застилалъ ему зрѣніе. Воздухъ былъ напоенъ ядомъ смерти. Дыханіе, расширяя грудь, не облегчало, а напротивъ, причиняло ему глухую боль. Онъ шелъ съ открытымъ ртомъ, съ побѣлѣвшими губами, съ выраженіемъ ужаса на старческомъ лицѣ, а сзади мѣрно стучали шаги Ивана. Вдругъ они смолкли... Чтобъ это значило? Кровь ударила ему въ голову и весь онъ вздрогнулъ отъ радостнаго сознанія, что Иванъ, можетъ быть, нарочно отстаетъ отъ него. Ему до страсти, до боли хотѣлось оглянуться, но онъ превозмогъ себя и продолжалъ шагать впередъ. Опять до его напряженнаго слуха стали доноситься звуки шаговъ.

Теперь ему казалось, что Иванъ не идетъ, а бѣжитъ за нимъ. Каждый шагъ, точно проникая черезъ его больную спину, стучалъ ему въ сердце. Горло его сдавила спамза и онъ боялся, что ему не хватитъ дыханія, онъ упадетъ и тогда ужъ, навѣрное—конецъ... Онъ не смотрѣлъ по сторонамъ и не зналъ, прошли ли они оврагъ; казалось, узенькая тропинка не только не приближалась къ большой дорогѣ, а точно убѣгала отъ нея. Нигдѣ ни души. Все мертво и страшно.

Иванъ прекрасно видѣлъ, что они прошли оврагъ, онъ даже остановился и посмотрѣлъ на обѣ стороны, не отдавая себѣ яснаго отчета, зачѣмъ нужно было останавливаться, точно онъ хотѣлъ измѣрить глазами—далеко ли придется ему тащить трупъ врага своего. Когда онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ вслѣдъ Александру Юрьевичу, тотъ былъ уже далеко. Это обстоятельство дало другое

направленіе его чернымъ мыслямъ. Какъ всѣ крестьяне, онъ былъ немного фаталистъ. То, что онъ встрѣтилъ управляющаго на узенькой дорожкѣ, было какъ бы свыше предназначено для того, чтобъ онъ, Иванъ, отомстилъ ему. Теперь, увидя врага, отошедшаго отъ него на большое разстояніе, Иванъ почувствовалъ, что здѣсь вмѣшалась опять какая-то тоже высшая невѣдомая сила. Эта сила избавила его отъ грѣха. Ему виднѣлась только лысая голова Александра Юрьевича, она была вся залита пурпурнымъ отблескомъ. Иванъ смотрѣлъ на эту голову и что-то новое возникло внутри его. Какое-то никогда не испытанное имъ чувство примиренія совсѣмъ охватывало его и гнало черныя мысли. Ему казалось, что никогда не видалъ онъ такой густой ржи, какъ въ этомъ году, такой курчавой зелени, какъ на дальнихъ лѣсахъ. Тамъ, надъ селомъ, вьется дымъ,—это дымъ его хаты. Клубы пыли поднимаются и падаютъ,—это пастухъ гонитъ скотъ, и его бычекъ тамъ. Онъ выйдетъ изо ржи, повернетъ налѣво и пойдетъ въ село. Тамъ ждутъ его. Жена поставитъ горячій борщъ на столъ. Весь день онъ питался однимъ сухимъ хлѣбомъ. И сегодня, и завтра, и много дней онъ будетъ свободно проходить этой узенькой дорожкой въ Озеры безъ тяжкаго грѣха на душѣ. Пусть его предавали и шельмовали, въ настоящую минуту онъ никому не желаетъ лиха*). Пусть все живетъ на землѣ, ходитъ и дышетъ. Какія большія поля, какая тяжелая рожь,— всѣмъ, всѣмъ хлѣба хватитъ. Ему хотѣлось догнать Александра Юрьевича и сказать ему что нибудь пріятное. Онъ догналъ его, онъ шелъ почти вплотную за его спиной. Ему слышно было тяжелое, прерывистое дыханіе управляющаго. Ему стало жаль его. Тоже, вѣдь, старый, тоже работаетъ, не надъ своимъ старается, за кусокъ хлѣба... ему тоже жить хочется, дѣти... повадка господская. Можетъ быть, будь свое, онъ бы и не сталъ людей въ острогъ сажать. Онъ вздохнулъ полной грудью, со стономъ, какъ человѣкъ, который задыхался подъ бременемъ тяжелыхъ мыслей и вдругъ нашелъ выходъ изъ нихъ. Дорожка быстро приближалась къ концу. Александръ Юрьевичъ ступилъ на нее съ необъяснимымъ чувствомъ радости, точно онъ безнадежно носился по морю и наконецъ при-

*) Зла.

чалилъ къ берегу, точно онъ умиралъ страшной смертью и вдругъ ожилъ для лучшей жизни. Изъ его груди тоже вырвался стонъ облегченія.

— Заморились, пане, сказалъ Иванъ, глядя на него своими большими глазами.

Александръ Юрьевичъ прочелъ въ этихъ глазахъ міръ и прощеніе себѣ. Ему стало жаль Ивана. Зачѣмъ онъ его заподозрилъ; быть можетъ Ивану и не грезилось посягать на его жизнь. Хорошо, что онъ твердо шелъ впередъ, не оглядываясь, не кинулся обезаруживать его.

— Старъ я сталъ, Иванъ, и спина болитъ, проговорилъ Александръ Юрьевичъ.

— И-и-и, отвѣтилъ Иванъ,—якъ що болыть у чиловика, такъ вже ни до веселья.

— Ужъ какое тамъ веселье, продолжалъ Александръ Юрьевичъ.—Всѣ мы работать должны, до самой смерти работать, такъ вѣдь, Иванъ?

— Оно такъ, пане. Була бы тилько работа.

Они пошли рядомъ и мирно бесѣдовали. Иванъ жаловался на свое горькое житье, а Александръ Юрьевичъ обѣщалъ помочь ему.

Но съ этого достопамятнаго дня ему стало казаться, что онъ быстро приближается къ могилѣ. Какъ будто онъ уже находился за предѣлами здѣшняго міра, и ему данъ только временный, краткій отпускъ на землю.

В. В. Билибинъ (Діогенъ-Игрекъ).

ШУТЛИВАЯ ЗАМѢТКА.

Тѣнь великаго Пушкина не обидится на меня за эту шутливую замѣтку по поводу «Евгенія Онѣгина». Муза Пушкина и сама была не прочь пошалить и порѣзвиться.

Вотъ что говоритъ Пушкинъ, разставаясь съ читателемъ своего «Евгенія»:

...«Чего бы ты за мной
Здѣсь не искалъ въ строфахъ небрежныхъ:
Воспоминаній-ли мятежныхъ,
Отдохновенья-ль отъ трудовъ,
Живыхъ картинъ, иль острыхъ словъ,
Иль грамматическихъ ошибокъ —
Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты,
Для развлеченья, для мечты,
Для сердца, для журнальныхъ сшибокъ,
Хотя крупицу могъ найти»...

Моя замѣтка написана «для развлеченья». И я, какъ видите, уже получилъ отъ творца «Евгенія Онѣгина» отпущеніе моего литературнаго грѣха.

А что именно я искалъ и нашелъ въ «строфахъ небрежныхъ» Пушкина, то благосклонный читатель увидитъ ниже.

* *
*

— Сколько лѣтъ было Евгенію Онѣгину?

На этотъ вопросъ одна дама, абонентка русской и итальянской оперы, отвѣчала, не задумываясь:

— Подъ сорокъ...

Это—впечатлѣніе оперная Евгенія Онѣгина.

Оперный Евгеній Онѣгинъ, да и Ленскій, дѣйствительно, смотрятъ зрѣлыми мужчинами. Нерѣдко они даже успѣвали отростить себѣ брюшко. Особенно Евгеній, котораго поютъ баритоны. Оперные баритоны, подобно соборнымъ дьяконамъ, всегда почему-то обнаруживаютъ наклонность къ преждевременной полнотѣ.

Одного оперная баритона, перешедшаго на теноровыя партіи, спросили:

— Зачѣмъ вы это сдѣлали?

— Чтобы похудѣть, отвѣтилъ пѣвецъ.

Сколько же лѣтъ было Евгенію Онѣгину, не оперному, а настоящему?

Во время поединка съ Ленскимъ, Онѣгину было 26 лѣтъ.

У Пушкина сказано, что Онѣгинъ —

«Убивъ на поединкѣ друга,
Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ,
До двадцати шести годовъ,
Томясь бездѣйствіемъ досуга,
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Ничѣмъ заняться не умѣлъ».

И, оставивъ деревню, онъ отправился путешествовать.

До переѣзда въ деревню (когда заболѣлъ дядя), Онѣгинъ восемь лѣтъ занимался флиртомъ:

«Вотъ какъ убилъ онъ восемь лѣтъ,
Утратя жизни лучшій цвѣтъ».

Значитъ, Онѣгину, въ началѣ романа былъ восемнадцатый годъ.

Вторая встрѣча Онѣгина съ Татьяной, которая уже вышла замужъ за князя, произошла тогда, когда Евгенію было подъ тридцать.

Онѣгинъ спрашиваетъ князя, давно-ли онъ женатъ?

— Около двухъ лѣтъ, отвѣчаетъ князь.

Если предположить, что прошло около года между смертью Ленскаго и замужествомъ Ольги, да столько же времени протекло, покуда Татьяну свезли въ Москву, да посватался къ ней князь, да сыграли свадьбу, да переѣхали новобрачные въ Петербургъ, и еще, со словъ самого князя, накинуть два года, то и насчитаемъ Евгенію всѣ тридцать лѣтъ.

Значитъ, оперные баритоны почти правы.

* *
*

Какъ звали Евгенія Онѣгина по-батюшкѣ?

Никакихъ указаній у Пушкина нѣтъ.

Татьяну и Ольгу Ларинныхъ звали по-батюшкѣ Дмитріевны. Татьяна Дмитріевна и Ольга Дмитріевна. Онѣ были дочерьми бригадира.

Но какъ звали по-батюшкѣ Евгенія Онѣгина и Владиміра Ленскаго, неизвѣстно.

Ольга Дмитріевна Ларина была свѣжая, румяная блондинка съ небесно-голубыми глазками, не очень полненькая, характера вѣселаго, немножко кокетка.

«Глаза, какъ небо, голубые,
Улыбка, локоны льняные»...
...«Легкій станъ»...

Легкій станъ не бываетъ у полненькихъ.

Татьяна Дмитріевна не отличалась румяной свѣжестью своей сестры. Вѣроятно, она была брюнетка, со смуглымъ цвѣтомъ лица, худощава, болѣзненна.

Татьяна Дмитріевна задумчива и мечтательна. Она очень мало спала — «любила на балконѣ предупреждать зари восходъ», — по ночамъ читала романы и видѣла страшные сны.

Пушкинъ не описываетъ наружности Онѣгина. Извѣстно только, что Онѣгинъ —

«Остриженъ по послѣдней модѣ,
Какъ денди лондонскій одѣтъ».

Ленскій, въ противоположность Онѣгину, носилъ очень длинные волосы. Это былъ румяный красавецъ.

«Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ»...
...«Кудри черныя до плечъ».

Тогда уже существовала мода, что поэты не стриглись и носили длинные волосы.

Эта мода почти сохранилась до нашихъ дней. Музыканты, поэты, художники носятъ длинные волосы какъ бы въ доказательство своихъ творческихъ силъ.

Прическа à la Самсонъ.

Если выстричь поэта или художника подъ гребенку, то онъ, пожалуй, утратитъ способность вдохновляться.

* *
*

Онѣгинъ получилъ, какъ говорится, «домашнее воспитаніе». Авторъ, какъ бы извиняясь за своего героя, говоритъ:

«Мы всѣ учились понемногу,
Чему нибудь и какъ нибудь».

Воспитателемъ Онѣгина, послѣ madame, состоялъ monsieur l'Abbé, французъ убогій.

Что же зналъ Евгеній?

Онъ совершенно свободно изъяснялся и писалъ по-французски, понималъ немного по-латыни, зналъ кое какіе историческіе анекдоты и былъ знакомъ съ политической экономіей.

Съ такимъ-то багажемъ знаній, Евгеній, восемнадцатилѣтнимъ юношей, почти мальчикомъ, вступилъ въ свѣтъ и, отъ нечего дѣлать, принялся на практикѣ изучать «науку страсти нѣжной, т.-е. волочиться и ухаживать.

Вотъ какъ проводитъ Онѣгинъ день:

Встаетъ поздно и ѣдетъ «на бульваръ», гдѣ гуляетъ на просторѣ. Подъ бульваромъ здѣсь надо разумѣть Невскій проспектъ, нѣкогда усаженный деревьями. Впослѣдствіи деревья срубили, а теперь опять хлопочутъ о древесныхъ насажденіяхъ въ Петербургѣ. Такъ повторяется исторія...

Обѣдъ у Talon. И тогда уже славились въ Петербургѣ французскіе рестораны. За обѣдомъ — шампанское. Послѣ обѣда — въ балетъ. Тамъ танцуетъ Истомина. Истомина увѣковѣчена пе-

ромъ Пушкина. Тогда еще не было принято приглашать на гастроли иностранныхъ балеринъ. Современные поэты не воспѣваютъ балеринъ ни отечественныхъ, ни иностраннаго привоза. Можетъ быть, во времена Евгенія Онѣгина балерины танцовали лучше. Во всякомъ случаѣ, балетъ тогда, видимо, процвѣталъ, а оперный и драматическій театры были въ упадкѣ. И не только въ Петербургѣ, но также и въ Москвѣ.

Въ оперѣ, по словамъ Пушкина, «Мельпомены бурной протяжный раздается вой», и она «машетъ мантіей мишурной предъ хладною толпой». А Талія «тихонько дремлетъ и плескамъ дружескимъ не внемлетъ».

Словомъ, въ оперѣ и въ драмѣ мало публики, спектакль идетъ вяло и скучно.

А въ балетѣ —

«Театръ ужъ полонъ; ложи блещутъ;
Партеръ и кресла,— все кипитъ,
Въ райкѣ нетерпѣливо плещутъ».

Времена мѣняются. Мода на балетъ прошла. И нынче цѣлая газетная литература создалась по вопросу о томъ, какъ доставать билеты въ оперу.

Не дождавшись окончанія балета, Онѣгинъ уѣзжаетъ домой переодѣться и потомъ стремглавъ скачетъ на балъ «въ ямской каретѣ».

Онѣгинъ, значитъ, не держалъ собственныхъ лошадей,—что объясняется разстроенными дѣлами его папаши.

Удивительно только, что лошади извозчичьей, наемной, кареты, бѣгали въ то время такъ шибко.

Онѣгинъ подъѣзжаетъ въ ямской каретѣ къ великолѣпному дому, который «усѣянъ плошками» кругомъ. Тогда подобная иллюминація казалась блистательной.

Танцуютъ мазурку.

Мазурка въ то время была, кажется, самымъ любимымъ танцемъ. Танцуютъ мазурку въ Петербургѣ, въ деревнѣ на именинахъ у Татьяны Дмитріевны, въ Москвѣ.

Не танцующіе играютъ въ вистъ. Винтъ еще не былъ изобрѣтенъ.

Вистомъ не особенно увлекались.

...«Равнодушный гость
На вистъ вечерній пріѣзжаетъ;
Садится; кончилась игра —
Онъ уѣзжаетъ со двора,
Спокойно дома засыпаетъ».

Сравните съ нынѣшними винтерами!

Онѣгинъ возвращается съ бала, когда «Петербургъ неугомонный ужъ барабаномъ пробужденъ», и булочникъ, «нѣмецъ аккуратный, въ бумажномъ колпакѣ, не разъ ужъ отворялъ свой васисдасъ».

Ничего этого теперь нѣтъ. Утромъ насъ, петербуржцевъ, не будитъ барабанный бой, а булки не продаются въ форточку.

Кстати, вотъ еще черты стараго Петербурга по «Евгенію Онѣгину».

Онѣгинъ любилъ весеннею почью гулять по набережной Невы и стоять, опершись на гранитъ.

«Все было тихо; лишь ночные
Перекликались часовые»...
...«Лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей рѣкѣ»...
...«Плѣняли вдалекѣ
Рожокъ и пѣсня удалая»...

Часовые въ Петербургѣ не перекликаются. Вмѣсто лодокъ по Невѣ шмыгаютъ финляндскіе пароходы. Слышны звуки не рожка, а пароходныхъ свистковъ.

* *
*

Еще о тогдашней старинѣ:

Дѣлать визиты или разсылать визитныя карточки было принято не на новый годъ, а на Рождество.

Пушкинъ, описывая родныхъ вообще, говоритъ, что это— люди, которыхъ мы обязаны, по обычаю народа, о Рождествѣ навѣщать или по почтѣ поздравлять.

Путешествовали въ старину на лошадяхъ. Когда Ларины собрались изъ деревни въ Москву, то на дворъ ввели, не много, не мало, «восемнадцать клячъ». Ларины ѣхали на перекладныхъ и, по словамъ Пушкина «тащились» до Москвы семь сутокъ.

Дороги были плохи. Мосты сгнили. На станціяхъ «клопы да блохи заснуть минуты не даютъ».

«Трактировъ нѣтъ. Въ избѣ холодной
Высокопарный, но голодный
Для виду прейсъ-курантъ виситъ
И тщетный аппетитъ дразнитъ».

На почтовыхъ ѣздили быстрѣе, особенно зимой.

«Дорога зимняя гладка,
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, тѣша праздный взоръ,
Въ глазахъ мелькаютъ, какъ заборъ».

Мечтая объ улучшеніи путей сообщенія, Пушкинъ предсказывалъ, что лѣтъ черезъ пятьсотъ—

«Шоссе Россію здѣсь и тутъ
Соединивъ, пересѣкутъ;
Мосты чугунные чрезъ воды
Шагнутъ широкою дугой;
Раздвинемъ горы; подъ водой
Пророемъ дерзостные своды,
И заведетъ крещеный міръ
На каждой станціи трактиръ».

Текущая дѣйствительность далеко превзошла поэтическія прозрѣнія. Не шоссе, а желѣзныя дороги Россію, соединивъ, пересѣкли.

И почти на каждой желѣзнодорожной станціи крещеный и не крещеный міръ завелъ буфетъ, а не трактиръ.

Можно сказать, что, путешествуя по желѣзнымъ дорогамъ, мы больше ѣдимъ, чѣмъ ѣдемъ.

Д. Н. Кайгородовъ.

НА ДЕРЕВЕНСКОЙ РѢЧКѢ.

Былъ теплый, свѣтлый майскій вечеръ. Солнце только что сѣло. На песчаномъ берегу деревенской рѣчки, на старомъ, забытомъ бревнѣ, сидѣлъ съ непокрытой головой, опершись подбородкомъ и обѣими руками на изящную трость, совсѣмъ сѣдой, но съ виду еще бодрый, старикъ. Его коротко остриженные волосы, также какъ и короткая сѣдая борода, и лежавшая рядомъ на бревнѣ соломенная шляпа, отражали свѣтъ вечерней зари. Глаза старика были устремлены на загоравшуюся прямо передъ нимъ, на золотистомъ небосклонѣ, вечернюю звѣзду. На лицѣ, сохранившемъ еще слѣды былой красоты, лежалъ отпечатокъ свѣтлой мысли; въ глазахъ отражалось возвышенное душевное настроеніе.

Изъ калитки дома, стоявшаго на краю высокаго и довольно крутого берега — почти надъ самымъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежало забытое бревно — вышелъ юноша, лѣтъ 18-ти, и постоявъ минутку, сталъ быстро спускаться по плохонькой деревянной лѣсенкѣ къ рѣкѣ. Вслѣдъ за нимъ выпырнула изъ-подъ воротъ того же дома собаченка, и, быстро промелькнувъ мимо спускавшагося юноши, чуть не кубаремъ скатилась по крутой дорожкѣ

протоптанной рядомъ съ лѣсенкой. Мигомъ очутившись около сидѣвшаго на бревнѣ старика, она вскочила, рядомъ съ нимъ на бревно, ткнула мордой подъ локоть, снова соскочила, подбѣжала къ водѣ и принялась пить.

Спустя минуту, юноша, ловкимъ прыжкомъ перемахнувъ чрезъ нѣсколько послѣднихъ ступенекъ, подбѣжалъ къ бревну.

— А мама вѣрно угадала, что ты ушелъ къ рѣкѣ, проговорилъ онъ, слегка запыхавшись.—Мы никто не видѣли, какъ ты вышелъ.... думали все еще пишешь....

Затѣмъ онъ подошелъ къ рѣчкѣ и, наклонившись, поболталъ рукой въ водѣ:

— Однако вода-то уже какая теплая — пожалуй завтра можно будетъ и купаться.

Вынувъ платокъ, вытирая руки и возвращаясь къ бревну, онъ добавилъ:

— А я за тобой, дѣдушка: самоваръ ужъ на столѣ...

— Ничего, пусть постоитъ, не сразу послѣдовалъ отвѣтъ.— Не убѣжитъ.... Вотъ майскіе вечера такъ убѣгаютъ... и не скоро возвращаются. Да не для всякаго и возвращаются, добавилъ дѣдушка, снимая съ бревна свою шляпу и освобождая подлѣ себя мѣсто.—Присядь. Посидимъ еще немножко,—жаль разставаться съ такимъ вечеромъ. Полюбуемся, послушаемъ...

Юноша сѣлъ. Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи.

— Какъ хороша сегодня заря, проговорилъ дѣдушка,—какъ нарядна! Какіе теплые, мягкіе, ласкающіе глазъ тона. Какой воздухъ,—ароматъ!..—А соловей-то?!.

— Восхитительный! отозвался полушопотомъ юноша.

— И какъ славно аккомпанируютъ ему перепелъ и кукушка— совсѣмъ какъ въ бетховенской симфоніи...

По рѣкѣ слабо донесся отдаленный благовѣстъ. На поверхности воды, то здѣсь, то тамъ расходились круги—играла рыба, предвѣщая на завтра хорошее утро. На быстринѣ ближняго переката, какъ маятникъ качался торчавшій изъ воды колъ, оставленный рыбаками, и гармонично журчала струя воды. Гдѣ-то, въ прибрежныхъ камышкахъ, тихо покрякивали утки. За рѣкой, на заливномъ лугу, поднимался легкій туманъ и кричалъ коростель — то, казалось, совсѣмъ близко, то, черезъ минуту,

будто гдѣ-то далеко. Жалобно посвистывалъ куличекъ, безпрестанно перелетая черезъ рѣчку, надъ самой водой. Изъ деревни, вырисовывавшейся темными силуетами на золотистомъ небосклонѣ, по ту сторону рѣки, доносилась широкая, долевая пѣсня. Налетѣлъ заревой вѣтерокъ, зарябилъ слегка мѣстами воду, пошелестилъ сухимъ, прошлогоднимъ, тростникомъ и принесъ съ собою свѣжую волну вечерняго майскаго воздуха. Небосклонъ понемногу темнѣлъ; золотисто-розовые тона зари смѣнялись зеленоватыми; кое-гдѣ стали загораться звѣзды. Безъ умолку пѣлъ соловей въ кустахъ прибрежнаго ивняка.

На лицѣ старика снова засвѣтилось прежнее выраженіе приподнятаго душевнаго настроенія. Юноша также, видимо, наслаждался прекраснымъ вечеромъ. Вздохнувъ нѣсколько разъ кряду полной грудью свѣжій, ароматный воздухъ, онъ произнесъ полушопотомъ:

— Хорошо!...

— Хорошо, подтвердилъ дѣдушка.

Затѣмъ, помолчавъ немного, вынулъ изъ бокового кармана пальто довольно объемистую, продолговатаго формата, записную книжку—дневникъ, которую всегда носилъ съ собою, и, перелистывая страницы, проговорилъ:

— Знаешь что, Сережа... Послужи ты мнѣ своими молодыми глазами—для нихъ свѣта еще достаточно... Я тебѣ продиктую... Заронились въ головѣ—просятъ выхода... Вотъ отсюда начни, указалъ онъ чистую страницу.—Вотъ и карандашъ...

— Съ восторгомъ, дѣдушка! отозвался юноша, беря дневникъ, карандашъ, и прилаживаясь писать на своихъ колѣнахъ.— Слушаю!

— Пиши: «Да, прекраснъ Божій міръ! Сколько величія, сколько красоты, сколько гармоніи—сколько чудесъ!»—диктовалъ дѣдушка, съ разстановкой.—«И это удивительно... прошли тысячелѣтія... а какъ мало, какъ мало еще сердецъ раскрытыхъ и душъ отзывчивыхъ—на все это величіе, на всю эту чудесную красоту!.. сознающихъ, что это—великое благо, великій источникъ, данный человѣку для того, чтобы онъ изъ него черпалъ—себѣ на благо... По истинѣ можно сказать: имѣютъ очи—да не видятъ, имѣютъ уши—да не слышатъ... А между тѣмъ... сколько горя было бы притуплено, желчи—сбе-

режено!.. Забились люди въ свои душные муравейники, изъ которыхъ видны только кусочки копченаго неба. Засорили, множествомъ ненужныхъ заботъ, пути и тропинки, ведущія въ глубь души, къ искрѣ Божіей—и глохнетъ, угасаетъ святая искра,—холодѣетъ душа... А если и выберутся когда «на лоно природы» (когда ужъ очень не въ моготу станетъ въ душномъ муравейникѣ), такъ нѣтъ чтобы «отрясти прахъ» суеты повседневной, и, раскрывъ душу и сердце, черпать всѣмъ существомъ своимъ изъ этого благого и неизсякаемаго источника! Нѣтъ! тащутъ съ собой и сюда—въ этотъ «святой храмъ»—все тотъ же суетный, угнетающій душу, соръ ежедневной городской сутолоки. Все тѣ же разговоры о житейскихъ дрязгахъ, служебныхъ дѣлахъ, послѣднихъ модахъ... А тутъ, въ это время, шумитъ лѣсъ, колышется рожь, благоухаютъ деревья, заливаются жаворонки, мелькаютъ голубые васильки... Но, все это не для нихъ—они этого не видятъ, они этого не слышатъ... «Да», продолжалъ диктовать дѣдушка—«ушли отъ природы,—Богъ знаетъ куда ушли!.. нѣкоторые — такъ далеко, что и дороги назадъ не найдутъ... Я, говоритъ, не люблю природы. Мнѣ скучно, говоритъ, лѣтомъ въ деревнѣ. Я не могу,—мои нервы требуютъ пищи, поддержки.—Безумные! Не пищи, а отравы: вѣдь это тотъ же запой, тотъ же морфинизмъ! Пищи! Природа расточаетъ передъ тобою лѣтомъ истинную, цѣлебную пищу для твоихъ больныхъ, вырождающихся нервовъ; пища эта— свѣтъ солнечныхъ лучей и чистый воздухъ полей и лѣсовъ, а ты отъ нихъ убѣгаешь, не вѣдая что творишь! Тебѣ скучно среди природы! Скучно, потому что ты съ ней раздружился (вспомни свое дѣтство!)—ты ее забросилъ, какъ какую-то ненужную вещь — она тебѣ стала чужая... Ты скучаешь среди природы и бѣжишь въ мірскую сутолоку, гдѣ твой умъ, правда, изощряется, но духъ—притупляется. А въ результатѣ — неврастенія, душевное изсяканіе, и—если не безвременный конецъ, то—безотрадная, томительная старость...»

— А что, видно еще? Не очень темно,— спросилъ дѣдушка, выждавъ, пока были записаны послѣднія слова.

— Ничего, еще можно, отвѣтилъ юноша, перелистывая и приглаживая слѣдующую страницу.

— Ну, такъ пиши. Еще немножко... «И что хуже всего,— дѣтей своихъ тоже уводятъ отъ природы... Изгнали ее изъ школы (какъ французы Распятіе),—что имъ Гекуба!.. А гдѣ не изгнали, тамъ засушили и спрятали въ шкапы и ящики, откуда по временамъ вынимаютъ... И въ результатѣ, вмѣсто гармонично развившейся, цѣльной молодой натуры—какое-то однобокое существо... кандидатъ въ декаденты, символисты, неомарксисты и разные другіе уродливые «исты», но менѣе всего—кандидатъ на добраго гражданина, съ бодрымъ духомъ въ здоровомъ тѣлѣ...»

— Ну, будетъ, Сережа... темно,—сказалъ старикъ, послѣ нѣкотораго молчанія.—Спасибо, другъ! прибавилъ онъ, беря отъ внука книжку, и, всунувъ въ нее карандашъ, вложилъ обратно въ пальто.

У самаго берега, близъ бревна, сильно всплеснула крупная рыба. Красивые, широкіе круги пошли къ противоположному берегу, играя отблескомъ зари на гладкой поверхности рѣки. Съ громкимъ жужжаніемъ промелькнулъ крупный жукъ. Все больше и больше загоралось звѣздъ на небѣ; все громче и страстнѣе пѣлъ соловей—безъ умолку, безъ передышки. Неслышнымъ, колеблющимся полетомъ пролетѣлъ полуночникъ, и, скрывшись за поворотомъ рѣки, замурлыкалъ свою безконечную пѣсню. Надъ водой, мѣстами, слегка началъ клубиться туманъ и потянуло холодкомъ. Старикъ надѣлъ шляпу и застегнулъ до верху пальто. Спустя немного времени, онъ заговорилъ, нѣсколько измѣненнымъ, болѣе глухимъ, глубокимъ голосомъ:

— Случалось ли тебѣ когда нибудь, во время усердной молитвы, испытывать такое чувство, какъ будто на тебя нисходитъ какая-то теплая волна, проходитъ чрезъ всего тебя—насквозь, чрезъ все твое существо—и охвативъ, будто приподнимаетъ, будто уноситъ... Приходишь въ себя и чувствуешь, что ты уже не тотъ: твой двухъ обновленъ и просвѣтленъ. И нѣтъ тогда такой дурной вѣсти, которая могла бы смутить твой духъ,— на нѣкоторое время ты «не отъ міра сего»... Впрочемъ, тебѣ врядъ-ли случалось—слишкомъ еще юнъ; придетъ время... Такъ вотъ, нѣчто подобное такому чувству я испытываю, по временамъ, когда нахожусь одинъ, глазъ на глазъ, съ природой, въ часы особеннаго ея величія: среди покрытаго инеемъ лѣса,

среди яркихъ красокъ листопада,— на ранней утренней зарѣ,— въ часы ея великаго весенняго пробужденія... Подобныя же минуты пережилъ я и сейчасъ—передъ твоимъ сюда приходомъ— подъ вліяніемъ величественной прелести этого майскаго вечера... Я бы сказалъ: въ такія минуты природа *отвѣчаетъ* на мою любовь, и даритъ мнѣ, любя, величайшее земное благо—миръ душевный,— просвѣтлѣніе и обновленіе духа... Всю жизнь мою я подходилъ къ ней съ любовью, съ любовью учился видѣть постепенно разворачивавшуюся предо мною ея красоту и слышать ея чарующій голосъ—и вотъ она стала открываться мнѣ,—какъ древняя богиня, и приносить мнѣ свои божественные дары...

Старикъ обнялъ одной рукой сидѣвшаго рядомъ съ нимъ внука, и прижавъ его къ себѣ, продолжалъ:

— Да, мой другъ—люби природу! Люби и учись познавать ее, говорилъ онъ, все болѣе и болѣе увлекаясь.— Вѣдь, что ни дерево—своя красота, что ни травка — своя прелесть, что ни птичка—своя пѣсня! И такъ во всемъ — во всей безконечной лѣстницѣ твореній: отъ самомалѣйшей былиночки и до величественнаго дерева, отъ человѣка—до послѣдней козявочки, отъ крошечной песчинки—до «утеса-великана», отъ самой далекой звѣздочки — до великолѣпнаго солнца. А все вмѣстѣ—во всей своей цѣлокупности—удивительная, чудесная, божественная гармонія! Какъ въ музыкѣ, воспринять всю красоту гармоніи сложнаго аккорда можно не иначе, какъ имѣя развитое ухо, способное воспринять каждый отдѣльный звукъ входящій въ составъ этого аккорда— такъ и въ природѣ. И чѣмъ больше будешь ты ее познавать— во всемъ ея великомъ разнообразіи—тѣмъ болѣе будешь слышать «нотъ», «тоновъ», тѣмъ все роскошнѣе и роскошнѣе будетъ слагаться для тебя гармоническій аккордъ, тѣмъ полнѣе будетъ волна впечатлѣнія и—богаче отзвукъ твоихъ душевныхъ струнъ. Съ любовью подходи къ Божьему творенію, съ любовью его познавай—и откроется тебѣ *великій* источникъ. Будешь изъ него черпать—не заглохнетъ въ тебѣ искра Божія. И будетъ онъ тебѣ великой отрадой, и прибѣжищемъ — въ тяжелыя минуты твоей жизни!..

При послѣднихъ словахъ, произнесенныхъ слегка взволнованнымъ голосомъ, старикъ крѣпко прижалъ къ себѣ своего внука.

Въ то же самое время послышался сверху, съ горы, зовущій женскій голосъ:

— Папа, Сережа! Пора домой!.. Простудитесь... Самоваръ уже второй разъ подогрѣваютъ...

— Пойдемъ, сказалъ старикъ, медленно поднимаясь съ бревна.

— Идемъ! громко откликнулся юноша на зовъ матери.

Надежда Худекова.

ТРИ ЦАРЯ.

Большой гимназистъ Гуринъ Василій вошелъ въ вагонъ третьяго класса и поспѣшилъ занять тамъ лучшее мѣсто за дверью на скамейкѣ, лицомъ къ стѣнѣ. Чемоданчикъ онъ положилъ на верхъ въ сѣтку, котолку съ банкой варенья поставилъ въ уголъ на полъ, а футляръ со своей скрипкой около себя. Осенніе сумерки сѣро смотрѣли въ окна. Въ вагонѣ было темно; фонарей еще не зажигали. Рабочіе съ туго-набитыми холщевыми мѣшками на спинахъ, мастеровые въ чуйкахъ, вонючихъ полушубкахъ, бабы съ узлами, ребятами—всѣ входили, толкались, хлопали дверями, кричали, ссорились и тѣсно разсаживались по мѣстамъ.

Вася очень боялся непріятнаго сосѣдства и оберегалъ свою скамейку.

Мать, провожая его изъ дома, велѣла ему ѣхать во второмъ классѣ, но онъ предпочелъ приберечь деньги на разныя покупки, и ради нихъ потерпѣть сутки всякія неудобства.

Въ кошелькѣ его лежалъ проѣздной билетъ до Москвы, нѣсколько серебряныхъ рублей, мелочь и десятирублевая бумажка. Ея-то и не хотѣлось ему мѣнять.

«Куплю себѣ, непремѣнно, ножикъ еще лучше того, что потерялъ въ лѣсу, съ двѣнадцатью приборами, думалъ Вася.—По-

томъ струны, канифоль, нотной бумаги. Обѣщалъ Машѣ написать свой вальсъ — «Прощай деревня» — такъ имъ восторгалась, и чуть не плакала, когда его игралъ. Правда, въ немъ есть что-то трогательно-грустное... Сочиню еще «Слезы сестры» и заставлю рыдать свою скрипку».

Послѣ третьяго звонка на платформѣ, свистка съ трелью и протяжнаго гудка стрѣлочника, поѣздъ тронулся, а двери вагона все продолжали хлопать и впускать новыхъ пассажировъ.

Гимназистъ, боясь, чтобы не толкнули его кошолки съ вареньемъ, хотѣлъ поставить ее для безопасности подъ скамейку, нагнулся и увидалъ тамъ лежащаго скорченнаго мужика.

— Молчите, баринъ, сказалъ онъ ему хриплымъ шопотомъ. — Не выдавайте.

— Далеко такъ поѣдешь? спросилъ его Вася.

— Тамъ видно будетъ... Надыть-то въ Москву. Мостовщики будемъ, такъ на работу. Купилъ хозяйкѣ корову, на билетъ-то нехватка и вышла, продолжалъ шептать «заяцъ».

— А ты хотя ночью вылѣзай на станціяхъ — никто не замѣтитъ, а то отлежишь себѣ и ноги, и руки, потомъ не встанешь.

— Забота!

Вася легъ на твердую скамейку, снялъ съ себя пальто и спустилъ его до полу.

«Его такъ не увидятъ, подумалъ онъ. — И какъ могъ забраться туда такой большой мужикъ? Ему и тѣсно тамъ, и больно, и душно — настоящая пытка инквизиціи. При слѣдующей остановкѣ куплю ему бутылку пива. Пускай, хоть горло себѣ промочитъ».

Въ вагонѣ стояла мгла отъ дыма и смрада. Пахло дурнымъ ѣдкимъ табакомъ, овчинными тулупами, сапогами. Слышался говоръ грубыхъ голосовъ, громкій храпъ спящихъ, неумолкаемый надоѣдливый крикъ ребенка.

Вася лежалъ неподвижно и скверно себя чувствовалъ. Его тошнило отъ запаха махорки. Холодная струя воздуха дула изъ скважинъ окна прямо ему въ лицо, пробиралась за воротникъ по спинѣ. Лежать было жестко, неловко; ноги сползали съ узкой скамейки; каждый толчекъ отдавалъ въ голову. Вася началъ прислушиваться къ ритмическому стуку колесъ, къ шуму движенія поѣзда, къ завыванію вѣтра.

Смѣшеніе этихъ разнообразныхъ звуковъ казалось ему музыкой, полной стройной гармоніи. Казалось, точно громадный оркестръ съ сотней инструментовъ разыгрывалъ грандіозную симфонію, которая переносила его — то на страшное поле со свистомъ пуль, съ грохотомъ пушекъ, съ крикомъ, стонами несчастныхъ, то вела въ свѣтлую страну мира, красоты, гдѣ журчалъ ручеекъ, щебетали птицы и влюбленные. Тихая мелодія лилась подъ аккомпаниментомъ нѣжныхъ струнъ; ее пѣла скрипка Васи. Онъ ловилъ ее, а она исчезала въ шумномъ потокѣ новыхъ звуковъ, потомъ возвращалась опять, точно дразня его.

Мелодія звучала такъ прекрасно; навѣвала сладкія мечты, чувства блаженства.

Слушая ее, Вася забылъ про свою тошноту, забылъ все окружающее и про несчастнаго «зайца» подъ собой.

Поѣздъ два раза останавливался уже на станціяхъ.

Гармоничный гулъ, ревъ, шумные аккорды воображаемаго оркестра затихали, а музыкальная фраза, все одна и та же, продолжала повторяться въ ушахъ Васи и сильнѣй овладѣвать имъ.

— Станція Пески. Поѣздъ стоитъ семь минутъ! прокричалъ кондукторъ у окна.

Вася вздрогнулъ, очнулся и вышелъ на платформу. Тамъ онъ купилъ бутылку пива и снова вернулся въ вагонъ. Когда гимназистъ налилъ стаканъ пивомъ и опустилъ его подъ скамейку, оттуда, изъ чернаго отверстія протянулась къ нему большая дрожащая рука, и хриплый голосъ проговорилъ: «спаспбо».

«А вдругъ онъ тамъ умретъ?» мелькнуло въ головѣ Васи. Ему стало такъ жаль этого неизвѣстнаго человѣка, который могъ задохнуться, окоченѣть изъ-за коровы,— что онъ, не задумавшись, досталъ свою десятирублевую бумажку и подалъ ему ее.

— Возьми себѣ билетъ на слѣдующей же станціи — слышешь?

— Слышу. Спасибо, баринъ добрый! послышалось опять изъ темноты.

Довольный, счастливый тѣмъ, что спасъ человѣка, Вася легъ опять и хотѣлъ было заснуть, но радостное чувство прогоняло сонъ. Являлось желаніе говорить, слушать того, кто долженъ былъ также понимать эту радость.

— Вылѣзай теперь, садись. Всѣ спятъ, никто тебя не увидитъ, сказалъ Вася, свѣсивъ голову къ своему невидимому спутнику.

Отвѣта не было.

Мальчику сильно хотѣлось посмотрѣть на лежащаго подъ нимъ мужика, но вмѣстѣ съ тѣмъ неловко было это сдѣлать.

Послѣ долгаго раздумья онъ рѣшился зажечь спичку и заглянуть подъ скамейку.

Сапоги, борода, голова, локти—все было собрано тамъ вмѣстѣ и представляло безформенную массу. Большіе сѣрые глаза изъ-за нависшихъ лохматыхъ волосъ смотрѣли на Васю мутнымъ взглядомъ и глядѣли не моргая.

— Не можешь, что ли, встать?.. Не помочь ли тебѣ? предложилъ Вася.

— Не надо, нетревожь, проговорилъ неохотно мужикъ. Вася постоялъ передъ нимъ въ смущеніи и снова улегся на свое мѣсто. Онъ весь дрожалъ отъ страха.

— Умретъ... умретъ подо мной, и я буду лежать на его трупѣ. Онъ старался отгонять отъ себя страшныя мысли, припоминать что нибудь пріятное, веселое, но этого ему не удавалось. Колеса вагона стучали, ударяли молотками ему въ виски; голова тяжелѣла, и онъ заснулъ тревожнымъ сномъ, продолжая чувствовать тотъ же страхъ, что и на яву.

Вася видѣлъ свои руки. Онѣ постепенно синѣли, принимали стальной цвѣтъ; сперва холодѣли пальцы, потомъ холодъ поднимался выше, до плечъ. Всѣ члены теряли свою гибкость, онъ весь становился желѣзнымъ и начиналъ погружаться куда-то все глубже и глубже... Голова его упала на другую голову съ мутными глазами, изъ которыхъ капали слезы. Тѣло грузно легло на чужія плечи, бедра, и ихъ кости затрещали подъ его тяжестью; ихъ давила собой и скрипка въ своемъ лакированномъ футлярѣ. Вася метался, дѣлалъ усилія, хотѣлъ подняться, освободить мужика, но не могъ встать на ноги и продолжалъ все больше налегать и давить его. Тотъ оставался все также неподвижнымъ и тихо стоналъ отъ боли...

Сильный толчекъ встряхнулъ спящаго гимназиста. Онъ проснулся.

Поѣздъ стоялъ на большой станціи. «Зайца» подъ скамей-

кой ужъ не было. Вася опустилъ окно и вдохнулъ въ себя холодный ночной воздухъ.

Блѣдный опрокинутый серпъ луны тихо выплывалъ изъ-за вѣтвей большихъ деревьевъ; сбоку стоялъ темный силуэтъ церкви съ высокой колокольней; на самомъ крестѣ ея горѣла мягкимъ, теплымъ свѣтомъ звѣзда, надъ нею другая, блестящая, а выше еще, на ровномъ разстояніи, искрилась и переливала яркими цвѣтами третья,—всѣ три звѣзды сіяли какой-то особенной таинственной красотой.

«Три царя!» прошепталъ Вася.

И сердце его забилось отъ радости и восторга.

Онъ давно уже мечталъ видѣть созвѣздіе Оріона, но этого ему неудавалось, потому что онъ всегда спалъ передъ разсвѣтомъ, въ то время, когда оно появлялось на востокѣ.

Теперь въ этой новой незнакомой мѣстности, послѣ многихъ пережитыхъ имъ думъ и ощущеній, видъ краснваго созвѣздія былъ полнъ символическаго значенья для Васи.

«Три царя, три силы! думалъ онъ.—И эти силы: любовь, творчество и разумъ. Та, первая звѣзда, которая выходитъ изъ креста, точно дышитъ теплотой и согрѣваетъ меня; блескъ другой—ослѣпляетъ, кружитъ мою голову и заставляетъ все забывать; надъ ними царитъ звѣзда большая и точно держитъ ихъ своей силой. Быть можетъ и я рожденъ подъ этимъ созвѣздіемъ, и «Три царя» будутъ руководить моей жизнью!»

Вася долго мечтательно любовался звѣздами. Поѣздъ давно ужъ мчался впередъ, а «Три царя» все стояли передъ нимъ въ своей таинственной красотѣ.

Г. Г. Сѣверцовъ (Г. Полиловъ).

КРОВАВЫЙ ЦВѢТОКЪ.

— Изъ моихъ воспоминаній объ old merry England (старой, доброй Англіи), гдѣ мнѣ пришлось четверть вѣка тому назадъ прожить нѣсколько лѣтъ, мало что осталось въ моей памяти.

Такъ отвѣтилъ Максимъ Ермолаевичъ, крупный финансовый дѣятель, на просьбу немногочисленнаго кружка его друзей, расположившихся послѣ обѣда въ его кабинетѣ за кофе съ ликерами, разсказать что нибудь объ его жизни въ Великобританіи.

— Неужели этотъ періодъ времени совершенно улетучился изъ вашихъ воспоминаній? шутливо-насмѣшливо замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, жизнерадостный блондинъ, бухгалтеръ того кредитнаго учрежденія, гдѣ былъ директоромъ хозяинъ.

— Извѣстный промежутокъ времени сглаживаетъ тѣ особенности, ту рельефность впечатлѣнія, которыя могли обратить вниманіе тогда, впрочемъ....

И Синевъ внезапно умолкъ...

Его крупная, чисто-русская, немного расплывчатая фигура, съ большою темноруссою бородою, вдумчивыми сѣрыми глазами еще глубже ушла въ кресло, на которомъ онъ сидѣлъ; лѣвая рука нетерпѣливо терла высокій лобъ, тогда какъ правая лежала безъ движенія на ручкѣ кресла.

— Это небольшая исторія, впрочемъ въ то время меня очень интересовавшая, и если желаете—я вамъ ее разскажу.

Въ согласіи слушателей нельзя было сомнѣваться.

— Посланный моимъ покойнымъ отцомъ въ Лондонъ, чтобы изучить условія иностранной торговли, я, благодаря привезеннымъ съ собою рекомендаціямъ, скоро нашелъ себѣ мѣсто въ одной изъ лондонскихъ фирмъ. Изумленію моему не было предѣла, когда я узналъ, что долженъ служить даромъ, только ради практики.

Долго думать мнѣ было нельзя, и уже на другой день я сидѣлъ въ темноватомъ бюро моихъ новыхъ хозяевъ, усердно выписывая всевозможные коноссаменты и счета.

Къ моему изумленію и, нужно прибавить, къ нескрываемому удовольствію, въ числѣ служащихъ фирмы Куксмунъ и К° я встрѣтилъ моего соотечественника, Василія Венедиктова.

Кто изъ васъ, господа, не знаетъ, какъ пріятно встрѣтить на чужбинѣ земляка? Одна возможность говорить на родномъ языкѣ, послѣ постоянныхъ «oh yes! all right!» англичанъ, невольно заставляетъ сейчасъ же сойтись со своимъ соотечественникомъ.

Это случилось и между нами. Не прошло и двухъ дней, какъ я и Вася стали неразлучными друзьями. Вы смѣетесь, господа, но вѣдь четверть вѣка отдѣляютъ васъ отъ того времени, когда еще вѣрили въ дружбу, когда скептицизмъ далеко не такъ сильно владѣлъ сердцами людей.

Я жилъ на Chester square, а мой пріятель, ютился гдѣ-то недалеко отъ самого City. Въ будни занятія въ office (конторѣ) настолько утомляли насъ, что о прогулкахъ или развлеченіяхъ вечеромъ не было и рѣчи,— каждый изъ насъ былъ вполнѣ счастливъ вернуться къ себѣ домой, пообѣдать, выпить четверть пинты хорошаго портера и взять какую нибудь книгу съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же задремать, пока рѣзкій голосъ служанки не разбудитъ къ чаю. Но зато въ субботу вечеромъ и все воскресенье мы посвящали время увеселеньямъ всякаго рода, начиная отъ безцѣльнаго шатанья по Пиккадилли и кончая поѣздками въ Итонъ, Вульвичъ и прочіе интересные по своему прошлому города и мѣстечки. Въ одно изъ воскресеній мы попали на скачки, въ небольшой городокъ New-Market.

— Проклятый городишка! ворчалъ мой пріятель, раздосадованный проигрышемъ на скачкахъ; большая часть нашихъ скромныхъ средствъ перешла въ широкіе карманы букмэкеровъ.

Это было еще тѣмъ досаднѣе, что отыграться не было возможности, стоялъ конецъ іюля и сегодняшнія скачки были послѣдними. Іюльское солнце палило немилосердно, когда намъ удалось добраться до небольшой харчевни, чтобы скрыться отъ зноя и выпить прохладительнаго. Три съ половиной часа, проведенные на ипподромѣ, все время на солнцѣ, превратили насъ въ какой-то студень. Какъ пріятно было опуститься на стулья послѣ долгаго стоянья на ногахъ. Кромѣ насъ въ харчевнѣ находилось еще нѣсколько человѣкъ. Это тоже были счастливые или несчастливые участники минувшихъ скачекъ. Среди шума и возгласовъ полупьяной толпы, вдругъ послышался плаксивый голосъ продавца и исполнителя балладъ, до сихъ поръ находящихъ себѣ любителей и цѣнителей въ Англіи.

— Э, гей, Джимъ, что же ты раньше не приходилъ, послышался хриплый голосъ молодого парня,— я бы тогда не проигрался. Куда это тебя носитъ только! закончилъ говорившій недовольно.

— Ну, что за бѣда, ты проигралъ, а я выигралъ, замѣтилъ другой изъ компаніи.

— Rascal! (разбойникъ) твой кошелекъ пополнѣлъ за счетъ моего, отвѣтилъ первый,— такимъ людямъ какъ ты — счастье валитъ.

Ссора разгоралась.

Напрасно удерживали благоразумные изъ ихъ компаніи двухъ противниковъ, Билль ругалъ Джонни невозможнымъ образомъ. Драка была недалека; и дѣйствительно, не прошло и минуты, какъ оба парня схватились, осыпая лицо противника кулачными ударами по всѣмъ правиламъ бокса.

Исполнитель балладъ, испитой, чахлый старикъ, лѣтъ пятидесяти, очутился во время драки около насъ, и увлеченный, какъ истинный британецъ, исходомъ борьбы, держалъ пари съ другими зрителями.

Борцы неудовольствовались тѣснымъ помѣщеніемъ харчевни, выбѣжали на лугъ, лежащій передъ домомъ и тамъ продолжали бой.

Подобно древнимъ пѣвцамъ и поэтамъ, воспѣвавшимъ героевъ, торговецъ балладами воодушевился и началъ гнусавымъ голосомъ пѣть о битвѣ, когда-то происшедшей между англо-саксами и норманами въ окрестностяхъ New-Market'a.

Расквасивъ другъ другу носы, боксеры прекратили свое достойное занятіе и, минуту спустя, мирно бесѣдовали за кружкою портера. Нашъ же исполнитель балладъ продолжалъ машинально гнусавить слова баллады.

Меня все больше и больше интересовалъ сюжетъ ея. Въ немъ разсказывалось, какъ осажденные въ замкѣ англо-саксы долго держались противъ врага, но когда всѣ запасы были истощены, когда колодцы, снабжавшіе замокъ водою, изсякли, осажденные предложили норманамъ сразиться грудь съ грудью во рву замка. «Чѣмъ судьба рѣшитъ, такъ и будетъ». Нормандцы согласились и враждующіе сошлись. Бой длился долго, но въ концѣ все же былъ неблагопріятенъ для осажденныхъ, они всѣ полегли во рву,—съ ними вмѣстѣ пало не мало и норманновъ.

«Вѣка прошли, упали стѣны, травою заросли бойницы, паутина заволокла покои въ башняхъ. Гдѣ былъ дворъ—тамъ теперь стоитъ лѣсъ, гдѣ струился ручей—тамъ прошла соха пахаря,—все запустѣло, все одичало. Люди, ихъ злоба, ненависть, раздоры—все глубоко спитъ подъ землею. Все тихо вокругъ, ничто не напоминаетъ о минувшемъ, только одинъ цвѣтокъ, только одинъ Bloody Flower (кровавый цвѣтокъ) говоритъ людямъ о томъ, что здѣсь произошло. Онъ даетъ имъ счастье и горе».

Пѣвецъ закончилъ свою балладу и хотѣлъ уже уходить, получивъ нѣсколько пенсовъ за печатный текстъ исполненной имъ баллады.

Меня очень заинтересовалала она и я, толкнувъ товарища, послѣдовалъ за старымъ Джимомъ.

День уже клонился къ вечеру, солнце не такъ пекло какъ раньше, утомленная природа сбрасывала съ себя это томленіе, въ которое была погружена цѣлый день. Побурѣвшіе кустики травы вдоль дороги безпомощно глядѣли изъ окутавшей ихъ пыли. Золотившіеся подъ косыми лучами заходившаго солнца поля спѣющаго ячменя, слегка волнуемыя вѣтромъ, перели-

вались точно море. Кое-гдѣ свѣтло-зеленымъ бордюромъ оттѣняли ихъ узкія полоски льна. Высохшіе колосья пшеницы гармонично шептались другъ съ другомъ. Густой коверъ клевера, съ малиновыми и бѣлыми помпонами манилъ поваляться на немъ.. На скошенныхъ уже лугахъ бродилъ скотъ, меланхолично позвякивая жестяными колокольцами. Высоко въ воздухѣ звенѣлъ запоздавшій невидимый жаворонокъ, кузнечики и стрекозы тянули свою однообразную пѣсенку.

Общая гармонія природы какъ-то возстановлялась при полной безлюдности дороги. Изъ покинутой только-что нами харчевни несся рѣзкій гулъ голосовъ.

Старый балладчикъ неторопясь шагалъ по пыльной дорогѣ. Его небольшой ящикъ съ печатными экземплярами балладъ висѣлъ у него за спиной. Вся бурая отъ непогодъ широкополая шляпа не мѣшала сильно вьющимся волосамъ Джима выбиваться изъ-подъ полей ея.

Догнать его не представляло труда. Онъ испуганно посмотрѣлъ на насъ, когда мы поровнялись съ нимъ и пошли рядомъ.

— Скажите, пожалуйста, Джимъ, сказалъ я ему, — существуетъ это мѣсто и до сихъ поръ, о которомъ говоритъ ваша баллада?

Старикъ презрительно взглянулъ на меня и проговорилъ:

— Все, что старый Джимъ поетъ въ своихъ балладахъ — все это правда.

— А вы можете показать намъ это мѣсто?

— Показать я вамъ его покажу, только прошу васъ, не рвите Bloody flower, онъ рѣдко приноситъ счастье, чаще горе, несчастье!

Мы оба охотно дали Джиму обѣщаніе, что не тронемъ его «Кроваваго цвѣтка» и успокоенный этимъ, онъ насъ повелъ къ мѣсту знаменитой битвы.

Далеко загородомъ, мы встрѣтили жалкія развалины древнихъ укрѣпленій. Приближаясь ближе къ мѣсту битвы, мой товарищъ вскрикнулъ отъ восхищенія.

Все пространство, лежащаго подъ нашими ногами широкаго рва, было покрыто крупными, ярко красными цвѣтами. Толстые, съ колючками, въ родѣ кактуса, листья, еле видиѣлись

среди пяти-листныхъ красныхъ цвѣтовъ. Ровъ казался залитымъ кровью.

— Вотъ видите эти цвѣты, сказалъ нашъ проводникъ,— они выросли на костяхъ и пролитой здѣсь крови.— Нигдѣ, кромѣ этого мѣста, въ нашей Англіи вы не найдете подобныхъ цвѣтовъ, да и у насъ они цвѣтутъ только въ іюлѣ.—Изъ листьевъ, если ихъ разрѣзать, течетъ сокъ, точно молоко. — Много горя придется испытать тому человѣку, кто сорветъ хоть одинъ цвѣтокъ. Бываетъ, впрочемъ, и наоборотъ, но только очень рѣдко. Когда же дѣйствительно цвѣтокъ принесетъ счастье, то оно никогда уже не измѣняетъ.

Старикъ съ суевѣрнымъ страхомъ глядѣлъ на цвѣты.

Невольно подъ обаяніемъ разсказа и мною овладѣло какое-то непріятное чувство, между тѣмъ страстное желаніе сорвать хотя одинъ изъ этихъ роскошныхъ пятилистныхъ цвѣтовъ не оставляло меня въ покоѣ.

— Мало ли что брешетъ выжившій изъ ума старикъ, замѣтилъ Венедиктовъ по-русски,—сорвемъ по цвѣточку на память, да и поѣдемъ домой.

И, послушавъ его, я сорвалъ себѣ и ему по цвѣтку. Когда вернулся взбиравшійся въ руины Джимъ, я и Венедиктовъ спрятали сорванные цвѣты въ шляпы; нашъ поступокъ былъ имъ незамѣченъ.

— Если вы, молодые господа, желаете, можно посмотрѣть и руины, замѣтилъ онъ и предложилъ подняться выше.

Мы охотно согласились и, карабкаясь по крутому скату, начали взбираться въ старую крѣпость.

Первымъ наверху очутился я и съ восхищеніемъ сталъ осматривать разстилавшіеся кругомъ меня живописные виды.

Глубокій ровъ, изъ котораго я поднялся, сплошно усѣянный красными цвѣтами сверху, еще болѣе казался наполненнымъ кровью. Странное чувство отвращенія при этомъ сходствѣ заставило меня обратить вниманіе на другую сторону холма.

Безконечная панорама воздѣланныхъ полей красивою лентою убѣгала вдаль.

Я невольно залюбовался ею, какъ вдругъ внезапный крикъ проводника заставилъ меня быстро оглянуться назадъ.

Венедиктовъ, уже достигнувшій вершины холма, оступив-

пись, быстро катился къ низу, тогда какъ продавецъ балладъ, крича, звалъ меня на помощь.

Подобное паденіе не могло принести много вреда моему пріятелю: густая трава ската смягчала паденіе его, и я не безпокоился о немъ.

Онъ быстро скатился въ ровъ и чернымъ пятномъ выдѣлялся на кровавомъ коврѣ.

— Ну, Вася, вставай, полно валяться! крикнулъ я ему сверху. Но Венедиктовъ оставался неподвижнымъ.

Видя, что мой пріятель мнѣ не отвѣчаетъ, я быстро спустился изъ развалинъ въ ровъ и бросился къ нему.

Венедиктовъ, не смотря на мои толчки, не двигался. Предполагая, что онъ въ обморокѣ, я старался привести его въ чувство.

Увы, мои усилія были напрасны: Вася не подавалъ признаковъ жизни и когда я, съ помощью проводника поднялъ его, небольшая струйка крови, бѣжавшая изъ лѣваго его виска, объяснила намъ печальную истину.

Венедиктовъ былъ мертвъ.

При своемъ паденіи, онъ ударился во рву головою объ лежащій тамъ камень, послѣдствіемъ удара была смерть.

Кромѣ этого большого камня, во рву не было другого. Несчастный случай заставилъ его какъ будто нарочно упасть именно въ этомъ мѣстѣ.

При паденіи, шляпа свалилась съ его головы и роковой, сорванный имъ цвѣтокъ валялся около него, своимъ завялымъ видомъ обращая на себя вниманіе проводника.

— Не послушалъ меня господинъ, сорвалъ цвѣтокъ, грустно проговорилъ старикъ,— несчастье его и постигло.

Все еще словно не вѣря тому, что за минуту передъ этимъ полный силъ юноша лежалъ передъ нами холоднымъ трупомъ, мы съ проводникомъ, осторожно поднявъ Венедиктова, понесли его въ городъ въ гостинницу.

Приглашенный врачъ подтвердилъ намъ смерть моего пріятеля.

Мнѣ было жалко его, какъ постояннаго спутника и товарища, но горе въ молодые годы забывчиво и я скоро забылъ о землякѣ, скрасившимъ первые мѣсяцы моего скучнаго пребыванія въ Англіи. Была ли здѣсь случайность, отомстилъ ли

сорванный цвѣтокъ за себя,—рѣшить невозможно, это внѣ нашихъ понятій, хотя вы, люди новѣйшей формаціи, несомнѣнно улыбнетесь на это. Сохранившійся у меня цвѣтокъ до сихъ поръ приносилъ мнѣ только счастье, вы это сами знаете, и горя мнѣ приходилось испытывать мало.

— Вотъ, посмотрите, продолжалъ хозяинъ, доставая изъ письменнаго стола коробку со стеклянной крышкою.

Совершенно высохшій цвѣтокъ лежалъ въ коробкѣ. Цвѣтъ его, цвѣтъ человѣческой крови,—сохранился превосходно.

— Вотъ и вся моя исторія, заключилъ хозяинъ, пряча снова въ письменный столъ коробку съ цвѣткомъ.— Разсказанный вамъ мною эпизодъ юныхъ лѣтъ, хотя можетъ быть и мало интереснъ, но справедливъ.

Гости прихлебнули изъ чашекъ ароматный кофе и молча согласились съ Максимомъ Ермолаевичемъ.

П. Н. Полевой.

ВѢСТОЧКА ИЗДАЛЕКА.

Въ деревнѣ, рядомъ съ нашей усадьбой, жилъ мужикъ,— Наумомъ звали. Хорошій мужикъ, дѣльный, на работу ретивый; тронхъ сыновей воспиталъ и поднялъ, такихъ же, какъ онъ самъ, работниковъ; но только счастье ему съ дѣтками не было на роду написано. Одинъ сынъ, въ весеннюю пору, съ «лучёмъ» за рыбой поѣхалъ, намѣтилъ острогою рыбу, ударилъ— да острога переломилась, онъ въ воду изъ челна упалъ и потонулъ въ разливѣ; другой — на службѣ — въ конницу попалъ, да гдѣ-то на парадѣ, какъ пустили ихъ полкъ маршъ-маршемъ, съ лошади свернулся и былъ такъ истоптанъ, что только два часа пожилъ и Богу душу отдалъ. Третій ушелъ въ лѣсное задѣлье, работалъ два мѣсяца у подрядчика, и тотъ такъ былъ имъ доволенъ, что надъ всей артелью старшимъ сдѣлалъ — да попалъ въ тѣсноту между деревъ, когда большущую сосну валили, и его на-смерть придавило толстымъ сукомъ: только охнуть успѣлъ, и глаза закатилъ...

Осталась у Наума одна дочка: Танюша — славная такая дѣвушка, тихая, скромная и на все въ крестьянствѣ искусная: и прясть, и ткать, и хлѣбы печь мастерица, и собой миловидная, смазливенькая. Всѣ парни въ околоткѣ за ней ухаживали; всѣ бабы въ одинъ голосъ Наумовой женѣ говорили:

— Тебѣ объ дочкѣ заботы нѣтъ: ее у тебя съ руками оторвутъ...

И точно: чуть минулъ Танюшѣ восемнадцатый годъ, пошли на дворъ къ Науму сваты за сватами:

— Отдай, да отдай дочку... У тебя товаръ, а у насъ купецъ...

А Науму жалко съ единымъ дѣтищемъ разстаться, и всѣмъ онъ одинъ отвѣтъ даетъ:

— Молода еще она; обождать надо годокъ-другой...

И вдругъ стряслась бѣда нежданная-негаданная! Что̀ съ Танюшей приключилось — никто не зналъ и сказать не могъ,— а только прошелъ по деревни слухъ, что Танюша затяжелѣла... Сидитъ по цѣлымъ днямъ въ уголку въ избѣ, плачетъ горькими слезами, и на всѣ разспросы отца и матери одно только и твердитъ:

— Знать не знаю, что̀ со мною приключилось... Хоть сейчасъ икону снять — не знаю за собой никакого грѣха.

Наумъ и уговаривалъ, и грозилъ, и разспрашивалъ; а дочка все стоитъ на своемъ:

— Убей меня Богъ,—ничего не знаю, и ничего сказать не могу...

А сама день-ото-дня все больше и больше толстѣетъ: со стороны посмотрѣть—какъ есть тяжелая. И все-то она болѣетъ, все недомогаетъ: почернѣла, похудѣла — куда и красота дѣвичья подѣвалась!..

Однако прошло много мѣсяцевъ, а дѣло къ концу не подвигается... Опалъ животъ у Танюши, потомъ опять вздулся, а хворьба ее пуще одолѣваетъ... Ужъ она то на печи, то на лавкѣ пласточкомъ лежитъ, и подняться не можетъ—только стонетъ. Потомъ совсѣмъ пропала ея толщина; но зато по всему тѣлу пошли какіе-то струпья, раны подѣлались — мука такая, что и описать нельзя...

Стали люди Науму говорить: «испорчена у тебя дѣвка! Позавидовали ея красотѣ злые люди! Ты бы къ себѣ знахаря позвалъ...»

Однако же Наумъ ихъ не послушалъ — съѣздилъ въ волость, привезъ оттуда фельдшера изъ больницы, рубля и угощенья ему не пожалѣлъ — показалъ ему Танюшу, просилъ помочь ей въ ея страданіяхъ.

Фельдшеръ осмотрѣлъ Танюшу внимательно, назвалъ ея болѣзнь какимъ-то мудренымъ словомъ и добавилъ:

— Эту болѣзнь лѣчить нельзя... Сама должна пройти. А впрочемъ, я тебѣ такое смазыванье дамъ...

Рубль отъ Наума взялъ, полштофъ выпилъ и уѣхалъ. И точно: смазыванье прислалъ. Попробовалъ Наумъ со своей хозяйкой смазывать Танюшу фельдшерской мазью; но какъ только одинъ струпъ смажутъ, такъ рядомъ, вокругъ него, пять или шесть волдырей вскочитъ... Бросили мазь; призвали знахаря. Тотъ и надъ ковшикомъ нашептывалъ, и съ уголька ее обдувалъ, и курилъ въ избѣ какими-то смолами, и травами Танюшу поилъ — взялъ за это овчину, да мѣшокъ житныхъ крупъ, посулился и еще побывать, да и былъ таковъ...

Видитъ Танюша, что ей облегченья нѣтъ, а болѣетъ она ужъ поболѣе года, и говоритъ она отцу съ матерью:

— Я дала обѣтъ сходить къ Соловецкимъ чудотворцамъ, коли Богъ моей болѣзни облегченье пошлетъ... Ужъ вы меня благословите, и въ чемъ я завѣчалась, не препятствуйте.

Обѣщались родители на ея волю запрета не класть, — и такъ, около Святой, вдругъ Танюшѣ легче стало... Струпья стали одни за другимъ подсыхать и пропадать, и она сама бодрѣе стала и прояснила. Только все еще слабость одолѣвала и работать она ничего не могла. Однако же кое-какъ пооправилась, и чуть только весною повѣяло (а еще снѣгъ лежалъ въ поляхъ), стала Танюша въ дорогу сбираться.

Сладили ей родители новенькій полушубочекъ, двѣ пары лапотокъ сплели, котомочку справили и денегъ три рубля въ исподъ сарафана зашили... Побрела она по дорожкѣ съ другими богомолками да странницами. Батька съ маткой ее за двадцать верстъ до сосѣдняго прихода проводили, молебенъ отслужили напутственный, простились съ дочкой — да только ее и видѣли.

Прошло три мѣсяца, и пришла отъ нея вѣсточка: такъ и такъ, молъ — жива и здорова, и черезъ три дня поплыву пучиной морскою ко святой обители. А потомъ и вѣсть запала... И полгода проходитъ, и годъ къ концу близится — нѣтъ ни самой Танюши, ни о ней вѣсточки! Подалъ Наумъ и становому прошеніе съ объявкою, что дочь пропала, и земскому, и во-

лостному старшинѣ кланялся: о справкахъ просилъ—и все безъ проку. Только и слышитъ ото всѣхъ: «писали, а отповѣди нѣтъ! Не десять же разъ о твоей дочкѣ писать!»

Вотъ и взгоревался однажды Наумъ, и говоритъ своей хозяйкѣ:

— А что, старуха! Видно, намъ съ тобой не видать нашей голубки? Надо бы ее хоть въ поминанье вписать, что-ли?

— Какъ это можно! живого человѣка—да въ поминанье! говоритъ хозяйка мужу.— Ужъ прежде, чѣмъ поминать, сходи-ка ты къ Аринушкѣ, да съ ней потолкуй—что она тебѣ скажетъ?

Аринушка жила въ сосѣднемъ селѣ, и была ветхая, преветхая старушка Божья. Никто во всемъ околоткѣ не помнилъ, сколько ей лѣтъ—и пожалуй ужъ поболѣе двухъ десятковъ лѣтъ кормилась она на мірской счетъ, потому что давно была безъ ногъ. Только надо правду сказать: никто Аринушку не попрекалъ мірскимъ хлѣбомъ, и всѣ дѣвки, всѣ бабы, по очереди, за убогой старушкой охотно ухаживали—словно бы она была всѣмъ родная. И она всѣмъ за хлѣбъ и за ласку тѣмъ платила, что, не покладая рукъ, на всѣхъ пряла... Принесутъ ей, кто шерсти, кто льну, навяжутъ на гребень, дадутъ веретено въ руки—и пошла Аринушка прясть... Про нее даже и поговорка сложилась:

— И всякъ спляшетъ, да не какъ скоморохъ! И всякъ спрядетъ, да не какъ Аринушка!

А сверхъ того, во всѣхъ бѣдахъ, во всѣхъ затрудненіяхъ, всѣ шли за совѣтомъ къ Аринушкѣ, и она своимъ стародавнимъ опытомъ многимъ служила на пользу...

Вотъ и пришелъ къ Аринушкѣ Наумъ; вошелъ въ ея крошечную, убогую избёнку, гдѣ она всегда въ одномъ и томъ же углу на лавочкѣ сидѣла и пряла... А около нея, тоже за пряжей, дѣвчоночка очередная, для услугъ и помощи—и тоже за пряжей.

— Здравствуй, Аринушка! сказалъ ей Наумъ, и положилъ передъ нею пятокъ свѣжихъ яичекъ на поклонъ.

— Аль за нуждой какой тебя ко мнѣ Богъ принесъ? проговорила Аринушка, оставляя веретено и проницательно взглядывая на Наума.

— Ужъ вѣстимо, за нуждой! проговорилъ мужикъ со вздохомъ, опускаясь около Аринушки на лавку.

— Что-жъ? Сказывай! ласково отозвалась старушка, и выслала дѣвочку изъ избы на улицу.

Мужикъ все разсказалъ ей о дочкѣ, безъ всякой утайки; разсказалъ и какъ она на богомолье въ Соловки пошла, какъ имъ оттуда вѣсточку прислала, какъ потомъ пропала невѣдомо гдѣ, и какъ онъ у всѣхъ властей пороги пообивалъ, наводя о ней справки...

— Посовѣтуй ты мнѣ, родимая, какъ мнѣ быть, какъ объ дочкѣ — живой ли, мертвой ли — вѣсточку добыть? Ужъ я ее и поминать собрался, да жена...

Мужикъ не договорилъ и утеръ кулакомъ слезы, которыя покатились у него изъ глазъ, непрошенныя.

— Какъ можно живого человѣка поминать! проговорила Аринушка.— Это — великій грѣхъ, и ему ущербъ. Надо прежде дознаться — жива ли она?

И старушка задумалась и смолкла; молчалъ и Наумъ, выжидая ея слова.

— Вотъ ты что сдѣлай, сказала наконецъ Аринушка.—Какъ пойдешь къ Христовой заутрени, такъ ты, при самомъ началѣ христосованья, ни съ кѣмъ не христосуйся, а выйди на паперть, да первому встрѣчному и скажи, громко да внятно таково: «Христосъ воскресе, Таня!» Тогда ужъ непремѣнно твоя дочка, живая ли, мертвая ли, отзовется — и ты отъ нея вѣсточку вскорѣ получишь...

Такъ мужикъ, по совѣту Аринушки, и сдѣлалъ. Ранёшенько забрался въ церковь къ Христовой заутренѣ, забился въ самый дальній и темный уголъ, сталъ тамъ на колѣни и молится своею короткою, мужицкою молитвою:

«Просвѣти меня, Господи! Пошли милость твою,—дай мнѣ о дочкѣ вѣсточку!»

Чуть только запѣли «Христосъ воскресе», и всѣ около Наума стали христосоваться, онъ пробрался къ выходу и вышелъ на паперть.

Видитъ, темно и пусто въ церковной оградѣ. На облачномъ небѣ—ни звѣздочки, и только теплый, весенній вѣтерокъ, пророча на утро дождь, тянетъ по могилкамъ. Наумъ только что уста открылъ, какъ видитъ—спѣшитъ къ нему кто-то въ темнотѣ черезъ ограду—небольшенькій, словно подросточекъ...

И едва только успѣлъ Наумъ проговорить: «Христосъ воскресе, Таня!» — что-то холодное пахнуло ему въ лицо и коснулось ледяными устами его устъ, вытянутыхъ для христосованья.

Наумъ вздрогнулъ и отшатнулся... И видитъ: никого кругомъ... Темно... Только изъ церкви долетаетъ ликующее пѣніе клира и гулъ голосовъ, повторяющихъ: «Христосъ воскресе!»... «Воистину воскресе!»...

И вдругъ напалъ на бѣднаго Наума такой страхъ, такой трепетъ, что онъ опрометью бросился обратно въ церковь, и долго еще тамъ не могъ успокоиться, не могъ прійти въ себя.

Подъ утро, вернувшись домой отъ обѣдни, онъ все разсказалъ своей хозяйкѣ; а недѣлю спустя, Наума призвали въ станъ, и становой предъявилъ ему бумагу, въ которой значилось, что дочь его, на обратномъ пути изъ Соловковъ, умерла, еще годъ тому назадъ, въ такомъ-то посадѣ, да тамъ и схоронена.

Ольга Накко.

ДНИ МОЛОДОСТИ.

(ИЗЪ ЖИЗНИ ПУШКИНА ВЪ КИШИНЕВѢ).

I.

Чудное октябрьское утро, освѣщенное теплыми лучами солнца. Всюду раздается говоръ молдавской рѣчи. Благодаря тихой погодѣ и недавнимъ дождямъ, пыль на улицахъ улеглась. По нимъ бродятъ домашнія животныя въ перемежку съ простолюдинами изъ молдаванъ, грековъ, цыганъ; иногда встрѣчаются турки, изрѣдка — русскіе. Богатый классъ, бояры, считаютъ позорнымъ ходить пѣшкомъ по улицамъ, они ступаютъ только по дорожкамъ своихъ домашнихъ садовъ, а къ знакомымъ и роднымъ ѣздятъ, — если даже тѣ живутъ всего черезъ улицу. Живутъ бояры въ собственныхъ домахъ, всего 4—5 зимнихъ мѣсяцевъ, чтобы повеселиться и, главное, укрыться отъ разбойниковъ; весной же разъѣзжаются по своимъ имѣніямъ хозяйничать.

Хозяйство состоитъ только въ разведеніи и откармливаніи скота, преимущественно воловъ, которыхъ большими гуртами, въ нѣсколько сотъ штукъ, пригоняютъ въ Австрію на продажу; пшеницу и всякое другое зерно сѣютъ исключительно для до-

машняго обихода, а излишекъ его закапываютъ для сохраненія въ ямы, вырытыя въ землѣ, сверху прикрываютъ соломой и землей, хорошо утоптанной. Въ землю зарываютъ и накопленные червонцы, и драгоцѣнности.

Городскіе домики ютятся подъ горой; городокъ окруженъ виноградниками и лѣсами, которые вырубаются, какъ только становятся годными на топливо. Во время дождей, вся масса воды съ горъ устремляется на улицы, превращая ихъ въ бурные потоки и образуя въ иныхъ мѣстахъ глубокія рытвины и даже овраги. Послѣ всякаго большого дождя приходится засыпать нѣсколько такихъ рытвинъ посреди улицъ. На главной улицѣ — ряды небольшихъ лавокъ, нѣсколько порядочныхъ магазиновъ; тутъ же и мясныя лавки, и пекарня, и аптека. Зато всѣ другія улицы — сплошные заборы, такъ какъ почти всѣ дома построены посреди дворовъ съ садами, огородами, службами,— точь-въ-точь деревенскія усадьбы въ миніатюрѣ. Только изрѣдка мелькнетъ гдѣ нибудь, какъ новинка, домикъ съ полисадникомъ на улицу, — жилища русскихъ чиновниковъ или коммерсантовъ. Ни мостовыхъ, ни тротуаровъ, ни фонарей, ни подъѣздовъ нигдѣ не видно *).

Въ центрѣ города — довольно большая площадь. По воскресеньямъ сюда съѣзжаются окрестные поселяне съ повозками, нагруженными разными продуктами и живностью. Горожане запасаются провизіей на долгое время, иначе зимой, въ распутицу, когда прекратится подвозъ, плохо придется неимѣющимъ запасовъ.

Октябрь здѣсь лучшій мѣсяцъ въ году, и по погодѣ, и по оживленію. Въ пустыхъ, запертыхъ весной и лѣтомъ, домахъ закипаетъ жизнь. Въ городѣ появляются экипажи, тянутся обозы съ провизіей и вещами помѣщиковъ. Въ каждомъ дворѣ пилятъ и колятъ дрова на зиму, хотя ничто еще не напоминаетъ ея близости. Безпрестанно снуютъ водовозы, доставляющіе прекрасную воду изъ горныхъ ключей.

У съѣхавшихся боеровъ уже начались ежедневныя празд-

*) Бывшій тогда городокъ составляетъ предмѣстье теперешняго Кишинева. Боеры постепенно строили дома на горѣ, а старые сбывали преимущественно евреямъ.

нества, безъ гостей не обходится ни одинъ день. Обѣды, вечера, балы, чередуются у полсотни богатыхъ помѣщиковъ.

У простыхъ молдаванъ въ это же время начинается сезонъ свадебъ. По улицамъ часто проходятъ группы нарядныхъ поселянъ въ сопровожденіи цыганъ-музыкантовъ, или скачутъ верховые, съ цвѣтами на шапкахъ и на груди, на разукрашенныхъ лошадяхъ — шафера жениха или невѣсты; а въ воскресенье, родные и гости поведутъ съ музыкой къ вѣнцу этихъ женіховъ и невѣстъ. Вокругъ двухъ малыхъ церквей и довольно большого собора видно особенное оживленіе по случаю этихъ свадебъ: множество повозокъ, верховыхъ лошадей, группы музыкантовъ, нарядныя дѣвушки, все это ждетъ выхода изъ церкви молодыхъ, которыхъ поведутъ опять съ музыкой отъ воротъ церкви до дома невѣсты.

Только въ турецкой части города (махала-турчяска), гдѣ живутъ и болгары, царитъ полнѣйшая тишина и безжизненность. Улицы тутъ еще ýже, съ безчисленными переулками, а жилища похожи на тюрьмы, съ желѣзными рѣшетками въ маленькихъ окошкахъ подъ самой крышей.

II.

За соборомъ, въ предмѣстьѣ съ поселянскими домиками, одинъ изъ нихъ выдѣляется своимъ щегольскимъ видомъ*), окруженный высокими тополями и фруктовымъ садикомъ съ нѣсколькими огромными старыми орѣховыми деревьями, образующими лѣтомъ непроницаемый для солнца зеленый, душистый шатеръ. Это домъ зажиточнаго мѣщанина Наума, русскаго, женатаго на молдаванкѣ Маріукѣ, доброй женщинѣ и хорошей хозяйкѣ. Люди пожилые, они уже выдали замужъ двухъ дочерей, женили сына, и осталась у нихъ еще одна младшая дочь (мезына) Касандра, 18-ти-лѣтняя смуглянка, съ чудными глазами, румянцемъ во всю щеку и блестящими зубками.

*) Домикъ этотъ до сихъ поръ существуетъ на углу Антоніевской и Пушкуловской улицъ, какимъ-то чудомъ сохранившійся, какъ видно безъ ремонта, со временъ Пушкина, теперь это жалкая лачуга, до половины вросшая въ землю.

Домъ Наума раздѣляется широкимъ сквознымъ коридоромъ на двѣ половины, и въ каждой изъ нихъ двѣ комнаты: маленькая и большая. Въ одной половинѣ живетъ хозяинъ съ семьей; въ малой комнаткѣ у нихъ кухня съ печью, а большая до половины занята ткацкимъ станкомъ. Касандра готовитъ себѣ приданое. Ковры и полотно уже готовы, остались еще полотенца, играющія важную роль въ свадебныхъ церемоніяхъ: она ткетъ ихъ по цѣлымъ днямъ и вечерамъ до поздней ночи, а иногда до свѣта. Въ сумерки собираются къ ней дѣвушки-сосѣдки съ прялками за поясомъ; вслѣдъ за ними тайкомъ заглядываютъ туда и парни. Строгій Наумъ не позволяетъ имъ приходить. Заслышавъ его шаги, они опрометью выскакиваютъ изъ комнаты, или прячутся за печку или подъ лавки. Когда отца не бываетъ дома, шалунья Касандра иногда подговоритъ одну изъ подругъ пропзвести фальшивую тревогу и хохочетъ, глядя, какъ парни мечутся какъ угорѣлые, а дѣвушки не даютъ имъ спрятаться и задерживаютъ у дверей. Маріука снисходительно относится къ этимъ шалостямъ, притворяется, что ничего не слышитъ, и не заглядываетъ къ дочери, чтобы не стѣснять молодежь.

На чистой половинѣ дома (кàса màрè) почти всегда квартируетъ кто нибудь изъ пріѣзжихъ. Наумъ охотно принимаетъ гостей-жильцовъ и зашибаетъ хорошія деньги. Въ городѣ еще не существуетъ гостинницъ. Вмѣсто нихъ принято останавливаться въ нѣкоторыхъ домахъ, подобныхъ Наумову,— если кто не имѣетъ ни родныхъ, ни знакомыхъ, у которыхъ можно было бы найти временный пріютъ.

На этотъ разъ помѣщеніе у Наума, съ половины сентября, занимаетъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Онъ радъ, что ему удалось найти квартиру у хозяина русскаго; иначе, не зная еще ни слова по-молдавски, онъ былъ бы въ большомъ затрудненіи. Маріука понимаетъ по-русски, но говорить не рѣшается. Поэтому, разговаривая съ Пушкинымъ, она отвѣчаетъ ему или обращается къ нему всегда по-молдавски, и тѣмъ понуждаетъ его поневолѣ вслушиваться и учиться понимать незнакомый языкъ. Съ Касандрой же у Александра Сергѣевича бываетъ совсѣмъ особый разговоръ, понятный на всѣхъ языкахъ лишь одной кипучей молодости...

III.

Прелестное утро. Солнце уже высоко поднялось; старинные часы съ кукушкой хрипло прошипѣли десять часовъ, а Пушкинъ все еще не встаетъ. Наканунѣ онъ слишкомъ долго кутилъ съ пріятелями въ трактирѣ Антоніо, возвратился передъ свѣтомъ, и теперь спитъ богатырскимъ сномъ. Не слышитъ онъ ни громкаго кудахтанья куръ надъ его головой на чердакѣ, ни стука станка. Это — однообразный, ритмическій стукъ; какъ часто поэтъ и засыпаетъ, прислушиваясь къ нему, точно убаюканный стукомъ колыбели, и пробуждается съ нимъ!—Въ сѣняхъ нѣсколько нанятыхъ мальчиковъ сидятъ на полу надъ грудой волошскихъ орѣховъ, высыпанныхъ изъ мѣшка, очищаютъ ихъ отъ зеленой кожицы и бросаютъ въ большія корзины. Они громко разговариваютъ и смѣются почти подъ самой дверью квартиранта, и все-таки не могутъ разбудить его.

Сквозь маленькія окна, закрытыя толстыми шерстяными занавѣсками, темнокрасными, съ черными разводами, уже проникаютъ лучи солнца въ видѣ свѣтлыхъ пятенъ. Пушкинъ спитъ на высокой кровати, утопая въ подушкахъ, замѣняющихъ перину. Надъ кроватью виситъ огромный коверъ, еще изъ приданаго Маріуки, съ какою-то замысловатой птицей посреди вѣнка изъ цвѣтовъ еще болѣе фантастичныхъ. Отъ кровати до другого угла тянется узкій диванъ, крытый ковромъ, съ плоскими, твердыми, стѣнными подушками вмѣсто спинки. Подъ потолкомъ — полочка съ образами и бѣлыми занавѣсками; образа темные, закоптѣлые, очевидно древніе. Подъ образами — столъ, крытый бѣлою скатертью домашняго полотна. На окошкахъ — маленькіе горшечки съ цвѣтущей геранью, мѣстами перевязанною краснымъ гарусомъ — чтобъ не сглазили. Между окнами — рабочій столъ Пушкина, покрытый зеленымъ сукномъ; на немъ лежатъ книги, чернильница и разныя бездѣлушки, привезенныя изъ Петербурга. Надъ столомъ повѣшены, безъ рамокъ, нѣсколько акварельныхъ рисунковъ и литографій, напоминающихъ поэту близкихъ родныхъ и друзей. Возлѣ дверей, въ углу, на низкомъ табуретѣ, возвышается до потолка столбъ изъ ковровъ, аккуратно сложенныхъ — это приданое Касандры. Въ проти-

воположномъ углу — красивая, затѣйливая печка, изъ двухъ колоннъ съ нишей посрединѣ, а за ней другая дверь — въ маленькую комнатку — уборную, гдѣ находятся дорожные сундуки, вѣшалка съ платьемъ и бѣлый, некрашеный шкапъ. Дверь эта примыкаетъ къ кровати. Потолокъ низкій, изъ балокъ, обмазанныхъ глиной и выбѣленныхъ, къ нимъ привѣшаны пучки васильковъ и другихъ душистыхъ травъ. Досчатый некрашеный полъ весь покрытъ коврами, кое-гдѣ разставлено нѣсколько деревянныхъ крашеныхъ стульевъ. Безукоризненная чистота и отсутствіе всякихъ насѣкомыхъ довершаютъ уютность комнатки.

Наконецъ, Александръ Сергѣевичъ проснулся, позвалъ Наума, ударилъ въ ладоши, но шумъ и гамъ въ сѣняхъ заглушилъ его голосъ. Тогда онъ спустилъ руку съ кровати, взялъ сапогъ и изо всей силы кинулъ его въ дверь. Мгновенно наступила тишина. Вслѣдъ затѣмъ, другой сапогъ полетѣлъ туда же.

— Аўдъ, аўдъ! (слышу, слышу)! отзывается Маріука.

Черезъ минуту входитъ Наумъ, здоровается, беретъ платье и сапоги, передаетъ ихъ за дверью женѣ для чистки, а самъ подаетъ умываться.

Одѣвшись, Александръ Сергѣевичъ тотчасъ отворяетъ оба свои окошка въ садъ. Сочная трава и свѣжая зелень ярко блестятъ на солнцѣ. Сентябрьскіе дожди освѣжили растительность послѣ лѣтней засухи. Поэтъ, еще никогда не видавшій въ октябрѣ такой погоды, восхищается ею, съ восторгомъ оглядываетъ каждый кустикъ, каждый листикъ, не можетъ оторвать глазъ отъ окна.

— С'онтòрсъ примавàра (возвратилась весна)! сказала Маріука, ставя на столъ подносъ съ кофе, сливками, мягкими бубликами и стаканомъ воды со льдомъ. Боеръ Флорѐско два раза приходилъ, да она не хотѣла и не позволила разбудить «куконàша»*).

Вотъ Пушкинъ выходитъ въ сѣни, заваленныя орѣхами; тамъ — никого. Мальчики ушли въ кухню обѣдать съ хозяевами. Маріука только что вывалила на столъ горячую мамалыгу, разрѣзала ее ниткой на ломти, поставила миску съ борщемъ и

*) «Куконàшъ» по-молдавски означаетъ то же, что по-малороссійски «панычъ», т.-е., неженатый молодой человѣкъ.

тарелку брынзы. Только Касандра все еще стучитъ станкомъ. Онъ пользуясь удобной минутой, шмыгнулъ къ ней, тихонько подкрался и, чтобы испугать ее, ловко, быстро просунулъ голову подъ ея локоть, такъ что его затылокъ очутился на колѣняхъ дѣвушки. Она вздрогнула, выронила челнокъ и спутала пряжу.

— Ба́тэ ти Думнедзэу! (Побей тебя Богъ)! сердито вскричала она со слезами въ голосѣ. — Фу̀жь д'эи̇̀чъ, сата̀на! (ступай отсюда, сатана)! Опять запуталъ мнѣ пряжу!

Отстраняя его отъ себя, дѣвушка въ бѣшенствѣ стала бить его кулаками куда попало; однако, расходившійся «кукона̀шъ» не унимался, а еще пуще проказничалъ, ничуть не защищаясь отъ ея колотушекъ. Ему чрезвычайно нравится дразнить и сердить ее и чувствовать на себѣ ея кулачки. Наконецъ, сорвавъ сердце, она разсмѣялась сквозь слезы. Тогда онъ взялъ ее за обѣ щечки и чмокнулъ въ губы. Въ эту минуту Маріука громко позвала дочь. Проказникъ выскочилъ во дворъ и поспѣшно вышелъ на улицу.

Пушкинъ не любилъ спутниковъ; онъ любилъ одинъ побродить сперва по городу, а потомъ пробраться на гору въ лѣсъ, минуя городъ, обогнуть его, пройти туда окрестностями. Чтобы не встрѣтиться съ Флорѐско, онъ не пошелъ черезъ площадь, а завернулъ въ переулокъ и сразу очутился въ «муравьиномъ лабиринтѣ», какъ онъ назвалъ эту густо населенную мѣстность съ безпорядочно разбросанными хижинами, съ безчисленнымъ множествомъ переулочковъ. Тутъ легко было заблудиться. Ему пришлось долго кружиться, пока нашелся выходъ въ поле. Населеніе уже замѣтило его, знаютъ, что онъ чиновникъ генерала Инзова; завидя его издали, молдаванки прихорашиваются и кричатъ другъ другу: «Яка ви̇̀не (вотъ идетъ) кукона̀шъ Пушка!» Молдаване снимаютъ шапки, низко кланяются ему, что не мѣшаетъ нѣкоторымъ изъ нихъ бросать на него взгляды, полные ревнивой ненависти и бормотать пожеланія далеко не любезныя. Это женихи и мужья хорошенькихъ женщинъ, съ которыми Пушкинъ безцеремонно заигрываетъ на ходу, въ отвѣтъ на ихъ вызывающіе взгляды.

Фланируя здѣсь и по окрестностямъ, онъ запасается разными впечатлѣніями. Все, что сколько нибудь выдается красотой и оригинальностью укладывается въ чуткую душу поэта,

кристализуется въ художественные образы. Нѣкоторые подмѣченные имъ типы и сцены онъ заноситъ въ свою записную книжку, всегда находящуюся при немъ.

Вотъ онъ, наконецъ выбрался изъ лабиринта на чистый воздухъ, на выгонъ, и идетъ въ гору. Тамъ, на горизонтѣ, пестрѣетъ лѣсъ въ своей нарядной, разноцвѣтной листвѣ. Онъ спѣшитъ туда. Лѣсъ вырубленъ еще недавно; кое-гдѣ оставлены группы старыхъ дубовъ и липъ, да мѣстами молодой лѣсъ густой щетиной поднимается надъ пнями. Въ хорошую погоду поэтъ любитъ бродить тутъ, мечтать, вдохновляясь сюжетами своихъ будущихъ сочиненій и строить самые фантастическіе планы и воздушные замки о своей будущности. Въ этой красивой мѣстности у него есть любимые уголки, онъ далъ имъ разныя названія. Изъ нихъ чаще всего онъ просиживаетъ съ книгой или тетрадкой и карандашемъ въ рукахъ, въ «Сашиной рощѣ»,— нѣсколько старыхъ липъ на холмѣ, образующихъ темный сводъ, между ними лежитъ срубленный толстый дубъ, служащій ему скамейкой. Изъ-подъ этого свода зелени открывается видъ во всѣ стороны: виденъ городъ, отсюда очень красивый, видна долина на далекое разстояніе и по ней затѣйливые изгибы рѣчки Буркутъ (по теперешнему «Бычокъ»); наконецъ, съ этого возвышеннаго мѣста виденъ со всѣхъ сторонъ молодой лѣсъ, кудрявыми волнами сливающійся съ горизонтомъ.

IV.

Вотъ уже второй мѣсяцъ, какъ Александръ Сергѣевичъ живетъ въ Кишиневѣ, и почти ежедневно бываетъ тутъ въ разное время дня, чаще всего при заходѣ солнца, иногда рано утромъ, но всегда одинъ.

Случается, что гуляя, онъ незамѣтно доходитъ до изгороди одного виноградника, принадлежащаго трактирщику Антоніо, большому пріятелю Пушкина, у котораго онъ всегда обѣдаетъ и часто кутитъ съ молодежью. Сторожемъ на виноградникѣ служитъ отставной солдатикъ Егорка, вынесшій на своихъ худыхъ плечахъ 35-ти-лѣтнюю суровую солдатскую службу, сдѣлавшую его совсѣмъ дряхлымъ старикомъ. Александръ Сергѣевичъ охотно

съ нимъ бесѣдуетъ, разспрашиваетъ обо всемъ, что тотъ вынесъ на своемъ вѣку во время службы, гдѣ былъ, съ кѣмъ воевалъ, какихъ начальниковъ «претерпѣвалъ», какихъ уважалъ, и проч. Поэтъ жалѣетъ и балуетъ его, всегда приноситъ ему, кромѣ мелкой монеты и табачку, еще какихъ нибудь гостинцевъ. Зато же и для Егорки нѣтъ высшей радости, какъ смотрѣть, когда «добрый панычъ» срываетъ съ кустовъ и ѣстъ прекрасный виноградъ, который онъ ему указываетъ и для него сберегаетъ. Виноградъ уже весь давно собранъ, недѣли три тому назадъ, но въ обширномъ виноградникѣ есть нѣсколько кустовъ, которыхъ солдатикъ не позволилъ оборвать, онъ выпросилъ ихъ у хозяина для себя.

И сколько разъ ни случается Александру Сергѣевичу подходить къ изгороди, онъ всегда видитъ торчащую гдѣ нибудь надъ терновникомъ сѣдую голову солдата, поджидающаго своего «добраго паныча».

— Пожалуйте, панычъ, покушайте винограду! Еще есть хорошій! приглашаетъ старичокъ, отворяя калитку.

— До какихъ же это поръ у тебя будетъ виноградъ на кустахъ? Что ты за фокусникъ?

— Да будетъ онъ у меня для вашей милости до самыхъ морозовъ.

Накушавшись вдоволь и поболтавъ съ Егоркой, онъ направляется домой въ самомъ радужномъ настроеніи. Уже три часа. Недалеко отъ своей квартиры ему встрѣчается Флорѐско, ловко выскакиваетъ изъ брички и подходитъ къ нему.

— Здравствуйте, Пушкинъ, гдѣ это вы пропадаете? Я уже три раза былъ у васъ. Какъ вы не боитесь бродить одинъ по нашимъ окрестностямъ? И что это за страсть у васъ? Какъ это вамъ не скучно? Совсѣмъ не понимаю...

Вмѣсто отвѣта, Пушкинъ распахнулъ шинель и показалъ ему торчащее изъ глубокаго кармана дуло пистолета.

— Вотъ съ этимъ спутникомъ ничего не боюсь; а почему я не скучаю,— этого вы не поймете никогда, и объяснять вамъ не берусь. Наши натуры совсѣмъ разнятся.

Они глядятъ другъ на друга, считая одинъ другого дуракомъ. Эта тайная мысль такъ ясно выразилась на лоснящемся отъ жиру лицѣ Флореско, что Пушкинъ отгадалъ ее и захо-

хоталъ. Тотъ отвѣтилъ тѣмъ же. Но это не мѣшаетъ имъ быть въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Флорѐско, богачъ и жуиръ, чувствуетъ большую симпатію къ этому «странному» молодому человѣку, которому чего-то не достаетъ, чтобы быть какъ всѣ люди, но вмѣстѣ съ тѣмъ такому интересному, съ которымъ всегда такъ весело.

Въ свою очередь, Александръ Сергѣевичъ, хотя и тяготится иногда его обществомъ, особенно, когда приходится быть съ нимъ наединѣ, но считаетъ его самымъ добродушнымъ изъ всей кишиневской jeunesse dorée, искренно ему преданнымъ, надъ которымъ можно безнаказанно трунить и острить, тогда какъ съ другими изъ-за этого выходили большія непріятности. Забавнѣе всего кажется поэту высокое мнѣніе Флорѐско о себѣ, его чванство и напыщенность въ обхожденіи съ окружающими.

— Садитесь, поѣдемъ скорѣе къ кнръ-Антоніо! любезно пригласилъ онъ.—Наша компанія давно ждетъ васъ обѣдать.

— Вы поѣзжайте, а я пойду пѣшкомъ. Тутъ такъ близко! Стоитъ ли ѣхать, да еще въ такую чудную погоду? настаивалъ Пушкинъ.

— А не будутъ ли смѣяться, что мы ходимъ пѣшкомъ, я еще никогда не ходилъ! робко замѣтилъ Флореско; но видя, что тотъ рѣшительно идетъ впередъ, онъ приказалъ кучеру слѣдовать за ними шагомъ, и присоединился къ Пушкину, стыдливо озираясь по сторонамъ.

V.

Смущеніе его дошло до высшей степени, когда при поворотѣ въ одну улицу, они встрѣтились съ коляской, запряженной четверкой лошадей цугомъ. Въ экипажѣ сидѣли двѣ дамы: старая и молодая. Поровнявшись съ ними, Флореско конфузливо раскланялся. Дамы съ удивленіемъ взглянули на него и его спутника.

— Вотъ и Белладжи пріѣхали изъ деревни! радостно вздохнувъ, сказалъ онъ, подходя къ дому грека.

— Какъ зовутъ молодую? спросилъ Пушкинъ.— Что, она дама или дѣвица?

— Аглая Белладжи, должно быть уже вышла замужъ, свадьба ея назначена была въ іюлѣ. Мое имѣніе далеко отъ нихъ, и потому я навѣрно не знаю. Да вотъ сейчасъ услышимъ объ этомъ отъ киръ-Антоніо, онъ вѣдь все знаетъ.

У грека аппетитно пахло жареной индѣйкой. Большая компанія съ восторгомъ привѣтствовала появленіе Пушкина, кто по-русски, кто по-молдавански. Пока онъ здоровался съ ними, Флореско спросилъ у Антоніо, была ли свадьба Аглаи.

— Чуть-чуть не была, да разстроилась. Неужели вы еще ничего не слыхали объ этомъ скандальномъ происшествіи?

— Ровно ничего. Какъ же это случилось?

— Ну, такъ я вамъ разскажу, только не сейчасъ, а послѣ обѣда. Я знаю одного молодого человѣка, которому разстройство этой свадьбы придется очень на руку. Какъ вы думаете? А? Грекъ, ехидно улыбаясь, фамильярно потрепалъ его по плечу.

Киръ-Антоніо содержалъ трактиръ для простолюдиновъ и нѣчто въ родѣ ресторана и кофейни для боеровъ. Оба эти заведенія находились подъ одной крышей его дома, однако, были совершенно отдѣлены другъ отъ друга, такъ что, простолюдины никогда не встрѣчались съ боерами, а хозяинъ могъ наблюдать и за тѣми, и за другими. Короче сказать, каждое заведеніе имѣло совсѣмъ особый входъ, съ противоположной улицы. Дворъ былъ Антоніо трехъ-угольный, съ тремя выходами на три улицы. Въ основаніи этого трехъ-угольника, подъ широкой стѣной, стоитъ домъ; затѣмъ, обѣ стѣны забора, постепенно сближаясь, соединяются подъ угломъ, въ которомъ устроены ворота. Въ каждой изъ боковыхъ стѣнъ каменнаго забора есть по одной калиткѣ, а изъ этихъ калитокъ, подъ крытымъ навѣсомъ, проходятъ въ домъ, раздѣленный квартирой хозяина на двѣ части *).

Киръ-Антоніо былъ мастеръ готовить всевозможныя кушанья для боеровъ, такъ что самые прихотливые изъ нихъ бывали довольны. У него были вѣчныя сборища людей всякаго возраста,

*) Киръ-Антоніо впослѣдствіи купилъ имѣніе, и былъ тамъ замученъ и убитъ разбойниками. Домъ этого грека и каменныя стѣны забора еще существуютъ, а обѣ улицы, прилегающія къ нимъ, до сихъ поръ называются *антоніевскими*.

мѣстныхъ и пріѣзжихъ, но больше всего молодежи. И какъ уютно, какъ весело всегда бывало у киръ-Антоніо въ его большой свѣтлой комнатѣ, обставленной кругомъ широкими диванами! Сколько веселья, шуму, смѣху! Молодежь кутила здѣсь иногда цѣлыя ночи, въ обществѣ разныхъ красавицъ, подъ звуки мастерской игры лучшаго цыганскаго оркестра. Добрый грекъ отечески относился къ своимъ привилегированнымъ кліентамъ, онъ зналъ всю подноготную каждаго изъ нихъ, его личныя и семейныя дѣла, его состояніе, всѣ его заботы и стремленія. Многимъ изъ нихъ онъ оказывалъ большія услуги и одолженія всякаго рода, начиная съ займа денегъ. И къ чести его надо замѣтить, что личныя его выгоды тутъ не играютъ никакой роли. Этимъ объяснялась его огромная популярность. Дѣла его и безъ того шли отлично, онъ богатѣлъ не по днямъ, а по часамъ. Оттого всѣ и обходятся съ нимъ не какъ съ трактирщикомъ, а какъ съ равнымъ, близкимъ человѣкомъ. Пушкина онъ очень полюбилъ, но разговаривать съ нимъ можетъ только черезъ переводчика.

VI.

Вотъ что Флореско узналъ отъ грека о Белладжи и что потомъ самъ сообщилъ о нихъ Пушкину *).

Богатѣйшій помѣщикъ Михалаки Ракоти имѣлъ двухъ сыновей. Старшій былъ необразованъ, не зналъ даже по-русски; отецъ приспособилъ его къ хозяйству.

Младшій имѣлъ охоту къ ученію и получилъ образованіе,— онъ окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ. Это Адріанъ Ракоти, одинъ изъ первыхъ молодыхъ бессарабцевъ, получившихъ солидное образованіе въ Россіи.

Адріанъ страстно влюбился въ Аглаю Белладжи, дѣвушку тоже выдающуюся своимъ умомъ, красотой, получившую образованіе въ Одессѣ. Отецъ ее былъ одесскимъ коммерсантомъ,

*) Исторія Аглаи Белладжи была изложена мною въ другомъ разсказѣ; здѣсь же она является лишь эпизодомъ кишиневской жизни пушкинскаго времени.

тамъ онъ разорился и умеръ. Жена его Сафта, бессарабка, раздѣлавшись съ кредиторами мужа, переселилась въ свое бессарабское имѣніе Стынчены и занялась хозяйствомъ. Кромѣ того, у нея есть свой домъ въ Кишиневѣ, какъ у всѣхъ боеровъ. Ея единственная дочь Аглая, 23-хъ лѣтъ, гордая, неприступная, отказывала всѣмъ женихамъ, пока не познакомилась съ Адріаномъ, котораго полюбила горячо, беззавѣтно, какъ могутъ любить только такія серьезныя дѣвушки.

Старикъ Михалаки Ракоти задумалъ женить Адріана на дочери другого, такого же богача какъ онъ, на Зойцѣ Голеско, 19-ти лѣтъ, только что окончившей ученіе въ лучшемъ пансіонѣ въ Одессѣ. Оба старика, Ракоти и Голеско, большіе пріятели, давно порѣшили это между собой, и даже условились насчетъ приданаго. О согласіи дѣтей они не думали. Оба придерживались старинныхъ обычаевъ, не допускающихъ мысли, чтобы дѣти ихъ осмѣлились не послушаться и поступить въ чемъ либо противъ ихъ желанія. Однако Адріанъ всей душой воспротивился этому плану и повелъ дѣло такъ искусно, что послѣ долгой борьбы склонилъ, наконецъ, старика дать свое согласіе на его бракъ съ Аглаей.

Въ іюнѣ назначенъ былъ день обрученія. Въ Стынчены съѣхались гости, пріѣхалъ и Михалаки съ Адріаномъ. Не смотря на данное согласіе, Михалаки никакъ не могъ помириться съ этимъ, и потому былъ мрачный и злой; такъ что съ первыхъ же минутъ своего появленія у Белладжи принялся язвить ихъ и оскорблять насмѣшками насчетъ ихъ бѣдности сравнительно съ нимъ, а Аглаю нѣсколько разъ упрекнулъ въ томъ, что она ловкая интриганка, сумѣла «подцѣпить» такого выгоднаго жениха и проч. въ такомъ родѣ. Бѣдная Сафта, глотая слезы, терпѣливо и молча переносила эти грубыя издѣвательства, не желая заводить ссору, но утѣшалась мыслью, что послѣ свадьбы прервetъ съ нимъ всякія сношенія. Аглая тоже страдала и терпѣла изъ любви къ жениху. Не легко было и ему...

Весь день Михалаки былъ какъ черная туча, нависшая надъ мирной семьей. Даже гости сторонились отъ него, что еще болѣе злило его.

Послѣ обѣда старики легли спать, а молодежь отправилась

на прогулку, взявъ съ собой и оркестръ. Когда Михалàки проснулся, до него долетали взрывы смѣха изъ дальней комнаты; тамъ собралось нѣсколько помѣщиковъ, и одинъ изъ нихъ до слезъ смѣшилъ другихъ, разсказывая что-то очень смѣшное. Михалàки изъ любопытства пошелъ къ нимъ и сѣлъ на край дивана, никѣмъ не замѣченный. На бѣду, въ это самое время вошелъ лакей, разносившій шербетъ и воду. Эти господа сидѣли всѣ въ рядъ на длинномъ диванѣ. Слуга началъ съ ближайшаго къ дверямъ, съ намѣреніемъ подносить затѣмъ всѣмъ по порядку. Къ несчастью, онъ не замѣтилъ Ракòти, сидѣвшаго на противоположномъ концѣ, тогда какъ, по этикету, все, что̀ бы ни подносилось гостямъ, должно было начинаться съ него. Надменный, раздраженный боеръ счелъ за неуваженіе къ себѣ эту простую ошибку слуги, тѣмъ болѣе извинительную, что были уже сумерки и что онъ никакъ не ожидалъ видѣть Михалàки въ этой комнатѣ.

Взбѣшенный старикъ, никѣмъ не замѣченный, пошелъ въ конюшню, велѣлъ запречь и уѣхалъ ни съ кѣмъ не простившись. Между тѣмъ, въ тотъ же вечеръ должна была состояться церемонія обрученія. Когда Адріанъ возвратился съ прогулки и узналъ о бѣгствѣ отца, онъ тотчасъ уѣхалъ верхомъ вслѣдъ за нимъ, догналъ его и сталъ уговаривать и умолять, чтобы онъ возвратился и докончилъ дѣло, отъ котораго зависѣло счастіе всей его жизни; но старикъ въ сильномъ гнѣвѣ раскричался на него, пригрозилъ прогнать его и лишить наслѣдства, если онъ еще хоть разъ когда нибудь заикнется ему о Белладжи́. Пришлось поневолѣ покориться.

Чтобы не распугать гостей, Адріанъ объявилъ, что отецъ почувствовалъ себя очень худо, поспѣшилъ домой, и потому обрученіе и свадьба откладываются на нѣкоторое время. Гости сдѣлали видъ, что повѣрили, а на другой день рано всѣ разъѣхались. Тогда Сафта дала волю слезамъ, голосила, рвала на себѣ волосы и сильно заболѣла отъ горя и стыда. Какъ женщина мало образованная и суевѣрная, она видѣла въ этомъ скандалѣ не только позоръ для своей семьи, но еще и дурное предзнаменованіе...

Адріанъ пробовалъ склонить Аглàю обойтись безъ позволенія родителей, предлагалъ увезти ее, но гордая дѣвушка не

согласилась, а только просила считать свадьбу отложенной на неопредѣленное время, пока мать ея не успокоится совершенно: тогда онѣ вдвоемъ придумаютъ, какъ поступить.

Возвратившись домой, Адріанъ такъ затосковалъ, что сталъ пить, и въ короткое время, всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, сдѣлался невзлѣчимымъ, горькимъ пьяницей. До поры до времени ему удавалось скрывать этотъ порокъ отъ отца и отъ знакомыхъ; но онъ сознавалъ, что для Аглаи онъ погибъ навсегда, и больше не помышлялъ жениться на ней.

Въ этомъ состояніи, преслѣдуемый постоянными понужденіями отца, Адріанъ, наконецъ, рѣшился жениться на Зоицѣ, которой было рѣшительно все равно за кого не выйти замужъ, лишь бы быть свободной, наряжаться и кокетничать.

Для Аглаи это было смертельный ударъ, навсегда разбившій ея жизнь.

Белладжи пріѣхали въ Кишиневъ на этотъ разъ не для веселья, а чтобы укрыться отъ разбойниковъ, провести зимніе мѣсяцы въ безопасности. Онѣ были сильно напуганы недавно случившимся убійствомъ ихъ сосѣда помѣщика. Аглая объявила матери, что не будетъ нигдѣ бывать и, вообще, бросаетъ всякую мысль о замужествѣ.

Кпръ-Антоніо былъ правъ, когда въ шутливомъ тонѣ говорилъ Флорѣско, что знаетъ одного господина, который будетъ доволенъ и радъ, что свадьба Аглаи не состоялась. При разсказѣ грека, выраженіе лица Флорѣско стало такимъ торжествующимъ, веселымъ, что Пушкинъ тотчасъ замѣтилъ это и, при первомъ удобномъ случаѣ, заставилъ пріятеля сознаться въ своей безнадежной любви, въ томъ, что онъ три года тому назадъ дѣлалъ предложеніе Аглаѣ, но получилъ отказъ.

VII.

Съ тѣхъ поръ пріятели часто бесѣдовали объ этомъ. Считая Александра Сергѣевича болѣе опытнымъ въ сердечныхъ дѣлахъ, Флорѣско совѣтывался съ нимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказывалъ полную увѣренность, что послѣ бывшаго скандала, Аглая не только не отвергнетъ его, но еще почтетъ за счастіе выйти за

него замужъ, даже безъ любви. Пушкинъ же настаивалъ на томъ, что не слѣдуетъ рисковать, а лучше выждать нѣсколько мѣсяцевъ, пока пройдетъ ея грусть, пока она забудетъ Адріана. При этомъ онъ всегда выражалъ желаніе познакомиться съ этой дѣвушкой и, шутя, дразнилъ пріятеля, что отобьетъ у него невѣсту.

Однако Флорѐско не въ силахъ былъ послѣдовать благоразумному совѣту и, чуть ли не на другой же день, явился къ Аглаѣ и сталъ часто бывать у нея. Но отъ Александра Сергѣевича онъ тщательно скрывалъ это, отчасти изъ ревности къ нему, отчасти же оттого, что стыдился своей слабохарактерности.

Въ одинъ прекрасный день, когда ему показалось, что Аглая ласковѣе къ нему, нежели была до сихъ поръ, онъ счелъ возможнымъ и своевременнымъ сдѣлать ей предложеніе, высказавъ его въ довольно таки напыщенной формѣ; въ тонѣ и въ словахъ его сквозила увѣренность, что за него ухватятся какъ за якорь спасенія и почтутъ его предложеніе за особенную честь. Онъ чувствовалъ себя въ роли благодѣтеля. Мать и дочь были такъ изумлены, что не сразу поняли, въ чемъ дѣло.

Наконецъ Аглая, съ едва замѣтной усмѣшкой, отвѣтила ему, подражая его напыщенности:

— Благодарю васъ за великую честь. Я сознаю, какое было бы для меня огромное счастіе выйти за васъ замужъ, но можетъ быть вы найдете невѣсту болѣе достойную васъ... И потому, я рѣшительно и разъ навсегда отказываю вамъ. Прощайте!

Послѣднія слова она выговорила громче, какъ бы подчеркивая ихъ, потомъ сухо поклонилась и вышла изъ гостиной.

Какъ громомъ пораженный отъ удивленія стоялъ Флорѐско, растерянно глядя ей вслѣдъ, насилу овладѣлъ собой и, обратившись къ Сафтѣ, высказалъ ей удивленіе, что дочь такъ мало уважаетъ ее, что не посовѣтывавшись съ нею, рѣшается такъ дерзко отказать ему.

— Посмотримъ, заключилъ онъ, — случится ли у вашей дочери женихъ лучше и богаче меня? Она слишкомъ много о себѣ воображаетъ, вѣроятно ждетъ какого нибудь принца, какъ Прохирѝца Варооломей. Но та, по крайней мѣрѣ, танцовала съ императоромъ, а ваша зачѣмъ такъ важничаетъ?

Сафтѣ живо вспомнились горькія обиды, перенесенныя отъ Михалаки. Подъ этимъ впечатлѣніемъ она вдругъ вскипѣла и хриплымъ отъ гнѣва голосомъ отвѣтила:

— Мы хотя и не богаты, но, слава Богу, и не нищіе, обойдемся и безъ вашего богатства... А дочь моя, дѣвушка умная, весьма понятно, не желаетъ имѣть мужа дурака, хоть и богатаго. Провалпвайте отсюда, и чтобъ я васъ больше не видѣла!

Флорѣско поблѣднѣлъ отъ злости, громко плюнулъ въ сторону Сафты и вышелъ, хлопнувъ дверью и бормоча ругательства.

Эту сцену, кромѣ домашней прислуги, слышали и видѣли двѣ дамы, пріятельницы Сафты, сидѣвшія въ столовой за завтракомъ во время визита Флорѣско. Понятно, что вѣсть о его пораженіи весьма скоро облетѣла весь городъ. Пушкинъ и вся его компанія одни изъ первыхъ узнали объ этомъ отъ Антоніо. Поэтъ былъ возмущенъ вѣроломствомъ боера, котораго считалъ своимъ искреннимъ пріятелемъ; зато же и онъ готовъ былъ осыпать его злѣйшими эпиграммами въ прозѣ и въ стихахъ, которые тутъ же за обѣдомъ сочинялъ и декламировалъ.

Однако Флорѣско нигдѣ больше не появлялся. На сей разъ онъ настолько поумнѣлъ, что счелъ за лучшее выѣхать изъ Кишинева ни съ кѣмъ даже не простившись.

Это неудачное сватовство служило долгое время предметомъ разговоровъ и шутокъ. Говорили также, что Михалаки Ракоти уже сожалѣетъ объ Аглаѣ, что сынъ его вѣчно пьянъ, Зойца не оказываетъ никакого уваженія ни ему, старику, ни Адріану, и тратитъ бѣшеныя деньги, ссылаясь на свое богатство, на то, что имѣетъ право тратить свои собственныя деньги.

Аглая сильно заинтересовала Александра Сергѣевича. Ему очень хочется познакомиться съ нею, да случай къ тому не представляется, хотя онъ хорошо знакомъ съ нѣсколькими семействами, гдѣ могъ бы встрѣтить ее; но Белладжи эту зиму живутъ совсѣмъ замкнуто, нигдѣ не появляются. Сафта серьезно заболѣла.

VIII.

Прогулки Пушкина по окрестностямъ прекратились съ наступленіемъ зимы, неожиданно нагрянувшей, послѣ теплой погоды, въ половинѣ ноября. Съ той поры начинается его разсѣянная жизнь. Помѣщики наперерывъ приглашаютъ его на обѣды и балы. Въ свободные вечера онъ кутитъ съ молодежью у Антоніо, проводитъ часто цѣлыя ночи въ оргіяхъ. Въ свѣтѣ у него есть хорошенькія пріятельницы, дамочки и дѣвицы, съ которыми онъ находится въ дружескихъ, совсѣмъ фамильярныхъ отношеніяхъ и подчасъ дурачится съ ними, хотя шалости эти совсѣмъ невинны. Первое время его очень удивляло совсѣмъ свободное обращеніе молодыхъ мужчинъ съ молодыми женщинами и дѣвушками, допущенное въ высшемъ молдаванскомъ обществѣ, и рядомъ съ этой свободой—правила этикета и разныя другія строгости и стѣсненія, чисто восточнаго характера и происхожденія. Ему кажется забавнымъ наблюдать, какъ эти крайности уживаются рядомъ и даже переходятъ въ гармоничный строй жизни.

Съ красавицами молдаваночками изъ простонародія Пушкинъ ужъ слишкомъ развязенъ. Тутъ дѣло доходитъ иногда до жалобъ на него начальству ревнивыхъ молдаванъ-мужей, или слишкомъ строгихъ отцовъ. Добрѣйшій генералъ Инзовъ отечески распекаетъ поэта, да это мало помогаетъ.

Въ это время, въ минуты вдохновенія, онъ придумываетъ чудныя вещи, но ничего не пишетъ. Такъ прошла зима.

Но вотъ, въ половинѣ февраля, стало вдругъ тепло. Весна явилась особенно рано. Днемъ бываетъ даже жарко. Вотъ, въ концѣ мѣсяца, случилась гроза, разрѣшившаяся чисто лѣтнимъ дождемъ, въ воздухѣ запахло фіалкой и сиренью. Александра Сергѣевича уже никто больше не видитъ. Его опять, какъ осенью, тянетъ въ поля и лѣса, въ объятія красавицы Природы, имѣющей столько чаръ и лѣкарствъ отъ всякихъ душевныхъ недуговъ къ услугамъ тѣхъ, кто ее любитъ и понимаетъ. И творчество его точно очнулось отъ летаргіи, создаетъ прелестные образы, епашептываетъ чудныя рнемы. Онъ и обѣдать пересталъ регулярно, питается гдѣ и чѣмъ попало. Старикъ Антоніо скучаетъ

по немъ,—онъ такъ любитъ слушать его смѣхъ и разговоръ, хотя совсѣмъ мало понимаетъ по-русски.

Теперь, во время весеннихъ прогулокъ, у Александра Сергѣевича, вмѣсто Егорки, уже умершаго, появился новый пріятель—главарь одного цыганскаго табора Іонъ Гу́ца, совсѣмъ сѣдой дѣдъ, знающій говорить по-русски. Разъ, проходя по опушкѣ лѣса, Пушкинъ наткнулся на таборъ, и сидя на пнѣ, сперва долго наблюдалъ его издали. На яркой зелени травы и кустовъ красиво выдѣлялись группы цыганъ, валявшихся на коврахъ и подушкахъ, съ короткими трубками въ зубахъ. Нѣкоторые, лежа на спинѣ, грѣлись на солнышкѣ, любовно глядѣли на него, щуря глаза, съ улыбкой блаженства, а голые ребятишки бѣгали и кувыркались вокругъ нихъ. Подъ навѣсомъ шатра пріютилась походная кузница, и въ ней что-то работали. Въ сторонѣ, на очагѣ, на̀скоро устроенномъ, старая цыганка варила мамалыгу. И надъ всѣмъ этимъ стоитъ гулъ отъ гортаннаго говора, смѣха, пѣсней и перебранки.

«Вотъ они, любители солнца и свободы!» подумалъ поэтъ, и направился къ нимъ. Дѣдъ Іонъ замѣтилъ его, вышелъ къ нему на встрѣчу, и они разговорились. Оказалось, что старикъ когда-то, въ своей молодости, кочевалъ въ Россіи и помнитъ языкъ русскій настолько, что можетъ на немъ изъясняться. Пушкинъ купилъ у него право приходить къ нимъ во всякое время, не стѣсняясь и не стѣсняя ихъ. Съ тѣхъ поръ приходитъ къ нимъ, знаетъ всѣхъ ихъ по именамъ, разспрашиваетъ, замѣчаетъ, записываетъ, срисовываетъ, слушаетъ ихъ сказки и былины въ переводѣ Іона. И они привыкли къ нему и привязались, какъ къ родному. Иногда онъ даже обѣдаетъ вмѣстѣ съ ними.

Въ иные дни поэтъ увлекается своими мыслями и, незамѣтно, такъ далеко заходитъ, гуляя, что возвращается домой въ крайнемъ утомленіи, едва волоча за собой ноги, и, не раздѣваясь, кидается на постель. Тогда Наумъ и Маріука раздѣваютъ его, какъ ребенка, укладываютъ въ постель и приносятъ ему поѣсть чего нибудь горячаго. Въ то же время они, подъ разными предлогами, не допускаютъ къ нему его пріятелей. Но случается, что тѣ-таки ворвутся, чтобы изъ любопытства взгля-

нуть на него, разспросить о его похожденіяхъ, а Пушкинъ, поболтавъ немного съ ними, засыпаетъ подъ ихъ говоръ, оправдываясь тѣмъ, что теперь онъ живетъ по солнцу, т.-е. встаетъ и ложится всегда вмѣстѣ съ нимъ.

IX.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, по возвращеніи изъ своихъ скитаній, поэтъ засталъ на столѣ розовый конвертъ съ запиской отъ Катѝцы. Это старшая дочь помѣщиковъ Корайди, ихъ любимица, баованная, своевольная, чрезвычайно бойкая и рѣзвая дѣвушка, большая пріятельница Александра Сергѣевича, который, бывая у нихъ запросто, подымаетъ съ нею иногда такую возню и бѣготню по комнатамъ, что старикамъ трудно бываетъ унять ихъ. Особенно сердито глядитъ на эти шалости ея бабушка, но шалунья отвѣчаетъ звонкимъ смѣхомъ на ея ворчаніе и продолжаетъ проказничать.

Катѝца подруга Аглàи по одесскому пансіону. Вотъ что она написала Пушкину:

«Александръ Сергѣевичъ!

«Въ субботу, на масляной, родители мои даютъ балъ и по«ручаютъ мнѣ пригласить васъ. Приходите непремѣнно, если «хотите видѣть Аглàю: другой такой случай познакомиться съ «нею нескоро представится вамъ, потому что на первой недѣлѣ «поста Белладжи, какъ и мы, уѣзжаютъ въ деревню. Еслибъ «вы знали, куконàшъ Пушка, нашъ душка, какъ трудно мнѣ «было уговорить Аглàю явиться на нашъ балъ! А вы, гадкій, «совсѣмъ забыли меня, цѣлый мѣсяцъ не показываетесь, извергъ!! «Я слышала, что вы уже пересчитали всѣхъ зайцевъ, воронъ «и лисицъ, какія водятся кругомъ Кишинева, и перецѣловали «всѣхъ шатровыхъ цыганокъ... Правда ли это? При свиданіи «буду васъ исповѣдывать, и горе вашему чубу!.. А пока, по«сылаю вамъ цѣлыхъ три воздушныхъ поцѣлуя . . . . . «. . . . . (отгадайте, что означаютъ эти «точки)!

Катѝца».

Въ назначенный для бала день была теплая лунная ночь. Гости начали съѣзжаться по провинціальному, съ 8-ми часовъ. Балъ вышелъ блистательный по многолюдству, оживленности и богатству туалетовъ. Царица бала, по всеобщему мнѣнію, была Зоѝца Ракòти въ своемъ подвѣнечномъ платьѣ, изъ бѣлыхъ настоящихъ кружевъ, накинутое на лиловый атласный чехолъ и украшенное гирляндами фіалокъ; на головѣ — пучекъ лиловыхъ перьевъ, прикрѣпленныхъ аграфомъ изъ крупныхъ алмазовъ. Вся шея, грудь, руки, уши,—все это искрилось и сіяло алмазами. Даже на бѣлыхъ туфелькахъ, у самыхъ носковъ, въ атласныя розетки было вставлено по одному крупному алмазу. Не даромъ старикъ Голѐско всегда хвастался, что у его дочери будетъ больше драгоцѣнностей, чѣмъ у всѣхъ другихъ невѣстъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Агла̀я явилась въ сѣромъ газовомъ платьѣ съ букетами разныхъ оттѣнковъ розовыхъ розъ, безъ листьевъ. Въ этомъ скромномъ нарядѣ она, однако, не уступала Зоѝцѣ въ изяществѣ и красотѣ. Это бросалось въ глаза, когда онѣ подавали другъ другу руки во время фигуръ котильона или кадрили.

Въ самый разгаръ танцевъ, въ дверяхъ залы показался Пушкинъ вмѣстѣ съ однимъ молодымъ офицеромъ, недавно пріѣхавшимъ на службу въ Кишиневъ. Проживъ здѣсь пять мѣсяцевъ, поэтъ настолько освоился съ этимъ краемъ, что считаетъ себя старожиломъ и очень любилъ брать подъ свое покровительство пріѣзжающихъ сюда русскихъ.

Прежде нежели вмѣшаться въ танцы, онъ сообщалъ офицеру бѣглую характеристику общества, его правовъ и обычаевъ, обратилъ его вниманіе на полную непринужденность и веселье, царившія въ залѣ, объяснилъ это отчасти тѣмъ, что по тѣснотѣ помѣщеній, залу обыкновенно предоставляютъ только танцующимъ, а пожилые люди располагаются по другимъ комнатамъ, и потому никто не стѣсняетъ молодежь.

Еще незамѣченные никѣмъ изъ танцующихъ, молодые люди, взявшись подъ руки, согласились обойти всѣ комнаты, биткомъ набитыя гостями, все высмотрѣть, всѣхъ увидѣть и тогда уже пуститься въ плясъ. Въ гостиной, за столами, уставленными множествомъ сластей и прохладительныхъ напитковъ, сидѣли пожилыя дамы съ хозяйкой и громко разговаривали.

— Это маменьки, шепнулъ Пушкинъ, раскланиваясь съ ними и цѣлуя руки нѣкоторымъ.

Въ слѣдующихъ комнатахъ играли въ карты мужчины разныхъ возрастовъ и русскіе чиновники, а въ самой послѣдней, большой компатѣ, среди густыхъ облаковъ табачнаго дыма, на диванахъ и вокругъ стола, на которомъ было много графиновъ съ виномъ и чашки съ кофе, сидѣли важные старики въ своихъ восточныхъ костюмахъ: въ длинныхъ цвѣтныхъ шелковыхъ халатахъ на распашку, съ широкими рукавами (антэрэу); надѣтыхъ сверхъ другого халата поу́же, съ узкими рукавами, застегнутыми у кистей рукъ, и въ широкихъ вышитыхъ поясахъ. Они щелкали четками и сосали длинные чубуки въ дорогихъ оправахъ—янтарныхъ, серебряныхъ, золотыхъ съ драгоцѣнными камнями. Съ этими почетными гостями сидѣлъ хозяинъ дома, старикъ Кора́йди, отдавая приказанія нѣсколькимъ слугамъ, безпрерывно приносившимъ зажженные чубуки и различныя угощенія.

— Вотъ они, наши милые *азіаты!*.. сказалъ Пушкинъ.

— Это, вѣрно, папеньки и дѣдушки? смѣясь возразилъ офицеръ.

— «Баба́ки и буне́лы»,—да, вы отгадали.

Двери изъ этой комнаты раскрыты настежъ въ коридоръ съ открытымъ окномъ въ садъ, чтобы не дать табачному дыму проникнуть въ залу. Кора́йди представилъ Пушкина и его товарища гостямъ; «азіаты» преважно протягивали имъ руки, не вставая со своихъ мѣстъ, и говорили свои привѣтствія по-молдавски. Пушкинъ понималъ ихъ, но отвѣчалъ имъ по-русски.

— Какая досада, сказалъ Александръ Сергѣевичъ, переходя на другую сторону комнаты,—что я, понимая уже многое по-молдавски, не могу рѣшиться вымолвить хоть два слова!

— Ce n'est que le premier mot qui coûte! замѣтилъ ему кто-то за его спиной *).

Пушкинъ обернулся и увидѣлъ Адріана Ракоти, вставшаго изъ-за стола. Они уже встрѣчались у Анто́ніо и были немного знакомы. Адріанъ пригласилъ ихъ выпить съ нимъ вина, налилъ два стаканчика и подалъ имъ. Чокаясь съ Пушкинымъ, онъ сказалъ:

*) Трудно выговорить только первое слово.

— A votre santé, cher poéte, que Dieu vous délivre plus vite de notre Bessarabie! *)

— Pour ma santé — merci, отвѣтилъ поэтъ, взявъ стаканчикъ, — quant à la Béssarabie, je ne suis pas si pressé pour le moment» **).

— Какъ же вамъ, cher poète, нравится сегодняшній балъ? спросилъ Адріанъ уже по-русски.

— Меня всегда поражаетъ на кишиневскихъ балахъ богатство туалетовъ, но сегодня это такой блескъ, что если бы зала была больше и выше, то можно было бы вообразить себя въ столицѣ. Ваша жена превзошла всѣхъ, даже Прохѝрицу, она и при дворѣ не осталась бы незамѣченною.

— А мнѣ, перебилъ его офицеръ, — больше всѣхъ другихъ нравится эта дѣвица въ сѣромъ, забылъ ея фамилію.

— Да, ее нельзя не замѣтить, смущенно процѣдилъ сквозь зубы Адріанъ, — и, съ стаканомъ въ рукахъ, подошелъ къ другой группѣ мужчинъ.

Пушкинъ, указавъ на него глазами, замѣтилъ офицеру:

— Никогда не говорите про нее при Адріанѣ, эта дѣвица — Аглàя Белладжѝ. Тутъ онъ разсказалъ про его несчастную любовь.

— Ну, теперь пойдемъ къ дудýкамъ и кукòнамъ (дѣвицамъ и дамамъ)!

Какъ только они показались въ залѣ, Катѝца, погрозивъ Пушкину пальчикомъ, велѣла музыкантамъ играть вальсъ, положила руку на плечо поэта и заставила танцовать съ собой. Не успѣлъ онъ посадить ее, какъ подскочила другая и тоже насильно увлекла его въ вальсъ, съ нею еще нѣсколько, и всѣ при этомъ хохочутъ. Онъ понялъ, что онѣ сговорились замучить его, и задыхаясь, палъ на колѣни передъ Катѝцей и запросилъ пощады.

— Дудýка Катѝца, пощадите! За что эта казнь?

— Вы зачѣмъ такъ поздно пришли? Мы уже давно танцуемъ.

---

*) За ваше здоровье, дорогой поэтъ, да избавитъ васъ Богъ поскорѣе отъ нашей Бессарабіи!

**) За мое здоровье спасибо! что же касается Бессарабіи, то я вовсе еще не спѣшу теперь.

Въ эту минуту подходитъ Прохорѝца Варѳоломей, протягиваетъ руки и глядитъ на него своими чудными, томными глазами.

— А со мной? Неужели вы мнѣ откажете? Гайда, пойдемъ!

Пушкинъ не въ силахъ отказать и снова кружится, но на этотъ разъ не въ позѣ кавалера, а за даму. Сильная дѣвушка обхватила его за талію, музыка заиграла быстрѣе, ее заглушаетъ громъ аплодисментовъ. Однако, видя, что дѣло плохо, Александръ Сергѣевичъ вырывается изъ рукъ Прохорѝцы, стремглавъ бросается въ кучку мужчинъ, стоящихъ у дверей, чуть не сшибаетъ ихъ съ ногъ и, спрятавшись за ними, проситъ ихъ не пропускать дамъ. Двѣ бойкія дамочки хотѣли было погнаться за нимъ, но ихъ не пропустили; онѣ кинулись къ другимъ—и тамъ баррикада; а Пушкинъ, вскочивъ на стулъ, обѣими руками посылаетъ воздушные поцѣлуи. Эта шалость вызываетъ новый взрывъ смѣха.

X.

Отдохнувши отъ «вàльсовой потасовки», онъ снова прошелъ въ залу; тамъ прежде всего поэтъ обратилъ вниманіе на мелодичный смѣхъ Аглàи, гулявшей подъ руку съ Катѝцей. Онъ подошелъ къ нимъ. Катѝца представила его подругѣ. Въ эту минуту музыка подала сигналъ для кадрили, и онъ пригласилъ ее.

Занявъ уютное мѣстечко на маленькомъ диванчикѣ, Пушкинъ весело болталъ съ Аглàей и былъ видимо очарованъ ею.

— Вы знаете, между прочимъ сказала она,— что сегодня мой послѣдній балъ въ жизни. Я было рѣшила совсѣмъ не выѣзжать, да признаюсь, соблазнилась и пріѣхала только для того, чтобы увидѣть васъ. Очень рада, что воспоминаніе объ этомъ вечерѣ будетъ связано у меня съ воспоминаніемъ о васъ!

Онъ низко наклонилъ голову, въ знакъ признательности за услышанную любезность.

— Значитъ, моей извѣстности, моему имени я обязанъ удовольствіемъ познакомиться съ вами? отвѣтилъ онъ, насмѣшливо улыбаясь.

Аглая тотчасъ поняла тонкій намекъ.

— По сочиненіямъ я уже была знакома и очарована душой поэта, его умомъ, творчествомъ. Неудивительно, что мнѣ захотѣлось узнать и его личность, когда представился случай, просто и искренно проговорила она, и затѣмъ спросила: — Скажите, правда ли, что вы ужасно тоскуете въ Кишиневѣ? Я такъ люблю свой Кишиневъ, что не могу вообразить, чтобы можно было скучать здѣсь, да еще такому человѣку, какъ вы.

При послѣднихъ ея словахъ Пушкинъ состроилъ такую уморительную, вопросительную гримасу, что она звонко засмѣялась.

— Что значитъ: «какъ вы?» Неужели и тутъ вы подразумѣваете мое имя?

— Я просто думаю, что съ вашимъ талантомъ нигдѣ не должно быть скучно, объяснила она.

— Съ чего это заключили, что я тоскую? Напротивъ, я себя чувствую прекрасно и, пожалуй, не захочу разстаться съ Бессарабіей. А знаете ли что теперь прельщаетъ меня здѣсь больше всего послѣ южнаго солнца? Это,— презираемые всѣми вами кочующіе цыгане. Я просто влюбленъ въ нихъ, и пишу о нихъ теперь цѣлую поэму. Можетъ быть, это будетъ одно изъ лучшихъ моихъ произведеній, потому что я пишу его съ большимъ вдохновеніемъ и наслажденіемъ.

— Гдѣ же и когда будетъ напечатана ваша поэма?

— О, этого я еще самъ не знаю; ее надо обработать, а у меня въ мозгу толпится такое множество образовъ и сценъ, что я рѣшительно не знаю, на чемъ остановиться. Необходимо нѣкоторое время, чтобы разобраться въ этомъ накопленномъ матеріалѣ, создать что нибудь стройное, цѣльное. Навѣрно могу сказать только, что поэма будетъ называться «Цыгане» и начинаться такъ:

«Цыгане шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ».

— Что же собственно вы находите въ нихъ такого привлекательнаго? робко спросила Аглая.

— Люблю ихъ за обожаніе свободы, образъ жизни, ориги-

нальность, языкъ. Меня связываетъ съ ними симпатіей еще одно чувство, свойственное имъ и мнѣ: это чувство поэзіи; оно въ высшей степени развито въ нихъ. На-дняхъ я списалъ съ ихъ словъ одну изъ ихъ пѣсней «Птичка Божія», которую непремѣнно вставлю въ свою поэму.

Сказавъ это, Пушкинъ взглянулъ на Аглаю и замѣтилъ, что она измѣнилась въ лицѣ, опустилась на спинку дивана, глухо застонала и закрылась вѣеромъ.

— Вамъ дурно? тревожно спросилъ Александръ Сергѣевичъ, вставъ съ мѣста.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, не безпокойтесь! Такъ, что-то закружилась голова.

Въ это время, вмѣсто шестой фигуры, устроили что-то въ родѣ котильона. Пушкинъ замѣтилъ, что Аглая пристально смотритъ въ одну сторону, и увидѣлъ Адріана, выдѣлывающаго, на потѣху публики, уморительные антраша своими слабыми ногами. Онъ былъ уже совсѣмъ пьянъ и танцовалъ съ одной дамой, которая нарочно для этого вытащила его изъ дальней комнаты, пригласивъ на фигуру котильона.

— Какъ вы думаете, Александръ Сергѣевичъ, что должно быть тяжелѣе видѣть: физическую или нравственную смерть любимаго существа? спросила дѣвушка дрожащимъ голосомъ, и вдругъ снова опустилась на спинку и закрыла лицо вѣеромъ.

Истерическій, конвульсивный смѣхъ, смѣшаный съ рыданіями, раздался въ ушахъ поэта и крупныя слезы потекли по щекамъ Аглаи. Въ залѣ былъ такой шумъ, гамъ и смѣхъ отъ паясничества Адріана, что едва была слышна музыка, и потому на смѣхъ и слезы Аглаи никто не обратилъ вниманія, принимая его за натуральный смѣхъ. Только Пушкинъ, сидѣвшій рядомъ съ нею, хорошо слышалъ и понялъ, что съ бѣдной дѣвушкой сдѣлался припадокъ истерики. Онъ взялъ ее подъ руку, заставилъ встать, провелъ черезъ пустую диванную до дверей дамской уборной и сдалъ на руки двумъ горничнымъ, а самъ отправился въ гостиную, далъ знать Сафтѣ о случившемся. Въ залѣ между тѣмъ продолжался шумъ невообразимый; благодаря этому, случай съ Аглаей прошелъ незамѣтно.

Пушкинъ остался въ полутемной диванной, съ замираніемъ сердца прислушиваясь къ суматохѣ въ уборной. Онъ зналъ, что

Белладжѝ должны сейчасъ уѣхать и поджидалъ ихъ. Ему хотѣлось еще разъ взглянуть на милую дѣвушку, сказать ей на прощаніе что нибудь задушевное, — ея печаль глубоко тронула его. Вскорѣ послышался стукъ подъѣхавшаго экипажа, прошелъ слуга доложить объ этомъ, постучавши въ дверь уборной; наконецъ дамы вышли. Аглàю съ одной стороны поддерживала мать, съ другой — слуга. Пушкинъ, отстранивъ слугу, предложилъ ей свою руку. Дѣвушка улыбнулась ему грустною улыбкою, съ глазами, еще полными слезъ.

— Я убѣжденъ, что свѣтлый умъ всегда сумѣетъ утѣшить больное сердце, и потому надѣюсь, что вы скоро утѣшитесь, сказалъ ей поэтъ, нѣжно пожимая ея руку и подсаживая ее въ экипажъ вслѣдъ за матерью.

— Пофтѝмъ ла ной (пожалуйте къ намъ)! любезно обратилась къ нему Сафта, въ послѣдній разъ кивнувъ ему головой, и коляска тронулась прежде, чѣмъ онъ успѣлъ проговорить обычный отвѣтъ.

Послѣ отъѣзда Аглàи, Пушкинъ былъ не въ духѣ — на него напала грусть, отъ которой онъ не могъ отдѣлаться во весь остальной вечеръ. Вмѣсто того, чтобы проказничать, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ на такихъ вечерахъ, онъ былъ серьезенъ, сосредоточенъ, говорилъ, что у него разболѣлась голова и придумывалъ, какъ бы ему уйти незамѣченнымъ; однако это ему не удалось.

Передъ ужиномъ оркестръ грянулъ джокъ,— національный молдавскій танецъ. Депутація изъ молодежи пошла приглашать стариковъ и старухъ. Вскорѣ въ залу явились «азіаты» и «маменьки», взялись за руки, образовали кругъ и начался потѣшный танецъ. Между старушками и пожилыми дамами многія отлично танцуютъ джокъ, плавно, граціозно двигаются, дѣлая свои нà. Мужчины высоко поднимаютъ руки и молодецки притоптываютъ въ тактъ мелкой дробью, задорно поглядывая на своихъ дамъ, а тѣ при этомъ держутъ голову слегка наклоненною, какъ бы потупившись, и смотрятъ себѣ подъ ноги.

«Вотъ какъ надо танцовать джокъ!» явно выражаютъ торжествующія физіономіи старичковъ, въ назиданіе молодежи, которая отъ души смѣется и постепенно замѣняетъ уставшихъ стариковъ, а музыка играетъ все быстрѣе и быстрѣе.

Зойца отыскала Пушкина, взяла его за руку и увлекла въ джокъ; возлѣ него очутилась Катѝца съ офицеромъ, уже успѣвшимъ по̀ уши влюбиться въ нее. Немного погодя, кругъ въ одномъ мѣстѣ разошелся, Катѝца пошла впередъ и потянула за собой въ столовую весь джокъ, вытянувшійся въ одну линію и, затѣмъ, въ томъ же порядкѣ размѣстившійся вокругъ стола, предназначеннаго для молодежи. За остальными гостями послѣдовалъ оркестръ, обязанный во время ужина играть и пѣть молдавскія пѣсни.

Пушкину пришлось сидѣть возлѣ Зойцы. Она немилосердно кокетничала съ нимъ; ей хотѣлось во что бы то ни стало видѣть у своихъ ногъ этого петербургскаго молодого человѣка и поэта. Но Александръ Сергѣевичъ былъ не въ духѣ, не поддавался ея кокетству и даже злился на нее, самъ не зная за что. Такъ, въ то время, когда она дѣлала ему глазки, вызывала его на комплименты, онъ вдругъ спросилъ ее, щурясь во всѣ стороны:

— Гдѣ же вашъ мужъ?

Этотъ неумѣстный вопросъ озадачилъ, осадилъ молодую женщину.

— Богъ его знаетъ! Онъ у меня добрый, не мѣшаетъ мнѣ веселиться, зато и я ни въ чемъ не стѣсняю его, отвѣтила молодая женщина, небрежно улыбнувшись.

Упорная холодность Пушкина раздражала ее. Въ продолженіе двухъ часовъ ужина, она испробовала всѣ свои чары, чтобы увлечь его, однако все было напрасно, она достигла противоположнаго результата: молодой человѣкъ становился все злѣе и злѣе. Къ концу ужина, Зойца чувствовала досаду. Слезы душили ее, она была готова расплакаться, еслибъ не боялась вызвать насмѣшки соперницъ, особенно Прохпрѝцы, которую она затмила своею красотой и нарядами. Привыкшая къ легкимъ побѣдамъ, къ всеобщему поклоненію, Зойца въ первый разъ испытывала жгучія мученія неудовлетвореннаго самолюбія, хорошо знакомыя свѣтскимъ кокеткамъ... Она не подозрѣвала, что волею судьбы, черезъ два года, другая подобная красавица въ Одессѣ*), жестоко отомститъ за нее молодому поэту.

*) Жена одесскаго негоціанта m-me Ризничъ.

XI.

На другой же день, Александръ Сергѣевичъ, въ экипажѣ Пизова, поѣхалъ съ визитомъ къ Белладжи. Онъ засталъ у Сафты обѣихъ ея пріятельницъ-сосѣдокъ, жаждавшихъ узнать новости о вчерашнемъ балѣ, на которомъ онѣ не были. Дамы очень любезно встрѣтили поэта, но говорили съ нимъ по-молдавски; онъ же отвѣчалъ имъ по-русски, дополняя свою рѣчь жестами головой и руками, для лучшаго ихъ уразумѣнія. Ему было неловко и скучно. По счастію скоро явилась Аглая, очень блѣдная, но спокойная, улыбающаяся. Они сѣли отдѣльно отъ старухъ и между ними завязался оживленный разговоръ, безъ малѣйшаго намёка на вчерашній случай.

Когда онъ собирался уходить, Аглая, смѣясь своимъ мелодичнымъ смѣхомъ, сказала ему:

— Хотите я покажу вамъ вашихъ любимцевъ? Сегодня утромъ рано я увидѣла ихъ и вспомнила васъ!

Былъ чудный весенній день. Она повела его черезъ крыльцо во дворъ и подвела къ тому мѣсту низкой каменной ограды, откуда она такъ любила смотрѣть на потокъ воды послѣ дождя, когда вода съ горы, крутясь и пѣнясь, съ ревомъ несется въ долину; съ этого мѣста открывается видъ на самую низменную загородную часть Кишинева и на зеленѣющіе берега маленькой рѣчки. Вотъ тамъ-то виднѣлся цыганскій таборъ, только что прикочевавшій, не успѣвшій еще раскинуть своихъ шатровъ. Дальнозоркіе глаза могли различить даже фигуры голыхъ цыганятъ, бѣгающихъ по берегу, а вѣтеръ доносилъ иногда ихъ громкій говоръ. Пушкинъ былъ очень доволенъ, вскочилъ на стѣнку, защитилъ рукою глаза отъ солнца и долго вглядывался въ даль.

— Сегодня же схожу къ нимъ, познакомлюсь съ ними. Я не пропускаю ни одного такого случая, сказалъ онъ.

Въ это время къ Аглаѣ подошла горничная цыганка и, улыбаясь, что-то шепнула ей.

— Веди ихъ скорѣе! приказала она, и потомъ, обратившись

къ поэту, прибавила:—Вамъ будетъ еще одинъ сюрпризъ, Александръ Сергѣевичъ, вотъ сейчасъ увидите!

— Да вы меня такъ балуете, что я не захочу уйти отъ васъ!.. Гдѣ же вашъ сюрпризъ?

— А вотъ сейчасъ явится, весело сказала она.

Дѣйствительно, вскорѣ послышалась бойкая игра на скрипкѣ и кобзѣ (родъ гитары). Изъ-за угла дома, сопровождаемые толпой дворовыхъ ребятишекъ, показались два крошечные цыганенка, едва прикрытые яркими лохмотьями. Старшій, лѣтъ семи, игралъ на маленькой скрипкѣ; другой, лѣтъ пяти-шести, вторилъ ему на кобзѣ, ударяя по короткимъ струнамъ гусинымъ перышкомъ; самъ онъ еще не умѣлъ попадать въ тонъ, мѣнять его во-время; поэтому, старшій мальчикъ, во время игры, не переставая дѣйствовать смычкомъ, безпрестанно толкалъ его локтемъ въ плечо и покрикивалъ по-свѣему. Вообще, эти юные артисты были очень забавны. Нельзя было не удивляться имъ: семилѣтній скрипачъ игралъ, конечно, по слуху, много разныхъ пѣсенъ и танцевъ, и игралъ очень хорошо, безъ малѣйшей фальши, даже съ особымъ шикомъ. Смуглыя личики ихъ, смышленыя, съ искрящимися глазками, были прелестны.

Поэтъ былъ въ восторгѣ, отъ души благодарилъ Аглаю. По его просьбѣ, она спросила ихъ по-молдавски, кто выучилъ ихъ играть, и съ ихъ словъ сообщила ему, что у нихъ есть старикъ-отецъ, который лежитъ въ землянкѣ, разбитый параличемъ, онъ-то и выучилъ ихъ играть. Теперь они цѣлый день ходятъ по городу, по базарамъ, кабакамъ и проч., собираютъ деньги, покупаютъ себѣ только хлѣбъ, да что нибудь на закуску, остальное все честно приносятъ вечеромъ отцу.

— Когда вы къ намъ пріѣхали, я послала розыскать ихъ; по счастію ихъ увидѣли недалеко отсюда, добавила Аглая.

— Мнѣ пришла въ голову мысль, воскликнулъ Пушкинъ,— устроить сейчасъ съ ними серенаду генералу Инзову! Кстати, онъ сегодня въ духѣ, мы много шутили и смѣялись за завтракомъ. Не знаю, поѣдутъ ли со мной эти бѣсенята? Спросите ихъ!

Аглая спросила. Конечно, бѣсенята, получивъ щедрую подачку, и предвидя еще бо́льшую, охотно согласились ѣхать съ «куконашемъ Пушкой».

Подъѣхала коляска. Сафта съ пріятельницами вышла на

крыльцо. Пушкинъ простился со всѣми, сѣлъ въ экипажъ, запрятавъ скрипку и кобзу подъ сидѣнье.

— А вы, бѣсенята, маршъ на козла! скомандовалъ онъ.

Бѣсенята поняли. Скаля бѣлые зубки, вмигъ вскарабкались они туда и скорчились у ногъ кучера, держась ручонками за передокъ козелъ.

Коляска выѣхала при громкомъ смѣхѣ присутствующихъ и самого поэта.

XII.

Послѣ Пасхи, въ концѣ апрѣля, Кишиневъ совсѣмъ опустѣлъ, помѣщики и ихъ молодежь, всѣ разъѣхались; даже киръ-Антоніо уѣхалъ въ недавно купленное имѣніе, поручивъ заведеніе своему племяннику, а кружокъ русскихъ чиновниковъ не былъ симпатиченъ поэту; однако, онъ, пока еще не замѣчалъ своего одиночества, не скучалъ. Прогулки его были полны прелести, пока длилась весна съ ея воздухомъ, солнцемъ, зеленью и цвѣтами. Но, въ маѣ мѣсяцѣ уже наступили жары и этотъ несносный, горячій вѣтеръ, похожій на бурю, подымаетъ цѣлыя тучи и столбы песку и пыли, и дуетъ почти безпрерывно по цѣлымъ недѣлямъ, вплоть до второй весны, т.-е. до бессарабской осени. Во время этой скучной погоды, прогулки сдѣлались затруднительными и потеряли всякую прелесть. Въ домикѣ Наума — тоже запустѣніе. Умолкъ ткацкій станокъ, не слышны пѣсни и смѣхъ Касандры. Все семейство хозяина уѣзжаетъ въ поле съ восходомъ солнца и возвращается съ наступленіемъ ночи; и живутъ они уже не въ зимней квартирѣ, а во дворѣ, въ землянкѣ, въ ясную же погоду ночуютъ на ея камышевой крышѣ.

Только по воскресеньямъ и праздникамъ Кишиневъ немного оживляется праздничными толпами поселянъ; въ нѣсколькихъ мѣстахъ устраивается джокъ съ музыкой. Несмотря ни на какую погоду, ни на жару, молдаване танцуютъ подъ открытымъ небомъ свой джокъ и другіе свои танцы, и пляшутъ цѣлый день — съ послѣ обѣда, т.-е., съ 10-ти часовъ до вечерняго благовѣста. Въ такіе дни. Пушкинъ отъ скуки отправляется иногда на джокъ, вмѣшивается въ танцы и рѣзвится съ мол-

даваночками, да подчасъ до того разыграется, что дѣвушки подымутъ крикъ, а парни цѣлой толпой выталкиваютъ его изъ джока и грозятъ отколотить, если онъ еще покажется къ нимъ.

Въ будни Александръ Сергѣевичъ проводитъ все время въ своей комнаткѣ, читаетъ, мечтаетъ, пишетъ стихи. Обѣдать ходитъ къ Антоніо, вечеромъ пьетъ чай въ саду, подъ орѣхами, иногда кто нибудь навѣщаетъ его. Въ это время большимъ развлеченіемъ начинаетъ служить ему садъ Инзова. По мѣрѣ того, какъ естественная природа становится унылой, начинаетъ блекнуть, искусственная природа во всемъ блескѣ своей красоты торжествуетъ временную побѣду надъ своей соперницей. Садъ Инзова — замѣчательный садъ, весьма обширный, отлично распланированный, тѣнистый, съ партерами цвѣтовъ, съ группами самыхъ рѣдкихъ деревьевъ (даже померанцевыхъ), съ бесѣдками изъ виноградной лозы и прочими подобными затѣями. Цѣлый штатъ садовниковъ работаетъ въ немъ. Среди этой роскошной растительности, красиво выдѣляется розовый двухъ-этажный домъ генерала*).

И въ этомъ саду любимыми мѣстечками поэта являются все-таки тѣ, которыя всего больше походятъ на дикую, естественную природу,— рощицы изъ большихъ деревьевъ: дубовъ, липъ, орѣховъ и дикихъ каштановъ. Особенно любитъ онъ липовую, непроницаемую для солнца, и часто проводитъ здѣсь жаркіе дни, никѣмъ невидимый.

Какъ ни былъ добръ Инзовъ, но разъ и онъ сильно разгнѣвался на Пушкина, вышелъ изъ себя, раскричался на него, за какую-то непозволительную его выходку съ однимъ изъ должностныхъ лицъ, который на него пожаловался. За одно досталось ему и за упущеніе по какому-то служебному дѣлу и еще за другія шалости. Пушкинъ ушелъ взволнованный, блѣдный, сконфуженный и счелъ себя оскорбленнымъ. Послѣ этого онъ совсѣмъ присмирѣлъ, дѣлалъ все, что ему было назначено, исправилъ всѣ упущенія, но къ Инзову не являлся иначе, какъ

*) Домъ Инзова въ 60-хъ годахъ еще стоялъ, но сада и тогда уже не было; потомъ его снесли, а теперь на этомъ мѣстѣ, на возвышенности, носящей до сихъ поръ названіе «Инзовой горы», красуются конюшни военнаго вѣдомства.

по дѣламъ, ограничиваясь однимъ лишь офиціальными отношеніями. Такъ прошли двѣ недѣли.

Между тѣмъ, у генерала, какъ у всѣхъ мягкосердечныхъ людей, послѣ вспышки весьма скоро наступила реакція. Ему было жаль молодого человѣка, хотѣлось бы утѣшить, приласкать его; какъ совмѣстить это съ положеніемъ начальника, и чтобы не уронить своего авторитета? Унылый, серьезный видъ Пушкина, его ледяной тонъ, угнетаютъ старика все болѣе и болѣе. Пробовалъ онъ ласково заговаривать съ нимъ, давалъ ему понять, что совсѣмъ не сердитъ, разъ даже пригласилъ зайти вечеромъ, однако тотъ не замѣчаетъ или не хочетъ замѣчать этого и продолжаетъ дуться.

XIII.

Въ одно утро Пушкинъ получилъ приказаніе немедленно явиться къ генералу, и отправился къ нему. Инзовъ принялъ его въ кабинетѣ, лицо у него было озабочено; поэтъ ожидалъ новой бури.

— Послушайте, Пушкинъ, заговорилъ Инзовъ, — теперь я съ вами поговорю не какъ вашъ начальникъ, а какъ вашъ другъ и отецъ. Будьте же вы благоразумны, не портите еще хуже вашей жизни! Вѣдь, если я иногда не сдѣлаю вамъ хоть выговоръ, то и я буду имѣть непріятности, и васъ вышлютъ отсюда въ другое мѣсто, навѣрно худшее, чѣмъ Кишиневъ... Я васъ полюбилъ, принимаю въ васъ сердечное участіе, а другой еще неизвѣстно какъ отнесется къ вамъ. И меня, прошу васъ, пожалѣйте, не доводите меня до сердцовъ... Вотъ я намедни... въ пылу гнѣва... можетъ быть ужъ черезчуръ...

Генералъ вдругъ умолкъ, сталъ ходить большими шагами по комнатѣ; поэтъ глядѣлъ на него растерянно: онъ понималъ, что тотъ правъ, что ему слѣдуетъ успокоить его, извиниться передъ нимъ, но на него напала какая-то нерѣшительность, несвойственная ему робость, онъ не могъ выговорить ни слова, только лицо выдавало его душевное состояніе. Вдругъ Инзовъ подходитъ къ нему, обнимаетъ его за шею и цѣлуетъ въ лобъ.

— Ну, довольно дуться, помиримся!

Взволнованный, растроганный, Пушкинъ наконецъ заговорилъ.

— Ваше превосходительство, простите меня, я сознаю, что причиняю вамъ много хлопотъ и непріятностей...

— То-то же, будьте осмотрительнѣе и воздержаннѣе въ своихъ поступкахъ! А теперь, продолжалъ генералъ, весело потирая руки: — теперь вотъ что я предложу вамъ: для того, чтобы мнѣ легче было наблюдать за вами, а вамъ — за собой, предлагаю вамъ переселиться ко мнѣ и жить у меня. Вотъ, пойдемъ, я покажу вамъ ваши комнаты!

Двѣ комнаты въ верхнемъ этажѣ, окнами въ садъ, съ видомъ на часть города и на далекіе лѣса и поля, были настоящимъ дворцомъ въ сравненіи съ его, хотя уютной, но маленькой, низенькой и уже надоѣвшей ему комнаткой; — другую такую роскошную квартиру въ Кишиневѣ нельзя было бы найти ни за какія деньги. Онъ вышелъ отъ Инзова въ самомъ радостномъ настроеніи, какого давно не испытывалъ.

Кипучая натура поэта не могла таить въ себѣ ни печали, ни радости; надо непремѣнно излить ихъ передъ кѣмъ нибудь сейчасъ же, сію же минуту. На этотъ разъ, прежде всѣхъ попался ему на глаза старый слуга Инзова «мѝшу Тодеръ» (дядя Ѳеодоръ), подметавшій крыльцо. Пушкинъ часто шутилъ съ нимъ, и только съ нимъ однимъ рѣшался *лепетать* по-молдавски. Увидѣвъ «куконѝша», не успѣлъ Тодеръ снять шапку, какъ тотъ обхватилъ его вмѣстѣ съ метлой и нѣсколько разъ перекружился съ нимъ.

— Эй-эй! да чѝ цъ'ѐсте? лѝсса ме! (что съ тобой? оставь меня)! кричитъ Тодеръ, а «куконѝшъ» уже успѣлъ сбѣжать съ горки, и въ три прыжка очутился за воротами.

Въ тотъ же день, вечеромъ, Александръ Сергѣевичъ перебрался въ домъ Инзова, гдѣ ему суждено прожить два года.

Въ эти годы тихой, безмятежной жизни въ провинціальной глуши, къ которой онъ успѣлъ примѣниться, въ душѣ поэта выросло и созрѣло чувство, наложившее печать на всѣ его послѣдующія произведенія, создавшее ему безсмертіе и вѣчную признательность русскаго народа, это чувство — любовь къ ро-

днѣ. Здѣсь, вдали отъ нея, въ тоскѣ по ней, онъ много думалъ о Россіи, мечталъ о ея будущности всякій разъ, когда ему приходилось читать историческія книги о другихъ государствахъ. Онъ твердо вѣрилъ въ ея прогрессивное движеніе, въ ея будущую силу и славу.

«Послужу ей хоть перомъ! часто думалъ поэтъ. Опишу ея исторію, пѣсни, сказки, былины».—

«И памятникъ себѣ *создамъ* нерукотворный!»

И. Н. Потапенко.

ВЕЧЕРЪ.

(РАЗСКАЗЪ).

— Прошу тебя, Лёша, помоги мнѣ это сдѣлать... Устрой мнѣ это... Я ручаюсь, что тебѣ придется похлопотать совсѣмъ немножко. Ну, пожалуйста... Ну, Лёша...

— Ты находишь это необходимымъ?

— Необходимо, необходимо!.. Совсѣмъ, совсѣмъ необходимо...

И Ольга Васильевна подошла близко къ креслу, въ которомъ онъ сидѣлъ, и онъ ощутилъ ее около себя. Онъ не видѣлъ ея, потому что она стояла позади его, держась обѣими руками за спинку кресла, но чувствовалъ, какая она въ эту минуту пышная и красивая.

Это былъ самый неотразимый доводъ его жены. Она прибѣгала къ нему только въ крайнихъ случаяхъ, когда знала навѣрное, что разумными доводами не сможетъ доказать законность своего нестерпимаго желанія. Она тогда и не пыталась приводить разумные доводы, а просто прибѣгала къ этому.

Она называла его Лёшей, это тоже надо было цѣнить. Въ обычное время онъ былъ для нея Алексѣемъ Петровичемъ. Это надо было цѣнить, какъ и все остальное, какъ и то, что она — красивая, пышная, всегда по праздничному одѣтая, всегда «на

высотѣ призванія женщины», благоухающая тонкими духами — его жена, жена Алексѣя Петровича Вожнина, — полнявшаго, выцвѣтшаго, потерявшаго весь букетъ мужчины въ непрестанномъ утомительномъ шествіи къ чину статскаго совѣтника и къ тому не слишкомъ большому, но и не маленькому окладу, который позволялъ ему прилично одѣвать жену, недурно обставить квартиру, принимать знакомыхъ, посѣщать театры и вечера.

Передъ нимъ на письменномъ столѣ лежали длинные листы бумаги, мелко исписанные вдоль и поперекъ, съ помарками и приписками на поляхъ. Она оторвала его отъ работы на полусловѣ, а докладная записка была важная и спѣшная. Отъ нея многое зависѣло. При удачѣ могло быть феерическое движеніе по службѣ.

И это тоже заставило его поскорѣе согласиться. Это было тѣмъ болѣе благоразумно, что все равно въ концѣ концовъ, можетъ быть послѣ долгихъ возраженій, онъ согласился бы.

У Ольги Васильевны въ запасѣ были еще болѣе сильные доводы: низкія сдержанныя грудныя ноты слегка вибрирующаго голоса, нѣжныя названія: «милый Лёша... Миленькій Лёкъ»... И совсѣмъ-совсѣмъ тихое: «Люу-у»... Путешествіе чуть-чуть пухленькой ручки по его бѣдному волосами темени и длинной сухожильной шеѣ...

О, эти одурящіе доводы! Богъ съ ними. Они лишаютъ его самообладанія. Онъ теряетъ равновѣсіе духа, то равновѣсіе, которое совершенно необходимо ему для завершенія докладной записки и дальнѣйшаго спокойнаго шествія по служебной лѣстницѣ.

— Хорошо, хорошо... Мы это устроимъ... поспѣшно согласился онъ,— ты мнѣ разскажешь, что я долженъ сдѣлать.

— И скоро? спросила Ольга Васильевна, слегка наклонивъ голову надъ его лысиной, такъ что онъ чувствовалъ движеніе воздуха, происходившее отъ ея говора:—вѣдь теперь уже четвертая недѣля! Тамъ придетъ Пасха и конецъ сезона. Надо все сдѣлать въ одну недѣлю. Хорошо?

— Хорошо.

— Я тебѣ мѣшаю?

— Нѣтъ, но... Это дѣйствительно къ спѣху.

— Я уйду...

Она отодвинулась отъ него, повернулась къ двери, вышла изъ кабинета и тихонько притворила дверь. И онъ чувствовалъ, какъ съ каждымъ ея шагомъ съ него, звено за звеномъ, спадаютъ цѣпи. Еще ароматъ ея духовъ наполнялъ комнату и пріятно щекоталъ обоняніе, но ея уже не было. Можетъ быть, она уже въ третьей комнатѣ и тамъ, со свойственной ей энергіей въ исполненіи своихъ желаній, дѣлаетъ распоряженія, пишетъ письма, организуетъ. Можетъ быть, она уже надѣла шляпку и накидку и уѣхала къ знакомымъ пропагандировать свою мысль. Но все равно — это уже неизбѣжно. Онъ согласился, онъ долженъ...

Докладная записка лежала передъ нимъ, но голова его теперь не годилась для того, чтобы производить тѣсно лежащія одна подъ другой строчки. Онъ съ поразительной ясностью представилъ себѣ, какъ это все выйдетъ и видѣлъ и понималъ, что это выйдетъ въ высшей степени глупо и плоско. И тѣмъ не менѣе, все равно онъ это продѣлаетъ.

Петля наброшена ему на шею. Веревка вздернута на крюкъ и онъ будетъ висѣть въ такомъ положеніи, пока не кончится эта исторія, пока желаніе Ольги Васильевны не выполнится до малѣйшей подробности.

Странный онъ мужъ. Странное у нихъ супружество! Она его не любитъ, онъ знаетъ это навѣрное. Она не можетъ любить его, потому что—съ какой стати ей—красивой, пышной, молодой и ничего не дѣлающей, любить его, преждевременно состарѣвшагося, длиннаго, сухопараго, сутуловатаго, поблекшаго? Съ какой стати ей любить его? За что?

Какъ мужчина, онъ ровно ничего не стоитъ. Его способности извѣстны высшему начальству, но вѣдь эти способности проявляются въ докладныхъ запискахъ и отношеніяхъ, которыхъ она не читаетъ. Она не можетъ оцѣнить ихъ. Она его не любитъ и не любила восемь лѣтъ тому назадъ, когда онъ сдѣлалъ ей предложеніе и женился. Онъ и тогда зналъ это и тѣмъ не менѣе и тогда, какъ теперь, не могъ устоять передъ ея близостью, передъ благоуханіемъ ея пышныхъ волосъ, передъ ея большими лучистыми, дышащими чисто животной жаждой жизни глазами, передъ всѣмъ, чѣмъ обладаетъ эта женщина.

И теперь они живутъ разными жизнями. Онъ — весь въ своей

службѣ. Вся остальная жизнь идетъ мимо него, совсѣмъ не задѣвая его. Науки, искусства, модные вопросы, о которыхъ говорятъ въ обществѣ, политика, о которой пишутъ въ газетахъ и болтаютъ въ гостиныхъ,— все это ему чуждо, онъ отъ всего отсталъ, и когда при немъ возбуждаются такіе вопросы, ему кажется, что онъ дремлетъ и видитъ смутные сны. Кабинетъ и канцелярія, доклады, мотивы, соображенія,—вотъ все, что составляетъ кругъ его жизни.

Часто онъ сопровождаетъ Ольгу Васильевну въ театръ, въ концертъ, на вечера, но тамъ у него всегда въ головѣ одна мысль: какъ долго это тянется! скоро ли это кончится? Онъ вездѣ скучаетъ, вездѣ, гдѣ люди ходятъ съ оживленными лицами, гдѣ раздаются живыя, увлекательныя рѣчи. Тамъ у него лицо походитъ на маску, снятую съ мертвеца.

Но въ канцеляріи, въ своемъ кабинетѣ, когда передъ нимъ длинные листы и рука его, держащая перо, бѣгаетъ по нимъ, оставляя послѣ себя буквы, буквы и буквы, въ глазахъ его появляется мысль, лицо одухотворяется, онъ чувствуетъ въ себѣ подъемъ силъ. До этого надо дойти, и онъ дошелъ, начавъ карьеру прямо со школьной скамьи, когда ему было двадцать четыре года. И вотъ дошелъ уже до сорока семи. Таковъ онъ.

А она, вѣчно волнующаяся какими-то непонятными ему интересами, окруженная вздыхающими поклонниками, посѣщающая выставки, театральныя новинки, базары, всегда счастливая, всегда ликующая, всегда и во всемъ умѣющая выдѣлить себя на первый планъ...

Это два полюса, которымъ, повидимому, не суждено никогда сойтись. И они живутъ вмѣстѣ. Они — мужъ и жена. Онъ въ ея власти, во власти не души ея, которую онъ не имѣлъ даже времени разглядѣть хорошенько, а только ея красивыхъ глазъ, ея одуряющей улыбки, возбуждающаго голоса, ея рѣдкой, но зато дорого цѣнимой нѣжности, которая, какъ онъ навѣрно знаетъ, и вытекаетъ не изъ чувства, а только изъ рѣшенія добиться своего и увѣренности, что именно этимъ она отъ него всего добьется. Что дѣлать! Это такъ, но это такъ и останется.

Желанія у нея приходятъ внезапно, они никогда не бываютъ сколько нибудь достаточно мотивированы. Для него, привыкшаго постоянно «мотивировать и соображать», это имѣетъ

важное значеніе. Но ужъ разъ желаніе пришло, она не успокоится, пока не выполнитъ.

Конечно, онъ самъ виноватъ въ этомъ, потому что никогда не умѣлъ противостоять ей. Онъ пріучилъ ее къ легкому достиженію желаній. Но онъ по крайней мѣрѣ самъ для себя старается мотивировать ея желанія.

Почему это, а не другое? Почему, напримѣръ, теперь, она такъ упорно хочетъ устраивать этотъ вечеръ въ пользу какихъ-то голодающихъ? Что такое для нея эти голодающіе? Для нея, всегда сытой, любящей комфортъ и не умѣющей отказывать себѣ даже въ пустомъ?

Чувствительностью она не отличается, напротивъ—душа ея черства. Почему же? Но онъ нашелъ, нашелъ. Это ея демократическое прошлое. Ея отецъ—фанатическій земскій дѣятель. Въ ихъ семьѣ постоянно говорили о народѣ. Старшій братъ, имѣя полную возможность занять въ Петербургѣ медицинскую каѳедру, поѣхалъ въ деревню, чтобы лѣчить народъ. Это, такъ сказать, механическій отголосокъ семейныхъ традицій, своего рода атавизмъ.

Она и во всемъ, не имѣя въ сущности никакихъ убѣжденій, высказывается въ слегка демократическомъ смыслѣ. Иногда это даже пугало его. Не можетъ ли это повредить его карьерѣ? И одно время, въ началѣ его женитьбы, даже вредило. На него косо посматривали. Но въ послѣднее время это сдѣлалось моднымъ и онъ успокоился. Высшіе чиновники стали признавать, что дѣйствительно существуетъ народъ и что онъ голодаетъ и что нужно его кормить.

Прежде думали, напримѣръ, что въ канцеляріи говорить объ этомъ неудобно, потому что это не входитъ въ кругъ канцелярскихъ задачъ и вообще не относится къ дѣлу. А теперь какъ-то вдругъ это стало относиться къ дѣлу и притомъ рѣшительно ко всякому дѣлу.

Ольга Васильевна дѣйствительно тотчасъ же, какъ ушла изъ кабинета, съ свойственной ей стремительностью взялась за выполненіе своего плана. Дюжины полторы писемъ, редактированныхъ, немногіе въ изысканно-навязчиво-любезномъ тонѣ, но большею частью въ безусловно повелительныхъ наклоненіяхъ, были написаны ею въ одинъ присѣстъ. Нѣкоторымъ приказы-

валось немедленно явиться, другимъ внушалось, что они должны оказать содѣйствіе, распространить, продать столько-то билетовъ.

Квартира у Вожниныхъ была не велика. Единственная комната въ два окна могла вмѣстить въ себѣ самое большее душъ тридцать-сорокъ, но Алексѣй Петровичъ уступитъ свой кабинетъ, она — свою спальню превратитъ во вторую гостиную, столовая тоже сыграетъ свою роль. Артисты будутъ, конечно, исполнять свою программу въ большой комнатѣ, которая называется то залой, то гостиной, смотря по обстоятельствамъ. Тамъ кстати стоитъ и рояль, на которомъ Ольга Васильевна исполняетъ единственный шопеновскій вальсъ, который она играетъ всю жизнь. Такимъ образомъ, смѣло можно надѣлать сотню билетовъ. Цѣна? Назначить меньше десяти рублей неприлично. Ну, будутъ маленькіе расходы, кой-чѣмъ угостить надо, кареты для артистовъ, все это пустяки, о которыхъ не стоитъ говорить, — и нѣсколько сотенъ очистится. На нихъ можно открыть столовую гдѣ нибудь въ Самарской губерніи — столовую имени Ольги Васильевны Вожниной. Кто нибудь поѣдетъ туда .. Кто? Ну, кто нибудь. На это всегда найдутся охотники. Какая нибудь курсистка съ блѣднымъ лицомъ. Онѣ это любятъ.

Тамъ, въ Самарской губерніи, въ деревнѣ, живетъ ея братъ докторъ. Онъ на нее дуется, два года даже писемъ не пишетъ. Говоритъ, что она вышла за петербургскаго чиновника-карьериста и мѣтитъ въ генеральши и такимъ образомъ измѣнила традиціямъ ихъ «земской семьи». Вотъ тогда онъ узнаетъ о столовой имени Ольги Васильевны Вожниной и перестанетъ дуться.

Положимъ, ей было это все равно. Брата она не любила. Онъ слишкомъ важничаетъ своимъ подвигомъ, что пренебрегъ каѳедрой и «посвятилъ себя служенію народу». Но все-таки въ глубинѣ души у нея была какая-то ничѣмъ не смываемая слабость къ демократизму. Атавизмъ, какъ говоритъ ея мужъ.

На другой день послѣ двѣнадцати часовъ, то-есть когда Ольга Васильевна была уже одѣта, какъ всегда, по праздничному (потому что вѣдь у нея и былъ въ дѣйствительности всегда праздникъ) — съ щепетильной прической, для которой она держала даже горничную, съ благоуханіемъ ея всегдашнихъ духовъ,

каждые четверть часа раздавались звонки. Очевидно, не на одного Алексѣя Петровича такимъ роковымъ образомъ дѣйствовали ея лучистые глаза. Поклонники манкировали службой — у всѣхъ у нихъ была служба, — забѣгали на десять минутъ, выслушивали рядъ повелительныхъ наклоненій и уходили съ обѣщаніемъ непремѣнно исполнить.

Была выработана форма приглашеній; одному поручено заказать ихъ въ типографіи. Алексѣй Петровичъ фигурировалъ въ нихъ во всю свою величину. Онъ «имѣлъ честь почтительнѣйше просить не отказать въ любезности и помочь своимъ благосклоннымъ присутствіемъ устройству добраго дѣла — помощи голодающимъ», обѣщая притомъ же доставить своимъ гостямъ «художественное наслажденіе». Ему объ этомъ даже не сказали. Согласіе его разумѣлось само собой.

Дѣло кипѣло. Алексѣй Петровичъ на другой день по обыкновенію былъ на службѣ, потомъ дома торопливо обѣдалъ. Докладная записка еще не была кончена и онъ сегодня разсчитывалъ работать почти всю ночь. Если онъ окажется неисправнымъ, это будетъ событіемъ въ канцеляріи и это доставитъ слишкомъ много удовольствія его врагамъ.

Его враги, это — легкомысленные чиновники, которые, опираясь на протекцію, служатъ кое-какъ и всегда неисправны. Они называютъ его прилежной тупицей, канцелярской машиной и т. д. Онъ на это не обращаетъ вниманія. У него вѣдь никогда не было протекціи. Онъ достигъ всего работой. Но зато теперь онъ самъ себѣ протекція. Онъ нуженъ, онъ необходимъ, онъ неизбѣженъ. Если бы въ одинъ ужасный день онъ пересталъ функціонировать, вся канцелярія, начальники и подчиненные въ равной мѣрѣ застыли бы въ позѣ недоумѣнія. Они не знали бы, за что приняться и съ какого конца начать. Подчиненные исполняли его порученія, согласно его указанію, начальство соглашалось съ его мотивированнымъ мнѣніемъ и клало резолюціи, сообразно съ его предположеніями.

И онъ хотѣлъ уже захватить съ собой кофе и уйти въ кабинетъ.

— Алексѣй Петровичъ, тебѣ завтра надо кое-что устроить! сказала Ольга Васильевна.

— А? разсѣянно спросилъ онъ. — Завтра?

— Ну да. Надо съѣздить къ нѣкоторымъ артистамъ и пригласить ихъ на нашъ вечеръ.

— Зачѣмъ?

Его мысль просто была слишкомъ далека отъ этого вечера и онъ сразу не сообразилъ, въ чемъ дѣло.

— Но какъ зачѣмъ? Они будутъ исполнять... Мы уже намѣтили ихъ. Надо только пригласить. Конечно, можно бы безъ тебя. Вѣдь это пустая формальность. Не могутъ же они отказаться, когда ихъ просятъ... ну, все-таки въ такой домъ. И цѣль такая... неловко. Ты хозяинъ, ты устроитель... И вдругъ кто-то посторонній приглашаетъ. Ты съѣздишь?

— Но когда? Съ утра до пяти съ половиной, ты знаешь, я занятъ... попробовалъ возразить Алексѣй Петровичъ.

— Ну, ты устройся какъ нибудь. Вѣдь безъ этого нельзя. Видишь, мы уже заказали пригласительные билеты отъ твоего имени и тамъ сказано, что ты... Я не помню ужъ какъ,— ну, однимъ словомъ, что ты доставишь гостямъ художественное наслажденіе...

Алексѣй Петровичъ слабо усмѣхнулся и подумалъ: «хотѣлъ бы я увидѣть этихъ людей, которымъ я могу доставить художественное наслажденіе...» А Ольга Васильевна, видя на лицѣ его нерѣшительность, направила на мужа всѣ лучи своихъ глазъ, до сихъ поръ разсѣянные въ безпредметномъ пространствѣ.

— Ну, какъ нибудь сдѣлай... Сдѣлай, Лёша...

— Хорошо, хорошо! безпомощно сказалъ Алексѣй Петровичъ.—Такъ когда же и куда ѣхать?

У Ольги Васильевны уже въ рукѣ былъ листикъ бумаги со спискомъ артистическихъ силъ, написаннымъ не ея рукой. Списокъ составлялся сообща, а писалъ кто-то изъ вчерашнихъ гостей.

— Вотъ тутъ всѣ записаны. Ты сдѣлай, сдѣлай, Лёша! Хорошо?

И она слегка прищурила глаза и улыбнулась ему. Онъ взялъ списокъ, положилъ въ карманъ и сказалъ:

— Хорошо, хорошо.

Это было его любимое слово, которымъ онъ, однакожъ, не злоупотреблялъ. Когда онъ его сказалъ, то значитъ сдѣлаетъ. И уже всѣ знали и довольствовались этимъ словомъ.

Онъ сидитъ въ кабинетѣ. Передъ нимъ кофе, который стынетъ. Докладная записка дожидается, чтобъ ею занялись. А онъ читаетъ списокъ артистовъ, которыхъ долженъ приглашать.

«Скрипачъ Брукеръ, живетъ на Мойкѣ, 184 номеръ. Декламаторъ Волжско-Камскій, пѣвица Лазутчикова... Віолончелистъ Меркуловъ, флейтистъ Мейергофъ», читаетъ Алексѣй Петровичъ и думаетъ: что онъ будетъ дѣлать съ этими почтенными именами? Вѣдь это, должно быть, извѣстные музыканты. О, навѣрно извѣстные, иначе они не попали бы въ списокъ, составленный Ольгой Васильевной. Но онъ ихъ не знаетъ. Можетъ быть, онъ и слышалъ ихъ въ какомъ нибудь концертѣ, но вѣдь ему тогда было все равно до того, кто и что играетъ. Они его и подавно не знаютъ. Откуда же? Въ канцелярію они не ходятъ. Почему же онъ поѣдетъ къ нимъ? Какія, у него есть основанія просить ихъ участвовать въ вечерѣ, устраиваемомъ его женой?

Ну, хорошо. Онъ пріѣдетъ къ скрипачу Брукеру, пошлетъ ему свою карточку,—скрипачъ Брукеръ прочитаетъ и съ недоумѣніемъ пожметъ плечами: «Алексѣй Петровичъ Вожнинъ». Что такое Алексѣй Петровичъ Вожнинъ въ глазахъ скрипача Брукера? Въ канцеляріи понимаютъ, что онъ такое. Тамъ есть люди, которые о немъ самаго плохого мнѣнія. Но есть и такіе, которые цѣнятъ его и, можетъ быть, даже допускаютъ мысль, что онъ пойдетъ далеко, высоко и, чего добраго, будетъ даже когда нибудь министромъ. Но скрипачъ Брукеръ ничего о немъ не думаетъ и для него эти три слова—«Алексѣй Петровичъ Вожнинъ»—не болѣе, какъ три пустыхъ звука. И вотъ онъ къ нему выходитъ. Алексѣй Петровичъ смущенъ. Конечно смущенъ, потому что чувствуетъ, что пришелъ требовать отъ человѣка того, на что не имѣетъ права. И запинаясь, онъ начинаетъ объяснять, въ чемъ дѣло. Видите ли, его жена устраиваетъ вечеръ въ пользу голодающихъ, такъ вотъ... Скрипачъ Брукеръ выслушалъ — и что-жъ дальше? А дальше онъ имѣетъ право сказать: милостивый государь, ваша жена устраиваетъ вечеръ въ пользу голодающихъ. Отлично! доброе дѣло! прекрасное дѣло! Ну и пусть устраиваетъ; желаю ей успѣха. А я здѣсь совершенно не причемъ. Вотъ если бы я, Брукеръ, устраивалъ вечеръ въ пользу голодающихъ, такъ я вовсе не

поѣхалъ бы приглашать вашу жену играть на скрипкѣ, или на чемъ ей угодно, а самъ сыгралъ бы. Досвиданья.

И онъ будетъ правъ. То же самое могутъ сказать и декламаторъ Волжско-Камскій, и пѣвица Лазутчикова и флейтистъ Мейергофъ. И онъ, Алексѣй Петровичъ, будетъ въ отчаянномъ положеніи, потому что не можетъ представить имъ ни мотивовъ, ни соображеній. Какіе мотивы? Никакихъ мотивовъ не можетъ быть! Какія соображенія? Это противорѣчитъ всякимъ соображеніямъ. И тѣмъ не менѣе онъ поѣдетъ завтра утромъ, можетъ быть опоздаетъ на службу и все-таки поѣдетъ и все претерпитъ.

Онъ твердо рѣшилъ, что поѣдетъ и рѣшилъ главнымъ образомъ для того, чтобы больше объ этомъ не думать и писать докладную записку. Да, онъ давно уже нашелъ этотъ чудный способъ избавлять себя отъ излишнихъ тревожныхъ размышленій. Когда отъ него требуютъ какой нибудь глупости, чего нибудь смѣшного, нелѣпаго, надо какъ можно скорѣе рѣшить сдѣлать это. Тогда всякія тревожныя мысли исчезаютъ и не мѣшаютъ заниматься дѣломъ. Ну, что за важность, если онъ сдѣлаетъ глупость или будетъ полчаса смѣшнымъ? Вѣдь это пройдетъ! Ну, такъ, значитъ, нечего объ этомъ и безпокоиться.

На другой день въ канцеляріи былъ чрезвычайно рѣдкій случай. Алексѣй Петровичъ опоздалъ на службу. Директоръ обыкновенно пріѣзжалъ около часу. Въ это время вся канцелярія была уже готова къ пріѣзду его. Всѣ дѣла налажены и при директорѣ уже все шло такъ, что ни въ чемъ не было ни сучка, ни задоринки. Дѣла, которымъ было суждено найти себѣ рѣшеніе въ этотъ день, правильной шеренгой стояли у дверей кабинета директора, входили туда по очереди, получали свою резолюцію и, покидая канцелярію, шли на вольный воздухъ.

На этотъ разъ Алексѣй Петровичъ пріѣхалъ за четверть часа до прибытія директора. Конечно, оказалось, что безъ него всѣ занимались разговорами. Между двумя помощниками столоначальника произошелъ даже страстный споръ по дѣлу Дрейфуса. Ничего не было готово, и когда пріѣхалъ директоръ, произошла путаница и всѣ сбились съ ногъ.

— Что это у васъ нынче безпорядокъ такой? спросилъ директоръ, впрочемъ безъ всякаго гнѣва, такъ какъ въ сущности

ему было рѣшительно все равно, порядокъ ли въ канцеляріи, или безпорядокъ.

Алексѣй Петровичъ взялъ тотчасъ же всю вину на себя и доложилъ, что неотложныя личныя дѣла заставили его опоздать. А неотложныя личныя дѣла были такого рода, что у Алексѣя Петровича черепъ трещалъ отъ нихъ. Скрипачъ Брукеръ припялъ его съ такимъ видомъ, какъ будто онъ былъ Юпитеръ громовержецъ, а Алексѣй Петровичъ послѣдній идіотъ. Брукеръ игралъ первую скрипку въ какомъ-то оркестрѣ и это давало ему право считать себя геніальнымъ музыкантомъ. Кромѣ того, онъ давалъ уроки и объявилъ, что у него каждый часъ стоитъ пять рублей и всѣ часы разобраны. Алексѣй Петровичъ ставилъ ему на видъ, что вечеръ въ пользу голодающихъ. Брукеръ посмотрѣлъ на него холоднымъ взглядомъ и сказалъ, что онъ уже у какого-то его высокопревосходительства и у какого-то его сіятельства игралъ въ пользу голодающихъ и находитъ, что этого достаточно. Словомъ, Алексѣй Петровичъ почувствовалъ, что его личность ничего не говоритъ Брукеру и что будь онъ его сіятельство, то первая скрипка оркестра безъ всякихъ разговоровъ была бы къ его услугамъ. Въ заключеніе Брукеръ сказалъ, что, можетъ быть, онъ и пріѣдетъ, но навѣрное сказать не можетъ. Въ этомъ Алексѣй Петровичъ увидѣлъ обѣщаніе навести справки о его личности. «Чортъ знаетъ, какому униженію я себя подвергаю!»

Декламаторъ Волжско-Камскій прямо заявилъ, что онъ самъ почти что голодающій, въ чемъ Алексѣй Петровичъ имѣлъ полную возможность убѣдиться по обстановкѣ его квартиры, и что вообще онъ меньше, какъ за двадцать пять рублей, не поѣдетъ; а когда Алексѣй Петровичъ выразилъ ему согласіе дать двадцать пять рублей, Волжско-Камскій, очевидно не ожидавшій этого, началъ разсыпаться въ благодарностяхъ и попросилъ задатокъ.

Пѣвица Лазутчикова ломалась въ теченіе сорока минутъ да такъ, что у Алексѣя Петровича явилось очень опредѣленное желаніе убить ее. И онъ не привелъ его въ исполненіе единственно потому, что существуютъ уголовные законы и островъ Сахалинъ. Она потребовала, чтобы послѣ концерта въ газетахъ было напечатано, что концертъ блестяще удался, исключительно благодаря участію ея, Лазутчиковой.

Флейтистъ Мейергофъ вышелъ къ нему съ распухшими губами и сослался на нихъ, какъ на доказательство чрезвычайной трудности его искусства; онъ былъ крайне изумленъ, что его зовутъ играть соло въ концертѣ. Съ нимъ никогда еще этого не случалось. И ему это льстило. Съ трудомъ выговаривая слова, такъ какъ распухшія губы плохо повиновались ему, онъ сказалъ, что пріѣдетъ, если опухоль пройдетъ.

Віолончелистъ Маркеловъ какъ разъ въ это время пилъ запоемъ, три дня уже не ночевалъ дома и уже заложилъ свою віолончель. Этому страшно обрадовался Алексѣй Петровичъ, такъ какъ не надо было тратить время на переговоры съ віолончелистомъ. Не случись этого благодѣтельнаго запоя, онъ, пожалуй, пріѣхалъ бы въ канцелярію позже директора, а это уже произвело бы настоящую сенсацію и было бы ничѣмъ не смываемымъ пятномъ на его служебной репутаціи.

Вечеромъ, за обѣдомъ, Алексѣй Петровичъ разсказалъ о своихъ приключеніяхъ Ольгѣ Васильевнѣ и уже затѣмъ до пятницы его оставили въ покоѣ. И что дѣлалось для предположеннаго вечера, онъ не зналъ и не вникалъ.

А дѣлалось многое. Прежде всего экстренно, съ сумасшедшей спѣшностью, на Фонтанкѣ, у французской портнихи дѣлалось новое платье для Ольги Васильевны. Безъ сомнѣнія, она, какъ хозяйка, должна быть одѣта изящнѣе всѣхъ дамъ. А межъ тѣмъ приглашены такія дамы, которыя любятъ показать себя. Затѣмъ, такъ какъ вечеръ будетъ парадный, надо произвести нѣкоторый ремонтъ въ квартирѣ, кое-что подновить, кое-что пріобрѣсти совсѣмъ новое. Тамъ недостаетъ столика, здѣсь картины, тутъ коврика. Цвѣточному магазину поручено декорировать квартиру растеніями и цвѣтами. Договорены кареты для артистовъ. Но самое главное вниманіе было сосредоточено на угощеніи. Конечно, будь это гдѣ нибудь въ концертной залѣ, тогда объ этомъ не пришлось бы думать. Но у себя дома нельзя же отпустить людей голодными. Были приглашены поваръ и лакей, заказана провизія, закуски, сласти, вино. Дѣятельность была кипучая. Ольга Васильевна была на высотѣ призванія благотворительницы, которая умѣетъ устроить все, какъ слѣдуетъ. Поклонники бѣгали по городу, умоляя своихъ знакомыхъ взять билеты. Иные привирали, обѣщая итальянскую пѣвицу,

цѣлый оркестръ румынъ, чуть ли не самихъ Сарасате и Гофмана; но продажа шла вяло, и Ольга Васильевна, которая объ этомъ знала, начала волноваться.

Въ пятницу за обѣдомъ, когда Петръ Алексѣевичъ, можетъ быть, уже окончательно свыкся съ мыслью, что отъ него больше ничего не потребуютъ, Ольга Васильевна сказала ему:

— Надѣюсь, Алексѣй Петровичъ, что ты уже пригласилъ на нашъ вечеръ своего директора!

Алексѣй Петровичъ съ невыразимымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Директора? На этотъ вечеръ? Директора?

— Но какъ же? какъ же? Ты устраиваешь, ты служишь въ его канцеляріи, ты занимаешь тамъ вліятельное положеніе... Странно, если бы у насъ на вечерѣ въ пользу голодающихъ не было твоего директора. Надѣюсь, онъ сочувствуетъ голодающимъ?

— Да... По всей вѣроятности. Но изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ! съ необычною для него твердостью сказалъ Алексѣй Петровичъ.

— Какъ? Ты не хочешь пригласить его?

— Не не хочу, а не могу.

— Я не понимаю. Какъ же это такъ? Ты устраиваешь вечеръ, ты тамъ занимаешь положеніе...

— Я не устраиваю вечеръ, мой другъ... Это ты устраиваешь...

— Но надѣюсь, это все равно... Приглашенія отъ твоего имени. Артистовъ пригласилъ ты. Наконецъ, это твой домъ столько же, сколько и мой.

— Да, конечно... Но... директора я звать не могу.

— Не можешь?

— Не могу, не могу, рѣшительно сказалъ Алексѣй Петровичъ.

— Но послушай, Леша... Войди ты въ мое положеніе. Вѣдь это обѣщано...

— Кому? Что обѣщано?

— Да всѣмъ сказано, что будетъ директоръ...

— Но вѣдь это концертъ, а мой директоръ не поетъ и не играетъ на флейтѣ и не декламируетъ.

— Леша... Какъ тебѣ не стыдно?.. Ты дѣлаешь видъ, что не понимаешь... Вѣдь это же ясно... Многіе, очень многіе пойдутъ только туда, гдѣ разсчитываютъ встрѣтить извѣстныхъ лицъ. Ну, Леша... Ну...

И Ольга Васильевна встала, чтобы подойти къ нему поближе, а Алексѣй Петровичъ въ этотъ моментъ вдругъ почувствовалъ, что на него надвигается каменная глыба, которая сейчасъ раздавитъ его. Близость прикосновенія, благоуханіе, грудной голосъ, интимный шопотъ... О, это его враги, которые сильнѣе его и онъ долженъ отъ нихъ бѣжать. И онъ вдругъ порывисто поднялся и отскочилъ къ двери, которая вела черезъ гостиную въ кабинетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Оставь, я не могу... Все, что угодно, но это—нѣтъ!

Онъ сдѣлалъ рукой такой жестъ, какъ будто боялся, чтобы она не подошла къ нему.

— Ну, Леша... Ну, милый...

— Нѣтъ! И онъ вдругъ повернулся, почти побѣжалъ въ гостиную, потомъ въ кабинетъ и заперъ дверь на ключъ.

Ольга Васильевна постояла съ минуту, потомъ подошла къ кабинету, надавила ручку двери,—заперта. Она съ крайнимъ и очень искреннимъ изумленіемъ посмотрѣла на дверь, пожала плечами, вернулась въ столовую и въ одиночествѣ докончила обѣдъ. Она поняла, что наскочила на такой пунктъ, съ котораго Алексѣя Петровича не сдвинуть ничѣмъ, никакими чарами. Директоръ не былъ приглашенъ.

И вотъ въ воскресенье состоялся вечеръ. Алексѣю Петровичу дали понять, что онъ долженъ быть во фракѣ и исполнять какія-то обязанности. Онъ этому безпрекословно подчинился. Но вмѣстѣ съ фракомъ онъ надѣлъ на свое лицо и ту маску, которая всегда сопровождала его появленіе въ обществѣ. И сквозь эту маску онъ видѣлъ слѣдующее.

Его квартира превратилась въ какой-то зимній садъ, въ которомъ, впрочемъ, цвѣли розы, лиліи, гіацинты, геліотропы и множество другихъ цвѣтовъ, названія которыхъ онъ и не зналъ. Его жена въ ослѣпительномъ платьѣ съ глубокимъ декольте, съ очаровательной улыбкой, встрѣчала какихъ-то полузнакомыхъ мужчинъ и дамъ. Онъ самъ тоже протягивалъ имъ руку

и съ казенной усмѣшкой говорилъ, что ему очень пріятно... Нѣсколько молодыхъ людей бѣгали изъ одного конца квартиры въ другой, говорили между собой объ артистахъ, которые еще не пріѣхали, о скрипачѣ, который надулъ, о віолончелистѣ, который уже пересталъ пить, но еще не выкупилъ віолончели... У нихъ были встревоженныя лица, они что-то шептали Ольгѣ Васильевнѣ. Она дѣлала имъ строгіе глаза, что-то приказывала, они схватывали свои пальто, куда-то бѣжали, а она опять очаровательно улыбалась.

Въ гостиной набралось человѣкъ тридцать. Сквозь беззаботно веселое выраженіе лица Ольги Васильевны, онъ привычнымъ глазомъ разглядѣлъ досаду, даже бѣшенство, но тѣмъ не менѣе все шло своимъ порядкомъ.

Гости сидятъ и ведутъ вялый разговоръ о недородѣ хлѣбовъ и о послѣднемъ маскарадѣ въ Маріинскомъ театрѣ. Ольга Васильевна тревожно посматриваетъ на дверь. Въ передней слышится возня. Кого-то привезли. И вотъ входитъ деклама-торъ Волжско-Камскій, въ сильно потертомъ фракѣ, съ фальшивой цѣпочкой на жилетѣ безъ часовъ, съ совершенно бритымъ лицомъ, съ непомѣрно большимъ носомъ. Ольга Васильевна оживляется,—можно начать. Волжско-Камскій стоитъ въ позѣ и уже завываетъ что-то длинное, томительно-скучное. Его рѣзкій скрипучій голосъ звучитъ въ гостиной какъ-то насильственно и Алексѣю Петровичу кажется, что каждую минуту трещитъ потолокъ и что сверху сперва, сыплется штукатурка, а затѣмъ одинъ за другимъ падаютъ кирпичи.

Въ это время еще кого-то подвезли. Входитъ пѣвица, только не та, которую звалъ онъ, а совсѣмъ другая. Ея фамилія Струнская; но все равно, она такъ же великолѣпна, какъ и Лазутчикова. Вѣдь надо только, чтобы своды квартиры оглашались какими нибудь громкими звуками. Пѣвица поетъ; поклонники, чтобы наполнить время, требуютъ бисъ, она поетъ и бисъ. Подвозятъ флейтиста. Онъ входитъ, удивленный именно тѣмъ обстоятельствомъ, что его привезли и что онъ будетъ играть соло и его будутъ слушать.

«Это оригинально! Соло на флейтѣ,— это оригинально!»

Эту мысль назамѣтно пускаетъ сама Ольга Васильевна; поклонники пропагандируютъ ее. Надо же, чтобы что нибудь было

оригинально! И всѣ мало-по-малу усвоиваютъ эту мысль и начинаютъ искренно думать, что это оригинально. И флейтистъ играетъ. Дикій свистъ раздается въ квартирѣ.—Ждали еще піанистку—она не пріѣхала. Какой-то феноменальный басъ изъ пѣвческой капеллы сталъ у фортепіано и началъ наполнять комнату громомъ. Это всѣхъ поразило и было дѣйствительно оригинально. Затѣмъ, такъ какъ оставалось еще много времени, поклонники пристали къ Ольгѣ Васильевнѣ, чтобы она сыграла на роялѣ. Она отказывалась, но съ такимъ видомъ, который всѣхъ долженъ былъ убѣдить въ томъ, что она отлично играетъ, только не хочетъ; тогда и публика стала просить ее, она согласилась. Раздались звуки шопеновскаго вальса, который она играла всю жизнь.

Межъ тѣмъ въ столовой звенѣли тарелки, бряцали ножи и вилки, воздухъ насыщался запахами маринованныхъ грибовъ, сыру, колбасъ, всякихъ соленій, тащили ростбифъ, цѣлаго лосося, хлопали пробки отъ винныхъ бутылокъ. Звуки въ гостиной замолкли и гости перешли въ столовую; началось пиршество, бутылки пустѣли, настроеніе повышалось. Скука замѣнялась весельемъ. Мало знакомые между собою гости сблизились. На лицахъ было удовольствіе. Ольга Васильевна сіяла.

На другой день Алексѣй Петровичъ совсѣмъ не видѣлъ жены. На службу онъ поѣхалъ съ нездоровой головой. Вернулся и узналъ, что Ольга Васильевна не совсѣмъ здорова. Онъ прилегъ на диванѣ и, въ противность обыкновенію, заснулъ.

Но зато во вторникъ, приходившійся третьимъ днемъ послѣ знаменитаго вечера, онъ былъ крайне изумленъ, когда, выйдя въ половинѣ десятаго утра въ столовую, онъ увидѣлъ Ольгу Васильевну въ бѣломъ кружевномъ капотѣ, совсѣмъ готовую. Никогда она такъ рано не вставала. Она поднялась, пошла на встрѣчу, приблизилась и подставила щеку для поцѣлуя.

— Ты уже встала?

— Да. Ты удивленъ? Видишь ли, вчера я цѣлый день не видалась съ тобой, меня мучила совѣсть. Тебѣ кофе или чаю?

— Я всегда пью кофе.

— Я налью тебѣ.—Она налила ему кофе.—Ахъ, да, чуть было, не забыла... тутъ есть маленькое дѣло. Этотъ вечеръ.. Ахъ, Лёша, я такъ жалѣю, что затѣяла его!

— А что?

— Да вѣдь такъ трудно расшевелить людей на доброе дѣло. Я раздала сотню билетовъ, но вчера мнѣ вернули восемьдесятъ пять.

— Да?

— Да. Только пятнадцать продали...

— Но у тебя гостей было гораздо больше.

— Да... но нѣкоторыхъ я должна была пригласить такъ. Сестра Ивана Григорьевича, жена Виктора Алексѣевича, дальняя родственница Семена Егоровича, племянникъ Василія Петровича—онъ студентъ, не брать же съ него! Потомъ Андрей Семеновичъ такъ много хлопоталъ, я должна была предложить ему. Александръ Никифоровичъ тоже съ ногъ сбился, а Ѳедоръ Ивановичъ досталъ вотъ эту пѣвицу, потому что твоя Лазутчикова отказалась. Ахъ, это такъ трудно, такъ трудно! Даю себѣ слово, больше никогда не устраивать...

— Ну, что-жъ дѣлать! сказалъ Алексѣй Петровичъ.—Урокъ благоразумія—то же своего рода выигрышъ.

Ольга Васильевна слегка досадливо вздрогнула; она терпѣть не могла этихъ его сентенцій. Но не до сентенцій было ей теперь; на очереди стояли важныя дѣла.

— Пришлось сдѣлать и кое-какіе расходы, сказала она.—Двѣ кареты для артистовъ, растенія, цвѣты... Рублей восемьдесятъ осталось.

— Не много.

— Да, слишкомъ мало. Это просто даже неприлично.

— Ну, всякая жертва прилична.

— Нѣтъ, неприлично, Леша, совсѣмъ неприлично. Вѣдь это будетъ напечатано въ газетахъ.

— Въ газетахъ? Почему же въ газетахъ?

— А какъ же? Иначе не было бы смысла... Иванъ Яковлевичъ уже обѣщалъ. У него тамъ какія-то связи. Но видишь ли, Лёкъ...

Она перегнулась черезъ столъ и приблизила свое лицо къ нему. Запахъ ея духовъ уже дошелъ до него и щекоталъ его ноздри.

— Видишь ли, Лёкъ... Надо вѣдь, чтобъ была какая нибудь приличная сумма. Ну, хоть рублей пятьсотъ...

— Какъ же это сдѣлать?

— Ну, какъ? Понятно, доплатить...

— Доплатить?

— Доплатить, милый Лёкъ, доплатить...

И ея изящная, пухленькая рука лежала уже на его рукѣ, а глаза смотрѣли такъ маняще, такъ соблазнительно и обѣщали много, много...

— Ну, самъ посуди, Лёкъ, ты занимаешь такое положеніе, тебя уважаютъ и вдругъ... У тебя въ квартирѣ и какія нибудь восемьдесятъ рублей... Вѣдь всѣ прочитаютъ—и твои сослуживцы и начальство,—развѣ я не права, Лёкъ?

— Это такъ, конечно... говорилъ Алексѣй Петровичъ, чувствуя, что его оставляетъ способность сопротивляться.—Но вѣдь эти деньги надо найти. Это заставитъ насъ выйти изъ бюджета...

— Ну, Лёкъ... Я буду экономить. Мы какъ нибудь уравновѣсимъ... Какъ жаль, что нельзя открыть столовую... ужасно жаль! Но все-таки мы въ «Красный Крестъ» отошлемъ. Хорошо? Хорошо, Лёкъ?

— Хорошо, сказалъ Алексѣй Петровичъ, и этимъ далъ невозвратное обязательство.

На другой день онъ, пробѣгая газету, прочиталъ въ ней слѣдующее:

«Среди великопостныхъ салонныхъ развлеченій обращаетъ на себя вниманіе въ высшей степени удачный вечеръ, устроенный супругой извѣстнаго въ бюрократическомъ мірѣ статскаго совѣтника А. П. Возжина въ своей квартирѣ, съ цѣлью столь пріятнымъ способомъ собрать нѣкоторыя скромныя средства для улучшенія участи тѣхъ несчастныхъ нашихъ меньшихъ братьевъ, которые пострадали отъ недорода хлѣбовъ и кормовыхъ травъ. Кружокъ извѣстныхъ артистовъ съ жаромъ откликнулся на доброе дѣло. Среди нихъ не можемъ не отмѣтить примадонну Струнскую, обладающую замѣчательнымъ голосомъ и образцовой школой, благодаря которымъ мы можемъ смѣло рекомендовать ее, какъ лучшую учительницу пѣнія. Нельзя не упомянуть также о рѣдкомъ, почти небываломъ концертномъ явленіи — соло на флейтѣ, исполненномъ нашимъ превосходнымъ флейтистомъ Мейергофомъ. Отмѣтимъ также превосходную декламацію господина Волжско-Камскаго. Но гвоздемъ вечера былъ, безъ сомнѣнія, Лѣно-

кудровъ, краса нашей пѣвческой капеллы, обладающій поразительнымъ, феноменальнымъ басомъ. Наконецъ, въ видѣ особаго сюрприза, сама хозяйка, — между прочимъ будетъ не лишнимъ сказать, что госпожа Возжина — тонкая музыкантша, — съ великолѣпнымъ brio сыграла одинъ изъ лучшихъ шопеновскихъ вальсовъ. Благодаря любезности очаровательной хозяйки и предупредительности почтеннаго хозяина, а также отзывчивости гостей и усиліямъ артистовъ, вечеръ далъ возможность устроителямъ послать въ кассу «Краснаго Креста» пятьсотъ рублей, сумма, которую нельзя не признать весьма значительной для вечера въ частной квартирѣ. Побольше такихъ вечеровъ, побольше великодушной частной иниціативы, и замолкнутъ вопли нашихъ голодающихъ братьевъ!»

Читалъ Алексѣй Петровичъ эти строки и думалъ о томъ, какимъ образомъ ему извернуться, чтобы не потрясти окончательно своего бюджета, выдѣливъ изъ него четыреста слишкомъ рублей для доказательства отзывчивости гостей и усилій господъ артистовъ.

А когда онъ пріѣхалъ домой со службы, то на столѣ у себя нашелъ нѣсколько бумажекъ, форма которыхъ навела его на довольно мрачныя мысли. Въ первую минуту онъ не понялъ даже, въ чемъ дѣло; но, по обыкновенію, тщательно изслѣдовавъ дѣло, онъ понялъ. Тутъ былъ счетъ отъ портнихи за поразительное платье, въ которомъ Ольга Васильевна блистала на своемъ вечерѣ; этотъ счетъ представлялъ всего стоимость въ двѣсти рублей; потомъ шли лакеи, поваръ, вина, провизія...

Онъ взялъ маленькія счеты, висѣвшія на стѣнѣ, сосчиталъ все и вышло безъ семи рублей четыреста. Онъ поникъ головой.

Но вдругъ онъ вздрогнулъ. Что-то теплое прикоснулось къ его безволосому темени, чья-то нѣжная рука тихонько щекотала его шею; чей-то тихій-тихій страстный шопотъ произносилъ подъ самымъ его ухомъ:

— Милый Лёкъ, не сердись... Лёкъ!.. Лю-у!..

И при этомъ вокругъ него посилось тонкое благоуханіе ея волосъ... И она была совсѣмъ-совсѣмъ близко около него...

Н. И. Позняковъ.

ПРЕКРАСНАЯ ЗАРЯ.

(СТРАНИЧКА ИЗЪ МИЛАГО ДАЛЕКА).

Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря?..

А. Пушкинъ.

Я помню это смутно, и притомъ... ясно. Какъ это ни странно, но вѣрно. Смутно — потому, что то было нѣсколько мгновеній, полныхъ отдаленными очертаніями, неразрѣшенными догадками, не вполнѣ сознанными впечатлѣніями; ясно—оттого, что и теперь такъ проясняется сознаніе, когда промелькнетъ это воспоминаніе, такъ свѣтло становится на душѣ, такъ отрадно... благодатно... Смутно — потому, что это было въ 1861 году, когда мнѣ только что шестой годъ пошелъ; ясно—оттого, что и дѣтской головкѣ свѣтятъ проблески жизни...

Какимъ образомъ случилось, что я — блѣденькій, тщедушный, хилый ребенокъ — очутился на балконѣ въ это свѣжее іюньское утро, когда роса плыла надъ лугомъ своимъ бѣлесоватымъ матомъ и птицы пѣли еще неполнымъ хоромъ,—не могу сказать. Вѣроятно, насъ разбудили: вѣроятно, отъ этого утра ждали чего-то особеннаго, еще не виданнаго...

Я стоялъ, а передо мной благоухалъ палисадникъ жасми-

нами и розами, а за нимъ къ Шошѣ сбѣгала съ горы извилистая дорожка, а внизу сама Шоша своимъ изгибомъ дѣлала ровную, какъ дуга, луку, разубранную ивами, ветлами и олешникомъ, точно курчавой бахромой; на одномъ концѣ луки виднѣлась деревня съ бурой соломой на крышахъ, съ кривыми, сѣрыми стѣнами избъ и овиновъ, съ тонкими струйками дыма надъ трубами; на лѣвомъ концѣ задумчиво дремалъ сосновый боръ, готовый проснуться при первыхъ лучахъ назрѣвавшаго дня; а прямо передо мной, вдали, на горѣ, за паровымъ полемъ, высилась сельская церковь надъ волнистыми купами садовъ...

Сколько разъ и потомъ, живя здѣсь много лѣтъ, видѣлъ я эту картину! Сколько разъ вспоминалъ я съ отрадой то раннее, свѣжее утро, когда я — худенькій, слабый ребенокъ — стоялъ тутъ и глядѣлъ впередъ, чего-то ожидая...

Тамъ, внизу, въ котловинѣ между дальней горой и лукой Шоши, бархатился лугъ, и неслись оттуда голоса, и толпа колыхалась въ своихъ синихъ, и бѣлыхъ, и красныхъ рубахахъ, въ пестрыхъ сарафанахъ, и косы звенѣли, блестя при пожарѣ востока. Я стоялъ и глядѣлъ впередъ. О чемъ тамъ былъ шумъ — я не помню, не слышалъ ясно. Вѣроятно, я и не понялъ бы, еслибъ и разслышалъ его: это былъ сплошной, смутный гулъ. Но помню я, какъ сильно билось у меня сердце... И было такъ свѣжо, такъ просторно, такъ свѣтло!.. А востокъ разгарался все ярче и ярче; птицы пѣли ужъ полнымъ хоромъ; туманы расползались по заводьямъ и лощинамъ; по небесной лазури брызнули лучи. Все кругомъ ликовало — радостно было и мнѣ. Я не понималъ всего. Конечно, не понималъ: мнѣ было всего пять лѣтъ. Но мнѣ было радостно, что-то чуялось... Дышалось легко, свободно. Я жилъ въ тѣ мгновенья — жилъ полной жизнью, и сердце у меня билось сильно, сильно!

Теперь-то я понимаю: они дѣлили свой первый покосъ — *свой первый покосъ!* Вѣроятно, намъ сказали, что это будетъ очень интересно, и разбудили насъ посмотрѣть. Вѣроятно, намъ внушили, что̀ значитъ «свой первый покосъ». И мы встали и пошли смотрѣть. Вѣроятно, такъ было. Да, навѣрно намъ внушили. Навѣрно!

Я услышалъ шаги позади себя. Оглянулся. То былъ братъ Викторъ (ему было около восьми лѣтъ). Онъ быстро вбѣжалъ

на балконъ, еще не совсѣмъ обсохнувъ отъ умыванья. Меня онъ, казалось, не замѣтилъ. Онъ остановился, откинулъ назадъ курчавую голову, шумно вдохнулъ въ себя воздухъ, блаженно улыбнулся, прошепталъ: — «ахъ, какъ хорошо!» вперилъ взоръ вдаль, за рѣку, въ толпу, прислушался къ ея гулу, взглянулъ на ближніе кусты, прислушался къ ликующему хору, оглянулъ небо, сіявшее надъ боромъ солнце, всю окрестность, и... мы встрѣтились глазами...

Мы оба промолчали, но кажется мнѣ теперь — мы поняли другъ друга. Вотъ этотъ взоръ я помню ясно: какой это былъ радостный, чистый взоръ! — чистый, какъ это небо, какъ эта заря!..

Прекрасная заря! Мы тебя видѣли!.. Я помню тебя!

В. А. Добротворскій.

У ПАМЯТНИКА ПУШКИНА ВЪ МОСКВѢ.

(ФАНТАЗІЯ).

Пушкинъ живъ. Онъ между нами. Его герои живутъ и дѣйствуютъ и нынѣ.

I.

На колокольнѣ Страстного монастыря пробило двѣнадцать часовъ, когда на противоположномъ концѣ Пушкинскаго бульвара показались богатыя, пышныя похороны.

Впереди, на парѣ лошадей, одѣтыхъ въ траурныя попоны, ѣхали два джентльмена въ черныхъ цилиндрахъ, въ черныхъ ливреяхъ и бѣлыхъ перчаткахъ. Они усердно посыпали ельникомъ послѣдній земной путь виновнику настоящаго событія.

Вотъ и факельщики показались въ такихъ же ужасныхъ костюмахъ. Какія непріятныя, безучастныя лица! Вотъ и печальная колесница, — но... Но что это такое? Откуда вдругъ, эти отдаленные, заунывные звуки похороннаго марша?

— Генерала, должно быть, хоронятъ, замѣтилъ одинъ господинъ другому, останавливаясь вмѣстѣ съ нимъ около самаго памятника Пушкина и внимательно разглядывая приближавшуюся процессію.

— Да, да... ты, Миша, правъ. Сегодня хоронятъ того генерала, у котораго жена... Помнишь, я тебѣ какъ-то разсказывалъ.

— Нѣтъ, коллега, не помню.

— До безумія влюблена была въ одного франта, а вышла замужъ за стараго генерала, который вотъ теперь съ такимъ апломбомъ переселяется къ праотцамъ. Помнишь? Еще франтъ-то этотъ на дуэли убилъ жениха ея сестры, добавилъ коллега.

— Да... Да... помню. Романическая семейка. Тебѣ бы, вотъ, писателю, для твоихъ романовъ—манна небесная.

А похоронная процессія, между тѣмъ, подвигалась впередъ. Вотъ она уже на серединѣ бульвара. Вотъ она уже около самаго памятника.

— Смотри... смотри! закричалъ вдругъ писатель, когда богато убранная колесница поравнялась съ ними,—вотъ она... сейчасъ же за гробомъ. Видишь? Красивая, стройная брюнетка, въ платьѣ съ плерезами, въ глубокомъ траурѣ.

— Вижу. Одна идетъ... Какое строгое лицо. Но почему же она не плачетъ, коллега?

— Не умѣетъ притворяться. Она никогда не любила своего мужа, но и была ему вѣрна.

— А это, коллега, кто такая? Блондинка, полная, подъ руку съ уланомъ идетъ?

— Сестра ея. Ну, эта, Миша, не чета ей. Видишь отъ чужого горя плачетъ, а когда тотъ франтъ жениха ея на дуэли убилъ,—то очень скоро утѣшилась, и вотъ за этого идіота вышла. Сентиментальная особа.

— Безъ вкуса, безъ цвѣта и безъ запаха—сказалъ бы про нее нашъ профессоръ, добавилъ Миша.

— Вѣрно... вѣрно, Миша. Вы, химики, сумѣете со всѣхъ сторонъ охарактеризовать предметъ. А вотъ и маменька ихъ. Историческая особа. Когда-то тоже громко заявляла о своемъ существованіи и господами граціозонами сильно увлекалась. А вотъ... О, Боже мой... Самъ французъ... французъ... Забылъ фамилію... Сукно... Касторъ... Что-то въ этомъ родѣ. Славный парень. Весельчакъ. Все рѣчи говорилъ. Я встрѣчалъ его у нихъ, въ имѣніи. А сильно измѣнился. Постарѣлъ.

Но вотъ опять заиграли похоронный маршъ. Сколько скорби, боли, раздирающей душу тоски въ протяжныхъ, заунывныхъ звукахъ этого послѣдняго прощальнаго напутствія!

Замолкли пріятели. Замолкла толпа. Поникли головой генералы. Задумчиво шли офицеры. Уныло шагали солдаты. И у всѣхъ въ головѣ одна была мысль — мысль о тлѣнности жизни... мысль о неизбѣжномъ, можетъ быть, скоромъ итогѣ...

Но... миновала процессія. Миновали кареты. Прошелъ праздный, обычный народъ и безпечная, легкомысленная жизнь опять вошла въ свою колею.

— «Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды и чей-нибудь ужъ близокъ часъ», началъ декламировать «коллега», очнувшись послѣ минутнаго раздумья и вдругъ замолкъ.—Смотри, смотри, Миша, заговорилъ онъ послѣ секундной, неожиданной паузы,—это вѣдь онъ...

— Кто онъ? сердито переспросилъ химикъ, потерявшій, благодаря разнымъ паузамъ, нить разговора и успѣвшій уже уйти въ себя самого.

— Да онъ, котораго она любила, котораго она и сейчасъ любитъ.

— А, это тотъ франтъ, который убилъ жениха ея сестры.

— Да, да — онъ. Все та же манера. Все тотъ же черный плащъ. Все та же мягкая, черная шляпа. А измѣнился, постарѣлъ, хотя по прежнему интересенъ.

— Но что онъ, собственно, за экземпляръ такой?

— Какъ тебѣ сказать, Миша, покороче. Съ полицейской точки — это человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій. Нашъ дворникъ, Кузьма, назвалъ бы его человѣкомъ, ничего не стоющимъ. Для женщинъ — это кумиръ. Онѣ бѣгаютъ за нимъ за его манеру не обращать на нихъ никакого вниманія, за его презрительное равнодушіе къ нимъ. Онѣ ему страшно надоѣли и это онъ имъ открыто говоритъ въ глаза. Въ сущности, это интересный, часто повторяющійся типъ, но... Что это, вдругъ, сдѣлалось съ лицомъ Пушкина? Смотри, какъ оно вдругъ измѣнилось.

— Я, коллега, никакихъ перемѣнъ въ памятникѣ не вижу.

— Оно вдругъ все исказилось, какъ-то болѣзненно, измѣнилось, какъ бы отъ невыносимой боли, отъ страшныхъ душевныхъ потрясеній.

— Ну, вы, писатели, даже въ глыбѣ бронзы, даже въ химическомъ соединеніи извести съ углекислотой — способны видѣть какія-то тамъ душевныя потрясенія.

II.

Луна съ любопытствомъ подсматривала изъ-за купола Страстного монастыря за господиномъ въ черномъ плащѣ и въ черной мягкой шляпѣ, очевидно кого-то поджидавшимъ около памятника Пушкина. Ее страшно интриговалъ этотъ таинственный незнакомецъ, ежеминутно вскакивавшій съ своего мѣста и нервно шагавшій изъ стороны въ сторону. Но, боясь, навѣрное, прогнать своимъ неожиданнымъ появленіемъ необходимый для предстоящихъ событій полумракъ,—луна только краешкомъ своего безсмысленнаго лица выглядывала изъ-за надежной засады.

Но вотъ, онъ опять вскочилъ съ своего мѣста, опять устремился въ ту сторону, откуда съ такимъ нетерпѣніемъ ждалъ кого-то,—и вдругъ лицо его озарилось довольной, счастливой улыбкой... Онъ давно уже такъ не улыбался.

Къ нему быстро приближалась граціозная, изящная дама подъ густой вуалью.

— Зачѣмъ вы такъ настойчиво звали меня? Что вамъ нужно отъ меня? Какое право вы имѣете преслѣдовать меня своими письмами? холоднымъ, рѣшительнымъ тономъ заговорила подошедшая дама.

— Я хотѣлъ сказать вамъ такъ же, какъ и тогда, во второй годъ вашего замужества, помните?..

— Что вы хотите мнѣ сказать?..

— Я хочу вамъ повторить, что жить безъ васъ не могу, что люблю васъ безумно...

— Мой отвѣтъ, перебила его граціозная дама,—будетъ тотъ же, что и тогда. «Я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна».

— Но вѣдь вашъ мужъ умеръ. Я провожалъ его до могилы. Вы не плакали, когда шли за его гробомъ, потому что не любили его. Такъ неужели же теперь, когда вы свободны, въ вашемъ сердцѣ нѣтъ уже болѣе мѣста для меня? Неужели же вы разлюбили меня?

Они сѣли. Онъ нѣжно взялъ ее за руки.

— Я не скрываю, заговорила она уже не прежнимъ холоднымъ голосомъ,—я люблю васъ по прежнему, но...

— Забудемте это «но»... Забудемте прошлое. Я самъ тогда

отвергъ вашу чистую, вашу дѣвственную любовь. Я самъ тогда своими собственными руками разбилъ двѣ жизни сразу. Но я наказанъ за свое безуміе. Я страшно, невыносимо страдаю.

Луна коварно улыбалась за монастырскимъ куполомъ. Моментъ былъ рѣшительный, интересный и она не выдержала,— всѣмъ своимъ анфасомъ выглянула изъ своей засады.

Вдругъ дама вскрикнула и, высвободивъ свои руки изъ рукъ любимаго человѣка, быстро встала. Она испуганно смотрѣла на лицо неподвижно стоявшаго Пушкина, вдругъ освѣтившееся луннымъ свѣтомъ.

— Онъ указалъ мнѣ сейчасъ мой путь, заговорила она рѣшительнымъ тономъ, показывая головой на безмолвный монументъ,— и я пойду по этому пути. Прощайте... наши дороги различны. Вы сами также разсуждали въ дни нашего перваго знакомства, когда счастье было такъ возможно. Прощайте...

Она ушла.

III.

Прошло десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ хоронили генерала. И вотъ теперь, по этой же дорогѣ, опять кого-то везли къ праотцамъ. Но странно. Такой богатый балдахинъ, такой богатый гробъ — и вдругъ за гробомъ — никого. Гдѣ же близкіе, родные? Гдѣ же знакомые? Неужели же покойникъ никому ненуженъ былъ при жизни? Неужели же въ цѣломъ мірѣ не было человѣка, который бы пожелалъ въ послѣдній разъ проститься съ нимъ?

Но вотъ поровнялась печальная процессія съ Страстнымъ монастыремъ, и вдругъ нашлось существо, которому, должно быть, нуженъ былъ никому ненужный человѣкъ.

У воротъ святой обители стояла монахиня, блѣдная, худая, изнуренная постомъ и молитвой. Набожно перекрестивъ дорогого покойника, она далеко, далеко проводила его глазами, полными слезъ. Если бы при этомъ трогательномъ прощаніи Татьяны съ Онѣгинымъ присутствовалъ коллега — то навѣрнос, онъ увѣрялъ бы, что изъ глазъ безсмертнаго Пушкина скатилась на мраморный пьедесталъ крупная слеза.

Н. К. Гаринъ (Михайловскій).

АРХИПКИНА СМЕРТЬ.

Весна въ разгарѣ.

Убрались въ усадьбѣ съ посѣвомъ и принялись за разныя междупарочныя работы: крыши чинятъ, навозъ изъ дворовъ вывозятъ, запружаютъ плотину.

Грязь въ усадьбѣ и при въѣздѣ невылазная. А тамъ, подальше, глазъ ласкаетъ зеленое поле, гдѣ сухо, гдѣ молодые всходы веселятъ душу.

Внизу, у пруда, сейчасъ за усадьбой, кипитъ работа: въ банѣ — бабы, на плотинѣ сваи бьютъ человѣкъ 20 крестьянъ, да десятка два татаръ разбились таборомъ на другой сторонѣ, взявъ съ подряда земляную работу по устройству плотины.

Новый прудокъ только что перехваченъ. Черезъ канавку доски переброшены, на доскѣ и возлѣ десятокъ-другой ребятишекъ радуются и прыгаютъ.

Взбѣжалъ за другими на доску трехлѣтній Архипъ, бутузъ, сынъ работника и стряпки, не удержался и упалъ въ воду.

И воды-то по горло Архипкѣ и народу кругомъ видимо-невидимо, а вытащить Архипку некому.

Видѣли даже, какъ два раза вынырнулъ изъ-подъ воды было Архипка, но кто видѣлъ, такъ и не добрались.

А кругомъ, на берегу, сбился народъ и никто не рѣшается лѣзть въ прудъ за нимъ.

А въ банѣ, что тутъ же, мать Архипки полощетъ съ другими бѣлье и не знаетъ ничего.

Вбѣжала какая-то дѣвочка и крикнула ей:

— А Архипка въ прудѣ на днѣ лежитъ и не хочетъ вставать!

Взвизгнула Архипкина мать, выскочила изъ бани, да какъ увидѣла на берегу народъ, такъ и упала.

Прибѣжали съ другой стороны татары. Бѣжитъ молодой татаринъ и кричитъ:

— Что вы, нехристи, ребенка не спасаете?!

Да, какъ былъ, прямо въ воду бухнулся,—немножко повыше колѣнъ: скоро и нащупалъ и вытащилъ Архипку на берегъ.

Крикъ, шумъ,—бросились откачивать. Одинъ кричитъ такъ, другой иначе.

— Знай сильнѣй качай, громче всѣхъ командуетъ огромный крестьянинъ...

Свѣтитъ солнышко, играетъ въ водѣ, пригрѣваетъ по весеннему людей, качается и подпрыгиваетъ на рядѣ отъ сильныхъ взмаховъ Архипъ.

Точно вздохнулъ даже было, пѣна изо рта показалась.

— Сильнѣе!!

Бѣжитъ конторщикъ.

— Что вы дѣлаете, разбойники? Закачаете... Искусственное дыханіе надо,—брось качать...

— Еще что? Какъ брось?!

Новый крикъ и споръ.

А Архипъ ужъ холодный.

— Закачали, говоритъ пріѣхавшій фельдшеръ.

— Я имъ сказывалъ же, чуть не плачетъ конторщикъ.

Потупились крестьяне.

— Хотѣли, какъ лучше... Кто-жъ его зналъ, какое тамъ дыханіе...

Воетъ, голоситъ мать: желчь сразу разлилась по лицу и не узнаешь ее.

Еще бы не плакать: единственный ребенокъ. Для него съ отцомъ и жили только, для него работали свою тяжелую работу: вотъ, дескать, выростетъ кормилецъ ихній. А отца и дома

нѣтъ: часъ всего времени, какъ въ городъ уѣхалъ. То-то узнаетъ, какъ пріѣдетъ.

Еще утромъ ѣхалъ отецъ съ бочкой на прудъ, а Архипка присталъ: посади, да посади его на бочку. А отецъ идетъ и только ругательски ругаетъ Архипку. Да, видно, не отъ сердца ругалъ, потому что только сильнѣе приставалъ Архипка, пока отецъ не усадилъ баловня верхомъ на бочку, любовно утеревъ носъ сыну. И самъ сѣлъ: ѣдетъ, да бранитъ Архипку.

— Дай возжи-то! кричитъ ему въ отвѣтъ строго Архипка.

Взялъ возжи и ѣдетъ, счастливый Архипка: широкій, толстый, какъ мѣшечекъ, набитый мясомъ.

И въ городъ просился у отца: взялъ бы,—жилъ теперь Архипка. Сдѣлали гробикъ Архипкѣ; лежитъ онъ въ школѣ, цвѣтовъ полевыхъ букетъ нарвали... Лежитъ Архипка, какъ живой: широкое лицо лоснится, мелкій носикъ втиснулся въ пухлыя щеки, двѣ складки легли неподвижныхъ на лбу, сдвинуты капризно бровки, точно мамку, по привычкѣ, властно хочетъ крикнуть. Но ротъ крѣпко, крѣпко стиснутъ,—чуялъ, что мамка не поможетъ — напрягся, всю силу собралъ: стиснулъ губки, какъ могъ, крѣпко, крѣпко, да такъ и застылъ навѣки, съ недѣтской волей въ лицѣ. Пріѣхалъ батюшка,— отпѣли и понесли Архипку на кладбище.

Кричитъ, надрывается мать, далеко отецъ...

А день еще веселѣе, играетъ солнышко и крикъ птичій такъ и стоитъ въ воздухѣ,— весна веселая, дружная, захватила сразу,—и грѣетъ, и радуетъ.

Только Архипки нѣтъ. Словно и не было его.

В. Сысоевъ.

ПУШКИНЪ У МУЖИКА.

Въ деревнѣ Дуленовѣ, Московской губерніи, Клинскаго уѣзда, въ третьемъ году, лѣтомъ, умиралъ въ чахоткѣ крестьянинъ Петръ Николаевъ Савельевъ. Онъ лежалъ въ чуланѣ своей новой избы, выстроенной имъ за годъ до болѣзни.

Я помню, какъ онъ копилъ сначала бревна, скупая ихъ понемногу; потомъ поставилъ срубъ и сталъ его, тоже исподволь, обдѣлывать для жилья. Сначала появился потолокъ, потомъ полъ, сѣни, крыльцо... Покрыть избу Петръ додумался досечками ящиковъ изъ-подъ пряжи на фабрикѣ. Въ холодный зимній день, въ мятель, на выпрошенной у сосѣда лошади, онъ ѣздилъ за этими ящиками на фабрику. Онъ чуть не замерзъ, едва довезла громоздкій возъ лошаденка.

Крыша вышла красивая, принявъ видъ покрытой гонтомъ. Петръ ходилъ вокругъ избы и все любовался на свою выдумку... Затѣмъ появилась глинобитная печка и, наконецъ, рамы и двери.

Петръ перешелъ съ квартиры въ собственную избу. Какъ кротъ какой, онъ продолжалъ копаться около новаго жилья. Онъ насадилъ передъ окнами рябинокъ, березокъ, елочекъ. Чтобы деревца лучше прижились, онъ сажалъ ихъ очень маленькими.

«Лѣтъ черезъ десять вѡ какія выростутъ!» говорилъ онъ съ счастливой улыбкой.

Я помню, онъ, еще мальчикомъ, все мечталъ какъ будетъ сажать деревца около «своей» избы. Этотъ полисадникъ его радовалъ, казалось, больше, чѣмъ сама изба.

Всего труднѣе было Петру ставить дворъ. Онъ затѣялъ его большой, разсчитывая развести много скотины, и никакъ не могъ собраться съ деньгами. Половину двора онъ собралъ кое-какъ, а другую такъ и оставилъ недостроенной.

Чтобы заработать денегъ на дворъ, онъ поступилъ въ Москвѣ на заводъ, гдѣ дѣлали суррогатъ деревяннаго масла. Работалъ Петръ въ сараѣ изъ барочныхъ досокъ, около раскаленныхъ горновъ и щелей со сквознымъ вѣтромъ. Онъ простудился и у него сдѣлалась скоротечная чахотка. Поѣхалъ въ столицу здоровый, полный силъ мужикъ, а вернулся хилый и слабый.

Сначала онъ черезъ силу работалъ, потомъ такъ ослабъ, что едва двигался и все сидѣлъ, бывало, неподвижно на заваленкѣ, на яркомъ палящемъ лѣтнемъ солнцѣ, уже не согрѣвающемъ больного. Потомъ не могъ выйти и на заваленку.

И вотъ, онъ умиралъ въ своей новой избѣ, въ маленькой комнаткѣ-чуланѣ, на постелѣ изъ душистаго свѣжаго сѣна, передъ иконой Спасителя въ углу; передъ окномъ, въ которое видна была деревенская улица съ играющими ребятишками, съ купающимися въ пыли курами и поющими пѣтухами, съ зелеными ивами, мелкіе листья которыхъ шевелилъ набѣгавшій вѣтеръ.

Въ чистой бѣлесоватой ситцевой рубахѣ, прикрытый до пояса одѣяломъ изъ пестрыхъ лоскутковъ, блѣдный, худой, какъ скелетъ, съ блестящими прекрасными глазами, съ выраженіемъ глубокой предсмертной думы, тихо и одиноко онъ умиралъ.

Около него на скамейкѣ стояла кружка съ молокомъ, лежали вареныя облупленныя яйца и кусокъ ситнаго...

Петръ былъ женатъ, имѣлъ одного ребенка — дѣвочку. Его Татьяна — некрасивая, злая и трудолюбивая баба, совсѣмъ сбилась съ ногъ, какъ захворалъ мужъ. Она за мужика и косила, и пахала, не отставая ни отъ кого въ работѣ. Все Дуленово дивилось на силу и выносливость Татьяны. Этотъ постоянный тяжелый трудъ, эта неукоснительная забота о хлѣбѣ, положили

на лицо бабы печать угрюмаго равнодушія и безпросвѣтнаго холода.

По отношенію къ больному мужу она выполняла все, что требовалось отъ заботливой и разумной жены. Она перебивала ему сѣнникъ и подушки, чтобы мягче было лежать; мѣняла бѣлье на вѣчно-потномъ тѣлѣ больного, варила ему свѣжія яйца, давала парное молоко и покупала на послѣдніе гроши ситный. Но никакой ласки, никакого добраго слова она не находила для Петра. Напротивъ, выбившись изъ силъ, она часто говорила:

«Лежишь ты — ни живъ, ни мертвъ, и себѣ въ тягость, и другимъ. Помиралъ бы скорѣе, что-ли. По крайности я въ люди пойду — все легче, чѣмъ за мужика ломать.

Петръ ничего не отвѣчалъ на эти жестокія слова и только на его блѣдномъ лицѣ еще больше сгущались зеленоватыя тѣни, еще бѣлѣе дѣлались безкровныя губы...

Стояла страдная пора. Татьяна только урывками заглядывала въ избу; дѣвочка Петрова, Манька, чуть не ночевала на улицѣ. Опустѣла совсѣмъ деревня — всѣ были въ поляхъ и лугахъ на работѣ.

И лежалъ Петръ одинъ по цѣлымъ безконечнымъ часамъ.

— Скучно одному-то? спросилъ я какъ-то Савельева.

— Я не одинъ, баринъ, у меня есть другъ, который меня не оставляетъ, улыбнулся онъ, вскинувъ на меня свои подернутые масломъ глаза.

— Какой же это, Петръ, другъ? Гдѣ онъ?

Петръ потянулся своей высохшей какъ палка рукой къ подушкѣ, и вытащилъ изъ-подъ нея затасканную книжку въ голубомъ коленкоровомъ переплетѣ.

— Вотъ лежу и читаю, говорилъ онъ, и веселѣе мнѣ какъ будто, и какъ будто я не одинъ... Интересная книга, занимательная... Въ Москвѣ на Сухаревкѣ купилъ.

Я посмотрѣлъ книгу. Это былъ томикъ лирическихъ стихотвореній Пушкина.

— Не даромъ ему памятникъ поставили на Тверскомъ бульварѣ, продолжалъ Петръ. — Тутъ вотъ одна пѣсня...

Больной съ трудомъ приподнялся на локоть и сталъ перелистывать книгу, отыскивая понравившееся стихотвореніе. Глаза

мужика такъ и горѣли, на щекахъ появились яркія красныя пятна отъ волненія. Тихимъ, глухимъ, прерываемымъ кашлемъ голосомъ, онъ прочелъ мнѣ одну вещицу.

Когда онъ кончилъ читать, на глазахъ его были слезы.

— Меня бы давно скука заѣла, сказалъ Петръ,— кабы не эта книга. Только вотъ читать трудно становится: какъ пескомъ засыпаетъ, все какіе-то мураши сыплятся передъ глазами.

Больной заморгалъ часто-часто, какъ бы стараясь разбить вѣками этотъ надоѣдный песокъ, мѣшающій читать...

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего посѣщенія, Петръ умеръ. Его простой бѣлый изъ еловаго тесу гробъ несли мужики на носилкахъ изъ неотесанныхъ жердочекъ. Впереди шелъ священникъ съ псаломщикомъ, а сзади выла Татьяна, таща за руку Маньку, и плелась вереница односельчанъ.

Поровнявшись съ воротами моей усадьбы, процессія остановилась. Я вышелъ къ гробу, далъ батюшкѣ монету и онъ отслужилъ литію. Потомъ процессія снова заколыхалась по дорогѣ и скрылась въ лѣсу...

Вдова Татьяна принесла мнѣ голубую книжку со стихами Пушкина.

— Говорить ужъ не могъ, разсказывала она про Петра,— только мычалъ, да показывалъ рукой на барскій дворъ: молъ, барину отдай... Оно, знамо, кому больше въ деревнѣ нужна она...

Мои дѣти зовутъ эту книжку «другомъ Петра».

Н. В. Подвысоцкій.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

— Что вы тамъ ни говорите, а я глубоко убѣжденъ, что въ жизни почти каждаго человѣка, кто бы онъ ни былъ и на какой бы ступенькѣ общественной лѣстницы ни находился, бывали болѣе или менѣе странные, изъ ряда вонъ выходящіе и загадочные случаи,— сказалъ какъ-то однажды, въ концѣ 60-хъ годовъ, мой давно уже умершій дѣдъ, Николай Ивановичъ Величко, обратясь къ маленькому, хорошо знакомому между собою обществу, собравшемуся послѣ обѣда въ его уютномъ кабинетѣ въ Вернигоровщинѣ, въ этомъ очаровательнѣйшемъ его имѣніи, въ которомъ все было такъ прекрасно устроено и въ которомъ на всемъ лежала какая-то особенная печать его доброты, сердечности и рѣдкаго въ то грубое крѣпостническое время человѣколюбія.

Всѣ вы, мои друзья,— началъ Николай Ивановичъ послѣ маленькой паузы,— замѣтили, быть можетъ, надъ этимъ старинным кожанымъ диваномъ, на которомъ я имѣю обыкновеніе спать, этотъ незатѣйливый портретъ нашего славнаго и столь знаменитаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина, который *въ 1825-мъ* незабвенномъ для меня году сидѣлъ на этомъ самомъ диванѣ и самъ лично на этомъ же мѣстѣ повѣсилъ свой портретъ, рисованный здѣсь имъ самимъ.

Надо вамъ замѣтить, что въ это время петербургская администрація, а также и высшая провинціальная, не желавшая отставать отъ столичной, относилась не совсѣмъ друже-

любно къ нашему славному писателю. Многіе изъ нихъ вовсе не хотѣли признавать въ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ выдающагося дарованія и видѣть въ немъ человѣка, проникнутаго искренней и безкорыстной любовью къ отечеству, а напротивъ, признавали въ немъ субъекта неблагонамѣреннаго и вреднаго во всѣхъ отношеніяхъ, котораго слѣдовало всячески преслѣдовать. Въ этомъ особенно хотѣлъ отличиться тогдашній черниговскій губернаторъ, человѣкъ странный во многихъ отношеніяхъ и относившійся съ какимъ-то исключительнымъ враждебнымъ чувствомъ къ Александру Сергѣевичу, благодаря какимъ-то личнымъ счетамъ съ нимъ.

Ходили довольно упорные слухи, что Пушкинъ написалъ злую и ядовитую эпиграмму на нашего губернатора, которая не только его раздражала въ высшей степени, но которая, какъ ему было доподлинно извѣстно, дѣлала его смѣшнымъ въ глазахъ всѣхъ насъ. И мнѣ не разъ приходилось слышать отъ самого губернатора, какъ онъ называлъ публично Пушкина якобинцемъ, измѣнникомъ, котораго обязательно слѣдовало держать подъ арестомъ въ крѣпости, и т. п. вещи.

Произведенія Пушкина, которыми многіе изъ насъ тогда уже зачитывались, онъ не могъ видѣть равнодушно, считалъ безусловно предосудительными и было два-три случая, что, бывая у кого нибудь изъ насъ, завидя таковыя, онъ прямо бросалъ ихъ въ печку. Всей полиціи въ губерніи дано было секретное предписаніе: «строго наблюденіе имѣть, не будетъ ли въ пріѣздѣ въ подчиненной мнѣ губерніи такой-то Пушкинъ, а буде пріѣдетъ, немедленно донести, у кого изъ помѣщиковъ остановится, дабы все послѣдующее время имѣть за нимъ секретное неупустительное наблюденіе».

Однажды, въ концѣ лѣта, въ мѣстечкѣ Ични, которое, какъ вамъ всѣмъ извѣстно, отстоитъ отсюда въ нѣсколькихъ верстахъ, былъ проѣздомъ Александръ Сергѣевичъ и, остановившись тамъ на одномъ постояломъ дворѣ, встрѣтилъ мѣстныхъ помѣщиковъ, съ которыми не замедлилъ познакомиться и вступить въ самую оживленную бесѣду, вскорѣ перешедшую въ полемическій шумный споръ, при чемъ онъ горячо отстаивалъ свои убѣжденія и рѣзко порицалъ установившіеся порядки. Но вдругъ, совершенно случайно, мимо этого дома, въ которомъ окна были отворены, проходитъ мѣстный полицейскій чинъ, обра-

тившій невольное вниманіе на смѣлыя, задорныя рѣчи незнакомца, который отъ поры до времени появлялся въ окнахъ, благодаря тому, что ходилъ по комнатѣ.

Наведя немедленно справки относительно того, кто и откуда этотъ исключительный нарушитель тишины и спокойствія,— полицейскій, давно уже искавшій случая выдвинуться, пришелъ положительно въ телячій восторгъ, когда узналъ, что это тотъ самый Пушкинъ, о которомъ имѣлось у него секретное предписаніе самого губернатора. Сдѣлавъ кому слѣдуетъ строжайшее распоряженіе, чтобы Пушкину отнюдь не дали возможности уѣхать, пока онъ не вернется, чинъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ домой, чтобы посовѣтоваться со своимъ начальствомъ, спрѣчь со своей дражайшей половиной, о томъ «какъ быть и что предпринять?» Въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, былъ данъ мудрый совѣтъ немедленно переодѣться и неукоснительно слѣдить за подозрительной личностью.

И вотъ, по прошествіи какого нибудь часа, за экипажемъ Пушкина, направляющимся къ Вернигоровщинѣ, слѣдомъ двигался и другой экипажъ, въ которомъ сидѣлъ извѣстный вамъ чинъ, переодѣтый въ какой-то неопредѣленный костюмъ.

Когда Александръ Сергѣевичъ пріѣхалъ въ Вернигоровщину, обстоятельства мои сложились такъ, что меня тамъ не было. Но, тѣмъ не менѣе, онъ зашелъ въ домъ и, обходя всѣ комнаты, зашелъ также и въ этотъ кабинетъ, чтобы у письменнаго стола написать мнѣ что-то, какъ объ этомъ было имъ заявлено дворецкому, впустившему также въ домъ и переодѣтаго полицейскаго, личность котораго была ему давно извѣстна. Однако, у письменнаго стола Пушкинъ не сталъ ничего писать, вѣроятно потому, что весь столъ былъ загроможденъ разными бумагами и письмами,— онъ счелъ для себя болѣе удобнымъ, взявъ бумагу, перо и чернила, устроиться за отдѣльнымъ столикомъ, который придвинулъ къ этому дивану.

Пріѣхавъ часа черезъ четыре домой, я уже Александра Сергѣевича не засталъ у себя, но узналъ отъ своихъ перепугавшихся людей, что безъ меня пріѣзжалъ сюда какой-то подозрительный, никому неизвѣстный баринъ, который хотѣлъ передать мнѣ какое-то письмо и который въ кабинетѣ сначала немного полежалъ на диванѣ, облокотясь на правую руку, а потомъ что-то писалъ, придвинувъ къ себѣ маленькій столикъ.

Отъ нихъ же я узналъ, что слѣдомъ за этимъ барономъ пріѣзжалъ всѣмъ здѣсь извѣстный полицейскій, но переодѣтый какъ-то странно, и что онъ имъ шепнулъ — не препятствовать этому барину дѣлать, что онъ захочетъ, а что онъ, полицейскій, будетъ за нимъ слѣдить.

Когда же пріѣзжій баринъ сталъ собираться, чтобы уѣхать, полицейскій заходилъ въ кабинетъ за своей шапкой и тоже вслѣдъ за нимъ уѣхалъ.

Узнавши все это, показавшееся весьма страннымъ, я отправился въ кабинетъ и засталъ тамъ дѣйствительно придвинутый столикъ къ дивану и письменныя принадлежности на столѣ, но какихъ бы то ни было писемъ не оказалось, и я былъ въ недоумѣніи относительно того, кто бы это могъ быть. Бросивъ взглядъ на спинку дивана, я невольно замѣтилъ надъ нею этотъ портретъ, нарисованный перомъ на моей бумагѣ, а когда я его показалъ моимъ людямъ, то всѣ признали въ немъ сходство съ тѣмъ барономъ, который былъ и который уѣхалъ болѣе часа тому назадъ. Для меня сдѣлалось яснымъ, кто былъ мой дорогой гость.

Вслѣдъ за этимъ, портретъ былъ вправленъ подъ стекло и я имъ очень дорожу, а на этомъ диванѣ я сталъ часто засиживаться, мечтая о прожитомъ.

Наведенныя же справки у полицейскаго не привели ни къ чему,— онъ даже сталъ упорно отрицать свое посѣщеніе, утверждая, что все это была мистификація, а вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ меня всячески избѣгать.

Губернаторъ же совершенно какъ-то перемѣнился ко мнѣ въ обращеніи и вскорѣ сдѣлалъ мнѣ самымъ наивнымъ образомъ даже крупную непріятность.

Только впослѣдствіи, года черезъ два, пришлось мнѣ узнать отъ одного чиновника особыхъ порученій при нашемъ губернаторѣ, что этому послѣднему, приблизительно въ то время, когда имѣлъ мѣсто у меня этотъ загадочный случай, были представлены два письма, совершенно скомпрометировавшія меня въ его глазахъ, при чемъ ему, чиновнику, извѣстно, что одно изъ этихъ писемъ было отъ поэта Александра Сергѣевича Пушкина, а другое отъ какого-то моего хорошаго знакомаго, судя по содержанію письма, но имя котораго онъ теперь вовсе не помнитъ.

Г. Новгородъ.
1899 г. 27 января.

П. Герасимовъ.

НА ПОЛЕ БРАНИ!

(нѣсколько главъ неоконченнаго романа).

I.

Въ офицерской, средняго достатка, квартирѣ былъ полнѣйшій переполохъ. Безпорядокъ особенно бросался въ глаза, потому что вся квартира была, что называется, на ладони: гостиная, спальня, въ которой хватало мѣста для кровати, вѣшалки и умывальника, размѣщенныхъ по стѣнѣ въ одну линію, съ полуаршиннымъ проходомъ къ нимъ,— вотъ и все помѣщеніе поручика Виктора Павловича Чупова, если не считать сверхъ того чулана для денщика и передней, въ которой два человѣка, потолкавъ другъ друга, могли еще разойтись, но трое, забравшись въ такую, какъ выражался денщикъ Саженовъ, комнатку, становились невольно взаимно-плѣнными, потому что всякое движеніе одного, болѣзнотворно отзывалось на бокахъ другихъ.

Такъ какъ, за отсутствіемъ хозяина, въ квартирѣ оставался одинъ его денщикъ, то ничто или, вѣрнѣе, никто не мѣшалъ послѣднему съ особо-дѣловитымъ, важнымъ видомъ, слоняться по комнатамъ совершенно безпрепятственно, оставляя въ сторонѣ постоянныя столкновенія Саженова съ мебелью, дверными

косяками и другими неодушевленными предметами, мимо которыхъ онъ проходилъ. Но случавшіяся задѣванія происходили уже не отъ тѣсноты, а вся отвѣтственность за нихъ падала на широкія плечи Саженова и на его, такъ сказать, бочковатость. Саженовъ на ходу «бочилъ», т.-е. непремѣнно безъ всякой надобности выставлялъ то одно, то другое плечо.

Послѣднее обстоятельство было едва ли не единственнымъ основаніемъ къ зачисленію Саженова въ нестроевые, потому что во всемъ прочемъ онъ былъ не хуже другихъ своего призыва, и даже на первой же стрѣльбѣ угодилъ одну пулю въ самое яблоко; при чемъ, несмотря на то, что остальныя четыре пули пожалѣли мишень и ея не тронули, Саженовъ, тогда еще совершенно не разставшійся съ деревенскими примѣтами, рѣшилъ, что неизвѣстно куда ушедшія пули такъ полетѣли не иначе, какъ «съ глазу», а единственно попавшей въ яблоко — не мало гордился среди однопризывниковъ.

Представлялось загадочнымъ, остался ли доволенъ самъ Саженовъ переводомъ его въ денщики, такъ какъ онъ, съ первыхъ же дней по пріемѣ на службу, обнаруживалъ наклонности сдѣлаться заправскимъ строевикомъ, солдатомъ по духу, а не на показъ, что особенно становилось замѣтнымъ во время разсказовъ ему о проявленіи геройства и отваги русскими войсками вообще и о подвигахъ полка въ частности.

При такихъ передачахъ, часто не очень складныхъ, Саженовъ замиралъ. Онъ готовъ былъ ихъ слушать безъ конца и безъ отдыха. Расширивъ глаза, весь въ поту отъ прилива вниманія, боясь какъ нибудь помѣшать, онъ даже задерживалъ дыханіе, и обнаруживалъ замѣтно признаки жизни только спустя нѣсколько секундъ послѣ выслушанной исторіи тѣмъ, что выпустивъ обѣ губы, будто собираясь трубить, громко вздыхалъ и произносилъ: «ухъ! а и важно же!» а затѣмъ начиналъ смотрѣть на разсказчика съ вдругъ-повысившимся къ нему уваженіемъ, точно геройство или прослушанные подвиги совершены ни кѣмъ другимъ, а именно разсказчикомъ.

Если вопросъ о довольствѣ и недовольствѣ денщика могъ быть спорнымъ, то поручикъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше благодарилъ судьбу, что Саженовъ попалъ къ нему.

И было чему радоваться Виктору Павловичу, потому что, какъ

только вступилъ Саженовъ въ квартиру Чунова, онъ какъ бы пересталъ существовать для себя.

Самый педантичный, самый придирчивый баринъ не встрѣтилъ бы причинъ требовать бо́льшихъ усердія и честности. Саженовъ такъ проникался интересами офицера, что черезъ какіе нибудь два мѣсяца денщичества, первый рѣшительно сталъ барометромъ второго: поручикъ веселъ и доволенъ,—и на скуластомъ,— выдававшемъ этимъ быть можетъ отдаленное, но несомнѣнно-татарское происхожденіе,—лицѣ Саженова значилось: ясно; баринъ почему либо печаленъ, озабоченъ, задумчивъ,— и не только на физіономіи, а на всей фигурѣ слуги такое состояніе отражалось видомъ пасмурности.

Не взирая, однако, на безупречное усердіе Саженова, Виктору Павловичу, особенно вначалѣ и отчасти благодаря именно этому чрезмѣрному усердію, приходилось довольно часто платиться своимъ карманомъ за старательность слуги.

Очень быстро и хорошо втянулся въ обязанности денщика Саженовъ; одно ему не удавалось: научиться или привыкнуть обращаться съ посудой и хрупкими вещами безъ непремѣннаго боя и поломокъ.

Много скверныхъ минутъ такая неспоровистность принесла Саженову, хотя поручикъ къ невольной разрушительной способности неподатливыхъ рукъ своего «Личарды вѣрнаго» относился вполнѣ добродушно, а въ концѣ концовъ, къ своей выгодѣ и къ превеликому удовольствію и облегченію Саженова, строго запретилъ ему трогать — не на глазахъ его, поручика,— все сколько нибудь ломкое, за исключеніемъ самыхъ простыхъ и обыденныхъ предметовъ столоваго и чайнаго приборовъ.

Легко и удобно было не нарушать запрета въ обыкновенное, заурядное время; а какъ удержаться теперь, когда завтра надо уѣзжать въ далекій, далекій путь? Между тѣмъ вещи не только не уложены, а прямо-такн разбросаны. Ворохъ платья, бѣлья и другихъ принадлежностей офицерскаго обихода, сваленныхъ на коврѣ по серединѣ гостиной, положительно мучилъ Саженова; онъ начиналъ смотрѣть на эту безпорядочную кучу со смѣшаннымъ чувствомъ затаеннаго страха и ненависти; но она его влекла къ себѣ неудержимо, порождая въ рукахъ зудъ усердія, а въ душѣ — желаніе облегчить барина, сдѣлать ему

неожиданно пріятное: «что вотъ, дескать, удалось благополучно все и безъ его благородія собрать».

И въ нерѣшительности, Саженовъ снова выходилъ въ гостиную изъ своей коморки, въ которой спасался отъ искушенія, наклонялся надъ той или другой вещью, сокрушенно вздыхалъ и бормоталъ себѣ подъ носъ: «Ишь ты, сколько ихъ тутъ! Убраться? Невозможное дѣло это! Али, вовсе и почивать не будутъ? Такъ такъ, тоже неладно!»

Далѣе бормотанье переходило въ совершенно неслышный шопотъ, и развѣ только самый чуткій и догадливый человѣкъ могъ бы сообразить, что еле произносимыя, заключительныя слова денщика выражали порывъ: не рискнуть ли уборкой самостоятельно? но боязнь опять что нибудь разрушить, покоряла порывъ и заставляла Саженова снова уходить отъ соблазна въ свое помѣщеніе. Еще больше волновалъ Саженова раскрытый, на половину уложенный чемоданъ. Къ чемодану Саженовъ тоже не разъ уже присаживался на корточкахъ, при чемъ его неотступно преслѣдовала одна и та же мысль: «онъ мягкій», еле дотрагиваясь до стѣнокъ чемодана, думалъ Саженовъ, «утрось, какъ мы съ барином укладали, все въ ладъ шло».

Однако онъ, тѣмъ не менѣе, не рисковалъ долго начать укладку единолично, хотя утренняя удачная проба при барынѣ придавала относительно чемодана извѣстную увѣренность въ благополучномъ исходѣ дѣла; такъ что здѣсь сдерживался Саженовъ не столько страхомъ порчи, сколько хорошо имъ памятуемымъ запретомъ. Но наконецъ, сознаніе исключительности положенія подтолкнуло энергію Саженова; онъ рѣшительно махнулъ рукой, схватилъ нѣсколько штукъ бѣлья, подбадривая себя правильной догадкой: «что бѣлье-де не сломается», и быстро опустился съ нимъ на колѣни передъ чемоданомъ, съ непремѣннымъ желаніемъ уложить туда бѣлье поаккуратнѣе, для чего, держа его крѣпко въ одной рукѣ, другой началъ уравнивать верхи уже уложеннаго; но рука старательнаго слуги еще не успѣла дойти до середины поправляемой поверхности, какъ уже что-то внутри чемодана треснуло.

Раздавшійся трескъ подѣйствовалъ на денщика, какъ ударъ бича въ опытныхъ рукахъ берейтора на горячую лошадь. Саженовъ быстро выпрямился, не выпуская бѣлья изъ какъ-то

въ сторону вытянувшейся совершенно руки, и проговоривъ: «пшь ты, какая она нѣжная!»—фраза, неизмѣнно повторявшаяся имъ въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ «нѣжной» зачастую оставались одни осколки,—круто повернулся отъ чемодана и пошелъ въ свою коморку, откуда уже болѣе не покушался выходить на уборку, а всецѣло погрузился въ размышленія: что щелкнуло тамъ что-то: такъ только, или вышла какая дѣйствительная порча? и что безпремѣнно барину сегодня не спать, потому рано они сегодня вернуться никакъ не могутъ.

II.

Рѣзкій, хорошо знакомый Саженову звонокъ нарушилъ денщичьи думы, удостовѣривъ собой, что во второй ихъ половинѣ онъ ошибся.

Такая ошибка заставила барометръ сразу показать «ясно!» «Еще бы, значитъ все уберется, а поручикъ успѣетъ выспаться». И довольный, съ облегченнымъ сердцемъ, Саженовъ кинулся отворять дверь; но мимолетный взглядъ денщика на вошедшаго офицера, заставилъ настроеніе перваго быстро понизиться на «пасмурно».

Не особенно красивое, но молодое, свѣжее и выразительное лицо Виктора Павловича выглядывало нѣсколько усталымъ и грустнымъ. Больше всего это отражалось въ сѣрыхъ, умныхъ глазахъ, главнымъ образомъ и красившихъ простую, чисто сѣверно-русскаго типа, физіономію ея обладателя; гибкая, стройная фигура котораго тоже оставляла пріятное впечатлѣніе, а легкая, эластичная походка, которой Чуповъ прошелъ къ себѣ въ спальню, говорила въ пользу его ловкости и извѣстной силы.

Когда Чупову подавалъ Саженовъ тужурку, Викторъ Павловичъ, думая, повидимому, совершенно о другомъ, разсѣянно спросилъ:

— Выполнены ли всѣ распоряженія, касавшіяся покупокъ и приноса вещей изъ магазина?

— Такъ точно, ваше благородіе! отвѣтилъ Саженовъ и тотчасъ же, понуривъ немного голову и для чего-то перебирая канты пальцами опущенныхъ по швамъ рукъ, со смущеніемъ

отрапортовалъ.— А только, ваше благородіе, въ чемоданѣ, какъ я его тронулъ, что-то «защелколонуло!» — и опустилъ голову, въ ожиданіи замѣчанія.

Но къ удивленію Саженова, не только такого не послѣдовало, а даже весьма естественный вопросъ: что̀ именно «щелколонуло» и «по какой причинѣ?»—не былъ сдѣланъ.

Казалось, Чуповъ совсѣмъ не понялъ Саженова, отвѣтивъ ему: «Ага, ну хорошо! иди!» Саженовъ, однако, не уходилъ, а началъ переминаться съ ноги на ногу, приготовляясь напомнить, что хлопотъ еще много и что ничего почти, какъ слѣдуетъ, не собрано.

Но ему не удалось выполнить свое намѣреніе, потому что Чуповъ, замѣтивъ переступаніе денщика, рѣзко, съ непривычной для слуха Саженова ноткой раздраженія, проговорилъ:

— Ну, чего еще ты? говорятъ тебѣ—иди!

Какъ только оторопѣлый Саженовъ скрылся за дверью спальни, Викторъ Павловичъ повернулъ въ двери ключъ, отошелъ къ кровати, сѣлъ на нее, вынулъ папиросу, закурилъ ее и легъ на спину такъ, какъ былъ, въ платьѣ, не сбросивъ даже сапоговъ. Сдѣлавъ нѣсколько сильныхъ затяжекъ, онъ швырнулъ едва начатую папиросу, не обращая вниманія, куда она попала, и что огонь могъ зажечь коверъ или другую рухлядь, закинулъ обѣ руки за затылокъ, скрестивъ предварительно пальцы въ пальцы, и, казалось, задремалъ; но такъ можно было предполагать лишь по полузакрытымъ глазамъ, въ дѣйствительности же сонъ былъ далекъ отъ Чупова.

Думы, одна другой тяжелѣе и досадливѣе, шли чередомъ, смѣняя другъ друга и не оставляя между собой ни одного свѣтлаго промежутка. Ихъ работа не осталась безъ слѣда и на выраженіи лица съ крѣпко сжатыми губами и уже совсѣмъ закрытыми глазами. Это лицо теперь поражало своимъ страдальческимъ видомъ.

Вдругъ Чуповъ порывисто всталъ съ кровати, быстро схватилъ сюртукъ, вынулъ изъ бокового кармана бумажникъ, изъ котораго досталъ конвертъ изъ толстой, блестящей бумаги,—въ немъ хранился другой, изящный, тонкій конвертикъ. Слегка дрожащими отъ волненія руками Чуповъ осторожно открылъ

конвертикъ, въ которомъ лежали завернутыя въ тоненькій листикъ фотографическая карточка и письмо.

Точно трусливый воръ, боящійся быть накрытымъ съ поличнымъ, Викторъ Павловичъ подошелъ къ двери спальни, слегка нагнувшись, послушалъ около ея, послѣ оглянулся для чего-то на единственное въ комнатѣ окно, хотя спущенная, густая занавѣсь ничего черезъ себя непропускала, и тогда только подошелъ къ свѣчѣ и впился глазами въ фотографію.

«Милая, дорогая! жизнь моя...» порой невольно, совсѣмъ тихо срывался нѣжный, скорбный не то стонъ, не то шопотъ съ его полуоткрытыхъ, слегка воспаленныхъ устъ. Опять оглянувшись на дверь и окно, Чуповъ мягко, беззвучно прикоснулся губами къ карточкѣ и развернулъ письмо. Хотя каждая буква, малѣйшая запятая въ немъ—были давно изучены наизусть, но Викторъ Павловичъ всежъ-таки полушопотомъ, медленно, какъ бы стараясь насколько можно долѣе продлить удовольствіе, съ оживленнымъ восторгомъ лицомъ читалъ красиво, изящно написанныя строки: «Я не должна и не имѣю права ничего вамъ писать, ничего высказывать и все же не могу затаить и тороплюсь передать, что глубоко вѣрю вашей честности и отъ души сочувствую всѣмъ вашимъ взглядамъ. Рискую прибавить: да хранитъ васъ Господь всегда и во всемъ...

Зоя Каменцева».

Глубокимъ вздохомъ закончилось чтеніе; Чуповъ также аккуратно уложилъ карточку и письмо и началъ, не торопясь, ходить по полуаршинному пространству; но потомъ незамѣтно для самого себя, подъ давленіемъ разгоравшихся воспоминаній, онъ больше и больше взвинчивался и точно въ тактъ разраставшемуся волненію зашагалъ все быстрѣе и быстрѣе отъ окна къ противоположной стѣнѣ.

И думалось ему: быть можетъ никогда ее уже не увижу! Могутъ убить! ну, что же? пусть! и *тамъ* не будетъ вѣроятно тяжелѣе теперешнихъ мукъ! Сегодня, на проводахъ, когда обѣдали, мнѣ завидовали; считали чуть не подвигомъ настойчивость, съ которой я добивался прикомандированія къ дѣйствующей арміи. Ну, вотъ—добился! Легче мнѣ? Нѣтъ! нѣтъ! та же пытка: завтра ѣду и не видѣть ее никогда — никогда. Господи! какъ

тяжело! Какой я герой? Развѣ геройство бѣжать отъ страданій, не имѣть силы справиться ни съ ними, ни съ собой? Я привязанъ къ полку; онъ дорогъ мнѣ и разъ пошелъ бы полкъ. я съ радостью бы отправился бы съ нимъ. А теперь выдѣляться! точно другіе не хотятъ итти; всѣ хотятъ, и по побужденіямъ не личнымъ, какъ я; однако остаются. Могутъ думать, что меня толкаетъ жажда отличій не въ примѣръ другимъ или особое сочувствіе болгарамъ. А вѣдь ни то, ни другое! Я не боюсь смерти, не буду отъ нея прятаться и все же я трусъ, потому что бѣгу и бѣгу, какъ трусъ. А могъ бы и я быть счастливъ! Все портятъ эти проклятыя деньги. И зачѣмъ она такъ добра, такъ дивно хороша и такъ богата? Не будь послѣдняго, все было бы поправимо. Она вѣритъ мнѣ. она святая! Да, да, вѣритъ: не побоялось же подписать записку полнымъ своимъ именемъ; она понимаетъ, она чувствуетъ, что не ихъ состояніе манило меня къ нимъ и не она же мнѣ отказала. А и старики Каменцевы,— и отецъ, и мать! Какъ оба просили продолжать бывать запросто, а сегодня у нихъ послѣдній журъ-фиксъ и наконецъ поводъ,— завтра уѣзжаю—заѣхалъ на нѣсколько минутъ... въ торопяхъ... желая непремѣнно проститься.

При послѣднемъ соображеніи Чуповъ вдругъ остановился; щеки горѣли отъ прилившей сразу крови; сердце какъ-то сжалось, будто прекратило свою работу.

Образъ Зои, носившійся передъ глазами въ какомъ-то бѣломъ, совсѣмъ прозрачномъ облакѣ — онъ же видѣлъ ее въ послѣдній разъ въ легкомъ, бѣломъ, почти воздушномъ платьѣ,— застилалъ все остальное.

Страстное, могучей. крутой волной хлынувшее желаніе видѣть во чтобы-то ни стало ту, которая какъ живая, какъ дѣйствительность, а не мечта, неотразимо витала передъ Чуповымъ,— толкнуло его къ двери, чтобы открыть ее и крикнуть Саженову давать одѣваться.

Звать денщика впрочемъ не пришлось, потому что лишь коснулся дверной ручки Викторъ Павловичъ, какъ извнѣ раздалось покашливаніе, быстро перешедшее въ осторожный, сдержанный окрикъ: «Ваше благородіе! Ваше благородіе!»

Въ то время, когда офицеръ мучился и терзался воспоминаніями, соблазномъ возможности послѣдняго свиданія. слуга

изводился за барина въ своей коморкѣ по болѣе прозаическимъ причинамъ:—«вотъ, разсуждалъ Саженовъ,—какой такой толкъ, что обернулись не поздно, не спятъ, такъ ходятъ, а про уборку будто бы и позабыли вовсе». И денщикъ рѣшился, преодолѣвъ страхъ передъ могущимъ послѣдовать нагоняемъ, постучать въ спальню.

Отворяя дверь, Чуповъ задѣлъ надавно принесенную и повѣшанную на стѣнѣ боевую, отточенную саблю. Рѣзко заблестѣвшія стальныя ножны, на которыхъ, при покачиваніи, запгралъ огонь отъ свѣчей, и тихо, но съ увѣренностью въ своей правотѣ, сдѣланное Саженовымъ заявленіе,—«что безъ уборки чемодана никакъ невозможно!»—вернули Чупова къ дѣйствительности.

— Хорошо! сейчасъ приду! дѣловито и твердо отвѣтилъ онъ обрадовавшемуся Саженову.

— Нѣтъ, не поѣду; переломлю себя! Сдерживался же болѣе мѣсяца,—а теперь и осталось-то всего нѣсколько часовъ. Завтра хоть и захочу, но будетъ уже немыслимо! рѣшилъ Чуповъ, и, точно желая закрѣпить свое рѣшеніе вслухъ, проговорилъ: «Да я и права не имѣю—я далъ клятву и себѣ, и матушкѣ» (единственно кому онъ въ послѣднюю поѣздку къ своимъ старикамъ повѣдалъ сжигавшее его чувство)—«не переступать больше никогда порога дома Каменцевыхъ!»

А изъ рамокъ портрета, неважной живописи, выглядывало добродушное лицо совсѣмъ сѣдой старушки, казалось, улыбавшейся и поощрявшей «своего Витю» не ѣхать «къ гордячкѣ-богачкѣ», какой почему-то, вопреки восторженнымъ отзывамъ сына, Чуповой представлялась Зоя.

III.

Съ приходомъ Виктора Павловича въ гостиную, сборы быстро двинулись впередъ; непрерывностью и спѣшностью работы онъ какъ бы старался поскорѣе и навсегда отрѣзать путь отступленія и заставить волновавшимъ его думамъ дать другое направленіе.

Черезъ два часа неустанной возни все было собрано, упаковано, связано.

— Ну, доволенъ ты? видишь: убрались; а ты все боялся, что не поспѣемъ! обратился къ Саженову Чуповъ.

— Такъ-точно! теперь спокойственно,— осклабился тотъ, вдвойнѣ довольный и окончаніемъ укладки и возможностью двигаться въ квартирѣ безъ опасенія «защепить что нибудь такое нѣжное», и кинулся въ спальню готовить постель.

Если на Саженова видъ собранныхъ вещей дѣйствовалъ успокоительно, то Виктора Павловича эти всѣ тюки, связки угнетали, обостряли горечь мысли о необходимости разлуки такъ— не простясь. Вдругъ холодный потъ нѣсколькими крупными каплями выступилъ у него на лицѣ, сердце какъ-то заледенѣло и заныло особой, новой тоской; а по всему тѣлу неожиданно прошла такая слабость, что Чуповъ, чтобъ не упасть, долженъ былъ, удержавшись за столъ, сѣсть на диванъ.

— Не можетъ этого быть! не можетъ этого быть! шепталъ Викторъ Павловичъ и крѣпче и крѣпче сжималъ голову, точно желая выдавить оттуда случайно запавшую мысль: что, вернувшись съ войны, онъ вѣроятно найдетъ Зою уже замужемъ. А въ разгоряченномъ мозгу, какъ въ горящей смолѣ, ожигая брызгами Чупова, кипѣлъ и отвѣтъ: «почему не можетъ? вѣрнѣе всего такъ и будетъ!»

Удивленно вытаращилъ на барина глаза Саженовъ, собиравшійся доложить ему, что постель готова,— заставъ Чупова въ такой скорбной позѣ; но удивленіе слуги дошло до апогея, когда Викторъ Павловичъ, стремительно сорвавшись съ дивана, мертвенно блѣдный, съ невыразимой грустью на лицѣ, самъ схватилъ и быстро надѣлъ снятый при работѣ сюртукъ и, почти простонавъ: «гдѣ же тутъ заснуть?» крикнулъ: «давай шинель! живо!»

Оторопѣвшій денщикъ подалъ платье и по привычкѣ хотѣлъ было спросить распоряженій на утро, но и время ухода и необычайный видъ барина точно зашили Саженову ротъ и онъ, отворивъ дверь и пропустивъ молча Виктора Павловича, оставался у незапертой имъ двери съ расширенными руками, съ раздвинутыми ногами и какъ-то вытянувшейся впередъ шеей,— будто онъ внимательно прислушивался къ шагамъ уходящаго, хотя Чуповъ уже давно успѣлъ сбѣжать съ лѣстницы, а нижняя наружная дверь, громко и раскатисто хлопнувшая, удостовѣрила, что офицеръ уже на улицѣ.

Быстро зашагалъ Чуповъ по улицѣ. Онъ не замѣчалъ, куда идетъ. Рѣзкій, холодный, сильно дувшій вѣтеръ не охлаждалъ его; ему было душно, точно воздуха не хватало; будто внутри прямо отъ сердца къ горлу шли непрерывныя кольца и то сильнѣе, то слабѣе давили его. Чуповъ шелъ, не давая дороги рѣдко за позднимъ временемъ попадавшимся на встрѣчу прохожимъ, часто нечаянно толкалъ ихъ и не слыхалъ пускавшіяся по его адресу не особенно доброжелательныя замѣчанія.

На одномъ поворотѣ Викторъ Павловичъ чуть не сшибъ съ ногъ какого-то пьяненькаго забулдыгу, въ упоръ наскочивъ на него.

— А и баринъ! ай да баринъ; вотъ такъ баринъ! громко зарычалъ пьяный.

Чуповъ машинально извинился, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и, оглянувшись:—куда онъ забрался? —пошелъ дальше, провожаемый вдогонку возгласами пьянаго, остановившагося у фонаря, охватившаго столбикъ обѣими руками и кричавшаго коснѣющимъ языкомъ все одно и то же: «ай баринъ, ну и баринъ! вотъ такъ баринъ!»

Вдали завиднѣлась темносѣрая масса уже свободныхъ отъ снѣжнаго налета, но еще оголенныхъ деревьевъ Лѣтняго сада. Виктора потянуло къ нему. Это мѣсто памятно для него — сколько разъ онъ встрѣчался здѣсь съ Зоей на прогулкахъ и говорилось на нихъ душевнѣе, свободнѣе, искреннѣе, чѣмъ на душныхъ балахъ и показныхъ вечерахъ. Какъ бы хотѣлось ему посидѣть теперь въ этомъ саду, походить по тѣмъ аллеямъ, по которымъ онъ гулялъ съ нею; но садъ былъ запертъ, угрюмъ, безмолвенъ и только не то свистъ, не то жалобный вой отъ вѣтра проносился по верхушкамъ столѣтнихъ липъ.

Чуповъ съ набережной повернулъ по берегу Лебяжьей канавки, не смущаясь неудобствомъ пути, иногда останавливался, мысленно прощаясь съ тѣми минутами, когда на сердцѣ еще не было смуты и его согрѣвала тихая радость и предвкушеніе возможнаго счастья...

Вотъ и рѣшетка, подлѣ которой такъ часто приходилось останавливаться, чтобы проститься и не менѣе часто съ восторгомъ выслушивать предложеніе проводить: — если есть время и не со-

всѣмъ не по-дорогѣ? — И всегда было время и всегда было по-дорогѣ.

Эти воспоминанія размягчили, нѣсколько успокоили Чупова и онъ теперь уже задумчиво и медленно шелъ по хорошо-знакомому пути. Почти совсѣмъ спрятавъ въ шинель лицо, онъ остановился на Моховой противъ дома, средній этажъ котораго былъ ярко освѣщенъ.

На улицѣ было тихо; было время, когда уличное движеніе точно замираетъ, передъ порой разъѣздовъ по домамъ.

Громкій храпъ сидѣвшаго у воротъ, уткнувшись въ безобразный тулупъ, дежурнаго дворника убѣдилъ Чупова, что и этотъ единственный свидѣтель ему не будетъ помѣхой.

Чуповъ, зная наизусть расположеніе квартиры Каменцовыхъ, жадно впился глазами въ окна залы, въ расчетѣ, что черезъ нихъ скорѣе всего можно высмотрѣть, какъ будетъ мелькать головка танцующей Зои.

Много знакомыхъ и незнакомыхъ силуэтовъ пробѣжало передъ глазами застывшаго въ напряженномъ вниманіи Чупова, а той, ради которой онъ холодѣлъ на вѣтру, нѣтъ и нѣтъ!

— И тутъ неудача! уныло, и тихо прошепталъ Викторъ Павловичъ, и, невольно глубоко и громко вздохнувъ, безсознательно сталъ круче запахивать шинель.

Тулупъ зашевелился, зѣвнулъ на всю улицу, сонными глазами оглядѣлъ стоявшаго невдалекѣ офицера и, не разобравшись съ просонокъ, важно проговорилъ:

— Поштенный! ты чаго же здѣсь околачиваешься? а? проходи, проходи! Сдѣлай милость, не задерживайся! — но, всмотрѣвшись получше и убѣдившись, что стоявшій по костюму не можетъ принадлежать къ людямъ подозрительнымъ, съ видомъ поклона пошевелилъ шапкой и невозмутимо пробормотавъ — извините, господинъ! — нахлобучилъ ее и снова погрузился въ прерванное занятіе еще съ бо́льшимъ усердіемъ, такъ какъ теперь къ храпу прибавилось и высвистываніе.

Это на секунду помѣшавшее наблюденію пробужденіе тулупа заставило Чупова подумать: «Не пора ли уходить? Видно не судьба повидать ее даже тайкомъ, издали, и если, проснувшись, дворникъ опять увидитъ меня, вѣдь онъ можетъ, Богъ

знаетъ, что предположить». И онъ, бросивъ на окна какой-то молящій взглядъ, тронулся съ путь.

Не сдѣлавъ и сотни шаговъ, Чуповъ остановился: его тянуло къ мѣсту прежней остановки, какъ въ заколдованный кругъ.

«Что же! вѣдь это въ послѣдній разъ», подумалъ онъ и вернулся назадъ.

Наконецъ-то! Чуповъ чуть не вскрикнулъ; сердце забилось часто, часто—а самъ онъ рѣшительно позабывъ вся и все, какъ бы моментально загипнотизированный, всей своей фигурой подался впередъ, да такъ и застылъ.

Освѣщенная свѣтомъ простѣночныхъ канделябръ, въ окнѣ ясно вднѣлась хорошенькая головка молодой дѣвушки. Сверкающіе брилліанты въ ушахъ, такая же какъ бы случайно упавшая около плеча брошь и нитка жемчуга на шеѣ, будучи сами по себѣ очень эффектны и красивы, все-жъ-таки служили только слабымъ дополненіемъ для украшенія головки, покрытой цѣлой волной чудно-красивыхъ золотистыхъ волосъ, падавшихъ на свѣтлое платье и образовавшихъ съ его верхомъ точно рамку, изъ которой выглядывало блѣдное, прелестное лицо.

Возлѣ этого лица, будто для контраста, наклонилась измозженная, не въ мѣру износившаяся физіономія, непремѣнная принадлежность и великосвѣтскихъ вечеровъ и дорогихъ кабаковъ, въ безукоризненномъ фракѣ, при-наудивленье выглаженной сорочкѣ.

Фракъ былъ оживленъ, часто смѣялся и жестикулировалъ, въ противоположность головкѣ, задумчивой, спокойной, и, казалось, совершенно не обращавшей вниманія на безъ умолку болтавшую физіономію. Потомъ, какъ бы въ силу неизвѣстнаго еще сродства душъ, она, немного отстранивъ крошечной рукой край занавѣси, стала смотрѣть въ окно, почти касаясь лицомъ зеркальнаго стекла. Послѣ нѣсколькихъ секундъ сосредоточенной задумчивости, пытливаго разсматриванія улицы, она, не подымая головы, провела рукой по лбу и тихо отошла.

Чупову въ экзальтаціи даже показалось, что онъ слыхалъ ея вздохъ. Весь трясущійся, совсѣмъ продрогшій, онъ не жалѣлъ, что забрался на Моховую, изъ-подъ шинели перекрестивъ окно, гдѣ увидалъ онъ ее на прощанье, Викторъ Павловичъ пошелъ домой болѣе бодрымъ, болѣе спокойнымъ, чѣмъ выходилъ изъ дому.

IV.

Послѣ холодной съ рѣзкимъ вѣтромъ ночи, насталъ чудный, ясный день; одинъ изъ тѣхъ удивительныхъ дней, которыми иногда нѣтъ-нѣтъ да и щегольнетъ Петербургъ, «на перекоръ стихіямъ» и вопреки всѣмъ предсказаньямъ всѣхъ календарей.

Саженовъ совершенно довольный, совсѣмъ счастливый уже давно возился въ багажной кассѣ Николаевской желѣзной дороги съ вещами своего еще непріѣхавшаго барина. Да и какъ ему было не радоваться, когда онъ, всего на всего, только три раза что-то чужое зацѣпилъ не то локтями, не то колѣнями? развѣ въ такой суматохѣ разберешь, — а выругали его, по крайней мѣрѣ вслухъ, только разъ; и главное, онъ убѣдился, что все съ багажемъ поручика ладится и устроится по хорошему.

Увидавъ входящаго въ залу Виктора Павловича, онъ, сіяющій, кинулся на встрѣчу и торжественно отрапортовалъ:

— Ваше высокоблагородіе! и все я сдалъ и все, какъ есть, т.-е. до остатняго. Можно ѣхать теперь! ваше высродіе! — проглатывая отъ усердія и торопливости не только буквы, а и цѣлыя слога.

— Ну, спасибо! разсѣянно отвѣтилъ Чуповъ, беря отъ денщика протянутые послѣднимъ билетъ 2-го класса и багажную квитанцію.

Чуповъ былъ тоже до извѣстной степени доволенъ: онъ нарочно уѣзжалъ въ день, когда полкъ занималъ караулъ; всѣ его пріятели были въ нарядѣ; такъ что онъ избавлялся отъ дорожныхъ проводовъ, а при нихъ не обошлось бы безъ панегириковъ и привѣтствій, по его мнѣнію, незаслуженныхъ. Онъ даже не сказалъ поѣзда, на которомъ поѣдетъ, такъ что послѣднее прощаніе, невѣдомое той, съ которой прощались, принадлежало все-жъ пока ей.

Впрочемъ, о часѣ отъѣзда Виктора Павловича зналъ измозженный фракъ. Но это что за проводы? что за прощанье? Фракъ обѣщалъ привезти на вокзалъ оставшуюся за нимъ половину денегъ, слѣдуемыхъ съ него за пріобрѣтенную отъ Чупова обстановку.

Второй звонокъ. Суетня на платформѣ не замерла, но пе-

рестала быть быстрой и шумливой: непровожаемые пассажиры успѣли уже устроиться по своимъ мѣстамъ; а тѣ, которые оставляли на дебаркадерѣ родное и завѣтное, или усиленно и часто кивали изъ оконъ вагоновъ, или спѣшно, не шумно, иногда со слезой на глазахъ, обнимали и цѣловали остававшихся.

Чуповъ тоже стоялъ у окна; мелькомъ ему припомнилось, что ему должны привезти деньги, но онъ какъ быстро объ этомъ вспомнилъ, такъ же быстро и позабылъ; а фракъ благоразумно рѣшилъ его не безпокоить и, помня о долгѣ, позабылъ пріѣхать на вокзалъ.

Задумчиво стоявшій Викторъ Павловичъ вдругъ встрепенулся и началъ быстро, быстро протирать нервно выхваченнымъ носовымъ платкомъ окно, хотя стекло было и такъ чисто; затѣмъ на Чупова напалъ родъ столбняка; онъ наивно, почти глупо, съ разинутымъ невольно ртомъ, напряженно всматривался въ стоявшую на платформѣ, немного наискось отъ его вагона, одиноко, въ сторонѣ отъ всѣхъ, стройную женскую фигуру, лицо которой нельзя было разсмотрѣть: — такъ хорошо оно было закрыто густымъ, чернымъ вуалемъ... и все же Виктору казалось, что глаза совершенно спрятаннаго за тканью лица устремлены пристально и неподвижно именно на его окно. Потомъ, въ какомъ-то неожиданно охватившемъ его, еще смутномъ восторгѣ, онъ бросился было изъ вагона, сгораемый жаждой удостовѣриться, что онъ не ошибся, но тотчасъ же раздавшійся третій звонокъ удержалъ его на мѣстѣ, напомнивъ, что уже поздно и непоспѣть; а боязнь потерять хоть моментъ заставила его буквально прильнуть къ стеклу.

«Открыть окно! и скорѣе, скорѣй» ураганомъ пронеслось въ головѣ. Съ огромной, вдругъ проявившейся отъ порыва, силой онъ дергаетъ ремень: разъ — ничего, рама не поддается. Второй разъ, — ремень срывается и остается въ рукѣ Чупова, возбудивъ этимъ чье-то сдержанное хихиканье въ углу вагона, а рама остается въ старомъ положеніи. Чуповъ даже не соображалъ, что за первой, должна быть вторая, — вагоны были еще зимніе. Раздается оберъ-кондукторскій свистокъ; ему какимъ-то своеобразнымъ и жалобнымъ эхомъ отвѣчаетъ паровозъ и поѣздъ медленно начинаетъ трогаться...

И въ это время такъ таинственно закрытая дѣвушка, без-

звучно пролепетавъ: «могутъ убить, дорогой, прощай!» — въ приливѣ раньше невѣданной тоски, забывъ вся и все, кромѣ его, энергичнымъ, порывистымъ движеніемъ отдергиваетъ вуаль, обнаруживъ мертво-блѣдное, съ выраженіемъ молящейся праведницы лицо, торопливо трепещущей рукой достаетъ изъ-подъ ротонды розу, подноситъ ее къ губамъ и креститъ все быстрѣе двигающійся вагонъ. Викторъ все видѣлъ, все понялъ и былъ близокъ къ обмороку отъ сразу, широкой волной хлынувшихъ на него чувства радости и чувства щемящей скорби въ сознаніи, что возврата нѣтъ и каждое мгновеніе уноситъ его дальше и дальше отъ той, подлѣ которой было бы счастьемъ даже вѣчно томиться и страдать.

Онъ отошелъ отъ окна лишь тогда, когда не только вокзала, а и Петербурга не стало совершенно видно.

Онъ сѣлъ, передумывая только то, что прямо или косвенно касалось Зои, но непремѣнно только Зои. «Зоя, ты святая! думалъ онъ,—и роза навѣрно та, которую я ей проигралъ въ шутливомъ пари послѣдній разъ; и отъ кого могла она узнать о часѣ моего отъѣзда? Конечно, единственно отъ Хилина», догадался онъ съ прозорливостью истинно-любящаго человѣка,—«ну, да, только отъ Хилина, этого искателя приданаго, вѣстовщика всѣхъ новостей!» И измозженный фракъ, на котораго онъ еще вчера съ панели Моховой смотрѣлъ совсѣмъ недружелюбно, теперь представлялся ему ангеломъ всѣхъ добродѣтелей, вмѣстѣ взятыхъ.

«Нѣтъ, не уступлю я тебя никому! продолжалъ мечтать Чуповъ.—А война? а смерть?»—вдругъ вспомнилъ онъ. И Викторъ Павловичъ, никогда и нигдѣ не слывшій за трусливаго,—помимо воли, внѣ сознанія желалъ мира, мира и мира! Задумавшись, позабывшись, гдѣ онъ и куда ѣдетъ,—онъ вздрогнулъ даже, когда кондукторъ попросилъ у него, для контроля, билетъ.

Ему казалось какъ бы святотатствомъ смотрѣть на кого либо послѣ того, что онъ только что глядѣлъ на Зою, да и нехотѣлось никого ни видѣть, ни слышать и онъ попросилъ отдѣльное купэ.

Несмотря на одиночество, на почти безсонную, послѣднюю ночь, физическую усталость и на скучное, монотонное выстукиваніе колесъ, онъ заснулъ, уже миновавъ Клинъ.

Крѣпокъ и полонъ радостныхъ видѣній былъ зато сонъ Чупова, точно Викторъ спалъ по внушенію доброжелательнаго

ему лица. Вотъ онъ видитъ у себя на груди бѣлый, завѣтный крестикъ; ясно видитъ, даже трогаетъ, поправляетъ его; дальше онъ ведетъ цѣлый отрядъ въ бой: всѣ кричатъ «ура», и неудержимымъ потокомъ несутся впередъ; врагъ разбитъ и бѣжитъ; а на очистившемся лугу медленно, вся въ бѣломъ, какъ сказочная фея, появляется Зоя и рвется къ нему, Виктору; но между ними выростаютъ ея мать и отецъ и начинаютъ отталкивать его. Онъ задыхается, ему больно, душно; но онъ боится ихъ тронуть; потомъ его мучители сами отходятъ въ сторону и исчезаютъ; а Зоя, въ подвѣнечномъ платьѣ, счастливая, улыбающаяся, лучезарная, смѣло подходитъ къ нему, склоняетъ свою головку ему на плечо. Ея поднявшаяся фата схватываетъ ихъ обоихъ; они отдѣляются отъ земли и легко несутся куда-то ввысь, подгоняемые попутнымъ, пріятно освѣжающимъ вѣткомъ...

Поѣздъ стали успленно тормозить; откатъ назадъ — и онъ окончательно остановился; захлопали двери; въ отворенное купэ врывался свѣжій, наружный воздухъ, а передъ Чуповымъ стоялъ кондукторъ, осторожно его потрогивая и докладывая о пріѣздѣ въ Москву...

Н. Е. Вуичъ.

НА СМЕРТЬ А. С. ПУШКИНА.

Свершилось! Рокъ неумолимый
Намъ грянулъ тяжкою бѣдой!..
Полночной музы жрецъ любимый
Сраженъ безжалостной судьбой.
Въ разгарѣ свѣтлыхъ вдохновеній
Исполненъ творчества и силъ
На ранній гробъ нашъ милый геній
Чело цвѣтущее склонилъ.
Давно-ль звѣздою лучезарной
На русской славы небосклонъ
Явился онъ, пришлецъ избранный,
Высокой долѣ обреченъ?
Давно-ль на лирѣ сладкогласной,
Какъ ропотъ волжскія струи,
Онъ пѣлъ роскошно и прекрасно
Намъ пѣсни дивныя свои!
Давно-ль? И вотъ могильный камень —
Въ печальномъ образѣ креста,—
Подъ нимъ угасъ небесный пламень
И смолкли вещія уста.
И нѣтъ пѣвца! Въ пыли могилы
Цѣвница сирая молчитъ,
И знукъ ея—звукъ сердцу милый
Къ намъ болѣ въ грудь не залетитъ:
Но мы внимали дивнымъ звукамъ,
Мы ими нѣжили сердца,

Такъ сохранимъ же нашимъ внукамъ
Даръ незабвеннаго пѣвца.
Даръ свѣтлый, пѣсни вдохновенной—
Поэтъ въ тѣхъ пѣсняхъ не умретъ:
За нихъ ему вѣнецъ нетлѣнный
Вѣнецъ безсмертья дастъ народъ!

ПРИМѢЧАНІЕ.

Стихотвореніе «На смерть А. С. Пушкина» написано въ 1837 году покойнымъ дѣдомъ моимъ Николаемъ Егоровичемъ Вуичемъ—поэтомъ, современникомъ А. С. Пушкина. Стихотвореніе это взято мною изъ рукописной тетради стиховъ Н. Е. Вуича, который въ свое время пользовался симпатіями общества—какъ поэтъ и былъ однимъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ и были помѣщены многія изъ его стихотвореній. Сравнительно ранняя смерть и нежеланіе издать свои стихотворенія отдѣльнымъ изданіемъ не дали Н. Е. попасть въ ряды отмѣченныхъ поэтовъ своего времени. Родился Н. Е. въ 1818 году. Кончивъ курсъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, Н. Е. служилъ въ гвардіи, но скоро, по разстроенному здоровью, оставилъ службу и уѣхалъ въ свое родовое имѣніе въ Вологодской губерніи, гдѣ и продолжалъ изрѣдка заниматься своимъ любимымъ предметомъ—поэзіей. Скончался Н. Е. въ 1851 году и похороненъ въ томъ же имѣніи. Изъ числа друзей покойнаго, могу назвать издателя «Отечественныхъ Записокъ» Краевскаго.

М. Цейль.

В. М. Грибовскій.

НА ЛѢСТНИЦѢ.

На парадной лѣстницѣ большого богатаго барскаго дома шли обычныя лѣтнія передѣлки. По ступенькамъ и площадкамъ громоздились козлы, доски, всевозможныя подставки, ушаты съ цементомъ, ведерки съ краской. Все кругомъ было заслѣжено, засыпано растоптанной известкой, забрызгано жидкой синькой. Человѣкъ пять рабочихъ штукатуровъ и маляровъ въ испачканныхъ бѣлыхъ фартукахъ и измазанныхъ разноцвѣтныхъ блузахъ размѣстились на двухъ сосѣднихъ площадкахъ и напряженно справляли свое дѣло. Работали сосредоточенно, даже угрюмо; приближался обѣденный часъ, и всѣмъ хотѣлось скорѣе зашабашить. Только самый верхній штукатуръ, курчавый, курносый малый, въ сбитой на-ухо шапченкѣ, сидя верхомъ на перекладинѣ высокихъ козелъ, лѣниво мѣшалъ цементъ на досточкѣ и высокимъ теноромъ тянулъ:

«Саша, другъ неоцѣненный, тогды забуду я тебѣ...»

Слышалось шуршанье цемента подъ лопаточкой работника, сочный шлепокъ его въ стѣну и потомъ продолженіе пѣсни:

«Тогды забуду я тебѣ, когды закроются мои глаза...»

Внизу кто-то открылъ наружную дверь. На лѣстницу, вмѣстѣ

съ нагрѣтымъ удушливымъ воздухомъ городского полудня, ворвался грохотъ экипажей людной улицы и на мгновенье заглушилъ пѣвца.

— Ей, братцы! послышался снизу чей-то молодой, но хриплый, надтреснутый голосъ:—какъ мнѣ тутъ къ генералу Каширеву пройти?

Маляры и штукатуры заглянули въ пролетъ лѣстницы. Къ нимъ по ступенькамъ, рѣшительно шагая черезъ ушаты и ведра, поднимался небольшой худенькій человѣчекъ въ изношенной, выцвѣтшей, мѣстами разорванной, когда-то модной, жакеткѣ, въ порыжѣлыхъ, протертыхъ, стоптанныхъ сапогахъ и бахромой обившихся панталонахъ.

— Никакого тутъ генерала нѣту! крикнулъ въ отвѣтъ незнакомцу старшій, степеннаго вида маляръ:—всѣ на дачу уѣхадши, а ты уходи... здѣсь не ходятъ... видишь,—загорожено!

Оборванецъ остановился и смѣрилъ рабочихъ презрительнымъ взглядомъ.

— Прежде всего ты мнѣ не тычь, я тебѣ не Иванъ Кузьмичъ, съ дѣланнымъ достоинствомъ замѣтилъ онъ,— а потомъ — хочу итти и иду, ты что мнѣ за указъ?

— Указъ не указъ, а не показано и не ходи, съ сердцемъ отозвался степенный маляръ,— не мѣшай, ступай кругомъ!

— А ежели я хочу здѣсь?

— Хочу. Вотъ дуракъ, прости Господи; да ежели здѣсь нельзя?

— А ты не ругайся...

— Ну, ну, проходи, нечего тутъ, хоромъ заговорили прочіе штукатуры.

— И пойду!

— И иди!

Но незнакомецъ не уходилъ. Онъ стоялъ въ задорной позѣ и вызывающе посматривалъ на всѣхъ. Одинъ изъ рабочихъ попробовалъ было тихонько взять его за плечо, но спорщикъ стремительно вырвался.

— Оставь! визгливо крикнулъ онъ.

Сидѣвшій на перекладинѣ пѣвецъ отложилъ въ сторону дощечку съ цементомъ и лопаткой, помѣстился бокомъ на перекладинѣ козелъ и началъ набивать трубку-носогрѣйку. Онъ не торопился съ работой и теперь, видимо, не прочь былъ раз-

влечься на счетъ обидчиваго оборванца. Пѣвецъ заложилъ трубку въ ротъ на одну сторону, а другимъ угломъ вытянутыхъ губъ сплюнулъ и попалъ незнакомцу какъ разъ на сапогъ.

— Чего харкаешь, зря, лѣшій, арестантъ, мазурикъ! закричалъ оборванецъ.

Въ отвѣтъ на эту ругань пѣвецъ сразу сдѣлался серьезнымъ.

— Эй ты, уходи слышь, вдругъ угрожающе заговорилъ онъ:— а то я такъ тебя звѣздану...

Оборванецъ стремительно выставилъ впередъ свою чахлую грудь и разставилъ руки.

— Бей! опять почти завопилъ онъ,—бей, руки чешутся. Бей! Васъ много, а я одинъ; бей! это ваша халуйская повадка; на одного всѣ соколы... Бей!

Рабочіе съ любопытствомъ уставились въ топорщившуюся передъ ними тщедушную заморенную фигурку храбреца.

— Ишь ты какой форсистый, проговорилъ наконецъ одинъ изъ маляровъ.

— Эй, слышь ты, уже значительно мягче откликнулся верхній:—ты смотри... можетъ тебя съ черной лѣстницы по шеѣ погнали, такъ ты тутъ теперь норовишь пробраться... не за хозяйскимъ ли добромъ?

— Нѣтъ, братъ, это ты про себя оставь, отвѣчалъ оборванецъ съ тѣмъ же задоромъ, но уже безъ изступленія:—меня, братъ, еще ни откуда не гоняли... Я здѣсь иду... Куда я иду? Къ отцу своему родному, вотъ къ кому... (незнакомецъ гордо поднялъ голову и высокомѣрно оглядѣлъ рабочихъ). Ты кто? обратился онъ къ верхнему пѣвцу;—ты — мужикъ, халуй? А я — господскій, генеральскій сынъ... Ты вотъ стѣну известкой мажешь и вѣкъ будешь мазать... всегда будешь... до гроба... а я захочу, сейчасъ напашѣ въ ножки поклонюсь... скажу: «рара, я виноватъ, я блудный сынъ, но вы простите меня... я во всемъ обѣщаюсь»... И меня опять за столъ съ собой отецъ посадитъ... И вездѣ меня примутъ, потому что я благородное обращеніе знаю... Я благородный человѣкъ, а ты мужикъ...

— Это что, братъ, отозвался верхній, совершенно забывъ свой недавній гнѣвъ и мирно попыхивая трубкой:—нынче мужиковъ нѣтъ, понѣ всѣ благородные... Есть у тебя деньги—ты баринъ, нѣтъ денегъ—мужикъ...

Оборванецъ презрительно прищурился:

— То-то и есть, продолжалъ онъ,— только деньгамъ-то никогда не быть у тебя... Я папашѣ поклонюсь, и ты на меня сейчасъ работать станешь, потому что ты такъ отъ Бога созданъ, чтобы господамъ служить... Ты кому лѣстницу красишь, себѣ что ли или вонъ этимъ обалдуямъ? Кто въ домѣ тутъ живетъ? Ты, небось, хоромы ладишь, а самъ въ собачьей конурѣ дрыхнешь. Кому стулья золоченые столяры понесли, тебѣ? Эхъ, ты Акимъ-простота...

— Вотъ что, прервалъ вдругъ оборванца рѣшительнымъ тономъ степенный маляръ:— кому хочешь пустыя рѣчи говорить, ищи въ другомъ мѣстѣ, а отсюда уходи по добру, по здорову... не то я дворника позову и тебя въ участокъ отправлю... Понялъ?

При словѣ участокъ, генеральскій сынъ съежился, и потерялъ часть своей самоувѣренности, но не уступилъ сразу.

— То-то, раскусилъ, небось. Ну, ладно! Уйду. А ты, верхній, дай-ка мнѣ курнуть разокъ, смерть затянуться хочется.

— Ступай, ступай, послышались нетерпѣливые голоса.

— Жалѣете? Ну, прахъ васъ дери: не видалъ я махры вашей. Счастливо оставаться!

— Ступай!

Оборванецъ ухарски заложилъ руки въ карманы панталонъ и, также рѣшительно шагая черезъ ушаты и ведра, скрылся за наружной дверью.

Послѣ ухода незваннаго гостя, штукатуры нѣсколько времени работали молча; слышалось торопливое шарканье лопатокъ по стѣнѣ и разсыпчатое щелканье красочныхъ капель, стряхиваемыхъ на полъ съ обильно смоченныхъ кистей. Одинъ верхній по прежнему не спѣшилъ.

— А вѣдь такъ-то, задумчиво началъ онъ:— если вникнуть, облѣзлый правду сказалъ; къ примѣру: мы теперь работаемъ... жисть наша собачья... гдѣ спишь, что въ брюхо пихаешь, и какая тебѣ за ту работу цѣна? Грошъ. Потому отъ твоей работы всегда себѣ пользу другой имѣетъ, хоть тресни... Вѣрно!

— Что болтаешь зря, прервалъ разсужденія пѣвца степенный маляръ, кончай скорѣе— шабашить пора.

— Зашабашимъ, погоди... и право, братцы,—продолжалъ верхній,—онъ хоть и дурачекъ съ виду, а можетъ, у него что иное на умѣ: пожалуй это онъ все не спроста, а съ подвохомъ... Прежде были такіе...

— Полно тебѣ... будетъ... опять вмѣшался старшій.

— Прежде были, а теперь нѣтъ, вставилъ свое замѣчаніе до того времени молчавшій блѣдный, высокій штукатуръ.—Этотъ-то просто непутевый... Я слышалъ, что у здѣшняго генерала безпутный сынъ есть.

— А можетъ онъ прикинулся генеральскимъ сыномъ, гляди — безпутный-безпутный, а нѣтъ того, чтобъ пьянъ былъ. Ни въ одномъ глазу. Право, можетъ, съ подвохомъ какимъ,—не унимался верхній.—У насъ, въ деревнѣ, я еще мальчишкой былъ крохотнымъ, тоже такой одинъ приходилъ. Съ виду не то дьячекъ, не то приказчикъ, а съ мужиками въ кабакѣ пилъ; все говорилъ, что мужикамъ земли мало дадено. А ему какое дѣло, много-мало? И опять, почемъ онъ знаетъ?.. Откуда?

— Земли мало, это вѣрно, вставилъ блѣднолицый.— У насъ опять пятнадцать дворовъ въ Сибирь на новыя мѣста пошли, а какія тамъ новыя мѣста, гдѣ ихъ сыщешь?.. народу вездѣ наплодилось много.

— И говорилъ, продолжалъ верхній, попыхивая трубкой,— что у него всякія книжки про это есть, про мужиковъ: какъ, и что, и гдѣ... и какъ все это... И пѣсни свои у такихъ есть.

— Пѣсни? А ты слыхалъ?

— Довелось!

— Ишь ты, какъ же это ты?

— Да такъ.

Всѣ уже понемногу оставили работу и, вытирая руки о фартуки, приготовились слушать продолженіе занимательнаго разсказа. Но разсказчикъ молчалъ.

— Такъ слыхалъ? спросилъ степенный штукатуръ, какъ бы мимоходомъ, но, видимо, тоже затронутый любопытствомъ.

— Слыхалъ!

Черезъ нѣсколько мгновеній верхній началъ разсказывать, растягивая слова и многозначительно поглядывая на товарищей.

— У насъ на большомъ тракту мостъ перестраивали... Я тогда тоже мальченкомъ былъ... Ну, извѣстно, вколачивали

сваи... все—какъ слѣдуетъ быть... Народъ у насъ лихой, привычный... Разъ вколачиваютъ... какъ обыкновенно—«Дубинушку» поютъ... Ну... только это подходитъ тоже непзвѣстный, раньше онъ тоже тутъ вертѣлся... Молодой, ничего себѣ, красивый... въ суконномъ тулупѣ... подходитъ и... слышь ты... «не такъ поете, говоритъ, не такъ пѣть надо». Засмѣялись тутъ всѣ... А закапершикъ*) ему и говоритъ: «спой, говоритъ, коли лучше умѣешь». Онъ и запѣлъ... Голосъ выдалъ такой звонкій, хорошій, видно умѣлый... Запѣлъ... А въ пѣснѣ сказывается, какъ трудно намъ русскому мужичку оченно работать, какъ англичанинъ или тамъ еще кто, коли чуть что, сейчасъ машину наладитъ, и пошла у него... А у насъ все по старинѣ, все своимъ горбомъ съ «Дубинушкой»...

— Ну и что-жъ? спросилъ одинъ изъ слушателей, когда разсказчикъ замолкъ на минуту.

— Жалостно больно, и также «Дубинушку» припѣвали... Занятно. Потомъ онъ со всѣми мужиками знакомъ былъ, всѣхъ въ кабакѣ водкой поилъ и свою пѣсню пѣть училъ... Бабамъ, дѣвкамъ подарки дарилъ, а чтобъ какое безобразіе — этого не было, грѣхъ сказать. Дарма дарилъ. Видно былъ богатый...

— А ты не припомнишь, какъ таѣ пѣсню поютъ, на какой манеръ?

— Нѣть, забылъ! Кажись, вотъ такъ: ууу—ууу!! Постой... Нѣтъ, забылъ... Давно было, а хорошая пѣсня — жалостная.

— Да, должно быть, тоже изъ такихъ, замѣтилъ старшій, увлеченный разсказомъ.—Прежде это бывало, а теперь нѣтъ.

— Нынче легче стало маленько, вставилъ блѣдполицый, а прежде, бывало, какъ нашего брата...

— Ну, ладно, рѣшительнымъ, строгимъ голосомъ вмѣшался старшій,—побалагурили — будетъ. Мало-ли народу-то проходимцевъ ходитъ... Зашабашимъ... Собирайся, что-ли!

Нѣсколько мгновеній собесѣдники еще пребывали въ какомъ-то состояніи задумчивости, а потомъ сразу дружно зашевелились, обтирая руки и накидывая армяки. Еще нѣсколько минутъ, и парадная лѣстница опустѣла.

---

*) Заправляющій дѣломъ вбиванія свай.

Д. Л. Мордовцевъ.

БОЙ НА НЕВѢ.

(15-го іюля 1242).

Мой предокъ Радша службой бранной
Святому Невскому служилъ;
Его потомство Гнѣвъ Вѣнчанный—
Иванъ Четвертый—пощадилъ.

Пушкинъ («Моя родословная»).

Бѣ нѣкто мужъ, старѣйшина въ земли Ижерской поручена бѣ ему стража морская.

«Новгородская четвертая лѣтопись».

Наступало тихое іюльское утро 1242 года.

Блѣдная сѣверная ночь еще борется съ разсвѣтомъ, но востокъ алѣетъ все болѣе и болѣе, прогоняя тѣни короткой лѣтней ночи и освѣщая одинокое, неподвижно стоящее на берегу Финскаго залива при устьѣ Невы, видѣніе.

Это—всадникъ. Если бы предразсвѣтный вѣтерокъ не шевелилъ пряди его длинной сѣдой бороды, то можно было бы принять его за бронзовое или гранитное изваяніе—такъ онъ былъ неподвиженъ.

— Господи, что мя сіе?.. Въ соніи-ли то явися, или бысть

ми видѣніе дивно? испуганно шепчетъ всадникъ и творитъ крестное знаменіе.

Онъ трогаетъ коня, поднимается на стременахъ, поправляетъ на головѣ шапку.

— Нѣтъ, не сонъ, говоритъ онъ самъ съ собою.—Я слышалъ шумъ страшенъ по морю и видѣлъ насадъ одинъ гребущъ, а посреди насада святыхъ Бориса и Глѣба, какими я зрѣлъ ихъ на образѣ въ Новѣгородѣ, у святой Софіи. Я внималъ слухомъ моимъ, какъ Борисъ сказалъ,—брате Глѣбе! вели грести—да поможемъ сроднику своему Александру на супостаты: велика-бо сила свеевъ идетъ моремъ на Ижорскую землю и на Русь святую.

Морскія чайки съ жалобнымъ крикомъ кружатся надъ водою, унося на востокъ, къ Невѣ.

Всадникъ зорко всматривается въ дымчатую даль и видитъ—у острова Ритусари восходящее на востокѣ солнце золотитъ бѣлые, слабо надуваемые утреннимъ вѣткомъ, паруса.

Всадникъ набожно крестится.

— То свеи идутъ на Русь:—ихъ то шнявы съ бѣлыми вѣтрилы.

Онъ снова всматривается въ морскую, затянутую пеленою дымки, даль.

— Горе моей родной странѣ и всей Водьской Пятинѣ,—шепчутъ его старческія губы.

Но онъ невольно вздрагиваетъ, вспомнивъ о видѣніи, и лицо его озаряется радостью.

— О, благослови, душе моя, Господа, яко призрѣ и на раба своего и сподоби мя видѣнія дивна... Не изліетъ Господь фіала гнѣва своего на святую Русь.

А бѣлые паруса все ближе и ближе.

— Въ Новгородъ—въ Новгородъ путь мой—ко князю Александру съ вѣстію о нашествіи свеевъ.

О онъ говорачиваетъ отъ моря коня и быстрою рысью пускается въ путь.

День и ночь ѣдетъ онъ знакомыми тропами, по топямъ и лѣсамъ, и когда утромъ, у святой Софіи, въ Новгородѣ, заблаговѣстили къ обѣднѣ, всадникъ въѣзжалъ уже на княжій дворъ. Навстрѣчу ему—нѣсколько «отроковъ» изъ дружины князя.

— Миръ вамъ, говоритъ всадникъ, сходя съ коня. — Въ дому ли князь?

— А ты кто, старче божій? спрашиваетъ одинъ изъ отроковъ.

— Я Пелгусій, старѣйшина земли Ижорской, съ вѣстями ко князю и Великому Новугороду по спѣшному земскому дѣлу. Видите — коня мало не загналъ.

— Радша? Радивонъ! говоритъ одинъ отрокъ другому, стройному, мужественному юношѣ въ богатомъ воинскомъ одѣяніи съ длиннымъ мечомъ у лѣваго бока. Онъ только-что выходилъ отъ князя.

— Доложи князю, что къ нему прибылъ старѣйшина земли Ижорской, старецъ Пелгусій, съ вѣстями по великому и спѣшному земскому дѣлу.

Тотъ, кого назвали Радшей, прошелъ въ княжій теремъ и скоро воротился, говоря:

— Господинъ и князь Великаго Новагорода ждетъ тебя, Пелгусіе.

И вотъ Пелгусій предсталъ предъ очи князя Александра Владиміровича, княжившаго тогда въ Новгородѣ.

Торопливо, насколько позволяли усталость, и безъ сна и отдыха проведенная ночь, старикъ повѣдалъ князю о чудесномъ видѣніи и о томъ, что въ морѣ показались шведскіе корабли, державшіе путь къ Ижорѣ.

Князь не могъ не понять всей важности сообщенныхъ ему извѣстій, и, обнимая старика, сказалъ по поводу чуднаго видѣнія:

— Сего не рцы никому же.

И тотчасъ же приказалъ своей дружинѣ и новгородскимъ ратнымъ людямъ немедленно готовиться къ походу, а самъ, вмѣстѣ съ старцемъ Пелгусіемъ и отроками Радшей, Ратмиромъ, Саввою и Гаврилою Олексинычемъ — своими тѣлохранителями, — отправился въ Софійскій соборъ, гдѣ, послѣ молебствія съ колѣнопреклоненіемъ, владыка Спиридонъ благословилъ ихъ на брань за святую Софію и за Водьскую Пятину съ Ижорскою землею.

Затѣмъ, ходя по рядамъ дружины, владыка окропилъ воевъ святою водой.

14-го іюля, не доходя нѣсколько верстъ до Невы, князь Александръ остановилъ свою небольшую рать вмѣстѣ съ при-

ставшими къ ней ладожанами и отправилъ небольшой отрядъ, подъ начальствомъ старца Пелгусія, какъ знатока своего края, и любимаго своего отрока Радши—для развѣдокъ о движеніи непріятеля.

Солнце было еще высоко, когда Радша уже возвращался съ горстью конныхъ новгородцевъ къ ожидавшему его князю.

Радша, блестя на солнцѣ сталью остроконечнаго шишака, ѣхалъ на прекрасномъ ворономъ конѣ, покрытомъ лазоревымъ чепракомъ съ кистями золотной бити. Его стройную, мужественную фигуру свободно драпировалъ богатый, распашной, шитый золотомъ, терликъ съ червчатымъ отливомъ, а черезъ плечо перевѣшивалась рудо-желтая перевязь съ дорожною сулеею. Обнизь терлика отливала на солнцѣ бурмицкимъ жемчугомъ и самоцвѣтными камнями. У передней луки сѣдла висѣлъ блестящій топоръ съ тонкою изогнутою рукоятью, а копье, придерживаемое у нижняго конца древка ременною петлей, какъ бы выростало изъ лѣваго стремени, въ которое упиралась нога въ сапогѣ яркой желтой юфти.

Подъѣхавъ къ княжему намету, Радша быстро соскочилъ съ коня. Въ ту же минуту и князь показался изъ намета.

— А, се ты, Радіонъ, сказалъ онъ, привѣтливо. — А гдѣ же старецъ Пелгусій?

— Старецъ Пелгусій, господине княже, остался съ ладожаны у Невы — блюсти за ходомъ свейскихъ шнявъ, а меня послалъ къ тебѣ съ вѣстями,— отвѣчалъ Радша.

— Каковы же твои вѣсти?

— Добрыя, княже: старцу Пелгусію съиздавна свѣдомы свычаи и обычаи свеевъ, и онъ велѣлъ сказать тебѣ, что доколѣ свеи будутъ высаживаться объ онъ-полъ устья Ижоры и разбивать наметы, ты, на зорѣ, ударишь на нихъ и которыхъ положишь на мѣстѣ костьми твоею ратію хороброю, а которыхъ въ Невѣ потопишь, аки Фараона и египтянъ въ Чермнѣ морѣ,— бойко отвѣчалъ молодой воинъ.

— А вѣдомо ли старцу Пелгусію, кто вождь свеевъ и коликое число ихъ? спросилъ Александръ.

— Бергель — вождь свеевъ, княже, а рати у него — великое множество.

— Ино съ нами Богъ, и да не убоятся людіе мои тьмы

темъ нападающихъ, зане на нападающихъ — силы небесныя! торжественно произнесъ Александръ, памятуя видѣніе старца Пелгусія, и молитвенно воздѣлъ руки къ небу.

Крѣпокъ предутренній сонъ Бергера, вождя шведской рати, расположившейся станомъ при устьяхъ Ижоры. Крѣпокъ и безпеченъ сонъ и ратныхъ его. Поснула на своемъ посту и стража ночная.

Никто не видитъ, какъ изъ-за сосѣдняго лѣса въ зловѣщей тишинѣ надвигается на сонный станъ врага небольшая, но отважная дружина князя новгородскаго. Ни конь подъ всадникомъ не фыркнетъ, ни стремя у ноги не звякнетъ, ни колчанъ со стрѣлами за спиною ратника не брязнетъ. А тетивы ладожанъ уже натянуты, копья и топоры готовы разить.

Ближе и ближе рать новгородская.

— Съ нами Богъ! вдругъ раздается въ утреннемъ воздухѣ металлическій кличъ князя Александра.

— Съ нами Богъ! вторилъ юношескій голосъ Радши.

— Съ нами Богъ! съ нами Богъ! подхватываютъ ближніе отроки князя—Ратмиръ, Савва и Гаврило Олексиничъ.

— Съ нами Богъ! потрясаютъ воздухъ клики всей рати новгородской.

И началась кровавая сѣча. Обезумѣвшіе отъ нечаяннаго нападенія сонные воины Бергера, поражаемые топорами и копьями, кидались съ берега въ Неву, чтобы вплавь достигнуть своихъ судовъ, и тонули, пронизываемые стрѣлами ладожанъ съ старцемъ Пелгусіемъ во главѣ.

Князь Александръ и Радша съ Саввою первыми, плечо къ плечу, спѣшившись, бросились къ златоверхому шатру вождя свеевъ, и послѣдній изъ нихъ, Савва, топоромъ своимъ подрубилъ поддерживавшій верхъ намета коренной столбъ. Шатеръ рухнулъ.

Бергеръ и его оруженосецъ, вырвавшись изъ-подъ рухнувшаго шатра, стремительно ринулись прямо на князя и уже оруженосецъ готовъ былъ пронзить послѣдняго тяжелымъ копьемъ, какъ острый и увѣсистый топоръ Радши однимъ махомъ разсѣкъ до переносицы шлемъ непокрытую голову отважнаго шведа.

Паденіе оруженосца заставило Бергера искать спасенія на своемъ, стоявшемъ у берега, кораблѣ. За вождемъ кинулись и

другіе. Въ тотъ-же моментъ Гаврило Олексинчъ вмѣстѣ съ конемъ бросился по сходнямъ на корабль; но сходни не выдержали тяжести, — и Олексинчъ и конь упали въ воду.

— Выдыбай, выдыбай, комоне мой вѣрный! крикнулъ Олексинчъ, — и конь, свободно переплывавшій Волховъ, моментально вынесъ изъ Невы своего господина на берегъ — въ самую сѣчу. Въ этой сѣчи особенно неистовствовалъ спѣшившійся Ратмиръ. Его тяжеловѣсный топоръ разилъ направо и налѣво. Ноги его скользили по крови убитыхъ имъ враговъ и спотыкались о трупы. Но кровь ихъ и погубила героя: онъ поскользнулся и упалъ.

— Къ Ратмиру на помощь, братія новгородцы! кричалъ Радша.

Но было уже поздно: Ратмира, всего израненаго, добили лежачаго.

При всемъ томъ шведамъ не было спасенія. Вся Нева запружена была ими, искавшими вплавь спасенія на своихъ судахъ. Иной отчаянно отбивался отъ своихъ же, цѣплявшихся за него въ виду неминучей смерти. Другой тщетно боролся съ волнами въ то время, какъ изъ спины его, словно перистое веретено, торчала убійственная стрѣла ладожанина.

Все, что оставалось отъ шведской рати на берегу, полегло подъ ударами новгородцевъ, и только тѣ изъ враговъ, которымъ удалось достигнуть своихъ судовъ, избѣгли смерти, отплывъ съ судами къ другому берегу Невы, куда уже не досягали ни стрѣлы ладожанъ, ни копья новгородцевъ.

Такъ кончилась битва, стяжавшая князю Александру наименованіе «Невскаго» и «святого» на вѣчныя времена.

Сказаніе объ этомъ побоищѣ говоритъ, будто бы убитыхъ шведовъ было такъ много, что три корабля были наполнены только тѣлами знатныхъ убіенныхъ.

До самой поздней ночи новгородцы и ладожане издали наблюдали, какъ шведы копали ямы для своихъ убитыхъ и наполняли ими общія братскія могилы.

На-утро слѣдующаго дня Пелгусій, войдя въ шатеръ князя и помолясь на висѣвшій у главнаго столба образъ, обратился къ побѣдителю съ такими пророческими словами:

— Княже! сказалъ онъ: — внемли слову Божію, его же

удостоиста мя, раба непотребнаго, сродичи твои, святіи князи Борисъ и Глѣбъ. Нынѣ, въ нощи, явистася ми въ тонцѣ снѣ святіи Борисъ и Глѣбъ въ одеждахъ червленыхъ, аки сонцемъ одѣяни, и рекоста ми:—возстани, старче, отъ одра твоего, и, притекъ къ сродичу нашему, ко князю Александру, рцы тако:—на семъ мѣстѣ, идѣже проліяся кровь вѣрныхъ твоихъ за Русь и святую Софію, по мнозѣмъ времени воздвигнется градъ велій—стольный градъ всея Русіи, и воздвигнувый градъ оный сродичъ твой явится всему міру царемъ великимъ, каковаго же не бысть на земли, какъ и свѣтъ стоитъ, и возвеличитъ онъ Русь паче всѣхъ царствъ земныхъ, отъ сѣмене же и корене его изыдетъ нѣкогда лѣторасль царственная благоцвѣтущая царь мира, кій же возвѣститъ миръ міровн, глаголя царемъ и народомъ:—вложите въ ножны мечъ вашъ, да не отъ меча погибните.

— Аминь! тихо молвилъ Александръ и набожно перекрестился.

Затѣмъ Пелгусій обратился къ стоявшему тутъ же Радшѣ.

— И къ тебѣ, рабе Божій Радіоне, бысть слово Божіе: отъ твоего сѣмени изыдетъ мужъ, велій словомъ своимъ вѣщимъ, и пронесется слово то во всѣ концы вселенныя, и назоветъ его всякъ сущій въ ней языкъ за то, что чувства добрыя въ сердцахъ онъ будетъ пробуждать и милость къ падшимъ призывать.

П. П. Гнѣдичъ.

„МИНУВШИХЪ ДНЕЙ ОЧАРОВАНЬЕ".

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ДѢТСТВА).

I.

Тетушку Агнію Николаевну я помню уже старой дѣвой лѣтъ шестидесяти, сентиментальной, немного чопорной и педантичной. Но эта кажущаяся чопорность не мѣшала ей заступаться нѣкогда за дворовыхъ, когда ихъ водили, по распоряженію дѣдушки, на конюшню. Въ этихъ случаяхъ, она взывала всегда къ гуманизму дѣдушки, говоря:

— Они, рара, все-таки люди.

Когда дѣдушка умеръ, — Агніи Николаевнѣ было уже за пятьдесятъ, — она отмѣнила барщину, а потомъ всѣхъ перевела на оброкъ. На нее покосились, но она нараспѣвъ говорила:

— Я, cher ami, какъ Евгеній Онѣгинъ, — онъ мнѣ служитъ образцомъ, — замѣнила ярмо барщины оброкомъ —

И небо рабъ благословилъ!

— А вы знаете, mon ami, какъ дальше у Пушкина? продолжала она, — дальше:

Зато въ углу своемъ надулся,
Увидя въ этомъ страшный вредъ,
Его разсчетливый сосѣдъ...

«Разсчетливый сосѣдъ» поглядывалъ на тетушку, въ самомъ дѣлѣ, свирѣпо, но она куталась въ свою пожелтѣвшую горностаевую кофточку на золотистой атласной стеганой подкладкѣ, и говорила:

— Такъ-то, cher, такъ-то: пусть всѣ на землѣ блаженствуютъ.

Имѣньице, доставшееся тетушкѣ, было порядочное, и она могла бы безбѣдно прожить до смерти, проводя даже зиму въ Москвѣ. Но, какъ на грѣхъ, ея любимый племянникъ и крестникъ — Борюшка, удивительно скромный и приличный мальчикъ, пріѣзжавшій къ ней въ плисовыхъ сапогахъ, и цѣловавшій съ любовью ея ручку, немедленно по выпускѣ въ офицеры, произвелъ небывалый дебошъ. Онъ перебилъ всѣ зеркала въ какомъ-то такомъ петербургскомъ учрежденіи, наименованіе котораго никто не рѣшался сообщить тетушкѣ, и, въ тотъ же вечеръ, выкупалъ въ бассейнѣ съ рыбой совершенно непзвѣстнаго ему прокурора, встрѣтившись съ нимъ въ трактирѣ. Такъ какъ, къ этому присоединился проигрышъ въ сорокъ тысячъ какому-то барону Шеламахидзе, то отецъ Боренькп рѣшился проклясть своего сына. Но тетушка не допустила осрамить свою фамплію, немедленно продала свое имѣніе и уплатила долги Боренькп. А Боренька перешелъ на Кавказъ, и тамъ черезъ мѣсяцъ былъ разжалованъ въ солдаты, что, впрочемъ, не помѣшало ему черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлаться поручикомъ.

II.

Итакъ, я помню тетушку уже не помѣщицей, а просто тетушкой, которая жила въ нашемъ домѣ, въ мезонинѣ, и ходила въ той коротенькой горностаевой шубкѣ, о которой я ужъ говорилъ. Относились всѣ къ ней съ уваженіемъ, считая ее истинной носительницей стараго дворянскаго имени.

Она сознавала все величіе своего поступка, и говорила:

— Ну, пусть попробуютъ сдѣлать то, что я сдѣлала, пусть!

Но никто не хотѣлъ пробовать, — а только многіе считали

ее ненормальной. Впрочемъ, тогда такого слова не было, а просто говорили, что она «не въ себѣ».

Къ числу странностей тетушки, домашніе причисляли — большой пузатый комодъ и этажерку. Въ пузатомъ комодѣ хранились толстые томы рукописей: это то, что тетушка переписала собственноручно: цѣлыя хрестоматіи нашихъ поэтовъ. И все это она помнила наизусть. Въ отдѣльномъ комодѣ, вмѣстѣ съ винными ягодами и смоквами, лежали «запрещенные» стихи. Тутъ были стихотворенія Рылѣева, Растопчиной, впослѣдствіи Огарева и Герцена. Съ Герценомъ тетушка была лично знакома, и даже одно время съ нимъ переписывалась. Запретный ящикъ былъ источникомъ ужаса моей матери, которая совѣтывала лучше все это зарыть въ саду. Что касается этажерки, то тутъ стояли въ узорчатыхъ переплетахъ разные альманахи—«Утренняя заря», «Новоселье», «Сто русскихъ литераторовъ», маленькіе томики Лермонтова и Жуковскаго, и грузные, напечатанные на какой-то сѣрой проточной бумагѣ, сочиненія Пушкина, пользовавшіяся преимущественной любовью Агніи Николаевны.

Тетушка декламировала поэтовъ ежедневно. Она садилась одна, у себя въ комнатѣ, въ глубокое кресло, и съ чувствомъ, нараспѣвъ читала вслухъ, по книгѣ, рѣзко скандируя стихи и неизмѣнно дѣлая удареніе на одной и той же стопѣ, безъ всякаго отношенія къ смыслу. Нерѣдко, у ея ногъ, бѣлѣли и золотились курчавыя головенки дѣтей, съ широко-раскрытыми глазами, впившимися въ тетю. Другое чтеніе — было наизусть. Ареной для этого служила аллея акацій въ нашемъ старомъ саду, гдѣ рѣдко кто ходилъ. Тамъ, набросивъ на плечи оренбургскій платокъ, ровными шагами ходила она, и громко декламировала отрывки изъ «Демона» и «Полтавы». Она такъ упивалась чтеніемъ, что не замѣчала, какъ въ ногу за ней выступали два восьмилѣтнихъ племянника, и семилѣтняя племянница, и повторяли, какъ передпричастную молитву, слово за словомъ, иногда забѣгая впередъ и перевирая:

Клянусь позорнымъ преступленья,
И вѣчной правдой торжествомъ...

Иногда, въ подражаніе теткѣ, ребятишки въ одиночку ходили среди акацій и тоже декламировали. Сестра Катя надѣ-

вала даже оренбургскій платокъ, ступала по дорожкѣ грузно, басомъ говорила:

Пора, пора! Рога трубятъ,
Писари въ охотничьихъ уборахъ...

Тетушку поражало все романтическое, грандіозное. Ее не трогала прелесть «Каменнаго гостя», и больше интересовала Марія «Бахчисарайскаго фонтана». Въ «Братьяхъ разбойникахъ» она такъ увлекалась картиной разбойничьяго стана, что ея спокойные какъ незабудки глазки расширялись, брови сдвигались, и она проявляла какую-то звѣрскую удаль, сродни Стеньки Разину, про котораго тетушка порою намъ разсказывала, и который мнѣ всегда рисовался съ рыжими усами и въ бѣлой фуражкѣ съ кокардой,—быть можетъ потому, что мой отецъ звалъ Стенькой Разинымъ нашего станового, непремѣнно носившаго этотъ головной уборъ.

III.

Тетушка казалась намъ не похожей на другихъ людей. Другіе люди ѣздили въ поле, ходили на кухню, ссорились и сплетничали. Тетушка ничего этого не дѣлала. Тетушка читала стихи, ходила въ лѣсъ за грибами, лежала на коврѣ въ саду, смотрѣла на зарницу и на ночное звѣздное небо,—чего никто не дѣлалъ. Поэтому тетушка была окружена въ нашихъ глазахъ какимъ-то ореоломъ,—что-то праздничное, свѣтлое разливалось вокругъ нее,—и все, что было въ ея комнатѣ—все это также было свѣтло и праздично. Сестра Катя увѣряла, что расписное фарфоровое яйцо, висѣвшее подъ ея лампадой у образа, было очень похоже на тетушку,—и мы соглашались, что это замѣчаніе было удивительно тонко. Даже вишныя ягоды въ ея комодѣ были вкуснѣе, чѣмъ тѣ, что хранились въ нижнемъ этажѣ дома, хотя были привезены изъ одной и той же лавки губернскаго города. И пахло отъ нея необычайно вкусно: какимъ-то кардамономъ,—и въ то же время чѣмъ-то свѣжимъ—какъ будто сочнымъ, только что сорваннымъ венгерскимъ яблокомъ.

Въ числѣ сокровищей, хранившихся у тетушки—былъ маленькій кипарисный ящичекъ, стоявшій въ углу кіота. Иногда,

по большимъ праздникамъ, его вынимала тетушка, заставляла къ нему прикладываться, и затѣмъ осторожно его открывала. Тамъ лежали пестренькіе камешки и раковинки съ очень хитрыми завитушками. По увѣренію тетушки, все это было взято со дна рѣки Іордана странницей, вдовой попадьей, ходившей пѣшкомъ въ Іерусалимъ — два шага впередъ, а одинъ назадъ. Странница увѣряла, что раковинки и камешки, въ этомъ самомъ ящичкѣ пролежали цѣлую ночь на гробѣ Господнемъ, и потому получили несомнѣнно цѣлительную силу, и мы смотрѣли на камешки и раковинки съ бьющимся сердцемъ, и какъ-то связывали ихъ съ исповѣдью и разговѣньемъ, и считали ихъ предметомъ священнымъ.

Но въ томъ же кіотѣ была еще одна коробочка, стоявшая въ противоположномъ углу. Была она пестренькая, маленькая,— но что въ ней было — никто изъ насъ не зналъ. Сколько разъ просили мы тетушку показать,— что тамъ такое, и всякій разъ она говорила:

— Вамъ, дѣти, это неинтересно.

Старшій братъ Лёвушка, утверждалъ, что тамъ лежалъ тетушкинъ пупокъ,— и если хотите, онъ имѣлъ нѣкоторое основаніе къ этому странному предположенію. Дѣло въ томъ, что у насъ въ домѣ, по старому повѣрью, свято хранились въ укромномъ мѣстѣ пуповины дѣтей, въ бумажкѣ, съ соотвѣтствующей надписью. И когда ребенку исполнялось семь лѣтъ, онъ обязанъ былъ схоронить собственноручно эту реликвію гдѣ нибудь подъ кустомъ. Не помню, для чего это дѣлалось, но знаю, что церемонія эта сопровождалась нѣкоторою торжественностью. При такомъ воззрѣніи на пупки, что же удивительнаго, что Лёвушка дошелъ до своего предположенія.

Тетушка ревниво охраняла коробку. Разъ, въ воскресенье, Лёвушка, во время разсматриванья раковины, внезапно ее спросилъ:

— А это что?

И стремительно открылъ коробку. Но онъ тотчасъ же получилъ шлепокъ по рукамъ,— и кромѣ сложенной, пожелтѣвшей бумажки ничего не увидѣлъ.

— Ишь какой долгорукій! сказала тетушка, и закрывъ бережно коробку, опять поставила ее на мѣсто.

На этотъ разъ дѣло не удалось.

IV.

Но любопытство наше было задѣто слишкомъ сильно, чтобы не совершить новую попытку ознакомиться съ содержимымъ въ коробочкѣ. Ждали только случая. И случай представился.

Тетушка поѣхала на три дня къ одной умирающей племянницѣ,—и не заперла кіота. То-есть, запертъ-то онъ былъ, но ключикъ соблазнительно торчалъ изъ замка. У насъ собрался военный совѣтъ.

Рекогносцировка была рѣшена. Сестра Катя спрашивала: быть можетъ это грѣхъ? Но Лёвушка былъ другого мнѣнія. Онъ просилъ ему указать заповѣдь, которая воспрещала бы посмотрѣть предметъ достойный уваженія. Но даже десятая не подходила подъ эту категорію.

Сердца наши колотили усиленную дробь, дыханіе спиралось. Лёвушка быстро открылъ завѣтную стеклянную дверцу. Вотъ коробочка въ его рукахъ. Двѣ бѣлокурыя головенки стукаются лбами отъ нетерпѣнія заглянуть первой.

— Ну, васъ, куда лѣзете! озлобленно шипитъ Лёвушка.

Бумажка вынута. Что-то мягкое. Тихо, осторожно развертываются пожелтѣлые края. Какой-то сѣренькій порошокъ...

— Четверговая соль! разочарованно восклицаетъ Катя.

Лёвушка лижетъ палецъ, беретъ нѣсколько крупинокъ и пробуетъ.

— Никакого вкуса.

— Можетъ, это курительный порошокъ для кадила, догадываюсь я.

Лёвушка силится опредѣлить запахъ.

— И запаха нѣтъ.

— Это ядъ для крысъ! внезапно восклицаетъ Катя.

Лицо у Лёвушки моментально вытягивается, онъ вдругъ начинаетъ плевать, и просыпаетъ половину порошка.

— Что ты дѣлаешь! кричу я.

Въ это время по лѣстницѣ раздается скрипъ ступенекъ: кто-то идетъ. Одно мгновеніе—бумажка свернута, коробочка поставлена на мѣсто, ключикъ щелкнулъ и благонравныя дѣти скромно сидятъ у окошка и смотрятъ, какъ бѣгаютъ дворовые щенки, изъ которыхъ одного зовутъ Шутъ, а другого — Дудка.

Вечеромъ въ тотъ же день, въ сумеркахъ, я одинъ сидѣлъ въ комнатѣ у матери. Она тихонько что-то напѣвала, сидя на диванѣ, а я помѣщался съ ногами рядомъ съ ней и мучился роковымъ вопросомъ. Долго не рѣшался я спросить, наконецъ— напустилъ на себя полнѣйшее равнодушіе, и придалъ голосу небрежность.

— Мама, заговорилъ я,—какой это порошокъ у тети Агни въ кіотѣ спрятанъ?

Мама остановилась.

— А ты почемъ знаешь? спросила она.

— А она какъ-то показывала, совралъ я, чувствуя какъ щеки мои краснѣютъ, потому что лгать у насъ не было въ привычкѣ. — Это не ладанъ?

Мать улыбнулась.

— Нѣтъ, сказала она:—это просто засохшая грязь.

— А Лёвушка на языкъ пробовалъ! внезапно вырвалось у меня.

— И знаешь, откуда грязь? продолжала она, не слышавъ моего восклицанія.—Отъ сапоговъ Жуковскаго, Василія Андреевича; знаешь, поэтъ такой былъ.

И вотъ что она мнѣ разсказала.

V.

Проѣзжалъ черезъ нашъ губернскій городъ Наслѣдникъ — Александръ Николаевичъ. — Конечно — приготовились къ торжественной встрѣчѣ. Остановка была назначена всего на нѣсколько часовъ—для молебствія и завтрака. Завтракъ назначенъ былъ у губернатора, который приходился Агніи Николаевнѣ какимъ-то дядей. Вся родня къ нему изъ деревень съѣхалась,—нельзя же пропустить такой случай—повидать хоть мелькомъ цесаревича. Пріѣхала и Агнія. Тогда она была сентиментальной дѣвой, влюбленной въ Пушкина, и все твердила одно:

— Ахъ, зачѣмъ воспитатель Жуковскій, а не Пушкинъ!

Но все-таки, мысль о томъ, что она увидитъ автора Свѣтланы, волновала ее.

— Подумайте, ma chère, говорила она:—онъ былъ другомъ Пушкина, онъ стоялъ возлѣ его смертнаго ложа.

День для въѣзда выпалъ неудачный. Дождь лилъ какъ изъ ведра. Кисейныя и барежевыя платья барышень и барынь, вышедшихъ на улицу встрѣчать дорогихъ гостей, повисли жалкими тряпками. Локоны, что носили тогда трубками вдоль щекъ, развились, и придали лицамъ видъ самый непривлекательный. Но послѣ молебствія, выглянуло солнце и завтракали уже съ открытыми окнами.

Послѣ завтрака, когда перешли всѣ въ гостиную, и туда въ маленькихъ китайскихъ чашкахъ стали подавать кофе, вся клика родственниковъ столпилась у затворенныхъ дверей сосѣдней комнаты. Тамъ еще съ утра были проверчены отверстія и всѣ поочереди смотрѣли, затаивъ дыханіе, на блестящее сборище, и шопотомъ передавали другъ другу замѣчанія,—кто гдѣ сидитъ, что̀ говоритъ, и что̀ дѣлаетъ.

Ближе всѣхъ къ дверямъ, изъ-за спинки невысокаго кресла, виднѣлась круглая голова Жуковскаго. На него тайные зрители негодовали: онъ мѣшалъ хорошенько разсмотрѣть молодого красавца адъютанта; но поэтъ не чувствовалъ этого негодованія, и съ нескрываемымъ удовольствіемъ сидѣлъ на мягкой мебели, послѣ долгодневной ѣзды на курьерскихъ. Одна особа ничего не имѣла противъ его спокойной позы—это тетушка Агнія Николаевна. Ее не было за дверью, гдѣ были всѣ; она обошла вокругъ, и помѣстилась у другихъ дверей, откуда черезъ щель ясно виднѣлась вся фигура поэта. Она смотрѣла на него со слезами, и шептала:

Минувшихъ дней очарованье.
Зачѣмъ опять воскресло ты...

Молоденькая горничная, просунувшаяся подъ ея локтемъ — тоже посмотрѣть въ щель, слышала, какъ барышня повторяла:

Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалый,
Душѣ блеснулъ знакомый взоръ,—
И зримо ей въ минуту стало
Незримое съ давнишнихъ поръ...

Когда гости поднялись, шаркая ногами, щелкая шпорами и бряцая саблями, любопытные отхлынули отъ дверей. А тетушка,

трепещущая, задыхающаяся, все стояла на своемъ посту. И едва всѣ вышли, она кинулась къ тому креслу, гдѣ сидѣлъ Жуковскій и дрожащими руками стала собирать въ пакетикъ куски грязи, оставшіеся на паркетѣ.

VI.

И много лѣтъ въ этомъ пакетикѣ лежалъ «прахъ отъ ногъ поэта.» И самъ поэтъ уже болѣе десяти лѣтъ умеръ, и о немъ стали какъ будто забывать. А у тетушки — въ кіотѣ все хранилась священная грязь, и порою она смотрѣла на нее, и говорила про себя:

Тамъ есть одинъ жилецъ безгласный,
Свидѣтель милой старины,—
Тамъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ дни прекрасны
Въ единый гробъ положены...

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, умерла и тетушка. Насъ въ это время въ деревнѣ не было — мы ужъ учились въ Петербургѣ. Образа изъ кіота разобрали родственники,—а коробочка, вѣроятно, валялась на подоконникахъ, пока ее не выбросили — и не смѣшали прахъ съ прахомъ.

1899 г.

С. Ѳ. Шараповъ.

АКСАКОВЪ И ТУРГЕНЕВЪ О ПУШКИНѢ.

Однажды, зайдя къ покойному Ивану Сергѣевичу Аксакову, я не засталъ его дома и пришелъ къ Аннѣ Ѳедоровнѣ; она спросила, улыбаясь:

— Знаете, кто у насъ былъ сегодня?

— Кто?

— Тургеневъ.

— А! Онъ пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ и вспомнилъ про моего Ивана Сергѣевича. Зашелъ и просидѣлъ съ полчаса. Знаете, что они дѣлали? Ни за что не догадаетесь!

— Разговаривали, обмѣнивались мыслями?

— Да, нѣсколько словъ сказали. А потомъ, мой Иванъ Сергѣевичъ и говоритъ: «мы вѣдь давно условились ни о чемъ не спорить». Достали Пушкина и стали читать. Ну, конечно, заспорили и тутъ. Тургеневъ говоритъ, что у Пушкина лучшее мѣсто въ «Полтавѣ» слѣдующее:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо, звѣзды блещутъ;
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ...

«Обратите, говоритъ, вниманіе на это: «дремоты превозмочь» или «чуть трепещутъ сребристыхъ тополей листы». Весь Пушкинъ тутъ вылился. А мой Иванъ Сергѣевичъ говоритъ: это вы тутъ вылились, Иванъ Сергѣевичъ, а не Пушкинъ. *Вамъ* это родственно, вашимъ картинамъ природы... А Пушкинъ вотъ гдѣ вылился:

Волнуясь, конница летитъ,
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ...

«Вотъ, гдѣ Пушкинъ! «Тяжкой твердостью»—вотъ *его* языкъ. «Дымъ багровый, клубясь, восходитъ къ небесамъ, навстрѣчу утреннимъ лучамъ». Вотъ гдѣ Пушкинъ: «И грянулъ бой, Полтавскій бой!»

Тургеневъ засмѣялся и говоритъ:

— Позвольте ваше замѣчаніе обратить на васъ же. Аксакову нужно нѣчто громопобѣдное, вотъ вы на этомъ и остановились. А другой красоты вы и не почувствуете.

А я подумала: какіе вы, друзья мои, оба маленькіе, и какой онъ передъ вами гигантъ.

И. Ѳ. Василевскій (Буква).

МЫСЛИ ВСЛУХЪ.

Читая и перечитывая исторію нѣкоторыхъ народовъ, нельзя не замѣтить, что человѣкъ, споконъ вѣковъ такъ гордящійся своимъ разумомъ, дѣлалъ и дѣлаетъ ему очень мало чести своимъ поведеніемъ.

—

Во всемъ требуются тактъ и мѣра. Нельзя надѣвать крепъ на рукавъ, черный галстукъ и черныя перчатки только потому, что у «хорошаго человѣка» воры съ крылечка самоваръ унесли.

—

Наше приличіе—оранжерейный цвѣтокъ для дамскаго обихода. Все оно, почти безостаточно, уходитъ на застегиваніе пуговицъ у платья, на подсовываніе стульевъ особамъ прекраснаго пола и на поклоны при встрѣчахъ съ знакомыми.

—

«Люди, вставая, надѣваютъ сапоги; ложась спать, снимаютъ и въ этомъ—жизнь!» сказалъ одинъ молодой лакей, любившій пофилософствовать, лежа на барской шубѣ.

—

Сколько есть людей, для которыхъ государство, отечество и двадцатое число—понятія неразлучныя!

—

Противоядіе можетъ быть ядомъ, если дать его тому, кто вовсе не отравленъ.

—

Прежде правду «рѣзали», а теперь ее чаще зарѣзываютъ.

—

Занятіе стихотворствомъ неприлично человѣку служащему, облеченному довѣріемъ своего начальства.

—

Разумъ, прежде всего намъ нуженъ затѣмъ, чтобы уживаться съ людьми, разума неимѣющими.

—

Какъ много люди были бы лучше, если бы мужчина не всегда слушалъ женщину, а женщина мужчину!

—

Реформы и нововведенія бываютъ двоякія: задомъ напередъ и передомъ назадъ.

—

Предки—тѣ театральныя тѣни, за которыми обыкновенно прячутся люди, которымъ нечего сказать о себѣ. На томъ свѣтѣ, роковая и плачевная участь предковъ—сожалѣть о потомкахъ.

—

На судѣ, у предсѣдателя—слово замѣняетъ дѣло.

—

Похороны—послѣдній безнадежный долгъ, который дѣлаетъ умершій у живыхъ.

—

Пролетаріатъ, это—постоянное напоминаніе тѣмъ, у кого что нибудь есть, о тѣхъ, у которыхъ ничего, кромѣ аппетита, нѣтъ.

—

Наплучшимъ воплощеніемъ тихаго, торжественно-передвигающагося величія можно считать ломовую лошадь.

—

Да, всѣ люди братья,—какъ Каинъ и Авель.

—

Всѣ младенцы красны.

—

Сатира—лихорадка поэзіи.

—

Выйдя замужъ, женщина обыкновенно ставитъ точку, но иногда и многоточіе.

—

Люди, какъ и лошади, всего вѣрнѣе оцѣниваются на поворотахъ.

—

Биржевикъ, подобно полководцу, можетъ погибать, но не долженъ плакать.

—

Чтобы хорошо писать, нужно только хорошо мыслить, хорошо чувствовать и хорошо передавать.

Алексѣй Марковъ.

ГЕРМАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ПУШКИНѢ.

Никакая страна въ Европѣ не занималась и не продолжаетъ заниматься такъ серьезно и такъ обстоятельно русской литературой, какъ Германія. Потребность нѣмцевъ изучать нашу изящную литературу не вызвана, однако, модными стремленіями извѣстнаго класса людей, желающихъ щегольнуть знаніемъ отдѣльныхъ произведеній литераторовъ «экзотической» страны, а есть результатъ дѣйствительнаго и искренняго убѣжденія, что русской литературѣ принадлежитъ весьма почтенное мѣсто среди литературъ цивилизованныхъ народовъ и что не подобаетъ нѣмцу не знать русскихъ классиковъ, переводами изъ которыхъ занимались нѣмецкіе поэты, сдѣлавшіе ихъ настолько доступными германской націи, что при чтеніи этихъ переводовъ спрашиваешь себя,— не писалъ ли ихъ русскій поэтъ на нѣмецкомъ языкѣ?

Можетъ, правда, казаться, что нѣмцы потому любятъ и цѣнятъ русскую литературу, что среди населяющихъ Россію племенъ—нѣмецкій элементъ играетъ немаловажную роль, не столько по своей численности, сколько по интеллигентности и государственному вліянію, которымъ они съиздавна пользовались у насъ. Можно бы было полагать, что потребность этихъ нѣмцевъ читать русскихъ авторовъ, ихъ соотечественниковъ, на родномъ имъ языкѣ, переносится и на сосѣднюю съ Россіей страну — на Германію. Но это только можетъ казаться на первый взглядъ. Русскіе нѣмцы были, дѣйствительно, первыми переводчиками русскихъ произведеній на нѣмецкій языкъ, но эти переводы дали только толчокъ къ ознакомленію заграничныхъ нѣмцевъ съ нашей литературой, и въ то время, какъ во Франціи, вплоть до 70-хъ годовъ, пользовались отзывами о русской литературѣ и переводами изъ нея русскихъ или обрусѣвшихъ французовъ, въ Германіи, весьма скоро по ознакомленіи съ первыми переводами изъ Пушкина, присту-

пили къ изданію самостоятельныхъ, чисто нѣмецкихъ трудовъ, стали серьезно и объективно изучать нашихъ классиковъ и печатать о нихъ свои, отчасти весьма своеобразные, отзывы не только въ журналахъ и газетахъ, но и отдѣльными книгами.

Въ томъ-то и кроется особенность нѣмца, что, хотя у него есть и свой Лессингъ, свои Гёте и Шиллеръ, свой Ауэрбахъ и свой Шпильгагенъ, свой Фрейтагъ, свои Вильденбрухъ и Зудерманнъ, свой Гауптманнъ,—онъ одинаково интересуется и внимательно изучаетъ Шекспира, Диккенса, Расина и Гюго, Пушкина, Лермонтова и Гоголя, увлекается Тургеневымъ, Достоевскимъ и Толстымъ.

Нѣмецъ дѣйствительно знаетъ всемірную литературу, отъ его вниманія и прилежанія не ускользаетъ ни одинъ мало-мальски выдающійся иностранный писатель, и оттого, мнѣ кажется, что отзывы нѣмцевъ о произведеніяхъ иностранныхъ писателей, а въ настоящемъ случаѣ русскаго поэта, заслуживаютъ особеннаго вниманія, такъ какъ они, дѣйствительно, основаны на правильномъ изученіи путемъ сравненій разнообразнѣйшихъ произведеній изъ русской литературы...

По отзывамъ нѣмцевъ мы можемъ судить, когда у насъ начинается самостоятельная литература, и лишь по нимъ мы можемъ понять то невѣроятно огромное значеніе для Россіи, какое слѣдуетъ признать за Пушкинымъ не только въ литературномъ, но и въ политическомъ отношеніи.

У насъ, правда, есть партія, которая удивляется восхищенію Пушкинымъ, не видитъ въ немъ ничего, что придавало бы ему столь огромное значеніе. Люди этого направленія смотрятъ на насъ, чествующихъ нашего великаго поэта, съ какимъ-то страннымъ неудовольствіемъ и удивляются настоящему шуму, совершенно будто бы излишнему.

Это удивленіе напрасно и ни на чемъ не основано: Пушкинъ былъ не только великій русскій поэтъ, но его дѣятельность имѣетъ неимовѣрно важное политическое значеніе для всего русскаго народа, ибо, благодаря ему, на западѣ перестали смотрѣть на Россію, какъ на варварскую азіатскую страну и благодаря знакомству съ его произведеніями, за Россіей стали признавать совершенно новое, подобающее ея развитію, положеніе. Съ именемъ Пушкина связанъ непосредственно поворотъ въ судьбахъ Россіи... Это мнѣніе не преувеличено. Ниже мы постараемся доказать это на дословныхъ извлеченіяхъ изъ нѣмецкихъ статей о Пушкинѣ.

Подъ вліяніемъ сужденій о русскихъ литературныхъ произведеніяхъ, появившихся въ послѣдніе годы въ европейской печати, мы привыкли думать, что обстоятельное знаніе нашей литературы начинается Тургеневымъ и достигло своего апогея Толстымъ. Читая восторженные отзывы, печатаемые за границей о Достоевскомъ и Толстомъ *), мы

*) О Толстомъ написалъ, какъ извѣстно, обстоятельное изслѣдованіе, переведенное и на русскій языкъ, *Р. Левенфельдъ*, — а о Достоевскомъ на самыхъ послѣднихъ дняхъ появилась въ Германіи отдѣльная книга подъ заглавіемъ: «Th. M. Dostojewsky», съ портретомъ Достоевскаго. Авторъ книги N. Hoffmann. Слѣдуетъ здѣсь упомянуть еще о статьяхъ *Евг. Цабеля*, извѣстнаго фельетониста берлинской «National-Zeitung», напечатанныхъ въ журналѣ «Deutsche Rundschau» (въ концѣ 80-хъ годовъ) о Толстомъ и Достоевскомъ.

какъ-то забыли о Пушкинѣ и Лермонтовѣ, воображая, что подобнаго рода статьи печатаются впервые; между тѣмъ, по поводу «Цыганъ», «Полтавы», «Бориса Годунова» и «Евгенія Онѣгина», писалось за границей—особенно въ Германіи—въ первой половинѣ настоящаго столѣтія не менѣе восторженно, чѣмъ въ послѣднее время по поводу сочиненій Толстого, и если нѣмцы и французы набросились нынѣ на изученіе произведеній русской литературы, то этотъ успѣхъ есть результатъ знакомства съ Пушкинымъ, ибо еще въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія нѣмцы, по ознакомленіи съ произведеніями Пушкина, заявили, что отъ народа, имѣющаго такого поэта, можно и должно ожидать еще новыхъ выдающихся писателей, имена которыхъ послужатъ на честь всемірной литературѣ...

I.

Первый нѣмецкій переводъ изъ Пушкина вышелъ въ С.-Петербургѣ въ 1823 году. Переведенъ былъ «Кавказскій Плѣнникъ». Затѣмъ слѣдуетъ переводъ «Бахчисарайскаго Фонтана», вышедшій на нѣмецкомъ языкѣ въ 1826 году. Въ 1831 г. появляется въ Ревелѣ «Russische Bibliothek», въ которой помѣщенъ переводъ «Бориса Годунова» (первый переводъ этой драмы). Въ 1833 г., Э. Герингъ (Erhard Göring) издаетъ переводъ «Руслана и Людмилы». До этого, въ 1829 и 1830 г., въ «Blätter für litterarische Unterhaltung» и въ 1832 г., въ «Magasin für die Litteratur des Auslandes» и въ «Deutsches Museum» появляются переводы отдѣльныхъ стихотвореній Пушкина и самостоятельные отзывы о поэтѣ. Въ 1837 году, годѣ смерти Пушкина, въ Германіи, въ г. Штутгартѣ, благодаря знакомству съ произведеніями Пушкина, появляется самостоятельный нѣмецкій трудъ подъ заглавіемъ: «Litterarische Bilder aus Russland». Авторъ этого сочиненія—нѣкій *H. König,* проживавшій въ Ганау. Книга Кенига разукрашена портретами Державина и Пушкина. Эта работа потому заслуживаетъ вниманія, что авторъ пишетъ о русской литературѣ, не зная ни слова по-русски, но произведенія Пушкина, прочитанныя имъ въ переводѣ, производятъ на него такое впечатлѣніе, что онъ считаетъ нужнымъ обратить вниманіе нѣмецкаго читающаго міра на «полную избытка юношескихъ силъ» («jugendfrisch») русскую литературу. Пушкину посвящены стр. 135 по 153 упомянутаго сочиненія, на которыхъ говорится объ его общемъ значеніи и затѣмъ разбираются: «Гр. Нулинъ», «Борисъ Годуновъ» и «Полтава». Весьма любопытно сравненіе Пушкина съ Гёте: по мнѣнію Кенига, русскій поэтъ, подобно Гёте, обрабатывавшему матеріалъ изъ прошлаго и настоящаго жизни Германіи, впервые обрабатываетъ въ литературной формѣ матеріалъ изъ прошлаго и настоящаго жизни русскаго народа.

«Гр. Нулинъ» причисляется Кенигомъ къ «привлекательнѣйшимъ рисункамъ въ духѣ голландской художественной школы»,—единственный, впрочемъ, благопріятный отзывъ о «Гр. Нулинѣ» въ нѣмецкой литературѣ, признаваемомъ обыкновенно за пустую бездѣлицу. «Бориса Годунова» Кенигъ называетъ шедевромъ Пушкина, а въ «Полтавѣ», по его мнѣнію, Пушкинъ достигъ мѣстами апогея историко-поэти-

ческаго языка. Въ общемъ, однако, книга Кенига не представляетъ собою ничего особенно выдающагося; ея появленіе убѣждаетъ насъ лишь въ томъ, что нѣмецкое общество, уже въ 30-хъ годахъ этого столѣтія, по ознакомленіи съ произведеніями Пушкина, возымѣло потребность ознакомиться и съ другими представителями русской литературы, чтобы лучше оцѣнить и понять Пушкина.

Первая спеціальная статья о Пушкинѣ съ полной оцѣнкой его произведеній, введшая нашего поэта во всемірную литературу, была написана *Фарнгагеномъ ф. Энзе* въ 1838 и напечатана въ октябрьской книжкѣ берлинскаго журнала «Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik» за 1838 г. Эта статья была переведена на русскій языкъ вскорѣ по ея выходѣ (см. «Сынъ Отечества» и «Отечественныя Записки» за 1839 г.).

II.

Статья Фарнгагена весьма поучительна. Изъ нея-то мы видимъ, что значеніе Пушкина для Россіи не ограничивается одной его литературной дѣятельностью; благодаря знакомству съ произведеніями этого русскаго поэта за границей стали иначе отзываться о Россіи и обстоятельнѣе заниматься нашимъ отечествомъ. Вотъ что Фарнгагенъ пишетъ, между прочимъ, во введеніи къ своей статьѣ о Пушкинѣ: «Россія безостановочно идетъ впередъ по пути къ самостоятельному развитію, въ которомъ уже и теперь видно много исполинскаго»... «Русскіе стали уважать себя какъ народъ, и вмѣсто того, чтобы скрывать свою народность и отрекаться отъ нея, они смѣло ее выставили и потому приняли новый полетъ, превзошедшій всѣ наши ожиданія и блистательно доказавшій, что народъ, такъ же какъ и отдѣльный человѣкъ, можетъ легко направить свои односторонніе силы и на другіе предметы и добиться такимъ образомъ самыхъ успѣшныхъ результатовъ. Но мы (т.-е. нѣмцы) не знали о семъ духовномъ стремленіи или не вѣрили ему». Сочиненія Пушкина заставляютъ нѣмцевъ заняться русской словесностью и русскимъ языкомъ. Любопытенъ отзывъ Фарнгагена о русскомъ языкѣ.

«Русскій языкъ, пишетъ онъ, — богатѣйшій и сильнѣйшій изъ всѣхъ славянскихъ и смѣло можетъ состязаться съ образованнѣйшими языками современной Европы. Богатствомъ словъ онъ превосходитъ романскіе, богатствомъ формъ—германскіе языки и въ обоихъ отношеніяхъ способенъ къ развитію, предѣлы котораго еще невозможно опредѣлить». А что этотъ отзывъ вызванъ именно благодаря Пушкину, видно изъ дальнѣйшихъ строкъ. Фарнгагенъ пишетъ: «Поэзія до Пушкина еще не прорвалась на свѣтъ, истиннѣйшее и сильнѣйшее выраженіе ея мы находимъ въ Пушкинѣ—онъ возвышается какъ глава надъ всѣми и всѣ, такъ сказать, соединены въ немъ». Замѣчательно, что и Фарнгагенъ уподобляетъ нашего Пушкина всемірному Гёте, тому Гёте, о которомъ лучше всего могутъ судить нѣмцы. «Свѣжая веселость освѣщаетъ поэзію Пушкина, читаемъ у Фарнгагена—въ этомъ направленіи къ веселости, добру и силѣ, которое укрѣпляетъ сердце и возбуждаетъ духъ, его можно сравнить съ Гёте».. «А сила Пушкина

кроется въ томъ, что его творенія исполнены Россіи во всѣхъ отношеніяхъ и видахъ; изображая разнороднѣйшее, онъ изображаетъ тѣмъ отечественное».

Таковы общія сужденія. Въ отдѣльности Фарнгагенъ затѣмъ разбираетъ «Евгенія Онѣгина», «Бориса Годунова», «Сцену изъ Фауста», «Пиръ во время чумы», «Моцарта и Сальери», «Скупого рыцаря». По поводу «Бориса Годунова» онъ говоритъ, что въ сценѣ Марины съ Лжедмитріемъ Пушкинъ сравнялся съ величайшими поэтами; вообще же, Фарнгагенъ видитъ въ Пушкинѣ замѣчательнаго драматическаго писателя, проявившаго свои дарованія и въ другихъ своихъ произведеніяхъ, въ особенности же въ «Полтавѣ», и сожалѣетъ, что Пушкинъ не оставилъ намъ больше драмъ. Далѣе онъ переходитъ къ разбору лирико-эпическихъ сочиненій Пушкина и останавливается на «Русланѣ и Людмилѣ»—эта поэма, впрочемъ, ему не особенно нравится,—«Кавказскомъ Плѣнникѣ», «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ», «Братьяхъ Разбойникахъ», «Цыганахъ», «Гр. Нулинѣ», «Полтавѣ», «Домикѣ въ Коломнѣ» и «Ангелѣ». Заслуживаетъ вниманія то, что «Бр. Разбойники» и «Цыгане» вызываютъ восторгъ критика. Въ «Бр. Разбойникахъ» Пушкинъ, по его мнѣнію, достигъ высочайшей степени поэтической красоты, а «Цыгане»—одно изъ сильнѣйшихъ и самобытнѣйшихъ созданій Пушкина. На это мнѣніе мы наталкиваемся во всѣхъ послѣдующихъ отзывахъ нѣмцевъ объ отдѣльныхъ произведеніяхъ Пушкина, который производитъ на нихъ особенно сильное впечатлѣніе, какъ лирическій поэтъ. Фарнгагенъ говоритъ, что «*пѣсни Пушкина могутъ завоевать сердца иностранцевъ въ пользу русскихъ*». Къ сожалѣнію, мы-то сами до сихъ поръ не обратили должнаго вниманія на эту важную сторону значенія Пушкина для насъ, русскихъ, и если бы про Пушкина не было напечатано за границей ничего другого, чѣмъ то, что мы только что привели, то и тогда мы имѣли бы право гордиться имъ и чествовать его,—но о Пушкинѣ писалось въ Германіи еще очень много, вплоть до девятидесятыхъ годовъ.

III.

Интересъ къ произведеніямъ Пушкина возрастаетъ въ Германіи въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ чрезмѣрной степени. Въ еженедѣльныхъ журналахъ, газетахъ и отдѣльныхъ книгахъ появляются переводы изъ сочиненій Пушкина и отзывы о немъ, не только самостоятельные нѣмецкіе, но и переводные съ русскаго. Такъ, въ «Magasin für die Litteratur des Auslandes» за 1837 г., мы находимъ подъ рубрикой «разное», указанія на вышедшія сочиненія Пушкина, а въ другомъ мѣстѣ переводъ статьи Н. Полевого: «Пушкинъ по отзывамъ своихъ соотечественниковъ»; въ №№ этого журнала за 1838 г. разныя стихотворенія Пушкина въ переводѣ на нѣмецкій языкъ. Извѣстный органъ «Allgemeine Zeitung» (въ Аугсбургѣ) помѣщаетъ стихотворенія Пушкина и статьи о Пушкинѣ; въ Лейпцигѣ издана въ 1838 г. книга подъ заглавіемъ: «Bunte Skizzen aus Ost und West» со статьей о Пушкинѣ, и въ томъ же 1838 г. вышла въ Берлинѣ книга подъ заглавіемъ «Hi-

(storische und romantische Erzählungen von Puschkin», въ переводѣ Титца Tietz). Окончательнымъ достояніемъ нѣмецкой литературы Пушкинъ становится въ 1840 г., когда д-ръ фил. *Р. Липпертъ* издалъ главнѣйшія сочиненія нашего поэта отдѣльной книгой въ двухъ объемистыхъ томахъ, подъ заглавіемъ «Alexander Puschkins Dichtungen» (изданіе вышло въ Лейпцигѣ у Энгельманна),—между прочимъ, здѣсь помѣщенъ новый второй переводъ «Бориса Годунова». Въ томъ же 1840 году, г. Брандейсъ (Brandeis) знакомитъ нѣмцевъ и съ пушкинской исторіей Пугачева; переводъ его вышелъ въ г. Штутгартѣ, подъ заглавіемъ «Geschichte des Pugatschewscken Aufruhrs». Съ изданіемъ и повѣстей въ прозѣ Пушкина, въ передѣлкѣ для нѣмецкой публики Трёбста и Сабинина — ихъ изданіе вышло въ Іенѣ въ 1840 г., подъ заглавіемъ «Novellen von Al. Puschkin»—завершается болѣе или менѣе полное знакомство нѣмцевъ съ произведеніями Пушкина. То, что появляется впослѣдствіи изъ произведеній Пушкина на нѣмецкомъ языкѣ, не представляетъ уже ничего новаго для нѣмецкаго читающаго міра, за исключеніемъ «Дубровскаго», который по какому-то непонятному стеченію обстоятельствъ переведенъ на нѣмецкій языкъ впервые въ 1893 г. (переводъ этотъ напечатанъ въ журналѣ «Nord & Süd») и изданъ затѣмъ отдѣльно въ Бреславлѣ и Лейпцигѣ. Нѣкоторыя изъ произведеній Пушкина можно пріобрѣсти въ Германіи за 5 и 10 коп. Такъ, напр., «Бориса Годунова» въ изданіяхъ Мейера («Meyer's Volksbücher») за 5 к. и «Реклама» за 10 коп., «Кавказскаго Плѣнника» и «Дубровскаго» въ изданіяхъ «Реклама» за 10 к. «Евг. Онѣгинъ» и «Капитанская Дочка» продаются за 20 коп. и т. д.*). Такимъ образомъ, сочиненія Пушкина появились на свѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ почти одновременно съ русскими изданіями.

Надъ переводами произведеній Пушкина на нѣмецкій языкъ потрудилось впослѣдствіи не мало лицъ. Классическими переложеніями Пушкина признаются переводы *Фр. ф. Боденштедта*, вошедшіе въ полное собраніе сочиненій этого знаменитаго нѣмецкаго поэта (первое изданіе вышло въ 1854 г.) и труды *Ашарина*, появившіеся впервые въ г. Юрьевѣ въ 1877 г. и изданные въ 1885 и 1887 г. новыми изданіями въ Ревелѣ.

Мы не станемъ останавливаться на точномъ перечисленіи всѣхъ нѣмецкихъ переводовъ Пушкина, укажемъ только, что «Борисъ Годуновъ» и «Евгеній Онѣгинъ» существуютъ въ *восьми* различныхъ переводахъ (послѣдній переводъ «Бориса Годунова» изданъ извѣстнымъ переводчикомъ *Ѳ. Фидлеромъ* и напечатанъ въ Лейпцигѣ въ изданіяхъ «Реклама»), что въ 1863 г. въ Лейпцигѣ издана увертюра къ «Борису Годунову», написанная *Арнольдомъ Гёйце*, а опера Чайковскаго «Евгеній Онѣгинъ» ставилась въ 1897 и 1898 гг. въ Берлинѣ и Гамбургѣ, и что, наконецъ, къ 12-ти стихотвореніямъ Пушкина, въ переводѣ Боденштедта, написана *Антономъ Рубинштейномъ* музыка, изданная въ Лейпцигѣ въ 1875 г. (мы упоминаемъ здѣсь только заграничныя изданія).

*) Не мѣшаетъ упомянуть здѣсь о курьезѣ, напечатанномъ на обложкѣ вышедшаго въ 1898 г. лейпцигскаго изданія «Дубровскаго». Переводчикъ, нѣкій «B. Cordt», заявляетъ, что его переводъ сдѣланъ *съ разрѣшенія автора*, т.-е. Пушкина. Не путемъ-ли вызыванія духовъ г. Кордтъ получилъ свое разрѣшеніе?

Изученіе русскаго языка въ Германіи, приняло въ послѣдніе годы значительные размѣры; для удовлетворенія потребностей въ подлинныхъ русскихъ произведеніяхъ въ Германіи стали издаваться сочиненія русскихъ писателей на русскомъ языкѣ съ удареніями и примѣчаніями. Въ одинъ изъ такихъ сборниковъ, носящій заглавіе «Russische Meisterwerke mit Accenten» вошли «Капитанская Дочка» и «Евгеній Онѣгинъ» («Капитанская Дочка» вышла уже вторымъ изданіемъ).

IV.

Указаніемъ того, что переводилось изъ Пушкина на нѣмецкій языкъ, мы въ Россіи болѣе или менѣе занимались, но мы не особенно внимательно слѣдили за тѣмъ, что говорилось въ Германіи выдающимися писателями о нашемъ славномъ поэтѣ. Въ «Puschkiniana» Межова, довольно обстоятельнымъ библіографическимъ указателѣ всего, что касается Пушкина, въ отдѣлѣ о переводахъ и заграничныхъ критическихъ статьяхъ не упомянуто весьма важныхъ работъ, напечатанныхъ о Пушкинѣ въ исторіяхъ всемірной литературы и разныхъ литературныхъ сборникахъ. Мы постараемся повозможности восполнить этотъ пробѣлъ.

Въ 1843 г., въ Германіи начинаетъ выходить журналъ «Jahrbücher für Slavische Litteratur, Kunst und Wissenschaft». Издателемъ этого журнала былъ лекторъ славянскаго языка и литературы при лейпцигскомъ университетѣ *И. Р. Іорданъ*. Въ первыхъ же книгахъ этого журнала мы наталкиваемся на весьма интересную статью о Пушкинѣ, взятую изъ «Лекцій по славянской литературѣ» Мицкевича, читанныхъ имъ въ началѣ 40-хъ годовъ въ Collège de France въ Парижѣ. Дружескія отношенія Мицкевича и Пушкина слишкомъ хорошо извѣстны русской публикѣ и здѣсь не мѣсто распространяться о нихъ. Статья Мицкевича о Пушкинѣ представляетъ нынѣ, когда только что прошло сто лѣтъ со дня рожденія польскаго поэта, и мы готовимся къ празднованію столѣтняго юбилея нашего поэта, особый интересъ. Въ этой статьѣ Мицкевичъ отдаетъ вполнѣ должное своему коллегѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проскальзываетъ объективное увлеченіе Мицкевича Пушкинымъ; въ одномъ только Мицкевичъ односторонень: въ оцѣнкѣ политическихъ дѣяній Пушкина въ его юные годы; тутъ Мицкевичъ—вполнѣ полякъ... Нѣмцы лучше понимаютъ нашего Пушкина. Боденштедтъ, напр., вполнѣ основательно говоритъ, что Пушкинъ только *казался* легкомысленнымъ и на самомъ дѣлѣ былъ гораздо лучше, чѣмъ хотѣлъ казаться... Отзывъ Мицкевича о «Евгеніи Онѣгинѣ» потому любопытенъ, что между Онѣгинымъ и паномъ Тадеушемъ, можно провести небезразличныя параллели о польской и русской общественной средѣ. По мнѣнію Мицкевича, надъ Онѣгинымъ разлившется какая-то грустная боязнь,—по внутренней силѣ своей она еще глубже и производитъ еще болѣе потрясающее впечатлѣніе, чѣмъ та же струя грусти у Байрона...

Въ 1846 г., Іорданъ издалъ по русскимъ источникамъ «Исторію русской литературы», первую исторію нашей литературы на нѣмецкомъ

языкѣ. Хотя она и признается полнѣйшимъ плагіатомъ, важенъ, однако, фактъ появленія этой книги, подтверждающій тотъ живой общественный интересъ къ нашей литературѣ, на который наталкиваешься въ Германіи въ первой половинѣ настоящаго столѣтія и который слѣдуетъ признать блестящимъ результатомъ ознакомленія нѣмцевъ съ произведеніями А. С. Пушкина.

Книгу Іордана слѣдуетъ, впрочемъ, признать весьма односторонней, такъ какъ авторъ исходитъ изъ очень фальшиваго положенія, а именно, изъ того, что «русская литература не русское растеніе, а экзотическое, перенесенное изъ-за границы» («Die russische Litteratur ist kein inländisches, sondern ein exotisches aus dem Auslande herüber gepflanztes Gewächs»). Глупое, ни на чемъ не основанное изреченіе, сказанное лишь къ красному словцу, ибо Іорданъ, знакомый съ русской литературой, не могъ и не долженъ былъ сказать подобнаго слова. Къ сожалѣнію, это изреченіе цитировалось впослѣдствіи всѣми историками литературы и въ Германіи вполнѣ забывается лишь въ 80-хъ годахъ. Въ своихъ отзывахъ о Пушкинѣ, личность Іордана, какъ нѣмца, не обнаруживается и потому они не могутъ интересовать русскаго читателя.

Первую оцѣнку Пушкина въ исторіи всемірной литературы, мы находимъ у *Грессе* въ его «Руководствѣ по исторіи литературъ всѣхъ извѣстныхъ народовъ міра съ самаго древняго періода по новѣйшій»*) По словамъ Грессе, Пушкинъ сталъ для русской литературы тѣмъ же, чѣмъ былъ Гёте для германской; но въ общемъ, Грессе не даетъ еще самостоятельной оцѣнки произведеній Пушкина. Онъ пишетъ: «Пушкинъ воспринималъ и обрабатывалъ идеальные предметы и личности изъ настоящаго и прошлаго русской жизни и затѣмъ обвивалъ ихъ сѣтью романтическихъ нитей à la Байронъ, подражателемъ котораго онъ былъ». Грессе далѣе сообщаетъ, что наиболѣе знаменитыми произведеніями Пушкина считаются (въ Германіи) «Русланъ и Людмила», «Кавказскій Плѣнникъ» и «Бахчисарайскій Фонтанъ». Послѣднія двѣ поэмы, по отзыву Грессе, отличаются «гармонической версификаціей, истинно-поэтическими описаніями, смѣлой и своеобразной фантазіей, но и недостатками, истекавшими изъ того, что Пушкинъ очень спѣшно работалъ». Такъ какъ нѣмцамъ въ то время уже были извѣстны всѣ произведенія Пушкина, то Грессе упоминаетъ вкратцѣ и о его послѣдующихъ работахъ и замѣчаетъ при этомъ, что Пушкинъ съ каждымъ произведеніемъ все болѣе и болѣе приближался къ высшему пункту историко-эпической дикціи, но окончательно онъ его не достигъ вслѣдствіе преждевременной смерти.

По сію пору, т.-е. по 50-ые годы, отзывы нѣмцевъ мало отличались другъ отъ друга, такъ какъ они имѣли однимъ общимъ источникомъ статью Фарнгагена ф. Энзе. Полнаго углубленія въ произведенія нашего поэта мы здѣсь еще не встрѣчаемъ; первую осмысленную оцѣнку Пушкина, основанную на полномъ знаніи подлинника, далъ *Ф. Боденштедтъ*. Фарнгагенъ ввелъ Пушкина въ нѣмецкую литературу, но чи-

*) Dr Joh. Georg Grässe-Leipzig, 1850—Handbuch der allgemeinen Litteraturgeschichte aller bekannten Völker der Welt von der ältesten bis auf die neueste Zeit».

тать и понимать его стали лишь благодаря классическимъ переводамъ Боденштедта и его небезъинтересной и безпристрастной характеристикѣ произведеній Пушкина. И неудивительно, ибо Боденштедтъ былъ родной нѣмцамъ поэтъ, а поэтъ можетъ болѣе вникнуть въ душевную жизнь и понять міросозерцаніе другого поэта. Боденштедтъ не только переложилъ Пушкина съ русскаго языка на нѣмецкій, но онъ сумѣлъ уловить то особенное, что витаетъ надъ всякимъ произведеніемъ въ подлинникѣ, и передать его такъ, чтобы русское осталось вполнѣ русскимъ по духу, но и вмѣстѣ съ тѣмъ стало доступнымъ нѣмецкому пониманію...

Переводы изъ Пушкина, сдѣланные Боденштедтомъ, появились въ Германіи въ 1854 и 1855 гг., въ трехъ томахъ. Въ третьемъ томѣ, вышедшемъ въ 1855 г., помѣщены біографія Пушкина и статья: «Положеніе Пушкина въ русской литературѣ». То, что написано Боденштедтомъ о Пушкинѣ, весьма цѣнно, такъ какъ это отзывъ нѣмца, прекрасно изучившаго Пушкина и вполнѣ его понявшаго. Боденштедтъ былъ призванъ говорить о нашемъ поэтѣ. И изъ этого отзыва можно сдѣлать выводъ о томъ, что, благодаря Пушкину, заграницей получилась потребность изучать характеръ всего русскаго народа. Пушкинъ, правда, по мнѣнію нѣмцевъ, истинно національный поэтъ, но онъ «всечеловѣкъ»; въ Пушкинѣ, по опредѣленію Боденштедта, познается поэтическое выраженіе русскаго народа, какъ разъ начинающаго играть роль во всемірной исторіи. Даже тотъ періодъ русской исторіи, времена Бориса Годунова и междуцарствія, наиболѣе непонятный большинству нѣмцевъ, заинтересовываетъ ихъ благодаря Пушкину и въ драмѣ «Борисъ Годуновъ», по слову Боденштедта, передъ читателемъ раскрывается «интересная страница человѣческой жизни, изложенная въ истинно-художественной формѣ». Боденштедтъ сравниваетъ Пушкина съ Байрономъ и признаетъ за Пушкинымъ больше правды, свѣжей силы и естественности. Байронъ «путешествуетъ въ поэзіи», Пушкинъ, напротивъ, вполнѣ въ своей родинѣ, онъ — поэтическій органъ передачи русскихъ преданій и русской исторіи, русскихъ хорошихъ и дурныхъ обычаевъ, русской вѣры и русскаго суевѣрія. «Прослѣдивъ внимательно ходъ поэтическаго развитія Пушкина, мы находимъ въ немъ вѣрный образъ развитія Россіи», говоритъ Боденштедтъ.

Въ «Евгеніи Онѣгинѣ» Пушкинъ наиболѣе національнъ, оттого онъ такъ дорогъ русскому сердцу, хотя увлеченіе отрицательнымъ типомъ изъ русской среды «представляетъ собою сатиру на энтузіазмъ» (слова Боденштедта). Но потому-то, что Пушкинъ въ Онѣгинѣ такъ національнъ, это произведеніе нѣмцамъ непонятно и не особенно нравится. Онѣгинъ не приходится по вкусу и Боденштедту; по его мнѣнію, Пушкинъ не освободился въ немъ отъ съуживающихъ условій обыденной жизни и не сумѣлъ отдѣлаться отъ самой обыденной дѣйствительности. Да въ этомъ-то и сила Пушкина; но тутъ Боденштедтъ остается вполнѣ нѣмцемъ.

Боденштедтъ разбираетъ всѣ крупнѣйшія произведенія Пушкина. «Русланъ и Людмила», по его мнѣнію, законченное произведеніе, напоминающее великолѣпные разсказы Гартмана ф. деръ-Ауе; апогея, однако, Пушкинъ достигъ въ «Полтавѣ». «Бахчисарайскій Фонтанъ» онъ называетъ поэтическимъ алмазомъ, «Гр. Нулинъ», напротивъ, не представляетъ для него никакого поэтическаго значенія.

V.

Мы переходимъ теперь къ тому періоду, когда романтизмъ становится достояніемъ прошлаго и въ литературѣ появляется новое теченіе реализма. Русская литература уже успѣла обогатиться произведеніями своего великаго реалиста Гоголя и на ея горизонтѣ показывается цѣлый рядъ новыхъ литературныхъ свѣтилъ, съ которыми, однако, въ Зап. Европѣ знакомятся лишь въ царствованіе Александра III. Вплоть же до восьмидесятыхъ годовъ, знаніе русской литературы въ Германіи ограничивалось Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Гоголемъ и Тургеневымъ. До восьмидесятыхъ годовъ мы въ Германіи встрѣчаемся еще съ обстоятельными статьями о Пушкинѣ; съ середины 80-хъ годовъ наши романтическіе классики должны уступить мѣсто новымъ геніямъ — Достоевскому и Толстому,— о Пушкинѣ говорятъ лишь вскользь во введеніяхъ къ литературнымъ сборникамъ или для разъясненія того или другого типа изъ новѣйшей русской литературы.

Изъ отзывовъ этого періода заслуживаютъ безспорно особеннаго вниманія статьи извѣстнаго историка Іог. Шерра и Гонеггера (Honegger); оба писателя — лица, не любившія Россію и видѣвшія въ ней исключительно азіатскую страну, тѣмъ болѣе любопытны мнѣнія этихъ писателей о Пушкинѣ.

Іог. Шерръ касается Пушкина въ своей исторіи всемірной литературы, появившейся въ 60-хъ годахъ, а Гонеггеръ — въ своей спеціально посвященной русской литературѣ и культурѣ, книгѣ, вышедшей въ Лейпцигѣ въ 1880 г., подъ заглавіемъ: «Russische Litteratur und Cultur».

Какъ Шерръ, такъ и Гонеггеръ не могутъ отрѣшиться отъ господствовавшей въ ихъ время въ Западной Европѣ модѣ критиковать Россію и ея культуру съ самой непривлекательной точки зрѣнія; они не могутъ обойтись безъ отклоненій въ политическую сторону и при характеристикѣ Пушкина; но въ разборѣ произведеній Пушкина въ отдѣльности и значенія его для русской литературы они оба довольно безпристрастны.

Шерръ говоритъ о Пушкинѣ, какъ о величайшемъ поэтическомъ геніи Россіи, не отрѣшившемся впрочемъ отъ вліянія Байрона, служившаго руководящей звѣздой (Fixstern) русскимъ поэтамъ вообще. «Русланъ и Людмила» поэтическое твореніе въ духѣ Аріосто, въ немъ выступаетъ стремленіе Пушкина слить заграничную романтику съ національно-народнымъ. Въ этомъ Пушкина можно уподобить Мицкевичу, при чемъ Пушкинъ справился со своей задачей не менѣе удачно, чѣмъ польскій поэтъ. «Бахчисарайскій Фонтанъ» — очень нѣжно и привлекательно исполненное поэтическое твореніе, а что касается «Бр. Разбойниковъ», то эта поэма, по мнѣнію Шерра, самая національная и народная работа, созданная Пушкинымъ.

Шерровская характеристика отличается особенно благопріятнымъ отзывомъ о «Евгеніи Онѣгинѣ», весьма рѣдко встрѣчающимся въ нѣмецкой литературѣ. Намъ кажется, что на Шерра «Онѣгинъ», между прочимъ, потому еще произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что въ немъ изображена отрицательная сторона русской общественной среды

Какъ бы то ни было, Шерръ говоритъ, что въ Онѣгинѣ Пушкинъ показалъ свою величайшую силу и искусство; картина общественной жизни русскихъ и типы изъ нея нарисованы мастерски; вставленныя сужденія богаты оригинальными мыслями и полны сатирическаго юмора. Шестая книга Онѣгина, по его мнѣнію, верхъ совершенства, «Culminationspunkt des Ganzen». Дуэль между Ленскимъ и Онѣгинымъ представлена съ неподражаемой энергіей и никто не прочтетъ равнодушно и безъ грусти строфъ о ночи, предшествующей дуэли. Шерръ до того восхищенъ Онѣгинымъ, что онъ очень сожалѣетъ о преждевременной кончинѣ нашего поэта, ибо, не будь ея, мы, вѣроятно, обогатились бы еще многими выдающимися произведеніями изъ-подъ пера Пушкина,—какъ это видно изъ великолѣпно задуманнаго драматическаго стихотворенія «Борисъ Годуновъ». Пушкинъ, по мнѣнію Шерра, готовился, видно, на путь самостоятельный, но злополучная дуэль пріостановила это движеніе, потому Пушкинъ остался подражателемъ Байрона и только разъ въ своемъ стихотвореніи «Клеветникамъ Россіи» онъ сталъ истинно-русскимъ (echt-russisch).

Съ этимъ послѣднимъ едва ли можно согласиться, — оно противорѣчитъ отзыву того же Шерра объ Онѣгинѣ и другихъ произведеніяхъ поэта, и если Шерръ приходитъ въ заключеніе къ вышеупомянутому странному выводу, то только потому, что онъ не любитъ Россіи и въ душѣ не желаетъ признать за ней ничего, самостоятельно выдающагося.

Прежде чѣмъ перейти къ Гонеггеру, упомянемъ о докладахъ, читанныхъ проф. Висковатовымъ въ большомъ залѣ юрьевскаго университета въ 1875 году и напечатанныхъ отдѣльной статьей въ журналѣ «Russische Revue» (С.-Петербургъ, за 1875 г.), озаглавленной «Wber Typen und Charactere in der russischen Volks-und Kunstlitteratur» («о типахъ и характерахъ въ русской народной и художественной литературѣ»). Эти доклады потому должны интересовать, что они прочитаны спеціально для нѣмецкаго общества; часть доклада посвящена разбору типовъ Онѣгина, Татьяны и Василисы Егоровны (въ «Капитанской Дочкѣ»).

Висковатовъ опредѣляетъ значеніе нашихъ величайшихъ поэтовъ Пушкина, Лермонтова и Гоголя въ томъ, что они старались вникнуть въ народный духъ. Пушкинъ знакомился съ духовной жизнью русскаго народа тогда, когда еще критически не были разработаны матеріалы народной литературы. Онъ началъ народной пѣснью и сказкой и сдѣлался настолько національнымъ, что нерѣдко можно услышать его пѣсни въ устахъ народа. Пушкинъ становится членомъ общества, говоритъ Висковатовъ далѣе,—тогда, когда у насъ нельзя было быть ничѣмъ инымъ, какъ чиновникомъ или офицеромъ, тогда мы находились въ печальномъ состояніи,—лучшимъ національнымъ силамъ приходилось жить умственно зарытымъ подобно кроту или растратиться въ пустыхъ развлеченіяхъ праздпаго общества. Опошлившіеся созданные этимъ обществомъ типы рисуютъ намъ Пушкинъ и Лермонтовъ: первый—въ «Онѣгинѣ», второй—въ «Героѣ нашего времени». Мужскіе типы не удовлетворяютъ, за то, женщины этихъ авторовъ, и въ особенности, Татьяна, намъ очень симпатичны. Очень мѣтко охарактеризована Висковатовымъ Татьяна соотвѣтственно представленію ино-

страннаго ума. Онъ указываетъ на то, что Татьяна совсѣмъ не похожа на подобные типы французской, нѣмецкой и англійской литературы. Она направляетъ свою нравственную силу не по обычнымъ рамкамъ, принятымъ въ обществѣ, она говоритъ и дѣйствуетъ не какъ женщины европейскаго общества; она грѣшитъ противъ внѣшнихъ законовъ благонравія, но находитъ въ себѣ самой тѣ предѣлы, дальше которыхъ она не пойдетъ. Подобно героямъ и героинямъ былинъ, Татьяна дѣйствуетъ самостоятельно, руководствуясь своей собственной волей, не подчиняясь вліянію извнѣ.

Другимъ, весьма типичнымъ и чисто-народнымъ характеромъ Висковатовъ называетъ Василису Егоровну.

Подобнымъ разъясненіямъ типовъ изъ русской литературы слѣдуетъ радоваться и главнымъ образомъ, потому, что они показываютъ полное знакомство нѣмцевъ съ Пушкинымъ, дошедшее до потребности въ критической оцѣнкѣ типовъ и характеровъ изъ русской народной и художественной литературы.

Перейдемъ теперь къ Гонеггеру.

Гонеггеръ очень остроумный писатель, но къ сожалѣнію, онъ очень пристрастенъ къ Россіи и одностороненъ въ своихъ сужденіяхъ. Россія для него не культурная страна и только за тѣми русскими писателями онъ готовъ признать всеевропейскую мощь, которые бывали за границей и стали западниками. Тургеневъ для него такая мощная сила,—Пушкинъ, напротивъ, великій русскій поэтъ, но только русскій,—оттого онъ ни первостепенный, ни геніальный поэтъ. Странное воззрѣніе, сходное съ тѣмъ, что высказалъ Шерръ. Въ немъ кроется какое-то непонятное нежеланіе понять Россію, ея прошлое и настоящее, какъ результатъ этого прошлаго, нежеланіе, къ сожалѣнію, встрѣчаемое и понынѣ среди нѣмецкихъ руссофобовъ. Но этотъ взглядъ все-таки не мѣшаетъ Гонеггеру, написать довольно объемистый трудъ о русской литературѣ и культурѣ XIX столѣтія и за исключеніемъ политики между строкъ въ отдѣльныхъ статьяхъ этой книги мы находимъ довольно здравыя мысли и сужденія о русскихъ писателяхъ. Отбросивъ эту политику, мы положительно можемъ согласиться съ очень многимъ, отчасти и весьма своеобразнымъ, высказаннымъ Гонеггеромъ и по поводу Пушкина.

Въ своемъ очеркѣ, посвященномъ Пушкину, Гонеггеръ сначала даетъ общую характеристику поэта. Пушкинъ, по его мнѣнію, великій русскій поэтъ, имя котораго создало цѣлую эпоху не столько, по сколько оно признано исходной точкой важнаго поэтическаго теченія въ литературѣ. Пушкинъ—величайшій и плодовитѣйшій національный поэтъ,—любимецъ своего народа и энтузіастически привѣтствованный потому именно, что онъ былъ первымъ. Первый между русскими, *дѣйствительно принадлежащій всемірной литературѣ;* первый, вполнѣ удовлетворившій требованія поэтическаго искусства въ строгомъ смыслѣ этого слова, оставшійся при томъ же вполнѣ русскимъ поэтомъ! Въ его произведеніяхъ, говоритъ Гонеггеръ дальше, отражается его нація во всей ея истинной и полной внутренней жизни и его всемірная скорбь (Weltschmerz), воспитанная на Байронѣ, носитъ на себѣ специфически-національный отпечатокъ. Пушкинъ желаетъ освободить русское об-

щество отъ его духовной пустоты мыслей и налѣпленной полукультуры и придать русской жизни дѣйствительно національное содержаніе и внутренній смыслъ. Въ этомъ кроется успѣхъ его популярности. Его неожиданный исходъ въ могилу оплакивается всей страной, ибо онъ палъ жертвой глупыхъ столичныхъ сплетенъ.

Рѣшающее значеніе возымѣла на карьеру Пушкина поэма «Русланъ и Людмила». Важными въ его жизни явились: высылка на югъ, сдѣлавшая его зрѣлымъ и бывшая духовнымъ счастьемъ поэта, и исторія Карамзина. Его проза отличается наивысшей простотой тона. Пушкинъ въ прозаическихъ своихъ произведеніяхъ напоминаетъ В. Скотта и прозой онъ создалъ цѣлую школу (Загоскинъ, Лажечниковъ, Даль, Вельтманъ, Полевой и Марлинскій). Возвращаясь къ значенію юга въ жизни нашего поэта, Гонеггеръ. цитируя слова Вильсона, говоритъ: Байронъ имѣлъ сильное вліяніе на Пушкина и его титаническій духъ могъ бы помутить индивидуальность русскаго поэта, но южная природа произвела очистительный процессъ въ Пушкинѣ.

Пушкинъ вполнѣ подчинился, хотя и безсознательно и противъ воли, всѣмъ слабостямъ, глупостямъ и дурнымъ привычкамъ того отравленнаго свѣтскаго міра, внѣ котораго онъ не могъ себѣ представить цѣлесообразной жизни и къ которому его страстно влекло изъ мѣста его высылки. Вотъ эта его слабость обошлась ему очень дорого: онъ поплатился за нее жизнью. Пушкинъ, впрочемъ, былъ первый чутко открывшій тайную силу многочисленныхъ русскихъ народныхъ пѣсенъ и оказавшій огромныя услуги благозвучію русскаго языка.

И послѣ этихъ словъ, Гонеггеръ можетъ не признать за Пушкинымъ ни первостепенной важности какъ поэта, ни генія? Противорѣчіе явно и причина этого противорѣчія очевидна...

Гонеггеръ — большой поклонникъ лирическаго таланта Пушкина. Въ этомъ отношеніи, отзывы нѣмцевъ сходны. Въ «Цыганахъ», по весьма поэтическому выраженію Гонеггера, кроется «поэзія въ лохмотьяхъ, говорящая нашему сердцу такъ же живописно, какъ картина Мурильо: «Нищій Мальчикъ»; «Бр. Разбойники», «Кавказскій Плѣнникъ», «Полтава», производятъ на Гонеггера необыкновенно сильное впечатлѣніе и при чтеніи его характеристики невольно чувствуется, что слова автора исходятъ изъ глубины его сердца и безъ сомнѣнія заставятъ читателя взять Пушкина еще разъ въ руки и провѣрить на себѣ это впечатлѣніе.

Но, въ то время, какъ Гонеггеръ въ восторгѣ отъ Пушкина, какъ лирика, онъ ни во что не ставитъ ни «Евгенія Онѣгина», ни даже «Бориса Годунова». Эти произведенія ему непонятны и онъ пишетъ какую-то несообразную чепуху, въ особенности, по поводу Онѣгина, увѣряя, что русскіе потому восхищаются этимъ произведеніемъ, что имъ хочется имѣть своего Фауста (!!). Стиль въ «Онѣгинѣ» однообразенъ, стихъ нарочно небреженъ и все это произведеніе какой-то Sammelsurium (смѣсь всякой всячины). А въ «Борисѣ Годуновѣ» ему многое даже противно, такъ напр., сцена между Лжедмитріемъ и Мариной. Видно и нѣмецкимъ историкамъ литературы Писаревъ былъ небезъизвѣстенъ!

«Бориса Годунова» Гонеггеръ въ концѣ-концовъ все-таки еще ми-

луетъ, указывая на богатство языка, живость сценъ, дающихъ истинно-объективное представленіе о народѣ, и въ этомъ отношеніи Гонеггеръ даже не прочь сравнивать Годунова съ классическимъ произведеніемъ Гёте—драмой «Goetz von Berlichingen».

VI.

Восьмидесятые годы настоящаго столѣтія весьма знаменательны въ исторіи русской литературы. Въ эти годы за границей становятся извѣстными въ разнообразнѣйшихъ переводахъ не только сочиненія нашихъ выдающихся, но и многихъ второстепенныхъ писателей и русской литературѣ удѣляется подобающее ей всемірное значеніе въ литературахъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ.

Замѣчательно, однако, то, что это ознакомленіе съ произведеніями новѣйшей русской литературы совершилось не только медленно, но даже какъ-то противъ воли иностранцевъ. Въ Германіи, напр., переводчикъ «Анны Карениной» долгое время не могъ найти издателя для своего труда, а переводы изъ другихъ русскихъ авторовъ могли быть изданы только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы авторъ или переводчикъ гарантировалъ изданіе въ матеріальномъ отношеніи. Нѣмцамъ какъ-то не вѣрилось, чтобы въ Россіи могли кромѣ Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Тургенева народиться еще выдающіеся писатели. Но великое пробило себѣ дорогу и произведенія Толстого и Достоевскаго начинаютъ занимать умъ и серце заграничнаго читателя; въ Германіи, въ какіе-нибудь три-четыре года, переводятся весь Толстой и почти весь Достоевскій; переводы изъ Короленко, Гаршина и Чехова появляются на столбцахъ ежедневныхъ газетъ, Немировичъ-Данченко, Ясинскій, кн. Мещерскій, Боборыкинъ, гр. Саліасъ и др., входятъ въ моду и переводы изъ нихъ издаются отдѣльными книгами; въ прессѣ начинаютъ толковать о русской литературѣ, какъ о выходящей изъ ряду вонъ, и нынѣ было бы странно, еслибы беллетристическій нѣмецкій журналъ не знакомилъ своихъ читателей съ новѣйшими русскими беллетристами...

Со спеціальной характеристикой Пушкина въ связи съ его положеніемъ во всей русской литературѣ мы встрѣчаемся еще только одинъ разъ, а именно въ «Исторіи русской литературы» Александра ф. Рейнгольдта, вышедшей въ 1885 г., въ г. Лейпцигѣ. Русскому читателю эта книга даетъ очень мало новаго, такъ какъ при ея составленіи авторъ пользовался въ довольно широкихъ размѣрахъ существующей по этому вопросу русской литературой. Въ Германіи она потому не могла получить желательнаго широкаго распространенія, что она отчасти носитъ характеръ учебника, а русская литература, какъ обязательный предметъ преподаванія, нигдѣ еще за границей не введена, число же слушателей при университетахъ, гдѣ русская литература читается, пока еще довольно незначительно, а для этихъ слушателей курсъ Рейнгольдта съ другой стороны неудовлетворителенъ. Для нѣмцевъ Рейнгольдтовская характеристика Пушкина можетъ представить нѣкоторую новизну, такъ какъ, авторъ знакомитъ ихъ довольно подробно съ мнѣніемъ Бѣлинскаго. На соотвѣтствующей главѣ въ Рейнгольдтовской

исторіи русской литературы мы потому дальше останавливаться не станемъ.

Вслѣдствіе вышеупомянутаго интереса къ русской литературѣ въ Германіи стали появляться критическія статьи о русскихъ писателяхъ. Въ одной такой брошюрѣ, вышедшей въ 1885 г. подъ заглавіемъ «Litterarische Streifzüge durch Russland» и которая начинается характеристикой Гоголя, мы находимъ во введеніи къ ней нѣсколько словъ, довольно мѣткихъ и о Пушкинѣ. Цабель, авторъ этой весьма изящно написанной книжки, называетъ Пушкина и Лермонтова «геніальнѣйшими представителями романтической школы, предчувствовавшими свою судьбу съ увѣренностью, граничащей демоническаго, и пророчески предвидѣвшими свою смерть въ дуэли — первый въ «Евгеніи Онѣгинѣ», второй—въ «Героѣ нашего времени».

Цабель говоритъ о Пушкинѣ и Лермонтовѣ, какъ о старыхъ знакомыхъ нѣмецкаго литературнаго міра, онъ не останавливается на разборѣ отдѣльныхъ произведеній этихъ поэтовъ—какъ это прежде дѣлалось, а онъ старается доказать, что въ этихъ поэтахъ, при всей ихъ сентиментальности и идеальности—скрывалась великая жилка русскихъ писателей, какъ представителей новаго теченія въ европейской литературѣ—реализма, и что, изучая ихъ, мы можемъ судить о бытовой жизни русскаго общества ихъ времени, нарисованной ими въ самыхъ живописныхъ краскахъ.

Послѣдующій нѣмецкій писатель, извѣстный біографъ и переводчикъ Толстого—Р. Левенфельдъ уже непосредственно даетъ характеристику русскаго общества по типамъ изъ произведеній русскихъ писателей. Въ статьѣ, напечатанной въ журналѣ «Nord & Süd» въ 1885 г. и носящей заглавіе: Типы изъ русскаго общества въ произведеніяхъ русскихъ писателей», Левенфельдъ довольно подробно характеризуетъ Онѣгина и Печорина, чтобы затѣмъ остановиться на типѣ Обломова и высказать свое мнѣніе о русскомъ обществѣ вообще.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что какъ въ тридцатыхъ годахъ, тотчасъ по ознакомленіи нѣмцевъ съ Пушкинымъ, его произведенія подали толчокъ къ сужденію о Россіи и русскомъ обществѣ вообще, такъ и въ самомъ послѣднемъ по времени упоминаніи о нашемъ славномъ поэтѣ онъ опять же побуждаетъ нѣмцевъ изучать Россію и подробнѣе останавливаться на ея внутренней жизни.

Новые великіе писатели народились на Руси, наше общество живетъ и должно жить новыми интересами, его волнуютъ другіе вопросы,—но имена Пушкина и Лермонтова останутся вѣчны въ русской литературѣ и мы должны ихъ беречь какъ нашу святыню...

С.-Петербургъ, въ мартѣ 1899 г.

Юрій Веселовскій.

ПОЭЗІЯ ПУШКИНА ВЪ ПРЕДДВЕРІИ АЗІИ.

«Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой, и назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ...» Съ каждымъ десятилѣтіемъ эти пророческія слова нашего поэта становятся все болѣе справедливыми, и переводы различныхъ его произведеній на языки населяющихъ Россію племенъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что его творчество въ настоящее время понятно и дорого не одному только русскому народу. Въ библіографіи переводовъ мелкихъ стихотвореній, поэмъ, повѣстей или драматическихъ сценъ Пушкина, былъ, однако, до сихъ поръ, правда, не особенно существенный, но все же досадный, безусловно нежелательный пробѣлъ: мы имѣемъ въ виду тотъ фактъ, что вплоть до послѣдняго времени почти не упоминалось о переводахъ изъ Пушкина на армянскій языкъ,—сравнительно, довольно многочисленныхъ. Между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ армянскій народъ пробуждался отъ прежняго сна и застоя, воспринималъ европейскую цивилизацію и шелъ впередъ по пути культуры и просвѣщенія, возрасталъ и интересъ наиболѣе интеллигентныхъ его представителей къ творчеству русскихъ и иностранныхъ поэтовъ, драматурговъ и романистовъ, вмѣстѣ съ желаніемъ сдѣлать это творчество, по возможности, доступнымъ своимъ соплеменникамъ, путемъ переводовъ и переложеній. Среди тѣхъ поэтовъ, произведенія которыхъ до сихъ поръ переводились на армянскій языкъ, довольно видное мѣсто принадлежитъ Пушкину (Лермонтовъ еще больше полюбился армянамъ, и всѣ его главныя произведенія, не исключая и «Героя нашего времени», существуютъ въ армянскомъ переводѣ). Перечислить разнообразные переводы изъ Пушкина, сдѣланные армянскими литераторами въ разное время, между 30-ми и 90-ми годами,—будетъ главною цѣлью настоящей замѣтки. Думается, что всякій, даже самый скромный вкладъ въ дѣло изученія Пушкина

или его вліянія на потомство, можетъ представить извѣстный интересъ, особенно теперь,—такъ какъ вниманіе всего русскаго общества болѣе, чѣмъ когда либо, обращено въ настоящую минуту на литературное наслѣдіе великаго поэта.

Первые армянскіе переводы изъ Пушкина относятся къ той порѣ, когда новый армянскій литературный языкъ (ашхарапаръ) еще не былъ выработанъ, и всѣ книги писались на древнемъ классическомъ языкѣ (грапаръ), очень богатомъ и красивомъ, но уже не удовлетворявшемъ требованіямъ современности, мало понятномъ массѣ, лишенномъ цѣлаго ряда самыхъ необходимымъ словъ, теперь сохранившемся только въ богослуженіи армяно-григоріанской церкви. Поэтому мы видимъ, что сначала стихотворенія Пушкина переводятся именно на древній языкъ. Будущій извѣстный оріенталистъ и профессоръ, уроженецъ далекой Индіи, Н. О. Эминъ, проходя курсъ наукъ въ московскомъ Лазаревскомъ Институтѣ восточныхъ языковъ, въ началѣ 30-хъ годовъ принимается за переложеніе русскихъ стихотвореній и поэмъ, и на первыхъ же порахъ переводитъ на «грапаръ» «Бахчисарайскій Фонтанъ» и «Кавказскаго Плѣнника». Лѣтъ десять спустя, въ 1843 году, какъ это видно изъ бумагъ семейства Лазаревыхъ, въ настоящее время разбираемыхъ приватъ-доцентомъ Московскаго университета Л. З. Мсеріанцомъ, другой воспитанникъ института, Амазасповъ, очевидно, живо интересуясь русскою литературою, перевелъ на древне-армянскій языкъ пушкинскія стихотворенія «Кавказъ подо мною» и «Русалку», наряду съ отдѣльными произведеніями Жуковскаго и Баратынскаго. Впослѣдствіи на грапаръ переведено было еще одно стихотвореніе Пушкина—«Пророкъ», къ которому, нѣсколько архаическій, церковный характеръ грапара подходилъ болѣе, чѣмъ къ другимъ.

Бо́льшая часть переводовъ изъ Пушкина, сдѣлана, однако, на «ашхарапаръ», какъ болѣе живой, приспособленный къ современнымъ нуждамъ и понятный народу языкъ. Однимъ изъ главныхъ переводчиковъ мелкихъ стихотвореній Пушкина, явился въ наши дни молодой поэтъ Александръ Цатуріанъ, познакомившій армянскую публику также и со «Стихотвореніями въ прозѣ» и «Асей» Тургенева, со многими произведеніями Лермонтова, Некрасова, Плещеева и др. Имъ переведены и напечатаны слѣдующія вещи Пушкина: «Желаніе» (Медлительно влекутся дни мои...), «Осеннее утро» (Поднялся шумъ, свирѣлью полевой...), «Возрожденіе» (Художникъ-варваръ кистью сонной»), «О, дѣвароза, я въ оковахъ...», «Узникъ» (Сижу за рѣшеткой...), «Желаніе славы» (Когда любовію и нѣгой упоенный...), «Буря» (Ты видѣлъ дѣву на скалѣ...), «Ангелъ» (Въ дверяхъ эдема...), «Соловей» (Въ безмолвіи садовъ...), «Я думалъ, сердце позабыло...» Всѣ эти переводы появились въ ежемѣсячномъ журналѣ «Мурчъ», издающемся въ Тифлисѣ. Переведены тѣмъ же поэтомъ и должны въ маѣ, ко дню пушкинскаго юбилея, появиться въ печати: «Телѣга жизни», «Русалка» (Надъ озеромъ, въ глухихъ дубравахъ), «Если жизнь тебя обманетъ», «Послѣдніе цвѣты», «Пророкъ», «Поэтъ» (Пока не требуетъ поэта), «Цвѣтокъ», «Анчаръ», «Птичка Божія не знаетъ...», «Кавказъ подо мною», «Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ» (это стихотвореніе было уже переведено раньше К. Красильникьяномъ).

Изъ поэмъ Пушкина на новый армянскій языкъ переведены: «Цыгане», «Полтава» (переводъ началъ печататься въ 10-й книжкѣ журнала «Мурчъ» за прошлый годъ), «Братья-разбойники». Послѣдніе два перевода принадлежатъ Ак. Теръ-Геворкіану; тѣмъ же литераторомъ переведенъ «Скупой рыцарь»,—единственное драматическое произведеніе Пушкина, какое пока существуетъ въ армянскомъ переложеніи. Изъ прозаическихъ сочиненій Пушкина переведена цѣликомъ «Капитанская дочка». Очень посчастливилось «Сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ»,—она существуетъ въ двухъ переводахъ,—Х. Агаяна и Рафаэла Патканьяна. Агаянъ извѣстенъ въ армянской литературѣ, какъ авторъ прекрасныхъ сказокъ, очень любимыхъ дѣтьми; вѣроятно, онъ остановилъ свое вниманіе на пушкинской сказкѣ, потому что она нѣсколько подходила къ его добродушному и симпатичному жанру. Переводъ этотъ принадлежитъ наиболѣе извѣстному и даровитому армянскому поэту, который, прославившись своими оригинальными стихотвореніями (до 20-ти изъ нихъ переведено на европейскіе языки), вмѣстѣ съ тѣмъ, занимался иногда переводами и передѣлками. Ему же, по всѣмъ вѣроятіямъ, принадлежитъ первый армянскій переводъ извѣстнаго отрывка изъ «Цыганъ» («Птичка Божія не знаетъ ни заботы, ни труда»), напечатанный въ 1850 году на страницахъ издававшагося его отцомъ, священникомъ Габр. Патканьяномъ, журнала «Сѣраратъ», за подписью Р. П.

Нельзя не упомянуть здѣсь и о томъ, что знаменитое стихотвореніе Лермонтова «На смерть Пушкина» также существуетъ въ армянскомъ переводѣ (К. Теръ-Астватцатуріана). Интересъ армянскихъ литературныхъ круговъ къ русскому поэту выразился и въ томъ, что въ нынѣшнемъ году Тифлисское общество изданія армянскихъ книгъ рѣшило выпустить ко дню юбилея Пушкина отдѣльный сборникъ переводовъ его лучшихъ стихотвореній, къ которымъ будетъ присоединенъ переводъ «Капитанской дочки», «Скупого рыцаря» и нѣкоторыхъ другихъ произведеній. Несомнѣнно, что творчество Пушкина оказало даже извѣстное вліяніе на нѣкоторыхъ армянскихъ поэтовъ. Маститый поэтъ С. Шахъ-Азизъ, наряду съ изящными лирическими стихотвореніями, выпустившій въ 1865 году поэму «Скорбь Леона», навѣянную Байрономъ, написанную прекраснымъ языкомъ и полную грустныхъ, пессимистическихъ размышленій о темныхъ и отрицательныхъ сторонахъ родной жизни, лично говорилъ пишущему эти строки о томъ чарующемъ впечатлѣніи, которое на него произвелъ когда-то «Евгеній Онѣгинъ» вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими произведеніями Пушкина,—не исключая и шаловливаго «Графа Нулина». Въ раннемъ стихотворномъ сборникѣ Шахъ-Азиза, озаглавленномъ, въ подражаніе Байрону, «Часы досуга», не разъ чувствуется вліяніе Пушкина, изъ произведеній котораго армянскій поэтъ выбираетъ иногда подходящіе эпиграфы для своихъ стихотвореній. Болѣе плодотворнымъ и глубокимъ должно быть признано вліяніе Пушкина, сказывающееся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Скорби Леона», какъ произведенія вполнѣ зрѣлаго, создавая которое, Шахъ-Азизъ научился еще болѣе цѣнить художественныя красоты и внутреннее содержаніе поэзіи своего вдохновителя. Одно мѣсто въ первой пѣсни армянской поэмы представляетъ собою, напримѣръ, близ-

кое подражаніе строфѣ LVI первой пѣсни «Евгенія Онѣгина», другой отрывокъ сильно напоминаетъ строфу XXXVII той же пѣсни. Подобно Пушкину, Шахъ-Азизъ любитъ оканчивать отдѣльныя пѣсни своей поэмы обращеніемъ къ читателю и субъективными изліяніями. Если Пушкинъ въ седьмой и восьмой пѣсняхъ «Онѣгина» перечисляетъ книги, которыя читалъ его герой, и заставляетъ графа Нулина пріѣхать въ Петербургъ «съ ужасной книжкою Гизота, съ тетрадью злыхъ каррикатуръ, съ романомъ новымъ Вальтеръ-Скотта», «съ послѣдней пѣсней Беранжера» и т. д., у Шахъ-Азиза «Леонъ», отправляясь на родину, беретъ съ собою «грустныя стихотворенія Гейне, безсмертное созданіе Гете—Фауста, скитальца Чайльдъ-Гарольда, сатиры Ювенала, задушевныя пѣсни Беранже, исторію Бокля, трагедіи Шекспира, нѣсколько пѣсенъ поэта Мик.'Налбандьяна». Поэтическій языкъ Пушкина также повліялъ на автора «Скорби Леона». Выше всего Шахъ-Азизъ и теперь ставитъ у Пушкина универсальность его генія, богатство фантазіи, прелесть формы, умѣніе затрагивать общечеловѣческія струны. Этотъ отзывъ популярнаго и почтеннаго армянскаго литератора и публициста о творчествѣ великаго русскаго поэта показываетъ, лишній разъ, что авторъ «Памятника» не ошибался, предвѣщая своей поэзіи широкое распространеніе и могущественное вліяніе на человѣческія сердца,—которое должно сближать между собою, на почвѣ увлеченія его талантомъ, представителей разнообразныхъ племенъ, населяющихъ наше отечество.

Москва.
Январь 1899 г.

М. В. Муравьевъ.

РОДОСЛОВІЕ А. С. ПУШКИНА.

Восхвалимъ убо мужи славны
и отцы наша въ бытіи.

сир. мд; а.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ находилъ, что «гордиться славою своихъ предковъ не только можно, но и должно, и что, не уважать оной, есть постыдное малодушіе». Предкамъ своимъ поэтъ посвятилъ небольшую статью: «Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ», генетическая связь съ нею видна въ стихотвореніи: «Моя родословная или русскій мѣщанинъ» (1830 г.). Тотъ же взглядъ уваженія родовыхъ традицій развивается имъ въ другомъ позднѣйшемъ стихотворномъ отрывкѣ: «Родословная моего героя» (1833 г.). *М. М.*

С-цо Малыя Теребони.
1899 г. 24 марта.

I

№ № отца.

1 **Ратша (Ростиславъ-Стефанъ)**, прибылъ «изъ нѣмецъ» въ Новгородъ; тіунъ князя Всеволода Ольговича; въ 1146 г. кіевляне разграбили его дворъ.

II

2 **Якунъ (Михаилъ) Ратшичъ**, посадникъ новгородскій; въ монашествѣ Митрофанъ, † 1206. 1

III

№		№ отца.
3	**Алекса (Гориславъ) Якуновичъ**, новгородскій боярин; въ монашествѣ Варлаамъ, чудотворецъ новгородскій; въ 1191 г. основалъ Хутынскій монастырь; † 1243 (или 1265 г.).	2

IV

4	**Гавріилъ Алексичъ**, бояринъ при Александрѣ Невскомъ; прославился въ Невской битвѣ 15 іюля 1240 г.; убитъ 1241 г. не старымъ.	3

V

5	**Иванъ Гавріиловичъ Морхиня.**	4

VI

6	**Александръ Ивановичъ.**	5

VII

7	**Григорій Александровичъ Пушка**, родоначальникъ Пушкиныхъ.	6

VIII

8	Александръ Григорьевичъ.	7
9	Никита Григорьевичъ.	
10	Василій Григор. Улита.	
11	Ѳедоръ Григор. Товарокъ, бояринъ, родоначальникъ угасшаго рода Товарковыхъ.	
12	**Константинъ Григорьевичъ.**	
13	Андрей Григор.	
14	Иванъ Григор.	

IX

15	Василій Александровичъ.	8
16	Матвѣй Александр.	
17	Иванъ Никитичъ Курчь, родоначальникъ угасшаго рода Кучевыхъ.	9
18	Никита Никитичъ.	
19	Василій Никит.	
20	Полуектъ Никит.	
21	Григорій Никит.	
22	Тимофей Никит.	
23	Иванъ Никит. Булыга.	
24	Константинъ Никит.	
25	Михаилъ Никит. Рожонъ, родоначальникъ Рожновыхъ.	
26	Григорій Васильев.	10
27	Тимофей Васильев.	
28	**Гавріилъ Константиновичъ.**	12

X.

№		№ отца.
29	Василій Васильевичъ.	
30	Игнатій Васильевичъ не помѣщенъ въ Вотской пятинѣ; въ 1500 г. владѣлъ въ Сабельскомъ погостѣ, дд.: Несушъ, Закаменка, Рдицы, Хвостецъ, Колюгея, Пиняга, Избищо, Черлено, Вежища и въ Передольскомъ погостѣ, дд.: Столбецъ, Бахорино и Нѣговичи и владѣлъ съ другими помѣщиками въ Собельскомъ погостѣ, дд.: Заозерьи въ Хлаповѣ и Кореновичи. А всего за нимъ 58 людей и 42 обжи.	15
31	Михаилъ Васильев.	
32	Василій Константин., въ 1498 г. владѣлъ въ Шелонской, пятинѣ, въ Опотьцкомъ погостѣ, дд.: Демешкино, Песребыци, Кошелекъ, Защилье, Каменка, Почаниво, Заболотье; всего 17 обежъ съ 14 дворами и 19 людьми. Самъ жилъ въ Демешкинѣ и имѣлъ 2 слугъ. Кромѣ того, владѣлъ въ Высокогородскомъ уѣздѣ, въ Никольскомъ погостѣ—волосткою.	24
33	Михаилъ Тимоф. Муса, родоначальникъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ.	
34	Иванъ Тимоф. Кологривъ, родоначальникъ Кологривовыхъ Поводовыхъ.	
35	Андрей Тимоф.	
36	Истома Тимоф.	27
37	Алексѣй Тимоф.	
38	Степанъ Тимоф.	
39	Кауръ Тимоф.	
40	Василій Тимоф. Слѣпецъ, въ 1495 г. сопутствовалъ великой княжнѣ Еленѣ Іоанновнѣ въ Литву; въ 1527 г. намѣстникъ гомейскій.	
41	Иванъ Гавріиловичъ.	28

XI.

42	Василій Васильевичъ.	
43	Иванъ Васильев.	29
44	Захарій Васильев.	
45	Алексѣй Игнатьев. Шарапъ, родоначальникъ угасшаго рода Шараповыхъ.	
46	Алексѣй Игнатьев. Боярицъ, родонач. угасшаго рода Боярцовыхъ.	30
47	Ѳедоръ Истомичъ.	
48	Дмитрій Истом. Трегубъ.	36
49	Александръ Истом.	
50	Леонтій Алексѣевичъ.	
51	Василій Алексѣев., 1532 г. ѣздилъ посломъ въ Казань.	
52	Иванъ Алексѣев. Бобрище, родонач. Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ.	37
53	Матвѣй Алексѣев.	

№		№ отца.
54	Ѳедоръ Степанов. Шаферикъ, родонач. Шафериковыхъ-Пушкиныхъ.	38
55	Иванъ Степан.	
56	Матвѣй Степан.	
57	Иванъ Кауровичъ.	39
58	Ѳедоръ Иванов.	41
59	Иванъ Ивановичъ, боярин новгородскій; въ 1514 г. въ Новгородѣ заключилъ договоръ съ ганзейскими купцами.	
60	Александръ Ив.	
61	Семенъ Ив.	
62	**Михаилъ Ивановичъ.**	

XII.

63	Ѳедоръ Васильевичъ.	51
64	Владиміръ Васильев.	
65	Матвѣй Васильев.	
66	Михаилъ Ѳедоров.	58
67	Григорій Иванов.	59
68	Елизарій Александр.	60
69	Тимофей Александр.	
70	Ѳедоръ Александр.	
71	Иванъ Александр.	
72	Андрей Александр.	
73	**Семенъ Михаиловичъ.**	
74	Степанъ Михаилов.	

XIII.

75	Иванъ Владиміров. Замыцкій, родон. Замыцкихъ и угасшаго рода Застолбскихъ.	64
76	Евстафій Михаилов., думный дворянинъ; въ 1581 г. съ думнымъ дворян. Писемскимъ ѣздили послами къ Стефану Баторію для переговоровъ о мирѣ, который не состоялся; въ 1592 г. участвовалъ въ переговорахъ со шведами на р. Наровѣ; 18 мая 1595 г. онъ и кн. Туренинъ заключили со шведами Тевзинскій миръ, по коему Россіи возвращена Корела; въ томъ же году посланъ въ Астрахань производить слѣдствіе по дѣлу отравленія крымскаго царевича Мурата Гирея; намѣстникъ муромскій; воевода въ Тобольскѣ 1601—2; † 1602 г.	
77	Иванъ большой Михаилов., ловчій 1574—83; при царѣ Шуйскомъ и въ междуцарствіи думный дворянинъ; 1591 воевода астраханскій; † 1612 въ битвѣ (по «боярскому списку» П. Н. Лихачева † не позже 1611 г.).	66
78	Никита Михаилов., 1603—1605 гг. воевода въ Тобольскѣ; 1613 воевода въ Холмогорахъ; участвовалъ въ избра-	

№ № отца.

нін на царство Михаила Романова; окольничій 1622; † 1622.

79 Леонтій Михаилов., убитъ въ 1605 г. подъ Кромами.

80 Иванъ меньшой Михаилов., въ 1611 г. на службѣ въ Корелѣ; участвовалъ въ избраніи на царство Михаила Романова.

81 Григорій Григорьев., воевода вологодскій 1611(?)—1614.

82 Иванъ Григорьев., 1611 г. стольникъ; участвовалъ въ избраніи на царство Михаила Романова.

83 Гавріилъ Григорьевичъ, 1601—2 гг. голова въ Пелымѣ; 1 іюня 1604 г. съ Наумомъ Плещеевымъ ѣздилъ въ Красное Село, гдѣ читалъ грамоту отъ Лжедмитрія; окольничій; думный дворянинъ 1611; † монахомъ 1638 г. 67

84 Матвѣй Ѳедоров. 70

85 Ѳедоръ Семенов., воевода въ Тарѣ 1601—2 гг.; участвовалъ въ избраніи на царство Михаила Романова. 73

86 **Тимофей Семеновичъ.**

XIV.

87 Алексѣй Евстафьев.

88 Михаилъ Евстафьев., участвов. въ избраніи на царство Михаила Романова. 76

89 Иванъ Евстафьев., стольникъ 1611 г.

90 Никита Евстафьев., воевода въ Сургутѣ 1625—26 гг.

91 Афанасій Иванов.

92 Иванъ Иванов., воевода верхотурскій 1619—22 (вѣроятно онъ же съ кн. Ив. Бор. Ромодановскимъ около 1562 г. участвовалъ въ составленіи переяславскихъ переписныхъ книгъ).

93 Борисъ Иванов., 1611 г. стольникъ, впослѣдствіи окольничій; съ 21 янв. 1635—1638 гг. воевода въ Мангазеѣ; въ 1647 г. вѣдалъ Разбойнымъ приказомъ; въ 1649 г. посланъ въ Стокгольмъ, гдѣ заключилъ знаменитый договоръ о выкупѣ перебѣжчиковъ, который былъ поводомъ къ возмущенію во Псковѣ; въ 1654 г. воевода двинскій, съ титуломъ намѣстника брянскаго. 77

94 Михаилъ Никитичъ.

95 Иванъ Никит., 1611 стольникъ; воевода: въ Мангазеѣ 1623—24, въ Казани 1645; въ Пелымѣ 1649—51. 78

96 Даніилъ Никит.

97 Василій Никит., воевода: на Ленѣ 1641, въ Якутскѣ 1645—49; † въ Якутскѣ 1649.

98 Борисъ Григорьев., 1611 стольникъ; 1626 воевода большого полка. 81

99 Иванъ Григорьев.

100 Григорій Гавриловичъ, думный дворянинъ; въ 1643 съ боярином кн. Алекс. Мих. Львовымъ и дьякомъ Воло-

№		№ отца.
	шениновымъ посланъ въ Польшу для переговоровъ о самозванцахъ, размежеваніи и царскомъ титулѣ. За удачные переговоры пожалованъ окольничимъ; въ мартѣ 1646 г. Григ. Гавр. и казначей Богданъ Дубровскій заключили со Швеціей договоръ, подтверждающій Столбовскій; въ 1650 г. съ братомъ (№ 101 росписи) и дьякомъ Гавр. Леонтьевымъ ѣздилъ посломъ въ Польшу; 1654 оружейничій и намѣстникъ нижегородскій; боярinъ; † 1657 г.	83
101	Степанъ Гаврилов., окольничій; въ 1650 г. ѣздилъ съ братомъ (№ 100 росписи) посломъ въ Польшу, † 1656.	
102	Ѳедоръ Ѳедоров., участв. въ избраніи на царство Михаила Романова; 1620—22 воевода въ Тарѣ; 1626 судья Помѣстнаго Приказа.	85
103	Иванъ Ѳедоров.	
104	Григорій Тимоф.	
105	Воинъ Тимоф., воевода въ Березовѣ 1629—30 гг.	86
106	**Петръ Тимофеевичъ**, въ 1624 г. воевода въ сторожевомъ полку; воевода въ Пронскѣ; воевода въ Тюмени 1627—28.	
107	Ѳедоръ Тимоф., участвовалъ въ избраніи на царство Михаила Романова.	

XV.

108	Петръ Михаилов., дьякъ 1655; стольникъ и воевода олонецкій 1657.	88
109	Иванъ Никит.	90
110	Никита Борисов., р. 4 окт. 1619 г., † 18 янв. 1715 инокомъ (Нифонтъ) Троицко-Сергіевской лавры; завоеводчикъ-стольникъ въ крымскомъ походѣ 1687 г.	93
111	Андрей Иванов.	95
112	Иванъ Борисов., стольникъ (?); ж. N. Ивановна Полозова (?).	98
113	Ѳедоръ Иванов., стольникъ въ 1611 г. (?).	99
114	Матвѣй Степанов.[1]), въ 1660 г. стольникъ, отъ имени царя велъ переговоры съ Никономъ объ избраніи новаго патріарха; въ 1668 г. окольничій; воевода: астраханскій 1679, смоленскій 1683, азовскій съ 19 февраля 1695 г.; вызвалъ гнѣвъ Петра Великаго, сопротивленіемъ къ посылкѣ своихъ дѣтей за границу; боярinъ; въ 1697 г. участвовалъ въ стрѣлецкомъ заговорѣ Цыклера и Соковнина, лишенъ боярства и сосланъ съ внукомъ своимъ (№ 127 росписи) въ Енисейскъ, гдѣ и † 1706.	101
115	Яковъ Степанов., окольничій 1686; боярinъ 1691. Дарья Степанов., † 1663 за Никит. Иванов. Шереметевымъ.	

№ № отца.

116 Иванъ Ѳедоров., стольникъ и воевода тобольскій 1673—76; воевода верхотурскій 1676—78; окольничій съ 1682; воевода черниговскій; одинъ изъ семи членовъ Верховнаго правленія въ малолѣтствѣ царей Іоанна и Петра; † послѣ 1715 г. 102

117 Никита Воинов. 105

118 **Петръ Петровичъ,** стольникъ; судья Владимірскаго суднаго приказа 1678; похор. въ Москвѣ, въ цр. Вознесенія Господня. 106

XVI.

119 Михаилъ Петров. 108

120 Афанасій Никитичъ. 110

121 Ѳедоръ Матвѣев., стольникъ; участвовалъ въ стрѣлецкомъ заговорѣ 1697 г. Циклера и Соковнина. Казненъ 4 марта 1697 г. Ж. дочь окольничаго Алексѣя Соковнина [2]). 114

122 Иванъ Иванов. } 116

123 Ѳедоръ Иванов. }

124 **Петръ Петровичъ,** р. 1644, † 12 февр. 1692 г.; стольникъ; похороненъ въ Москвѣ, въ цр. Вознесенія Господня. Ж. **Анастасія Афанасьевна,** N. } 118

125 Ѳедоръ Петров. }

XVII.

126 Алексѣй Михаилов., т. с., сенаторъ; въ 1746 г. посланникъ при датскомъ дворѣ (дипломатическая его дѣятельность совершенно ничтожна); губернаторъ въ Воронежѣ, по обвиненію въ лихоимствѣ и грабительствѣ въ 1758 г. противъ него возбуждено слѣдствіе, прекращенное Петромъ III, при вступленіи его на престолъ. Ж. Марія Михаилов. Салтыкова, р. 24 мая 1710 г., † 18 мая 1785 г. 119

127 Ѳедоръ Ѳедоров., въ 1697 г. съ дѣдомъ (№ 111 росписи) сосланъ въ Енисейскъ. } 121

Евдокія Ѳедоров., за Безобразовымъ. }

Параскева Ѳедоров., за Дорошенко. }

Екатерина Ѳедоров., за кн. Петромъ Констант. Щербатовымъ. }

Елена Ѳедор., за Грибоѣдовымъ. }

128 Иванъ Петров. } 124

129 Леонтій Петров. }

130 **Александръ Петровичъ,** † очень молодымъ; ж. **Евдокія Ивановна Головина,** зарѣзана своимъ мужемъ [3]). }

131 **Ѳедоръ Петровичъ.** }

Василиса Петров., за Собакинымъ. }

XVIII

№ — № отца.

132 Михаилъ Алексѣев., кол. сов.; членъ мануфактуръ-коллегіи; за поддѣлку штемпелей и ассигнацій въ 1772 г. сосланъ въ Тобольскъ, гдѣ сотрудничалъ въ «Иртышѣ, превращающемся въ Ипокрену». Ж. кж. Наталья Абрамовна Волконская (она послѣдовала за нимъ въ Сибирь)[4]). — 126

133 Сергѣй Алексѣев., капитанъ; въ 1772 за поддѣлку штемпелей и ассигнацій приговоренъ къ вѣчному заточенію.

134 **Левъ Александровичъ**, р. 17 февр. 1723 г., † 25 окт. 1790 г.; артиллеріи полковникъ, при вступленіи на престолъ Екатерины II въ 1762 г. посаженъ въ крѣпость, гдѣ провелъ 2 года. Ж. 1 бр. Марія Матвѣев. Воейкова (отъ этого брака 3 сына): 2 бр. **Ольга Вас. Чичерина**, р. 5 іюня 1737 г., † 2 окт. 1802 г. (отъ этого брака 2 сына и 2 дочери). — 130

135 **Алексѣй Ѳедоровичъ**, тамбовскій воевода (?); ж. **Сарра Юрьевна Ржевская**. — 131

XIX.

136 Алексѣй Михаиловичъ, † 25 мая 1825 г.; д. с. с., непремѣнный членъ мастерской оружейной палаты; дѣйствительный камергеръ; писатель и переводчикъ. Ж. Елена Григорьевна N., † послѣ 1828 г. — 132

Екатерина Михаилов.

Варвара Михайлов., † 1854 г. д. т. с. кн. Серг. Пв. Гагаринымъ.

137 Николай Львов., † 1822; полковникъ. Ж. Анна Васильевна Измайлова, р. 1754, † 1827.

138 Петръ Львов., † 15 мая 1825; подполковникъ. Ж. Казанская.

139 Александръ Львов.

140 **Сергѣй Львовичъ**, † послѣ 1837 г.; началъ службу въ измайловскомъ полку, статск. сов.; масонъ; владѣлъ: им. Болдино, Лукояновскаго у. съ 1500 душами и Захарьино, Бронницкаго у. Ж. **Надежда Осиповна Ганнибалъ**, † 1836, владѣла с-цомъ Михайловскимъ (Зуево), Опочецкаго у. — 134

141 Василій Львов., р. 27 апр. 1770, † 20 авг. 1830 г.; недолго служилъ въ измайловскомъ полку; писатель; членъ общества «Арзамасъ»[5]).

Анна Львов.

Елисавета Львов., за Матв. Михаилов. Солнцевымъ.

142 Юрій Алексѣев., ж. Рахманинова.

143 Михаилъ Алексѣев., ж. Анна Андр. Мижукова; **Марія Алексѣевна**, † 1818 г.; за генералъ-поручикомъ **Осипомъ (Януаріемъ) Аврамовичемъ Ганнибалъ**[6]), р. 20 іюня 1744 г., † 12 окт. 1807 (или 1806 г.); (ихъ дочь за № 140 росписи). — 135

XX.

№ — № отца.

144 Иванъ Алексѣев., въ 1823 г. выпущенъ въ св. Е. В. по квартирмейстерской части изъ московск. учебн. заведенія для Колонновожатыхъ; ж. 1 бр. Татіана Ефимов. Ренкевичъ; 2 бр. гр. Софія Владимір. Васильева, р. 1807, † 14 марта 1844 г. (отъ 2 брака нѣсколько человѣкъ дѣтей).

Ольга Алексѣев., за греческимъ полковникомъ Орфано (онъ перешелъ въ русское подданство). } 136

Параскева Алексѣев.

Наталія Алексѣев., за медынскимъ помѣщик. маіор. Александр. Александр. Челищевымъ, р. 1797, † 1871 г.

Фанни Алексѣев.

Ольга Сергѣев., р. 1798 г., за д. с. с. Никол. Иванов. Павлищевымъ.

145 **Александръ Сергѣевичъ**, род. 26 мая 1799 г., въ Москвѣ; † 29 января 1837, въ Петербургѣ, смертельно раненъ 27 янв. на дуэли съ бар. Георгіемъ Геккерномъ-Дантесомъ [7]); поэтъ. Ж. съ 18 февр. 1831 г. Наталія Николаевна Гончарова, р. 27 авг. 1812, † 26 ноября 1863 г. (она во 2 бр. за генер.-адъютант. Петромъ Петров. Ланскимъ, † 1877 г.). } 140

146 Николай Сергѣев., р. 1802, † 1807.

147 Левъ Сергѣев., род. 1806, † 19 іюля 1852; воспитывался въ Царскосельскомъ лицеѣ. Въ 1842 г. маіоръ нижегородскаго драгунск. полка; затѣмъ служилъ въ финляндскомъ драг. полку; участвовалъ въ кампаніяхъ: персидской 1826—28 гг. и турецкой 1828—29 гг. Потомъ членъ одесской портовой таможни. Ж. Елисав. Александр. Загряжская.

148 Александръ Юрьевичъ, р. 1779 г., ж. Молчанова. } 142

149 Михаилъ Юрьевичъ.

150 Алексѣй Михаилов., р. 1792, † 1820. 143

XXI.

151 Александръ Александр., р. 6 іюня 1833 г.; генералъ-лейтенантъ; почетный опекунъ. Ж. 1 бр. Софія Александровна Ланская; 2 бр. Марія Александровна Павлова.

152 Григорій Александр., р. 14 мая 1835; отставной гвардіи полковникъ. Ж. Варвара Алексѣевна Мельникова.

Марія Александр., род. 18 мая 1832 г.; за Леонидомъ Ник. Гартунгъ. } 145

Наталія Александр., р. 23 мая 1836 г.; въ 1 бр. за флигель-адъютантомъ полковник. Мих. Леонтьев. Дуббельтъ (они развелись); во 2 бр. (морганатическомъ) съ 13 іюля 1868 г., за принцемъ Николаемъ Нассаускимъ; 10 авг. 1868 г. получила съ потомствомъ титулъ графини Меренбергъ (княжество Вальдекъ).

№ № отца.

153 Анатолій Львов., р. 17 марта 1846; колл. асс.; былъ въ Лукояновскомъ у.: мировымъ посредникомъ, предсѣд. уѣздн. земск. управы, членомъ уѣздн. по крестьянск. дѣламъ присут., земскимъ начальникомъ, уѣздн. предв. дворянства. Владѣль при селахъ: Чуфаровѣ, Александровкѣ и Абрамовѣ, Лукояновскаго у., 463 дес. Ж. Ольга Александр. Александрова, †. 147
Ольга Львов.
Марія Львов.

XXII.

154 Александръ Александровичъ, р. 3 окт. 1863 г.; колл. асс.; земскій начальникъ въ Богородскомъ у.; богородскій уѣздн. предв. дворянства. Ж. Ольга Николаевна Рѣшетова.
155 Григорій Александр., род. 15 сент. 1868 г.; поручикъ л.-гв. 2 стрѣлковаго батальона.
156 Сергѣй Александр., р. 9 іюня 1878, † 21 авг. 1898 г. холостымъ. Корнетъ 3 сумскаго драгунскаго полка.
157 Николай Александр., р. 3 апр. 1885 г.
158 Петръ Александр., † младенцемъ.
Наталія Александр., род. 6 авг. 1858; за мировымъ судьею Павломъ Аркадьевичемъ Воронцовымъ-Вельяминовымъ. 155
Марія Александр., р. 4 іюля 1862; за земскимъ начальникомъ Николаемъ Владимір. Быковымъ.
Ольга Александр., р. 28 ноября 1864; за Ник. Ник. Павловымъ.
Софія Александр., † младенцемъ.
Анна Александр., род. 27 апр. 1867 г.; фрейлина вел. княг. Милицы Николаевны.
Надежда Александр., р. 10 ноября 1871 г.
Вѣра Александр., р. 19 дек. 1872 г.
Елена Александр., р. 16 авг. 1890 г.
159 Левъ Анатоліев., р. 7 іюня 1870; 1892 г. корнетъ митавскаго драг. полка; 1893 корнетъ гродненскаго гусарскаго полка; поручикъ; земскій начальникъ въ Лукояновскомъ у. съ 1896 г. Ж. Александра Николаев. Добролюбова; владѣлъ при селахъ Большомъ Болдинѣ и Пекшенѣ, Лукояновск. у., 886 дес. 157
Вѣра Анатоліев., р. 27 мая 1871 г.
Александръ Анатоліев., р. 30 дек. 1872.
160 Надежда Анатоліев., р. 30 іюля 1875 г.

Въ роспись не вошли слѣдующіе Пушкины:

1) Упоминаемые въ писцовой книгѣ Вотской пятины Самсона Дмитріева 1582 г. «въ Сабельскомъ погостѣ... Булгаковское да Курбатовское да Микитинское помѣстье Игнатьевыхъ дѣтей Пушкина, пустошь, что была деревня Лобожа, а въ ней 3 мѣста дворовыхъ крестьянской пашни, лѣсомъ поросло пятдесятъ четь вполѣ, а вдву по томужъ, сѣна восемдесять копенъ впустѣ 5 обежъ. (Вѣроятно дѣти № 30 росписи).

2) Упоминаемый въ писцовой книгѣ Шелонской пятины 1498 г. Степанъ Пушкинъ съ дѣтьми: они владѣли: а) въ Опотьцкомъ погостѣ: 1) съ Ив. и Кузьм. Яковлев. Коспцкими и Ив. Татищевымъ въ деревняхъ Невадино и Боровичи; 2) съ Ив. Татищевымъ д. Теребутици и 3) д. Райци и д. Подолжицы; б) въ Дубровенскомъ погостѣ: 1) д. Липовици, Задубровье, Ожогово, Пяттино, 2) съ Ив. Татищевымъ д. Волугя и Кляново и 3) съ Ив. Чоглоковымъ, Ник. Есюковымъ и своеземцемъ Ив. Алекс. Падиногою дд. Вязно, Тачищо, Высотцкое, Подолъ и Кустерекъ.

Всего за Степ. Пушкинымъ съ дѣтьми 30 дворовъ, а людей 39 (Степанъ П.—вѣроятно № 38 росписи).

3) Въ 1539 г. въ Шелонской пятинѣ Ив. Пушкинъ владѣлъ съ 2 братьями Шишкиными въ д. Кляновѣ (вѣроятно № 55 росписи).

4) Въ 1539 г. жена Михаила Пушкина, Марія, имѣла съ 2 братьями Шишкиными д. Лунь Шелонской пятины Михайловскаго погоста.

5) Въ 1582 г. въ Павскомъ погостѣ Шелонской пятины за злобою Иванов. Пушкинымъ была усадьба на погостѣ—(1—5 см. въ писц. книгахъ изд. археографич. ком.).

6) Въ 1499 г. въ Локотцкомъ погостѣ Деревской пятины «князь велики пожаловалъ Михайловыхъ дѣтей Пушкина: Ивашка, да Гридю, да Тишицю, да Гридю-жъ за Микиѳорика придалъ имъ къ старому ихъ помѣстью. А подѣлиться ими тѣми обжами промежъ себя самимъ: Ивашку 6 обежъ, и Гридѣ 6 обежъ, а Тишицѣ 8 обежъ, да Гридицѣ-жъ 7 обежъ, а Микиѳорину пол-семь обжы» (Неволины. Пятины 215).

7) Тихоміръ Юрьевичъ П., новгородскій сынъ боярскій, убитъ 2 окт. 1552 г. при взятіи Казани.

8) Евстафій П., письменный голова въ Тобольскѣ въ 1601—2 (м. б. не письмен. голова, а воевода № 76 росписи).

9) Михаилъ П., воевода Устюгинскій 1614.

10) Евсевій Силичъ П., стольникъ; съ 1685 г. ж. Анна Ѳедор. Рыкунова (она въ 1 бр. за Вас. Гавр. Лаптевымъ, во 2 бр. за жильцемъ рейтарскаго строя, бѣжецкимъ помѣщикомъ Яковомъ-Ульяномъ Рыкачевымъ и въ 3 бр. за Е. С. Пушкинымъ).

11) Сила Ѳедоров. П., съ 13 января 1695 г., ж. Мавра Адріановна Суворова.

12) Никита Ив. П., воевода тобольскій 1671 г.

13) Савлукъ П. и кн. Вас. Мих. Мосальскій-Кольцовъ поставили Матазейскій острогъ и были тамъ воеводами 1601—2 г.

14) Матвѣй Ѳедор. П., дворянинъ, упоминается въ боярскомъ спискѣ 1611 (изд. П. П. Лихачева).

15) Ефимъ П., 1707 г. прапорщикъ преображенскаго полка.

16) Никита П., въ 1708 г., его жена написала подметное письмо о неисполненіи Петровыхъ нововведеній (Соловьевъ, послѣдн. изд. на 4 стр. 26—27).

17) Никита П., воевода Волподскій въ 1608 г. присягаетъ Тушинскому царю. (Солов., послѣдн. изд., т. 2, стр. 863).

18) Иванъ П., въ 1613 началъ подъ Орломъ битву противъ Лисовскаго (не № ли 77 росписи).

19) Венедикта Даниловна П., игуменья Троицкаго монастыря въ г. Колязинѣ съ 1709—1731 г.

20) Петръ П., въ 1713 г. въ числѣ молодыхъ дворянъ «для изученія новшацкой науки» посланъ въ Амстердамъ.

21) Никита П., мичманъ 1752.

22) П., поручикъ, въ 1752 г. дѣло о его бракѣ въ синодѣ.

23) Вслѣдствіе волненія заводскихъ крестьянъ въ Воронежской г. Екатерина Великая нарядила комиссію изъ Петра Панина, Николая Муравьева, кн. Вяземскаго, Шлаттера и Аполлона Пушкина, относительно заводовъ и приписанныхъ къ нимъ крестьянъ.

24) Любимъ Ив. П., бригадиръ, ж. Марія Яковл. Ушакова.

25) Ѳедоръ Алекс. П., д. с. с. (1800); воронежскій гражданскій губернаторъ 1801—2; въ службѣ съ 1762.

26) П., генер.-маіоръ, командиръ рижскаго драг. полка (1800).

27) Михаилъ П., въ 1761 г. изъ полковыхъ сержантовъ преображенскаго полка произведенъ въ офицеры (не № ли 132 росписи?).

28) П., изъ пажескаго корпуса въ 1809 г. поручикомъ въ мушкатерскій гр. Аракчеева полкъ; въ 1810 г. переведенъ въ св. Е. В. по квартирмейстерской части.

29) П., ж. Софія Александр. Ланская (серед. XIX в.).

30) П., ж. Елисавета Ив. Змѣева (серед. XIX в.).

31) Александра Ив. П., за ксн. Николаемъ Петров. Черносвитовымъ, помѣщ. Веневск. у. (1898 г.).

32) Никифоръ Изотичъ П., р. 1758, † 14 окт. 1831, д. с. с., членъ кабинета, смотритель каменноостровскаго дворца; ж. Евпраксія Аристарховна Кашкина, р. 1765.

33) Анна Изотовна П. (сестра № 32), † 1835; съ 24 окт. 1798 г. за контръ-адмираломъ Матв. Михаилов. Муравьевымъ, р. 1762, † 1823.

34) Андрей Никифор. П. (сынъ № 32), полковникъ, авторъ «Записокъ о воен. укрѣпленіи» изд. въ 1825 г. по Высоч. повелѣнію.

35) Екатерина Никифор. П. (дочь № 32) съ 16 авг. 1822, за кол. сов. Николаемъ Васильев. Хвостовымъ, р. 9 мая 1793, † 1837.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) По знатности Пушкины принадлежали къ второразрядной аристократіи, имѣвшей въ XVII в. право на полученіе чина окольничаго, минуя низшія чины; такихъ родовъ было 15. Къ перворазрядной аристократіи принадлежало 16 родовъ, представители коихъ имѣли право быть пожалованными прямо въ бояре.

Очень любопытно для характеристики Матвѣя Степановича Пушкина его мѣстничество съ бояриномъ Афанасьемъ Ординъ-Нащоки-

нымъ, когда Матв. Степ. былъ только стольникомъ. Пушкинъ не хотѣлъ ѣхать за польскими послами, переговоры съ которыми велѣно вести Нащокину. Царь посадилъ Пушкина въ тюрьму и велѣлъ ему сказать: «что ему съ Нащокинымъ быть можно, и если не будетъ, то вотчины и помѣстья отнимутъ»; Пушкинъ отвѣчалъ: «отнюдь не бывать, хотя вели, государь, казнить смертью, Нащокинъ передо мною человѣкъ молодой и не родословный». Пушкинъ настоялъ на своемъ—не былъ у пословъ приставомъ, сказавшись больнымъ. (Соловьевъ, т. III, стр. 681—2).

2) Алексѣй Соковнинъ и его родныя сестры Ѳедора Морозова и княгиня Авдотья Урусова были знаменитые въ свое время раскольники.

3) А. С. Пушкинъ въ своей статьѣ: «Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ» говоритъ, что его пробабка была графиня Головина, младшая дочь 1-го андреевскаго кавалера. Но 1-го андреевскаго кавалера звали не Иваномъ, а Ѳедоромъ Головинымъ. Извѣстіе о смерти пробабки поэта взято изъ той же статьи.

4) Поддѣлка ассигнацій братьями Пушкиными была одна изъ первыхъ. Екатерина II принимала личное участіе въ розыскахъ по этому дѣлу. Императрица приняла участіе въ судьбѣ Н. А. Пушкиной — 11-го октября 1772 г., она писала кн. Михаилу Николаевичу Волконскому: «Есть ли жена бывшаго Михаила Пушкина станетъ просить дозволенія ѣхать съ нимъ въ ссылку, то въ ономъ не вижу препятствія, но многіе есть примѣры, что женамъ такихъ безчастныхъ дозволено было съ ними ѣхать». Н. А. Пушкина, уѣзжая къ мужу въ Тобольскъ, оставила своего малолѣтняго сына на рукахъ своей пріятельницы Прасковьи Владиміровны Мелиссино, рожден. кн. Долгоруковой. Время ссылки М. А. Пушкина въ Тобольскѣ совпадаетъ со временемъ ссыльнаго житья (1787—1802) тамъ же извѣстнаго стихотворца и журналиста Панкратія Платоновича Сумарокова, род. 14-го октября 1765 г. † 1-го марта 1814 г., сосланнаго тоже за поддѣлку ассигнацій. Перу М. А. Пушкина принадлежитъ стихотвореніе, написанное въ отвѣтъ на стихотвореніе Николаева «На смерть г.-м. кн. Сергѣя Абрамовича Волконскаго». Приводимъ его цѣликомъ.

Чрезъ горы, чрезъ лѣса, чрезъ рѣки и стремнины,
Въ полночный льдистый край, гдѣ жизнь влачу степя,
Плачевныхъ дней моихъ гдѣ скоро жду кончины,
Твой безподобный гласъ достигнулъ до меня.

Почтенный человѣкъ и другъ нелицемѣрный!
О другъ Волконскаго! внемли словамъ моимъ!
Стѣсненный горестью, бѣдами удрученный,
Мой духъ днесь возбужденъ сталъ подвигомъ твоимъ.

Коль гласъ преступника вниманія достоенъ,
Прими признательность изъ нѣдръ души моей!..
Супругой я призрѣнъ... я ею успокоенъ...
Я ей дышу!... А ты берешь участье въ ней!

Ахъ! чѣмъ воздамъ тебѣ?.. Но мнѣ ли то удобно,
Чтобъ добродѣтели достойно мзду воздать!
Раскаянье одно преступнику лишь сродно:
Стенать есть часть его; а долгъ его — молчать.

(Пам. книжка Тобольск. губ. на 1884 г., стр. 317).

5) В. Л. Пушкинъ принадлежалъ къ стихотворной школѣ, основанной Карамзинымъ и Дмитріевымъ. Дарованіе его было не велико, но несомнѣнно. Слогъ его пріятенъ и свободенъ. Произведенія его отличаются вкусомъ, что В. Л. выставлялъ главнымъ ихъ достоинствомъ («вкусъ варварскій гоню и ненавижу»). Онъ сотрудничалъ въ «Аонидахъ». Письма его изъ заграницы къ Карамзину помѣщены въ «Вѣстникѣ Европы» 1803 г. № 14 и 20. Онъ перевелъ на французскій языкъ нѣсколько русскихъ народныхъ пѣсенъ («Archives littéraires» или «Mercure de France» въ 1803 или 1804 г.). Перевелъ съ англійскаго нѣсколько отрывковъ изъ Томсоновой поэмы «Четыре времени года». Стихотворенія его (посланія, элегіи, басни, мадригалы, эпиграммы) изданы въ 1822 г. Въ 1829 г. въ «Подснѣжникѣ» и «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» напечатаны 2 главы стихотворной повѣсти: «Капитанъ Храбровъ». Въ 1827 г. въ «Литер. Музеумѣ» помѣщена его статья: «Замѣчанія о людяхъ и обществѣ». Наиболѣе выдающееся его сочиненіе — это стихотвореніе: «Опасный сосѣдъ», имѣвшее 5 изданій.

6) О. А. Ганнибалъ, при жизни жены, женился на вдовѣ капитана У. Е. Толстой. По Высочайшей резолюціи 1784 г. онъ разведенъ съ Толстой, и утвержденъ 1-й бракъ. Онъ владѣлъ с-цмъ Михайловскимъ Опочецкаго у. и с-цмъ Кобрино Петербургской губ. (Петергофскаго у.).

7) Дантесъ, съ 1836 г. ж. Екатерина Николаевна Гончарова, сестра Натальи Николаевны Пушкиной. Ихъ отецъ Николай Афанасьевичъ Гончаровъ † умалишеннымъ, былъ ж. на Кат. Ив. Загряжской.

ПУШКИНЪ НА ХАЛДЕЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Въ Закавказьѣ, на границахъ съ Персіей, разбросано нѣсколько бѣдныхъ деревушекъ, въ которыхъ проживаютъ выходцы изъ Персіи, бывшіе христіане-несторіанцы (древніе халдейцы), которые въ послѣднее время приняли православіе; а рядомъ съ ними живущіе персы-айссары—и нынѣ христіане-несторіанцы. Еще въ февралѣ 1898 г., отправилась въ С.-Петербургъ депутація съ супурганскимъ епископомъ Маръ-Іоной (бывш. Іоанномъ), съ архимандритомъ Иліей армудагачскимъ, двумя священниками и другими лицами. 25 марта 1898 г. они были торжественно присоединены къ православной церкви въ Александро-Невской лаврѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, по присоединеніи, отправились на свою родину, въ Урмію; другіе же, для лучшаго знакомства съ православною церковью, съ литературой и русской рѣчью, остались въ Россіи. Въ настоящее время, пользуясь предстоящимъ юбилеемъ великаго поэта, при содѣйствіи полковника войска донского Андр. Ив. Золотарева и архимандрита Иліи армудагачскаго, перевели на сирохалдейскій языкъ прилагаемыя при этомъ нѣсколько стихотвореній А. С. Пушкина, которыя и вошли въ настоящій «Сборникъ».

Айссары-христіане-несторіане (халден), когда-то процвѣтавшіе своимъ богатствомъ и соперничавшіе въ блескѣ съ Византіей, были подавлены движеніемъ мусульманскаго міра.

При нашествіи грознаго Тамерлана, въ XIV в., несторіане бѣжали въ глубь Азіи, въ горы Курдистана. Нѣсколько сотъ лѣтъ они жили отрѣзанными отъ всего христіанскаго міра, подвергаясь систематическимъ набѣгамъ и истребленіямъ со стороны дикихъ курдовъ, и только въ послѣднее время вошли въ сношенія съ христіанскими церквами Запада и Востока. Часть несторіанскихъ христіанъ, сиро-халден, живущіе въ горахъ Персіи, близъ озера Урміа, уже давно тяготѣли къ православію, и съ 1859 г. съ ними уже начались переговоры о возсоединеніи ихъ; но только черезъ 40 лѣтъ переговоры эти увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ. Въ мартѣ 1898 г., какъ сказано выше, послѣдовало возсоединеніе епископа супурганскаго Маръ-Іоны, архимандрита армудачагскаго Ильи, священниковъ Георгія Веджанова и Сергія Вадалова и діакона Іакова съ ихъ сиро-халдейской паствою.

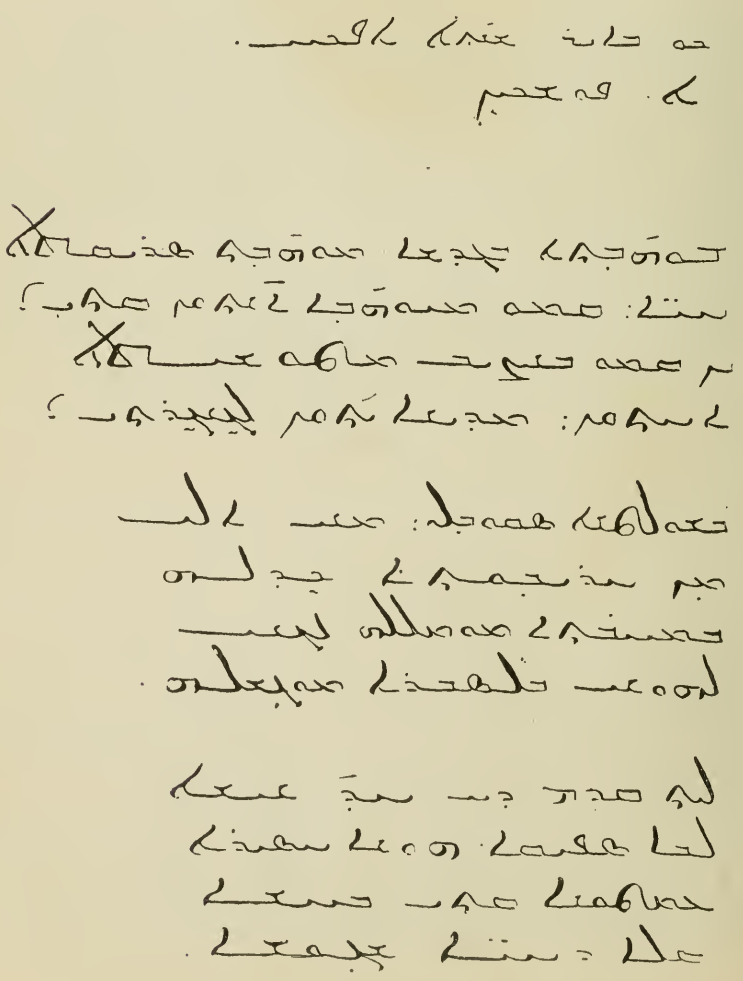
Въ Урміи до 1896 года было два епископа: одинъ изъ нихъ назывался епископомъ урмійскимъ, другой епископъ супурганскій. Въ 1897 г. епископъ урмійскій отправился къ патріарху Мартумону, живущему въ Курдистанѣ, въ предѣлахъ Турецкой имперіи, тамъ захваченъ былъ врасплохъ и убитъ, и съ нимъ погибли сопутствующіе его 12 священниковъ подъ ударами дикихъ курдовъ.

Нынѣ соприсоединенный епископъ Іона управляетъ епархіями урмійской и супурганской, имѣетъ мѣсто своего пребыванія въ городѣ Урміи, совмѣстно съ русской православной миссіей и усердствуетъ о присоединеніи несторіанъ къ православной церкви; присоединеніе это идетъ довольно успѣшно. Для упроченія же православія, крайне желательно устройство тамъ храмовъ, школъ и больницъ, чтобы не отставать намъ отъ другихъ миссій, находящихся въ Урміи и зорко слѣдящихъ за всякимъ нашимъ шагомъ на пути просвѣщенія.

Мы прилагаемъ два перевода изъ Пушкина на халдейскій языкъ «26-го мая 1828 г.» и «Воспоминаніе».

I.

26 мая 1828 года.



II.

Воспоминаніе.

Н. К. Кульманъ.

УКАЗАТЕЛЬ

ПУШКИНСКОЙ ЮБИЛЕЙНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(до 12-го мая).

Автографы Пушкина. Изд. Суворина.

М. Н. Аралова. Русскіе поэты о Пушкинѣ. Юбилейный сборникъ стихотвореній.

А. К. Бороздинъ. Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина.

П. Борзенковскій. Великій поэтъ А. С. Пушкинъ.

К. Н. Бѣгичевъ. Пушкинъ на Кавказѣ.

И. Н. Божеряновъ. «Поэты-поэту». Сборникъ стихотвореній, посвященныхъ А. С. Пушкину на его кончину и открытіе памятника въ Москвѣ.

И. А. Вв—скій. Панихида на могилѣ А. С. Пушкина 26-го мая 1880 г. (изъ личныхъ воспоминаній).

Е. В. Біографія А. С. Пушкина (изд. К. П. Тихомірова).

Н. В. Владимірова. А. С. Пушкинъ. Его жизнь и дѣятельность. Краткій біографическій очеркъ.

М. Доманскій. Памяти А. С. Пушкина.

М. Дьякова. Біографія А. С. Пушкина для дѣтей младшаго возраста.

Дѣло о Пушкинѣ. Изд. Пушк. ком. Одесск. Лит. артист. Общ.

Ив. Ив. Ивановъ. Пушкинъ.

В. В. Каллашъ. Русскіе поэты о Пушкинѣ. Сборникъ стихотвореній.

Вл. Н. Ладыженскій. А. С. Пушкинъ. Чтеніе для народа.

Д. И. Лобановъ. О мѣстѣ дуэли А. С. Пушкина.

С. Мамонтовъ. Смерть Пушкина. Драматическія сцены.

Н. Марковъ. А. С. Пушкинъ. Выбран. соч. поэта въ связи съ его біограф.

В. Никольскій. Поэтъ и читатель въ лирикѣ Пушкина.

Н. Я. Романовъ. Юбилейный сборникъ историко-литературныхъ статей о Пушкинѣ.

Д. И. Сапожниковъ. Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина.

В. В. Сиповскій. Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ (изъ литературной жизни Пушкина на югѣ).

М. Соколовъ и Л. Гольдманъ. Пушкинъ въ образцахъ и музыкальныхъ мотивахъ съ портретомъ и біографіей поэта (для школъ и народа).

В. Т. Гдѣ же родился А. С. Пушкинъ? (сборникъ статей по вопросу о мѣстѣ рожденія А. С. Пушкина).

Дм. И. Тихоміровъ (редакторъ). Пушкинскій сборникъ (2 отдѣла: 1) отрывки изъ соч. Пушкина; 2) статьи и стихотворенія, посвященныя Пушкину).

Е. и Д. Тихомировы. А. С. Пушкинъ. Чтеніе для школъ и для народа.

Л. Турыгина. А. С. Пушкинъ въ области музыки.

А. Филоновъ. Борисъ Годуновъ А. С. Пушкина, опытъ разбора со стороны исторической и эстетической.

П. Черняевъ. А. С. Пушкинъ, какъ любитель античнаго міра и переводчикъ древне-классическихъ авторовъ.

И. А. Шляпкинъ. Къ біографіи А. С. Пушкина (малоизвѣстныя и неизвѣстныя документальныя данныя).

МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ, ИЗДАННЫЯ КЪ ПУШКИНСКОМУ ЮБИЛЕЮ.

Альбомъ въ память А. С. Пушкина (19 романсовъ и 2 дуэта на его слова). Изд. Бесселя и К°.

Н. Александровъ. Хвалебная пѣснь А. С. Пушкину. Слова Я. П. Полонскаго.

М. Буткевичъ. «Онъ памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный».

В. Главачъ. Хоръ на слова К. Случевскаго.

Н. Зубовъ. Скорбная лира памяти Пушкина. Вальсъ.

Е. Ивановъ-Смоленскій. Гимнъ А. С. Пушкину. Слова Н. Сперанскаго.

М. Ипполитовъ-Ивановъ. Кантата памяти А. С. Пушкина.

Г. Козаченко. Юбилейная пѣснь Пушкину.

Лисицынъ. Памяти А. С. Пушкина.

Никитинъ. Памятникъ. Слова Пушкина.

М. Прибикъ. Кантата въ честь Пушкина.

А. Рубецъ. Два хора «Слава Пушкину» въ память 26-го мая 1899 г.

М. Слоновъ. Слава Пушкину.

Его же. Памяти Пушкина.

Его же. Зимній вечеръ. Слова Пушкина. Для школьнаго пѣнія.

«Элегія» для струннаго оркестра. Изд. въ Кишиневѣ.

«Геній и смерть». Пантомима. Муз. В. Ребикова.

ИЗДАНІЯ СОЧИНЕНІЙ А. С. ПУШКИНА.

Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина съ иллюстраціями академика К. В. Лебедева. Изд. Сытина въ 1-мъ и 2-хъ томахъ.

Избранныя сочиненія А. С. Пушкина съ біогр. и иллюстр. Его же изд.

Избранныя сочиненія А. С. Пушкина. Юбилейное изд. для школъ и народа К. П. Тихомірова.

Избранныя сочиненія А. С. Пушкина для дѣтей школьнаго возраста. Подъ ред. Д. П. Тихомірова.

Сказка о царѣ Салтанѣ съ рисунками С. В. Малютина. Изд. Мамонтова.

Пушкинскій Сборникъ. Подъ ред. Н. Никольскаго.

КРОМѢ ТОГО ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ.

Русланъ и Людмила, сказка о спящей царевнѣ и семи богатыряхъ съ рис. С. В. Малютина. **Капитанская дочка** и **Дубровскій** съ рис. К. С. Высотскаго. Изд. Мамонтова.

Повѣсти Бѣлкина съ рис. Н. Кравченко и **Капитанская дочка** съ рис. Т. Михайлова. Изд. Суворина.

Соч. А. С. Пушкина. съ 60-ю рис., изд. Черноярова и К°.

Многія другія изд. для школъ, народа, нижнихъ чиновъ и т. д.

ПОПРАВКИ.

Напечатано:	*Слѣдуетъ:*
Стр. 12, 4 строка снизу — ...тѣнь проносится порой	...тѣнь проносится порой,
Стр. 14, 1 строка сверху — ...подъ ихъ навѣсомъ.	...подъ ихъ навѣсомъ,
Стр. 36, 4 строка сверху — ...Онъ миновалъ	...ужъ миновавъ
Стр. 43, 7 строка сверху — скорбя,	...любя.
Стр. 327, 1 строка сверху — нудьбу́,	...нудгу́
Стр. 329, 20 строка сверху — ...то же	...тоже
Стр. 329, 21 строка сверху — ...есть что-то	...есть, какъ будто, что-то...
Стр. 330, 6 строка сверху — ...Я былъ	...Мнѣ было жутко. Я былъ
Стр. 330, 8 строка снизу — ...Люди	...Эти люди
Стр. 334, 1 строка сверху — ...кипу,—	...кипу и усмѣхаясь,—

BINDING SECT. JAN 27 1969

PG
3352
P87

Pushkinskiĭ sbornik

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY